

"Две жизни" (ч.ІІ, т.1-2)

Конкордия Евгеньевна Антарова (Кора)

**АНТАРОВА (Кора) Конкордия
Евгеньевна**

"ДВЕ ЖИЗНИ"

Часть II. Том 1-2

Том 1

Глава 1

БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ ИЗ К. В ЛОНДОН. СВАДЬБА

Спешно покинув сад дома дяди Али, Наль, в сопровождении двух слуг, из которых один был её двоюродным дядей, переодетым слугою, молодого Али и капитана Т., вошла в его дом, где она никогда не бывала и даже представить себе не могла, что такое может случиться. Выросшая в двойственной обстановке, даваемая всеми условностями гаремной жизни, Наль тем не менее была образованна и теоретически знала жизнь цивилизованного и культурного общества благодаря Али Мохаммету, который боролся с затворничеством женщин всюду, где только была для этого возможность.

У Наль всегда были европейское платье и обувь, к которым её, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая негодование старой тётки и прочего синклита из муллы и его фанатиков-правовверных.

И девушка безо всяких затруднений переделалась в костюм, приготовленный для неё дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махомеда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Без плача рассталась она с братом, только кинулась ему на шею, хотя в глазах обоих блеснули слёзы.

— Мужайся, Наль. Всё случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал, так оно и должно быть. Если он тебя отдал капитану Т. - значит, таков твой путь. А счастье твоё зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди весело и старайся понять, зачем дядя создаёт тебе другую жизнь. Одно только помни: у нас с тобою общий завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нём не напоминало того полумёртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подаёт капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и. нет для нас ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек в руки, завернувшись в покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейское платье, настолько же трудно оказалось побороть привычку к покрывалу и

оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидя её в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришёл в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и какой уликой являются её косы, Наль не дала опомниться изумлённому капитану и отхватила ножницами косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула шляпу на лоб.

Набросив на неё лёгкий шёлковый плащ, капитан сказал: — Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идёте без страха, мы победим и выполним поставленную перед нами задачу.

— Я не знаю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы в коляску. Лошади сразу перешли на рысь, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была на улице ночью, даже за воротами сада, — шептала Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого едва узнавала в непривычном штатском платье.

— Перейдём на английский, Наль. Теперь вы — графиня, жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как помните из английских книг. Вот вам покрывало, — и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опереться на мою руку и до самого момента отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — достаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, которому только кивают или объясняются с ним жестами. Так всю жизнь живут важные дамы. Постарайтесь прожить таким образом одну, две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не завершится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещённому вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря за заказанными заранее билетами. Через несколько минут подошёл поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и

прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично убедился в том, что его супруга устроена удобно, любезно с ней простился и сказал, что утром придёт её проводить. Всё было чуждо Наль, незнакомо и неудобно. У неё было до того растерянное личико, что лорд-муж, уже выйдя в коридор, спросил, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначащими фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у ней бессонница, — сказал лорд мнимому секретарю. Поцеловав руку жене, он шепнул ему:

— Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнёте у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе — как делал это уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Всё её поражало. Дядя должен был объяснить ей устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга. — А как мы туда доберёмся?

— Сядем на пароход на Неве, Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем плыть морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу качку. Придется капитану Т. самому караулить свою важную жену, — смеялся дядя. — Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане найдёшь лёгкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты этого желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины не обдумаю.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как в привычной мирной обстановке своего, окруженного виноградником, дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им, при неверном свете свечи, пометки помогали ему не замечать мелькавших станций, и он с удивлением приветствовал капитана,

тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — шёпотом, лукаво улыбаясь, сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колёс, всё молодости нипочём.

Секретарь отправился в отделение своего господина, а тот устроился на соседнем диване.

Наль всё спала, по-детски подложив ручку под щёку. Капитан заботливо задвинул щёлку в занавеске, через которую к волнистой головке подбирался солнечный луч, и снова сел на своё место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Чёрные длинные ресницы бросали тень на розовые щёки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещё вчера он считал невозможным не только быть соединённым с Наль, но даже пройти свою жизнь вблизи неё. А сегодня он едет с нею, получив её из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя её перед всем миром.

"Счастлив ли человек, который несёт ответ сразу за две жизни?" — думал капитан.

Отдавая ему Наль, Али сказал, что она дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

"О, да, — продолжал думать капитан, — выше той любви, когда человек согласен отвечать за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни".

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — медленно просыпаясь, сказала вдруг Наль. — И, знаешь, очень странный мне снился сон. Я всё время видела капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена и нас венчают по-европейски. Правда, смешно? — Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности. — Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорченно сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не огорчайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем роли и тем спасём свои жизни. И жизни всех тех, кто в эти минуты помогает нам. Трудно вам, Наль, путешествовать впервые, да ещё без женской помощи. Будем стараться вести себя так, чтобы нас принимали за важных и влюблённых супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гримёр хороший. Но критиковать вашу прическу — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесать голову, как на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала берусь. Но на модную картинку не согласен. Выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах их носят только на балах, званых обедах, очень изысканно и в меру. Украшения, как шляпы и меха, имеют свои законы. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые надевают, когда едут в коляске.

— Как же всё это постичь, чтобы не быть бестактной и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьёзностью спрашивала Наль.

— Я думаю, вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, вам, Наль, будет легко усвоить внешние правила цивилизации того народа, среди которого мы будем жить. Для начала выньте из волос жемчуг и снимите драгоценности с шеи и ушей. Они чересчур вызывающие для вагона. Найдите какие-нибудь маленькие серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается всё самое драгоценное.

Довольно долго капитан так сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на сложности. — Ну, вот я и готова, — услышал он наконец. Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы её были гладко причёсаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке тяжело от пышных кос, а непривычные шпильки заставляли Наль всё время пробовать рукой, на месте ли её косы. Сквозь тончайший батист просвечивала розовая кожа. Выражение огромных глаз было радостное, доверчивое. Ни облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и любимых. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего этого не было на лице Наль, кроме желания услышать одобрение капитана.

Уверив, что всё в ней прекрасно, капитан проводил жену в умывальную комнату и остался ждать в коридоре.

Мысли о Левушке — до сих пор его единственном близком спутнике — пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира. Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь

без него...

"И здесь я отвечаю за две жизни", — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты в её купе, лорд приказал проводнику позвать секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший, устроил всё по части завтраков и обедов. Наль не пришлось об этом беспокоиться, всё подавалось в купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась с новым бытом, и окружающее перестало её удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения женщин с мужчинами, но выходить, до наступления полной тишины и темноты, из купе она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве, наши путники добрались до Москвы.

Ни слова ни о чём не спросила Наль, и в поезде, следующем в Петербург, уже чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан, что она напряженно размышляет, но не мешал ей решать свои вопросы самой.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к своему открытому лицу, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шёпотом что-то говорил капитану. Она была равна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув никуда, какая жалость, капитан Т.

— Не знать хорошо языка, а только осмотреть дома и галереи — это ведь тоже грустно, Наль. Будет время, и вы увидите много красот, узнаете быт разных народов и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать всё сразу. Сейчас помните только, что вы важная дама, моя жена.

Наши пассажиры поднялись на пароход со вторым гудком. И только когда он отошёл от берега, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он не скрывал бы от меня ничего, видя во мне усердного слугу-помощника. А ведь я ему только племянница.

— Упрёк ваш мне тяжёл, Наль. Особенно потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы

едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает и даже не понимает, как ей вести себя.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу, — подошёл к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему по-английски. — Ваши места оказались врозь, — кидая восхищённый взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан. — Но я могу предоставить вам самую лучшую каюту, куда пассажиры не явились. Если угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а моё место отдать секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил. И буду счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу, — ответил, изысканно кланяясь Наль, капитан.

— Как же мы с вами поедem в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы ещё не знаете, как будете переносить качку. Лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, невысказанно быть такой прекрасной, Наль. Я даже не могу сердиться на всех, кто — от матросов до капитана и от юношей до стариков — очарован вами. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как это делаю сейчас, я бы вёл себя точно так же. А потому и не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала: — Это услышать от вас сейчас мне было нужно. Так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи. У нас всё иначе между мужем и женой. Я думала, что вы недовольны, что уехали со мной.

— Когда мы очутимся в каюте, а не здесь, на ветру, расскажете обо всём, что вы надумали. А пока укройтесь, пожалуйста, Наль, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы ветер не испортил вашу кожу.

— Или ревность не испортила сердца вашему мужу, — низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. — Наши каюты готовы, лорд, и

даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельём и платьем, которые тоже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам уже шёл навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

— Вот так красавец мужчина, — сказала своей подруге разряженная дама.

— Всю жизнь прожил — подобной женщины и представить себе не мог, — говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой.

— Ну, вот придумали, — возразила дама. — Муж — это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена — смазливенькая, каких много.

— Это просто возмутительно! Рост, пропорциональность фигуры, крошечные ручки и ножки, белизна, — ну, а уж глаза — это небо, — возражал франт.

Как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. — Вам сейчас помогут. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдёт. Но вряд ли вам придется побеждать сердца за табльдотом.

— Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы даже не взглянули на меня ни разу.

— Напротив, Наль, я всё ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А видит Бог, ещё о многом надо было подумать.

— Неужели вы уйдёте к этому ужасному табльдоту и оставите меня одну?

— Нет, конечно. Я поищу в сундуке, там, наверное, найдётся какой-нибудь очаровательный халат. Вы снимете своё платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей бороды. Но прежде всего, я велю принести апельсинов, а вот и девушка вам в помощь.

— О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу. Ванну и постель очень хочу. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово сама. Я вижу, как плохо быть приученной иметь семь нянек.

Капитан отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал оттуда прелестный тёплый халат. Бедняжка страдала от прохлады северного лета. Как ни помогали ей лекарства, однако пришлось ей пролежать всё путешествие и лишь изредка в

солнечные дни сидеть в кресле на палубе.

— Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то всё мне кажется уютным, даже шум ливня, — говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа её ручки в своих, и старался помочь ей переносить тяжёлую качку.

— Мы встретим в Лондоне друга дяди Али, Флорентийца, — сказал однажды ей капитан. — Флорентийца? Это что? Его имя?

— Так его все зовут, а имени его ни я и никто не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймёте, что такое красота.

— Это странно. Дядя Али — красавец. Али Махомед — красавец, ещё лучше. Вы, — зарделась Наль, — всех лучше. Разве можно быть красивее вас.

— Я спрошу вас об этом в Лондоне, — засмеялся граф, — после свидания с Флорентийцем.

Наконец, мученьям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подходил к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и здорового графа Т. Загар на его лице от постоянного сидения в каюте с Наль, болезнь которой выражалась в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать, почти сошёл. От чего лицо его, блондина с вьющимися светлыми волосами и тёмными, очень красивыми бровями, сильно выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока за ними не вернутся, граф подошёл к самому парাপету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выразалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, он внезапно просиял и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, быстро прошёл в каюту, укутал жену в плащ и понёс её на берег.

— Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но как ни спешил, тебе всё же пришлось ждать меня, — говорили по-английски очень приятным, нежным по тембру, но довольно низким голосом.

— Поверьте, я ждал бы до конца разгрузки парохода, раз вы приказали ждать здесь.

— Это по-твоему! Во всём, всегда и везде можно быть уверенным, что ты выполнишь точно приказ, — произнёс тот же голос. — Не тревожься о Наль, дай мне её на руки и веди сюда своих инвалидов. Видишь у сквера зелёную карету? Веди прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки приподняли её. Ей

показалось, что человек этот намного выше Николая, как назвал незнакомец её мужа. Сначала ей хотелось протестовать, сказать, что она вовсе уж не так слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но едва очутилась она в руках незнакомца, неизъяснимое счастье, почти блаженство, охватило её.

— Отец, — невольно прошептала Наль. И — точно подслушал незнакомец шёпот её уст и сердца — ещё нежнее обхватили её сильные руки. Точно как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тётки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя защищенной. Ей и не надо было видеть того, к чьему сердцу она доверчиво приникла, — она чувствовала себя слитой с ним ещё крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и двинулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у двухэтажного особняка, окруженного садом.

— Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, назначенных тебе и ей, — обратился Флорентиец к Николаю. — А ты проводи своих друзей в комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три, четыре они проспят и тогда смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса — на них и иди.

Легко, как будто бы Наль была куклой, вышел Флорентиец из экипажа, сказав что-то на непонятном ей языке, очевидно, слуге, и стал подниматься по лестнице.

Наль было стыдно, что её несут, как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые узнанной ею любви к отцу заставляло её сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро её поставят на ноги.

Положив её на диван. Флорентиец, смеясь, откинул с её головы плащ и ласково сказал:

— Теперь посмотри на того, кого в мыслях ты уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твоё угадало раньше уст?

— О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! — прикрывая глаза рукой, сказала Наль. — О отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковёр и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у её изголовья.

— Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. Называя меня отцом, ты только берёшь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфету, и через час будешь бегать не хуже, чем по саду дяди Али.

Можешь ли объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила своё право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу так не назвала.

— Это очень странно, отец. Действительно, ведь всё, что я имела в жизни до сих пор, — всё от дяди Али. Всё через него. Всё — его заботами и даже борьбой и подвигом. Всё, всё, — зардевшись, говорила Наль, — и... капитан Т., которого ты зовёшь Николаем, и даже встреча с тобой, отец, — всё только от него, дяди Али.

Но объяснить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то чтобы со страхом смешана... Но он так силен. Так недостижимо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я всё чувствовала, что между нами словно огромная гора света, и проникнуть за неё я не могла. А увидела тебя, отец, и даже ещё не видя, уже почувствовала, как мне просто, как легко с тобой. Если ты меня оставишь, — я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, — горько вздохнула Наль, — меня не удержала бы на земле без тебя.

— Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чём ты сомневаешься?

— Нет, отец, я ни в чём не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда, — значит, здесь моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем — муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

— Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

— Никто не говорил. Только, видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тётка всё объясняла мне, как муж обращается с женой, если её любит. Но...

— Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, что вынесла ты из гаремной жизни. Немного времени пройдёт, и ты поймёшь всю силу любви и преданности Николая. Немало жертв Николай тебе принёс, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и

честна, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь ваша прежде всего заключается в той новой, освобожденной семье, которую вы оба должны создать. Ну, вот и муж твой. Сюда, Николай. Приподняв портьеру, на пороге показался Николай. — Ну, конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

— Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы называть вас как-то иначе, чем зовёт вас Левушка. Но я буду звать вас так, как зовёт отец. У меня в ушах будут звенеть два голоса — его и мой собственный — каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

— Всё это хорошо, дочь моя, времени у нас впереди много, мы ещё обо всём поговорим. А сейчас иди в ванную. Надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил для тебя девушку-горничную. Она никогда этим раньше не занималась, но жизнь того потребовала. У неё — старушка мать и младший брат, которого надо учить. А найти женщине в Лондоне кусок хлеба, чтобы содержать ещё двух человек, — почти невысказано. Я взял сёк себе, имея в виду куда-либо пристроить. Она знает языки, знает этикет, у неё много вкуса. И будет тебе полезна. Я её сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Спустившись с лестницы, он вошёл в чудесную комнату с балконом, обитую зелёными шёлковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева, с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал: — Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду послышались поспешные шаги, и на дорожке показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату.

— Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Сама знаешь, как много Ананда для тебя сделал, и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, нарушила его. Тяжела теперь твоя жизнь, ставящая тебя постоянно в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу она выбивает из тебя крючки зависти и ревности.

— Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась своего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что ударила в моего милосердного поручителя стрелами страсти и зависти. Но жизнь в вашем доме — более чем счастье. Моё сердце чисто. В нём теперь нет ни зависти, ни пристрастий, ни осуждения, но я должна доказать, что понимаю теперь счастье жить в служении вам. И этим снять с Ананды ответ за себя.

— Уверена ли ты, что всякий труд понесёшь радостно? Что не

проснутся в тебе вновь гордость и чувство унижения? Или ревность и зависть к чужой блестящей жизни?

— Я уверена. Уверена не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинности любви к людям, проснувшейся во мне.

— Если бы я сказал тебе стать слугой у юной, прекрасной как мечта женщины? Служить ей горничной, нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей по части манер и одежды, потому что она азиатка и не знает не только света, но даже не видела вовсе европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

— Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась к нему.

Долго-долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самого дна проникал его взгляд и читал не только её теперешнее состояние, но и всю будущую её жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал:

— Слово твоё отзовётся в веках. Я ставлю свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, надежда многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она к тебе поначалу и будет ли вообще.

— Я сама буду великодушна. Благословите меня. Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни пыталось проникнуть ко мне зло.

Дория опустила на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую суку.

— Пойдём, она ждет, — сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отёрла влажные глаза и казалась удивлённой. — Да, это здесь, в моём доме, и тебе никуда уезжать не надо.

— Какое счастье, — радостно воскликнула Дория. Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

— Привыкай к роли горничной и учись ходить позади госпожи и господ.

Войдя к Наль, он подвёл к ней Дорию и сказал: — Вот горничная, как я тебе обещал, дочь. Её зовут Дория. — О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, — подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей так верно, как только сумеет.

— О Дория, как вы меня огорчили. Зачем вы поцеловали мне руку. Я возвращаю вам поцелуй. — И раньше, чем кто-либо успел опомниться,

Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

— Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю.

Отец, я уже успела осмотреть комнаты, что вы назначили мне. Куда мне столько? Можно Дории жить в прелестной угловой, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

— Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай, как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберёшь в плен, — шутил Флорентиец. — Но времени теперь не теряй. Приведи себя в порядок и спускайся завтракать по звуку гонга. Он даётся за четверть часа.

С этими словами хозяин дома ушёл, уводя с собой Николая. — Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться, я не знаю.

— Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в неё и вернусь поискать что-нибудь подходящее. Вы наденете то, что вам понравится больше. Если же не понравится ни один из туалетов, мы потом съездим в город и купим всё, что будет нужно.

— Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе, чем по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как у нас в стране. Если же здешние приличия требуют меня величать, то величайте только на людях.

Выйдя из ванны, освеженная, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с детским восторгом рассматривала приготовленные Дорией платья.

— Эти все годятся для завтрака, — сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. — Господи, как вы прекрасны, — сказала она, распуская её роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и слуга сунул Дории в руки узелок, завязанный в чудесный персидский платок. — Для Наль, — сказал он и ушёл.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

— Что это? Точь-в-точь ваши вьющиеся волосы. — Они самые и есть. Шляпа на них не лезла, да и выдали бы меня с головой. Даже у нас, где у многих хорошие волосы, мои косы до полу всех удивляли. Вот я их и отрезала, — спокойно ответила Наль.

— И вам не жаль было лишать себя такой исключительной красоты?

— Ах, Дория. Красота — это такое растяжимое понятие. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть ещё и божественно прекрасна.

— Да, — засмеялась Дория, — я согласна, что вы божественно прекрасны, и никская богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы гонг пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны, Дория укрепила причёску жёлтым черепаховым гребнем и такими же шпильками, отделанными мелкими бриллиантами Наль стала выбирать платья.

— У нас надевают много халатов, один на другой. А как по вашему обычаю, нельзя ли надеть все платья сразу? Они так прекрасны.

— Нет, никак нельзя, — смеясь, разводила руками Дория. — Надо решиться на что-нибудь одно.

— Как жаль, — так серьёзно сказала Наль, что Дория снова покатилась со смеху. Наль вторила ей и, наконец, надела золотистого мягкого шёлка платье, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выступающая из едва открытого ворота, короткие рукава, — всё изменяло Наль до неузнаваемости.

— Я вижу, вернее слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти? — услышала Наль голос Николая.

— Ах, нет, никак, — закрывая обнажённую шею и ища, чем бы прикрыть голые руки и обтянутое платьем тело, вскрикнула Наль.

— Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, — удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая всё так же шею, с полными слёз глазами стояла перед ним.

— Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чём дело? Я только хотел сказать, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слёзы расстроили меня. Я даже забыл, зачем пришёл.

— Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдётся. И чтобы первый завтрак прошёл весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, — сказал Флорентиец. — Тебе неудобно и неловко в доме отца, а им ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, находиться с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к её чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придется бывать с открытыми плечами среди большой толпы. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты невыносима для зла. Оно бежит её. Надо

иметь в самой себе что-то злое, чтобы зло могло коснуться тебя.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зелёный и бриллиант, на тонкой цепочке из таких же, только мелких камней.

— Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али — это камень силы. Зелёный даю тебе я — это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и улыбнулась. Рядом с величественным Флорентийцем, на прекрасном лице которого лежал безмятежный мир, она была похожа на ребёнка.

— Возьми мою руку, как обучил тебя Николай, и пойдём в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. А за столом мы с Николаем постараемся показать тебе фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы кроме тебя одной этого никто не заметил.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввёл Наль в свою зелёную комнату.

— Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько, что и у Николая.

— Гораздо больше. Здесь, в глубине дома, одна из лучших частных библиотек, Наль, — сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и друг за другом вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин сердечно приветствовал и, взяв обоих под руки, подвёл к Наль.

— Позволь тебе представить, Наль, моих друзей. Это — лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сантанаида. Для тебя просто Сандра. Он ещё мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, — закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, на вид лет под тридцать, плотный, серьёзный, с большими, добрыми и проницательными глазами, приветливо улыбался. Низко склонившись, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошёл. Он был, видимо, поражен красотой Наль и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, чего раньше он не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, чёрными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдержать смеха при упоминании о куклах. И зубы на его смуглом лице сверкали точно мраморные.

— Простите, графиня, но ваш отец заставил меня разом забыть о приличиях, которым так долго и терпеливо обучает меня мой друг, лорд

Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза — простите. — И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя очень просто.

Гонг ударил вторично. Флорентиец подошёл к Наль и повёл её к столу. Стараясь держаться как можно увереннее, Наль всё же не могла скрыть изумления, войдя в столовую, высокие стены и потолок которой были из резного, тёмного дерева. Флорентиец подвёл Наль к длинному столу и посадил её на место хозяйки. Поклонившись Наль, он занял место по правую её руку, по левую сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

В первый раз в жизни не только без покрывала в обществе мужчин, но ещё с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней её верные защитники, которым она добровольно вручила свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, чтобы поскорее перенять всё и облегчить им их заботы.

— Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? — услышала она голос Флорентийца. — Из рук вон плохо, — весело ответил индус. — Неужели всё бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки и не помнишь, из какой рюмки что нужно пить? — О, много хуже, лорд Бенедикт, — ответил Сандра, немало озадачив Наль таким обращением.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей совсем недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но этот немой вопрос он оставил без ответа.

— Мои таланты по части усвоения галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввёл, я непременно оскандалюсь и уж вторично не рискую являться в тот дом, что немало меня печалит, — со вздохом признался Сандра.

— Зато таланты моего молодого друга в науке поразительны, — вмешался лорд Мильдрей, — он сразу перепрыгнул через два курса и недавно сделал работу, которую профессура признала гениальной.

— Я многим вам обязан, граф, — сказал Сандра, обращаясь к Николаю. — Обе книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя брошюра о технике и математике, дали моей разработке такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать похвалы одному. В предисловии я упомянул источник моего вдохновения — вас. Удивление Наль нарастало. Лёгкое прикосновение руки Флорентийца вернуло её на

землю.

— После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моём молодом друге, имя которого Левушка. И объясню, чем ты мне его напомнила, — тихо сказал Флорентиец, пока между Николаем и Сандрой шёл учёный разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

— Всё же ты мне не объяснил, за что тебя не впускают вторично в приличные дома.

— Ах, лорд Бенедикт, это ведь трагедия. Только что лорд Мильдрей растолковал мне, что дамам надо кланяться издали. Идти за ними осторожно, дабы не оборвать оборки на шлейфе и т. д. Я всё это учел, благополучно довёл даму до места и подал ей чашку чая. Завязал я, по моему разумению, самый светский разговор, но мать нашла беседу мало приличной, подседа ближе, чтобы руководить нами, и подсунула мне под ноги свой несносный шлейф. Ну и, конечно, когда я встал, юбка отскочила от пояса, и было это так смешно, что многие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника её платья заключалась в булавках?

— Он, видите ли, лорд Бенедикт, завёл с дочерью разговор о курах и телятах, — снова вмешался лорд Мильдрей. — Ну сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе. Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на ней юбка, чем насмешила всё подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, Наль была удивлена, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти в тон её платью.

Флорентиец предложил Наль самой подать гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнул:

— Клянусь всеми богами Востока, что если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, назвав вас своей дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

— Я тебя ещё больше удивлю сейчас, — поглядев серьёзно на Наль, сказал Флорентиец. — Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всякой пышности, без толпы и оповещения. Ты говорил, что у тебя завёлся поклонник твоей мудрости — пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чём нас не расспрашивая и не требуя оглашения?

— Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу

вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

— Чтобы ускорить дело, садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора. Здесь он сам увидит жениха и невесту...

— И не устоит против её чар, — смеясь, перебил Флорентийца Сандра. — Еду, ручаюсь, что пастора привезу. Отдав общий поклон, Сандра вышел.

— Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? — спросил второго гостя Флорентиец.

— Сочту большим счастьем присутствовать при соединении пары такой красоты. Я думаю, что если бы мог прожить ещё десять жизней, второй такой свадьбы я уж не увидел бы, — ответил лорд Мильдрей.

— Вы совсем переконфузили Наль, — рассмеялся хозяин. Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о чём говорили вокруг.

— Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо моё, конечно, не поспеет дозавтра к нему. Но всё же я хотела бы ему написать.

— Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твоё очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесём час-другой разлуки. Можешь не торопиться, пастор живёт на другом конце Лондона и одной езды к нему минут сорок.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством поместившихся там вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ворох красивых платьев, она перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо.

"Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса, одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что если только я всем сердцем тебя зову, — ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои чёрные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, — ты поймёшь всё, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что возвращенная, воспитанная, скажу прямо — созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я — для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всём точно где-то сбоку от тебя. Я — часть тебя. Меня немислимо оторвать, потому что сердце моё

вросло в твоё, а образ твой — он как бы сверкает у меня между глаз, ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея всё в жизни от тебя, через тебя, всё — от детства и защиты до любви и мужа, — я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки — и сердце моё утонуло в блаженстве и сказало: «Отец».

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали ещё одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала «отец», я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобою, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя, — я её чувствую, — трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала с мужем, которого ты мне дал. Я всё это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из неё для меня исчез бы тот, кому я сказала: «Отец», — я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, тою силой, что лилась и льётся сейчас в меня от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно взяла у тебя кусок жизни, а возвращаю часть любви, не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня — всё, вся суть жизни. Если бы ушёл из жизни ты, я ушла бы не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни — это он. Тот, кому я сказала: «Отец». Не знаю, поймёшь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нём, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: "Дядя Али, убери свой свет, он меня слепит". Его свет я не только выношу, — он несёт мне блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его сила — уверенность в защите. Но и это ещё не всё, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне в мужья того, кого я любила после тебя больше всего. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то всё же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь, ты мне сказал: "Там твой путь".

Сила твоя — о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься мне, — вошла в меня. Я маленькая женщина, я ничего ещё не знаю, но сила

твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобожденной семье, что мы с Николаем должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама. Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит. Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне «вы». О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не могут: они живут в тебе, я их там беру, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла всё, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я услышала всё, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня сюда к отцу! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как мне создать семью. Он — отец — научит меня, и ты об этом знал. О, это снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в чём компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца я изменила тебе.

Я ношу в своём сердце скорбь о горе Али Махомеда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды.

Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки. До свиданья, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, — я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе — и увижу тебя в твоём саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль".

В дверь постучали, и Николай вошёл звать Наль знакомиться с пастором.

— Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, точно пропитались светом и миром в саду Али.

— Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, в котором побывали мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть ещё какой-нибудь шарф, мне было бы и удобнее, и теплее. Здесь мне всё холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графин какой-нибудь

тёплый шарф. Через минуту он привёл закутанную в белую шаль супругу в гостиную.

— Ну вот, теперь вы видите перед собой обоих мои детей, — сказал Флорентиец, подводя к пастору Николая Наль.

— О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал о красоте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он тоже сказал "Такого учёного, красавца, мудреца и воспитанного человек мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Только в романе можно выдумать такую пару, да и то в романе восточном, а не английском". Но так как Сандра бредит Востоком, — я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединит ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но с розовым и молодым лицом. Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах. Он сел напротив молодой людей и, соединив их руки, сказал:

— Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе больше семьи, вы будете примером своим соседям, всё так же люб друг друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на неё пристальный взор, тихо спросил:

— Вы любите своего жениха? — О да, очень и давно, — не колеблясь ответила Наль. — Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите свою невесту?

— О да, очень и давно, — повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянец, сменившийся бледностью, заставили пастора на мгновение задуматься. На его добром лице выразилось огорчение. Он ещё раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

— У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не разрешите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

— Я буду вам очень благодарен. Вам будет легче венчать Наль, если вы уверитесь в её любви к будущему мужу, — ответил Флорентиец.

— Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею прогнать.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и пропустил туда Наль и пастора. Как только они переступили порог, оба замерли от удивления и какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая,

обтянутая белой материей, блестящей, как шёлк, и похожей на замшу. Пол из белых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как и стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась высокая зелёная ваза с букетом лилий.

— Как здесь дивно. Здесь всё, как сам отец, — прошептала Наль.

— Надо и вам быть всегда таким вот храмом для мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам, как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит. Идите, дитя, своим жизненным путём, как эти лилии, на которые вы так похожи. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его. Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Ваш муж не смог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры. Остальное придёт.

— Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Теперь лицо Наль сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял её и прижал к себе. Опустив её на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал: — А его разве не обнимешь?

— Завтра, — по-детски прижимаясь к Флорентийцу и закрываясь шалью, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг сделалось смертельно бледно. И он обрадовался родственнику, Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

— Наконец-то я пришёл в себя. Море меня уложило в постель, а этот холод заставляет кровь стынуть в жилах.

— Это поправимо, — любезно ответил хозяин и приказа развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подошёл к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, пожал руки влюблённым и вышел, провожаемый! хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как это у него, столь юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

— Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят к успеху. Я не увлекаюсь ни спортом, ни боксом а вижу в них только необходимую закалку тела. А для моих товарищей в спорте чуть ли не главная ось жизни. Попытки лорда Мильдрея ввести меня в семейные дома

также неудачны. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

— Но ведь вы не думаете, что с девушками можно разговаривать только о курах и телятах. Я, правда, тоже не знаю какие темы полагается выбирать в гостиных, — смеялась Наль, — но представляю, что вы смогли бы каждого обогатить своим разговором, разбудив в человеке мысль, если вы так потрясающе умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

— Вот то-то и оно, графиня, что имеется маленькое такое словечко: такт, которое помогает жить людям даже с небольшим умом, — добродушно сказал лорд Мильдрей. — Оно же постоянно мешает иному умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него теперь в долгу. Условились, что оба свидетеля приедут к двенадцати часам, их будет ждать экипаж. Из церкви все проедут к нотариусу, а затем сюда на ранний обед. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

— Али, мой друг и брат, поручил мне доставить к вам Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить её вам как дочь, на этот счёт не было никаких указаний.

— Они были у меня, — вмешался Николай. — А ещё Али хотел, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со слугой.

— Слава Аллаху, значит мне не нужно сопровождать вас ни в Америку, ни куда-нибудь ещё?

— Нет, — смеясь, ответил Николай. — Вы даже можете возвращаться обратно через Париж, тогда вам придется на ненавистном пароходе только пересечь пролив.

Флорентиец предложил Наль и Николаю прокатиться по городу, а дрожащему южанину дал книгу, которой тот обрадовался больше, чем ребёнок кукле. Укутав старика в плед и усадив его у камина, трое друзей, переодевшись, покатали по шумным улицам Лондона. Наль, никогда ещё не видевшая такого большого города, была столь поражена, что только молча поворачивала свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей знаменитые музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал свезти в театр, о котором она прежде только читала. Изредка он называл, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся своей Архитектурой дом.

Свернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился небольшого одноэтажного дома. Дом был красив, хотя старинного, немодного образца, и стоял в окружении небольшого прекрасно ухоженного сада.

— Здесь живёт милый пастор, так доброжелательно отнёсшийся в особенности к тебе, Наль. Не хочешь ли отдать ему визит и, кстати, осмотреть церковь, где будешь завтра венчаться? — спросил Флорентиец.

— Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя вести.

— Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, никогда не сделаешь бестактности. Кланяйся не по-восточному, но протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввёл на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояли цветущие растения. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царила такая чистота, что удивилась не только Наль, но и чрезвычайно следивший за порядком Николай.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввёл их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шёлком, с белыми, безукоризненной чистоты кружевными занавесками на трёх широких окнах.

— Удивительно, как красиво в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то, что у нас на Востоке, отец.

— Ты судишь по моему и этому, единственным западным домам, которые видела. Но когда-нибудь ты научишься различать дома, и их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты отворилась, и вошёл пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь, оказанную его дому.

— Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, — приветливо сказал пастор. — Должно быть, печально всякой девушке венчаться в окружении одних мужчин. Я столько наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками. А жена будет посаженной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, узнав о вашей любезности, свойственной только людям истинной культуры, лорд Бенедикт, мои дочери и жена не желают упустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не

имеете против, я их позову, — глядя на Наль, сказал пастор.

— О, как вы добры, вы верно поняли маленькую, детскую мою печаль о том, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам скорее познакомиться.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках. Старшая, лет сорока, была полноватая, изящная, ярко-рыжая женщина, с большими чёрными глазами и резкими чёрными бровями, причудливо вырисованными на белой коже высокого лба. Разделённые на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были роскошны. Женщина была ещё молода и очень красива.

— Леди Катарина Уодсворд, — сказал пастор, подводя жену к Наль. — Моя жена венецианка, — прибавил он, обращаясь ко всем. — А это вот — первый номер, мисс Дженни Уодсворд, как видите, не только вся в мамашу, но даже точная её копия. Это — номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу и судя по цвету волос не имеет никакой возможности претендовать на венецианское происхождение. Девушки и мать отшучивались.

— О папа, — заразительно засмеялась младшая, — ты приехал таким влюблённым в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что причина твоего восторга ещё очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, увидев которую нельзя было не изумиться; если Дженни нельзя было не заметить благодаря яркой, медной голове и лицу, в котором поражал контраст алебастровой кожи, алых губ и чёрных блестящих глаз, — то Алису, чтобы оценить её красоту, нужно было рассмотреть. Пепельные с золотом, красиво вьющиеся волосы, не такие обильные, как у матери и сестры, но зато лёгкие, стоявшие ореолом вокруг её лица и выбивавшиеся у висков и шеи. Тёмно-синие, как южное небо, чуть выпуклые, как у отца, глаза. И какая-то искренность, чистота во всём облике, живость манер и грация делали её обаятельной. От неё веяло любовью и миром. Она казалась остоном семьи. Какая-то радостная доброта Алисы покоряла каждого. Вот и сейчас пасторша со старшей дочерью, сердечно приветствовавшие Наль и её спутников, всё же походили на дам света, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищённая её красотой, и стояла перед ней, совершенно не сознавая своей собственной прелести.

— Папа был прав. Он сказал, что Сандра не нашёл красок, чтобы описать вас.

— Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, — раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. — А на нас вы и взглянуть не хотите,

мисс Алиса, — с неподражаемым юмором кланялся девушке и представлял ей Николая лорд Бенедикт.

Девушка, как и Наль, почти ребёнок, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

— Я не могу понять, кто из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по моему, — робко сказала она.

— Не знаю, для кого из нас ваши слова комплимент, но благодарим мы за него оба, — под общий смех ответил Флорентиец.

— Не откажите выпить с нами чашку чая, — предложила хозяйка. — У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой.

Алиса снова подошла к Наль, прося её снять шляпу, что та охотно исполнила и стала ещё красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

— Нет. Папе. Впрочем, всё самое высокое и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

— У вас в доме как бы две партии: вы и папа, ваша сестра и мама?

— Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый живёт, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с дочерью ни в чём не схожи. Но представить, что вы бы могли быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, что Дженни говорит о последних книгах капитана Т., которые ей с восторгом дал Сандра. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над дифирамбами, указывал на недостатки книги, уверял, что автор мог бы лучше разработать свои тезисы, чем привёл в негодование дочь Венеции, горячая кровь которой вспыхнула розами на щеках и огнем в глазах.

— Она, граф, у нас учёная, — засмеялся пастор. — А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал чем-то вроде закона. Раз книга капитана Т. признана сим учёным совершенством — то, граф, и не критикуйте. Но, признаться, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего её. Это, верно, уже глубокий старик.

— Капитан Т. - старик? — Наль неудержимо расхохоталась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. — Да ведь он перед вами. И ваша дочь Алиса несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же

из двух мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соль шуток.

— Моя дочь не шутит. Капитан Т. - это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, которого только что расхваливала, а Алиса, во всём ухватывавшая юмор, сказала Флорентийцу:

— Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф — писатель. Потому что вы сами — я уверена — не только писатель, но... вот как бы это сказать? — задумалась она, — не колдун, нет, но всё же что-то в этом роде. Вы всё можете.

— Всемогущий Боже! — в притворном ужасе воскликнул пастор под весёлый смех гостей. — Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели всё это результат нашего воспитания, мать? — громче всех смеясь, говорил пастор.

— Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребёнок, и я понял вполне её мысль. Уверяю вас, мы будем с нею отличными друзьями, — пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

— Дай-то Бог, — покачивая головой, серьёзно сказал пастор.

Весело и непринуждённо простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью на ранний обед после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами. Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива на обратном пути и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому из гостей надо что-то подарить, а у неё нет ничего, и она не знает, как быть.

— Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону события и заботы мне. А подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась голову по-восточному, как к свадьбе, и накинь на себя драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, только внешний её обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз и постучись в ту комнату, где вы беседовали с пастором.

Пройдя к себе. Флорентиец дал лекарство старику дяде, велел ему немедленно лечь в постель, лёжа и отобедать и встать только завтра утром. Затем он вошёл в свою тайную комнату, взяв с собой Николая.

— Мой друг, мой сын, ты провёл пять лет подле Али и так далеко продвинулся в своих знаниях, что он сразу взял тебя в число своих близких учеников. Ты считал, что для тебя ученичество — это прежде всего

целомудрие и безбрачие. Но когда Али указал тебе путь семьи и брака, ты не протестовал, ты принял его. Однако продолжаешь думать, что в чём-то провинился, что сходишь с тропы ученичества, ибо её не достоин. И всё это только потому, что женишься на той, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али. Ты повинуюешься ему беспрекословно. Но в сердце твоём боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Но ты забыл, что ученик идёт так, как ведёт его Учитель. Ты забыл, что те обширнейшие планы, где всё охватывает взор Учителя, не способен охватить ученик, как бы мудр он ни был. Посвящения идут не только по ступеням личного роста ученика. Но учитывается и та помощь планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али, но и моим планам, и планам многих других, тех, кто отдаёт свою жизнь и труд на светлое благо человечества.

Падение общей культуры тесно связано с падением и разложением семьи. Люди, закрепощенные в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень высоких учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощенной семьи. Только люди, дошедшие до мудрости и прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье, среди пятерых талантливых детей, должны воплотиться два гения. Не огорчаться надо тебе, что изменяешь форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвойне, ибо можешь выполнить задачу, которую Учитель тебе выбрал. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель всегда мог прийти к тебе и позвать за собою.

— Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить путь. Я приму всякий беспрекословно. Но мне показалось, что Али, увидав мою любовь к Наль, снизошёл к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силы любви, что завладела мной.

— Чем немало и огорчил бедняжку, — улыбнулся Флорентиец. — Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Тебе его зов — семья. Войди, — сказал он на раздавшийся стук в дверь.

Вошла закутанная в драгоценное покрывало, покрывало брачное, Наль.

Её белая фигурка так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась неотъемлемой её частью.

— Сядь здесь, дочь моя, — усадил Флорентиец Наль на маленький диван рядом с собой. — А ты, друг Николай, найдёшь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Найдёшь длинную белую одежду ученика, надень её и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец притянул её к себе и сказал:

— Когда Бог зовёт человека, Он даёт ему два пути: путь радости или путь великой скорби. Середины нет. И ты, и твой муж — вы оба счастливые избранники, ибо вам Он назначил путь радости. Ты с детства была подготовлена к высокой духовной жизни дядей Али. Это редкое счастье. Обычно долго скитается по жизни человек, пока не подойдёт к источнику мудрости. Не горюй, что тебе предстоит оставить всё, к чему привыкла, уйти от Али. Через много лет, закалённая, ты вернёшься к нему, к его пути силы, которая сейчас подавляет тебя, и ты не можешь развернуть все свои дарования. Ты пойдёшь отныне путём обаяния и такта. Пленяя людей красотой, ты будешь влечь их своей чистотой к высокой духовности. Помни: зло тебя не коснётся, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит её. И только тогда, когда в твоём сердце зазмеится тончайшая трещинка сомнений, — только тогда зло сможет коснуться тебя. Всё — в самом человеке. И не внешние условия подавляют или обновляют его, но сам человек создаёт свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, прикинув к отцу, и в этой позе нашёл её вернувшийся Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей, поверх белого восточного наряда, надеть халат из такой же материи, что и белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как шёлк, и матовой, как замша.

— Побудьте здесь немного вдвоём. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серьёзный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отдаёте друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя в доброте свой простой, обычный день. И так совершая закон жизни.

Оставив их одних. Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

— Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что мало люблю тебя. Я не смел до сих пор говорить тебе о любви. Я считал невозможным для себя счастье прожить с тобой вместе всю жизнь. Я думал, мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял, какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю

жизнь и с таким счастьем, о каком не мог и мечтать.

— Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я всюду была с тобой, мы были неразлучны. И если теперь меня отдают тебе, — то это ведь я сама отдала тебе себя лет пять назад. Ты врезан в моё тело, в моё сердце, в мой дух точно так же, как дядя Али. И если я думала до этой минуты, что навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива: я знаю, что ты тоже хотел меня в жёны. Я же не могу принять жизни иной.

Дверь отворилась, и вошёл Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка с такими же камнями. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали прежде Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

— Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаёте себя друг другу для великой цели: вы не будете слепыми родителями, животнo, безумно и лично привязанными к детям. А будете хранителями тех душ, что придут через вас. Вы создадите им мир. Чистый ваш дом будет пристанищем, где им суждено родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовет их Жизнь.

Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделённого с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой её головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, проник до самого её сердца, и что сейчас всё на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже отвернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня и прикоснулся ею к голове Николая.

Так же, как и она мгновение назад, — он весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Затем он снова обернулся к ним лицом и положил палочку на их головы одновременно. Глубочайшее содрогание, точно удар электричества, испытали оба, Наль и Николай. Тёплые струи

какой-то новой силы пробежали у каждого по спинному хребту к голове. Флорентиец положил палочку рядом с огнем и взял с престола два одинаковых перстня, каждый с изумрудом и бриллиантом, и надел жениху и невесте.

— Встаньте, — сказал он им. — Вы — муж и жена. Будьте всегда такими же чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я подле вас. Сочетав вас браком перед этим огнем Вечности, я взял на себя ваши жизни. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню. Пойдёмте, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял обоих, крепко прижал к себе и стал подниматься наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввёл их в большую комнату, где посередине стояла широкая белая постель. И всё в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных по обе стороны постели. Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

— Твой муж так же чист, как и ты. Он отдаёт тебе такую же девственность, какую ты отдаёшь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя. До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дории сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль утром проснулась, мужа рядом с ней не было, но она слышала плесканье воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошёл Николай и, думая, что Наль спит, положил возле неё стёганный шёлковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

— Наль, дорогая, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. — С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где её уже ждала Дория.

— Сегодня во что вы меня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь будет так много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили в грязь лицом, — плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

— Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела, — затмиле всех.

— Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая. — Рыжая? Что же тут хорошего?

— Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то её не приставишь ни к какому делу. Она — дама. А вторая — ну, та простая, вроде меня. — Значит, красавица? И косы, как ваши? — Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта — вроде ангельской. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, что наполняло всю её душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краев, и боялась её расплескать. В её сердце сияли ярко три образа: дяди Али, отца-Флорентийца и мужа. Усевшись за туалетный столик, Наль отдалась в умелые руки Дории. Сама же унеслась в сад дяди Али и снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперёд, почти разрушив творение Дории.

— Что случилось? Я причинила вам боль? — с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень и шпильки выскочили из рук.

— Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо всё делать снова, и я опоздаю, — огорченно сказала Наль.

— Ничего, минута спокойствия, и голова будет убрана, а это самое трудное.

— Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? — раздался голос Николая. — Я жду вас завтракать: выходите в халате, платье наденете потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла платье, над которым трудилась весь вечер и утро, подгоняя его по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, так великолепен был этот туалет. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом вокруг ворота и рукавов, заставило её сказать: — Отец, отец, разве можно так баловать дочь? Когда платье было надето, Дория подала Наль туфельки из такой же парчи, а на её открытой шее застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

— Всё, верно, так и надо. Но как бы я хотела самое скромное платье, самый бедный уголок — только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как будут говорить о моей красоте, — вздохнула Наль.

— Наль, остаётся десять минут, — снова раздался голос Николая. — Иду, я готова.

И взяв сунутый ей в руки маленький ридикюль из такой же парчи, что и платье, Наль вошла в свою комнату, где её ждал Николай. Он был поражен. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль казалась гораздо

выше и тоньше. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что их желание избавиться от людей было обоюдным. Николай обнял жену, нежно и горячо поцеловал её и тихо сказал:

— Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на земле, для земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас. Думай не о себе, а о каждом, с кем будешь говорить. Наль ласково вернула поцелуй и ответила: — Я постараюсь, мой муж, думать о том, с кем буду говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, всегда чувствую, что в каждом живёт беспокойство и страдание.

— Вот и неси, любимая, счастливая, благословенная, успокоение и отдых тому, кто тебе встретится.

Раздались лёгкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила растворить дверь, приветствуя отца.

— Я не хотела бы, отец, начинать этот день с упрёка. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

— Всё это передал тебе Али, как и те вещи, что нашла ты в своих сундуках. Он собирал их не один год; — обнимая супругов, говорил Флорентиец. — Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и когда будешь готовить к венцу свою первую дочь, передай ей. А теперь пойдёмте, наши свидетели ждут.

Спустившись в зелёную комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрея, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьёзен и даже не улыбнулся, когда раскланивался и целовал руку Наль. Можно было подумать, что его смешливость навсегда исчезла за эту ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, произнёс:

— Лилии от Сандры, который уверяет, что вам невозможно подарить иной цветок. Это — его дело. Я же прошу принять браслет, который передал мне, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя и был человеком богатым. Он велел передать эту вещь той, которая станет моею женой. Или женщине, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки мои прошли, — мне скоро тридцать, — прошу вас принять эту вещь. Она, как я слышал, попала к моему деду через одного восточного мудреца. — И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы, красоты и игры камней необычайной. — Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но кому я только его ни показывал — никто не смог прочесть надпись.

— Не разрешите ли взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, — сказал Сандра. — Я не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, умерший уже теперь. Быть может, я и разберу. — Пожалуйста, — протянула ему драгоценность Наль. — О, конечно, это он — язык пали. Здесь написано: "Любя — побеждай". И читается очень легко и ясно. — Значит, ты выполнил моё задание раньше срока, Сандра? — Неужели вы могли сомневаться, лорд Бенедикт, в том, что я найду возможность — из-под земли выкопаю, а найду — выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную, грамматику и свой ключ. А сам он купил у одного непонятного человека несколько записей на этом языке.

— Я вас ещё не поблагодарила, лорд Мильдрей, и... это очень странно, но мне кажется, что вы ещё женитесь, женитесь по любви и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

— Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, — сказал жене Николай, принося лорду сердечную благодарность за внимание.

Впервые получала Наль приказ своего мужа, и что-то сказало ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать больше подарившего его человека.

Коляски были поданы. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую — Сандра и лорд Мильдрей, следом за ними двинулись ещё два пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь молодым цветами. Орган приветствовал их. Вскоре в церковь стали проникать зеваки, привлекаемые молвой о необычайной красоте новобрачных. Наль ничего не видела. Музыка потрясла её до слёз. Она крепко сжала руку мужа, точно прося у него поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила была в его глазах, таким огнем уверенности и любви дохнуло на неё от его бледного, вдохновенного лица, что волнение её утихло, слёзы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Окончился обряд венчания. Расписались в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви. Флорентиец разместил всех по каретам, а сам снова сел с молодыми. Все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков среди оставшейся на паперти толпы. Тем

временем, выполнив все официально необходимые акты ввода во владение новым имуществом, приняв поздравления и восторги служащих конторы, молодые и прочий свадебный кортеж направились к дому лорда Бенедикта.

— А дядя? — войдя в дом, с ужасом спросила Наль. Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

— У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе всё так, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой. — Ты не находишь, что это немного трудно, отец? — Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить. Николай повёл свою жену в большой зал, которого Наль ещё не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил гостей следовать за молодыми. В зале было приготовлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пьёт. Поздравив молодых, прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку — Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживлённо. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

— Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, — сказала, наконец, Алиса, ласково улыбаясь Наль.

— Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не читаю. Но мне думается, что вы не так счастливы, как кажется.

Флорентиец посмотрел на молодых женщин и сказал: — Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А жить надо только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

— Нет, лорд Бенедикт. Всё, что я люблю, живёт радостно рядом со мною. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, она врезана в мою жизнь. Поэтому её и нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

— Вы, Алиса, решили это слагаемое принять безропотно? — Может быть, я и не права, лорд Бенедикт. Но что, например, толку бороться со смертью? От неё не уйти. Так и с тем неизбежным, что живёт в человеке.

Какой же смысл с ним бороться? Если оно составляет самый остов жизни и не может быть выброшено — как рак или порок сердца — иначе, чем со смертью. Надо принять жизнь такой, какая она есть, в какую я пришла, если изменить ничего невозможно. Какое бы количество горечи ни было в жизни, всё же это жизнь моих любимых. А без них — жизнь цены не имеет для меня.

— Все количества сил природы, Алиса, переходят в качество. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живём. Если сегодня одно качество в сердце человека дошло до определённого предела, то завтра оно, это качество, заливавшее вчера только одно сердце, может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в себя всё встречное. Так бывает и со злыми и с добрыми качествами. Если сегодня любовь твоя однобока и ты способен понимать счастье только в любви к «своим», то завтра — по тем или иным причинам — сознание твоё может расшириться и ты охватишь своей любовью «чужих». Двигаясь всё дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что везде и всюду такие же люди, как и он сам. Этот человек смог продвинуться дальше и выше. Другой — сильно отстал и не способен выйти пока из стадии двуногого животного. А третий смог шагнуть вперёд так далеко, что для того, чтобы на него взглянуть, нужно зажмуриться.

— Никогда не приходилось мне слышать евангельские истины, изложенные так легко и просто, лорд Бенедикт. У меня в душе словно бы посветлело, — засмеялась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

— Возьмите, пожалуйста, это мороженое и оцените, какой художник мой повар. Каждому он положил на блюде шарики семи цветов. Вы видите здесь все цвета мудрости, как их понимала древность. Вот белый — цвет силы. Вот синий — самообладание, знание. А вот зелёный — цвет обаяния, такта, приспособления. Вот золотисто-жёлтый — цвет гармонии и искусств. А оранжево-дымчатый — цвет науки, техники и медицины. Красный — цвет любви и, наконец, фиолетовый — цвет религиозной и обрядовой мудрости, а также науки и механики движения жизни вселенной.

Попробуйте найти в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде. Это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но — будучи основным светом жизненного пути — засорены эгоизмом, ревностью, завистью и страхом. Качества и свойства божественные, какими их в зародыше принёс на землю человек, он замутил страстями.

И задача культурного человека — очистить свои страсти. Сделать их не только радостью и миром сердца, но атмосферой своего труда в простом дне, во всей своей жизни. Тогда единение с теми, кого встречаешь, становится красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, что пробуждает к творчеству всех, трудящихся с тобою рядом.

Уже давно весёлый смех и разговоры за столом стали постепенно замолкать, гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

— Какое для меня счастье, лорд Бенедикт, — сказал пастор, — что я познакомился с вами. Помимо того, что я с восторгом и упованием смотрю на две соединённые мною сегодня жизни, я благословляю Создателя, позволившего мне приблизиться к вам. Если вы сочтёте возможным, чтобы моя семья осталась в числе ваших знакомых, — мы постараемся заслужить себе имя ваших друзей.

— Я не только буду этому рад, сэр Уодсворд, но и очень благодарен вам за эту встречу. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я нашёл в мудрости вашей, чему поучиться. В Индии говорят:

"Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель".

Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами Флорентиец встал, подал Алисе руку. Девушка смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними. Оставшись последней парой, молодожёны, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными фразами.

— Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь недолго будем жить, мы поедem учиться, и ты будешь вести студенческую жизнь. Здесь отец задержит нас ровно столько, чтобы внешне воспитать так, чтобы к этому никогда не возвращаться больше. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поёшь свои родные песни. Ты знаешь Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре. Готовясь стать — насколько для нас это возможно — родителями-воспитателями, мы должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешнюю жизнь, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились к обществу, когда все уже сидели за кофе. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Шёпот удивления и восторга пронёсся им навстречу.

— Положительно, граф и графиня, вы для меня никак не втискиваетесь в земные рамки, — с южным темпераментом воскликнул Сандра. — Если

бы я был художником, я бы заставил землю покрываться цветами там, где вы ступаете.

— Мой новый друг, мне кажется, что слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, лилия, и без того обязаны благоухать. Но чтобы ещё и цветы вырастали рядом с нами — это требование невыполнимое, — смеялась Наль.

— А я думаю, что именно цветы и будут расти. Самые прекрасные и драгоценные цветы земли — дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, — очень серьёзно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса. — О, Алиса! — укоризненно воскликнула пасторша. — Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз простите уж меня великодушно. Здесь мы среди добрых друзей, и я ручаюсь, что никто меня не осудит.

— У меня возникло сильное желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, — сказал, вставая и действительно низко кланяясь ей, лорд Мильдрей, — но никак не осудить вас.

— А у Меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что уклониться от него я не могу, — и оставив руку мужа, Наль подбежала к Алисе, обхватила её шею руками и прильнула к её губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая и темноглазая, высокая, другая синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блёстками локонов, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные в своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолк. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и пододвинула ей чашечку с кофе.

— Жаль, что здесь нет некоторых из моих друзей, музыкально одарённых, — сказал Николай. — Так просит сейчас сердце звуков.

— О, это легко поправимо, — несколько снисходительно сказала Дженни. — У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, способна ли она доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов испортила, — смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Дженни.

— Это было очень давно, сестра, когда я докучала тебе своей музыкой. Теперь моя комната и мой рояль, сэр Бенедикт, в самом конце дома, где папа специально сделал пристройку. Не верьте, что я такая несносная. Во всяком случае сейчас я не решусь огорчать никого своей игрою, — умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

— Моя жена и старшая дочь не любят музыки, лорд Бенедикт. А мы с

Алисой отдаём ей все досуги нашей жизни. У меня в молодости был большой конфликт с отцом, так как мне хотелось заниматься искусством, а он желал, чтобы я пошёл по пути духовному. Алиса унаследовала не только мою любовь к искусству. У неё такой большой музыкальный талант, что его следовало бы отшлифовать в хорошей школе.

— Пока я жива, — этого не будет, — четко, жестко и зло сказала пасторша. — От твоего и её пения — стекла дрожат. И вообще я не желаю, чтобы Алиса осрамилась да ещё оскандалила нас здесь.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего похожего на добродушие на лице её не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подошёл к ней, положил руку на её светящуюся головку и тихо сказал:

— Храни спокойствие, дитя. У Бога много путей, какими Он призывает нас, людей. Лорд Бенедикт говорил, что люди идут путём гармонии и искусств также. Если Богу будет угодно дать тебе такой зов, ты найдёшь свой путь. И не смогут люди противостоять Богу.

— А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть сегодня, — обратился хозяин дома к пасторше. — Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найдёте множество альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привезённых из путешествий. В саду моём немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам экземпляры. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, вы любите цветы.

— Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, — прервала Дженни. — Это тоже область одержимости папы и Алисы. Но Алиса — идол в нашей семье, мы её обожаем, а потому выносим, конечно, все её фантазии.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы Алиса играла сегодня. Но если вы уж так хотите услышать её любительскую игру, — криво усмехнулась пасторша, — то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я, по крайней мере, не услышу ни её игры, ни её пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец, с юмором в глазах, как-то особенно улыбнулся ему и что-то тихо сказал, так тихо, что даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стоявший рядом с Сандрой, не расслышал. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели. Услышав о теноре, дамы, казалось, несколько заколебались, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он провёл дам через левое крыльцо

прямо в жёлтую гостиную и занял бы их альбомами и картинами. Хозяин проводил дам в сад, закрыл балкон и задёрнул плотную портьеру.

— Я очень смущаюсь, папа, — прильнув к отцу, сказала Алиса.

— Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам — и Бог в тебе просыпается и ты забываешь всё. Играй и пой, как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе сегодня счастье: воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей. Воспеть их всем сердцем, любя и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Пой и играй им песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь её для других,нося в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

На чудесных глазах пастора сверкала влага, — и все поняли, почему у него седые волосы. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно пронеслась перед духовным взором присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая были полное спокойствие, мир и огромная доброта. Точно ленты света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

— Я, конечно, не учёная музыкантша. Не ждите многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один — отец, второй — его недавно умерший друг, который был известен всей Европе как пианист и композитор. Я сыграю Шопена.

От девушки ждали многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка — всё исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш. Всех унёс куда-то вихрь звуков. И разве это были звуки рояля? Пастор оказался прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки её играли музыкальную пьесу, но сердце творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису, зачарованный, игрой своего лица отвечал на все краски звуков, а в фигуре Флорентийца, в его серьёзном лице было что-то от жреца. — Ещё, ещё, — молила Наль, когда Алиса остановилась. Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Ещё».

Она рассмеялась и вдруг запела старую английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, тёплое, мягкое, прелестного тембра, нежное, летело с такой силой, какую и предположить было немыслимо,

глядя на это хрупкое дитя. Увлёкши за собой всех в иной мир, девушка вдруг сказала: — Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю. Под общим напором пастор подошёл к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное: «Ах», вырвалось у всех. Тихий, спокойный пастор внёс в свою партию такой бурный темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голоса дочери, а служил ему основой.

— Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, — тихо сказал лорд Мильдрей, — а я побывал во всех театрах Европы.

— Отец, — бросилась Наль на шею Флорентийцу, — неужели ты не споешь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас песней и завершить ею венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил о чём-то с Алисой и пастором, и полился старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что музыка, которая выше всех философий и знаний, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни пределов высоты, ни предела власти и силы слова. Он подавлял всё человеческое, земное и открывал какое-то небо, звал в иные пути и миры, рвал все телесные преграды и точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании, присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую и уткнувшуюся лицом в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком её глаза, он обнял отца и дочь и сказал обоим:

— Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам теперь же Учителем? — О Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали. — Алиса должна ответить за себя сама. — Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, а не только учиться у вас музыке.

— Отец, — бросилась и Наль к Флорентийцу, — я должна подарить Алисе что-то, я не могу не признать её сестрой, потому что это она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы просто умерла.

— Прощу всех за мною, — сказал хозяин. Он взял под руку Алису и Наль и повёл всех в свой зелёный кабинет. Там он пригласил гостей к небольшому столу, на котором лежало несколько футляров.

Он взял один, вынул оттуда золотой пояс с крупными изумрудами и надел на талию Алисы.

— Это дарит вам, своей подружке, Наль. А вот это мой подарок, — и на шее Алисы засверкал изумрудный крест, усыпанный мелкими

бриллиантами.

— Часы, дорогой сэр Уодсворд, прошу принять от моей дочери, — и он подал пастору золотые часы с цепочкой, — а этот перстень примите от меня, — и надел ему крупный изумруд с бриллиантом на левый мизинец.

— Вас, лорд Мильдрей, прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, что вы дали моей дочери. Разница та лишь, что здесь зелёные камни, а там топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли, что самое чудесное в вашей жизни ещё впереди. А это кольцо вас просит принять моя дочь. — И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, что и у пастора.

— Это ещё не всё, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его.

К смущённой Алисе подошёл Николай и ловко застегнул на ней точно такой же жемчуг, что был на Наль.

— Теперь надо, — сказал Флорентиец, — звать наших дам, не переносящих музыки, а также их кавалера, лишившегося её. Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем, споете и сыграете ему?

— Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... — Она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и, гораздо тише, печально продолжала: — Когда я играю Сандре, это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму.

— Мы постараемся избежать этого, — рассмеялся Флорентиец и отправился за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы и стали ещё кислее, когда они увидели осыпанных подарками Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр, подошёл к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

— Примите этот дар моей дочери, — поклонившись, сказал хозяин.

— Но это царский подарок. Как мне вас благодарить, лорд Бенедикт?

— Я здесь ни при чём. Это дарит вам моя дочь, — чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарностях и уверяя, что опалы — её любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Тем временем Флорентиец подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, — от дочери, а от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но зависть мелькнула в её глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

— Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты мечтал.

— Неужели с боем? — по-детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь раз с таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы. Наль хохотала, Алиса аплодировала гимнастическим кульбитам, пастор даже сел в кресло от смеха, — только Дженни и мамаша вторично почувствовали себя шокированными.

— Это ещё не всё, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, — он взял точно такой же крест, как у Алисы, — это тебе за усердие при выполнении всех моих заданий. И специально за язык пали, — и он собственноручно надел ему на шею крест.

Сандра, казалось, всё забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серьёзным, тихим, словно сразу повзрослел. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил: — Я буду стараться стать достойным вашего доверия. — Не волнуйся, сын мой. Только никогда не спеши давать людям повод к неверным заключениям. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твой товарищеский тон может быть истолкован неверно, что вовлечёт тебя в какую-нибудь несносную драму.

— Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

— Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать пружину.

Часы пастора пробили восемь и затем — совсем иначе — ударили ещё один раз.

— Ой, и четверти отбивают, — не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

На лицах рыжих пасторши и Дженни, стоявших друг против друга, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, даже отталкивающее. У пасторши даже проступили багровые пятна, лишив её моложавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, стояла хмурая, злая, надменная, презирая всех и вся в этой комнате, где её, бедную девушку, сейчас по-царски одарили.

— Дружок Алиса, — раздался голос Флорентийца. — Сегодня мой зять преподнёс тебе жемчуг за тот восторг и отдых, которые ты подарила всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я беру тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду присылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь оставаться до вечера. Вечером отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В

память о нашей первой встрече в музыке — прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать. — И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как её пояс.

— Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет голос при решении судьбы дочери, — резко сказала пасторша. — Алиса нужна мне дома. Учиться ей довольно.

— Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет личного капитала. Это законы юридические, у вас нет права решать судьбу дочери. Есть ещё иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это — любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с её искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

— Я всегда знала, что этот змеёныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом девчонка ввела вас в заблуждение, лорд Бенедикт.

— О мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь расскажу хотя бы часть того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт. — И слёзы ручьем потекли из глаз Алисы.

— Ну, значит твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался лицемером и сплетником, — шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца укротил её, точно взбесившуюся львицу. Она, видно, потеряла всякое понимание приличия и желала вылить не один ушат на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Игра камней на её шее не шла ни в какое сравнение с её горящими глазами, которые буквально сыпали искры. Наль, никогда не выдавшая такой злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища преграды между изливавшимся злом и собой.

Пастор подошёл к Алисе, стараясь успокоить её своей любовной лаской, и подвёл к Флорентийцу попрощаться.

— Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за этот безобразный вечер или, вернее, его завершение. Я был и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь ещё и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь, в общении с вами, поймут свои ошибки, которые тщетно старался я победить любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необычайное лицо. Я думал, ваши обаяние и сила, перед которыми никто не сможет устоять, победят Катарину и Дженни. Надеялся, что они встретили, наконец, ту великую силу, перед которой

склонятся.

Дерзкий смешок Дженни вдруг оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и закашлялась.

— Не беспокойтесь ни о чём, сэр Уодсворд, — ответил Флорентиец. — Завтра я буду иметь возможность поговорить с вами о дальнейшей вашей жизни. У подъезда вы теперь найдёте двухместный экипаж и уедете с Алисой. Сандра и лорд Мильдрей проводят вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру в дороге. Кроме того, я приказываю вам, — он поднял руку, протянул её по направлению к обеим женщинам и как бы опустил на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, при величии и обаянии его манер, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки, — я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед оставил его, по завещанию, Алисе. Зная, что в нём она госпожа, вы превратили её в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими сотканное зло, избавиться от которого ни я и никто другой уже не сможет вам помочь. Помните, вы должны трудиться или зло завладеет вами.

В сопровождении двух своих спутников, ни с кем не простившись, но крепко прижимая к себе футляры, точно боясь, что хозяин передумает и отнимет подаренные драгоценности, обе женщины вышли из комнаты. Они с ненавистью посмотрели на Наль, пожелавшую им доброй ночи. Смотреть на Флорентийца и Николая они боялись. Но всё равно почувствовали на себе взгляд Флорентийца и ещё раз точно присели перед самым порогом.

Пастор и Алиса, вернувшиеся домой раньше, прошли в свои комнаты, обменявшись горячим поцелуем.

— Мы нашли, Алиса, то, что всю жизнь искали. Теперь я умру спокойно.

— О нет, я гораздо больше эгоистка, чем ты думаешь, папа. Я хочу не только сама быть счастливой на новом пути, но и долго ещё наслаждаться твоим счастьем.

Утомлённые тяжкими переживаниями, но счастливые своей новой встречей, оба быстро и легко заснули, даже не услышав, как вернулись их домашние.

Глава 2

О ЧЕМ МОЛИЛСЯ ПАСТОР. ДЖЕННИ ВСПОМИНАЕТ

Дни Наль и Николая текли легко, разнообразно и радостно. К завтраку, в двенадцать с половиной часов, а до этого юная пара успевала осмотреть в Лондоне то, что с вечера назначал им отец, приезжала Алиса. Обычно только здесь в первый раз встречались молодожёны с Флорентийцем, всё более и более привязываясь к нему и не противясь могучему очарованию своего великого друга.

После завтрака Алиса, Наль и Николай проводили час-другой с Флорентийцем, который руководил их образованием. Затем Алиса давала Наль уроки музыки, в чём последняя выказывала немалые способности. Расставшись после урока, каждая шла своим путём труда. И до самого пятичасового чая в доме царила полная тишина. Только в большом зале время от времени раздавались звуки рояля, затем опять наступала полная тишина. Это училась и обдумывала свои музыкальные вещи Алиса. Николай, если только не занимался в библиотеке или не выезжал куда-нибудь с Флорентийцем, работал подле него. К чаю все снова соединялись, и молодые люди — от чая до обеда — гуляли, ездили верхом или отдыхали как-то иначе по своему вкусу. К обеду приезжал пастор и, посидев часок в кабинете Флорентийца, увозил дочь домой.

Среди кажущегося внешнего однообразия жизни целый новый мир открывался молодым и пожилым гостям Флорентийца. По настоянию хозяина Сандра и лорд Мильдрей стали обычными гостями за обедом, сплачиваясь в одну крепкую и дружную семью со всеми обитателями дома.

Под скромной внешностью пастора кроме недюжинного музыкального таланта скрывались ещё ум и огромная образованность учёного, и он часто поражал экспансивного индуса своими познаниями и памятью настолько, что от восторга тот вскакивал, потрясал руками и топал ногами. Под укоризненным взглядом лорда Мильдрея, насмешив в достаточной степени всех друзей своими кульбитами, Сандра утихал, конфузливо взглядывал на Флорентийца и, сложив руки, уморительно, с детским отчаянием говорил:

— Не буду, лорд Мильдрей, вот уж наверно в последний раз я проштрафился. Никогда больше не буду, — и заставлял Наль и Алису смеяться.

— Если бы я мог завидовать, граф Николай, я бы всему завидовал в вас.

В вашем спокойствии, изящной, какой-то чуть военной манере ходить и держаться, есть особый аристократизм, которого я не замечал в прочих людях. Но что ещё отличает вас от других, — я не знаю. Могу сказать только, что вы принадлежите не тому миру, в котором живём мы все, но миру лорда Бенедикта.

— Долго ли ты, оксфордский мудрец, будешь величать Николая графом? Я нахожу, что вам всем пора уже бросить сиятельные приставки и звать друг друга по именам. Все вы — мои дети.

— И всё же это правда, лорд Бенедикт, что Николай, — как вы приказываете его звать, — имеет какие-то особые качества, — вмешался пастор. — И если все мы ваши дети, то он из нас старший и больше прочих походит на отца.

— Благодарю, друзья, за высокое мнение обо мне. Но, право, это ваша детская фантазия. Я просто более выдержан и спокоен. Расстояние между мною и отцом ровно такое же, как между ним и вами. Нам лучше бы сегодня пораньше разойтись. Я вижу, дорогой пастор сильно утомлён, — закончил Николай.

На побледневшем лице Алисы мелькнула тревога: — Я вообще замечаю, что папа худеет. Он болен, но не хочет в этом признаться. Я пожалуюсь вам, лорд Бенедикт, на папу. Когда мне случается врасплох застать его, — он так погружен в свои мысли, что даже не сразу видит меня и не сразу понимает, о чём я ему говорю. И вид у него какой-то нездешний. Если бы мама увидела его в таком состоянии, она наверное бы решила, что папа беседует с ангелами, ведь она не раз уверяла нас всех, что папа временами впадает в безумие. С некоторых пор отец пугает меня чем-то новым, какой-то оторванностью, отрешённостью от земли, — говорила девушка, опускаясь на колени перед своим отцом.

Пастор ласково обнял дочь, заставил её сесть рядом. На его добром лице сейчас сияла улыбка, а глаза точно благословляли дочь.

— Нам с тобой не следует беспокоить лорда Бенедикта, дитя. Люди не могут жить вечно. В первый же вечер знакомства с нашим великодушным хозяином я сказал тебе: "Мы с тобой нашли, наконец, верный путь, и я могу умереть спокойно".

— Папа, папа, не разрывайте мне сердце. На кого же вы покинете меня? Зачем вы меня пугаете?

— Я старался взрастить в тебе сильную душу. В тебе одной я не ошибся. Ты знаешь мою верность Богу, ты знаешь, что нет смерти. Я уйду в вечную жизнь, и ничего страшного в этом нет. Если бы я в последний миг земной жизни не встретил счастья в лице лорда Бенедикта и не мог быть

спокойным за то, что зло не окружит тебя, — я бы действительно не сумел уйти так, как подобает верному сыну Отца. Теперь же я знаю, что ты останешься под высокой защитой и зло не коснётся тебя.

— О папа, папа, не покидайте меня, — рыдала Алиса. — Я ещё ничем не отплатила за ваши заботы, радость, любовь. За чудесную жизнь, что вы создали мне. Я не вынесу разлуки, я уйду за вами.

По знаку хозяина все гости вышли из комнаты. Лорд Мильдрей увёз расстроенного Сандру к себе, а Николай увёл рыдающую Наль. Оставшись наедине с отцом и дочерью, Флорентиец подал обоим рюмки с лекарством. Вскоре страдание отступило, лицо пастора стало бодрым и свежим. Рыдания Алисы тоже утихли, хотя её глаза-сапфиры по-прежнему сохраняли скорбное выражение. Когда оба гостя совершенно успокоились, Флорентиец взял их за руки и сказал:

— Жизнь даёт людям зов в самой разной форме. Нередко её призыв выражается в преждевременной смерти. Чаще — в Голгофе страданий. Иногда в человеке, прошедшем свою Голгофу, умирают его прежние качества и силы и он продолжает жить новой жизнью, как бы жизнью после смерти, поскольку всё личное, что держало его в плену, все страсти и желания — всё в нём умерло, освободило его дух. И сохранилась только его прежняя внешняя форма, наполненная новым, очищенным духом, чтобы через неё могла проходить в мир суеты и греха высшая любовь.

Есть такие места на земле — тяжёлые, плотные и зловонные из-за своей атмосферы, наполненной страстями, скорбью, злом, — куда люди, высоко и далеко прошедшие, очищенные от страстей, уже проникать не могут. Но и там нужны самоотверженные, умершие личностью проводники, через которые можно было бы давать помощь людям, гибнущим среди зла.

Флорентиец ввёл отца и дочь в свою тайную комнату. — Господи, второй раз я здесь, и второй раз точно перед престолом Божиим, — прошептал пастор.

— И вы не ошиблись, друг. Вы действительно перед престолом Божиим.

С этими словами он откинул крышку белого стола, и взорам обоих предстал мраморный жертвенник, на котором стояла высокая зелёная чаша, как бы вырезанная из цельного изумруда. Подведя потрясённых своих друзей к жертвеннику, Флорентиец встал за ними, положил им руки на головы и сказал:

— Вы видите перед собой Огонь нетленной Жизни. В Нём — все силы земли. Им земная жизнь держится. Им всё живое вдохновляется к творчеству. Это огонь сферы земли, вложенный в каждого человека.

Огонь этот и Свет солнца — два Начала жизни земли, плоти и духа, неразрывно связанных. С окончанием земной жизни человека огонь меняет форму. И меняет в зависимости от того, как Свет солнца был вплетён в путь Человека им самим.

Нет ни одного животного, в котором было бы два Начала. Каждое несёт в себе только этот огонь сфер. И существуют миллионы людей, в которых огонь земли развит до высоких и даже высочайших степеней, а Свет солнца тлеет едва заметной искрой. Такие люди владеют большими знаниями сил природы, даже могут ими управлять, но не горит в них Свет солнца, свет любви и доброты. Они преданы тьме эгоизма, и горят в них только страсти и желания, только сила и упорство воли. Тёмная их сила во всё вносит дисгармонию и раздражение. Их девиз — "Властвуя побеждай", тогда как девиз детей Света — "Любя побеждай".

Упорство их воли — меч того зла, в запутанные сети которого они затягивают всякого, в ком находят возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ и попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так погружают в разнузданность страстей, что несчастные и хотели бы освободиться, да у них уже нет сил вырваться из цепких лап. Если сердца ваши готовы служить светлому человечеству, если вы хотите принять девизом жизни "Любя побеждай", если в вас горит желание приносить любовь и помощь высших братьев в скорбящие сердца, ещё не безнадёжно утонувшие во зле, — я буду давать указания, как и где действовать в ваших трудовых буднях. Не о смерти думайте, но о жизни, протекающей вокруг вас сейчас. Ищите не молитвы о будущем, но любви радостной, чтобы каждое текущее мгновение отражало ваше творящее доброту сердце.

— Я хочу жить так, как зовёте вы, — сказала Алиса. — Все оставшиеся мне моменты жизни на земле хочу служить Отцу моему, как и пытался я делать это до сих пор. В вас вижу ту великую встречу, того наставника на земле, о котором всегда мечтал, и благодарю моего Создателя, пославшего мне её.

Отец, а за ним дочь склонились перед жертвенником, вознося к небу свои молчаливые молитвы. Их лица были так спокойны, как будто никогда не знали страдания. Флорентиец поднял их, благословил и обнял каждого. Он простился с ними до завтра, наказав им сохранять в полной тайне свой новый путь любви и труда.

Возвратившись и, по обыкновению, не встретив никого из домашних,

отец и дочь, посидев немного вместе, разошлись по своим комнатам. Переполненное сердце каждого, несмотря на теснейшую взаимную дружбу, жаждало одиночества.

Алиса, углубившись в книгу, данную ей Флорентийцем, скоро забыла обо всём. Душа её нашла новый мир, и она легла спать, в первый раз в своей юной жизни обретая полное спокойствие, примирение и радость, не омраченные повседневной скорбью о семейном разладе.

Пастор, открыв своё окно, выходящее в благоухающий сад, долго смотрел на звёздное небо, но спокойствия на его лице не было. Казалось, он вновь обдумывал всю свою жизнь. Он вспоминал о первой встрече со своей женой в Венеции. Леди Катарине было тогда восемнадцать лет, а ему двадцать один. Он и не помышлял о том, что уедет из Венеции женатым человеком, бросив карьеру певца, которую начал блестяще. И первые встречи с будущей женой даже не произвели на него большого впечатления. Леди Катарина была тогда очень красива, жила у своей подруги, дочери важного и знатного синьора. Происходя из родовитой, но обедневшей семьи, жившей в глухой провинции, леди Катарина потерпела фиаско в тяжёлой любовной истории, должна была спешить с замужеством и дала себе слово выйти за первого же подходящего иностранца, с которым встретится, чтобы уехать с ним из Италии. И подходящим для себя сочла лорда Уодсворда.

Выведав у простодушного англичанина всю его подноготную, поняв, что его можно взять только добротой и любовью, леди Катарина так играла роль безнадежно в него влюблённой, что бедный лорд попался на крючок и — незаметно для себя — соболезна ей, полюбил бедную девушку сам, навек отдав ей сердце.

Не сразу удалось ему уломать отца и получить разрешение. Упрямый старик дал своё согласие на брак с тем условием, что младший сын его станет пастором. За это он обещал ему дом в Лондоне, тот самый, где и жила до сих пор семья пастора, со всей обстановкой и садом. Но с условием, что дом будет принадлежать младшей дочери. Семейные драгоценности бабушки тоже предназначались ему, любимцу. Но бабушка умерла внезапно, не оставив завещания. На словах она успела передать сыну свою волю касательно младшего внука, велев передать ему небольшую сумму денег и все бриллианты. Пастор разделил это наследство по своему усмотрению. Старшей дочери деньги, младшей — дом и камни.

Молодой лорд, поведавший девушке свои мечты об артистической карьере, рассказавший о своей любви к музыке, был страшно удивлён, когда она принялась уговаривать его послушаться отца, сделаться пастором

и немедленно на ней жениться. Никакие доводы логики не действовали. Девушка не верила в его артистические таланты, столь одобряемые профессорами. Не верила его способностям к науке и боялась стать женой ничем не обеспеченного певца или ещё менее обеспеченного учёного. Дом же в Лондоне, предоставляемый немедленно за согласие стать пастором, казался ей уже кое-чем, а деньги и бриллианты были надёжнее восторгов толпы или лавров учёного.

Её настойчивые уговоры перешли в бурные мольбы о спасении, и последовали такие сцены, что бедный юноша, принеся в жертву свои мечты, повёл к алтарю девушку, которую — как ему говорила она теперь, — он шокировал и компрометировал своим поведением.

"Чем была вся моя семейная жизнь?" — думал в ночном безмолвии пастор. Лично для него каждый прожитый день являл собой ряд внутренних катастроф. Неряшливая и жадная итальянка с дурными манерами трудно поддавалась элементарному внутреннему и внешнему воспитанию. И только окончательное его решение, твёрдое как скала, стоившее немало количества истерик и сцен, заставило леди Катарину образумиться и усвоить внешние требования, предъявляемые английским обществом к женщине её круга. Пастор объявил категорически, что до тех пор, пока она не научится вести дом и хозяйство и держать себя, как подобает английской леди, она не будет представлена ни его отцу, ни старшему брату, не будет введена в их семью, а следовательно, лишится того высшего общества, которого так жаждет.

Целый год прошёл в напряжённой борьбе. Дочь родилась преждевременно, в шевелюре пастора появилось несколько седых волосков, и вот наконец налёт богемы, неизвестно как и где приобретённый, благодаря огромным усилиям воли и доброте мужа сошёл с леди Катарины. Постепенно вводимая мужем в общество, она усвоила внешний аристократизм, оставаясь по сути мелкой и жадной мещанкой.

Пользуясь своей красотой, пасторша легко завладевала сердцами, но прочной дружбой ни с кем похвастаться не могла. Какие горькие минуты переживал пастор, возвращаясь в свой тихий дом из богатых покоев отца и брата! Леди Катарина, ослепленная блеском роскоши, только и говорила, что о слабом здоровье его брата, об отсутствии у него наследников, и об их блестящем будущем после смерти брата, когда её муж станет единственным наследником всех его богатств.

Вспомнилось пастору и рождение его младшей дочери. \ Насмешки матери сыпались на голову бедного младенца, синие отцовские глаза и кудрявые белокурые волосы которого раздражали её. Так и росла бедная

Алиса, видя, как мать всегда и во всём предпочитала старшую сестру. Но кроткий ребёнок, восхищавшийся и матерью и сестрой, не только принимал как должное своё положение Золушки. Доброе, не знавшее зависти сердце искало любой возможности служить обеим. И всегда бывало эксплуатируемо, часто в ущерб своему здоровью. Пришлось пастору и здесь наложить вето, с которым уже была хорошо знакома его жена. Вот об этом-то и думал сейчас пастор, стараясь отдать себе отчёт, насколько виновен он перед Богом и собой в своей нескладной жизни. Он поднялся, закрыл окно и опустился на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

— Господи, виновен человек во всей своей жизни, и только он один виновен. Знаю — скоро отойду. И молитва моя к Тебе: "Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром". Я понял слишком поздно, что главное звено всей жизни, всюду, не только в семье — мир сердца. Я старался нести его всем. Но в семье своей поселить его не сумел. Проходя свой день, я стремился принести встречному бодрость. Я стремился ободрить и утешить каждого. Я хотел, чтобы вошедший ко мне одиноким — ушёл радостным, ибо понял, что у него есть друг.

Но в семье своей, со всей энергией доброты, я не достигал не только гармонии, но даже чистоты. Господи, я понял всё страдание земли своим разбитым сердцем. И я его принял и благословил. Защити Ты дитя моё величием Твоей благой любви. Ибо моё сердце не выдерживает более двойственности и не может больше биться, пребывая в компромиссе.

Я знаю единый путь человека на земле — путь самоотверженной преданности Тебе. Но радость этого пути, отравляемая ежедневной ложью и лицемерием в семье, не ввела меня число слуг Твоих, на которых лежит отражение Тебя. Ныне, у божественного огня, я понял, увидел новый путь любви. Я знаю, что для меня уже поздно, что я ухожу с земли, — прими меня с миром и не оставь дитя моё беззащитным.

Лицо пастора посветлело. Перед ним ярко и ясно вставал образ Флорентийца, и уверенность в помощи приходила к нему, на сердце становилось легко и мирно. Вся нечисто прожитая семейная жизнь перестала его тревожить. Это было уже прошедшее, далёкое и чуждое. Точно не он, теперешний пастор, прожил её. Не его мечты и грёзы, схороненные и заколоченные где-то в больном сердце, стоили смертной борьбы. Не он боролся, чтобы понять и исполнить свой путь, как путь утешителя каждому встреченному на земле, а иной человек, о котором он сам теперь сохранил только воспоминание.

Мелькнувшая молодость, занятия наукой, музыкой, любимая дочь,

цветущая природа — всё показалось ему одним мгновением. Отрешённость, долго жившая в сердце как мучительное страдание, стала вдруг радостью раскрепощения. Дух его ничто больше не тяготило. Он понял, что жизнь — это одно мгновение Вечности. Что земная жизнь человека завершается тогда, когда истощается его творческая сила, и земля, как место труда, борьбы, ему более не нужна. Можно умереть молодым, и только потому, что в данных земных условиях ни сердце человека, ни его сознание больше не могут сделать ничего. Нужны иное окружение и иная форма, чтобы дух и творческие способности могли совершенствоваться.

Светало. Пастор встал с колен, подошёл к окну, открыл его и сел в кресло. Его мысли вернулись к Алисе. Но теперь тревоги за дочь он уже не испытывал. Он знал, что каждый может прожить только свою жизнь. И сколько бы ни старался ты протоптать тропинку для своих детей, жизнь повернёт её так, что только сам человек, только он один, сможет проложить её для себя. Ни пяди чужой жизни не проживёшь.

Когда Алиса утром вышла в сад поливать цветы и увидела отца сидящим у окна, она кинулась к нему. Но в ту же секунду радость её померкла и сменилась тревогой.

— О папа, вы больны? Что с вами? Вы так изменились за ночь, осунулись, так бледны, что я сейчас же вызову доктора.

— Успокойся, дитя, у меня бессонница. Не могут старые люди всегда быть здоровыми. Я уже говорил не раз: и молодые могут умереть, а для старых — это неизбежно. О чём тревожиться? Люби меня, но люби спокойно, люби всякую мою форму, ощущай близость со мной, где бы я ни жил, далеко или близко. Верная любовь не знает разлуки.

Слёзы готовы были брызнуть из глаз Алисы, но доброе её сердце мужественно победило свою скорбь, чтобы не тревожить отца.

— Вам, папа, не хочется выйти в сад? — Нет, дитя, мне так хорошо здесь.

— Я сейчас принесу вам шоколад. Отдыхайте и ждите меня, я скоро. Уж я заставлю вас есть сегодня, — стараясь казаться весёлой, говорила Алиса. Но как только она завернула за угол дома, где её не мог видеть отец, она села на скамью и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

— О чём ты плачешь, Алиса? — резко спросила Дженни с балкона своей комнаты. — Разбила куклу? Или сегодня, у новых друзей, тебе хочется иметь томный вид страдающей жертвы?

Алиса собралась рассказать Дженни о болезни отца, о своей тревоге за него, но взглянув во враждебные глаза сестры, сказала только:

— Ты всё шутишь, Дженни. А мне кажется, что над нами нависло горе,

которого ты не хочешь видеть.

Дженни рассмеялась так же резко и насмешливо продолжала:

— Давно ли ты в мудрецы записалась? Шестнадцать лет слыла дурочкой и вдруг попала в умницы у лорда Бенедикта. Кому это делает честь? Его прозорливости или твоей хитрости?

— Меня, Дженни, ты можешь называть как угодно. Но если ты хоть раз ещё позволишь себе сказать что-либо неуважительное о лорде Бенедикте, — ты уйдёшь из этого дома, чтобы никогда в него не вернуться. Помни, что я тебе сейчас сказала, — это дом мой. И чтобы ни единого непочтительного слова о лорде Бенедикте в этом доме произнесено не было.

Что-то отцовское, когда он говорил своё редкое, но неумолимое «нет», сверкало в глазах Алисы. Необыкновенная решительность и железная твёрдость в её голосе — всё это было так неожиданно в кроткой и нежной сестре. Дженни сразу почувствовала, что это не пустая угроза, что она действительно останется без крова, если нарушит этот запрет Алисы.

Дженни знала, что кроткий отец обладал колоссальной силой характера, и ничто не могло изменить его решения, если он его продумал и высказал. В Алисе она сейчас узнала эту отцовскую черту, как давно уже узнавала в себе черты матери. Пока Дженни приходила в себя от изумления, Алиса готовила завтрак пастору. Не один пастор провёл сегодня бессонную ночь. Дженни вчера возвратилась домой в полной размолвке с матерью. И обе, недовольные друг другом, разошлись по своим комнатам, не помирившись перед сном.

Не в первый раз за последнее время мать и дочь были недовольны друг другом, что поражало их обеих, проживших до сих пор в большой любви и дружбе и не ссорившихся прежде. Ленивые, самолюбивые и вспыльчивые, они искали в Алисе причину своего дурного настроения. Им всегда казалось, что они недовольны ею, а не друг другом. Бессознательно ища её общества в минуты раздражения, обе они, покоряемые кротостью и любовью ребёнка, его всегдашним желанием успокоить и развлечь их, поддавались обаянию этой чистоты и самоотвержения, хотя считали Алису дурочкой.

Теперь Алисы, как и пастора, целыми днями не было дома. Работа, которую всегда делала Алиса, свалилась нынче на них. Ведь Алиса постоянно шила, гладила, стирала, что-то перекраивала, чтобы Дженни и мать выглядели нарядными. Рояль ждал Алису неделями, потому что даже уходя из дома, обе давали наказы, во что их одеть завтра, совершенно не думая о том, что труд этот чрезмерен. Раздражаясь, обе кое-как сами

прилаживали теперь свои туалеты, проклиная в душе тот день и час, когда лорд Бенедикт переступил порог их дома.

Запершись в своей комнате вечером, Дженни рвала и метала. Неоднократные размолвки с матерью, отсутствие у неё всякой выдержки, не сходявшие с уст проклятия докучали Дженни. Только теперь она увидела, как некультурна её мать, и оценила благородство отца. За всю сознательную жизнь Дженни пастор не сказал матери ни одного слова повышенным тоном и не позволил себе ни единого неджентльменского поступка по отношению к ней. Он был справедлив к обеим дочерям, балуя обеих одинаково. Мать же признавала только Дженни. И она со стыдом сейчас вспоминала, как часто съедала сладости, предназначенные Алисе, как отнимала для неё мать у сестры её подарки. И как та, радостно улыбаясь, отдавала Дженни всё лучшее, что имела.

Вспомнила Дженни и свой первый бал у деда. Мать приказала Алисе выпросить у деда её бриллианты, чтобы Дженни могла их надеть. Дед ласково, — при всей своей суровости он всегда был необычайно ласков с Алисой, — в просьбе отказал. Подняв её личико своей красивой рукой, он сказал:

— Не Дженни и не твоя мать, а ты наденешь бриллианты моей матери. Они предназначены тебе и будут присланы к твоему первому балу.

— Тогда уж, наверное, дедушка, их никому не придется надеть. Ведь моего первого бала никогда не будет.

— Почему же так, внучка? — рассмеялся дед, обнимая девочку, чего тоже почти никто не удостоивался.

— На балы не возят дурнушек. Да я предпочла бы послушать классическую, а не бальную музыку. Ах, дедушка, как ты меня огорчил. Дженни ведь такая красавица. Ну как же она явится на бал с голой шеей?

— Может шею свою прикрыть или совсем на бал не ездить. — Так ей и сказать? — Так и скажи.

Личико ребёнка опечалилось. Алиса долго ещё пыталась объяснить деду, что так огорчать людей нельзя. Это его смешило, он громко хохотал и всё же отвёз её домой с коробкой конфет, но без камней. Дженни вспомнила и этот день, и ясно видела перед собой поникшую фигурку сестры. Под градом материнских упрёков Алиса только горестно твердила, что просила деда так усердно, как самого Бога, но, видно, по её грехам, ни тот, ни другой не вняли. Картины жизни мелькали в памяти Дженни одна за другой, и вот в доме появился молодой учёный, друг отца, Сандра.

Дженни в первый же вечер уловила восхищённый взгляд гостя, когда Алиса играла и пела, и старалась не допускать Алису к роялю при Сандре.

Но тот умел действовать через отца, и это выводило из себя немзыкальную и ревнивую Дженни. Способная, с хорошей памятью, она легко схватывала суть каждой книги и была довольно образованна, хотя и не желала следовать той программе, которую ей предлагал отец. Знакомство с Сандрой, желание обратить на себя его внимание, заставило её серьёзно учиться, и она — не без пользы для индуса — иногда припирала его к стенке в споре. Но поразмыслив на свободе, индус являлся с новыми книгами и доказывал Дженни, что она орудует фактами по-дамски. И Дженни должна была прочитывать целые тома серьёзных книг, чтобы разобраться, права ли она. Это её злило и утомляло, раздражая ещё и потому, что, как она ни старалась привлечь Сандру, он поддавался её очарованию только до тех пор, пока не было Алисы. Стоило той войти — и вся учёность слетала с Сандры, он становился ребёнком и дурачился с сестрой, смеясь так весело и радостно, как этого никогда не могла добиться Дженни никакими чарами своего кокетства. Ревность жгла её сердце. Но она ни в чём не могла упрекнуть сестру. Алиса незаметно скрывалась, когда появлялся Сандра, и ни разу его имя не слетало с её губ иначе, чем в числе поклонников сестры.

Сейчас Дженни стало душно в атмосфере зла и раздражения. Она поняла, что любит отца, любит и сестру, и хочет быть с ними. Она оценила их духовность и не знала теперь, как к ним подойти, как покончить с той двойственностью, в которой жила. Казалось бы, куда проще: попросить Алису взять её с собой к лорду Бенедикту. Там она могла бы получить совет, как приблизиться к отцу и сестре, не вызывая ревности матери. Но... как просить сестру? Как сказать ей? Лорд Бенедикт? Обратиться к нему? Невозможно: и стыдно, и страшно. Дженни решила просить Николая.

"Граф, — писала она, — мне впервые приходится обращаться за советом и помощью к чужому и малознакомому человеку. Но Вы не просто человек. Вы учёный и философ, и вот к этому последнему я решаюсь обратиться. До сих пор я очень уверенно и самонадеянно вела линию своей жизни и была убеждаема постоянным в ней успехом, что веду её правильно и именно так, как следует. Некоторый разлад в моей семье казался мне следствием детского, нежизненного простодушия папы и сестры. Теперь же в душе моей ад. Туда закрались сомнения. Там я вижу многое, ах как многое, не таким, как это мне казалось до сих пор. И выход найти, обрести хоть каплю мира, я не могу. Я всё больше раздражаюсь, и чем яснее понимаю, что моё злобное настроение доказывает только мою же неправоту, тем больше злюсь. И сама вижу, как змеи в моём сердце шипят и поднимают головы.

К чему и почему я всё это говорю Вам, граф? Потому, что образы лорда Бенедикта и Ваш стоят передо мной неотступно. Только в Вашем доме я впервые поняла, что жизнь может двигаться вперёд добротой. И странно, там, в доме лорда Бенедикта, я не ощущала особенно сильно его и Вашего влияния. Даже — почти изгнанная лордом из его дома — я зло смеялась первые дни, усердно отравляя жизнь Алисе и папе. Но чем дальше, тем яснее я начинаю видеть ваши лица, и в моём сердце становится всё печальнее.

Я прошу Вас, разрешите мне поговорить с Вами. Вспоминая строгое и какое-то особенное лицо лорда Бенедикта в последний миг расставания, я не смею обратиться к нему с просьбой о свидании. Его величавость — не поймите меня дурно, я уверена, что она — отражение его души, а вовсе не внешний фасон, — меня сковывает. Я не смею обратиться к нему и не могу себе представить, как обнажить перед ним язвы сердца.

Я попрошу Алису передать Вам это письмо, но никогда не решусь переступить порог того дома, где сейчас живёте Вы, потому что это дом лорда Бенедикта, и не смею просить Вас приехать ко мне. Не откажите выйти завтра в три часа в Т-рсо-сквер и поговорить со мною. Примите самые искренние уверения в полном уважении к Вам Дженни Уодсворд".

Много скорбных размышлений стоило Дженни это письмо. Гордая девушка никак не хотела поддаваться, как ей казалось слабости, и только её незаурядный ум помог ей признать свои ошибки и сказать о них.

Окончив письмо, Дженни вздохнула с облегчением. Она, по крайней мере, оставила за собой некий Рубикон. Ей казалось, что она захлопнула дверь какого-то чулана в своей душе, тёмного и неприятного, и может не заглядывать туда несколько часов. Оставалось ещё одно: просить сестру передать письмо. И на деле это оказалось гораздо труднее. В своём сердце, каком-то размягченном, когда писалось письмо, она точно раскрыла объятия Алисе. Но... как только Дженни услышала, как говорит сестра с отцом, услышала её голос, полный беспредельной доброты и ласки, она мгновенно вспомнила давешнюю сцену у балкона, ожившую до боли четко и ясно. Потрясённая вспомнившимися словами Алисы, Дженни первым делом бросилась к письму, чтобы разорвать его в клочья. Но вместо этого она закрыла лицо руками и горько, по-детски зарыдала.

Дженни, гордая Дженни, так много думавшая о своей красоте! Дженни, оберегавшая лицо от малейшего дуновения ветерка, не уронившая и слезинки, чтобы не испортить кожу, — Дженни рыдала, забыв обо всём, кроме глубокой горечи на сердце. Чья-то нежная рука обняла её. Чьи-то горячие губы целовали ей руки. Чьё-то дыхание согревало её, проникая в

сердце, точно вытаскивая оттуда занозу.

— Дженни, сестра, любимая моя, дорогая. Прости меня, я ведь такая глупая, ты это знаешь, прости, родная. Я не сумела донести до тебя свою мысль так, чтобы ты, такая умная, поняла бы меня.

Слёзы сестры, такие необычные и вызванные ею, совсем уничтожили бедную Алису. Она готова была отдать самое жизнь, чтобы утешить сестру. И всё же сознавала, что оскорбить лорда Бенедикта в своём доме не позволит. Всё, что шло от него, было дороже жизни. Алиса умерла бы за сестру, но не могла изменить ему, ибо он-то и был сейчас центром её жизни. Дженни ничего не отвечала. Но под наплывом её доброты затихла и вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, прильнув к сестре, точно к доброй няне. Она молча, всё ещё чуть-чуть хмурясь, подала письмо Алисе. Та взглянула на адрес, ласково поцеловала её ещё раз и, спрятав письмо за корсаж, вышла из комнаты.

Впервые Дженни почувствовала благодарность к сестре, сожаление о внутренней разьединённости с нею. Пасторша же, избалованная тем, что к её выходу в столовую в полдень Алиса подавала обильный завтрак, непременно с несколькими горячими итальянскими блюдами, теперь каждый раз раздражалась и оглашала дом руганью с кухаркой, не умевшей ей угодить. Её так и передёргивало всякий раз, когда Алиса садилась в элегантный экипаж и уезжала из дома, часто увозя с собой отца. Она долго пилила пастора, доказывая, как необходимо иметь свой экипаж, но получив однажды железное «вето», поняла, что должна покориться. Она, конечно, не покорилась и стала выпрашивать экипаж у тестя. Тот ответил ей, что охотно подарил бы ей лошадь, но сын запретил, а ссориться с ним он не хочет. Брат мужа, к которому пасторша обратилась с той же просьбой, дал ей такой же ответ.

Бедная женщина стала бороться. Бороться с пастором, с каждым его распоряжением, приказанием, пожеланием. Поняв давно, что сгубила карьеру мужа и сама избрала скромную жизнь пасторши вместо блестящей и рассеянной жизни жены знаменитого певца, она вымещала на муже свою ошибку. Не зная английских законов, она думала, что получит развод, а вместе с ним и половину состояния и уедет за границу. Но всё было против неё, а стать вне общества она не решилась. Так и шла её жизнь в полном отдалении от мужа, который жил в своём кабинете и после рождения Алисы не переступал порога супружеской спальни.

Пасторша, ища развлечений на стороне, всё же вела внешне безукоризненную жизнь, и репутация её была незапятнанной. Пастор соблюдал внешний декорум счастливой семейной жизни и не пропускал

случая быть вместе с женой там, где этого требовали обычай или этикет. Его доброта и джентльменская вежливость с женой вводили всех в заблуждение. Да и кому могло прийти в голову, что, имея мужем одного из известнейших учёных, человека большого музыкального дарования и честнейшей души, можно быть недовольной своей семейной жизнью.

Непостоянная в своих увлечениях, пасторша часто искала новой влюблённости, но тщательно скрывала свои порывы от домашних. И Дженни, убеждённая, что мать — жертва самодура-отца, обожала мать вдвойне, стараясь вознаградить её за холодность мужа. Но не так давно зоркие глаза Дженни стали кое-что подмечать, чего пасторше вовсе не хотелось, хотя она и старалась воспитать Дженни на свой лад, уверяя, что в Италии не скрывают своих чувств.

Однажды Дженни нечаянно столкнулась с матерью, когда та под густым вуалем выходила из подъезда чужого дома вместе с малознакомым мужчиной. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова за всю обратную дорогу. Дженни и дома молча прошла к себе. За обедом она, правда, уже овладела собой и старалась отвечать обычным тоном. Но в сердце её уже не существовало алтаря. Поверженный кумир перестал держать её в своей власти. Дженни не плакала, не стонала. Она охладела сразу. И пасторша поняла, что своё любимое дитя она теряет. Но и сейчас она не признала своих ошибок. Она хотела, чтобы Дженни принимала её манеру жить как единственно правильную и возможную.

Избалованная привязанностью Дженни, пасторша не могла смириться с одиночеством в семье и решила соблазнить её проектом блестящего замужества. Не одну бессонную ночь она обдумывала ситуацию. Она легкомысленно перебирала молодых людей и пожилых лордов, знакомых и незнакомых. И успокаивалась к утру на том, что найдёт Дженни жениха с состоянием, именем и блестящим положением и тем вернёт себе дочь.

Так и жила семья пастора, и никто не сознавал, кроме самого отца, что смерть уже нашла дорогу в их дом.

Глава 3

ПИСЬМА ДЖЕННИ, ЕЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ И БОРЬБА

Алиса опоздала к завтраку, опоздала на целых двадцать минут. Лорд Бенедикт, Наль и Николай собрались в кабинете хозяина и ждали свою гостью, которая за эти два месяца, пролетевшие как один день, успела стать дорогим и любимым членом семьи.

Наль, приученная дядей Али, Флорентийцем и Николаем к безоговорочной аккуратности и пунктуальности, тревожилась сильнее других, уверяя отца и мужа, что Алиса, наверное, заболела.

— Сомневаюсь, что её задержала болезнь. Я думаю, она скоро будет здесь, и тревожиться тебе причин нет, дочь моя. Но если ты удвоишь свои заботы и постарайся выказать Алисе ещё больше любви и внимания, ты поступишь правильно. Бедной девочке предстоит вскоре большое испытание. И кроме нас троих — как ей будет казаться — у неё во всём мире не останется ни одного близкого сердца.

— Для Алисы, отец, мне легко сделать всё, что только в моих силах. Я люблю её, как близкую сестру. Да и возможно ли не любить её, однажды с ней встретившись? Но я потрясена тем, что ты сказал. Неужели её отец так болен?

— Он мог бы пожить ещё по состоянию здоровья. Но энергии для борьбы с тем злом, что его окружает, у него уже недостаточно. А в его жене она нарастает. Он уйдёт из жизни, спасаемый светлой силой любви, которой служил всю жизнь. Потому что зло, что подбирается к его дому, требует энергии и знаний гораздо больших, чем мог достичь пастор.

Только закончил говорить Флорентиец, как раздался лёгкий стук в дверь и слуга доложил, что мисс Алиса Уодсворд приехала. Наль побежала навстречу своей подруге, а мужчины прошли прямо в столовую.

Извиняясь и обвиняя себя в опоздании, Алиса не обмолвилась ни о болезни отца, ни о разладе в доме. Но её заплаканные глаза, бледное и расстроенное личико говорили обо всём без слов. Она так незаметно положила письмо Дженни рядом с прибором Николая, что даже Наль не знала, откуда пришло письмо. Увидев письмо, доставленное не почтой, Николай взглянул на Алису, положил его в карман и, казалось, инцидент был исчерпан.

— Почему Дженни избрала тебя почтальоном? — внезапно спросил

Алису лорд Бенедикт. — Если она ещё раз попросит тебя передать письмо кому-либо из нас, откажись. Скажи, что лично ей пути ко мне никто не закрывал. Но вот если мать попросит отвезти её куда-нибудь по дороге к нам или передать кому-либо письмо или вещь, или что-нибудь передать на словах, — категорически отказывайся и сейчас, и впредь. Вся твоя жизнь в эти месяцы — это отец, заботы о нём, и мы. Принимаешь ли ты это условие, Алиса?

— Принимаю ли, лорд Бенедикт? Да разве я могу выбирать? Моё сердце больше не живёт одно. В нём поселилось новое лицо, не испрашивая на то дозволения. Все, кто жил там раньше, в нём остались. Но новый владыка дал ему новую жизнь. Уйдут все любимые, — голос Алисы задрожал, она с трудом, но победила слёзы, — и я знаю, что останусь жить. В тяжёлой скорби, быть может в ужасе, но жить буду. Но если бы ушёл из сердца ваш образ, лорд Бенедикт, если бы погас там свет, зажжённый вами, жизнь ушла бы из него. Вы ведь сами всё видите. Зачем об этом говорить. Я взяла письмо Дженни, не зная, что в нём. Но зато знаю, — только здесь может найти Дженни своё спасение.

— Не огорчайся, друг. Ты узнаешь, как трудно, а иногда и невозможно помочь людям, если они ленивы, разнузданны, не хотят трудиться и видят счастье жизни только в богатстве и наслаждениях. Всё, что ты можешь сделать, чтобы не соткать ещё большего зла при твоих слабых силах и малых знаниях, это избегать всяких сношений с сестрой и матерью. Живи те немногие часы, что проводишь дома, только подле отца. И если завтра мать твоя захочет сесть в твой экипаж, — помни мой запрет. Впрочем, я скажу об этом твоему отцу.

Лорд Бенедикт встал, завтрак окончился, и каждый занялся своим обычным делом.

Алиса была выбита из колеи словами Флорентийца. Она не понимала, о каком зле он говорит. Почему нельзя довести мать, которая, кстати, уже не раз просила об этом, куда-либо по дороге. Почему нельзя взять письмо у бедной Дженни, которая так страдает, что даже плакала первый раз в жизни. Алиса не понимала смысла приказа, но ей и в голову не пришло ослушаться. Ничто на свете не заставило бы её поступить наперекор воле Флорентийца, отступить хотя бы на йоту. Пока не понимая, почему она должна вести себя именно так, она интуитивно сознавала, что в требовании Флорентийца лежит глубокий смысл и, может быть, спасение её близких. Страдая за них, ещё больше страдая за отца, она подошла к роялю, своему первому другу и помощнику во все тяжёлые минуты жизни, и нашла забвение в музыке.

Прочтя письмо Дженни, Николай пошёл к лорду Бенедикту. Познакомившись с его содержанием, тот немного помолчал, а потом спросил:

— Как же ты думаешь поступить?

— Мне кажется, девушку еще можно спасти. У нее большие способности, она могла бы заинтересоваться глубокой и чистой наукой и победить свою страсть к внешним благам.

— Для этого ей надо начать по-настоящему трудиться выбрать отрасль науки и посвятить ей полжизни. К чему-либо большому, крупному она не способна. Прожить хотя бы год в изоляции и подчиниться строгому распорядку дня, понять, что надо становиться госпожой себе и научиться управлять страстями, — она не способна. Ты уже дошел до той ступени, когда самостоятельно разбираются в делах и встречах дня. Можешь поступить так, как найдешь нужным.

— Нет, отец. Этот случай особенным Я пока не понимаю как, но знаю определенно, что нити зла тянутся от Дженни и, главным образом, от пасторши к Левушке. Когда я читал письмо, то ясно видел Левушку ускользающим от каких-то опасностей, связанных с пасторшей и Дженни, и Алису, спасаемую вами от их плена. Я пришел просить вас указать мне точные рамки поведения, так как чувствую, что не в силах распознать, как действовать.

— Если хочешь, сын мой, поступить так, как видят мои глаза, — не выходи к Дженни в сквер и не пиши ей. А продиктуй Наль маленькое письмо, в котором сообщи Дженни, что ты говорил с лордом Бенедиктом, и он будет рад видеть ее в своем доме в одиннадцать часов утра в воскресенье, если она желает переговорить с ним.

— Так я и поступлю, отец. Но не забыли ли вы, что пригласили пастора и Алису к себе в имение с четверга до воскресенья. Вы предполагали, что мы вместе возвратимся в Лондон в понедельник.

— Совершенно верно. Мы уедем, как и вернемся, вместе. Но ведь езды в деревню час с небольшим. Я пробуду в Лондоне в этот день часов до пяти, и не только из-за Дженни. И к обеду снова буду с вами. Надо постараться подкрепить силы пастора, не мешает также Наль и Алисе побыть на воздухе. Да и тебе надо отдохнуть. Кстати, съезди к лорду Мильдрею. Там, наверное, найдешь Сандру в роли сиделки. Лорду отвези вот это лекарство, оно поставит его на ноги в два дня. И пригласи обоих с нами в деревню Индус, конечно, не замедлит наградить акробатическим трюком, а лорд просияет и не сможет найти слова для выражения своей радости. Письмо к Дженни отправь с кем-нибудь из слуг сейчас же.

Николай ушел диктовать Наль письмо и затем уехал к лорду Мильдрею. А Флорентиец сел за свой письменный стол и в глубокой сосредоточенности написал несколько писем.

Отправив свое послание с Алисой, Дженни не сомневалась, что вечером сестра привезет ей ответ, и это будет самое любезное согласие Николая немедленно явиться на свидание к ней. И она стала мысленно готовить речь для Николая, обдумывая каждое слово. Ей хотелось показать графу и философу, как ум ее тонок, а чувства изощрены, как ей нужна иная жизнь, и следует указать ей путь, чтобы она успешно достигла цели. Затем она стала обдумывать, в каком туалете появиться перед графом. Она подошла к шкафу и стала выбрасывать на диван свои костюмы. Синий она забраковала, как слишком будничный Зеленый, который так прекрасно оттенял ее кожу и волосы, был чересчур яркий для серьезного свидания. Вскоре целая куча платьев лежала горой на диване, а Дженни все еще не знала, на чем ей остановиться. Если бы здесь была «дурочка» — как всегда мысленно называла Дженни сестру — вопрос был бы решен в две минуты. У дурочки такой изысканный вкус и чувство такта, что Дженни стала подчиняться ей в выборе туалетов. Жизнь заставила ее оценить вкус Алисы, поскольку она лишь тогда вызывала общее одобрение, когда следовала указаниям сестры.

И снова досада и зависть, что вот Алиса сидит теперь в аристократическом доме, а она, Дженни, должна одна трудиться над туалетами, привели ее в раздражение, а время шло, и нерешительность Дженни подхлестывалась возмущением. Почему Алиса, а не она попала в любимицы лорда Бенедикта? Не она — блестящая красавица? И Дженни дала себе слово обворовать Николая. Она уже не раз пробовала свои чары на мужчинах и — ни разу сама не любя, но лишь флиртуя, — была глубоко любима.

Наконец Дженни отобрала костюм темно-серого шелка, с темно-зелеными пуговицами и задумалась, какую выбрать к нему шляпу.

Внезапно в ее комнату влетела пасторша, тоже в халате и даже непричесанная Она стала сыпать словами, и Дженни поняла, что к ней пришел слуга от лорда Бенедикта с письмом. И на все требования пасторши отдать письмо ей в руки слуга отвечал отказом, заявляя, что вручит письмо лично мисс Уодсворд. Любопытство пасторши было доведено до предела. Понося слугу и хозяина, она торопила Дженни поскорее выйти к слуге лорда.

— Прежде всего, мама, скажите пожалуйста, посмотрели ли вы на себя в зеркало? На кого вы похожи! Сколько времени не стиран ваш халат? Вам

десятки, сотни раз говорил папа, что выскакивать в прихожую на стук леди не должна без особой на то надобности. Вы же не только выскочили к лакею лорда Бенедикта, хотя у вас трое слуг. Вы ещё и оскандалили меня перед ним. В каком виде этот лакей изложит свой отчёт лорду Бенедикту? И — что ещё нелепее — расскажет в людской о вашем грязном халате и криках?

— Это ещё что за разговоры, Дженни! С некоторых пор, как я замечаю, ты, как и папенька, слишком печёшься о хорошем тоне. Не советую тебе переходить на сторону отца и Алисы, у меня для тебя такие блестящие планы...

— У вас, мама, всю жизнь блестящие планы, только рушатся они легче карточных домиков. Но прошу вас, пройдите к себе и дайте мне возможность одеться. Я не могу выйти к слуге лорда в халате. — Давно ли тебе стала мешать мать?

— Нет, не так давно, к моему сожалению и огорчению, не так давно я стала во многом расходиться во мнениях с моей матерью.

Видя, что мать не уходит, она накинула чёрный плащ, который, вместе со шляпой, придал ей вид дамы, готовящейся выйти из дома. Категорически запретив пасторше следовать за собой, Дженни вышла в переднюю. По дороге она соображала, как должна вести себя леди в таких случаях. Точного представления у неё об этом не было. Но прежде чем Дженни успела что-либо сообразить, она увидела отлично одетого человека, которого приняла бы на улице за настоящего джентльмена. Вежливо поклонившись, он подал ей письмо, откланялся и сейчас же вышел, не проронив ни слова.

Дженни была озадачена. Она уже приготовилась улыбнуться и просить подождать, пока она напишет ответ, как осталась одна, точно здесь никого и не было. Дженни инстинктивно почувствовала какое-то пренебрежение к себе. Хотя это и был лакей, но всё-таки молодой мужчина, и мог бы заметить, что перед ним стоит красавица и у него есть благовидный предлог ею полюбоваться. А он даже и не взглянул на неё.

Пасторша, нетерпеливо подглядывавшая в щёлку, выскочила в переднюю, удивляясь, почему Дженни не вскрывает письмо. Однако Дженни ощутила только ярость. Она ясно видела, что конверт надписан чётким, красивым, ещё не совсем оформившимся женским почерком. Гнев Дженни обрушился на пасторшу, обвинённую в том, что она была груба и вульгарна с лакеем, почему тот и вылетел как пуля из их дома. Тут же её обвинили в подслушивании и подглядывании у дверей. И чем больше Дженни сознавала, что причина её ярости не в матери, а в ней самой, тем

всё больше она злилась. Впервые она узнала в себе материнскую черту — доходить до бешенства, на что прежде не считала себя способной. Увидев ужас на лице матери, Дженни сразу поняла, как сию минуту безобразна. Закрыв лицо руками, она убежала в свою комнату, захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

Бросившись в кресло, она просидела несколько минут без движения, без сил, без способности что-либо соображать. Наконец, сбросив с себя плащ и шляпу, она натёрла виски и шею одеколоном и взяла письмо в руки. Несколько удивила её какая-то особенность в бумаге, должно быть не английской, и вензель с графской короной, тёмно-зелёной с золотом. Разорвав конверт небрежно и торопливо, Дженни прежде всего посмотрела подпись — "Наль, графиня Т.", — стояло там.

"Милая мисс Уодсворд, — пишу Вам по поручению моего мужа, который просит передать, что лорд Бенедикт будет ждать Вас в воскресенье в 11 часов утра в своём доме. Отец же просит сообщить, что время его очень точно расписано. И Вам он отдаёт его с большой любовью и радостью, но, к сожалению, только от 11 до 12 часов.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении. Наль, графиня Т."

Обида, унижение и негодование охватили Дженни. Поиски туалета и желание обворозжить Николая, и — это письмо Наль. Всё раздражало девушку, смешалось в какой-то сумбур и снова вызвало пароксизм бешенства. Теперь уже не на мать обрушилось её раздражение. Но на дурочку-сестру, не сумевшую, очевидно, передать письмо так, чтобы Наль об этом не узнала. По всей вероятности, прелестная графиня закатила мужу сцену ревности и пожелала ответить лично, опасаясь соперничества с красивой Дженни.

Последняя мысль порадовала мисс Уодсворд и привела её в себя. Но всё же письмо она решила матери не показывать. Зная её любопытство, Дженни оторвала обращение и подпись и бросила рядом с конвертом на столе, письмо сожгла. Затем она вышла в ванную комнату, оставив свою дверь открытой. Как она и предполагала, пасторша немедленно шмыгнула в её комнату. Дженни дала ей время полюбоваться короной и подписью и вернулась к себе уже совершенно остывшей от гнева. Теперь ей казалось невероятным, что она могла так распуститься, и было противно сознавать, что она впала в ту же вульгарность, которая так коробила её в матери. Остаться наедине с собой и дальше казалось невыносимым. И она обрадовалась матери, которая вошла к ней как ни в чём не бывало и предложила отправиться в театр за билетами на заезжую знаменитость.

За завтраком мать и дочь, не касаясь утреннего происшествия, решили,

что Алису нужно до конца недели оставить дома. Ежедневные всё удлиняющиеся отлучки Алисы грозят катастрофой их домашнему обиходу. Пасторша посоветовала написать письмо Алисе теперь же и оставить его на видном месте. Дженни, позабыв, что Алиса уже давно не та девочка на побегушках, которой она всегда отдавала распоряжения, как своей горничной-рабе, написала целый ряд указаний относительно домашних дел вплоть до воскресенья, прибавив, что она не должна сейчас бывать у лорда Бенедикта, где и вообще-то изображает приживалку молодой графини, чем позорит мать и сестру. "Пора кончать все эти глупости".

Запечатав письмо, Дженни оставила его на столике в передней, где его нельзя было не заметить. Наконец обе дамы вышли из дома, очень довольные собой.

Тем временем Алисе в доме лорда Бенедикта было, как всегда, радостно, легко, просто и весело. Добрую и нежную девушку обожали все, начиная от Наль и Дории и кончая сыном повара, который так и тянулся к ней, если случалось им встретиться в саду или во дворе.

В этот день пастор приехал сюда несколько раньше обычного и прошёл с дочерью в сад; там их и увидел Флорентиец и сейчас же сошёл вниз. Пригласив обоих на конец недели в свою деревню, он сказал, что сегодня просит их остаться у него. За вещами пастора решено было послать к его старому слуге Артуру, а Алисе Наль уже заранее приготовила туалеты. Вечером один из экипажей лорда Бенедикта отвёз Дорию в пасторский дом с письмом.

Старый слуга сам открыл дверь и был несказанно удивлён, увидев чужую леди. Когда он прочел ласковое письмо с дружеским обращением пастора лично к нему, "старому другу и верному спутнику всей жизни", Артур весь просиял и поцеловал письмо обожаемого хозяина. Пастор сожалел, что не мог на этот раз взять его с собой, но надеется, что сможет сделать это в следующую поездку к лорду Бенедикту. А сейчас он просит его не скучать и навестить своих родных, живущих близ Лондона. Он, пастор, даёт ему на это разрешение. Если Артур выедет сегодня же вечером и вернётся утром в понедельник, то доставит своим родным огромную радость, о которой они так долго мечтали, и сам пастор будет доволен не меньше их. "Я не буду счастлив, если стану отдыхать один, а ты будешь сидеть в городе", — заканчивал пастор. Прочтя письмо, слуга отёр слёзы.

— Неужели лорд Уодсворд написал вам что-то печальное? — с беспокойством спросила Дория.

— О нет, миледи, разве мой дорогой господин может кого-нибудь огорчить. Он ангел во плоти, как и мисс Алиса. А плачу я только потому,

что пастор не мог уехать отдыхать, не подумав обо мне. Он много раз настаивал, чтобы я съездил к родным. Но разве я могу бросить его одного в этом аду. Раз мисс Алисы нет, ему и прилечь не дадут. Верите ли, миледи, я сажусь вот здесь на стул, запираю дверь в коридор на половину лорда и не пропускаю сюда ни леди Катарину, ни мисс Дженни. Терплю каждый раз их дерзости и брань, но только так могу обеспечить час спокойствия и тишины для господина. Уважения к его трудам и болезни нет.

— Не называйте меня «миледи», я такая же слуга, как и вы, только служу молодой графине. Вот этот конверт просил передать вам молодой хозяин, граф Николай; очевидно, пастор сказал ему, что отпускает вас к родным. И граф — тоже душа редкостная — посылает вот этот привет для ваших родных. А мне приказал не только забрать вещи вашего Хозяина, но и доставить вас на вокзал.

Слуга, ног не чуя под собой от радости, мигом собрал вещи, сказал кухарке, что хозяин и Алиса вернутся только в понедельник вечером из деревни, а он уезжает из Лондона по приказанию пастора и вернётся рано утром в понедельник. Толстая и равнодушная ирландка завистливо покачала головой, но так как доброго Артура она любила, то пожелала ему приятного пути и снабдила провизией на дорогу. Раздражённая придирками, она злорадно подумала о пасторше и старшей мисс, которые будут сидеть в городе и грызться друг с другом. А хозяин и Алиса наслаются отдыхом в деревне без их чудесного общества. Заперев наружную дверь, кухарка передала горничной холодный ужин для хозяек и ушла к себе наверх в маленькую, уютную и солнечную комнатку. Сколько леди Катарина ни спорила с пастором, что он балует и распускает прислугу, отдавая ей барские комнаты, сколько ни доказывала, что горничная и кухарка могут жить в одной комнате, а ей нужно помещение для домашней швеи, — она наткнулась на вето пастора. У каждой из жившей в его доме прислуги была отдельная, безукоризненно чистая комната, за состоянием их следил сам пастор.

Возвращаясь из театра, Дженни больше молчала. Все её мысли сосредоточились на Алисе, на том, как повести себя с сестрой, чтобы вырвать её из сферы влияния лорда Бенедикта. Первое ядро, самое действенное, как полагала Дженни, уже пущено в Наль, приревновавшую к ней мужа. Судя по себе, Дженни полагала, что Наль, возненавидев сестру, будет стараться удалить из дома и Алису. Дурочку она надеялась уломать, прикинувшись тоскующей в постоянной с нею разлуке.

Первое, что так поразило обеих, — была мёртвая тишина в доме. Обычно, как бы поздно они ни возвращались, пастор ждал их под музыку

Алисы, которая смолкала с их приездом. И оба они всегда старались приготовить что-нибудь вкусное к ужину. Правда, за последнее время в домашних привычках многое изменилось. Но всё же основной распорядок жизни не нарушался. Дженни, приготовившая улыбку и нежное объятие для сестры, решившаяся сказать, что её музыка лучше театра, где они сегодня проскучали, Дженни, хитро нашедшая, как ей казалось, подход к отцу в том, чтобы просить его посвятить ей два ближайших вечера для совместной работы, Дженни, которая полагала, что отец будет счастлив тем, что старшая дочь последовала, в конце концов, его советам в науке, и с радостью останется дома, а Алиса, растаяв от комплиментов и нежности сестры, успеет всё, что нужно, сшить для скачек, — Дженни получила первый удар, когда увидела своё письмо нераспечатанным. — Как, Алисы ещё нет дома? Как вам это нравится, мама? — Просто из рук вон! Если не положить этому конец, девчонка избалуется окончательно. Придется принять экстренные меры.

Обе прошли в столовую. Горничная спросила у пасторши разрешения и ушла спать. Ужин показался обеим невкусным. Подогревать кушанья им не хотелось, обе молчали, обдумывая про себя планы на завтра. Дженни твёрдо решила приступить к исполнению своего замысла немедленно, как только вернутся домой отец и сестра.

— Не понимаю, — внезапно сказала пасторша, — куда подевался этот идиот Артур. То сидит в передней, как истукан, пока домой не явится "их светлость, лорд пастор", а то отправился к себе наверх, когда пастор необычно запоздал.

Она встала, подошла к лестнице, ведущей наверх, и стала кричать:

— Артур, сойдите сейчас же вниз. Подождав немного и не получив никакого ответа на свой зов, она поднялась на несколько ступеней и повторила то же в более повышенном тоне, уже приходя в бешенство. Не получив никакого ответа и на этот раз, разъярённая пасторша взбежала наверх и, не имея понятия, которая из трёх комнат принадлежит старому слуге, стала ломиться со свойственной ей любезностью в ближайшую комнату, оказавшуюся кухаркиной. Спокойная ирландка довольно невозмутимо выносила брань своей госпожи. Но спать она любила и ненавидела, если её сон тревожили. Сейчас, разбуженная стуком и криками хозяйки, требовавшей, чтобы она немедленно спустилась вниз, кухарка пришла в ярость. Открыв дверь и уперев руки в бока, она так заорала на весь дом, что Дженни мгновенно прибежала на крики обеих женщин. Дженни боялась, как бы этот ночной скандал не привлек внимания ночного сторожа или полисмента, а ещё того хуже, чтобы отец не возвратился в

разгар этой сцены. Тогда все её планы пойдут прахом. Перепуганная горничная с трудом, наконец, объяснила Дженни, что пастор и Алиса не вернутся до понедельника, а Артур уехал, так как отпущен пастором к родным. И теперь хитроумная Дженни получила второй удар — удар, едва не сваливший её с ног. Нравственно она была так разбита, что не имела сил говорить.

Ирландка тем временем перекричала свою госпожу и едко отчеканила:

— Пастор с мисс Алисой сбежали от такой жены и матери. Теперь они на даче лорда Бенедикта, где вам их не достать. А вот как только пастор вернётся, я всё ему о вас доложу и попрошу расчёт. В таком позорном доме я жить больше не желаю. Вам пастор запретил тревожить слуг, раз они спят. А вы нарушили его приказание. Да, впрочем, что вам это стоит, если вы потихоньку от него на свидания бегаετε. О, я всё, всё знаю. Мой знакомый служит у мистера Б. и рассказал мне всё. Я молчала. Плевать мне на ваше поведение. Но теперь, когда вы осмелились потревожить мой сон, нет, тут уж пощады вам не будет.

Дженни почувствовала головокружение, тошноту, пошатнулась и наверное упала бы, если бы сильные материнские руки её не поддержали. Но как только мать коснулась её, Дженни вздрогнула, выпрямилась и оттолкнула леди Катарину.

— Спасибо, мама, я уже хорошо себя чувствую. Спускайтесь, пожалуйста, вниз. Я иду за вами.

Что-то особенное было в голосе Дженни и во всей её фигуре, что заставило всех трёх женщин замолчать. Ирландка злобно фыркнула и захлопнула свою дверь, а пасторша молча сошла вниз. Не обменявшись ни словом, мать и дочь разошлись по своим комнатам. Дженни чувствовала боль, физическую боль в сердце. Она вошла к себе, где всё валялось неприбранным с самого утра. Ей было не под силу оставаться в этом хаосе, и она решила переночевать в комнате сестры. К её удивлению, даже небольшой коридор, отделявший комнаты отца и Алисы от всей квартиры, был заперт на ключ. Дженни решила, что глупый старый Артур просто забыл его открыть. Она вышла в переднюю, чтобы пройти через зал и кабинет отца в этот же коридор. Кабинет также был заперт.

Как ни была разбита сейчас Дженни, она всё же снова пришла в ярость, проклиная старого Артура, позволившего себе уж слишком много. Бедной Дженни и в голову не пришло, что старый Артур действовал по приказу, полученному от пастора: закрыть все двери и до их возвращения ни по чьему требованию не открывать. Пастор получил этот приказ от лорда Бенедикта, вот почему старому слуге он был передан со всей строгостью.

Дженни поняла, что провести ночь в комнате сестры и воспользоваться чистотой и уютом этого, переделанного из сарая жилища ей не удастся. Невольно Дженни вспомнила, как она допекала Алису за её музыку, пока, наконец, девочку не убрали из дома, присоединив к нему каменный сарай и отгородив звуконепроницаемой стеной новую комнату Алисы. Кротость Алисы, её вечное огорчение, что страдают нервы сестры, точно шилом кольнули сердце Дженни. Возвращаясь через переднюю, она схватила своё письмо и стала комкать и мять его до тех пор, пока оно не превратилось в жалкий комок. И чем дольше она мяла несчастное письмо, тем больше росло её раздражение. Взяв в своей комнате халат и подушку, мисс Уодсворд-старшая отправилась в зал, решив переночевать здесь на одном из диванов. Проходя мимо комнаты матери, она услышала храп, от чего по её лицу пробежала гримаса презрения.

Войдя в зал, Дженни сбросила с себя нарядное платье и принялась ходить по комнате. Первый раз в жизни у неё была бессонница. Ибо сегодня ей казалось, что её жизнь начинается заново и всё поставлено на эту карту. Отчего так казалось — она не понимала. Случайно взгляд её упал на вазу, в которой Сандра однажды принёс Алисе цветы, сказав, что дарит их ей его душа за музыку.

"За музыку, за музыку", застучало в голове Дженни. И в доме лорда Бенедикта Алису тоже наградили за музыку. Неужели дар Алисы так велик? Почему же она, Дженни, не оценила его по достоинству? Ах, как мешала теперь Дженни её сестра. Только теперь она поняла, какая сила обаяния кроется в Алисе, какая сила характера, цельного и непоколебимого, таится в этом существе. Дженни представляла себе отца и Алису, наслаждающихся аристократическим обществом, общением с умными и талантливыми людьми, в то время как она проведёт эти дни в одиночестве и тоске. Она не сомневалась, что Сандра тоже поедет в деревню, и ревность разжигала её завистливое сердце. Сколько Дженни ни ходила из угла в угол, сон всё так же бежал от неё, как и в начале ночи. Но пойти к себе и прибрать комнату ей и в голову не пришло. Постепенно её мысли сконцентрировались вокруг лорда Бенедикта — центральной, как она полагала, фигуры всех её бедствий. Пойдёт ли она к нему в воскресенье? Скачки начинаются в час дня. Она успела бы вернуться домой, а раз отца не будет, можно нанять экипаж на весь день, и всё устроится просто. Но... о чём говорить? Лгать ему даже в мыслях — Дженни ощущала это всеми нервами — она не сможет. Жаловаться на судьбу, раз отец и Алиса у них в таком почёте, невозможно. Просить помощи, чтобы начать самостоятельную жизнь? Лорд Бенедикт опять

скажет, что жизнь земли есть труд и счастье человека в радости любимого труда. А Дженни хочет жить в роскоши, и труд ей несносен.

Чем больше она думала о своём настоящем и будущем, тем яснее видела для себя один-единственный выход: блестяще выйти замуж. Увидев Наль, она поняла, что не была настоящей красавицей. Ни правильностью черт, ни той необычайной гармонией линий тела, ни безукоризненной красотой рук и ног, какие были у Наль, она не отличалась. В ней всё кричало, как и в матери. И много усилий потратила дочь, чтобы избавиться от того налёта вульгарности, который так коробил её в ней.

Снова и снова мысли Дженни возвращались к лорду Бенедикту. Снова и снова охватывали её зависть и бешенство. Наступило утро. Дженни с ужасом увидела своё жёлтое лицо, но решение созрело: к лорду она не пойдёт. И как бы ни хотелось ей пусть только для себя отыскать какой-нибудь возвышенный предлог, она сознавала, что лорд Бенедикт тут же прочтет всю её ложь. Утомлённая и решившая сделать всё, чтобы отравить сестре каждую поездку в этот ненавистный дом и заставить её от него отказаться, Дженни прилегла на диван. И сразу подумала, что здоровье отца шатко, что дом перейдёт к Алисе, ещё несовершеннолетней, и что сумасшедший отец способен выбрать опекуном лорда Бенедикта... Дженни ощутила жгучую ненависть к сестре, видя теперь в ней одной, этой злосчастной дурочке, причину всех своих несчастий.

Дженни кипела весь этот день и вечер в страстях и бунте, а дом лорда Бенедикта сиял огнями. Впервые лорд представлял графа и графиню Т. избранным представителям высшего света на приёме в своём прекрасном особняке. К подъезду прибывали всё новые экипажи с нарядными кавалерами и дамами.

Наль и Алиса давно были предупреждены о грядущем событии, и обе умоляли лорда Бенедикта освободить их от этой пытки. Потешаясь над их застенчивостью, лорд заставил их вместе с Николаем брать уроки танцев, сам обучал тем условностям этикета, с которыми им придется считаться ещё некоторое время.

— Независимость и полная освобождённость должны жить в ваших сердцах. Ничто внешнее не может задавить человека, если сердце его свободно от страха и зависти. Все эти внешние рамки, разные отягощающие обстоятельства — только иллюзии. Пустой, неуверенный человек, не имеющий понятия о том, что он в себе носит, что только сам он творит свой день, — только такой невежественный человек может жаловаться на обстоятельства, стесняться людей и обычаев. Вам следует не только понять, что ничто давить на вас не может, но научиться владеть

собой так, чтобы при всех обстоятельствах не терять спокойствия и свободы, уверенности и мира. Тебе, Наль, пора забыть гарем и осознать себя не восточной или западной женщиной, а прежде всего человеком. Смотри на всех одинаково, воспринимай каждого именно тем встречным, которому должна ты нести мир и свет. О страхе забудь. Научись быть среди людей, отдавая дань времени, в котором живёшь, тем не менее заставляй их помнить о вечной красоте.

И ты, крошка Алиса, сиди сегодня за роялем, как воспитанная леди, но выливая море звуков, зови своих слушателей к раскрепощению. Чистота твоей артистичности будет стирать с сердец несносный налёт уныния, зависти и страстей. Забудь и ты навсегда о страхе, особенно о страхе перед игрой и пением. Наоборот, зови в музыке к духовному напряжению, к действию.

Поцеловав обеих дочерей, — шутя он говорил пастору, что отбил у него дочь, — Флорентиец расстался с ними до вечера, сказав, что Дории известно, во что и как их одеть. И вот вечер наступил. Флорентиец сам зашёл за Наль, снова надевшей своё парчовое платье и жемчуг. Стоя рядом с Николаем, она была так прекрасна, что даже отец улыбнулся, объявив её заранее притчей во языцех лондонского сезона. Вбежавшая Алиса, увидев всех троих вместе, всплеснула руками, сказав, что не отказывается от первого впечатления и не знает, кто из мужчин моложе и красивее. Но что Наль сегодня сошла с Олимпа — это уж вне всяких сомнений. Сама Алиса не сознавала своего очарования; в лёгком белом платье, с сияющими синими громадными глазами и золотым ореолом волос она была похожа на музу.

Все вместе сошли вниз, где их ждали пастор, Сандра и лорд Мильдрей, обомлевшие от красоты двух спустившихся к ним пар. Едва успели хозяева войти в зал, как стали появляться гости.

Вечер прошёл для молодых хозяев и Алисы как нельзя удачно. Алиса играла исключительно хорошо, обе юные женщины пожинали лавры; комплименты и приглашения сыпались на них как из рога изобилия. И обе после отъезда гостей бросились на шею своим отцам с возгласом:

— Слава Богу, наконец-то кончилось, — чем насмешили не только отцов, но и оставшихся ночевать Сандру и лорда Мильдрея.

Утомлённые, но счастливые завтрашним отъездом в деревню, все разошлись по своим комнатам.

Глава 4

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В СЕМЬЕ ГРАФА Т. НА БАЛКОНЕ У НАЛЬ. ЗАВЕШАНИЕ ПАСТОРА

Прелестное августовское утро, тёплое и солнечное, обрадовало обитателей дома лорда Бенедикта. После раннего завтрака, не мешкая, отправились в имение. Станции мелькали под восторги Наль и Алисы, которых восхищало всё: и поля, где работали крестьяне, и цветущие палисадники, и домики, обвитые плющом и цветущими розами, и стада, и играющие на улице дети. Обе, казалось, позабыли о своих спутниках, только и слышалось: "Смотри, Наль", "Смотри, Алиса".

Наль, впервые познакомившаяся с Англией, удивлялась решительно всему. Действительно, всё было так непохоже на её родину. Ей казалось, что вот сейчас мелькнут силуэты осликов и верблюдов, без которых она не представляла жизни. Алиса тоже бывала за городом очень редко и природу видела только из вагона, так как пасторша её не выносила. Поэтому воспринимала свой отъезд на дачу, как кругосветное путешествие. Почти полтора часа езды в поезде мелькнули, как одна минута. И когда лорд Бенедикт сказал, что на следующей остановке им сходить, она была очень разочарована.

— Как бы тебе хотелось, Алиса, ехать сутками — на поезде или на пароходе? — спросил пастор.

— О да, папа, с вами и со всеми, с кем еду сейчас, очень бы хотелось, хотя на пароходе, наверное, очень страшно.

— Страшного-то ничего нет, — сказала Наль. — Но так противно, что даже одно воспоминание об этом во мне и сейчас вызывает тошноту.

Наль побледнела и пошатнулась. Николай поддержал её и пошутил над её слишком горячим восточным воображением, а лорд Бенедикт быстро подал ей коробочку с маленькими конфетами:

— Возьми и поскорей проглоти. Это заставит тебя забыть о пароходе.

Наль с трудом исполнила его желание и снова опустила головку на плечо мужа. Обеспокоенная Алиса с удивлением обнаружила, что её отец, всегда волновавшийся из-за чужих болезней, на этот раз совершенно спокоен. Посмотрев на лорда Бенедикта, она и в нём не нашла никаких признаков волнения. Только Николай выказывал Наль внимание и сочувствие, но и он не был слишком обеспокоен. Алиса, глубоко

переживавшая дурноту Наль, с досадой пожала плечами и пробормотала, вздыхая:

— Ох уж эти мужчины, — и это было так неожиданно и комично, что вызвало общий смех. Веселее всех смеялась Наль. Так они и сошли на станции, где их ждали экипажи.

Это путешествие заняло немногим более получаса, и путники добрались до имения Флорентийца. Миновав ворота, экипажи двинулись по длинной и широкой дубовой аллее, в конце которой виднелся дом. Он стоял на высокой горе, по которой террасами спускался к большому пруду тенистый парк с вековыми липами, ясенями, дубами и каштанами. Тут и там виднелись лужайки, клумбы и кусты роз, — всё было полно красоты и гармонии.

— О отец, — бросилась на шею Флорентийцу Наль, — я думала, лучше сада дяди Али и быть не может. А оказывается, вот какие сады бывают на свете. Ой, отец, опять, опять кружится голова и тошнит.

Флорентиец снова дал ей маленькую конфету и велел Николаю отнести жену наверх, где она должна полежать не меньше часа.

— Ну, поскольку молодой хозяйке нездоровится, придется тебе, Алиса, выполнять её обязанности и занять её место за столом, — остановил Флорентиец Алису, которая собиралась пойти с Наль.

— Но я могу быть нужна Наль, лорд Бенедикт. Разрешите мне посидеть возле неё. Вы же видели, как она сразу осунулась.

— Это её укачало, через час всё пройдет. А вид с балкона Наль — один из лучших в мире. Сразу забудет о болезни. Пока для ухода за ней довольно одного мужа. Но, быть может, настанет момент, когда понадобишься и ты. — Быть полезной Наль — это большое для меня счастье. — Вот и Дория. Она проводит тебя. Переоденься в лёгкое платье и через четверть часа приходи на террасу, где накрыт стол. А до завтрака, пока все будут распаковываться, мы с тобой успеем пройтись по парку.

Алиса, беспокоившаяся за подругу, но утешенная полнейшим отсутствием тревоги у лорда Бенедикта, быстро пошла за Дорией наверх, где и обнаружила, что отец её сосед. Шепнув ему, что она счастлива провести с ним несколько дней в таком волшебном месте, она просила его отдохнуть до завтрака. И даже не посмотрела, что на неё набросила Дория.

— Ну можно ли так мало интересоваться собой, мисс Уодсворт, — говорила Дория, застёгивая на Алисе прелестное сиреневое платье с белыми кружевами. — Ведь вы красавица. Неужели вы этого не понимаете?

— Дория, друг, дорогая сестра, — и Наль, и я, мы уже устали просить

вас называть нас только по имени. Если вы ещё раз сделаете по-своему, то огорчите меня до слёз. Разве вам этого хочется?

— Нет, Алиса, меньше всего я хотела бы вас огорчить. Но как-нибудь я расскажу вам печальную историю своей жизни, и вы поможете мне смиренно исполнять мою роль.

Алиса поцеловала Дорию, огорчаясь, что должна спешить и поэтому не может выслушать немедленно же Дорию, которая завязывала на ней фиолетовую ленту белой кружевной шляпы.

— Если бы я была мужчиной, я бы женилась на вас сегодня же, — говорила Дория уходившей Алисе.

Весело смеясь, Алиса выпорхнула на террасу, где её ждал Флорентиец. Он тоже успел переодеться в лёгкий серый костюм и белую шляпу. Увидев смеющуюся девушку, совершенно очаровательную в лёгком платье, с открытой шеей и руками, он элегантно снял шляпу и, улыбаясь, сказал:

— Будь мы во Флоренции, десяток твоих обожателей заманили бы меня в капкан, откуда я вряд ли выбрался бы.

— К счастью, мы в Англии, лорд Бенедикт, обожателей у меня нет, и капкан никому не грозит.

— Так ли это, Алиса? Точно ли у тебя нет обожателей? И никто не шептал тебе, как ты красива? — преуморительно состроил постное лицо Флорентиец.

— Нет, лорд Бенедикт, — рассмеялась Алиса. — Мужчины пленяются такими женщинами, как Наль и Дженни. У них всегда много обожателей, потому что они красивы. А вот Дория только что сказала мне, что если бы она была мужчиной, то женилась бы на мне прямо сейчас.

Уходя в глубину парка, где на все лады пели птицы, прыгали белки и на дорожки ложились пятнами солнечные лучи, Алиса была потрясена впервые осознанной тишиной и величием природы.

— Боже мой, как прекрасна жизнь, — воскликнула девушка, когда Флорентиец вывел её на верхушку горы, откуда открывались дали. — И какая тишина! Отсюда никогда бы и не ушла.

— К сожалению, нельзя жить так, как нам хочется. А только, как ведёт великая Матерь Жизнь, Мы приходим на землю и уходим, уже связанные теми нитями, которые сплела наша же любовь или ненависть, Алиса. Зло не живёт в мире само по себе. Если оно сваливается на нас, то только потому, что мы сами, творчеством своего сердца, призвали его к себе. Если же мы чисты, — оно не приблизится. Пусть мы не знаем, почему горе на нас свалилось именно сейчас, но это мы соткали его когда-то. И не умеем в этот миг растворить его в огне своей любви. Ты беспокоишься о Наль. Но

тревожиться о ней нечего. Можно только радоваться. У неё будет ребёнок, и начало её беременности будет протекать несколько тяжело. Твоя помощь будет очень нужна твоей подруге, если, правда, ты вскоре не захочешь выйти замуж.

— Я? Замуж? Господи, что только вы не скажете, лорд Бенедикт.

— Если хочешь последовать моему указанию, — не выходи сейчас замуж. Не оставляй нашей семьи, а наоборот, переселись к нам. Твоё влияние на Наль, твоя доброта и чистота помогут сложиться её материнскому чувству, а ребёнку прийти в мир, имея в твоём лице добрую волшебницу — тётю Алису.

— Я понимаю огромную важность каждой приходящей в мир новой жизни, лорд Бенедикт. И, видит Бог, не мыслю иного счастья, чем служить Наль, вам. Но... — сияющие, полные слёз глаза Алисы поднялись на Флорентийца, — у этой жизни будут любящие отец и мать и такой необыкновенный дед, как вы. А у моего отца нет, кроме меня, никого. Но я поступлю так, как вы укажете. Я только хочу, чтобы вы учли, как одинок и несчастлив мой обожаемый отец. Встреча с вами — первое счастье в его жизни. А я — его единственное утешение.

— Я слышу голоса, Алиса. Сюда идут твои обожатели и твой отец. Мы продолжим наш разговор потом. Знай только, что пока жив твой отец, ни ты, ни я его не покинем. Вытри глаза и проглоти эту пилюлю. Найди в себе самообладание, Алиса, и волей-любовью победи личное страдание. Дело не в тебе, а в твоём отце, проводить которого ты должна легко, ни разу не показав ему, что страдаешь при мысли о разлуке. Думай только о каждой текущей минуте его жизни и старайся быть светом ему и радостью.

Из-за поворота дорожки показались трое мужчин. Флорентиец прижал к себе девушку, пристально, ласково и с такой мощью посмотрел ей в глаза, что к Алисе сразу пришло спокойствие и самообладание. Вся её фигурка, залитая солнцем, громадные синие глаза, засветившиеся сейчас новым спокойствием, были совсем другие, чем в Лондоне. От троих приближавшихся мужчин отделился один, в светлом костюме, и побежал к Флорентийцу и Алисе, сняв шляпу, размахивая ею и крича:

— Ура, это я вас нашёл, лорд Бенедикт. Мои солидные спутники уверяли, что искать вас нужно у оранжерей. Мисс Алиса, вы хорошеете не по дням, а по часам. И до чего дойдёт, уж и не знаю, — говорил Сандра, присоединяясь к своим друзьям.

— Ты, Сандра, неисправим, — улыбнулся Флорентиец. — Лорд Мильдрей опять придёт в отчаяние от твоей манеры говорить девушкам комплименты.

— А я готов подписаться, — обнимая дочь и беря её под руку, тихо сказал пастор. — С тех пор как моя Золушка стала проводить время в вашем доме, она превратилась в царевну. И действительно, чем дальше, тем она милей. Сегодня, Алиса, ты даже старика-отца обворожила.

— Предоставьте ей, лорд Уодсворд, очаровывать этих милейших молодых людей. А мне хотелось бы поговорить с вами. Не хотите ли присесть на ту скамью. Вид оттуда прекрасный, да и вам отдохнуть не вредно. А молодёжь погуляет по парку до завтрака.

И Флорентиец увёл пастора в боковую дорожку, к обрыву. — Я так рад каждому проведённому подле вас мгновению, лорд Бенедикт. Тем более, что совершенно определенно чувствую, как мало земных мгновений мне осталось. Мысль о том, что ждет мою семью, что ждет Алису, одна из самых тягостных.

— Неужели вам не ясно, мой дорогой лорд Уодсворд, что Алиса в моей семье нашла второй родительский кров. Мысль о ней не должна вас тревожить. Сегодня сюда прибудут два юриста по делам Николая и Наль. Вы можете составить завещание и назначить меня опекуном вашей дочери на случай вашей смерти. Но эта сторона, юридическая, мало затруднительна. Я хотел предложить вам, — если вы действительно чувствуете себя плохо, — взять отпуск и переехать сюда, в деревню, где мы проведём август и сентябрь. Вы с Алисой доставите всем величайшую радость, если поживёте с нами это время. У меня были несколько иные планы. Но Наль, как, я думаю, заметили и вы, ждет ребёнка. Ей необходимо побыть в тишине не только ради здоровья, но и чтобы глубоко постичь событие, к которому готовится.

— Если бы не счастье моей встречи с вами, лорд Бенедикт, мне нечего было бы вспомнить в этой жизни. Алиса да мой старый слуга и верный друг, вот всё, что было и есть светлого в моём доме. Изведав страдание сердцем, я нашёл смысл и свет жизни в служении Богу и ближним. Только первые годы терзала меня моя собственная трагедия. Но я позабыл о себе, когда окунулся в океан человеческих страстей и горя. Отходя теперь к Отцу моему, переживая вновь всю свою жизнь, я сознаю, что не был верным ему слугою, ибо оставляю после себя такую безобразную семью. Наставляя свою паству, утешая и облагораживая другие семьи, я ничего не смог сделать в своей собственной. Не смог вырвать всходы зла и разврата, что посеяла Катарина.

Бледное, удручённое лицо пастора, его глаза, точно уже простившиеся с миром, поникшая фигура, — всё говорило о такой скорби сердца, которой, действительно, уже не вынести человеку и от которой должны порваться

струны его сердца.

— Лорд Уодсворд, человек, отдавший свою жизнь людям и служивший им так, как это делали вы, — не просто обыватель, создавший одну из миллионов уродливых семей. Вы — арфа того Бога, которому служили, любя людей. Не вините себя, что по доброте своей женились неудачно и, спасая, как вы полагали, чистое существо, вы попали в сети зла. Вы оправдали свою жизнь своей деятельностью. Вы были чистым слугой Бога. Вы несли свет и оставляете его на земле в лице Алисы. Вы ослабили сети зла, которые плела и плетёт ваша жена. На много лет вы задержали тёмные силы, которые стремились к ней и к которым стремилась она. А что будет после вашей смерти — о том предоставьте позаботиться мне, и верьте, что я защищу Алису. Чтобы облегчить бедной девочке борьбу с матерью и сестрой, перевезите её в мой дом теперь же. Переезжайте сюда, в деревню, со своим слугой, если моё общество вам радостно. Мне же ещё многое предстоит передать вам, прежде чем мы расстанемся.

Флорентиец обнял пастора за плечи и подал ему небольшую зелёную коробочку, на дне которой лежало несколько розовых конфет.

— Скушайте, дорогой друг, одну из этих конфет, она вас воскресит. Не предавайтесь отчаянию. Если вы думаете, что покидаете землю, то делать это следует мужественно и мудро, в мыслях о Вечном и с полным сознанием великого счастья: жизни Единого в себе и во всём. Но вот и гонг к завтраку. Я проведу вас ближайшим путём.

Пастору стало лучше. Он уже не казался стариком, сердце которого сейчас разорвется. На бледных щеках его появился намёк на румянец, он как будто помолодел и шёл легко.

— Как хочется поведать, какое облегчение дали вы мне, лорд Бенедикт. Но слов подходящих не нахожу. Одно могу сказать: я думал, что не смогу удержать в руках лампы мира и предстану перед Отцом с мигающей лампой. Сейчас знаю, что вы примирили меня с жизнью, и я отойду с миром, принимая все свои обстоятельства и благословляя их. Как святыню я понесу до конца эту жизнь, эту временную мою форму, через которую было необходимо пройти, чтобы очиститься и раскрепоститься.

— О папа, как вы хорошо выглядите. Вы напомнили мне моего прежнего папу, который подолгу гулял со мной.

— Да, дитя, прибавь только, что общество лорда Бенедикта делает меня таким счастливым, каким я никогда ещё не был.

Флорентиец попросил гостей подождать его несколько) минут, пока он навестит Наль и не узнает, может ли она спуститься к завтраку. Пока отсутствовал хозяин, Сандра сообщил пастору новости из последнего

научного американского журнала, а лорд Мильдрей рассказывал Алисе, что весь Лондон на сей раз помешался на скачках, где будут состязаться какие-то замечательные лошади из королевского дома. И королевская семья собирается присутствовать, поэтому билеты в ложи нарасхват.

— Но я всё же достал одну из лучших лож. Ни графиня, ни вы, леди Уодсворд, никогда не видели скачек. Я был бы очень рад, если бы вы их посмотрели. Если лорд Бенедикт согласится, мы могли бы в воскресенье утром выехать в город и после скачек, к обеду, быть снова здесь.

Флорентиец вернулся один, сказав, что Наль чувствует себя хорошо, но он посоветовал ей ещё немного полежать. За завтраком лорд Мильдрей передал хозяину билет на скачки, прося для всего общества разрешения поехать тоже. Флорентиец охотно согласился, сказав, что у него есть дело в Лондоне на воскресное утро, а Наль и Алисе будет поучительно посмотреть ещё на один вид спорта, где бушуют безобразные страсти. Сандра, тоже не видевший скачек, решил, что ему следует обидеться на то, что лорд Бенедикт не считает нужным позаботиться и о его воспитании тоже.

— Я только потому, Сандра, тебя не назвал, что боюсь, как бы у тебя во время скачек не выросла ещё пара ног и, со свойственным тебе темпераментом, ты не понёсся бы по скаковой дорожке. Поэтому всю дорогу и на самих скачках изволь сидеть рядом.

Под общий смех завтрак кончился, и всё общество, не дождавшись Наль и Николая, отказавшихся от прогулки, отправилось к пруду.

Наль физически чувствовала себя хорошо. Но её духовное равновесие было так сильно нарушено, что не только видеть кого-либо из друзей, но даже Алисе она не хотела показать своё расстроенное лицо. Как только Николай внёс её наверх и уложил на балконе, дав ей каких-то капель, Наль довольно скоро почувствовала себя хорошо и сказала мужу:

— Удивительное создание женщина. Мы с тобой на пароходе были в одинаково плохих условиях, — и ты уже давно забыл о качке, а в моём организме она всё взбудоражила до дна. Только о ней вспомню, как меня начинает мутить и я становлюсь больной.

— Мне думается, моя дорогая, что здесь дело не в качке. А нас с тобой ожидает нечто другое, очень значительное. И твоя тошнота, и твои головокружения — всё происходит от того, что в тебе зародилась новая, наша общая жизнь.

Наль покраснела до корней волос и спросила, опуская глаза:

— Как мог ты догадаться? Я хотела, чтобы все узнали об этом тогда, когда родится ребёнок.

— Наль, дружочек мой, моя любимая детка. Тебе предстоит целый ряд испытаний. Как бы ни готовил тебя дядя Али к этой жизни, сколько наш дорогой друг, которого ты сама выбрала в отцы, ни развивает твой дух, переливая в тебя свои доброту и мудрость, укрепляя тебя для новой семьи, — есть ещё тысяча дел и вещей, когда ты можешь и должна побеждать свои предрассудки только сама. Все мы от них не свободны. И часто, воображая, что выполняем самый священный долг перед жизнью, так себя закрепощаем, что не имеем даже времени в полном внимании, при полной освобождённости помыслить о величии и истинной мудрости той минуты, которую сейчас изживаем. Видишь ли, на земле мы можем жить только по земным законам и никаким другим. И если сегодня ты поняла, что тебе предстоит стать матерью здесь на земле, ты уже обязана — обязана и перед грядущей жизнью, и перед дядей Али, и перед отцом Флорентийцем — найти в себе те великие силы любви, в которых утонут все мелочи, все предрассудки, ведущие дух в тупик, а не в творчество.

Если действительно ты любишь меня, любишь своих отцов, хочешь служить им и людям, и создать новую, раскрепощенную семью, то все стесняющие тебя мелкие обстоятельства должны утонуть в твоей любви. Ты легко перейдёшь грань условной стыдливости и поедешь к доктору, чтобы узнать, правильно ли, безопасно ли началась в тебе новая жизнь. Ты не будешь стесняться того, как выглядишь. Ты будешь исполнять все предписания врача, все требования гигиены, потому что ты забудешь о себе, а станешь думать о будущем ребёнке, о его здоровье. Ты, любя, создашь для него в себе гармоничное жилище. Будущий ребёнок — не тиран, который завладеет всею твоей жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребёнок — это новая связь любви со всем миром, со всей вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, в которой будет расти не «наш», «свой» ребёнок, но душа, данная нам на хранение. И это сокровище мы будем с тобой хранить со всем бескорыстием любви. Со всею честью и благородством, на какие только способны, помогая ему развиваться и зреть в гармонии. Я знаю, Наль, моя дорогая детка, сколь многое тебе будет сейчас трудно. Но я знаю и то, как много сил в тебе, какая бездна преданности живёт в тебе, и какая непоколебимая верность, не имеющая даже понятия об «измене», горит в моей дорогой жене.

Николай приник к губам Наль и, казалось, отдал ей всё своё сердце в этом поцелуе чистой, глубокой любви.

— О Николай, как далека я была от действительности, рисуя себе когда-

то картины счастья, мечтая о том, что "вот я — твоя жена" — как всё это было по-детски. Многое, впитанное мною, разумеется, из гаремных предрассудков, разлетелось, как глиняные кувшины для воды на моей родине, не годные для цивилизации того народа, с которым мы сейчас живём. Но вместе с кувшинами полетели и многие мои боги, которым я всерьёз поклонялась. Теперь я увидела и в них только глиняных идолов. И ты угадал, — я представляла себе ребёнка идиолом семьи, тесной ячейки, где только «свои» могут быть любимы, чтимы и допустимы.

А теперешняя жизнь, когда Алиса, пастор, Сандра и лорд Мильдрей так легко проникли в моё сердце, — а ведь недавно там жили только очень «свои», — мне показала, как, не нарушая верности дяде Али и тебе, можно сделать чужих своими и признать их членами своей семьи.

Наль забралась на колени к мужу, обвила его шею руками и по-детски продолжала:

— Самое для меня трудное, — это, конечно, доктор. Чего бы я только не дала, чтобы не иметь с ним дела.

— Вот для того, чтобы многим женщинам облегчить в будущем материнство, ты и будешь доктором. Ты уже сейчас так подготовлена мною, что я надеюсь, тебя примут сразу на второй курс медицинского факультета, но это мы с тобой ещё сверим по программе. Это наиболее лёгкая сторона дела, поскольку и твоя память и способности помогают тебе без труда преодолевать препятствия в науке. Сейчас нам с тобой — в смысле духовного роста и совершенствования — нельзя терять ни мгновения. Посмотри на этот дивный вид, что расстилается перед нами. Отец, повидавший весь мир, говорит, что он один из лучших на земле. Как счастлив тот человек, что приходит в мир через тебя, дорогая. Твои глаза могут видеть величайшую красоту земли в первые моменты его жизни. Твоё сердце ощущает гармонию природы и гармонию такого великого человека, как Флорентиец. Неужели ты не ощущаешь себя сейчас единицей всей вселенной? Разве можешь ты отъединить себя от меня? От этих кедров и клёнов? От солнца и блестящего озера? О Наль, жизнь и смерть — всё едино. Наша жизнь сейчас — только мгновенная форма вечной жизни. И всё, что мы знаем твёрдо, неизменно, — это то, что мы — хранители жизни. Ты станешь матерью. Ты передашь наши две жизни новой форме, которую будешь беречь до тех пор, пока жизнь не пошлет ей зова к тому или другому виду самостоятельного труда и творчества. Мы должны создать для новых, приходящих через нас единиц вселенной такие условия раскрепощенного существования в семье, чтобы ничто не давило на них, не всасывалось в них ядом наших предрассудков и страстей.

— Меня страшила бы ответственность, Николай, если бы я не была рядом с тобой. Знаешь ли, однажды пастор поразил меня своей прозорливостью. В тот день, когда отец оставил меня и его в своей тайной комнате, пастор сказал: "Ваш муж не вынес бы ни мгновения вашей неверности". И я поняла, что связана с тобой до смерти, что между нами не может встать не только образ какого-либо человека, но даже сама мысль об измене. А ещё я стала понимать, что наша семья необходима и дяде Али, и отцу Флорентийцу, чтобы цепочка преданных им учеников и радостных слуг не прерывалась. Помолчав, Наль тихо прибавила:

— Пастор и Алиса тревожат меня. Пастор так слаб, а Алиса этого не видит.

— Нет, Наль, Алиса часто плачет об отце. Но это ангельское создание улыбается. Она боится потревожить кого-нибудь своим расстроенным видом и скрывает горе, отлично понимая, что её ждёт вечная разлука с отцом, как она пока называет смерть.

— Но ведь это трагедия, Николай. Во мне растёт новая жизнь, а он, венчавший нас, уходит. Неужели ему нельзя побыть с нами. Пожить в радости, отдохнуть.

— Нам ещё не понять до конца пути человеческие, Наль. Но пока человек способен совершенствоваться, — он живёт. Он борется, терпит поражения, разочаровывается, но не теряет мужества, не теряет цельности в своих исканиях и вере, живёт и побеждает. Его сердце всё растёт, его сознание ширится. Он ещё может принести в день своё творчество. Ещё способен просто отдавать свою доброту, — и поэтому живёт.

Бывает, что человек десятки лет ведёт бесполезную жизнь. Живёт эгоистом и обывателем. Становится никому не нужным стариком — и всё живёт. Жизнь, великая и мудрая, видит в нём ещё какую-то возможность духовного пробуждения. И Она ждёт. Она даёт человеку сотни испытаний, чтобы он мог духовно возродиться. И наоборот, бывают люди, так щедро излившие в своих простых, серых буднях доброту и творчество сердца, что вся мощь его превращается в огромный свет.

И их прежняя физическая форма уже не способна нести в себе этот новый свет. Она рушится и сгорает в вихре тех новых вибраций мудрости, куда проникло их сознание. И такие люди уходят с земли, Наль, чтобы вернуться на неё ещё более радостными, чистыми и высокими. Ты найди в себе такую нежность любви и такую дружбу, чтобы утешить Алису не состраданием-слезами, а состраданием мужества и силы. Обними её и старайся видеть перед собой дядю Али, чтобы его сила через тебя поддерживала Алису в спокойном подчинении воле жизни.

И всегда сознавай, что все месяцы твоего материнства, а потом, вероятно, и годы нашей общей жизни в семье, — в них счастье служить человечеству. Счастье трудиться для него, не выбирая что-нибудь полегче и приятнее, а трудиться так и там, как укажут дядя Али и отец Флорентиец. День в сотрудничестве с ними, — о каком ещё высшем счастье можно мечтать? Нет разлуки, Наль, с дядей Али для тебя. Что бы ты ни делала, куда бы ни шла — всё мысленно держи его руку.

Оба Друга, муж и жена, не замечали времени. Они умолкли и наблюдали начинавшийся закат, возвращающиеся домой стада, появление дымков над крышами. Видя, как постепенно оживала долина, они чувствовали себя слитыми с этой жизнью природы. Сердца их бились ровно и спокойно, неся в себе, каждое по-своему, свою, особенно звучащую ноту общей жизни.

Внизу послышались голоса, и вскоре супруги услышали лёгкие шаги Флорентийца и Алисы на лестнице. Наль, ещё раз поцеловав мужа, пошла к двери и распахнула её прежде, чем согнутый пальчик Алисы успел в неё постучать. Вытянутая рука девушки по инерции коснулась Наль, что заставило обеих и Флорентийца весело рассмеяться. — Наль, я так соскучилась без тебя.

— И не вздумай верить этой ветренице, дочь моя. Теперь поёт жаворонком, а можешь ли представить эту козочку бегающей взапуски с Сандрой. Я чуть не умер от смеха, когда лорд Мильдрей, осанистый и величественный, тоже пустился было помогать ей обогнать Сандру.

Лорд Бенедикт сделал какое-то движение, приподнял ногу, чуть-чуть повёл плечом и головой, — и все покатались со смеху, узнав мгновенно милого, доброго лорда Мильдрея.

— Ну, я вижу, доченька, что ты смеешься громче всех. Значит, здорова, а потому одевайся и спускайся к обеду.

— Алиса уже предъявила мне счет за исполнение обязанностей хозяйки за завтраком. Если это повторится за обедом, — я, пожалуй, стану банкротом.

— Что только вы не скажете, лорд Бенедикт, — всплеснула руками Алиса.

— Вот видишь, Наль, второй раз она говорит мне сегодня эту фразу. Ну, давай мириться, Алиса. — И Флорентиец, подойдя к девушке, снял с неё шляпку, поправил кудри и сказал:— Ну, разве она не красотка, наша Алиса?

— Конечно, отец, не только красотка, но настоящая чудо-красавица. И если вы будете её обижать...

— То, пожалуй, её поклонники меня обидят. Очень рад, дети мои, что у

вас обеих такие мирные и благородные поклонники. Могу вам сообщить радостные новости. После страшной бури на Чёрном море, в которой твой брат Левушка не осрамил тебя, Николай, а стяжал себе репутацию храбреца, он познакомился в Б. с сэром Уоми и там узнал, что ты писатель. Сэр Уоми подарил ему обе твоих книги и просит теперь выслать ему новые экземпляры. Я надеюсь, ты сделаешь это сам.

— Кто этот, сэр Уоми, лорд Бенедикт? — спросила Алиса. — Это, козочка, один мой друг, большой мудрец, у которого глаза почти такого же цвета, как твои. Но пойдём отсюда, тебе и мне пора приводить себя в порядок, а Наль, я думаю, уже не терпит пройти до обеда.

Флорентиец спустился к себе, а Алиса зашла к отцу, который снова показался ей усталым. Пастор сидел на балконе в глубоком кресле. Лицо его действительно было усталым, но выражение безмятежного покоя и радости — такое редкое за последнее время — светилось в его больших, добрых глазах.

— Как я счастлив, дочурка, что ты зашла ко мне. В этих покоях, в этом просторе и тишине, к которым мы с тобой не привыкли, ты мне кажешься совсем другой. Я только здесь и в лондонском доме лорда Бенедикта сумел понять, чем ты была для меня всю мою жизнь и в каком я перед тобой долгу.

Алиса села на скамеечку у ног отца, прижалась к нему и взяла обе его руки в свои.

— И вот, дорогая, скоро опустится занавес пятого акта моей жизни. Много, многое сделано не так, как я того хотел. Ещё больше не выполнено. И перед тобой я виновен в том, что не сумел дать тебе счастья и беззаботного детства. Я не смог отстоять твоей самостоятельности и теперь ухожу, оставляя тебя чужой в родной семье. Без законченного общего и музыкального образования. Алиса, Алиса, ты будешь права, если назовешь меня нерадивым отцом.

— Папа, зачем вы говорите против всякой очевидности? Вы знаете, что были лучшим отцом, о каком можно мечтать. Вы украсили мне жизнь и показали, что значит божественное в человеке. И для Дженни вы были лучшим отцом, какого она только могла иметь. А если Дженни, развиваясь, пленялась только внешним блеском жизни и отбрасывала духовные ценности, на которые вы ей указывали, — в этом нет вашей вины. Зачем нам говорить о том, что будет, когда опустится занавес вашей земной жизни? Сейчас он поднят, папа. Мы живём. Живём в обществе человека, знакомство с которым сделало нашу жизнь сказкой.

— И этот человек послал тебя, дитя, переодеться, потом стоял под

дверью, трижды стучал и ожидал разрешения войти, — услышали отец и дочь чудесный голос лорда Бенедикта, стоявшего подле них на пороге балкона.

Алиса, смущённая, вскочила на ноги, а пастор хотел встать, чтобы пододвинуть стул хозяину, но Флорентиец удержал его в кресле, взял стул и, сядя рядом, продолжал:

— Вот вам ещё конфета, лорд Уодсворд. Как вы себя чувствуете? Если вы хорошо себя чувствовали после первой, то так же и даже лучше будете себя чувствовать после второй. Но, леди Уодсворд, вас я не хвалю. Вот уже и гонг. Попросите Дорию хотя бы причесать вас.

Алиса убежала к себе, а лорд Бенедикт и пастор медленно сошли вниз на террасу, куда вскоре собралось всё общество, перед тем как войти в столовую. Весело и оживлённо проходил обед. Много спорили о том, ехать ли на скачки. Наль и Алисе, не испытывавшим никакого интереса к выставке нарядов высшего общества, как и к самому этому обществу, и опасавшимся вдобавок, что лошадей будут бить, ехать не особенно хотелось. Пастор сказал, что предпочел бы почитать в тишине. Сандра пылал желанием ехать. Мильдрей и Николай молчали. Хозяин предложил отправиться всем вместе.

— Вам, девочки, необходимо побывать на скачках, чтобы понять, среди кого вы живёте. Чтобы понять народ — недостаточно видеть дворцы и музеи и знать его язык. Надо наблюдать ещё нравы и обычаи, проникнуться его темпераментом. Вы, друзья, будете наблюдать не только великосветские ложи, но и море трибун для простонародья. И в ложах, и на трибунах вы увидите кольца пылающих страстей, в которые заковали себя люди, думая, что они являют собой высшую цивилизацию всего культурного мира. А вам, лорд Уодсворд, и Алисе предстоит ещё один урок жизни. Вы поймёте, что зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому лишь, что внутри его сердца уже бурлит кратер, куда зло только подливает своё масло.

Сердце доброго — кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго лёгок. Тяжело раздражённому. Потому что кипение страстей в его сердце не даёт ему отдыха. К сердцу того, кто всегда в раздражении, открыт путь всему злему. Такой человек не знает лёгкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они давят его во всём и постепенно становятся его господином. Поедёмте все вместе. Дамам нашим милая и умная Дория соорудит по части туалетов всё, что для скачек требуется. Мы её отправим завтра в Лондон, а утром в воскресенье поедём сами. Но я слышу, подъехал экипаж. Это, несомненно,

юристы. Алиса, поиграй для всей молодой компании, а мы с твоим отцом должны поработать часа два с несносными, но неизбежными законниками.

Молодёжь отправилась в зал, откуда вскоре донеслись звуки музыки, а Флорентиец с пастором прошли в кабинет, где и занялись делами.

Очень быстро закончив свои личные дела, лорд Бенедикт предложил пастору составить завещание. Лорд Уодсворд подтвердил в новом завещании волю деда, оставившего дом и драгоценности Алисе, а деньги Дженни. Жене пастор оставлял проценты от неприкосновенного капитала, который после её смерти переходил обеим дочерям. Несовершеннолетней Алисе отец назначал опекуном лорда Бенедикта. Затем в завещании было сказано, что Алиса, до дня своего совершеннолетия, должна жить в доме опекуна, а если бы последний уехал куда-либо из Лондона, Алиса должна следовать за ним. Своим домом, как и драгоценностями, она вольна распорядиться, как того пожелает. До совершеннолетия всё её состояние должно находиться у опекуна, лорда Бенедикта, и ни мать, ни старшая сестра не имеют никаких прав ни на самоё Алису, ни на её состояние. Особый пункт завещания гласил, что часть капитала, лежащая в определённом банке, принадлежит сестре пастора Цецилии Оберсвоуд, ушедшей из дома в юности и точно канувшей в воду. Всю жизнь пастор её разыскивал. Если спустя десять лет после его смерти никто, ни она, ни её наследники не явятся на зов, капитал поступает на благотворительные дела по усмотрению лорда Бенедикта. Но до этого момента проценты с капитала, сами по себе составляющие крупную сумму, получает его жена, леди Катарина Уодсворд.

Пастор просил юристов хранить завещание в полной тайне до его смерти. А на третий день после смерти пастора отвезти завещание к его жене и старшей дочери. Алиса же узнает волю отца раньше, из письма, которое пастор ей оставит.

Окончив все дела и проводив посетителей, друзья присоединились к молодому обществу, где шёл научный спор между Сандрой и Николаем. Индус кипел на этот раз особенно восторженно, так как Николай указал ему на две ошибки, и умный юноша был несказанно рад, что ещё не обнародовал свой труд и мог внести в него поправки.

Пастор был особенно добр и нежен с Наль, которая тоже льнула к нему, точно желая воздать ему вдвое лаской и любовью за каждую его минуту на земле. Алиса, всё подмечавшая, отметила и особенное внимание Наль к её отцу, и что-то новое в нём самом. Точно он снял с себя какую-то заботу и ему стало свободнее и легче. Но какую именно заботу сбросил с себя отец, она угадать не могла.

Как сон пролетели ближайшие дни, и когда в субботу вечером Флорентиец предупредил, что завтра надо рано встать, чтобы успеть к скачкам, у всех вырвались возгласы удивления и разочарования, ибо воскресенье подкралось слишком быстро. Тем не менее в восемь с половиной утра все сидели в экипажах, чтобы двинуться на станцию к лондонскому поезду.

Глава 5

СКАЧКИ

По дороге в Лондон лорд Бенедикт просил всех своих друзей отнестись к предстоящим скачкам серьёзно, а не как к развлечению. Он напомнил о том, что когда идёшь в толпу, следует сосредоточиться и постараться привнести наибольшее благородство во встречи, какие могут произойти.

Алиса, зная страсть матери и сестры к скачкам, думала о том, что они без её помощи не способны приготовить себе элегантные туалеты. Сцена за сценой мелькали в памяти Алисы. И внезапно, каким-то озарением, она поняла, что у неё никогда не было родной семьи. Что у неё был только отец, и они жили вместе с временными спутниками, холодными к ним обоим.

— Если бы я и не наблюдал за тобой так пристально, дочурка, — сказал ей пастор, становясь рядом с ней у окна, — то всё равно прочел бы на твоём лице всё, о чём ты думаешь. Ведь ты думаешь, как мать и Дженни устроятся со скачками без тебя. Ну, а как вообще ты представляешь себе их дальнейшую жизнь? Можешь ли ты одна везти воз с непосильной для тебя поклажей — двумя человеческими жизнями? Осознай глубже, Алиса, величайшую мудрость жизни: каждый может прожить только свою собственную жизнь. И сколько бы ты ни любила людей, — ни мгновения их жизни ты не проживёшь. Не набирай себе долги и обязанности, которые на тебя никто не взваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещавай себе принять до КОНЦА всё, что в нём к тебе придёт. Творчество сердца человека — в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства как неизбежные, единственно свои, и их очистить любовью, милосердием, пощадой. Но это не означает, что следует согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда это удаётся. Но внутренне их надо всегда побеждать любя. Старайся переносить свои отношения с людьми из области мелкого и условного в огонь Вечного. Ищи всюду Бога и законы Его.

Ломай условные перегородки между собой и людьми. И ищи в наибольшем такте возможность войти сознанием в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдёшь, как разбить предрассудки, нелепо

встающие между людьми, как открыть всё лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях, при встречах с абсолютно злыми людьми, твоя любовь не победит. Таково моё тебе духовное завещание, Алиса. Но если увидишь потемневшее сознание, — страшно сказать, — как Дженни и мать, -

проходи мимо. Благословляй и прощай, но никогда не прикасайся. Не старайся обратить на путь истины. Это невозможно. Всю жизнь я стремился это сделать, — и только отяжелил наши с тобой жизни, не принеся им пользы.

В тот день, когда меня не станет, ты не вернёшься больше домой. Ты останешься у лорда Бенедикта, там, где твоя истинная семья. И это тоже прими как мою предсмертную волю.

— О папа, папа. Каждое ваше желание было, есть и будет мне законом. Но для чего снова говорить о смерти? Вы так поправились за эти дни. Лорд Бенедикт говорил мне, что вы проживёте в его деревне ещё два месяца, вместе со всеми нами. Представляете ли вы себе это счастье? Мы с вами будем гулять, кататься, читать, и никто не выразит нам своего недовольствия. И если уж сейчас, за три дня, вы так поправились, что же будет через два месяца?

Лицо Алисы, полное любви, загорелось румянцем. Глаза её сверкали энергией, вся она светилась радостью и была так прекрасна, что пастор ласково шепнул ей:

— Я никогда не отдавал себе отчёт, что ты так прекрасна, моя дорогая детка. Боюсь, что надежды твои не оправдаются, моя любимая. Как бы вместо прогулок и удовольствий и не доставил бы тебе забот и не причинил горя. И вместо отдыха как бы не сделаться тебе сиделкой возле отходящего отца.

— Тогда я выполню, отец, вашу волю: приму в твёрдости и спокойствии всё то, что жизнь мне пошлет. Но я прошу вас, не терзайте своего сердца мыслями о прошлом или будущем. Я так счастлива, что сейчас вы со мною, вы здоровы, бодры, вид ваш прекрасен. Быть может, вы угадали моё беспокойство о Дженни и маме в связи со скачками. Но ваши слова сняли с меня огромную тяжесть. Мне стало легко. Будь что будет, — если нам придется расстаться, то Божья воля свершится, не разбив мне сердца. Даю вам слово. Не думайте обо мне и, если так суждено, уходите легко, не печалься.

Поезд подошёл к перрону. Флорентиец подал руку Алисе, как-то особенно внимательно поглядел на неё и сказал:

— Ты поедешь со мною, дружочек. Я хочу с тобой поговорить. О папе не беспокойся. Наль и Николай довезут его очень бережно.

Как только Флорентиец и Алиса сели в экипаж, он взял её руки в свои и, нежно их пожимая, сказал притихшей девушке: — У каждого, Алиса, своя Голгофа. Мы уже говорили с тобой об этом. Теперь настал твой момент собрать все свои силы и выразить активным действием верность твоей любви. Отец сказал тебе свою волю, он бросил тебе мысль о своей смерти. Я подтверждаю: смерть его близка, ближе, чем ты предполагаешь. Собери всю силу верности и любви и проводи отца в далёкий путь. Ты — единственное, что он создал в своей жизни истинно прекрасного. Одна ты вошла в мир той действенной силой, которая будет продолжать его вековой труд на общее благо. Сейчас ты, своим спокойствием и самообладанием, можешь вознаградить отца за жизнь страданий и борьбы. И он уйдёт спокойно, поняв, что жил не впустую.

Твоя роль священна. Проводить человека, осветив его последние дни радостью, а не слезами уныния, — это установить с ним новую связь для дальнейшей вековой жизни.

Вторая часть твоей Голгофы труднее. Но здесь я тебе помощник. Возьми мою руку, обопрись на неё и не разлучайся со мною ни в мыслях, ни в делах. Ты не возвратишься больше к себе домой. Связь твоя с сестрой и матерью, внешне ещё существенная, — окончится в духе твоём сегодня. Согласно завещанию отца ты останешься у меня до своего совершеннолетия. Но мать и сестра будут делать всё, чтобы заставить тебя покинуть мой дом.

Сегодня ты увидишь их на скачках. Увидишь и удивишься их униженному положению. Тебя вот не интересует, ни где ты будешь сидеть, ни во что будешь одета. Они же обе извелись от того, что туалеты их не умопомрачительны, хотя они влезли в долги, из которых не будут знать, как выбраться. Они увидят вас с отцом раньше, чем ты увидишь их. И сердца их наполнятся злой завистью и жаждой мстить, из чего ни ты, ни я, ни все мы, вместе взятые, их вытащить не сможем. Есть ли в сердце твоём сомнение в том пути, что указываем тебе мы с твоим отцом?

— Нет, лорд Бенедикт. Сомнение и не подступало ко мне. Единственно, в чём я могу себя винить, так в своём упоении счастьем подле вас, в котором я живу. Я не просила вас о Дженни.

— Ты можешь успокоиться. Дженни позаботилась о себе на свой лад, но с просьбой обратилась не ко мне, а к Николаю. Тебе и не понять все сложные махинации этой души. Но помнишь, я говорил тебе, что у человека, признавшего кого-то своим руководителем, должно быть полное,

добровольное подчинение требованиям Учителя и в тех вопросах, которые непонятны ему в данный момент, потому что ученик не может ещё знать столько, сколько знает Учитель. Если ты хочешь идти за мной, стать членом моей семьи, как Наль и Николай, вот тебе моё наизидание на сегодня и далее: не принимай ни писем, ни посылок от сестры и матери. Ни на одно свидание с ними не ходи. Ты можешь передавать мне свои пожелания и мысли о том, каким образом тебе хотелось бы помочь им. Но можешь не сомневаться, всё — и гораздо больше, чем ты предполагаешь, — будет сделано им в помощь. К несчастью, можно вытащить утопающего, но не того, кто попал в сети зла, потому что человек сплетает их себе сам. Но вот мы и приехали. Проглоти эту розовую пилюлю и, я уверен, у тебя хватит сил на всё.

Было без пяти минут одиннадцать, когда все обитатели дома лорда Бенедикта отзавтракали и разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть и одеться к скачкам. Хозяин дома вошёл в свой кабинет и принялся разбирать скопившуюся на столе почту. Несмотря на огромное количество писем, требовавших ответа. Флорентиец сам вёл всю свою корреспонденцию и дела, обходясь без секретаря. В последнее время он стал привлекать к своей работе Наль, Николая и Алису. Больше работал Николай, и обе женщины шутливо упрекали Флорентийца в том, что у него появился любимчик.

В это утро на лице Флорентийца несколько раз мелькало сосредоточенное выражение. Он как бы призывал кого-то издалека или посылал куда-то свои мысли. Затем принимался работать дальше.

Алиса и Наль отправились к Дории узнать, что с их туалетами. У каждой из них на сердце лежала мысль о пасторе, но ни словом они не обмолвились о своей печали. На этот раз Дория удивила своих господ-подруг. Для Наль она приготовила платье апельсинового цвета с накидкой из белых кружев и прелестной белой шляпой. Для Алисы — платье цвета подснежника, с чёрной шёлковой пелериной и чёрной же кружевной шляпой. Когда Николай в лёгком сером костюме сошёл вниз со своими элегантными дамами, общий восторг рассмешил их.

— Ну вот, — сказала Наль, действительно поражавшая сочетанием нежной кожи, зелёных глаз и тёмных волос с апельсиновым платьем и белым тончайшим кружевом, — сегодня мы с Алисой ждали осуждения. Алиса уверяла, что мы слишком ярки, и что вы примете нас за прилетевших откуда-то какаду. И вдруг восторг. Будьте же справедливы и поднесите цветы и конфеты нашей милой, самоотверженной Дории. Мы с сестрёнкой Алисой палец о палец не ударили, всё сделано одной Дорией.

— И за всю свою самоотверженность, — вмешалась Алиса, — это чудное создание, нарядившее нас, как принцесс, остаётся дома убирать за нами. Мне бы так хотелось, чтобы Дория была мне сестрой и мы бы сидели с нею рядом на скачках, лорд Бенедикт. Как могло случиться, что Дория, с её воспитанностью, образованностью, вкусом и красотой, — наша слуга?

— Об этом ты, быть может, однажды узнаешь от неё самой. А теперь пора. Николай с женой. Ты, Алиса, и Сандра со мною. А лорд Мильдрей и наш дорогой пастор поедут вдвоём.

Сандра, тоже очень элегантный и старавшийся до этой минуты держаться солидно, не преминул выкинуть одно из своих антраша и заставил смеяться даже солидных слуг лорда Бенедикта. Усевшись в экипажи, всё общество покатило на скачки.

Задолго до этой минуты Дженни, не спавшая почти всю ночь, никак не могла решить, пойдёт ли она к лорду или нет. То ей казалось, что это бессмысленно, потому что ничего нового, кроме ходульных наставлений, она не получит. То ей хотелось покорить этого человека и заставить его служить себе в гораздо большей степени, чем он делал это для Алисы. Мелькали мысли, что он не женат, и какая бы это была победа — вдруг стать его женой и иметь в подчинении его и весь дом, а не только Наль и Алису. Но когда она вспоминала его взгляд, под тяжестью которого выходила из его кабинета, чуть не приседая к земле, — фантазии её разлетались прахом, ей становилось страшно встретить эти глаза, от которых ничего не укроется. Снова Дженни думала об Алисе и её жизни. Быть труженицей вроде сестры, сидеть часами за роялем или книгами, — Дженни приходила в ужас от перспективы всякого регулярного труда. Она окончательно решила не ходить к лорду Бенедикту. Раздражение, вызванное завистью к сестре, поднималось теперь в Дженни всё с большей силой. В душе её уже не было раскаяния, она перестала сожалеть о причинённых сестре обидах. "Так ей, дуре, и надо, — тоже мне юродивые, папенька с сестрицей", — думала Дженни. Она не сомневалась, что дура сейчас сидит в деревне и шьёт Наль туалеты. Горькое чувство в её сердце вызывалось не положением сестры, приживалки, как она полагала, юной графини, а тем, что у неё отняли способную швею и усердную горничную. Дженни подошла к зеркалу и осталась недовольна собой. Кожа сегодня была какая-то сухая, на лице следы утомления, глаза не такие блестящие и даже губы побледнели.

Она открыла окно и стала разглядывать при свете дня свой туалет, присланный вчера портнихой. Он показался ей слишком ярким, даже кричащим. Ярко-фиолетовый костюм с серебряным кружевом у ворота и

такая же шляпа. Когда луч солнца упал на материю, глазам стало больно. Портниха предлагала совсем иное сочетание красок, уверяя, что сама Дженни так ярка, что её красота нуждается только в элегантной рамке. Но Дженни, боясь затеряться в толпе, не уступила уговорам. Теперь она раскаивалась, но было поздно. Пасторша тоже отклонила совет портнихи надеть чёрный костюм, а пожелала платье зелёного цвета. И сколько её ни уговаривала Дженни, она заказала себе ярко-зелёное платье и зелёную же шляпу. Каково же было отчаяние Дженни, когда мать ещё надела ожерелье, подаренное ей на свадьбе Наль. Только категорическое заявление Дженни, что она сейчас же разденется и останется дома, заставило пасторшу снять бриллианты и прикрыть жирную белую шею.

— Вы, мама, столько лет ездили на скачки и неужели не заметили, что туда ожерелья не надевают.

Плотная фигура пасторши казалась втиснутой в облегающий зелёный футляр. Когда-то красивые формы давно утратили свою прелесть, но владелица их, привыкшая слыть красивой женщиной, всё ещё считала себя таковой, в чём убеждали её лёгкие и мимолётные победы. Теперь Дженни понимала, что обе они плохо и вульгарно одеты. Но было поздно. Друзья матери уже приехали за ними. Дженни с тоской посмотрела на жалкий наёмный экипаж, в который были впряжены две клячи. Мысленно она представила элегантную коляску, ежедневно приезжавшую за Алисой. И она ещё раз вспомнила, что Алиса и пастор в деревне, и теперь подумала об этом с облегчением.

Экипаж тронулся; пасторше казалось, что она очаровательнее своей дочери, хотя и любила её горячо, до обожания. Но сейчас Дженни была хмурой и совсем неинтересной. Мать с дочерью, с самого того вечера, когда ни Алиса, ни пастор не вернулись домой, больше о них не говорили. Но каждая знала, что мысль об Алисе гвоздём сидит в сердце другой. Щебеча пташкой, пасторша считала, что украшает путь на скачки, а Дженни сгорала со стыда и досады от бестолковости матери. И была рада, когда они наконец приехали. Сделав над собой усилие, Дженни постаралась улыбнуться своему кавалеру, предложившему ей руку. Она сразу же убедилась, что опасения её были верны: несмотря на многотысячную толпу и яркость летних туалетов, их рыжие головы и кричащий цвет платьев не остались незамеченными, им вслед неслись фривольные замечания.

С трудом отыскав свои места, Дженни и пасторша стали рассматривать публику. Кавалеры обратили их внимание на то, что места находятся почти напротив королевской ложи. Высший свет, правда, не спешил

рассаживаться. Но, наконец, и ложи стали наполняться публикой. Только три ещё пустовали, из них одна королевская. Но вот послышался какой-то гул, возбуждение пробежало в толпе, это прибыла королевская чета.

Раскланявшись с публикой, устроившей овацию, король подал знак к началу скачек. Дженни и пасторша, рассмотрев королеву и дам из её свиты, ещё раз поняли, как была права портниха. Даже в пёстрой толпе их туалеты бросались в глаза. Разглядывая ложи, Дженни вдруг вскрикнула, побледнела и опустила свой бинокль.

— Что с тобой? — с беспокойством спросила пасторша. — Я уколола палец о свою брошь, — небрежно ответила Дженни, — но теперь уже всё прошло.

Скачки шли своим чередом, но Дженни ничего не слышала и не видела, кроме одной ложи. Она даже не замечала, что её кавалер пристально за ней наблюдает. И тоже направил свой бинокль на ложу, соседнюю с королевской, от которой не могла отвести взгляда Дженни. Увидев двух изысканно одетых, необычайно красивых женщин, мистер Тендль, как звали кавалера Дженни, разглядел за ними мощную и величественную фигуру прекрасного лорда Бенедикта, о котором столько говорил Лондон в этом сезоне. Рядом с лордом он увидел своего приятеля Сандру, чему немало удивился. Ему казалось, что Сандра просто болтает о своём знакомстве с лордом, а всё оказалось правдой. Затем Тендль увидел Николая и пастора, о котором ничего не знал, и лорда Мильдррея, которого много раз видел вместе с Сандрой и знал, что это его большой друг.

— Кто именно занимает ваше внимание в ложе лорда Бенедикта? Вы знаете Сандру, мисс Уодсворд? — спросил он свою даму, выказывавшую все признаки большого расстройства.

Дорого бы дала Дженни, чтобы вернуть себе самообладание и не выдать разрывавшей ей сердце тайны посторонним людям. Мысль, что мать увидит Алису и пастора и со свойственной ей бестактностью и невоспитанностью начнёт сейчас же выкладывать всю подноготную, была для Дженни невыносима. И раздражение её усиливалось от сознания, что она сама привлекла внимание соседа к ложе лорда Бенедикта. Ей даже показалось, что взгляд лорда упал на неё. Но от этого, к её удивлению, ей не стало тяжелее. Напротив, что-то чистое, как прохладная струя воздуха, вдруг освежило её. Пасторша, услышавшая имя Сандры, спросила: — Разве Сандра здесь? Вы его видите, мистер Тендль? — Да нет, мама, мистер Тендль просто рассказывает мне о Сандре, — выразительно глядя на своего кавалера, ответила Дженни.

В это время, как на зло, индус встал с места и, перегнувшись вперёд,

подал Алисе коробку конфет. Сейчас, в светлом костюме, он был особенно экзотичен. На Сандру и две женские фигуры рядом, уже давно начавшие привлекать всеобщее внимание, направились сотни биноклей, в том числе и бинокль леди Уодсворд-старшей.

— А, так вот какие штучки откалывают наши тихони! Вот как! Мы сидим на трибуне, а они в лучшей из лож! Ну, милейшая Алиса, это вам даром не пройдёт!

Пасторша была в бешенстве. Шляпа её съехала набок, на щеках выступили красные пятна, глаза метали молнии. Она стала безобразна. Бедная Дженни, знавшая по опыту, что теперь уже ничто не удержит в границах приличия её мать, ломала голову над тем, как бы уехать со скачек и увезти пасторшу домой, не дав ей учинить какой-нибудь скандал. Пасторша уже была готова вскочить со своего места и бежать к ложе лорда Бенедикта, чтобы изругать дочь и мужа, как почувствовала, что её точно пригвоздила к месту чья-то рука и она была не в силах произнести ни слова. Она поняла, чей взгляд настиг её и кто удержал её в границах приличия.

Скакуны и жокеи сменяли друг друга. Страсти людей, их алчность и жадность то стихали, то разгорались снова. Только сердца Дженни и пасторши ни на минуту не отдыхали от сжигавшего их огня злобы, ревности и зависти.

— Посмотри, Алиса, мы считали, что наши туалеты броски. Вон там два платья, фиолетовое и зелёное. Вот это краски. В Испании — и то было бы ярко. Даже у нас в Азии такого не найдёшь, — смеясь, говорила Наль.

Алиса, а вслед за ней пастор, Сандра и лорд Мильдрей подняли свои бинокли. "Ах!" вырвалось у всех одновременно. На лице Алисы, таком спокойном за мгновение до этого, не осталось ни кровинки.

— Что случилось? Что с тобой, дорогая? — спрашивала Наль, не узнав ни Дженни, ни пасторши на далёком расстоянии.

Алиса, мгновенно подумавшая о здоровье своей подруги, овладела собой, улыбнулась Наль и сказала, что действительно, туалеты дам кричащи и есть чему поучиться на их примере. И тут же перевела разговор, спрашивая, отчего так сосредоточенно молчит Николай.

— Этот день учит меня многому. В частности, Алиса, я учусь у вас. И если у меня когда-нибудь будет дочь, я назвал бы её Алисой, в память об этом дне. Чтобы навеки запомнить, как следует нести свои страдания, — прибавил он тихо, нагнувшись к девушке.

Настал перерыв. Двери ложи лорда Бенедикта то и дело открывались, впуская кого-либо из его великосветских знакомых, не забывавших подать

дамам цветы или конфеты, так что Наль и Алиса решили, что их кавалерам не избежать роли грузчиков на обратном пути. Перерыв окончился, скачки возобновились, а королевская чета всё оставалась на своих местах, почему и зная не считала себя вправе оставить скачки. Но лорд Бенедикт, ещё раз пристально поглядев на два ярких пятна на трибунах, шепнул своим спутникам, чтобы они выходили из ложи.

Алиса, для которой эта пытка становилась невыносимой, вышла сразу же за лордом Бенедиктом и, вместе с Сандрой, поспешила к выходу. Быстро подкатили вызванные швейцаром коляски, так как разъезд — а его особенно любили дамы, ибо демонстрировали свои туалеты главным образом тогда, якобы поджидая свои коляски, — ещё не начался.

Силы Алисы истощились. Но чудное лицо Флорентийца, доброе, нежное, полное любви и ласки, склонилось к ней, — и волна радости и мира охватила её. Сандра был необычно молчалив. Лицо его потеряло обычное по-детски добродушное выражение. Он казался старше благодаря каким-то новым, внезапно появившимся на его лице суровым складкам. Алиса, впервые увидевшая Сандру таким, была поражена тем, как может внезапно меняться человек, словно перескочив из одного возраста в другой.

— Ну, что призадумался, мудрец? — внезапно раздался голос Флорентийца.

— Я не могу не думать о пасторе: Мне кажется, мисс Алиса, что ваше поведение, ваша кротость и доброта невозможны на земле. Вы посланы на неё для утешения грешников. Я думаю о том счастье, какое нашёл в вас ваш отец, о той уверенности, какую он должен ощущать, оставляя земле такой перл, — всё с тем же суровым лицом говорил Сандра, не глядя на своих спутников.

— Другими словами, ты не можешь разделить в своём сердце отца и дочь, — улыбаясь, ответил Флорентиец. — И оба взяли тебя в плен своими чарами. Теперь жизнь без пастора и Алисы уже теряет для тебя что-то в своей привлекательности?

— Да, лорд Бенедикт. Завтрашний день, когда я не услышу голоса моего дорогого друга и не увижу его добрейших глаз, не смогу принести этому честнейшему сердцу все свои маленькие скорби, будет горек мне. Должен сознаться, я слаб сейчас, и каждое свидание с пастором, который тает на глазах, разрывает меня на части. А на сегодняшних скачках мне открылась вся жизнь этого подвижника. И я понял, как часто я бывал глуп, груб и бестактен в его доме.

Сандра смотрел в окно, но ничего перед собой не видел. Его чёрные глаза точно потухли и смотрели в себя, слёзы текли по его щекам.

— Сын мой, мой друг. Ты страдаешь в эту минуту. Ты думаешь об уходящей жизни и о себе, о том, как будешь страдать, лишившись верного друга. Но ты забыл, что перед тобою, — хоть ты и причислил её к ангелам небесным, — сидит дочь оплакиваемого тобою пастора. Дочь — юная женщина из плоти и крови, — чьему сердцу много мучительнее, чем твоему. Считаешь ли ты, что сейчас по отношению к ней ты полон такта?

— Нет, лорд Бенедикт, я понимаю, что я не только бестактен, я ещё и жесток. Но если бы я не высказался сейчас, я умер бы от боли в сердце. Я ещё не научился мудрости жить так, чтобы сила любви несла меня легко сквозь все препятствия дня.

— Возьми мою руку, Сандра. Пройдут годы, ты будешь главой семьи, главой университета, большим учёным. Но того момента, когда ты был слабее женщины, — не забудешь никогда. И больше в твоей жизни не случится той бури протеста против смерти, в какой ты живёшь сейчас. Ты узнаешь, что смерти нет. Что есть вечная сила обновляющей вселенную Любви. Что есть только мудрая красота, раскрывающая для каждого врата радости жить и трудиться. Не плакать о пасторе ты должен, но отдавать ему силу и мужество, чтобы он мог уйти отсюда, взяв у каждого из нас последний дар нашей любви. Плоха любовь, напутствующая друга слезами.

Коляска подкатила к подъезду, и вскоре всё общество сидело за обедом. С необычайным тактом хозяин направлял разговор за столом и так развлекал своих гостей, что тяжёлые впечатления от скачек стёрлись из их памяти. Тотчас же после обеда дом лорда опустел, так как все его обитатели вновь уехали в деревню.

Как только Дженни и пасторша увидели, что ложа лорда Бенедикта опустела, всякий интерес к скачкам у них пропал. Теперь, к своему удивлению, Дженни почувствовала одиночество и печаль. Казалось бы, с отъездом отца и, особенно, сестры ей должно было стать легче. А Дженни овладело чувство, точно она внезапно осиротела. Ей хотелось поскорее вырваться отсюда, но, представляя свой молчаливый дом, она готова была ехать куда угодно, только бы не оставаться вдвоём с матерью. Как много отдала бы сейчас Дженни, чтобы застать дома отца и музицирующую Алису. Теперь ей казалось, что в звуках этих была жизнь. Ушли звуки, воцарилось молчание, ничем не заполненное, тоскливое, от которого хочется бежать... Дженни с ужасом думала о возвращении.

Кавалеры предложили дамам пообедать в каком-нибудь ресторане, на что пасторша охотно согласилась. А Дженни всё же предпочла свой одинокий дом обществу матери и её кавалера, которые сошли у первого же приличного ресторана. Мистер Тендль, оставшись с девушкой, старался

всячески рассеять её угрюмость, в чём отчасти и преуспел. Его доброта и такт невольно подкупили Дженни. В разговоре он раскрывался перед ней как человек недюжинного ума, высокого образования и большой эрудиции.

Дженни пристально поглядела на своего собеседника и встретила с его большими серыми глазами, вдумчиво и пытливо смотревшими на неё. Рыжеватый блондин с вьющимися волосами, высокого роста, отлично сложенный и загорелый, мистер Тендль был чрезвычайно интересным мужчиной.

Когда коляска остановилась перед домом пастора, он помог Дженни сойти и приподнял свою шляпу, чтобы с ней проститься. У девушки сжалось сердце. Сейчас она останется одна в молчащем доме. Одна со своими мыслями, от которых хочется бежать. Должно быть, лицо её отразило такую тоску, что она передалась доброму человеку, пожелавшему помочь ей в её печали.

— Не хотите ли вы, леди Уодсворд, — сказал он голосом, полным уважения, — превратиться на сегодня в студентку. Мы отпустим коляску, вы переоденетесь, как подобает вольнослушательнице, и на омнибусе мы отправимся обедать в парк.

— Я очень хотела бы принять ваше предложение, но... — Но не знаете, как это согласуется с этикетом. С этим не стоит считаться. Во-первых, вы уже не раз нарушали этикет, а во-вторых, парк так велик, что вряд ли вы рискуете встретить там своих знакомых. А в-третьих, нужно выбирать не условное и внешнее, ничего нестоящее, а глубокие, сокрытые в себе ценности, которые требуют забот и внимания. Иногда они заставляют нас прислушиваться к себе особенно бдительно. Обстановка, в которой мы никогда не бывали, в этих случаях может внезапно осветить порывы, неясные нам самим.

— Я согласна, — тихо ответила Дженни. — Сейчас этот молчащий дом мне кажется гробом.

Отпустив коляску, молодые люди вошли в переднюю. Дженни проводила гостя в зал, предложив ему просмотреть последние научные журналы. Снисходительно улыбаясь, она объяснила удивлённому гостю, что отец её считает себя не только большим певцом, но ещё и большим учёным. А на самом деле он только скромный пастор.

— Как, — весь изменившись в лице, вскричал мистер Тендль, — значит, я в доме знаменитого учёного, философа, чья книга выйдет не сегодня-завтра из печати и о которой уже сейчас говорят учёные. Боже мой, как я мечтал с ним познакомиться. Мне говорили, что помимо учёности он ещё и совершенно изумительных качеств человек. Так это он и есть чаш

отец?

— Отец ничего не рассказывал мне о своей книге, — холодно и высокомерно ответила Дженни. — Не путаете ли вы его с кем-нибудь из Уодсвордов. Их ведь много, — с тайной досадой проговорила Дженни.

— Пастор Уодсворд, автор выдающейся книги, может быть только один, леди Уодсворд. Ведь имя вашего отца Эндрью?

— Да, но в нашей семье до сих пор никто не знал, что глава её такое светило. Отец очень скрытен и не любит рассказывать о своих делах. Впрочем, с Сандрой они постоянно погружаются в умствования.

— Счастливцев Сандра! И как только ему удалось познакомиться с вашим отцом. К лорду Бенедикту он, конечно, проник через своего друга, лорда Мильдрея.

— Ошибаетесь. Сандра был близок с лордом Бенедиктом давно. Он индус, познакомился с лордом ещё в Индии, и связь их идёт от детских лет Сандры. И это Сандра ввёл лорда Мильдрея в дом Бенедиктов. Что же касается моего отца, то он всю жизнь искал молодые таланты и всюду им протезировал. Я вас покину, мистер Тендль, с вашего разрешения, чтобы явиться к вам в образе скромной студентки.

Войдя в свою комнату и сбросив с себя яркое платье, ставшее ей ненавистным, Дженни надела простой чёрный костюм и такую же шляпу. И показалась себе гораздо милее, чем в кричащем фиолетовом туалете. В мыслях её был сумбур. Чужой человек называет отца светилом, великим учёным, а она и мать всю жизнь считали его странным, склонным к юродству человеком. В чём же дело? Почему отец ни слова не говорил о своей книге? Правда, он всю жизнь над чем-то работал и что-то постоянно переписывала для него Алиса. Но ей, Дженни, всё это казалось пустой забавой человека, которому не удалась его жизнь и от нечего делать он начал искать утешение в науке. Неудачники вечно носятся со всякими идеями, и вдруг... книга и слава отца, — а она так далека от него и даже не знает, вернётся ли он домой завтра.

Возвратившись в зал, Дженни застала своего гостя погруженным в какую-то статью. Мистер Тендль так углубился в чтение, что даже не сразу пришёл в себя и понял, где он и кто перед ним. Опомившись, он весело рассмеялся и вежливо извинился перед Дженни за свою рассеянность.

— Очевидно, — сказал он, — люди, в ком живёт страсть к науке, одинаково рассеянны. Простите великодушно, мисс Уодсворд.

Молодые люди вышли, но Дженни, привыкшая ощущать себя красавицей, оскорбилась оттого, что мистер Тендль, увлекшись статьей, и не посмотрел на неё. Наоборот, она поймала взгляд сожаления, украдкой

брошенный на книгу, от которой ему уже не хотелось отрываться.

По ассоциации она вспомнила об отце и Алисе, в её сердце ожила ревность, и она впала в мрачность. Её спутнику пришлось потратить немало усилий, чтобы вызвать улыбку на её лице. Обед в парке несколько отвлек внимание Дженни от пережитых волнений. Многие из того, о чём говорил ей мистер Тендль, её удивляло. Многие были ново и неожиданно. И всё же ни разу Дженни не задумалась, кто же этот милый человек. Не поинтересовалась его судьбою.

Она принимала его общество, как необходимый ей сегодня рецепт, который можно выбросить завтра, ибо в нём не будет больше нужды.

Вернувшись домой раньше матери, Дженни заперлась у себя в комнате и легла спать, лишь бы ни о чём не думать.

Так завершился этот тревожный и печальный для всех наших героев день.

Глава 6

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПАСТОРА. ЕГО ЗАВЕШАНИЕ

Благополучно добравшись до деревни и прокатившись на лошадях по залитой лунным светом дороге, слегка утомлённые спутники лорда Бенедикта разошлись по своим комнатам. Только пастор остался внизу, в кабинете хозяина.

— Вероятно, это одна из последних моих лунных ночей, когда я могу ещё ценить красоту земли, которую так любил. Как много раз я напутствовал людей, уходящих к престолу Отца. И как редко видел истинное знание и истинную веру. И как часто старался я победить в них страх. Теперь, когда сам иду к Отцу моему, понимаю, что это не страх давит человека, но сознание бесполезно и бесплодно прожитой жизни. Сознание недостаточной верности заветам любви, недостаточной чистоты прожитой жизни.

— Нет смерти, дорогой друг. С последним физическим дыханием дух оставляет форму, в которой жил на земле. Современный человек впитывает в себя столько предрассудков, что не понимает даже, как жизнь — великая Жизнь — движется вокруг него и в нём самом. Если бы в вашем сердце не жил тот Свет, который сейчас окружает нас обоих и всё вокруг нас, — в вас не было бы той высокой чести, в какой вы жили и живёте. В сердце человека, сообразно его развитию, оживают одно за другим качества Той единой Жизни, что он носит в себе. Качество, доходя до своего полного развития, переходит в силу, живую, всегда активную. Оно перестаёт быть только свойством человека. Оно льётся, как кровь, по его жилам, как светоносная материя любви; раскрывается, наконец, как оживший аспект Жизни вечной в нём. Всё, в чём человек смог дойти в своём развитии до конца, стало аспектом его божественного духа, его внутренним творческим огнем. Когда физическая форма становится мала ожившему духу человека, когда он вырос из неё, как юноша из детского платья, — человек меняет форму, а мы называем это смертью.

Ваша жизнь, как ни строго вы судите её, — безупречна. И встреча наша не случайность, но великая радость, посланная нам обоим. До сих пор я был в долгу у вас, мой верный, преданный друг.

— Я вас не понимаю, лорд Бенедикт. Это верно, что я испытываю какое-то чувство большой близости, словно бы когда-то давно был знаком с

вами. Но... кто раз узнает вас, тот иначе себя подле вас и не может чувствовать. Ваша доброта и сила обаяния подчиняют себе всех.

— Вы никогда не думали о жизни людей на земле, как о жизни вечной, а не отрезке от рождения до смерти. А между тем, это ряд земных жизней на протяжении веков. Нет в небесах места, где отдыхают. Живое небо трудится так же, как и живая земля. Мы уходим отсюда, трудимся, учимся, живём в облегчённых формах, по иным законам, точно так же как на земле мы можем жить только по законам земли.

И на этой земле вы бывали уже не раз, и не раз встречались со мною. Но то были встречи мимолётные, и каждый раз я бывал чем-нибудь вам обязан и оставался вашим должником. В последнюю же нашу встречу вы спасли мне жизнь. Я искал вас теперь долго, чтобы отплатить за все ваши благодеяния. Только несколько месяцев тому назад, в Москве, я узнал, что вы в Лондоне и что вы пастор. Узнал всё о вашей жизни от моих друзей, которые потеряли ваш след в Венеции и шли неверным путём, ища вас в артистических кругах.

Как только я получил это известие, я изменил свой план и приехал сюда, где немедленно же вас отыскал. Примите теперь все мои услуги вам и Алисе как возвращение моего векового долга. И не будем больше говорить об этом. Здесь всё светло, всё сияет. Что же касается второй половины вашей семьи, одно могу сказать: всё, что будет возможно, я сделаю для Дженни и вашей жены. Боюсь, что это будет бесполезно, но всё же сделаю.

— Как странно я себя сейчас чувствую, лорд Бенедикт. Точно я становлюсь лёгким-лёгким и действительно вспоминаю давнишнее знакомство с вами. Удивительное спокойствие и мир нисходят в мою душу. И не столько от ваших слов, сколько от вашего присутствия, от какой-то особенной вашей доброты, от какого-то мужества и силы почти нечеловеческих, которыми веет от вас. Примите благоговейную благодарность уходящей души за ту ясность и спокойствие, которые вы влили в неё. Благодаря вам моё прощание с землёй полно величия. Что касается моей жены и Дженни, — Боже мой, как много сил я потратил, чтобы охранить их от зла. И тут вы меня утешили, и их я оставляю под вашей защитой. Я видел ясно, как постоянное раздражение и жажда роскоши и праздной жизни всё теснее сближают их с людьми лживыми, неустойчивыми и даже бесчестными. Я видел, как они тонут в мелочных мыслях и чувствах. Как их вечное бурление оборачивается постоянной сосредоточенностью на самих себе. Но я не мог найти хоть каплю доброты в их сердцах.

— Перестаньте думать о них, мой милый лорд Уодсворд. Ваше время на земле теперь принадлежит только вам. В эти последние дни текущего воплощения я пришёл, чтобы дать вам то знание, которого вы искали всю жизнь и для которого вы проложили себе дорожку ногами тех, кто приходил к вам за утешением и уходил не только утешенным, но и с сознанием, что у него есть друг. К вам приходили за миром, а уходили не только в мире, но и в радости понимания своего права на жизнь, на счастье, на труд.

Сбросьте с себя все путы условностей, что мешают вам общаться в огне и духе. Все слёзы, скорби, страсти, что собрало ваше сердце, как в чашу, уже горят не в одном вашем сердце, но и в моём, и в сердцах целого ряда светлых людей, поставивших себе целью общее благо. На вас нет уже ни оков условной любви, ни оков предрассудков. Живите все эти дни, как живут после смерти всего личного. Живите, благословляя каждый день в мужестве и мудрости, в любви неугасимой Великой Матери Жизни.

Не только дочери вашей Алисе, но и юному обожателю вашему Сандре, а также тайно и очень глубоко страдающему Мильдрею, и моим детям, Наль и Николаю, всем преподайте великий урок мудреца, прощающегося с земной жизнью радостно и спокойно, чтобы начать, вернее, продолжить труд жизни вечной.

Рассматривайте все эти дни как дни заслуженного беззаботного отдыха и пожинайте плоды разбросанной, как горсть драгоценных камней, любви на земле.

Флорентиец проводил пастора в его прекрасную комнату, из которой открывался вид на залитый луною парк.

— Я незаслуженно счастлив, лорд Бенедикт. Я даже и мечтать не мог о красоте, в какой живу сейчас. И если вы говорите, что в долгу у меня, то что же сказать мне? Я молился Отцу, чтобы отойти в мире, и я не находил его. Вы помогли раскрыться сердцу моему не только в мире, но и в полной радости. Как прекрасна жизнь! Как могуч и велик росток этой жизни в человеке, если он веками меняет форму и вновь живёт! Только сейчас мне это до конца ясно. Зачем же церковь учит оплакивать смерть? Зачем учит: "Упокой со отцы", если только в самом себе можно обрести покой. И найти его, — я понял, — можно только живя в свете. Да, нужно учить, как жить в свете, пока человек трудится на земле, а не как упокоиться с отцами.

— Спокойной ночи, лорд Уодсворд, до завтра. Вот вам ещё пилюля, она принесёт вам сон.

Флорентиец подал пастору лекарственную конфету, крепко пожал ему руку и, ещё раз пожелав спокойной ночи, спустился к себе вниз. Пастор,

посидев ещё немного в тишине, почувствовал такое сильное желание спать, что едва успел раздеться, как мгновенно заснул.

Казалось, весь дом спал, погруженный в тишину. Но сам хозяин сидел за письменным столом и писал письмо, иногда пристально вглядываясь во что-то вдалеке. Дверь на террасу была открыта, аромат цветов проникал в комнату. Изредка ветерок колебал пламя свечей и заставлял огонь переливаться и играть золотом волос писавшего. Внезапно Флорентиец поднял голову, прислушался к чему-то и, покачив головой, тихо сказал:

— Алиса, Алиса, я надеялся, что у тебя будет больше сил сегодня. Сойди сюда, если тебе так трудно и тяжело. Я думал, ты поняла, что должна поддержать отца и превратить в земной рай его последние дни, а ты предаёшься печали о себе. Перестань плакать и приди сюда.

А Алиса, вернувшись в свою комнату, накинула белый фланелевый халат, распахнула дверь на балкон, опустилась в кресло и застыла в горьком сознании неизбежной разлуки с обожаемым отцом. Она вспоминала. Ни разу она не видела отца раздражённым. Ни разу он не вошёл в дом без улыбки. Какой бы скорбью ни болело его сердце, он входил в дом, неся ласковое слово каждому. Многое, чего не понимала Алиса в детстве, стало ясно ей теперь. Но её детское сердце разгадало драму отца. И каждое её движение, каждое дело дня — всё было единым стремлением: защитить отца, не дать ему заметить ничего тяжёлого, отвести от него очередной удар.

Два сердца, две жизни, отца и дочери, слились в одно целое. И теперь... отрывалась часть её сердца. Не отец уходил, но от её собственного сердца отрезалась половина. День без отца... И Алиса изнемогала от муки. Вся тонула в той крови, что, казалось ей, сочилась из её сердца. Она сидела без мыслей, без надежд, придавленная страданием, точно слыша, как из сердца её каплет кровь, собираясь вокруг неё целым озером.

Внезапно, точно электрический ток, пробежала по ней какая-то сила. Девушка вспомнила всё, что лорд Бенедикт говорил ей за последние дни. Так ярко вспомнила, точно слышала его голос; сейчас, в ночной тишине, он звал её к себе. Она — мгновенье назад такая обессиленная — встала и отёрла глаза. Образное представление своих страданий, как текущей из сердца крови, было так сильно, так ярко, что ей казалось, что и сейчас из сердца её каплет кровь. Она зажала сердце руками и посмотрела себе под ноги, желая убедиться, не стоит ли она в луже крови.

Бросив взгляд вниз, в сад, она увидела лорда Бенедикта, который звал её жестом руки. Она сошла с лестницы и увидела, что он стоит на пороге своего кабинета.

— Войди, дитя, — сказал он, закрывая за нею дверь. — Мы с тобою да ещё один человек в доме не спим в эту ночь. Остальные нашли силы быть мудрыми и принять жизнь, как она идёт. Ты думаешь, что не спит Сандра. Нет, индусу я дал успокоительных капель, он спит, как и твой отец. Не спит тот, кто ни словом не обмолвился о твоих и своих страданиях. Не спит лорд Мильдрей, сердце которого разрывается от твоей драмы, от твоей тоски. Чтобы остановить кровь, текущую сейчас из твоего сердца, он рад был бы лечь на плаху. И сейчас, внешне спокойный, мечется, как тигр в клетке, не находя никакого решения. Не плакать, не истекать кровью тебе надо, дочь моя. Но вспомнить, как у вечного огня ты обещала нести утешение и помощь людям. Что толку сидеть и плакать? Разве неизбежное не свершится потому, что ты плачешь? В ком может найти отец твой силу и отдых сейчас? Сейчас, когда ему предстоит переменить форму своей жизни. Ты привыкла называть эту перемену смертью. Но смерти нет, это наше заблуждение. Я уже говорил тебе: пока живёшь — не теряй ни мгновения в пустоте. Ищи творить сердцем. А в слезах нет места творящей силе. О чём бы ни плакал человек, он плачет о себе. Высшая форма человеческой любви — это действие, энергия. Тот, кто мужается, только тот вступает на высокий путь благородства и самоотвержения. И только в таком бесстрашном сердце нуждается жизнь.

В жизни нет мгновений остановки. Она — вечное движение, вечное стремление вперёд. И только мужественный движется в ногу с нею. Если и впредь ты будешь оплакивать каждый неожиданный — только по твоей невежественности — удар судьбы, то тебе нет надобности жить подле меня. Ты хочешь разделить со мной жизнь. А это жизнь самоотверженного труда. В ней проходят, чередуясь, победы, разочарования, скорби и радости. Но унынию в ней нет места.

Смерть — предрассудок человека, исходящий от его варварского отношения к жизни. Смотри на эту дивную природу: уже начинается рассвет, а луна ещё светит. И с каждым мгновением ты видишь, как день сменяет ночь, и всё это форма той же Единой, Жизни, что живёт в тебе, во мне, в солнце, в облаке, в траве. Много учась, ты обретёшь знания, и тебя перестанет выбивать из колеи закон жизни и смерти. Сегодня пойми крепко и ясно: если хочешь опять встретиться с отцом, готовь то священное и высокое место, где это стало бы возможным. Знай: ты МОЖЕШЬ СОЗдать ту семью, где отец твой будет вновь воплощён. Ты МОЖЕШЬ СТАть ему матерью и воздать материнской любовью и заботой за все его заботы о тебе, за всю его любовь. Но «может» ещё не значит «будет». В тебе сила, в тебе любовь, в тебе возможности повернуть руль судьбы так или иначе. И

всё зависит от того, как ты проводишь сейчас отца и какое уже теперь дашь ему благословение.

Девушка, преображенная, сияющая, приникла к руке своего великого друга и прошептала:

— Я всё поняла. От вас перелилась в меня сила. Мне больше не о чем плакать... Но лорд Мильдрей? Как я могу его утешить?

— Предоставь мне заботу о нём.

Погладив успокоенную Алису по голове, дав ей капель и велев сейчас же ложиться спать, так как отцу понадобятся её заботы. Флорентиец проводил Алису до лестницы и снова сел к столу, где и закончил последнее письмо.

Рассвет переходил в раннее утро. Лорд Бенедикт потушил свечи, прошёл в свою спальню, откуда через четверть часа вышел в пижаме, с мохнатым полотенцем на плече. Собрав письма, он положил их в ящик стола, закрыл его, написал на бумажке несколько слов и вышел в парк. Подойдя к дому с другой стороны, он поднял камушек, завернул его в ту бумажку, что положил себе в карман, и, остановившись перед одним из открытых окон второго этажа, ловко бросил туда свой камушек.

К ногам погруженного в невесёлые думы и всю ночь не спавшего лорда Мильдрея вдруг упало что-то белое, стукнувшее об пол. Вздвогнув от неожиданности, он наклонился и поднял бумажку, из которой выпал камушек.

"Надевайте пижаму, берите мохнатое полотенце и сходите вниз, на террасу. Пойдём к озеру купаться в водопаде", — прочел Мильдрей. Записка была без подписи, но Мильдрей сейчас же узнал крупный, прекрасный почерк хозяина. Он выглянул в окно, но кроме пения птиц и чудесно расцветающего утра ничего не услышал и не увидел. Обрадованный неожиданной возможностью совершить дальнюю прогулку с лордом Бенедиктом, Амедей поспешил переодеться и спустился, недодумав мыслей, терзавших его всю ночь.

— Ну, мученик, — встретил его весёлым смехом лорд Бенедикт, — на кого вы похожи? Ещё две-три так прелестно проведённые ночи, и меня обвинят по крайней мере в истязании своих гостей. Можете ли, лорд Мильдрей, образцовый воспитатель моего приятеля индуса, объяснить причину вашей скорби, которая в одну ночь съела половину вашего веса?

— Объяснить это легче лёгкого, лорд Бенедикт. Полное бессилие помочь страдающим людям довело меня до отчаяния. Но вот что я хотел бы знать: каким образом вы угадали, что я не спал и что сидел именно в этой из трёх отведённых мне комнат. Ведь вы должны были точно знать не

только то, что я не спал, но и то, что вы даёте призыв человеку, который прочтет вашу записку немедленно. И до чего же вы молоды и прекрасны, лорд Бенедикт, теперь я понимаю, почему вам дали прозвище Флорентиец.

— Знаете ли вы, мой дорогой гость, что если мы будем останавливаться на каждом шагу, как это делаем сейчас, то вернёмся, когда наши дамы будут уже завтракать. Будем двигаться энергичнее, и, пожалуй, я расскажу, как узнал о вашей бессоннице. Посмотрите вокруг себя и взгляните в разнообразие окружающей вас жизни. Цветы каких чудесных форм и окраски окружают вас! Листья, травы, бабочки, птицы, мухи, пчёлы — всё живёт самой напряжённой жизнью, творит, отдаёт свой аромат, плоды и красоту... и умирает.

Вы срываете цветок, вдеваете его в петлицу или украшаете им стол. Вы не думаете, что цветок умирает, отдавая вам свою красоту. Вас не тревожит эта смерть. Вы её благословляете, принимаете спокойно, как нечто неизбежное, обычное. Почему? Только потому, что в этом нет ничего вашего. Ничего от вас лично, от вашей привязанности, ваших привычных желаний, вашей любви, в которую вы каждый день вплетали нити своего сердца, крови, плоти и духа. И вы спокойны. Вы знаете неизбежность закона целесообразности, закона, заставляющего всё живое менять свои формы.

Как только дело касается людей, — в сознании человека всё мгновенно меняется. Всё разделяется на своих и чужих. Свои — это те, с кем вы сжились, сроднились по крови. И каждая такая разлука — неизбежные слёзы, отчаяние и вот такой вид, как у моего доброго друга лорда Мильдрей. Вы сражались в двух войнах, будучи юношей; о вашей храбрости солдаты складывали песенки и легенды, вашему самообладанию удивлялись старые офицеры. Теперь вам двадцать восемь. Почему же перед лицом предстоящей смерти пастора вы потеряли не только полное самообладание, но и равновесие? Ваша любовь к Алисе для меня не тайна. Но она не оправдание вашему поведению. Чему служит та любовь, которая не несёт мужества любимому? Неужели вы думаете, что подобным образом страдаете Алисе?

Думаете, можно таить внутри полный разлад, страдать и разрываться, а вовне демонстрировать полное якобы спокойствие и подобным лицемерным самообладанием помогать человеку переносить горькие минуты? Только истинно мудрое поведение, то есть убеждённо-спокойное внутреннее состояние может помочь ближнему. И оно, как живой пример мудрости, может прервать тысячи человеческих драм одним только своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца. И в каком бы

образе он ни встречался, он может поднять человеческие силы до героического напряжения. Может помочь перейти из состояния маленького, о личном горюющего человека одной улицы, в одухотворённое осознание себя единицей вселенной. Вселенной, с неизбежностью подчинённой одному и тому же закону целесообразности, который ведёт всё живое — от букашки до человека — к совершенству. Вы можете мне ответить, что всё это знаете и понимаете. Но я скажу, что это не так. Потому что на языке мудрости знать — это значит уметь. А понимать — значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, но не умеет действовать в своём трудовом дне, — на самом деле ничего не знает. Он ничем не отличается от цирковых собак и лошадей, которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

Подумайте обо всём этом, лорд Мильдрей. От вашего поведения сейчас многое будет зависеть не только в вашей жизни, но и в жизни Алисы и ещё многих людей, которых вы встречаете и в обществе которых вращаетесь. К сожалению, по причинам, от меня не зависящим, я ничего не могу сказать вам больше. Могу только прибавить, что сейчас вы стоите у перекрёстка дорог. И в зависимости от вашей энергии и мужественного поведения, в зависимости от истинной доброты и силы вашего благородства в этот момент, вы услышите тот или иной зов жизни. И вы можете создать такую семью, в которой великая душа сойдёт на землю и, под охраной вашей любви и доброты, пройдёт свой новый человеческий путь.

Флорентиец привёл Мильдрея к водопаду. Красота природы, чудное утро и слова хозяина не только развеяли скорбь гостя, но и окрылили его. Выйдя из водоёма, выдолбленного водой, падающей с высокой скалы, и поёживаясь от холода, лорд Мильдрей сказал:

— Если бы я даже не входил в эту купель, которая меня возродила, — я чувствовал бы себя воскресшим от одного только общения с вами, лорд Бенедикт. Самое великое, что я понял сейчас из ваших слов, это то, что истинной любви чуждо понятие разлука. И я не теряю надежды, что в вашем благом присутствии оба понятия — знать и уметь — когда-нибудь сольются для меня в одно самоотверженное и радостное действие, то есть в простое умение быть истинно добрым и, думая о людях, забывать о себе.

Оба вернулись домой как раз вовремя, чтобы успеть переодеться и встретиться с остальными за завтраком. Пастор чувствовал себя слабым и усталым, но всё же прошёлся по парку. Под руку с дочерью, в сопровождении Сандры, дошёл он до обрыва, откуда вид на открытые дали нравился ему особенно. Но после обеда он сейчас же поднялся к себе. Алиса не оставляла отца ни на минуту. Она, казалось, совершенно не

замечала его слабости и той особенной ласковости, в которой сквозила нежность прощания. Она вела себя так, как всегда, как будто бы отец был здоров, но не покидала его.

— Алиса, дитя моё, пошла бы ты погулять. Вон все идут на ферму с лордом Бенедиктом.

— Нет, папа, мне так хочется побыть в тишине с вами. Раздался стук в дверь, и вошёл лорд Мильдрей. — Лорд Уодсворд, не разрешите ли посидеть подле вас? Мне так захотелось побыть в вашем обществе, что я не мог устоять и решил вас побеспокоить. Вы не сердитесь на меня за это?

— Не только не сержусь, но и счастлив, что вы зашли ко мне. Моя Алиса не покидает меня, как ни прошу её отдохнуть немного от моего стариковского общества. Не скрою, мой друг, что радость быть столь любимым моею дочерью и вами — большое вознаграждение за прожитую жизнь.

— Знаете ли, папа, вы у меня положительно феномен. Другой бы на вашем месте мог и зазнаться. А вы, вы хоть немного ценили бы себя и всё то, что сделали для людей, для науки. Лорд Бенедикт сказал, что сюда собирается целая делегация от Академии наук, чтобы вручить вам какую-то исключительную награду за книгу, которая завтра должна выйти в свет. А вы, мой дорогой отец, одно смирение.

— Дочурка, я бы очень хотел избежать этой пышности, она мне тяжела, я даже разволновался. Лорд Мильдрей, не откажите сходить к нашему дорогому хозяину, когда он вернётся с прогулки, и попросите его зайти ко мне.

— Я непременно это сделаю, лорд Уодсворд, я уверен, что лорд Бенедикт сумеет охранить ваше спокойствие. Да ведь он пошёл на ферму по хозяйственным делам, долго там не пробудет, и как только он вернётся, я сейчас же передам ему ваше желание. Кстати, в газетах сегодня есть отзыв капитана Т. о вашей книге. Я думаю, что подобному отзыву позавидует добрая половина авторов в мире.

— Папа, вы знаете, что у капитана Т., то есть у графа Николая, есть брат, начинающий писатель. Лорд Бенедикт как-то сказал, что Левушка написал вещь гениальную, не по летам глубокую. А Наль говорила мне, что видела его один раз в жизни наряженным в восточный костюм, с седой бородой. И если бы она столкнулась с ним теперь лицом к лицу, то не смогла бы узнать брата своего мужа.

— Это почему же? Неужели они познакомились в маскараде? И не видели друг друга без масок? Это что-то во вкусе французских романов, — весело смеялся пастор.

— Надо полагать, что дело здесь в чём-то другом, лорд Уодсворд. Вряд ли на Востоке возможны маскарады, а графиня очень молода и приехала прямо оттуда.

Дальше разговор перешёл на чудеса жизни, как называл пастор встречу с Флорентийцем.

А Флорентиец с Сандрой уже возвращались с фермы ближайшим путём.

— Мы с тобой уже несколько раз говорили о твоей постной физиономии, Сандра. Сегодня хочу поговорить с тобой окончательно. От твоего решения и дальнейшего поведения будет зависеть, останешься ли ты при мне или уедешь в Лондон. Видишь ли, решившись следовать чьим-то указаниям, избрав себе путь в человеке, к которому особенно тянется сердце, надо находиться в гармонии с тем, кого хочешь назвать своим Учителем. Чтобы воспринять указания Учителя и нести их как творящую силу, надо быть радостным. Только радость открывает возможность слиться двум сознаниям, стоящим на разных ступенях развития. И чем радостнее и чище более низкое сознание ученика, тем легче, проще и глубже оно может влиться в сознание Учителя. Тем больше получит радостный из открывающегося для него высшего сознания. Это одна сторона дела. Жить подле меня и хмуриться, вступая в спор с Богом и судьбой, — значит, тратить попусту время и не заметить, как льётся свет в твоё текущее сейчас.

Второе. Ты брал на себя обет беспрекословного послушания, что казалось тебе счастьем, подобно тому, как жизнь подле меня рисовалась тебе заманчивой мечтой. А когда эта мечта сбылась неожиданно для тебя, — ты оказался слабее женщины и продолжаешь быть таковым. В своих философских изысканиях, открытиях в астрономии и механике ты проявляешь себя той силой, на которую можно полагаться. В отношении к жизни людей ты оказался ребенком, не выдерживающим самых обычных испытаний движущегося колеса жизни.

А между тем, ты — индус, тебе известен закон перевоплощения, ты в нём рос и воспитан. Казалось бы, твоё отношение к жизни и смерти должно было быть иным, нежели у европейцев. Отчего разлад в твоей душе? Теряешь доброго и нежного друга, стремившегося всячески тебе помогать. Чем же ты благодаришь его? Тревожишь его последние дни, оплакиваешь своё одиночество после его смерти. Чем поддержал ты его дочь? Своими стенаниями. Стыдно и недостойно, Сандра. Если я и не отправил тебя сразу же, как человека, недостойного быть принятым в ряды моих учеников, то только потому, что я у тебя в старинном долгу. И этой

беседой я возвращаю тебе свой вековой долг.

Пастор уходит с земли ненадолго. Если Алиса сумеет — со всем героизмом и мужеством сердца — проводить его как отца, чтобы принять как сына, для новой земной жизни, — он вернётся скоро. Если женщина сумеет возвыситься в доброте и любви настолько, чтобы о себе не думать, но самоотверженно подготовить место, где снова воплотится её отец, он будет счастлив на земле и завершит свой труд, чего сделать сейчас не успел. И целый круг жизней, затянутый ныне тяжёлой петлей злых предрассудков, освободится и развяжется, перейдёт в счастье и свет.

Если же Алиса не победит эгоистической любви к отцу, будет плакать и цепляться за него, как это делаешь ты, — ряд жизней будет обречён на ожидание новых возможностей, когда сочетание кармических связей вновь станет гармоничным.

Я говорю тебе всё это один-единственный раз. Чтобы ты понял до конца смысл закона беспрекословного повиновения, я дал тебе сейчас возможность провидеть судьбу многих людей. Но если ты когда-либо нарушишь его — ничто не сможет оправдать в веках твой поступок. Как бы ни хотел я взять на себя твои испытания, сделать это я не смогу. Я приму на себя, любя и побеждая, обратный удар, который ты нанесёшь мне. Но цепь жизней, спутанную тобою, ты сможешь развязать только сам.

— О Боже, как я глуп! Как я непростительно, позорно глуп, дорогой, обожаемый лорд Бенедикт. И я плакал, стenal, бунтовал и чуть ли не обвинял вас в холодности, потому что знал, что вы можете поддержать силы пастора и не делаете этого. Простите меня, хотя и нет мне прощения. Как тупоумен человек! Такое счастье должно прийти к пастору и Алисе, а я оплакиваю обоих. Да будет мне это вовек уроком! Вот здесь, глядя на это заходящее солнце, я обещаю вам, мой ласковый, милосердный Учитель, всегда хранить радость послушания, сколь бы ни казалось печальным то событие, к которому так или иначе я должен быть причастен своей волей и трудом. Я обещаю, проходя свой день, не искать благ и награды. Ибо день человека — это не то, что к нему приходит, а то, как он это принимает и что сам привносит из сердца.

Я обещаю, проходя день, воплощать в дела и встречи то понимание, что вбираю в себя через вас. Я обещаю, проходя день, идти его в бесстрашии, мужестве и мире, потому что понял сейчас, что все эти качества ничто иное, как моя верность вам.

— Аминь, сын мой. Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставила тебя сомневаться во всём, а привычка скептически принимать все

обстоятельства жизни. Привычка думать только о жизни земли, в отрыве от жизни вселенной. Усвой основное правило для каждого человека — научись мыслить диалектически. Не разрывай больше связи со всеми радостными силами природы. И когда настанет твой час познать элементы природных стихий, — принеси к этому моменту себя как сосуд, полный самообладания и гармонии.

Мудрость не в учёности и уме. Вся их ценность только в той культуре духа, которую они смогут сформировать. Если это случается, — из человека выковывается светящийся шар, интуитивно творящий и входящий в равновесие со всей мировой жизнью. Его энергия действительна и мчится огнем по всем встречам. Если же учёность не привела через сознательное к подсознательному, — человек остаётся одним из тысяч и тысяч тупоумных умников, которые ищут объяснения и доказательства предельного ума там, где живёт и творит в человеке только беспредельная Мудрость.

В своих отношениях с людьми никогда не ищи с ними объясниться. Ищи, чем обрадовать человека, чтобы в радости начать и закончить встречу. Но избегай тех, кто, хмурясь сам, старается найти в тебе причины своей хмурости. Беги тех семей, где живут, ссорясь. Те, кто распинается о своей любви к семье, а на самом деле они тираны и ворчуны, — преступники не меньше, чем любые воры, крадущие чужие ценности.

Навстречу лорду Бенедикту и Сандре шёл добряк Мильдрей, издали улыбаясь обоим.

— Что скажете, лорд Мильдрей? Вы, верно, послом от Алисы?

— Вот и не угадали, лорд Бенедикт. Пастор просил меня обратиться к вам с просьбой навестить его.

Все трое прошли на балкон пастора, который был укутан пледом, несмотря на тёплый вечер. Узнав, почему пастор волнуется, лорд Бенедикт обещал ему всё устроить.

— Кстати, хотел предложить доставить сюда вашего слугу. Он так привязан к вам, что, наверное, сильно скучает, да и вы привыкли к нему. Завтра рано утром Сандра поедет в Лондон, отвезёт наши письма в Академию и будет представлять за вас на торжественном заседании. Затем заедет за вашим слугой, и вечером оба будут здесь, ко всеобщему удовольствию. И ещё у меня к вам вопрос. Ваша жена и Дженни любят морские купания и шумное общество. Не пошлете ли вы им с Сандрой письма и деньги на этот предмет? Вы ведь скоро будете Крезом, так как тираж вашей книги колоссальный. Я мог бы пока одолжить денег, и они бы уехали из Лондона довольные вами и предстоящей курортной жизнью.

— Лорд Бенедикт, то был бы наилучший и наиболее спокойный выход для всех нас, особенно для меня и Алисы. Я был бы вам премного благодарен.

— Вот и прекрасно, дорогой друг. Скушайте конфету и пойдёте вниз ужинать.

В столовой уже ждали Наль и Николай, обрадовавшиеся пастору и Алисе так, точно век с ними не виделись.

— Мы совершенно не согласны, лорд Уодсворд, быть без вас и Алисы. Если вам не хочется гулять, мы будем сажать вас у теннисной площадки, в тени, с кучей книг. Но, пожалуйста, не лишайте нас своего общества, — обнимая поочерёдно отца и дочь, говорила Наль.

Быстро пролетел вечер, который Алиса украсила музыкой, а пастор чудесно спел несколько арий. Любовь к искусству победила слабость, и вдохновенная песнь захватила слушателей.

— Вот ведь как странно создан человек. Я и умирая, верно, буду петь.

— Не знаю, будут ли у меня силы играть, но умереть под музыку — это, наверное, большое счастье.

— Не знаю, какое это счастье, мисс Алиса, — утирая глаза, сказал Сандра. — Знаю одно, что сегодня сердце моё несколько раз тонуло в полном блаженстве.

— Я тоже как-то особенно прониклась твоей музыкой, дорогая сестрёнка, — прижавшись к Алисе, шепнула Наль. — Я за двоих тебя благодарю. Тот, кто начал жить во мне, как счастлив он благодаря тебе. Он сразу готовится понимать и природу, и красоту её, и людей, и чудо звуков. Алиса, друг, я вместе с тобой несу и радость, и горе. И кроме всего, в тебе для меня опора и помощь. Ты единственная женщина-друг мой. Хотя ты такая молоденькая, но в тебе так много доброты, серьёзности и любви, что я чту тебя, как подругу и мать. Не покидай меня, Алиса, без тебя, несмотря на всю любовь мужа и отца, я буду одинока.

— Откуда ты взяла, что я собираюсь уехать, Наль? Напротив, лорд Бенедикт оставляет нас с папой здесь на два месяца. Но и потом я тебя не покину, я всё время буду с тобой.

Полюбовавшись ещё немного красотой ночи, обитатели дома разошлись по своим комнатам, и в эту ночь все они мирно спали. На следующее утро Сандра уехал в Лондон. Он выполнил поручение в Академии и отправился в дом пастора. Его встретил старый слуга, которому Сандра передал письмо его господина с приказанием собрать вещи, захватить несколько книг из кабинета и ехать немедленно, вместе с подателем письма, в деревню. Дженни была дома и вышла в переднюю,

услышав голос Сандры.

— Здравствуйте, мисс Дженни. Я привёз вам и вашей матушке письма от вашего отца. Быть может, вы захотите ответить? Я могу подождать.

Дженни взяла письма, провела Сандру в зал и поинтересовалась здоровьем отца очень официальным тоном. — Лорд Уодсворд очень и очень болен. — Ох, всю жизнь, скоро уж двадцать три года, всё слышу только об этом. Но, слава Богу, он всё живёт, — так же холодно продолжала Дженни. — Мамы нет дома, и это очень жаль. Она бы, наверное, тоже пожелала ответить. Вы простите меня, я покину вас на несколько минут и напишу ответ у себя.

Дженни вышла, а Сандра сел на покрытое белым чехлом запыленное кресло. Как мало времени прошло с тех пор, как он был здесь у пастора в последний раз! Но от души этого дома не осталось ничего. Где мир, царивший здесь, которым наполнял дом хозяин? Где безукоризненная чистота этой комнаты, которую, очевидно, поддерживала Алиса? Где весёлый смех и музыка? В томнящем молчании дома невесёлые думы бродили в голове юноши. Он думал о Дженни, о том, какой она казалась ему прежде обворожительной, умной и содержательной, а оказалась сверкающим мыльным пузырьём. Думал, как страдал пастор, о чём он никогда прежде и не догадывался. И в сердце Сандры вставал вопрос за вопросом. Зачем должен был пастор нести этот груз внутреннего разлада? И как мог он быть при этом таким ровным, добрым, улыбаться? Где, в чём источник самообладания, позволившего ему скрывать свои раны и утешать других? А он, Сандра, бессилен, вспыльчив, невыдержан и даже эгоистичен.

Дженни вернулась, сказав, что письмо отца несколько сбilo её с толку, что она сейчас ничего не ответит, но пошлет письмо завтра почтой.

— Отец тоже говорит, что здоровье его плохо. Но, признаться, в первый раз он не только не протестует, но и сам желает, чтобы мы с мамой ехали на морские купанья. Мне это улыбается. Я не терплю деревни с её скукицей. Это для Алисы самое подходящее место. Неужели вам ещё не надоели красоты природы? — иронизировала Дженни. — Я и рассмотреть их не успел ещё, мисс Дженни. — Но что же вы там делаете? Алиса, та, конечно, перешивает графине туалеты, и времени ей остаётся мало. Но что сама графиня? Вы всё так же восхищаетесь ею?

— Графиня и мисс Алиса почти неразлучны, как и все мы, с вашим отцом и лордом Бенедиктом. Обе дамы учатся верховой езде и другому виду спорта, который считает полезным и необходимым для здоровья наш хозяин. Кроме того, у лорда Бенедикта прекрасная библиотека. Обе наши

дамы учатся и со мной, и с графом Николаем, и с самим лордом Бенедиктом.

— Ну, меня можете уверять сколько угодно, — я не поверю. Туалеты для скачек, несомненно, были сшиты Алисой...

И вдруг Дженни осеклась под взглядом Сандры. Что было в этом взгляде, что привело её вдруг в бешенство? Точно какой-то огонь, — такой она почувствовала себя раздражённой.

Сандра смотрел на неё печально, словно жалея. Это не был тот юноша-поклонник, которого она, смеясь и сознавая власть над ним, припирала к стенке своим остроумием. Не мужчина, восторгавшийся её умом и видевший в ней женщину, стоял перед ней. Это был какой-то новый, вглядывавшийся в её душу человек. А Дженни хотелось легко скользить по жизни. Быть женщиной, пленять и нравиться, а никак не интересоваться чужой душой. Гнев заставил её резко спросить, почему это Сандра смотрит на неё, как добрый самаритянин, в чьём сострадании она вовсе не нуждается.

— Да, я знаю, что милосердию нет места ни в вас, ни подле вас. Но я всё же надеялся, что вы лучше защищены от зла. А сейчас вижу, что вы раскрыты настежь для всего дурного. Кто способен так легко раздражаться, тот привлекает к себе страдания.

— Это вы в доме лорда Бенедикта научились проповедовать? Или у моего отца заразились его манией исправлять людей? Я ненавижу проповедников, — топнула ногой Дженни. — Милейший папаша-проповедник, предлагая отправиться на любой курорт, забыл о самом главном, о деньгах. Он, конечно, по рассеянности позабыл о такой мелочи, — почти кричала Дженни.

— Ах, простите, это я, болван, забыл, а не он. Вот пакет для вас, а это для вашей матери.

И Сандра подал ей два объёмистых пакета, надписанных рукой пастора. Жадно их схватив, Дженни сконфузилась, но затем ещё больше озлилась. Чтобы как-то скрыть свои чувства, она отвернулась к окну. Сандра воспользовался моментом и быстро вышел из комнаты.

В передней его ждал Артур. Они тихо вышли из дома, нашли экипаж лорда Бенедикта и через некоторое время уже сидели в поезде. Впервые Сандра пригляделся к старому слуге. Годы не согнули этого человека. Он был прям, широкоплеч, не очень большого роста, но отлично сложенный, с красивым, благородным и добрым лицом. Этот старик скорее походил на друга пастора, чем на его слугу. — Вы давно живёте в семье пастора? — Я никогда не разлучался с сэром Уодсвордом. Ему было семь, а мне

четырнадцать, когда покойный лорд Уодсворд, дядя пастора, у которого он тогда жил, приставил меня к нему. Лорд Эндрью уже тогда был святым ребёнком, как потом святым юношей, святым мужем и отцом и святым пастором. — Он закрыл лицо руками, чтобы скрыть полившие из глаз слёзы. — Святые долго не живут. Что им здесь делать? Мой господин молод ещё, но сердце его уже не может выносить муки. Оно сгорело. Его спалило страдание. Я знаю очень хорошо, что уже не привезу в Лондон моего господина, а только его гроб. Если вырос вместе с человеком, — врос в его сердце. Слов не надо — всё знаешь. Так и я это знаю, хотя никто мне ничего не говорил. — Он смахнул ещё раз слезу, и лицо его осветилось мужеством. — Мой господин тоже, наверное, знает, что не вернётся в свой дом. И велико же милосердие Божье, что умрёт он не там, где находится его ежедневная Голгофа.

Сандра с восторгом и уважением смотрел на слугу, язык которого, его манера выражать свои мысли обличали в нём вполне культурного человека.

— Неужели вы так и прожили всю жизнь возле лорда Уодсворда, не имея своей семьи?

— Ни на один день до сих пор не разлучался я с моим господином. Если бы у него всё было в порядке, я, вероятно, имел бы время создать себе семью. Но пастор был так несчастлив, так страдал сердцем и так скрывал от всех свою болезнь и своё горе, что я ему всегда был нужен. Только года три как мисс Алиса разгадала вполне его болезнь. А то и от её любящих глаз удавалось скрывать истину.

Глубокая верность слуги своему господину пронзила сердце Сандры. Невольно он сравнил своё поведение по отношению к лорду Бенедикту, и в сердце его проникли стыд и горечь от сознания, что вот он, философ и изобретатель, имеет более низкую духовную культуру, нежели этот полный деликатности и любви простой слуга.

В молчаливом душевном согласии оба добрались до дома только к ужину. Свидание пастора со своим слугой послужило Сандре ещё одним уроком. Слуга, знавший о смертельной болезни своего господина, вошёл к нему в комнату так, будто всё время находился рядом с ним и только выходил за каким-то пустяком. Со спокойным лицом он сейчас же привёл комнату и вещи в привычный порядок, подал пастору последние номера журналов, сегодняшнюю газету и стал рассказывать, как навещал своих родных. Сандра переглянулся с Алисой, обменялся с ней улыбкой и вышел из комнаты.

И снова в доме лорда Бенедикта потекли мирные дни, Такие мирные и однообразные внешне, но такие напряжённые духовно, протекающие

между двумя гранями земной человеческой жизни: постепенного ухода пастора и развивающейся жизни в Наль.

Алиса расцветала на глазах. Её духовный рост сказывался во всех её поступках. Казалось, так легко быть сиделкой при больном отце, хотя она тысячу раз в день вскакивала, кормила, давала лекарства, мерила температуру, меняла компрессы и грелки, шутливо выговаривая больному, что он чрезмерно терпелив и нетребователен. Лорд Уодсворд слабел и худел, на глазах превращаясь в аскета, а лицо его и взгляд всё светлели. Он получал сухие письма от Дженни и леди Катарины и сказал однажды Флорентийцу, сидя по обыкновению в кресле:

— Как странно, что Дженни моя дочь, с которой я прожил неразлучно двадцать три года, которой отдавал больше времени и забот, чем Алисе. И она даже не поняла, что письмо моё к ней, последнее прощальное письмо, полное любви, было горячей надеждой пробиться к её сердцу. И в этой отчаянной попытке я не преуспел, не выполнил свой долг по отношению к дочери.

— Если бы все отцы так защищали своих детей от зла, как это делали всю жизнь вы, мой друг, на свете было бы легче жить и люди страдали бы меньше. Вы не можете упрекнуть себя в несправедливости к Дженни. Вы внушали ей человеческие чувства, и не словами, а собственным примером. Вы не давали ей окончательно утонуть в пошлости. Но я уже говорил не раз: детям в жизнь дорожку ни отец, ни мать не протопчут.

Вы сделали всё для души, которую приняли на хранение от Единой Жизни. А как эта душа, в сочетании своих кармических путей и сил, идёт по дню, примет она или нет ваши руководящие нити, зависит не от вас. У каждого наступают в жизни периоды, когда дух сбрасывает оковы накопившихся условностей. Внезапно глаза раскрываются, и тогда мы говорим: человек изменился. Но это не человек изменился, а освободилось в нём какое-то количество светоносной энергии, которую он прежде затрачивал, на борьбу с самим собою. Как ветхое тряпье, спадают страсти, давившие мысль и сердце, и освобожденная материя человеческого духа льётся Светом на его пути. Среди множества проходимых нами подобных поворотов у каждого есть общий для всех людей и непреложный кульминационный пункт. Это смерть.

В этот момент дух человека перестаёт быть связанным законами земли. И нет никого, кто мог бы остаться на земле хотя бы ещё одно лишнее мгновение, если уже вышел из скорлупы иссохших страстей, которые непригодны больше для творческой, созидающей жизни. Неисчислимые примеры всегда индивидуально неповторимой жизни человека сводятся к

этому закону Вселенной: к вечному движению к совершенству в творчестве. Есть случаи для данного воплощения безнадежные, когда иссохшие страсти так срослись с материей духа, что стряхнуть их невозможно. Тогда погибает всё данное воплощение человека, И всё же и такому духу предоставляется много случаев для освобождения; человек уходит с земли, чтобы долго учиться в своей новой облегчённой форме тому, как надо жить на земле в следующий раз.

Или, наоборот, человек перерастает своё окружение. Он отдал труду все свои творческие силы и поднялся в духе так, что ему требуется новое тело и более высокие условия жизни, чтобы выйти на новый виток творчества для земли. Тогда он оставляет землю, чтобы очень скоро вернуться. И в этих случаях — особо оберегаемых светлыми силами — его новая жизнь на земле становится той любовью, которую он посеял на ней прежде.

Не тревожьтесь, друг. Ваш случай как раз из последних. Вами отдано земле так много любви, что она уже сейчас выросла в мощную силу и притянет ваше новое воплощение к себе. Я уже просил вас отдать свои последние дни радости понимания великого пути человека. Для каждой вашей встречи с людьми до сих пор дверь вашего сердца была открыта. Теперь эта дверь уже и не может закрыться: в неё вступила Вечность и слилась с живущею в вас Любовью. Идите, сознавая свой путь. Идите без страха, скорби и сомнений. Гармония ваша уже не может быть поколеблена ничем земным.

Флорентиец покинул пастора и Алису, ставших почти неразлучными. Сандра и Мильдрей, часто ездившие в Лондон по поручению обитателей деревни, тоже проводили почти всё своё свободное время подле больного. Наль и Николай, по требованию хозяина дома, утром ходили с ним в поля и леса, принимая участие в управлении имением и обучаясь тому, как вести сельское хозяйство. Но и они любую свободную минуту старались проводить с пастором.

Почти каждый вечер Флорентиец уводил Алису на прогулку, оставляя с больным Наль. И эти часы для обеих женщин были счастливыми часами. Наль, видевшая пастора редко, но любившая его, как второго отца, из той же плоти и крови, что и она сама, тогда как Флорентийца и дядю Али причисляла к людям высшего порядка, чувствовала себя с ним очень просто. И все её жизненные, житейские недоумения и вопросы, с которыми она не решалась обращаться ни к Флорентийцу, ни к мужу, находили полное разрешение у пастора. Он наперёд угадывал вопросы будущей молодой матери и умел ввести в её сознание понимание великих законов природы, для которых в чистой душе нет места предрассудку стыдливости.

Он умел показать ей, что мать должна думать не только о физическом здоровье, но и характере своего будущего ребёнка в самом его зачатке. Он не забывал напоминать ей, каким миром она должна окружить ребёнка уже теперь. От первых часов колыбели и до его семи лет стараться ничем не нарушать окружающей его гармонии в семье. Указывая на обязанности материнства, больше всего заклинал её самоё от безделья умственного и физического.

Алисе же всякий раз казалось, что после прогулок с Флорентийцем она возвращается обновленной. Изменилась вся её психика. Она не тосковала больше о предстоящей разлуке с отцом. Она легко говорила ему и себе: "До свидания". Девушка не задумывалась, как именно произойдёт дивное чудо нового воплощения отца в её собственной семье. Ей было ясно, что только её внутренний мир, духовная высота и благородство важны для их будущей общей жизни. Она больше не думала о внешних факторах жизни, поняв однажды и навсегда, что внешняя жизнь приходит как результат внутренней, а не наоборот.

Однажды, поднявшись после ужина к себе в комнату, Алиса услышала лёгкий стук в дверь. На разрешение войти в дверях показалась Дория, принёсшая ей платье к завтрашнему дню.

— Простите, Алиса, я знала, что вы ещё не спите. — Что вы запоздали, Дория, — вставая с места и усаживая её рядом с собой, сказала Алиса, — это пустяки. Я отлично могла бы вовсе обойтись без этого платья. Но вот что вы так поздно стали засиживаться за работой, это уже не пустяки. Мы с Наль уже несколько раз просили вас побольше отдыхать. Но о чём же вы плачете, Дория?

— Я плачу, потому что только теперь и увидела, что наделала. Узнав вас, я до конца поняла, что никогда никого не любила. И не была верна никому и ничему до конца и даже не была по-настоящему добра, хотя жила, как полагала, только для того, чтобы делать добро. Когда теперь смотрю на вас, то понимаю, о чём мне говорил Ананда, утверждая, что я живу умом и всё ищу логические кольца, которыми стараюсь окружить людей как кольцами моей любви. И что хочу, чтобы все ясно видели, как я усердна в этом.

Передо мной была раскрыта светлая дорога. Мой руководитель, дорогой Ананда, разлив во мне понимание вечных законов жизни, предоставил мне полную свободу формироваться не по его указаниям, но радостью того знания, которое он мне открыл. А я-то решила, что он мало занимается мною, предпочитая мне других. Я сердилась, ревновала, внесла ураган личного бунта в свои отношения с ним и с теми, кто шёл за ним. Только

теперь, встретив вас и узнав вашу жизнь, я поняла, что такое истинная доброта.

— Нет, вы не правы, Дория. Просто я возвращаю часть долга своему отцу. Вот тот, кого вы зовёте Флорентийцем, — тот действительно сама любовь и доброта. Это недостижимый идеал, к которому и приблизиться-то невозможно.

— Вот видите, для вас ваш Учитель — не от мира сего. А я всё требовала от Ананды равенства, не понимая, не ценя всего, что он для меня делал. Однажды я стала просить Ананду доверить мне одно из тех трудных дел, куда он посылал других. Он доказывал, что я ещё не готова. Что мои утверждения от ума: "Я люблю", "Я верю", "Я не лгу", "Я иду без костылей и предрассудков" — и есть самые живучие мои предрассудки. Что надо ждать, пока радостью истинной любви упадёт эта рассудочная цепь — и тогда я буду готова к урокам и поручениям. Иначе выйдет двойное горе и для меня, и для тех, с кем буду иметь дело. И, улыбаясь своей чарующей улыбкой, Ананда добавил: "Мне же придется принять весь неудачный опыт вашей жизни на себя, а вам, бедное дитя, проходить всё сначала. Поймите, в вас горят желания, которые выше ваших возможностей, а победить их человек может, если занят трудом ниже его духовных сил. Там, где труд равен его духовным силам, — человек побеждает любовью и миром. В вас их нет, вы вспыхнете и... погаснете, если возьмётесь за дело раньше, чем созреет ваше самообладание и установится гармония".

Я настаивала, добивалась, — и беспредельно добрый Ананда, дав двух помощников, не стал мешать мне действовать. Вероятно, вы сразу же представили, как сумбурно шла моя работа, как я была требовательна. Я тогда много думала о том, как я «устаю», и мало думала, что не умею дать ни отдыха, ни помощи тем людям, с которыми встречалась. Они не продвигались вперёд, уставали от меня, а я этого не понимала. Финал взятого мною на себя дела был печальный. По требованию Тех, Кто стоял выше, Ананда отозвал меня. И Флорентиец, бесконечно милосердный, взял меня к себе, разделив удар с Анандой.

Я слышала, он говорил Ананде: "Ты всё стараешься, чтобы люди шли совершенно свободно, так, как шёл ты сам и И. Таких чудес для всех не бывает. Не ставь, от своей беспредельной доброты и смирения, слабых людей перед соблазном свободного выбора, не суди о них по своей колоссальной духовной силе. Лучше давай им созреть в рамках строгого послушания. Так им легче прийти к самообладанию".

Не знаю, было ли бы мне легче. Знаю только, что пришла благодарить вас за встречу, увидев в вас ум, талант и благородство в полном сочетании с

добротой. Радость быть подле вас заставляет меня мужаться. Какое счастье для меня быть вам сейчас полезной, Алиса! Но я знаю, что вы не нуждаетесь в поддержке так, как в ней нуждаюсь я. С тех пор как я увидела, что каждую минуту вы кому-нибудь нужны, что все идут к вам со своими маленькими и большими делами, — мне захотелось стать вам верной слугой, такой, как старый Артур вашему отцу.

— Дория, голубушку, вы меня просто уморите. Я не выдержу и вовсю расхохочусь, да, пожалуй, весь дом перебужу. Для нас с Наль вы лучшая подруга и наставница, а её первенцу — чудесная тётушка. Довольно вам быть смиренной слугой. Лучше, вернее, честнее и скромнее вас выдумать нельзя. Пока вы не выйдете замуж...

— Нет, Алиса, я дала обет безбрачия, и эта сторона жизни для меня не существует уже.

— Быть может, это очень эгоистично с моей стороны, Дория, но тогда уже ничто не разлучит нас с вами, и у каждого из моих детей будет по две матери, чему я уже сейчас не могу не радоваться.

Девушки расстались не скоро. Дория рассказывала Алисе об Ананде, о его голосе, красоте, о том, как поёт его виолончель.

— Представляю, что бы это было, если бы вы играли и пели вместе. Когда он поёт, — точно мечом рассекает ваше сердце и из него выпадает всё мелкое. Что-то не от земли, как в голосе Флорентийца, есть в пении Ананды... И вот, Алиса, я была подле такого человека. И искала пятна на одеждах людей, вместо того чтобы нести им радость. Я жила подле Ананды, у моря, среди неопишуемой красоты. И не наслаждалась его обществом, а переживала, что он недостаточно ко мне внимателен.

— Всё это в прошлом, моя дорогая, — обнимая плачущую Дорию, говорила Алиса. — Теперь вы знаете свои силы. А подле лорда Бенедикта обрели новую, столь необходимую вам энергию и, конечно же, рано или поздно снова встретитесь с Анандой.

— Вы думаете, Алиса, это возможно? — Не представляю, чтобы это было иначе, Дория. Ведь Ананда, Флорентиец и, вероятно, другие им подобные, о ком я не знаю, живут лишь для того, чтобы помогать людям, всем без исключения. Как же могут они, видя ваши усилия, оставить вас без помощи? Нельзя быть наполовину преданной, потому что это уже не преданность сердца, а всего лишь компромисс. Но сейчас вы уже не сможете любить наполовину. Вы даже меня и Наль принимаете целиком, со всеми нашими качествами. Я уверена, что для вас наступает новая жизнь, в которой вы убережете многих от страданий и ошибок, так как сами прошли через бездну горя.

Девушки вышли на балкон, где, к их удивлению, уже сияло утро.

— Что же я снова надела/та! Для вас, Алиса, каждая капля сил важна, а я отняла у вас ночь.

— И потому потрудитесь немедленно сварить мне и Алисе шоколаду и принесите его сюда, под дуб, — раздался голос Флорентийца, сидевшего на скамье против балкона Алисы. — А ты, Алиса, сходи сюда, ложиться спать уже поздно.

Сконфуженные девушки разошлись, и через минуту Алиса была подле Флорентийца.

— Дитя моё, дни бегут так быстро, скоро и теплу конец. Не сегодня-завтра отец твой покинет нас. Мужайся, дочь моя, — необычайно ласково говорил Флорентиец. — Помни, как мы говорили с тобой не раз, что иметь какое-то понимание и не уметь воплотить его в жизни, — значит не иметь истинного понимания. Вот и ещё одна страдающая душа открыла тебе свои раны. И ты снова убедилась, что у каждого своя Голгофа.

— Лорд Бенедикт, благословен тот день, когда я встретила вас. Как и мой отец, могу сказать: жизнь стала иною, стала сказкой и радостью после встречи с вами. Я буду стараться быть достойной того, кто говорит мне: "Дочь моя", и заменяет уходящего отца. Не осудите слабую дочь свою, если глаза её всё же прольют слезу. То будет слеза благоговения и принятия жизни именно такую, какой она мне даётся. Дория подала шоколад, не поднимая сконфуженных глаз. — Сядь, Дория, с нами. Почему же себе не принесла шоколаду? Или ещё не чувствуешь, что твой урок слуги окончен? Благодарю тебя за усердие, за ласку и доброту, с которыми ты его несла. Спасибо тебе, друг Дория. Вскоре после смерти и похорон пастора мы все уедем в Америку. Планы у меня были несколько иные, но за короткое время они меняются уже второй раз. Что ж, мы должны гибко приспосабливаться к зову жизни, внимательно вслушиваясь в него. Ты, дорогая моя дочь Дория, осознала свои ошибки и главнейшую из них: требовательность к людям. Ты поняла своё место во вселенной, смирение помогло тебе окончить свой урок и скорее, и легче, теперь ты будешь для нас общим другом, дочерью моею, членом нашей семьи. Не раздумывай, как, каким путём доберёшься ты снова до Ананды. Делай каждое дело текущего дня до конца. Делай всё любя, как делаешь сейчас. И сама жизнь свяжет тебе новые нити, о которых ты и не догадываешься сейчас.

Флорентиец обнял Дорию, посадил между собой и Алисой, отёр слёзы своим свежим платком и пододвинул ей свою чашку шоколада.

— Пей, дружок, — сказал он, поглаживая её по голове, как ребёнка. Дория приникла к нему, к ней прильнула Алиса, радуясь счастьем подруги

ещё больше, чем могла бы радоваться за себя.

— Я всё могла бы вынести спокойно и без слёз, — почти шёпотом сказала Дория. — Но вы оказали мне: «Спасибо», — и это вконец лишило меня самообладания. Ваше милосердие уже однажды спасло меня. Теперь я вижу, что ему предела нет. Одно это слово обрубilo канаты личных моих желаний навеки. Точно выстроило мост любви из моего сердца навстречу каждому человеку. Я больше не смогу думать о себе. Но только о тех, кого пошлет мне жизнь, чтобы утешить и обласкать.

— Хорошо, дитя. Пей же свой шоколад, а потом помоги Артуру. Смени его при больном. Ты, Алиса, прими эти капли и пойдй спать. Дория разбудит тебя через три часа, и тогда ты сменишь её у постели отца.

Через несколько минут Дория вошла в комнату пастора. Больной тихо спал после тревожной ночи. Артур сидел в кресле, подперев голову руками. Теперь, когда его никто не видел, старый слуга предавался своему отчаянию. Скорбные глаза его были полны слёз. Бледное лицо осунулось. Он был строг и печален. Обычной ласковой улыбки, с которой он говорил с пастором и Алисой, не выдавая своего горя, не было и в помине. Увидев Дорию, Артур встал, смахнул слезу. Он хотел пододвинуть ей кресло, но Дория, приложив палец к губам, указала ему на балконную дверь и тихо вышла из комнаты. Через несколько минут она вернулась, неся завтрак на подносе, который поставила на балконе, и жестом вызвала Артура из комнаты. Она усадила его и заставила кушать.

— Леди, я не могу есть. Я совсем потерял не только аппетит, но и смысл жизни.

— Я уж много раз вам говорила, чтобы вы не называли меня так, я такая же слуга, как вы.

— Быть может, леди Дория, вы и находитесь сейчас в положении слуги. Но поступаете, как истинная леди, и манеры ваши — манеры леди. Мой дорогой пастор всю жизнь учил меня, что надо всматриваться в сердце человека и уметь уважать его за страдания его и доброту, а не положение в свете. Вы всем улыбаетесь, леди Дория, как и моя дорогая барышня, леди Алиса. Только она всегда кроткая была, и милосердие ей дали ангелы ещё в колыбели. А вы, леди Дория, вы горды, и вам, чтобы стать милосердной, семь злых фей надо было победить. Вы простите меня за такие речи. Вообще-то я не посмел бы так разговаривать с вами, но перед лицом наступающей смерти самого дорогого для меня, — всё мне кажется несущественным, кроме одной только любви к человеку. Сейчас конец не только жизни пастора, но и мой. У меня больше нет ничего, для чего я желал бы жить. — А разве Алиса и её жизнь вам безразличны, Артур? —

Нет, конечно, мисс Алиса любима и уважаема мною очень глубоко. И не только за любовь к отцу, но и за душу её, чистую и честную. Но у неё будет своя жизнь, и может случиться так, что мне там места не будет. Даже сейчас она настолько сильна, что и утешения моего ей не надо.

— Вы очень ошибаетесь, Артур. Вы не только теперь ей нужны, но будете чрезвычайно нужны и впредь. Просто вы не можете сейчас понять, где и в чём Алиса находит силы быть ровной и сдержанной, отчего её сердце не рвется от боли, как ваше. А она знает, что если сегодня пастор закроет глаза, — это не значит, что связь ваша с ним разорвалась.

Не надо горевать, Артур, радостно проводите друга, потому что иначе ему будет трудно собрать в свой последний час мужество. Я знаю, что он оставит вам заветное письмо, из которого вы поймёте, что будете счастливы и после его ухода. Бодритесь, верьте и ждите без сомнений. Лорд Бенедикт велел вам скушать эти две конфеты и идти спать. Я посижу здесь и разбужу Алису, когда вы оба отдохнёте.

Артур, неотрывно глядевший в лицо Дории, молча проглотил конфеты, поцеловал протянутую ею руку и, захватив поднос с недоеденным завтраком, молча вышел.

Дория села у кровати и посмотрела на бледное, преждевременно состарившееся и прорезанное глубокими морщинами лицо пастора. Лицо, носившее следы огромного утомления и страдания. Дория вспомнила, как Артур и Алиса рассказывали ей, что пастор был очень красив и строен. Что он, смеясь, сжигал письма от женщин, приходившие к нему с каждой почтой. И теперь лицо его ещё было красиво, а когда пастора посещало вдохновение, оно становилось прекрасным. Но лицо это уже говорило всему земному: «Прощай». Дория размышляла о жизни пастора, о его желаниях, борьбе, неудачах и слезах. Как мало было у него личного счастья! И всё же он всюду вносил с собой мир, всем дышалось легче в его присутствии.

Пастор проснулся и улыбнулся Дории.

— Как странно, я ведь не знал, что вы здесь. Я видел вас во сне, и мне снилось, что я читаю ваши мысли. Вы думали сначала о моей жизни, а потом о людях вообще, о том, что они никогда не готовы к смерти. Было ли это на самом деле? Вы именно об этом думали?

— Да, сэр Уодсворд, я об этом думала, и меня удивляет, что вы отгадали мои мысли.

— О нет, Дория. Я плохой отгадчик. Я просто читал слова, словно бы окружавшие вашу голову. Но как я долго спал. А где моя Алиса? Мне не хотелось бы расставаться с ней сегодня.

Раздался стук в дверь, и вошёл лорд Бенедикт. Он отпустил Дорию, сам дал пастору лекарство и сел подле его постели.

— Вы просили меня, дорогой друг, помочь вам утешить Артура. Я пришёл исполнить эту просьбу. Вот вам бумага и конверт, вот вам доска, чтобы вы могли писать ему это последнее письмо лёжа. Я счастлив, что могу выполнить не только вашу просьбу, но и сообщить вам огромную радость: ваша следующая жизнь снова пройдёт вместе с Артуром. Вы оба будете братьями, оба родитесь в семье Алисы. А Артур обретёт двойное счастье, так как он будет жить до тех пор, пока вы снова не придёте на землю. Его руки примут ваше новое тело, он доведёт вас до семилетнего возраста, а затем уйдёт, чтобы стать вашим самым младшим братом, которому вы, в свою очередь, вернёте все его заботы в нынешнем воплощении. Напишите ему об этом, а я и Дория объясним, чего он не сможет понять.

Пастор, уже наполовину отошедший от земли, писал свой последний завет Артуру с большим трудом. Флорентиец помогал ему. Часто он поддерживал его руку, давал подкрепляющие капли, — и всё же пастор так устал к концу, что на его лбу выступили капли холодного пота. В этом же письме он извещал Артура, что оставляет ему денежный вклад, который также передаст ему лорд Бенедикт.

— Поистине, это моё последнее письмо, лорд Бенедикт. Я предчувствую, что и день этот — последний мой земной день. Мне хотелось бы провести его с Алисой и Артуром. Если бы я смел, прибавил бы: "И с вами".

— Я уже пришёл, мой друг, чтобы не отойти от вас до вашего последнего мгновения. А Алиса и Артур, они оба придут вскоре. Вы настолько уже отошли от физического плана, что стоит вам глубоко сосредоточиться на человеке, — и вы будете читать его мысли. А сосредоточившись на любви, которую вы зовёте Отцом, вы сможете безболезненно выйти из своей физической скорлупы, оставив этот мир, и оказаться на плане духовном — там, где привыкли жить и трудиться. Проститесь с Алисой и Артуром, благословите их, как будущих сына и мать. Проститесь с Сандрой и Мильдреем и... прочтите, кто из них станет Алисе мужем, и соедините руки будущих супругов, в семью которых вы придёте старшим сыном.

Лорд Бенедикт подал пастору пилюлю и спустился вниз, велел разбудить Алису и Артура. Он отнёс письмо в свой кабинет, запер в секретный ящик письменного стола и вернулся. И Артур, и Алиса, казалось, сразу поняли, какая перемена совершается в пасторе. Пастор

попросил приподнять его на подушках, взял руки Артура и тихо сказал ему:

— Ты никогда не был мне слугою. Ты был мне другом, братом, нянькой, матерью — ты заменил мне всех родных. Не тоскуй и не плачь, что я ухожу раньше. Подумай, как бы я жил без тебя. Ведь и прожил-то я на земле так долго только благодаря твоим заботам и вниманию подраставшей Алисы. Сейчас я не могу сказать тебе всего, что хотел бы. Но когда я умру, лорд Бенедикт отдаст тебе моё письмо. И ты окончательно поймёшь, о чём я говорю тебе сейчас. Мой завет тебе: не плачь, будь добр, каким был всю жизнь, и жди меня подле Алисы. Перенеси на неё всю твою любовь и жди меня в её доме.

Пастор вложил ручку Алисы в руку Артура, и их руки накрыл обеими руками лорд Бенедикт.

— Служи лорду Бенедикту, как служил мне. И навеки внеси его имя в своё сознание, врежь его в своё сердце.

В комнату вошёл Сандра. Как ни был он подготовлен Флорентийцем и сознательно шёл сейчас проститься с пастором, его лицо передёрнуло судорога, когда он увидел, как сильно изменился умирающий. Сандра опустился на колени и закрыл лицо руками. Пастор положил ему на голову руку и сказал:

— Мы с вами часто говорили, мой друг, о ценностях земной жизни. И вы разделяли моё мнение, что вся красота человеческого существования в гармонии. Нет одиночества для тех, в ком сердце и мысль свободны от предрассудков. О чём плачете сейчас? Ведь если ничего от моих мыслей и любви в вас не осталось, то дружбе нашей конец и мы разлучены. Если же любовь моя раскрыла для вашего сознания путь к совершенству, — мы обязательно встретимся ещё, потому что ваша живая деятельность непременно притянет мою энергию любви. Не забывайте, что самые важные встречи, — это встречи с детьми. Обращайте на них особое внимание, — мы не можем знать, кого встречаем в ребёнке. Идите, друг, мужайтесь. Не оставляйте дома лорда Бенедикта и бойтесь рыжих женщин. Они могут принести вам слишком много зла.

Лорд Бенедикт поднял Сандру, довёл его до дверей и велел ему позвать лорда Мильдрея. Когда тот пришёл, Алиса стояла на коленях возле отца.

— Сюда, друг, скорее, я уже плохо вижу земное, — сказал пастор. — Я читаю в ваших мыслях, что вы желаете мне помнить землю как очаг любви, которая льётся ко мне из нескольких сердец. Вы стараетесь, всем напряжением сердца, поселить во мне мужество и мир. Спасибо. Я понял сейчас, как глубока и чиста ваша любовь ко мне и Алисе. Мне будет хорошо жить в той мирной семье, которую вы с ней создадите. Будьте

благословенны. Отдаю вам дочь мою, как жену и мать вашим будущим детям. Не покидайте дома лорда Бенедикта и живите с Алисой так, как он вам укажет.

Пастор соединил руки Алисы и Мильдрей. И лорд Бенедикт накрыл и эти соединённые руки своими руками.

— Ещё раз будьте благословенны, идите по жизни радостные, любимые и любящие.

Пастор уронил голову, тело его дрогнуло, вытянулось, — он умер мгновенно. Лорд Мильдрей встал с колен, поднял Алису и посмотрел на Флорентийца, всё ещё державшего их руки в своих.

— Я принял волю умершего друга всю до конца, — сказал он. — Для меня есть один путь, лорд Бенедикт: следовать за вами. Когда вы определите час и место для нашего брака, — вы скажете об этом мне и моей будущей жене. Теперь я понял, почему вы дали мне браслет с зелёным камнем. Если леди Алиса согласна с волей отца и с вашей, — вот он, я с ним не расставался ни минуты, — то пусть ваша рука наденет ей браслет.

Алиса протянула лорду Бенедикту свою руку, говоря: — С благоговением принимаю волю отца моего; ваш браслет поможет охранить жизнь моих будущих детей. Я постараюсь быть любящей женой и матерью, вы же не оставьте нас и будьте нам отцом.

Флорентиец надел ей на руку браслет, обнял её и Мильдрей и сказал:

— Отведите Алису к Наль, передайте обеих женщин Николаю и возвращайтесь сюда.

Все хлопоты, связанные с похоронами пастора, взял на себя Мильдрей. У Сандры так высоко поднялась температура, что пришлось выписать доктора. Наль и Николай не отходили от Алисы, Дория не покидала Артура, который напоминал автоматически передвигающуюся куклу.

Встречи Алисы с сестрой и матерью происходили в присутствии большого количества людей и всегда в обществе Наль и Николая. Пасторша попробовала было высокомерно заявить лорду Бенедикту, что требует, чтобы дочь её Алиса переехала в её дом, дом леди Катарины. Но под острым взглядом собеседника, напомнившего ей, что дом принадлежит леди Алисе Уодсворд, сразу остыла.

— Вам прочтут завещание завтра, в двенадцать часов дня, в доме Алисы и вручат копию. О совместной жизни с Алисой и думать нечего. Вы сами знаете, что третировали дочь и были безобразно к ней несправедливы. Я всё сделал, чтобы обеспечить вам безбедное существование. Но если вы пойдёте путями зла и низости, — ваша с Дженни жизнь будет ужасна.

Подумайте об этом ещё раз, прежде чем начинать осуществлять те адские проекты, о которых теперь мечтаете. Ещё есть время. Ещё можете остановиться. Поищите в своём сердце истинную материнскую любовь, а не тот суррогат купли-продажи, который считаете любовью.

Так, у могилы пастора, завершился целый период в жизни многих людей.

Глава 7

БОЛЕЗНЬ АЛИСЫ. ПИСЬМО ФЛОРЕНТИЙЦА К ДЖЕННИ. НИКОЛАЙ

Леди Катарина и Дженни, получив известие о смерти пастора, были поражены не фактом этой смерти, которой обе ждали, отлично зная, как серьёзна его болезнь. Но они не предполагали, что конец так близок.

Дженни сразу же потребовала немедленно вернуться в Лондон. Но леди Катарина стала отговаривать дочь под разными предлогами.

Казалось бы, теперь, навеки расставшись с человеком, вытацившим её из бедности, создавшим ей уют и обеспеченное существование, она могла бы ощутить хоть самую простую благодарность. Но слова пасторши источали яд. Зависть к его доброте, вызывавшей ответную любовь, теперь вырывалась желанием отомстить и поиздеваться над всем, что его касалось. Когда Дженни продолжала настаивать, пасторша сказала:

— Пойми же, если мы явимся сейчас, — на нас лягут все хлопоты. А приедем к похоронам, всё будет уже сделано. Алиса наслаждалась обществом папеньки в роскоши дома лорда Бенедикта, — пусть теперь и позаботится обо всём. Мы с тобой посвятим день хлопотам о траурных туалетах. Здесь это будет дешевле и скорее. Кстати, извещение сделано от лица Бенедикта, но подписано: Амедей Мильдрей. Не могу понять. Секретарём он быть не может, Мильдрей остался только один в роду. И теперь он самый богатый и знатный жених в Лондоне. Что ему делать в деревне? Уж не графиня ли магнит?

Обменявшись ещё несколькими замечаниями такого же рода, обе дамы вышли в город. На следующее утро, облаченные, как полагается, в траур, мать и дочь с первым дилижансом выехали в Лондон, известив поклонников и новых знакомых о скорбном семейном событии, сломавшем им приятную жизнь у моря.

Как и рассчитывала пасторша, они подросли к выносу гроба и бесконечным речам. Морс бедняков, из которых многие горько оплакивали потерю своего друга и всегдашнего заступника, сопровождало пастора на его последнем земном пути. Любовь простонародья к пастору не была неожиданностью для Дженни и леди Катарины, но только теперь они поняли, как велика эта любовь. А когда стали выступать с речами разные учёные и благотворительные общества, когда богадельни и детские приюты

стали называть суммы, которыми ссужал их пастор, с леди Катариной чуть не сделался удар. Она не могла простить, что пастор, скромно содержавший семью, занимался благотворительностью точно миллиардер.

Среди венков выделялись серебряный венок Артура, на который старый слуга потратил большую часть своих сбережений, а также венки от Алисы и семьи лорда Бенедикта, с одинаковой надписью: "До скорого свидания". Дженни была удивлена. Если Артур и собирался вскоре последовать за пастором, то цветущим представителям семьи лорда Бенедикта и Алисе был ли смысл писать: "До свидания", да ещё до скорого?

Дженни не могла оторвать глаз от сестры, которая очень изменилась за лето. Она точно выросла, покрупнела и не производила больше впечатления заморенной девочки-подростка. Стоя рядом с Наль, она не уступала ей ни ростом, ни стройностью, ни... красотой. Так должно было бы сказать сердце Дженни, будь оно справедливым.

Ни разу Дженни не сосредоточилась на отце, на прощании с ним, при котором она присутствует. Она смотрела на сестру, поражалась её виду, и в ней росла зависть. Возвратившись домой без Алисы, утолив аппетит и не имея возможности куда-либо пойти в первый же день траура, мать и дочь принялись обсуждать проекты их будущей жизни. Они решили, прежде всего, перебраться в другие комнаты. Если бы половина пастора и Алисы была открыта! Но глупый Артур не только запер коридор на двойной замок, но ещё и наложил железные болты, тоже запертые на замок. Нетерпение Дженни и пасторши было так велико, что они решили известить Алису письмом. Дженни пошла к себе, а пасторша отправилась спать, что она охотно делала в любое время суток.

"Милая Алиса, — трафаретно начала Дженни своё письмо. — По всей вероятности, завтра, когда нам прочтут завещание отца, или же на днях ты переедешь домой. Чтобы не особенно удивить тебя изменениями, которые ты найдёшь дома, пишу тебе о них.

Самой лучшей частью дома я считаю комнаты отца. Теперь они освободились, и туда перееду я. Моя комната несколько темновата, но т. к. ты проводишь свои дни за шитьём или в саду, то тебе это всё равно, а потому ты займёшь мою комнату. В твоей мы устроим туалетную и гардеробную, а мама переедет в зал. Наша жизнь, как ты, я думаю, и не сомневаешься, пойдёт теперь совершенно иначе. Мы с мамой будем принимать, наконец, тех людей, общество которых соответствует нашему положению. Ну, изредка можно будет устраивать и музыкальные вечера, т. к. всюду находятся одержимые музыкальной манией люди. Тогда можно будет позволить и тебе немного побарабанить.

Кстати, скажи пожалуйста, где ты взяла фасон ваших с графиней траурных костюмов? Он так увеличивает рост и делает всю фигуру крупнее и стройнее, что я тебе заказываю в первую голову сшить мне точно такой же костюм. Что не ты шила костюмы и сделала обе шляпы, можно обмануть кого угодно, но никак не меня. Даже такая бедненькая дурнушка, как ты, выглядела неплохо на кладбище. Вот видишь, как я справедлива. Всеми признанная красавица, я всё же считаю, что шляпка помогла-таки тебе быть интересной.

Я надеюсь, что твоя графиня подыщет себе, наконец, швею. Ты нужна нам с мамой дома. И если отец потакал твоим капризам, то теперь его нет, и всё это должно кончиться. Ты несовершеннолетняя, помни об этом. Я тебе передаю мамину волю. Завтра ты приедешь на чтение завещания и больше не покинешь нашего дома. Остаётся не так много часов до этого момента. Надеюсь, наш чудак отец не натворил каких-либо новых бед. Довольно мы натерпелись от его чудачеств при жизни, чтобы он преследовал нас и с того света.

Вели старому дурню Артуру привезти ключи от комнат. Из-за его глупости наше переселение не может совершиться немедленно, т. к. он запер их на болты. Обычно письма заканчивают приветами хозяйской семье, но я уж лучше обойдусь без этой церемонии. Твоя сестра Дженни".

Алиса, лорд Бенедикт, Артур и Мильдрей дольше всех оставались у могилы, отправив остальных спутников в деревню более ранним поездом. Только посадив цветы на могиле, Алиса и её друзья ушли с кладбища. Но вернувшись в деревню и придя в свою комнату, Алиса почувствовала такое физическое утомление, что должна была лечь в постель, так как всё кружилось у неё перед глазами. Дория сообщила об этом Наль, та сейчас же прибежала к подруге и, испуганная её бледностью и слабостью, бросилась к лорду Бенедикту.

Через несколько минут Флорентиец был у Алисы, которая впала в полубессознательное состояние. Внимательно осмотрев её. Флорентиец сказал Наль:

— Вам с Николаем придется провести ночь здесь, поскольку Дория слишком утомлена. Ничего опасного, но неделю или чуть больше Алисе придется полежать. У бедняжки много духовных сил, но пока ещё очень мало физических. Нам с тобой, Николай, придется всерьёз заняться восстановлением этого надорванного в детстве организма. Чтобы привести в полную гармонию этот проводник, придется прибегнуть ко многим физическим методам лечения и некоторым видам спорта.

Сейчас идите вниз, пообедайте без меня, я побуду с Алисой. Потом

вернётесь, устройтесь поудобнее и разделите дежурство пополам. Каждому дам точные указания. Не бойся, Наль. Ни воспаления мозга, ни нервной горячки здесь нет. Просто Алиса дошла до полного изнеможения, ухаживая за отцом. Но это неопасно.

Быстро покончив с обедом, за которым все только делали вид, что едят и пьют, молодожёны снова поднялись к Алисе и застали её в жару и бреде, а Флорентиец приготавливал больной лекарства и питье. Он объяснил каждому, что делать ночью, затем настрого наказал Дории и Артуру, рвавшимся ухаживать за Алисой, идти спать, потому что их очередь наступит завтра. Бессонных ночей у постели Алисы будет немало, и все должны соблюдать строгий режим, если хотят и больную выходить, и приготовиться к переезду в Лондон.

Возвратившись в столовую, лорд Бенедикт отказался от обеда, но выпил с Сандрой и Мильдреем чёрный кофе. Пригласив их к себе в кабинет, он сказал:

— У меня к вам обоим, друзья, большая просьба. Завтра, в двенадцать часов, будет оглашено завещание. Я думал присутствовать вместе с Алисой при этом юридическом акте. Но её болезнь помешала моему плану. Теперь нужны два свидетеля, которые могли бы нас заменить. Если вы согласны, я напишу доверенности. Здесь и письмо Алисы, которое вы тоже огласите завтра, после прочтения завещания. Вас не затруднит моя просьба? В частности, ты, Сандра, только-только выздоровел.

— Как вы можете спрашивать об этом, лорд Бенедикт? — со свойственной ему горячностью ответил индус за обоих. — Я совершенно здоров.

Сказав, что экипаж будет ждать их на вокзале в Лондоне, лорд Бенедикт отпустил друзей, попросив Сандру прислать к нему Артура. Когда старый слуга вошёл к Флорентийцу, тот держал в руке письмо и портрет.

— Пастор просил передать вам, Артур, его детский портрет. А в этом письме его последний вам завет.

Флорентиец подошёл к Артуру, положил ему руки на плечи и, глядя в глаза, ласково продолжал:

— Если что-нибудь вам будет неясно, спрашивайте. Чудес в жизни нет, Артур. Есть только знание. И тот, кто знает, что жизнь вечна, — не боится смерти. Нет смерти, — есть только труд, великий труд вечного совершенствования. Каждый человек живёт много раз, и каждая его жизнь — труд, труд из века в век.

Исключительная верность и любовь — залог исключительной жизни. Так, ваша безмерная и бесстрашная верность и любовь к пастору сделали

так, что вы и впредь не разлучитесь. Вы станете его братом. Будете снова жить с ним в одной семье, но теперь он станет опекать вас. Храните спокойствие, живите при нас с Алисой, и постепенно мы объясним всё, что будет вам казаться странным и непонятным. Будьте счастливы, Артур, берегите силы. Вам надо прожить ещё много лет.

Флорентиец обнял плакавшего Артура и проводил его до дверей. Оставшись один, лорд Бенедикт сел за письменный стол и взял лист бумаги для письма. Глаза его сделались огромны, взгляд, казалось, прожигал пространство. Вся его фигура, точно скульптура, замерла в напряжённом внимании и сосредоточенности. Окружающий мир словно перестал существовать. Вся его воля влилась в какую-то одну мысль. Он не двигался и всё же был действием, осуществлял активнейшее духовное единение с кем-то, кому посылал свою мысль. Наконец он взял перо и написал:

"Дженни, я обещал Вашему отцу, что после его смерти постараюсь сделать для Вас всё, что будет в моих силах. Но для того чтобы сделать что-нибудь для человека, надо не только самому иметь для этого силы. Надо, чтобы и человек желал принять помощь и умел владеть собой, своим сердцем и мыслями, умел хранить их в чистоте и гармонии. Нельзя и думать оказать помощь людям, которые не знают радости, не понимают ценности своей жизни как духовного творчества, но считают жизнью бытовые удобства и величие среди себе подобных, которые можно приобрести за деньги.

Нет людей абсолютно плохих. Никто не рождается разбойником, предателем, убийцей. Но те, в ком их светлые мысли и чистые сердца разъедаются язвами зависти и ревности, жадности и скупости, те скатываются в яму зла, куда влекут их собственные страсти. Разложение духа совершается медленно и почти незаметно. Вначале ревность и зависть, как ржавчина, покрывают отношения с людьми. Потом в каком-нибудь одном месте сердца образуется дыра. Над ней скапливаются зловонные отбросы разлагающегося духа, — и там начинается капель гноя. Потом он потечёт струей. И всё, что прикасается к такому заживо разлагающемуся человеку, понижается в своей ценности, если не умеет охранить себя от заразы. Если же сердце уже носит в себе зловоние зависти, страха и ревности, — встречаясь с более сильным злом, оно всецело подпадает под его власть. И уже не может освободиться.

Сегодня, в первый день, который Вы прожили без отца, — чем занимались Вы, Дженни? В честь его, так много любившего, так много ласкавшего Вас, так усердно учившего Вас всему прекрасному, — какой прекрасный памятник вашего духа Вы создали для людей? Какой дар

красоты Вы дали людям сегодня? Кому стало легче и проще жить сегодня именно потому, что он получил от Вас в память отца утешение? Быть может, хоть для единственной сестры у Вас нашлось ласковое слово, которое Вы послали ей, как старшая, как более сильная, желая утешить и ободрить маленькую сестрёнку, с таким усердием служившую Вам всю жизнь?

Быть может, из того капитала, что завещал Вам дед после смерти отца. Вы решили наградить пенсией старого слугу Артура, как ближайшего друга почившего отца? Быть может.

Вы решили трудиться и привести в систему рукописи отца, значение которого для науки Вы поняли из произнесённых у гроба речей? Быть может, теперь не только словечко «чудак» подарит Ваше сердце ушедшему? И вы захотите отдать миру его идеи, приложив и свой труд?

Оглянитесь на себя, Дженни, есть ещё много возможностей начать новую жизнь. В Вас ещё могут засиять творческие силы. Но если Вы остановитесь, если дух Ваш не будет двигаться вперёд, освобождаясь от предрассудков, если лень и безделье, вечная праздность и поиски развлечений станут систематическими, — зло не только подкрадётся к Вам, оно охватит Вас таким кольцом шипящих змей, что уже никто не будет в силах подать Вам руку помощи, если бы даже Вы сами просили об этом.

Перевернуть страницу жизни и легкомысленно сказать: «Баста», — это самое простое из возможностей ленивого существования. Перевернуть, сказав: «Твори», — для этого требуется полное самообладание. Человек, не умеющий быть господином самому себе и постоянно переживающий пароксизмы раздражения, приступы бешенства и муки зависти, — это не человек. Это ещё только преддверие человеческой стадии, двуногое животное.

Вы желали поговорить со мной, а когда к этому представился случай, поняли, что это не истинное желание сердца, но только лицемерие перед самой собой. В данную минуту Вам хочется пересилить жестокое и эгоистическое окружение, в котором живёте. Но упрямая и завистливая струйка яда мешает осуществиться этим благородным порывам.

Нет большей скорби в мире, чем страдания раскаявшегося человека. Не теряйте драгоценных дней, Дженни, в той пустоте, куда Вас сейчас увлекают. Тщеславие, блеск, которыми Вас искушают, — Вы заплатите за всё раздвоением сердца.

Вы не прожили ни дня своей сознательной жизни цельно, но в постоянном компромиссе, с чем так боролся Ваш великий и мудрый отец. И это сделало из Вас легкодостижимую добычу для каждого злого и

достаточно упорного существа. Вы не научились ничего добиваться до конца. А вместе с тем легко отдаёте частички воли и сил, которыми могут завладеть настойчивые злые. Представьте себе, что стен нет и Вы стоите одна посреди Вселенной, сознавая себя частицей, её дочерью, её мгновением вечности, заключённой в Вашем образе.

Что же из привычных ценностей — домов, стен, улиц — Вы хотели бы удержать посреди моря звёзд, эфира, стихий? Если в собственном сердце, в мыслях, своём сознании Вы не унесёте гармонии любви, — с чем Вы войдёте в общую мировую жизнь Вселенной? Мне ясен Ваш путь. Я повторяю, с чего начал: у меня нет надежды пробиться к лучшему в Вас, ибо оно не чисто и не имеет цельности. Все благие порывы, подобно куче сломанных карандашей и перьев, валяются у Ваших ног. Но я обещал моему другу, Вашему отцу, сделать для вашего спасения всё от меня зависящее. Я зову Вас приехать сюда, в деревню, и пожить здесь несколько дней в атмосфере чести и мира. И, быть может, хоть что-то изменится в Вас, а значит, в судьбе вашей внешней и внутренней.

Я не надеюсь, что лучшее в Вас пробудится сейчас и Вы, по моему зову, круто измените курс. Но я — старинный должник Вашего отца. Долг платежом красен. А потому я даю Вам право обратиться ко мне в самую тяжёлую минуту. Дай Бог, чтобы я был в силах служить Вам тогда и уберечь от окончательного падения".

На конверте и бумаге была изображена корона, письмо было подписано полным именем лорда Бенедикта. Окончив письмо, он надписал конверт и отнёс его в почтовый ящик комнаты Мильдред, присовокупив в маленькой записке просьбу передать письмо после прочтения завещания и письма Алисы.

Затем он прошёл к Алисе, где Наль, уже отдежурившая половину ночи, спала, а Николай менял припарки и компрессы. Больная всё ещё дышала прерывисто, но жар снизился. Лицо всё так же горело, и лёгкая судорога пробегала иногда по телу.

— Можешь менять компрессы реже, Николай. А припарки к ногам и вовсе уже не нужны. Всё острое миновало, но это не значит, что болезнь ушла. Полежать Алисе придется немало, и это отчасти сохранит её надорванный организм.

Кстати, пока нам никто не мешает, поговорим о тебе. Испытания, которым подвергал тебя Али, ты проходил или очень легко, что казалось, ты и вовсе их не замечаешь, или так сурово, сосредоточенно, в таком беспрекословном повиновении, ни разу не задав суетного или любопытного вопроса, что у тебя не было затруднений, которые обычно создают себе в

пути ученики. Наиболее трудное поручение, — Флорентиец указал на Наль, — когда любой задал бы не один, а несколько вопросов, ты выполнил, не возразив ни слова. Но ни Али, ни я не обманывались в тех муках, какие ты пережил, приняв беспрекословно этот урок.

Тебе казалось, что ты сворачиваешь с прямого пути ученичества. Тебе казалось, что только в строгом целомудрии истинный путь ученика. Но ты был верен Али до конца, ты ни разу не запротестовал, даже в мыслях.

Мой дорогой друг и сын, в той семье, что вы с Наль создадите, воплотится великий человек. Он долго ждал появления абсолютно чистых людей, в общении с которыми и с их помощью он мог бы вырасти, усвоить новую для себя современность, чтобы пройти путь служения людям в новом воплощении. Он придёт к вам третьим ребёнком, когда и ты, и Наль уже совсем созреете как воспитатели и мощные духовные единицы. Перед ним придут сын и дочь, связанные с каждым из вас крепкой, радостной кармой.

Получив приказ Али, ты сказал себе: "Я забуду о своём желании быть учеником Учителя. Очевидно, я ещё не вырос в ту духовную силу, которая Ему нужна. Буду трудиться в полном смирении, простым семьянином. Быть может, настанет время моего освобождения от тесных обязанностей в быту, и я найду когда-нибудь свой путь и стану достойным жизни подле Учителя. Понесу теперь ношу, что Он мне дал. Понесу радостно, и как бы она ни была тяжела сама по себе, легко мне нести её, раз Учитель так хочет. Я буду силен и добр в простых делах моего серого дня. Я буду оберегать всех, кто мне будет встречаться в этой жизни. Я буду стремиться внести как можно больше радости и мира в мою семью и в сердца окружающих". Это сказал ты себе и пошёл, как велел тебе Али, стараясь скрыть от всех печаль разлуки с Ним. Ты ещё не знал, что будешь жить подле меня. Ты шёл, ни разу не повернув головы назад. Туда, где, как ты думал, оставил свои духовные сокровища и достижения, а также единственное близкое существо — брата-сына, отдав его на наше попечение.

Тот, кто имел силы верности, бесстрашия и любви поступить так, — прошёл свою огненную стену и встал рядом с Учителем навсегда. Настал твой час самостоятельных действий. Ты будешь ещё несколько лет жить со мной, и я буду помогать тебе и Алисе. Но ты уже вышел из руководимых и станешь руководящим.

Твой брат тоже проходит свои духовные крепости, и в его жизни всё теперь не так, как ты предполагал. Но встреча ваша произойдёт, когда и он выйдет из руководимых, так как его верность равна твоей. Он мчится, как ураган, по своему пути, ломая себе ребра и ноги. А ты двигался, как

тяжёлое орудие, и всегда смотрел, какова дорога. Пути ваши разные, но вы оба дойдёте до полного освобождения. Только не думай, что освобожденный всегда свободен от внешней суеты, от её кажущихся пут, от быта и его условностей.

Лучше всего служит тот, кто не замечает тягот суеты, потому, что понял основной смысл жизни: нести Свет именно в суету будней. Умирая личностью в виде конгломерата страстей, желаний, тщеславия, можно быть идеальным мужем и отцом. Видеть свою миссию в помощи Учителю своим самоотвержением...

Скоро тебя сменит Дория, а ты, — хотя и не особенно устал, забери жену и отдохните оба как следует. Старайся закалить Наль так же, как закалил себя. Она — твой первый ученик, которого ты поведёшь самостоятельно. Вскоре я передам тебе ещё и Сандру.

Флорентиец обнял растроганного Николая. Не ожидавший, что мысли его могут быть так точно прочтены великим его другом, Николай не мог произнести ни одного слова. Его смирение, о котором никто не мог бы догадаться по независимому и горделивому внешнему виду, не позволяло ему и думать о такой высоте, на какую ставил его сейчас Флорентиец.

Оставшись один, он вспомнил всю свою жизнь. Рано потеряв родителей, с трёхлетним братом на руках, он не мог отдаться своему призванию к науке. Он окончил университет, сдавая экзамены сразу за два курса. Но затем ему пришлось поступить в полк, расквартированный в глухом местечке Кавказа, куда, через друга отца, было легко определиться и даже получить сразу подъёмные и жалование, чтобы прокормить себя и малютку. Набив ящики книгами и убогим приданым брата да кое-какой своей одеждой, Николай двинулся в неведомый путь, далёкий, одинокий путь, по отвратительным дорогам.

С большим трудом, укрывая и согревая малютку собственным телом, не раз рискуя жизнью, чтобы защитить его, добрался наконец юный офицер до своего полка. «Учёный», он был встречен не особенно радушно. Во всей губернии не было ни одного офицера с высшим университетским образованием, а о таком случае, чтобы человек сдал экзамен сразу за весь курс юнкерского училища и мгновенно был произведён в офицеры, — и не слыхивали. Но с первых же шагов, в первых же стычках с горцами, беззаветно храбрый, всегда хладнокровный и находчивый, Николай привлек к себе внимание и сердца товарищей и солдат. Постепенно к его домику протоптали дорожку. «Учёный» становился всеобщим другом. И то, чего не прощали обычно новичку, — неумение играть в карты и пить, — не ставили в вину Николаю и говорили, махнув рукой: "Чудак, учёный". Но

выпить у него чайку, выкурить трубку и чем-либо побаловать ребёнка каждый считал своим приятным долгом.

Если в полку бывали недоразумения, — третейским судьей избирали Николая. Если надо было составить план набега, то, несмотря на молодость, приглашался Николай; его таланту доверяли, и слово его нередко бывало решающим. Если надо было представлять, единогласно выбирался Николай. Постепенно слава о его неустрашимости и чести проникла за пределы тесного полкового круга. Не было дня, чтобы мирные горцы не привязывали своих лошадей у скромного домика молодого офицера, сияя глазами и зубами и подбрасывая малыша, который совершенно перестал бояться чужих людей, постоянно толпившихся в их маленьких, чистеньких комнатках.

Несмотря на всю внешнюю суету, Николай находил время и читать, и учиться, и следить за малюткой-братом, стараясь заменить ему ласками и заботами семью.

Годы шли. Он прожил уже пять лет в своём глухом горном углу и, казалось, жизнь позабыла о нём, как и он забыл, что где-то существуют шумные города, с толпами народа и блеском дворцов. Но связь с книжными магазинами не прерывалась, а крепла. Часто ему, сверх выписанного, посылали новинки, прося об отзывах.

Среди чудесной природы шла огромная работа духа. Но не было никого рядом с ним, кто превосходил бы его умом и талантом, кто мог бы дать ответ на его думы или совет. Замкнутый изнутри, открытый во вне, Николай был всем утешением и советчиком. Но жаждал встретить друга, с которым мог бы поделиться своими запросами. И такой день настал. Однажды он был застигнут в горах внезапно налетевшим ураганом и, не зная где укрыться с лошадью, свернул к развалинам дома. К его удивлению, дом только казался развалившимся. На самом деле он был крепким, ухоженным и довольно комфортабельным. На стук подков вышел высокий человек в одежде горца и, ни слова не говоря, провёл лошадь в конюшню, а Николаю указал на дверь в дом. Войдя в сени, Николай увидел в открытую дверь просторную горницу, обставленную по-восточному, с большими, низкими диванами по стенам. На одном из диванов сидел человек в белой чалме, по-восточному скрестив ноги. Диван был низок, но, очевидно, сидевший был высок необычайно, так как и сидя этот человек был немногим ниже Николая. Но даже не рост, а глаза и весь облик незнакомца поразили его. Глаза точно прожигали насквозь, и хотя он мирно держал чашку с молоком в руках, прекрасных и больших, ему, казалось, больше подошёл бы меч. Не знавшее страха сердце Николая дрогнуло. "Как бы я не

угодил к разбойникам", — подумал он, нащупывая своё оружие.

— Нет, я не разбойник, — вдруг сказал незнакомец на местном наречии, — и ты можешь спокойно отдохнуть, так как буря будет долгая. А гость для нас священен.

— Как же вы смогли прочесть мою неумную мысль, — смеясь, ответил Николай. — Я знаю, что таков обычай горцев. Но встречал здесь и такие места, где разбой не разбирает, кто гость и друг.

— Такие места не привлекут тебя. Ты давно ждешь встречи и хочешь дойти до Тех, Кто знает тайны природы и стихий, Кто знает тайны духа. Что касается природы и стихий, то у них есть, конечно, свои тайны. Но расшифровываются они знанием. Чудес нет в жизни, есть только знания. А что касается духовной области, то и здесь нет никаких тайн, никакой мистики. Есть рост, совершенно такой же, как растет всё в человеческом сознании. Чтобы войти в ворота моего сердца, которое я открыл тебе, ты должен стоять на одной со мною ступени любви и приветия и тогда увидишь, как широко я тебе их открыл. Я видел, как ты ехал по дороге, и просил тебя непременно свернуть сюда. Вот так я тебе открыл ворота сердца, — говорил, улыбаясь, незнакомец, — а ты решил, что я разбойник.

— Как это странно. Только сегодня я усиленно думал о ступенях любви, о том, что совершенная любовь должна открывать глаза.

— Ну, я не утверждаю, что совершенен, — засмеялся незнакомец. — Но всё же могу сказать, что в твоей жизни скоро произойдут большие перемены. Но не потому, что кто-то пошлет тебе их как из рога изобилия. А потому, что ты сам их вызвал к жизни работой своего духа.

— Ещё более странно. Я ведь только что решал, что создаёт жизнь человека и как она разворачивается, собственным ли творчеством или Провидением.

— Суеверие — дело и участь не слишком умных; это не для тебя. Переходя с места на место, ты вносишь с собою тот пожар, в котором сгорают дурные привычки. Вне твоего дома люди суетны, пьяны, мелки. А придут к тебе — трезвы. Хотят быть лучше. А почему твоя отшельническая жизнь зовёт их? По той же причине, по которой я звал тебя. Любовь признаёт один закон: закон творческой отдачи. И всё, что ты отдаёшь людям, любя их, снисходя к ним, подобно ручьям с гор посылает тебе жизнь. Вот, возьми мою руку и сядь подле меня.

Удивление от встречи в глухих горах с философом, глаза которого казались двумя чёрными факелами, давно прошло. Николай испытывал какую-то необычайную радость. Когда же он взял протянутую ему прекрасную, узкую, с длинными, тонкими пальцами, артистическую руку

незнакомца, — по всему его существу точно пробежала струя электрического тока. Как будто и воздух стал чище. И в сердце проникла новая уверенность. И глаза стали видеть яснее. И в вое бури звучало движение вселенной, неотделимое от его собственного существа.

— Ты упорно отодвигал от себя всё мелкое, всё условное, что предлагал тебе твой быт. Ты изучал законы физики и механики, математики и химии, стремясь осознать роль человека во вселенной и его зависимость от окружающей природы. Ничто не открывало твои глаза. Ты и сейчас не можешь примириться с разъединённостью человека и мировой жизни. Ты не можешь смириться с изолированностью его существования — от рождения до смерти — от закономерной и целесообразной жизни вселенной.

Разумеется, ни одно живое существо не может выпасть из мирового закона причин и следствий. Точно также и кодекс нравственных законов людей подчинён не внешней силе, не условной справедливости, но закону целесообразности, по которому движутся и звёзды, и солнце, и волны эфира. Кора лицемерия, что покрывает людей с головы до ног, сковывает их мысль и не позволяет проникать в их сердце и мозг вибрациям более сильных и чистых существ, владеющих тем знанием, к которому ты стремишься. Нужна была вся твоя преданность науке, вся чистота любви к ней, любви до конца, чтобы стал возможен час нашего свидания. Если ты исполнишь три условия, то будешь призван в такое место, где сможешь вступить на новый путь.

Первое. Вся твоя жизнь должна быть служением общему благу, без деления людей на своих и чужих, без всякого выбора друзей по вкусу и врагов по отвращению к их личным качествам.

Второе. Все проблемы нового понимания человека и единения с ним ты должен воспринимать не как личные, видимые конгломераты качеств, а как причудливые нити сплетающихся в веках жизней. Ибо каждый человек живёт не один, а тысячи и тысячи раз.

Третье. Ты должен принять все обстоятельства, входящие в твой текущий день. Признать их своими, всецело и единственно тебе необходимыми. Не в теориях и обетах должна выражаться твоя любовь к брату-человеку и родине, а в постоянном действии простого дня. И только это каждодневное действие ДОБРОТЫ и есть тот нелицемерный путь к знанию, который ты ищешь. К нам приходят через любовь к людям.

Если ты согласен прожить три года в полном целомудрии и действовать в согласии с установками, что я тебе даю и дам ещё, мы с тобой встретимся и пройдем ряд лет в совместном сотрудничестве.

Незнакомец взял обе руки Николая в свои и притянул его к груди. Храброму офицеру, давно забывшему о материнской ласке, показалось, что он снова стал маленьким и что мать гладит его по голове.

— Возьми этот перстень на память о нашей встрече. Когда проснешься и буря утихнет, меня уже не будет. Но чтобы ты не сомневался, что вёл беседу не с призраком, а с человеком такой же плоти и крови, как ты сам, — носи моё кольцо, а я возьму твоё. При новой встрече мы снова обменяемся перстнями.

Незнакомец снял с мизинца Николая материнское кольцо и надел на него прекрасный бриллиант в старинной платиновой оправе. Жгучие глаза его смотрели в глаза Николая, он положил ему руку на голову и что-то тихо сказал, чего Николай не понял. Необычайное чувство мира, радости, непередаваемой лёгкости и спокойствия снизошло в его душу. Он забыл обо всём и заснул совершенно счастливым.

Когда он проснулся, раннее утро, светлое и тёплое, смотрело в открытые окна горницы. В комнате никого не было, но на столе стояли кипящий самовар, масло, сыр, молоко и белый хлеб. Ничего не мог сообразить Николай — ни где он, ни почему он в чужой комнате. Постепенно память стала возвращаться, а с ней и воспоминание о чудесном незнакомце, его глазах и странном разговоре. Николай уже был склонен счесть эту встречу сном. Но случайный взгляд на перстень убедил его в действительности происшедшего. Он встал, и ему показалось, что ещё никогда он не был так силен, так здоров. Он подошёл к столу и увидел записку, написанную крупным, чётким почерком:

"Не ищите меня, это будет напрасно. Но помните, что зов дважды не повторяется. Зов бывает разный, как и люди. Если хотите принять мои условия и встретиться для совместной работы через три года, — всё это время не ешьте ни мяса, ни рыбы. Я буду очень близок к Вам, и моё присутствие Вы будете ощущать. Если Вам будет тяжело, назовите имя моё: «Али», и я откликнусь.

Слуга, взявший вчера Вашего коня, — немой. Покушайте плотно, так как Вы дальше от Вашего дома, чем думаете. И тот же слуга проводит Вас ближайшей дорогой до знакомых Вам мест. Мой камень да сохранит Вас в верности и силе. И если верность Ваша будет следовать за верностью моею, — мы встретимся. Али".

Николаю и в голову не пришло попытаться заговорить со слугой, вошедшим в комнату и приветливо кивнувшим ему головой. Это был высокий седой человек, с загорелым лицом, молодым, добрым и очень красивым. Вся его внешность, стройная фигура с тонкой талией горца,

лёгкая походка, манеры культурного человека, умный проницательный взгляд говорили Николаю, что этот слуга так же необычен, как и его господин. Что он немой, тоже казалось Николаю невозможным. Слуга ответил на его пристальный взгляд радостной и дружелюбной улыбкой и усадил за стол. Заметив, что гость ни к чему не притрагивается, он налил ему чаю, пододвинул молоко и указал жестом на всё остальное.

Николаю не хотелось есть одному. Слуга точно понял его мысль, улыбнулся своей ослепительной улыбкой и сел за стол, поощряя гостя к еде. После завтрака он снова поклонился гостю и подал ему бурку и мешок с едой. На удивлённый взгляд Николая он кивнул головой и пошёл из комнаты, приглашая гостя следовать за ним. Во дворе он вывел из конюшни осёдланных лошадей.

Николай не мог понять, каким образом удалось ему пробраться к хижине. Тропа была узкая и так закрыта ущельем, что найти её, не зная местности, казалось совершенно невыполнимым. Ехали по этой тропе так долго, что Николая стало утомлять холодное, сырое ущелье, и он был благодарен своему проводнику за бурку, без которой продрог бы до костей. Внезапно, и совсем не там, где ждал Николай, тропа вывела их на дорогу. Солнце стояло уже довольно высоко, шёл, очевидно, десятый час. Но Николай часы с вечера не завёл и не мог уточнить время. Угадав его мысли, слуга посмотрел на солнце и показал на пальцах десять часов. Он снова улыбнулся, тронул повод и двинулся вперёд крупной рысью. Лошадь Николая еле поспевала за своим прекрасным вожакom. Так ехали они ещё больше часа. Конь офицера стал утомляться, когда слуга свернул с дороги и сделал привал в тени деревьев. Всё больше удивлялся Николай. Место это было ему совсем незнакомо, а между тем саму местность он неплохо знал. Слуга расседлал лошадей, задал им корму и предложил гостю поесть.

Дав отдохнуть лошадям, путники двинулись дальше и вскоре выбрались на шоссе, которое Николай сразу узнал, как узнал и окрестные горы. Но до его аула отсюда было не менее десяти вёрст, что уж совсем поразило Николая, не понимавшего, как он мог забраться в такую даль. Но поразмыслить над этим ему не удалось. Слуга остановил своего чудесного коня, чёрного с белой звездой на лбу, сошёл на землю и жестом предложил спешиться и Николаю.

Видя, что его не понимают, слуга расстегнул один из карманов своей черкески, вынул оттуда записку и передал её Николаю. Тот же крупный, чёткий почерк, которым было написано письмо.

"Друг мой и брат! Если ты решил принять мои условия, прими от меня того коня, которого даст тебе мой слуга, а ему отдай своего. Слуга мой

человек опытный и добрый. Твоему коню будет у него хорошо. Тебе же очень скоро пригодятся и мой быстроногий конь, и моя толстая бурка. До свидания, спасибо, я не ошибся ни в твоей чести, ни в выдержке. Али".

Прочтя записку, Николай сошёл на землю, передал повод слуге и потрепал по шее своего конька, служившего ему верой и правдой. Конь знал хозяина, сам шёл ему навстречу и, радостно ржал, ещё издали его почуяв. Не однажды он выносил его с поля брани, и тяжело было Николаю расставаться с другом. У него сжалось сердце, точно в эту минуту завершалась какая-то полоса жизни...

Казалось, и это понял слуга. Он подошёл к офицеру, поклонился ему, потрепал его коня по шее, поцеловал в лоб и положил руку на сердце. Затем передал повод своего горячего скакуна Николаю. Конь грыз удила, стоял беспокойно, глазища его метали искры. Но слуга взял обе руки Николая и положил их на голову коня, давая тому понять, что теперь он стал собственностью другого хозяина. Только что бунтовавший конь склонил голову и стал как вкопанный, поджидая нового седока. Слуга перевернул записку, и Николай прочел: "Конь мой горяч. Никто, кроме тебя, не сможет ни сесть на него, ни чистить его. Но тебе он будет повиноваться всегда и во всём. Зовут его Вихрь, и он оправдает своё имя, служа тебе".

Не задерживаясь больше, слуга оседлал коня Николая и вскоре скрылся за поворотом. Проводив их глазами, Николай вскочил на нового своего скакуна и сразу оценил, какое сокровище подарил ему Али.

Вскоре дважды вынес его Вихрь с поля битвы, в третий раз он ушёл на нём от стаи волков.

Ещё вспомнил Николай, как ужасно болел Левушка в конце третьего года, назначенного ему Али. Почти потеряв всякую надежду спасти метавшегося в бреду братишку-сына, сидел Николай у его постельки глухой осенней ночью. "Вот теперь я отдаю всё, что имел в жизни. Если я правильно понимаю долг человека, — думал Николай, — то брат мой должен жить, так как я не вижу в нём ниточки жизни для себя, а вижу в себе ему помощь и охрану. Многого я могу не понимать, но любовь к человеку как путь к совершенству я понял. Если высшая целесообразность находит нужным увести тебя, — иди, Левушка. Ни единой слезы я не пролью по тебе, но всегда буду благодарен за радость, что ты мне давал".

Тут чья-то рука постучала в окно. К Николаю нередко заезжали обогреться и отдохнуть застигнутые непогодой люди, и он привык к ночным визитам. Он встал, прошёл в сени и открыл дверь. В темноте не разглядел вошедшего и только в комнате узнал в высокой фигуре слугу Али из хижины в далёком ущелье. Слуга снял бурку, вынул из карманов

бутылку, коробочку и письмо и подал всё Николаю.

"Как только получишь пилюли и микстуру, сейчас же дай больному пилюлю. Микстуру хорошо взболтай и вливай через два часа по чайной ложке. Порошок разведи в рюмке воды и по одной капле пусти в ноздри и глаза. К утру больному будет лучше, а дня через два всё пройдёт бесследно. Оставь при себе моего слугу до полного выздоровления брата. Я дам тебе знать, когда приехать на свидание со мною. Будь твёрд и спокоен. И что бы ни случилось в эти дни, всё прими в полном самообладании. Али".

Слуга помог Николаю ухаживать за братом, а когда мальчик выздоровел, он не сходил с его рук, ухитряясь отлично понимать свою немую няньку. Прошёл целый месяц очень тяжёлой военной жизни, с постоянными тревогами, набегам, много случилось внутривойсковых неприятностей, задевавших отчасти Николая, но у него была только одна мысль, одна цель, для которой он жил: свидание с Али. Всё остальное скользило по поверхности, не задевая глубин. И, наконец, желанный час настал. Однажды слуга подал Николаю письмо Али с просьбой быть через месяц в ближайшем городе R и остановиться в его доме, который слуга хорошо знает. Можно взять брата, так как Николаю придется прожить там несколько лет. Удивлению офицера не было границ. Но в тот же день он был вызван полковым командиром, который объявил ему о повышении, награде за храбрость и переводе в город E., куда он должен отправиться немедленно.

Сдав свои многочисленные дела, провожаемый опечаленными товарищами, оплакиваемый хозяйкой и её детьми, Николай с Левушкой и слугой отправились в E., нагрузив телегу книгами. Опять отвратительные дороги и постоялые дворы, но какая разница по сравнению с первым путешествием. Как полон был сейчас Николай сил и уверенности, что он вышел в новый путь к знанию жизни, по которому его ведут. Везя теперь Левушку в тёплом пальто и с комфортом, Николай вспоминал первое их путешествие, как ад. Он только весело улыбался слуге и брату, морщившимся от духоты и плохих постелей в заезжих дворах. К концу месяца добрались до E., где Николай снова был поражен, и на этот раз ещё сильнее. Не успел он войти в переднюю, как обнаружил, что все стены ближайшей комнаты уставлены книжными полками. Забыв всё на свете, Николай остановился. Слуга, увидев, что офицер в дорожном платье погрузился в книги, стал распоряжаться, как умел, и багажом, и комнатами, весело улыбаясь и поблескивая глазами всякий раз, когда проходил мимо Николая.

Мысли Николая текли дальше. Счастливая встреча с Али, прожившим

почти год в Е. под предлогом всяких дел и торговли, а на самом деле посвятившим Николаю и ещё трём другим людям всё своё время, ежедневно с ними занимаясь. Уезжая, Али дал Николаю ряд задач, наполнивших счастьем его жизнь, и сказал, что только от него самого будет зависеть, как скоро они увидятся вновь и как часто будут приходить от него вести.

Прошло ещё четыре года в редких свиданиях и, наконец, он получил письмо Али с призывом ехать в К. и жить там подле него. Ни мгновения не раздумывая, Николай наскоро устроил свои дела и уехал в К.

Глядя сейчас на похудевшее лицо Алисы, Николай думал, какими разными путями идут люди. Как много страдает и ищет каждый, но находит только то, что в силах вместить его собственное сознание. Сколько жизней сейчас объединено вокруг Флорентийца, скольких ведут Ананда и И., сколько приходит к Али, а о других же он, Николай, ещё ничего не знает. Пути у всех разные, но ступени лестницы для всех одинаковы.

Вот здесь живут две женщины, две будущие матери, полные любви и самоотвержения, и как разны их дороги в прошлом, настоящем и будущем. И как совершенно одинаковы цель и смысл их жизни...

Дория вошла сменить Николая, и он передал ей все указания Флорентийца, взял на руки спавшую Наль и тихо вышел из комнаты.

Глава 8

ЧТЕНИЕ ЗАВЕШАНИЯ В ДОМЕ ПАСТОРА

Получив указания Флорентийца, Сандра и Мильдрей, захватив с собой юристов, отправились в дом пастора для вскрытия и чтения его завещания. Всегда и для всех находивший время, лорд Бенедикт выкроил его и для Сандры, чтобы помочь юноше собрать мысли и провести дело пастора, ни разу не выпав из круга сосредоточенного внимания.

— Твой умерший друг, Сандра, разыскал тебя только для того, чтобы указать на некоторые ошибки в твоей работе. Благодаря его бескорыстному труду и вниманию ты избег многих затруднений. Отплати ему теперь и постарайся, чтобы близкие ему люди приняли его волю, по возможности не сопротивляясь. Наши обязанности не кончаются разлукой с ушедшими с земли. Думай, что пастор стоит рядом и бессилён выразить свою волю или повлиять на жену и дочь, иначе чем через твою физическую помощь. Думай, что я тоже стою рядом и держу тебя под руку.

Выучи ещё урок того, как надо внимательно смотреть не на внешность привлечшего тебя человека, а заглядывать в его душу. Вспомни, как нравилась тебе Дженни и как наивно ты доверял всему, что она считала нужным тебе демонстрировать. Теперь, рассмотрев как следует портрет её души, ты начинаешь терять мужество и не знаешь, как себя вести в её присутствии. А между тем вся твоя жизнь посвящена любви к человеку и служению ему. Не ищи в Дженни существо, нравящееся тебе или нет, думай не о её личных качествах, а о радости служить ей мощным проводом любви и помочь понять отца. Ты, конечно, не будешь нести ответственность за бредовые их поступки, если они с матерью вздумают оспаривать судом волю пастора. Но ты будешь ему верным другом, если придёшь к нему в дом свободным от личных чувств, принесёшь милосердие, честь и любовь, полное самообладание и усердие, чтобы выполнить его волю вместо меня.

— Если бы я мог хоть одну минуту, лорд Бенедикт, подняться к сотовой доле вашего сознания и вместить её в себя, я был бы счастлив. Круг одиночества среди людей, который вы меня учили создавать, удаётся мне, только когда работаю. Когда же я действую на людях, общаясь с ними, постоянно рассеиваюсь и забываю о самом главном и великом смысле текущей минуты: о том, что именно ЭТА минута и есть неповторимое,

летающее мгновение Вечности. Что именно это сейчас и составляет всё самое главное, самое важное и самое ценное в жизни. Поэтому, сплошь и рядом, мои мгновения бегут в пустоте. Но завтра я постараюсь начать свой день по-новому, уже совсем подготовившись к нему.

В поезде Сандра вспоминал отдельные фразы и слова Флорентийца и заметил, что ощущает незримое присутствие лорда Бенедикта и пастора. "Как четко может работать мысль, — думал Сандра, — достаточно было лорду Бенедикту сказать, чтобы я представлял себе его и пастора рядом с собой, и я постоянно чувствую их общество. Только бы мне не потерять этого ощущения, когда я буду с Дженни. Я бы ни в чём не ошибся и не растерялся и, наверное, достиг бы максимального успеха".

Мильдрей не прерывал размышлений Сандры. Он понял, что юноша собирает все свои силы, как, впрочем, и он сам. В его сердце и мыслях в последние месяцы шла такая усиленная работа. Да ещё он очень устал за эти дни, ибо хлопоты о похоронах легли почти целиком на него. В его сознании совершался огромный перелом. Его беспокоила болезнь Алисы, с первой встречи сделавшейся для него предметом любви и восхищения. Теперь же девушка стала его священной мечтой, и он полагал, что жизнь проявляет незаслуженное им милосердие. Направляясь в семью пастора, лорд Мильдрей предвидел, что не всё пройдет гладко в этот день. Ему достаточно было увидеть Дженни с матерью, чтобы оценить вполне их вкусы и склонности. Привычка пристально наблюдать окружающее и отдавать себе в нём отчёт, а также умение быть деятельным в общении с людьми и нести им помощь создали молчаливому Мильдрею репутацию добряка и защитника бедноты, над чем не раз потешались его клубные приятели, спрашивая, кого и куда он сейчас перевез, кого спасает от голодной смерти, кому подыскивает место.

Мягкое сердце Мильдрея страдало за пастора. Теперь он сосредоточенно думал, как бы помочь Дженни преодолеть зависть к Алисе, которую он сразу угадал. Но вот поезд подошёл к вокзалу, они уселись в коляску и отправились в дом пастора. Здесь их уже ждали. Мать и дочь, в изысканных траурных туалетах, сидели в зале и приняли Сандру — единственного, кого они знали из вошедших — чрезвычайно высокомерно.

— А разве лорда Бенедикта и Алисы нет с вами? — холодно спросила Сандру Дженни, даже не взглянув на представляемых ей и не потрудившись выслушать имена. — Мы не начнём, пока они не явятся. Ах, вот и они, я слышу звонок.

— Я думаю, мисс Уодсворд, что вы ошибаетесь, — ответил ей Мильдрей. — Лорд Бенедикт уполномочил меня быть его заместителем при

чтении завещания вашего отца. Что же касается вашей сестры, то она очень больна и быть сегодня здесь не может. Но это дела не меняет. У меня есть полная уверенность от лорда Бенедикта. Если вас интересуют какие-либо подробности, я уполномочен дать вам разъяснения.

В комнату вошёл мистер Тендль, поздоровался и подошёл к Дженни.

— Как не вовремя вы к нам, мистер Тендль, — недовольно произнесла пасторша. — Вы, очевидно, приехали пригласить Дженни прокатиться или позавтракать, но, к сожалению, мы заняты хотя и несносным, но неотложным делом.

— Простите, сударыня, — вмешался старый адвокат, давно уже взбешенный высокомерием обеих дам, к которому он — светило Лондона, богач и баловень клиентуры — не привык. — Мой клерк имеет полное право вести тот образ жизни, который ему нравится. Но в данную минуту он явился по тому же делу, по какому и мы имеем удовольствие лицезреть вас.

— То есть как, — вскричала Дженни, — вы хотите сказать, что мистер Тендль не более чем ваш клерк?

— Именно так, мисс Уодсворд. Он вызван мною для чтения акта и как лишний свидетель. Я надеюсь, у вас нет возражений?

— Час от часу не легче, — бросаясь в кресло, процедила сквозь зубы Дженни. — Ну, начинайте, мистер адвокатский клерк, выдающий себя за члена порядочного общества.

— Дженни, — громко вскрикнул Сандра и хотел броситься к девушке. Но Мильдрей, выпрямившийся во весь рост, точно внезапно выросший, удержал его.

— Простите, мистер Тендль, за нанесённое вам оскорбление в деле лорда Бенедикта. Я являюсь его доверенным и от его лица прошу у вас извинения. Я не сомневаюсь, что лорд Бенедикт сам пожелает видеть вас и принести вам лично свои извинения. Я считаю нужным извиниться и перед вами, сэр, — обратился Мильдрей к старому адвокату, — за нанесённое вашему сотруднику и племяннику оскорбление. — Обратившись к Тендлю и старику, он прибавил: — Если вы удовлетворены моими извинениями, можем приступить к делу.

— Только глубоко уважая лорда Бенедикта и вас, лорд Амедей, я подчиняюсь. Прошу вас, мистер Тендль, начните чтение документа. Но предварительно подайте его наследникам, чтобы они могли убедиться в неприкосновенности печатей на конверте, — обратился к бледному как мел Тендлю старый адвокат.

Ни слова не ответив, молодой человек взял из рук дяди большой

конверт, запечатанный пятью сургучными печатями с инициалами пастора и надписанный его рукой, и подал пасторше. Леди Катарина внимательно осмотрела все печати и надпись, и лицо её при этом как бы говорило: "Кто мне поручится, что вы не смошенничали?" Дженни бросила взгляд на конверт и всех присутствующих, явно желая показать, что процедура ей скучна и только кротость помогает ей вынести такую муку. С видом жертвы она встала с кресла и пересела так, чтобы лицо её находилось в тени.

— Не разрешите ли и нам присесть, — спросил старый адвокат таким саркастическим тоном, что Дженни передёрнуло.

— Вы здесь не в гостях, а по делу. Можете вести себя так, как вам предписывает деловой визит, — огрызнулась пасторша. В её голосе, взгляде, жесте, которым она сопровождала свой ответ, было столько ненависти и раздражения, словно она хотела стереть в порошок всех этих людей, принёсших ей последнюю весть от мужа.

Старый адвокат сел, остальные остались стоять, и Тендль, вскрыв конверт, принялся читать завещание. Когда дело дошло до пункта о доме, пасторша вскочила.

— Да это грабёж! Он ограбил меня и Дженни в пользу этой подлой девчонки. Мы будем судиться. Почём мы знаем, чем околдовали моего мужа в доме вашего лорда Бенедикта.

— Выбирайте слова, сударыня, — обратился к пасторше старый адвокат. — Когда ваша дочь оскорбила моего племянника, скрывшего от неё свою профессию, а также не доложившего ей, что он один из самых крупных помещиков Л-ского графства, — мы ещё не приступали к официальной части дела. Поэтому я мог извинить вам вашу грубость. Если же вы позволите себе какое-либо оскорбление теперь, я буду должен прекратить чтение документа и привлечь вас к суду.

По каждому пункту, в частности о доме, есть юридически засвидетельствованные документы. Позже вы можете просмотреть завещание деда, по которому дом, где вы живёте, вам фактически никогда не принадлежал. Он всегда принадлежал вашей младшей дочери. Продолжайте, Тендль.

По мере чтения завещания мать и дочь чувствовали себя всё хуже, а когда дело дошло до капитала, с которого леди Катарина могла пользоваться только процентами, — она готова была закатить истерику. Но лорд Мильдрей предупредил это проявление темперамента пасторши, сказав, что есть ещё письмо Алисы, которое тоже должно быть оглашено официально, так как оно засвидетельствовано юридически и является

необходимым документом.

— С каких это пор грудные младенцы в Англии пишут официальные письма? — фыркнула пасторша.

— С тех пор, как они имеют права наследства и собственности, — ответил адвокат.

Мильдрей подал Тендлю письмо Алисы, также запечатанное печатью с инициалами пастора.

"Мои дорогие мама и Дженни. Я пишу вам это письмо, сидя возле папы, по его настоянию и в присутствии лордов Бенедикта и Мильдрей.

Мне очень горько, что именно в эти часы, когда папа так хорошо себя чувствует, здоров, прекрасно выглядит, он желает, чтобы я писала его волю касательно того времени, когда его не будет с нами. Сердце моё разрывается при одной мысли об этом. И представить себе, что можно пережить эту потерю и остаться жить, — я просто не в силах. Но я повинуюсь его воле и пишу те пункты, которые он считает необходимыми для моей и вашей дальнейшей жизни.

1. Дом, как вам давно известно, завещан дедом мне. Папа требует, чтобы ни одна стена в нём не была разрушена, ни одна дверь не была сломана. Всё, вплоть до самых простых обиходных вещей, должно оставаться на местах. Никто не должен переезжать из одной комнаты в другую. Всё должно быть сохраняемо в полном порядке, как будто бы папа в свой дом вернётся. Моя комната, как и его кабинет должны сохраняться неприкосновенными.

2. В доме вы обе можете жить ещё два года, если раньше этого времени не приищете себе новой квартиры. Если же спустя два года вы всё ещё будете в доме, то опекунский совет выселит вас, так как дом должен быть к этому сроку освобожден.

3. В течение года я буду высылать вам деньги на содержание и ремонт дома и сада. Наймите специальную прислугу и садовника.

4. Перед началом зимнего сезона я пришлю мастера наглухо заделать ход в мою и папину комнаты.

5. Ответственность за целостность имущества вы возьмёте на себя в присутствии тех юристов, которые будут читать вам завещание папы и моё письмо.

Такова воля папы относительно моего дома. Лорд Бенедикт, которого папа назначает моим опекуном, скрепляет свою подписью, равно как и сам папа, мои распоряжения несовершеннолетней. Из завещания папы вы узнаете, что после его похорон домой я не вернусь. Как мне ни грустно в этом сознаться, но... я знаю теперь, что разлука со мною вас не опечалит.

Всю мою жизнь я так любила вас обоих. Я так старалась заслужить хоть каплю ответной нежности, но увы, я не успела в этом. Горестно мне и сейчас сознавать, что нас с папой пригрели чужие люди. Что здесь, среди чужих, мы нашли нежность и заботу, ласку и внимание, о которых не смели думать дома. Это не упрёк, конечно. Это только выражение горя, потому что только сейчас я понимаю, как ценна дружба между людьми, какое счастье не только самой любить, но и быть любимой. Я очень хотела бы вспомнить хоть один день моей жизни дома, когда я была бы нужна не только как портниха или повариха, но как сестра, друг, дочь...

Но что же мечтать о несбыточном счастье? Всё, что я хотела бы тебе пожелать, дорогая Дженни, это радостной семьи и чтобы ты могла одинаково любить своих детей. Я крепко обнимаю вас обоих, у меня такое странное чувство, точно больше не увижу вас никогда. Как будто у меня нет уже родного дома, кончилась какая-то одна жизнь и начинается совсем другая. За последнее время я так состарилась, что сразу перепрыгнула из детства в зрелость, забыв, что бывает ещё юность. Здесь я живу в такой красоте, о которой и мечтать не могла. Благодаря лорду Бенедикту здесь всё полно гармонии, и папа положительно ожил. Мне кажется, что это первые его счастливые дни за всю жизнь..."

— Нельзя ли прекратить этот наглый лирический бред, — возмущенно закричала пасторша, покрывшись красными пятнами.

— Прочитать до конца я обязан, — ответил Тендль, ибо непосредственно к нему обратила свой выкрик пасторша, — но конец очень близок.

"В эту минуту я вдруг представила себе, что папы уже нет с нами. И сердце моё застонало от боли. Если действительно выпала нам несчастная доля пережить папу, я молю Провидение помочь нашим трём сердцам найти дорогу любви друг к другу. Пусть навеки память о папе будет цементом между нами, и его чистая жизнь да послужит нам примером. Крепко обнимаю вас обоих и ещё раз молю, не выбрасывайте из сердца и жизни любящую вас маленькую Алису".

Прочитав письмо, Тендль сложил его и положил на стол, рядом с завещанием. Пасторша встала, подошла к столу и, брезгливо отбросив письмо Алисы, взяла в руки завещание.

— Если я не ошибаюсь, завещание должно быть подписано не менее чем двумя свидетелями.

— Так точно, здесь подписи даже трёх свидетелей. Но что вы хотите этим сказать? — спросил старый адвокат. — Хочу проверить, те ли самые люди, что подписывали документ, привезли его.

— На первом месте стоит подпись лорда Бенедикта, — сказал адвокат. — Его здесь нет. Вместо него — уполномоченный им лорд Амедей Мильдрей. Вот документ, удостоверяющий его права. Он протянул бумагу пасторше.

— Я думаю, мама, здесь всё в порядке. И чем скорее мы покончим с этим тоскливым испытанием, тем приятнее будет и нам, и нашим гостям. Так необычайно любезно с вашей стороны, лорд Мильдрей, что вы приехали к нам, — сказала Дженни, совершенно изменив свой тон. — Садитесь сюда, мне хочется поговорить с вами. Вы, вероятно, соскучились в деревне, без общества, без развлечений. Нельзя же считать обществом нашу маленькую дурнушку Алису. Она ведь там единственная фрейлина графини Т., — смеясь, закончила Дженни, принимая самые обворожительные из своих поз. Молча, внимательно смотрел на неё Мильдрей. — Вы не совсем представляете себе, что значит общество, мисс Уодсворд, — наконец сказал он, опускаясь в кресло. — Общество лорда Бенедикта, собранное им у себя в деревне, в том числе, конечно, и ваша сестра, — это самые изысканные люди. И быть в таком обществе не только счастье для меня, но и очень большая честь. А графиня Т. и ваша сестра могут заставить забыть, что есть на свете другие женщины.

Дженни, точно упавшая с облаков, смотрела во все глаза на Мильдрея. Впервые в жизни она почувствовала себя не только растерянной, но и сраженной.

— У меня для вас есть ещё одно письмо, от лорда Бенедикта, — продолжал Мильдрей, подавая девушке конверт. — Если желаете прочесть его сейчас и, быть может, написать ответ, мы с Сандрой подождём. И если обе наследницы ничего не имеют против, я попрощаюсь с юристами, чтобы не отнимать у них драгоценное время.

— Мы не возражаем. Можете отправить всю эту юридическую челядь, — резко выкрикнула пасторша. Но вспомнив, что и Тендль принадлежит к той же челяди, Тендль, оказавшийся богачом и завидным женихом и уже однажды здесь оскорбленный сегодня, осеклась, сконфузилась и, по обыкновению, взбесилась.

— Что же вы всё стоите, Сандра? Неужели ещё вас упрашивать о милости сесть, — сорвала она злобу на Сандре, печально на неё глядевшем.

— Благодарю, леди Катарина. Я так поражен приёмом, который мы встретили сегодня в этом прежде радушном доме, что всё не могу прийти в себя от глубокой сердечной боли. Мне кажется, я вижу здесь витающую тень хозяина. Я ещё слышу его чудесный голос. В своих песнях, словах, поступках и действиях он звал, как живой пример, к любви.

— К любви, к любви, — уже истерически выкрикнула пасторша. — Он ограбил нас, гонит на улицу, — и это всё, по-вашему, любовь.

— Пастор отдал каждой из вас по справедливости всё, что имел, леди Катарина, никакой судья не мог бы придумать лучше...

— Что вы способны понимать в этом! Вы будете таким же книжным червем, каким был ваш покойный друг. Чтобы я не могла распоряжаться капиталом! Чтобы после моей смерти обе девчонки стали богатыми женщинами, а я должна едва сводить концы с концами! И это справедливость! — И хлопнув дверью, она вышла.

Оставшись с Мильдреем и Сандрой, Дженни никак не могла совладать с собой. Наконец, взяв письмо в руки, она сказала:

— Письмо, кажется, объёмистое. Видно, пословица "Рыбак рыбака видит издалека" оправдалась дружбой моего отца и лорда Бенедикта. Велеречивость моего папаши, должно быть, отвечала таковому свойству лорда Бенедикта, — взвешивая в руке письмо, саркастически улыбнулась Дженни.

— О бедняжка, бедняжка Дженни! — почти с отчаянием воскликнул Сандра. — Как можете вы быть столь слепы! Ведь получить письмо от лорда Бенедикта такое счастье, за которое многие отдали бы полжизни. А вы издеваетесь.

— Быть может, для кого-то это счастье. Я же глубоко равнодушна к любому мистическому счастью и предпочитаю иметь его в своём кармане, — всё тем же тоном продолжала Дженни.

— Вот на этот-то крючок и попадают люди. Их засасывает сатанинская жажда богатства, а потом... честь и свет угасают под давлением этой страсти. Я видел немало печальных примеров, когда всё начиналось с погони за богатыми женихами, а кончалось весьма прискорбно, — тихо говорил Мильдрей.

Лицо Дженни было бледно, глаза метали злые огни, руки судорожно разрывали конверт, как будто вместе с ним она собиралась разорвать письмо.

Пока Дженни занялась чтением, Мильдрей подошёл к Сандре и отвёл огорчённого юношу к окну. Здесь они оба, глядя на прекрасный, но уже запущенный сад, думали об отце и дочери, о тех, кто ухаживал за цветами и был душою осиротевших дома и сада. Как было ясно обоим, красота, мир и уют покинули этих суетных женщин, понимавших только внешнее, ценивших лишь то, что можно ощупать руками.

— Я не в силах сейчас прочесть эту галиматью, — вдруг резко закричала Дженни. — Можете, сэр уполномоченный, передать вашему

лорду, что он напрасно ломится в открытую дверь. Я не Алиса и в его покровительстве не нуждаюсь. А что касается его опекунства, об этом мы ещё поспорим. При живой матери и совершеннолетней сестре шестнадцатилетний подросток не нуждается в опекунах со стороны. Мы подадим в суд, у нас достаточное количество фактов, чтоб доказать, что уже более двух лет пастор был не совсем нормален.

— О Господи, Дженни, не срамите себя перед всем миром, — всплеснул руками Сандра. — Ведь величайший труд пастора, благодаря которому он приобрёл мировую известность, окончен именно в эти два года. Ну в какое положение вы поставите себя перед судом. Неужели в вас нет ни капли милосердия к памяти отца? Вы способны вытащить его имя, такое чистое и славное, на помойную яму сплетен и пересудов?

— Я не сомневаюсь, что расчёт именно на наше так называемое благородство, — а на самом деле на глупость, — и был у лорда Бенедикта, когда он смастерил эту штуку с завещанием. Но мы на этот крючок не поймались, нет. Мы выведем этот заговор на чистую воду, — закончила Дженни, окончательно разъярившись.

— Будет лучше для вас и для нас, мисс Уодсворд, если мы покинем этот дом, — совершенно владея собою, сказал Мильдрей. Но тон его голоса, властный, решительный, не терпящий возражений, так поразил Сандру, что он растерянно поглядел на своего всегда кроткого друга. Мягкий, слегка сутуловатый Мильдрей стоял теперь выпрямившись во весь свой высокий рост. Глаза его приняли стальной оттенок и лицо носило выражение непреклонной воли. Если бы Сандре кто-то рассказал о таком Мильдрее, он бы весело посмеялся шутке.

— Воспитанность в женщине, которая хочет быть светской дамой, вещь совершенно необходимая, мисс Уодсворд. Но даже только честь могла бы удержать вас от оскорблений, которые вы нанесли сегодня людям. Те, кого вы сочли выгодными женихами, но не разглядели сразу по своей близорукости и эгоизму и потому оскорбили их, — мстить не будут. Но они бросят ваше имя светским сплетникам, если только вы решитесь публично оскорбить память отца. Жизнь не простит вам бессердечного поведения сегодня, хотя великодушный лорд Бенедикт простит вас несомненно, в чём вы будете иметь случай убедиться.

Поклонившись Дженни, мужчины вышли в переднюю и покинули дом. Но добраться до деревни им было суждено не сразу, так как Сандра вдруг почувствовал острую боль в сердце, и им пришлось остановиться у аптеки, где они просидели больше часу и опоздали на поезд. Когда, наконец, коляска подвезла их к деревенскому дому. Флорентиец встретил их на

крыльце и сейчас же велел Сандре лечь в постель, предварительно приняв лекарство.

— Теперь ты испытываешь на себе, мой друг Сандра, как крепко держат иллюзии человека. Ты болен, потому что последнее время постоянно засорял свой организм страхом, слезами и раздражением. Твой сердечный припадок надо бы назвать припадком скорби и ужаса. Учись побеждать всё, что давит твой дух. Независимость и свобода духа — вот основа истинного здоровья. Надо бы говорить, что у человека не печень болит, а гложет его корыстолюбие. Не боли под ложечкой, а припадок страха и уныния. Иди ложись, отдыхай. Вынеси мужественно все пороки Дженни, которые сегодня увидел, воспринимая их как её злейших врагов. Вынеси точно нагруженную корзину и развей по ветру. Но только после того, как найдёшь в себе доброту принять её в своё сердце и думать о ней, чтобы помочь.

Простившись с Сандрой, которого он поручил попечениям Артура, лорд Бенедикт прошёл в свой кабинет, куда пригласил Мильдрей. Подкрепив проголодавшегося гостя лёгким ужином. Флорентиец рассказал ему, что состояние Алисы, при которой неотлучно дежурят Николай, Наль и Дория, гораздо лучше, но сознание к ней ещё не вернулось.

— Надо благодарить жизнь за её болезнь, Мильдрей. От скольких мучительных минут она избавила Алису.

— Да, если бы ей пришлось присутствовать при тяжелейшей сегодняшней сцене и увидеть всю бездну жестокости и холодности её родных;— она уж наверное заболела бы, если бы и была здорова. — Лорд Мильдрей передал Флорентийцу все подробности, вплоть до угрозы судом и отношения Дженни к его письму.

— Я в этом не сомневался. Но всё же обязан был сдержать слово, данное пастору. Бедная Дженни, как будет печальна её жизнь и как ужасна старость. Ещё только раз ей будет предоставлена возможность отойти от зла, и она снова её отвергнет. А когда жизнь покажется ей адом и она сама обратится ко мне, — я уже не много смогу для неё сделать. Спасибо, друг, за помощь. Вы очень устали за последнее время, выполняя мои поручения. Я оценил вашу твёрдость и усердие, на которые можно положиться, и не забуду об этом. И всё же это не конец. Я буду просить вас поехать завтра утром в контору к мистеру Тендлю и отвезти ему моё письмо. Если найдёте возможным, постарайтесь привезти Тендля с собой. А теперь ещё раз спасибо, идите, отдыхайте и не беспокойтесь об Алисе.

— Когда я подле вас, лорд Бенедикт, я не знаю ни страха, ни волнения. Только если я чувствую себя отъединённым — как в ту ужасную ночь, когда вы бросили мне в окно записку, — я страдаю и сознаю себя

беспомощным и несчастным.

— Если кому-то, как и вам, протянута моя рука, тот не может знать ни страха, ни отчаяния. Кто полностью владеет собою, тот всегда держится за мою руку. И все его дела — от самых простых до самых сложных — я разделяю с ним. Если же раздражение вкрадывается в его дела, — значит, он выпустил мою руку, нарушил в себе гармонию и САМ не в состоянии удержать моей руки. Помните об этом, мой друг, и старайтесь даже в такие тяжкие дни, как сегодня, хранить в сердце не только равновесие, но и радость.

Простившись с Мильдреем, Флорентиец поднялся к Алисе, побеседовал с Наль и возвратился к себе, когда весь дом уже погрузился в сон.

Долго сидела Дженни после ухода Сандры и Мильдрея и никак не могла прийти в себя. Мысли её бегали по всей её жизни, от самого детства и до этой последней минуты. Но ни на чём она не могла сосредоточиться. То ей удавалось несколько успокоиться на мысли, что сумма денег, оставленная ей, и проценты с капитала матери обеспечивают им безбедное существование. То она начинала сравнивать себя с Алисой — и снова в ней закипало бешенство. То ей казалось совершенно необходимым, точно кому-то назло, выйти немедленно замуж. Но и тут её охватывало раздражение. С недавних пор она нередко проводила время в обществе мистера Тендля. Она ездила с ним кататься, ходила в театры и рестораны. Но ни разу не спросила о том, как он живёт, чем занимается. Она видела в нём только сносного, развлекающего её поклонника, считая, что он достаточно вознагражден, получив право любоваться её красотой. Когда же оказалось, что Дженни проворонила удобный случай, что Тендль богатый помещик, человек с положением и связями, а его занятия адвокатурой просто фантазия от безделья, и жених он вполне завидный, — у Дженни сдавливало горло от ярости при мысли, что она сама же его и оттолкнула.

Измученная, не умеющая владеть собой, девушка впервые почувствовала себя совершенно одинокой. Только сейчас, под раздававшийся в мёртвом доме храп пасторши, она оценила огромность потери отца. Как ни протестовала она при его жизни против установленных им правил, против чести, которой он требовал от всех в доме и которая стесняла Дженни, она знала, что в отце она всегда найдёт друга, поддержку и утешение. Даже в тех случаях, когда Дженни бывала кругом виновата, пастор не повышал голоса. Он только так страдал за неё, что дочь уходила умиротворённая. И при его жизни Дженни ничего не боялась. А теперь в её душе поселился такой страх перед завтрашним днём, что ей хотелось прижаться хоть к чьему-нибудь плечу, чтобы только почувствовать опору.

Вспомнив о письме Флорентийца, она принялась его читать. И чем дальше читала, тем становилась спокойнее. Казалось, каждое слово раскрывало ей её ошибки. Ей захотелось увидеть лорда Бенедикта, говорить с ним, помириться с сестрой...

Внезапно в зал вошла пасторша.

— Что ты сидишь в потёмках, Дженни? Нам с тобой надо переговорить о тысяче вещей и принять какое-то решение. И чем скорее мы это сделаем, тем легче будет нам выпутаться.

Пасторша опустила шторы и зажгла лампу. И всё обаяние письма, которое Дженни успела спрятать, улетучилось. Вместе с матерью в комнату ворвался вихрь страстей. И снова в Дженни запылали бунт и протест.

— Будем ли мы с тобой судиться с Бенедиктом? Ведь Алису вырвать без суда будет невозможно. А нам девчонка необходима в доме.

— Я думаю, мама, с обсуждением этого вопроса подождем до завтра. Надо спросить кого-то опытного. Мы с вами ничего в этом не понимаем.

— Кроме Тендля, Дженни, у нас нет сейчас никого, кто мог бы растолковать нам юридическую сторону дела. Тебе надо написать ему письмо с извинениями и пригласить к себе. Он так влюблён, что, конечно, будет радёхонек тут же прискакать.

— Ах, мама, после смерти папы вы не даёте мне ни минуты побыть одной и подумать о чём-нибудь, кроме материальной стороны жизни. Но я могу не желать...

— Дженни, ты знаешь, как я тебя люблю, — перебила дочь пасторша. — Я охотно увезла бы тебя в самое шумное место, где бы ты могла развлечься. Но именно сейчас мы с тобой должны не теряя ни минуты продумать, как нам дальше строить нашу жизнь. Но прежде всего Алиса должна быть возвращена домой. И тогда ты можешь выбирать: или немедленно выйдешь замуж за Тендля, или мы поедem путешествовать в поисках подходящих встреч. Замужество с Тендлем имеет, конечно, много преимуществ. Но английский закон строг в части развода до такой степени, что было бы немыслимо освободиться, окажись он неподходящим мужем.

— Да погодите, мама, делить шкуру неубитого медведя. Я согласна написать Тендлю записочку и обещаю вам, что постараюсь повлиять на Алису, не доводя дела до суда. Она девчонка упрямая, но всё же можно попытаться. Я ей напишу и буду звать её приехать повидаться. Ну, мы и постараемся её не выпустить больше. Пусть опекун тогда судится с нами.

— Нет, Алиса не упряма. Если с ней обращаться ласково, — чего нам с тобой никогда не хотелось делать, — из неё можно верёвки вить. Покойный папенька не столько любил её, сколько отлично понимал эту черту её

характера и пользовался ею. Девчонка воображала, что он души в ней не чаёт, и отвечала ему настоящей преданностью. Если хочешь, чтобы Алиса приехала, притворись, что тоскуешь, напиши побольше ласковых слов. Она размышляет и придет.

Умная Дженни, отлично понимавшая цельность и прямоту характеров отца и сестры, не заблуждалась по поводу их отношений. Она знала сходство вкусов и идей, на которых покоилась их дружба. Но что единственным подходом к Алисе были ласка и призыв к милосердию, — в этом Дженни не сомневалась. Написав коротенькую записку Тендлю, шутливо прося её извинить, — Дженни отдала записку матери, которая настаивала на том, чтобы самой отвезти её молодому человеку.

Правда, пасторша не столько верила в свои дипломатические таланты, сколько ей хотелось теперь убедиться в богатстве Тендля, который жил, судя по адресу, на одной из лучших лондонских улиц. Наскоро перекусив, пасторша отправилась в город. А Дженни села за письмо к Алисе. Сначала ей казалось, что письмо это написать легко и просто. Но прошло уже почти четверть часа, а на листе красовалось трафаретное: "Милая Алиса". Привычное горделиво-снисходительное отношение к сестре, властный, приказной тон, с каким она всегда обращалась с сестрой-дурнушкой, не позволяли ничего другого, что сама Дженни понимала как ласку.

Алиса продолжала ей казаться глупым ребёнком, достаточно упрямым в своём отношении к отцу и лорду Бенедикту, которых она свято чтила. Дженни вспомнила и вид Алисы, и отцовское выражение непреклонной воли, когда она, по мнению сестры, недостаточно почтительно отозвалась о лорде Бенедикте.

Наконец Дженни решила воззвать к гордости Алисы и доказать ей, что невозможно жить в чужом доме в роли приживалки графини Т., тогда как родная сестра обречена ею на одиночество. Дженни так искренно поверила, что она жертва жестокости Алисы, что ей стало легко, и она начала письмо с серии обвинений.

"Ты бросила нас с мамой на произвол судьбы и говоришь, что ты нас очень любишь. Ты даже не интересуешься, как мы живём и будем жить в этом старом, отвратительном, неудобном доме. Если ты думаешь, что для меня и мамы приемлемы те условия, которые ты нам предлагаешь, то, очевидно, ты совсем забыла о наших привычках и вкусах. Кроме того, если бы ты нас любила, ты не только не писала бы таких смехотворных распоряжений, но сказала бы отцу, что он от старости и болезней теряет всякое чувство меры. Тебе, Алиса, известен мой вкус к роскошной жизни. Зачем же ты продолжаешь жить при чужой женщине, которая может

заменить тебя хоть десятью швеями. Ведь не всегда же ты будешь сидеть дома. Скоро я выйду замуж, тогда можно будет подыскать приличного мужа тебе. Твои вкусы так скромны, что найти партию будет нетрудно. Если ты искренна в своих словах, не оставляй нас с мамой. Ты ведь знаешь, что нам было нелегко. То, чего нам с нею хотелось, не нравилось отцу и он на всё накладывал вето. Теперь мы, наконец, можем начать жить, как нам хочется. Но для этого надо, чтобы ты была дома. А ты, злая девочка, совсем покинула нас. Если ты заупрямишься и не пожелаешь возвратиться немедленно домой, нам придется обратиться в суд. И на суде выяснится, что отец был ненормален, огласки чего ты, наверное, не очень хочешь. Что касается твоего письма, — не его лирических мест, — а той части, где ты даёшь свои «распоряжения», то я их просто не принимаю всерьёз. Но об этом поговорим дома, когда ты вернёшься из своей достаточно затянувшейся отлучки. Я кончаю письмо и ещё раз напоминаю тебе, что девушка из общества, случайно попавшая в пасторские дочки, вместо того чтобы занять в свете блестящее положение, не должна жить приживалкой в чужом доме. Возвращайся скорее домой и развяжи нам с мамой руки. До скорого свидания. Твоя Дженни".

Дженни осталась очень довольна своим письмом и, полная сознания исполненного тяжёлого долга, стала ждать возвращения пасторши. Леди Катарина вернулась в довольно плохом расположении духа. Дом мистера Тендля оказался отличным особняком. Но сам хозяин жил на даче, домой заглядывал редко и только по утрам бывал в конторе дяди. Все эти сведения, весьма неохотно, дал ей дворник. С трудом удалось пасторше узнать адрес конторы. Разочарованные мать и дочь решили отправить письмо по почте, так как Дженни категорически воспротивилась желанию матери передать письмо Тендлю в конторе.

И Дженни, и леди Катарина, обе были раздражены неудачей. Обе чувствовали себя одинокими, и обе не знали, чем и как себя занять. Поболтав о всяких пустяках, они отправились спать, не признаваясь друг дружке, как тревожно у них на сердце.

Завистливые струйки пробегали по сердцу Дженни, когда она думала, что вот Алиса сидит в деревне, окруженная мужчинами, и не знает никаких забот, их взял на себя её богатый опекун.

И Дженни решила бороться, вырвав у опекуна Алису, чего бы ей это ни стоило. Если не Тендль, то кто-то другой, но замуж она выйдет, и лорд Бенедикт хорошо запомнит на всю жизнь, как насолила ему Дженни.

Эти приятные мысли успокоили Дженни, и она легла спать, исполненная решимости.

Глава 9

ВТОРОЕ ПИСЬМО ЛОРДА БЕНЕДИКТА К ДЖЕННИ. ТЕНДЛЬ В ГОСТЯХ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА В ДЕРЕВНЕ

Возвратившись к себе в кабинет. Флорентиец, собственноручно разбиравший свою почту, долго читал письма. Ответив на некоторые короткими записками, сделав на других пометки, он призадумался, глядя на портрет пастора, стоявший на полке неподалёку от письменного стола.

— Да, друг, я обещал тебе позаботиться о твоих детях, — проговорил он, обращаясь к портрету. — Попытаюсь ещё раз написать Дженни, хотя уверен, что страсти, ярость и зависть уже настолько открыли её сердце злу, что будет невозможно остановить катящийся к ней ком гадов. Думаю, что окончательное падение не минует её. Но... я обещал и ещё раз постараюсь ей помочь.

Знавшим Флорентийца трудно было и представить его лицо таким, каким оно было во время этого разговора с пастором. Необычайная нежность светилась в его глазах. На лице его лежали скорбь и печаль о пути человека, создавшего для себя безвыходный круг мучений. Это прекрасное лицо, всегда юное, было строгим, бледным и таким постаревшим, точно вековая мудрость легла на него. Флорентиец взял бумагу и снова задумался, пристально всматриваясь вдаль.

"Дженни, — писал он, — сравните дату и час написания наших писем. Ваше письмо к Алисе всё ещё лежит перед Вами, а я уже знаю, о чём оно, от первого до последнего слова. Как знаю, в каком хаосе мыслей и чувств Вы сейчас живёте. Я прошу Вас заметить дату и час, чтобы Вы не подумали, что я вскрыл письмо больной Алисы. Я писал Вам, что сестра Ваша очень больна. Но Вы ни одним словом не выразили ей сочувствия. Многое я сказал Вам в первом письме. Но Вы прочли его невнимательно и разорвали в припадке ярости.

Я объяснял Вам, что злоба — вовсе не невинное занятие. Каждый раз, когда Вы сердитесь. Вы привлекаете к себе токи зла из эфира. Сегодня, — как, впрочем, часто за последнее время, — Вы полностью покрыты уродливыми красными и чёрными пиявками с такими безобразными рыльцами, какие только возможно вообразить. И все они — порождение Ваших страстей. Вашей зависти, раздражения и злобы. После того как Вам будет казаться, что Вы уже успокоились и овладели собой, — буря в

атмосфере вблизи Вас всё ещё будет продолжаться, по крайней мере двое суток.

Как Вы думаете, Дженни, кто может приближаться к Вам, пока уродливые существа сосут Ваши страсти, питаясь ими, как обычные пиявки кровью? Всякое чистое существо очень чувствительно к смраду этих маленьких животных. И оно бежит тех, кто окружен их кольцом, кто лишён самообладания. Чистое существо, встречаясь с распущенным человеком, привыкшим жить среди раздражённых выкриков, постоянной вспыльчивости, страдает не меньше, чем при встрече с прокажённым. Злой же, обладающий только упорством воли, мчится навстречу, с восторгом видя перед собою орудие для своих целей. Скрывая под лицемерной маской свои истинные побуждения, он окружает жертву внешним блеском, заманивает богатством, иногда притворяется влюблённым или любящим. Но всё это ложь, а суть — подавить волю несчастного, чтобы завладеть им окончательно. Узнайте, Дженни, закон Вселенной, закон, которому подчинено всё духовное и материальное на земле: мир сердца определяет место человека во Вселенной, как сила притяжения земли заставляет его ходить вверх головой. Духовная сила человека — это та светящаяся материя, что соткана миром его сердца. Эта материя, как шар из атмосферных токов, окружает его.

Вам сейчас кажется, что Вы больны. Но это только те злые животные, которых Вы притянули, тербят Вас, не дают Вам покоя. Лучше всего Вы сделаете, если приедете ко мне сюда. Я бросаю Вам несколько мыслей, совершенно для Вас новых, и ещё раз — памятью Вашего отца — прошу: оставьте привычку жить в постоянном раздражении. Стройте новую жизнь не на эгоизме и злобе, а на любви и радости.

Труд, пугающий Вас, это единственный путь к пониманию смысла земной жизни. Если будете жить в безделье, конец может быть только один: Вы дойдёте до отчаяния. И скоро убедитесь, если будете упорствовать в своём образе жизни, что всё доброе и светлое станет Вас избегать. И по этому признаку сможете понять, насколько зло приблизилось к Вам. Спешите спастись! Приезжайте на днях сюда, быть может всё ещё поправимо. Вы можете встретить здесь людей нужных и приятных Вам, людей, уже несколько связанных с Вами, от них зависит иной поворот Вашей жизни.

Послушайтесь моего зова, Дженни, мы никогда не знаем, где и что нас ждёт. И не часто нам дано понимать, сколько людей задето нашей жизнью и деятельностью. Если в три ближайших дня Вы, Дженни, не приедете, я буду знать, что в Ваше сердце доброте не проникнуть. Я прошу Вас ещё и

именем сестры: имейте к ней милосердие. Она больна, навестите её. Не ходите в суд, — это бессмысленно. Дела Вы не выиграете, а Алисе нанесёте тяжёлый удар. Но так как её чистое сердце не будет питать злобы, какие бы страдания Вы ей ни причинили, — удар падёт на Вашу же голову.

Я пока не теряю надежды видеть Вас у себя и ещё раз повторяю: Вы можете встретить здесь людей очень ценных, очень нужных и Вам интересных. Вся Ваша судьба может ещё повернуться к счастью и радости. Но учтите, Дженни, что «может» не значит «будет». «Будет» — это деятельность человека, его энергия, превращающая в действие то, что быть "может"."

Запечатав письмо. Флорентиец снова прошёл к Алисе, где Наль сменил Николай, убедился, что всё выполняется точно и аккуратно, и вернулся к себе. Снова присев к столу, он написал короткое, любезное письмо мистеру Тендлю, приглашая его провести конец недели в деревне. Он написал ещё записку лорду Амедю, прося его рано утром спуститься в кабинет за письмами и поручениями в Лондон. Отнеся записку в почтовый ящик Амедю, Флорентиец возвратился к себе, улыбнулся портрету пастора и потушил свечи.

Мильдрея, спавшего после утомительного дня очень крепко, разбудил слуга, подав ему почту. Первое, что бросилось Мильдрею в глаза, была записка Флорентийца, которую он лихорадочно схватил, как будто это было нечто самое ценное в жизни. Ознакомившись с содержанием письма, Мильдрей стал поспешно одеваться и полчаса спустя был в кабинете Флорентийца. Уже совершенно готовый, хозяин дома подал ему два письма, прося сначала навестить Дженни, а затем съездить к адвокату и уговорить Тендля отправиться тотчас в деревню, о чём он просит его в своём письме.

Дженни нежилась в постели, попивая шоколад, когда ей подали письмо лорда Бенедикта. Она сразу же узнала и длинный зеленоватый конверт, и характерный почерк. Сердце её забилось, и вихрь самых разных мыслей и чувств охватил её. Разорвав конверт, она уже начала было читать письмо, как слышала шаги матери. Дженни закрыла дверь на задвижку.

Пасторша, имевшая привычку врываться без стука, не смогла войти к дочери, что её чрезвычайно озлило.

— Дженни, ты получила письмо от Мильдрея. Что он пишет? Да открой же наконец, — кричала она за дверью.

— Я ещё не читала письма, мама. Прошу вас, дайте мне возможность прочесть его спокойно. Я ведь не спрашивала вас, от кого принесли вам письмо вчера вечером. Надеюсь, я могу требовать и от вас некоторой деликатности.

— Да что с тобой, дочка? Неужели ты не понимаешь, что Мильдрей поважнее Тендля будет. Быть может, теперь Тендлю и посылать ничего не надо.

— Говорю вам, мама, оставьте меня в покое, — озлилась в свою очередь Дженни и резко попросила мать уйти. За ночь несколько успокоившаяся, она снова впала в возбуждение. Она прочла письмо раз, два, три, и каждый раз ей казалось, что она чего-то не поняла. Первым побуждением было полное неприятие всего письма целиком. Второй раз ей показалось приятным приглашение лорда Бенедикта. После третьего чтения она решила, что поедет непременно и немедленно же. Дженни стала одеваться, обдумывая, как сообщить матери о своём решении. Никогда ещё ей не было так радостно думать о наступающем дне. Точно детство вернулось и отец должен везти их к деду на ёлку.

Сверх всякого обыкновения Дженни вышла из своей комнаты совершенно одетой. Пасторша, привыкшая видеть дочь по утрам в халате, обомлела. — Как? Ты выходишь в такую рань? В чём дело? — Дело в том, что я еду к лорду Бенедикту навестить больную Алису.

Пасторша даже села в кресло от изумления и не могла произнести ни слова. Дженни отлично знала это молчание матери, всегда предшествовавшее взрыву бешенства. Она надеялась проскользнуть мимо неё и выбраться на улицу раньше, чем мать опомнится, но та у самой двери её догнала и с визгом вцепилась ей в руку. Убедившись, что вырваться бесполезно, Дженни возвратилась в гостиную. — Что всё это значит? Как ты смеешь ехать туда без меня? — Вас туда никто не зовёт. Зовут меня. Неужели вы думаете, что всю жизнь будете ходить за мной по пятам? Что же это за жизнь для меня начинается? — чуть не плакала Дженни.

— Дай письмо. Там, наверное, шантаж, чего ты не понимаешь. Дай сейчас же письмо, говорю тебе.

— Письма я вам не дам. Но если вы обещаете прийти в себя, я вам его прочту. Господи, я думала, что папа деспот и тиран. Но что вы такая тиранша, я и представить не могла.

Дженни вынула письмо из кармана и прочла его матери. После каскада не совсем лестных итальянских эпитетов по адресу лорда, всех его прихлебателей и самой Дженни, леди Катарина воскликнула:

— Да неужели же ты не понимаешь, что он боится суда? Тебе лестно, что тебя приглашают в аристократический дом и обещают каких-то нужных и интересных людей. А для чего тогда здесь вся эта галиматья? Ведь это явный расчёт на то, чтобы здравомыслящий человек ничего не понял. Сама-то ты что-нибудь понимаешь?

Радостное, лёгкое настроение Дженни, с которым она одевалась, улетучилось. Её недавнее желание тотчас ехать к лорду Бенедикту стало казаться ей легкомысленным. Гнев матери снова заразил её, она испугалась, что попадёт в ловушку.

— Послушай ты меня. Отправь письмо Тендлю с посыльным и жди либо ответа, либо его самого. И часа не пройдёт, как он явится, я уверена.

Долго упрашивала дочь леди Катарина, и от этих уговоров всё сумрачнее становилось у Дженни на сердце. Лицо её стало мрачно, вся она точно съежилась, будто тьма и холод окружили её.

— Вечная ваша песня, мама, о любви ко мне. Но, Боже мой, как скучно становится от вашей любви, если вы заставляете подозревать всех в неблаговидных поступках и ненавидеть! Почему вы вообразили, что лорд Бенедикт боится суда? Ведь не мог же папа не знать законов и отдавать своё имя на поругание. Почему не поверить, что я могу встретить в его доме кого-то, кто будет интересен и даже нужен мне?

— Не будь наивна, Дженни. Папенька устроил свои дела отлично. Алису он обеспечил прекрасно, а нас выбросил, как делал всю жизнь.

— Мама, отец первый раз в жизни поехал отдыхать, и то перед смертью. Зачем клеветать? Я не в силах больше выносить этого, — рыдала Дженни.

Пасторша, никогда не выдавшая её слёз, поняла, как далеко зашла. Она бросилась к дочери, обнимала её, целовала руки, умоляла простить и давала слово больше не возвращаться к прошлому. Она так красноречиво расписывала Дженни будущее замужество, блеск жизни без всякого труда и забот, говорила о том, как неприятен и страшен лорд Бенедикт, толкующий о труде, от которого лучше держаться подальше, что Дженни утихла и позволила себя уговорить послать письмо мистеру Тендлю, а самим поехать завтракать в город.

Пока мать пошла одеваться, Дженни привела себя в порядок, стерев с лица следы слёз, но состояние её духа оставалось очень тяжёлым. Она словно потеряла что-то достаточно ценное. В первый раз кто-то был свидетелем её слёз, и в первый же раз слёзы раскрыли ей бездну страха, сомнений и неуверенности в себе, чего она и не подозревала. Мелькнувший, как обаятельное видение, образ лорда Бенедикта погас, и в её душе стало холодно. Но зато возродилось упрямое желание бороться с ним, и это желание стало первенствовать в её мыслях. Теперь в Дженни ярко вспыхнула ненависть к Мильдрею, осмелившемуся сказать, как прелестна её сестра. И Дженни в бешенстве опять изорвала письмо в мелкие клочки.

— Дженни, — входя в комнату уже одетая, сказала пасторша, — по какому адресу находится контора Бенедикта?

Дженни вспомнила, что в письме была приписка с указанием адреса деловой конторы на случай, если бы она захотела приехать в деревню. Ей надо было только дать знать, и её проводили бы.

— Я уже изорвала письмо, не знаю, — угрюмо буркнула Дженни.

— Какое же ты неосторожное дитя, Дженни! Сколько раз я тебе говорила, что письма — документы. Писать их не нужно, а вот полученные надо хранить. Подумай, каким богатейшим материалом могли бы тебе послужить в жизни эти два знаменитых письма. А ты их рвешь.

Ни слова не ответила Дженни, направляясь к выходу, и пасторше ничего не оставалось, как идти за нею. Передав первому же посыльному письмо для Тендля, обе дамы отправились завтракать.

От Дженни Мильдрей поехал в юридическую контору, где и застал Тендля, уже собиравшегося уезжать. Увидев Мильдрея, он счёл, что это официальный визит.

— Добрый день, лорд Мильдрей. Вы, по всей вероятности, к дяде. Но он заболел, и я один сегодня справился со всеми делами. Но я всецело к вашим услугам, если могу заменить вам дядю.

— Нет, мистер Тендль, я именно к вам. Я привёз вам письмо от лорда Бенедикта с извинениями за вчерашний печальный факт. Лорд Бенедикт хочет лично извиниться перед вами. Но в его доме, под его наблюдением, лежит сейчас тяжелобольная, которую он не может оставить надолго. Я уполномочен упросить вас предоставить ему эту возможность и поехать вместе со мной к нему в деревню. Прочтите, пожалуйста, это письмо; быть может, вы не откажете лорду Бенедикту в его настойчивой просьбе.

Мистер Тендль прочел письмо и весь зарделся от удовольствия.

— Я даже и не мечтал о счастье погостить у лорда Бенедикта, о котором столько слышал. Но я, право, не знаю, как мне быть с дядей, с конторой и с вещами. Я, пожалуй, приехал бы завтра.

— Это будет сложнее. Вы так обрадуете лорда Бенедикта, если приедете сегодня. У меня коляска, мы заедем к вашему дяде и к вам, и как раз успеем к поезду.

Мистеру Тендлю самому так захотелось поехать сегодня же, что Амедию не составило труда уговорить его окончательно. Через несколько минут молодые люди уже сидели в коляске и мчались к дяде Тендлю. Дядя и сам был польщен приглашением лорда Бенедикта, быстро были собраны необходимые вещи, и новые друзья примчались на вокзал в последнюю минуту. Благополучно добравшись до дома лорда Бенедикта, они были

встречены обаятельным хозяином, представившим Тендля своей семье. Очарованный красотой и любезностью Наль и дружелюбием Николая, Тендль сразу почувствовал себя, как дома. Он и не заметил, как пролетел вечер.

Сандра, уже окрепший, тоже спустился вниз и ещё больше улучшил настроение Тендля. Несколько побаиваясь учёности Николая и Флорентийца, Тендль вскоре забыл о робости и выказал себя не только культурным и образованным человеком, но и очень весёлым и остроумным собеседником. Когда расходились по комнатам. Флорентиец поручил Сандре завтра проводить гостя к озеру, а днём обещал сам показать Тендлю наиболее красивые окрестности.

Оставшись один с Наль и Николаем, Флорентиец сказал, что Алисе гораздо лучше, что дня через три она сможет сидеть в кровати и затем начнёт быстро поправляться. На удивлённые вопросы Наль он ответил, что, собственно говоря, болезнь Алисы нельзя рассматривать как обычную болезнь. Что у неё раздвоение сознания благодаря чрезвычайно сильному нервному шоку, который дал возможность её сознанию проникнуть в эфирные волны тех вибраций и той частоты колебаний, которые ей были недоступны в её здоровом физическом состоянии.

— Такие состояния могут быть губительными, даже смертельными. Человек, попадая в сферы высшей красоты, о которой он и не догадывался, живя на земле, не хочет возвращаться. Если же он вёл низменную жизнь, нервный шок такой силы может столкнуть его в сферу отвратительных низких вибраций. Возвращение грозит ему безумием или припадками какой-либо страшной болезни. А девочка Алиса возвращается к нам ещё более прекрасной, чем была. Та атмосфера, где жил её дух эти дни, — недостижимая для неё прежде, — будет теперь открыта для неё всегда. Она будет слышать её, общаться с теми, кого там узнала.

— Скажи, отец, что это происходит теперь со мной? Бывало, я и раньше так ясно видела дядю Али, даже как будто слышала его голос. Стоило мне усиленно подумать о нём, как он вставал передо мной в отдалении. Теперь же, когда я в одиночестве сидела у постели Алисы, я начинала видеть её так, словно бы она соткана из тончайшей светящейся паутины и высоко летает надо мной. Она была весёлой, радостной, смеялась и говорила: "Не бойся, Наль, я вернусь. Я могла бы уже вернуться, но мне так не хочется". Всё это, отец, я принимала за фантазию, за игру моего напуганного болезнью Алисы воображения. Но после услышанного сейчас мне начинает казаться, что это могло быть в действительности.

— Вне всякого сомнения, ты видела реальные факты, Наль. Но для того,

чтобы реальные факты миров, живущих по иным, чем земля, законам и с иными частотами волн были правильно восприняты земным человеком, нужен не только дар. Дар — как музыкальная одарённость — принадлежит избранныкам. Но нужна ещё такая чистота сердца, такое бесстрашие и бескорыстие, чтобы ничто не могло их нарушить и ничто из пролетающих мимо грязных токов и течений не могло зацепиться за человека. Во всех случаях, когда просыпаются сверхсознательные чувства, человек попадает в такие внешние обстоятельства, которые нужны ему, чтобы легче научиться овладеть ими. Очень часто тот, кто владеет возможностью через сознательное проникать в бессознательное творчество, не кажется людям ни возвышенным, ни слишком чистым, ни как-то особенно учёным. Словом, по мнению людей, не обладает никакими особенными качествами. Этим, друзья мои, вы никогда не смущайтесь. Убедитесь лишь в одном: если перед вами фантазёр или враль, или человек, лишённый здравого смысла, — таких людей никогда не выслушивайте и ничего от них не принимайте. Все их сны, рассказы об астральном или эфирном зрении, — всё это досужий вымысел от нечего делать. Ты уже убедилась, Наль, что в твоей жизни чудес нет, а есть только знание и труд. Обыватель счёл бы, что каждый из вас троих — ты, Левушка, Николай — уже несколько раз в своей короткой жизни был объектом чуда. На самом же деле кармические нити старших братьев, связанных с вами вековым трудом, несколько раз входили в земное взаимодействие с каждым. Потому что в вас уже созрело достаточное количество безоглядной верности, чтобы соединение с вами стало возможным.

Флорентиец простился со своими детьми, и вскоре весь дом заснул.

Прекрасное осеннее утро особенно ярко подчеркнуло красоты озера и водопада, и вконец очарованный мистер Тендль не находил слов, чтобы отблагодарить Сандру за эту утреннюю прогулку. Любя природу, Тендль оценил не только естественную её красоту, но и также такт, ум и художественный вкус, с которыми она была подана. Нигде не была нарушена гармония земли, и тем не менее всюду была видна рука человека, которая помогла ещё ярче выделиться природной красоте. Сначала беседа молодых людей вертелась около хозяина дома. Но постепенно Сандра, темпераменту которого непременно надо было излиться, рассказал спутнику о смерти пастора, о болезни Алисы и о самой Алисе. Не мог Сандра умолчать и о своей тоске по ушедшему другу, об огромном разочаровании в Дженни, так нравившейся ему когда-то.

При упоминании имени Дженни лицо Тендля стало скорбным. Даже что-то болезненное появилось в нём, и если бы Сандра не был так

поглощён своими излияниями, он непременно заметил бы перемену в своём приятеле.

— Ну, Сандра, не могу сказать, чтобы ты был любезным хозяином и привёл своего друга в весёлое расположение духа, — раздался внезапно голос Флорентийца. — А что, лорд Бенедикт?

— Да посмотри на нашего гостя внимательно. В твоём обществе он стал похож на рыцаря печального образа. Тебе не следовало так увлекательно рассказывать о своих горестях. Впечатлительная натура мистера Тендля слишком реагирует на твои речи. Не печальтесь, мистер Тендль, жизнь только внешне безжалостна к людям. На самом же деле все её действия несут в себе великий смысл доброты и мудрости. В каждом из нас живёт такая чрезмерная впечатлительность, которая делает нас оголётанными перед суровыми фактами жизни. А мы должны встречать их закалёнными, принимая как можно проще и легче.

— Да, лорд Бенедикт, совершенно не зная меня, вы угадали самую уязвимую черту моего характера. Я до такой степени впечатлителен, что иногда целыми неделями чувствую себя потерянным только из-за того, что кто-то сказал мне какие-то слова, не говоря уже о разочарованиях и несбывшихся надеждах. А уж почувствовать себя закалённым — этого ощущения я ещё не испытал ни разу. Я не хочу сказать, что не умел мужественно встречать удары судьбы, их выпало на мою долю немало. И мне каждый раз приходилось собирать всё своё мужество и волю, чтобы продолжать нормальную жизнь и не дать людям увидеть, как больно моему сердцу.

— Я догадываюсь, что один из таких тяжёлых периодов вы сейчас переживаете, мой дорогой мистер Тендль, — беря молодого человека под руку, сказал Флорентиец. — И если бы мой милый друг, — беря под локоть Сандру и улыбаясь ему, продолжал он, — был более внимателен к вам, чем к своим горестям, он не затронул бы ваших болезненных струн.

— Опять виноват, — прикивая к Флорентийцу, печально и по-детски произнёс Сандра. — Тысячи и тысячи раз ваше великодушие и снисходительность прощают меня. Всем сердцем желал бы я прожить хоть один день тактичным человеком. Но до сих пор не припоминаю ни одного такого случая.

Беседуя о попадавших им цветах, окультуренных из простых полевых, на что со свойственным ему одному тактом незаметно перевёл разговор лорд Бенедикт, трое спутников дошли до дома, где их ждал завтрак. Накормив гостя, хозяин дома, обещавший показать ему красоты парка, увёл Тендля на прогулку. Даже не заметив, как это случилось,

Тендль начал говорить о чтении завещания в доме пастора и о тяжёлых сценах, сопутствовавших ему. Наводимый вопросами Флорентийца и поощряемый его глубоким вниманием, юноша рассказал историю своего случайного знакомства с Дженни, — скачки, последующие встречи и увлечение ею. Тендль признался, что считал Дженни жертвой отцовской тирании, как это часто бывает в семьях больших учёных, которые погружены в науку и хотят проверить на живых людях свои научные тезисы, не считаясь с индивидуальностью человека. Флорентиец нарисовал ему истинный образ пастора, рассказал об их с Алисой жизни в собственном доме и — не касаясь Дженни — помог молодому человеку понять, как безобразна жизнь семьи, какое разлагающее влияние на старшую дочь оказывает пасторша.

— Вам казалось, что вы должны жениться на Дженни, чтобы спасти её. Но мне хотелось бы, чтобы вы поняли всю серьёзность этого шага. Нельзя жениться на ком-то, если не уверен, что этот кто-то действительно любит тебя. Все браки, которыми люди думают спасти того, кто их не любил или кого они сами недостаточно любили, кончаются крахом. Сам пастор, внутреннюю трагедию которого вы поняли, надеялся спасти свою жену, — и при всей возвышенности и силе своего характера, — не успел в этом.

— Мне, лорд Бенедикт, при моей повышенной чувствительности, при чрезмерной впечатлительности, отравляет существование даже не то, что Дженни жестоко меня оскорбила. Но ведь она, проводя со мной столько времени, ни разу не отказавшись ни от одного предложенного ей удовольствия, не поинтересовалась даже, кто я такой. Я, по глупости, вообразил, что девушка прежде всего ценила во мне человека, и даже гордился тем, что она не расспрашивает о моём социальном положении, считая это верхом деликатности. Конечно, можете себе представить, с каких небес я свалился, оглушённый выходкой мисс Уодсворд в день чтения завещания. И всё же, — как это ни дико — Дженни живёт в моём сердце. И боль в нём не уменьшается.

— Видите ли, в вашем сердце, так долго бывшем пустым, живёт наконец «ОНА», Она в кавычках. Позвольте ли мне задать вам несколько вопросов?

— Конечно, лорд Бенедикт, я без утайки отвечу вам. Я не боюсь правды, и это обстоятельство много раз не только выручало, но и спасало меня.

— Качество это очень редко встречается в людях, мистер Тендль. Оно очень ценно не только потому, что охраняет тебя самого от множества горестей, но и других защищает, помогая им уходить от тенет лжи. Но

чтобы это качество могло творчески помогать людям, нужно точно, бдительно распознавать, насколько отвечают истине твои собственные представления о делах и людях. Знали ли вы, что та ОНА, Та Дженни, о которой вы мечтали как о жертве тирании, зла, вспыльчива до порывов ярости и даже способна впадать в бешенство?

— Нет, лорд Бенедикт, мне даже в голову не приходило ничего подобного. Её нервность я объяснял неудовлетворённостью. Мне казалось, что умной женщине, которой отец запрещал учиться, было тесно в клетке будней. Я мечтал, что покажу Дженни мир в кругосветном путешествии и затем предоставлю ей возможность учиться и стать доктором.

Чуть заметная улыбка скользнула по лицу Флорентийца, когда он ответил Тендлю:

— Дженни охотно прокатилась бы по некоторым столицам, чтобы запастись нарядами. Хотя отсутствие у неё вкуса и чувства меры вы должны были заметить. Но Дженни поедет только туда, где обещан полный комфорт и можно выгодно продемонстрировать свою красоту. Там, где тропическая жара, пыль и всяческие неудобства, — туда Дженни не поедет. Природы она не любит, и жизни иной, кроме как в шумном городе, не признаёт. Ей не нужна семья, не нужен муж-друг. Ей требуется удобный муж, с состоянием и титулом, так как войти в высшее общество — мечта всей её жизни. Похожа ли эта Дженни на портрет, который вы себе нарисовали?

— Увы, каждому вашему слову я верю, лорд Бенедикт. И Дженни моих мечтаний вовсе не похожа на нарисованный вами портрет. Но от этого мне не легче.

— Правдивость поможет вам не только освободиться от иллюзии, которую вы себе создали. Она поможет вам защитить свою жизнь от лжи и зла, от трагедии раскола в семье и собственной душе. Сегодня мы не будем больше говорить о Дженни. Завтра вы увидите её сестру Алису, которая является точной копией отца и характером, и добротой, и умом. Вы сами поймёте, могут ли люди этого типа кого-то угнетать. Скажу только, что если через два дня не произойдёт ничего особенного, я вам расскажу многое о жизни вообще и о жизни Дженни в частности.

Как и предсказывал Флорентиец, в состоянии Алисы сразу наступило улучшение, и через два дня она уже спустилась вниз, похудевшая и побледневшая, но совершенно здоровая. Для мистера Тендля эти два дня мелькнули как один час. Он не мог себе представить, что когда-то жил на свете без лорда Бенедикта и его семьи. А когда был представлен Алисе, то встал перед нею молча, смущённый, взволнованный.

— Почему у вас такой несчастный вид, мистер Тендль? — спросил Мильдрей. — Мы привыкли, что возле мисс Алисы Уодсворд люди расцветают и улыбаются. И ваше смущение озадачивает не только меня, но и всех нас.

— Я смущён, потому что очень виноват перед вами, мисс Уодсворд. Я представлял вас человеком упорной давящей воли, тяжёлого характера. Теперь я вижу, как ошибался, Простите меня, я даю себе слово отныне не строить заочные портреты.

— Если вы разочаровались к лучшему, то за что же вас прощать? Я очень рада, если в вашем сердце неприязнь ко мне растаяла. Самое тяжёлое, мне кажется, носить в сердце каких-нибудь скорпионов. Возьмите от меня розу, быть может, мы ещё и подружимся.

— Ай да Алиса! Отец, это после болезни моя маленькая сестрёнка стала такой кокеткой.

— Что она стала кокеткой, Наль, это ещё полбеды. Но что она смутила нашего милого гостя, это уже действительно нехорошо. Изволь загладить своё неловкое кокетство и сыграй нам что-нибудь. Не только мы, но и рояль соскучился, — смеялся Флорентиец.

Алиса села за рояль и стала играть Шопена. Когда раздались звуки похоронного марша, Сандра еле сдержал рыдание. Лица же игравшей Алисы и сидевших рядом Флорентийца и Наль так поразили Тендля, что он не мог отделить их от музыки. Какая-то новая жизнь открывалась ему через этих людей. Он видел в них необычную мощь и высоту духа.

Весь вечер Тендль оставался под впечатлением трёх прекрасных лиц и того особенного выражения, которое он в них уловил. Ему казалось странным, что трагическая музыка вызвала на эти лица мощную радость, что-то очень светлое. Как же претворялась в этих сердцах смерть, если похоронный марш не печалил их? Тендль совсем ушёл в свои думы, и в себя его привёл только голос хозяина:

— Ну вот, мистер Тендль, завтра последний день вы с нами. Не проскучали ли вы здесь? Захотите ли приехать снова?

— Захочу ли я? Да я, как школьник, пребываю в отчаянии, что мне остался здесь только один день. Я всегда любил Лондон. Откуда бы я ни возвращался, — всегда еду, как на праздник. Сегодня же у меня такое чувство, точно всё во мне перевернуто вверх дном. Здесь теперь мой праздник, здесь нашёл я нечто новое, неожиданное, очаровательное, чего всю жизнь ждал. Конечно, многое из того, что говорю, вы можете отнести за счёт моей чрезмерной впечатлительности. Но мир в себе, какое-то новое спокойствие и принятие жизни — этого я не знал никогда. И всё родилось

здесь. Мне хочется благословить мой день, благословить добро и зло, с ним приходящее. Я думаю, что ответил на вопрос, захочу ли приехать к вам ещё раз. Но есть другой вопрос, — посмею ли? Я привык чувствовать и сознавать себя выше тех людей, среди которых мне приходится быть. Здесь же, в вашем доме, я ощущаю себя, точно неуверенный мальчик, мне кажется, вы все знаете нечто такое, о чём я и понятия не имею, несмотря на свои университеты.

На несколько минут воцарилось молчание, которое нарушил голос Флорентийца, на этот раз особенно мягкий.

— В жизни каждого наступают моменты, когда начинаешь по-иному оценивать факты. Все мы меняемся, если движемся вперёд. Но не тот факт важен, что мы меняемся, важно, КАК мы входим в изменяющее нас движение жизни. Если мы спокойно и не теряя самообладания встречаем то, что даёт нам день, мы можем услышать мудрость бьющего для нас часа жизни. Можем увидеть непрестанное движение вселенной, сознать себя её единицей и понимать, как глубоко мы связаны с её движением. Самая простая логика может дать нам понимание единения со всем живущим и трудящимся на общее благо. Ибо в жизни природы мы не видим ничего, что шло бы во вред этому общему благу. Если вам даже кажется иногда, что природа в своих катаклизмах погубила что-то, то это только от нашей привычки жить и мыслить предрассудками внешней справедливости. Великой Жизни, Её Вечному Движению нет дела до измышлений людей, до их справедливости. Жизнь движется по законам целесообразности и закономерности. И люди, живущие по этим законам, не ищут наград и похвал, не ждут личных почестей и славы, не развивают своей деятельности в отрыве от общей жизни вселенной.

Семья для них не буржуазное счастье, личные страсти или коммерческие соображения, это ячейка связанных идей сердец, верно следующих друг за другом. Таковую семью вы видите перед собой, и хотя большинство из нас никакими кровными узами не связано, — мы представляем собой одну дружную семью.

Тендль, как и все окружающие, не сводил глаз с прекрасного лица Флорентийца. Особенно влекло оно сегодня выражением милосердия. Каждый продумывал и переживал по-новому всё, что говорил хозяин. Сам же Тендль, который никогда не размышлял об этом, сидел точно зачарованный.

— Теперь вы понимаете, мой милый мистер Тендль, — снова заговорил Флорентиец, — что вопроса о том, смеете ли вы приехать к нам ещё, и быть не может. Если вас притягивает магия нашей общей любви, будем вас

ждать к концу следующей недели. И тем приятнее мне будет опять увидеть вас, нашего нового друга, что половина из нас скоро уедет. Планы наши были несколько иными, — обводя взглядом присутствующих и останавливаясь на побледневшем лице Сандры, продолжал он, — но ворвались бури зла, от него нам нужно сейчас отойти, воевать с ним будут наши друзья. Но вы не печальтесь, мистер Тендль, лорд Амедей и Сандра останутся здесь.

Сандра сдержал слёзы, но стоны сдержать не мог. Флорентиец положил ему руку на голову и продолжал:

— Кроме того, ещё до нашего отъезда сюда прибудет вызванное мною обаятельнейшее существо, огромных знаний, воли, доброты беспредельной и самоотверженной. Зовут его Ананда. Среди его талантов есть редкая музыкальность и голос, какой можно услышать только раз в жизни. Вы не будете одиноки. Амедей и Сандра будут жить в моём лондонском доме вместе с Анандой. Всё та же наша семья.

— Я только что было почувствовал себя утопленником, но вы бросили мне якорь спасения, лорд Бенедикт. Мои скудные познания научили меня только одному: не имея о чём-либо достаточных знаний, не отрицай того, что тебе об этом говорят. Но... чтобы кто-то мог сравниться с вами или заменить вас... — Тендль глубоко вздохнул, печально глядя на Флорентийца. — Во всяком случае, с самой глубокой благодарностью я принимаю ваше предложение. Не сомневаюсь, что Сандра и лорд Амедей примут меня в семью, куда вы меня рекомендовали.

Мильдрей встал со своего места и крепко пожал руку Тендлю.

— Мне очень хорошо знакомо одиночество и ещё больше я понимаю ваше мучительное чувство внезапно теряемого счастья, которое только что нашёл и начинаешь понимать. Но счастье знать лорда Бенедикта, его друзей и семью тем и отличается от всякого иного, что оно вечно. Обретённое однажды, оно не может быть потеряно, если человек сам хочет сохранить его в своём сердце. Где бы ни находился лорд Бенедикт, кому бы он ни поручил нас, мы будем чувствовать, что его мысль живёт рядом с нами, если только сохраним мужество и верность тем заветам, которые он нам дал. Будем же мужаться и стремиться стать лучше, чтобы дожидаться новой встречи с ним и его семьей.

Тронутый ласковой внимательностью Мильдрея, на которого он эти дни обращал так мало внимания, Тендль горячо ответил на его пожатие.

Сандра, ожидавший, что его возьмут в Америку, был совсем убит. Для него это было больше чем катастрофа, и он снова вспомнил слова лорда Бенедикта: "Ты будешь всю жизнь помнить, что был слабее женщины". Эти

слова он теперь вспоминал часто. Сейчас, сидя вместе со всеми, он никого и ничего не слышал, кроме этого. Припомнились ему ещё и слова Алисы о закрепощенном сердце, где живут скорпионы. Юноша чувствовал себя как-то двойственно. С одной стороны, разлука с Флорентийцем разрывала ему сердце и доводила почти до отчаяния. С другой, — он ощущал в себе какую-то силу и уверенность, что победит все препятствия, лишь бы сохранить любовь и дружбу своего великого покровителя и друга, единственного человека, которому он был предан безо всяких оговорок. Сандре ни на мгновение не пришла мысль спорить с Флорентийцем, молить его изменить своё решение. Он всё яснее понимал, что должен выбросить из сердца кусающих его скорпионов, освободиться от слабости, излишней чувствительности. Он сознавал, что всё это время он, Сандра, не рос духовно, тогда как его великий друг неизменно шёл вперёд.

И он понял, что если он хочет, чтобы расстояние между ним и Флорентийцем не увеличивалось, — он должен сам двигаться, а не стоять на месте. Чем яснее он начинал осознавать своё положение, тем всё справедливее казалось ему решение Флорентийца. Но... скорпион страдания всё так же жалил его сердце.

Сандра опомнился, когда прекрасная рука лорда Бенедикта опустилась на его плечо. Он поднял голову и, показалось ему, утонул в море любви, лившейся из глаз Флорентийца. Молча приник юноша к своему другу, ощущая, как всегда, радость. Молча он поклонился всем и вышел из комнаты. Вскоре все сердечно простились с Тендлем, хозяин ещё раз настойчиво повторил, что будет ждать его на следующей неделе, а Мильдрей обещал опять заехать за ним в контору. Тендль, предоставленный своим мыслям, отправился к себе. Он мало спал в эту ночь, заснув под самое утро и будучи разбуженным к первому лондонскому поезду. Он никак не ожидал увидеть в такой ранний час кого-нибудь, а потому, встретив в столовой самого хозяина, угостившего его завтраком, был столь же поражен, сколь и обрадован.

— Я обещал поговорить с вами о жизни вообще, мистер Тендль. и о жизни Дженни в частности. Судя по новым мыслям, которые висят на вас, подобно рою, о жизни вообще я сказал вам достаточно. О Дженни — должен предупредить вас о трёх вещах. Первое — она простить себе не может, что не разглядела и упустила подходящего жениха. Второе — она решила поправить дело, и призывное письмо давно ждет вас в конторе. Третье — она и мать желают судом оспорить завещание и вырвать Алису из моих рук.

Коротко скажу: после всего, что вы сейчас знаете, вы поймёте меня. Я

обещал пастору сделать всё для спасения Дженни от зла, которое она постоянно привлекает, пребывая в раздражении и впадая в бешенство. Я сделал всё, что мог. Дважды писал, раскрывая ей глаза на ту жизнь, что она себе сама создаёт. Я звал её приехать сюда и погостить у меня в те же самые дни, когда пригласил и вас. Я надеялся, — если бы добро перевесило в ней зло и Дженни хоть однажды проявила бы полную независимость от матери, которая соблазняет её блеском богатства, — я надеялся, что ваши с Дженни судьбы могут соединиться. Это не было бы счастьем для вас, но спасло бы её, так как все мои друзья и я сам помогали бы вам строить вашу семейную жизнь.

Дженни не приехала. Она бросила вызов судьбе, и нам с вами её не спасти. Вы сказали, что хотите стать членом моей семьи. Действительно ли вы этого хотите? Или мимолётное очарование уже исчезло?

— Напротив, лорд Бенедикт, за эту ночь исчезло чувство одиночества. Я надёжно пристал к берегу, и паруса моего брига готовы только к одному плаванию: под вашим руководством. Это по-английски: точно, серьёзно, неизменно.

— В таком случае, мистер Тендль, согласны ли вы, — усмехаясь образам англичанина, сказал Флорентиец, — выслушать приказания своего адмирала?

— О согласии и речи нет. ЕСТЬ принять приказание адмирала.

— До нашего нового свидания в четверг — три пункта послушания: 1. Ни под каким видом не встречаться с Дженни и не отвечать на её письмо, как бы это вам ни казалось грубым и невоспитанным. 2. Рассказать дяде всё пережитое здесь, хотя вы никогда не были с ним откровенны и вам это кажется странным. 3. Отнести письмо одному молодому человеку, переживающему сейчас большой материальный и духовный кризис. Повозиться с ним эти дни, если бы он даже показался вам трудным, и всё же помочь ему.

— И это все ваши приказания, адмирал? Да они так легки и просты, что только очень тупым солдатам могут казаться сложными. Судя по ним, я могу понять, что капитан я неважный. Но всё же ответить я могу одно: буду счастлив выполнить точно все приказания.

Что же касается молодого человека, — постараюсь отыскать его сегодня же. И если только осмелюсь допустить мысль, что данное мне поручение трудно, — разжалую себя в рядовые. Но надеюсь явиться в четверг в том же чине, ваша светлость.

— Я думаю, что подводные камни вам, Тендль, встретятся. И вы будете несколько раз вспоминать о данном сейчас слове нерушимого

послушания, — подавая Тендлю письмо и, провожая его к экипажу, сказал, прощаясь, Флорентиец.

— Если я буду вспоминать, то только для того, чтобы радоваться своему счастью и получше проверить свою честь, лорд Бенедикт.

Тендль сел в коляску, лошади тронулись, и вскоре коляска исчезла из глаз Флорентийца. Но он ещё долго стоял на крыльце, посылая вслед отъезжавшему своё благословение.

Глава 10

МИСТЕР ТЕНДЛЬ ДЕРЖИТ СЛОВО. ГЕНРИ ОБЕРСВОУД. ПРИЕЗД КАПИТАНА ДЖЕМСА

Никогда ещё не испытывал Тендль такого спокойствия и радости жить, как в этот понедельник, возвращаясь в Лондон. Всё казалось ему прекрасным, и он сознавал себя сильным и уверенным. Встреча с лордом Бенедиктом открывала ему новые горизонты и давала новое направление всей его жизни. Заехав на минуту домой, наскоро переодевшись, Тендль отправился в контору. Он застал дядю в сильном раздражении, до которого его довела пасторша, являвшаяся два раза подряд, желая видеть мистера Тендля, наконец, пробравшаяся в кабинет к старому адвокату, полагая, что тот прячет племянника. Пасторша пробовала начать одну из своих безобразных сцен, но адвокат так грозно приказал клерку немедленно вызвать констебля, что леди Катарина предпочла ретироваться.

Письмо Дженни посыльный принёс через четверть часа после отъезда Тендля с Амедеем. Прочтя его теперь, Тендль даже не вздохнул, а с жаром набросился на дела, сказав дяде, что должен ему поведать о своей жизни у лорда Бенедикта. Не привыкший к откровенности племянника, но очень любивший его, старик обрадовался. Оба уговорились, что вечером пообедают в клубе, где им никто не помешает. Не успел Тендль оглянуться, как уже было пять часов. Работавший хорошо, но без особого рвения, сегодня Тендль поражал своими темпами.

— Тебя, племянник, подменили у лорда Бенедикта. — Так точно, дядя, подменили. Я теперь капитан, и мне надо крепко держать руль.

Закрыв контору, оба отправились по своим делам, уговорившись встретиться в клубе в девять часов. Не заезжая домой, Тендль отправился по адресу, указанному на письме лорда Бенедикта. То была одна из второстепенных улиц Лондона, и мистер Тендль довольно долго катил в наёмном кэбе. Велев кучеру ждать, в лабиринте огромного и неудобного дома он разыскал адресата. На его стук дверь открыла маленькая, худенькая, прелестная и необычайно опрятная старушка. На её очень красивой голове аккуратно сидел белый накрахмаленный чепец, такой же, без пятнышка, передник закрывал её бедное платье, подштопанное, но безукоризненно чистое.

— Можно видеть мистера Генри Оберсвоуда? — спросил Тендль, входя

в комнату, бывшую чем-то средним между столовой и кухней.

— Генри дома, но он болен. В пути он так устал, что не мог даже подняться. Если вам необходимо его видеть, я скажу ему. А не то пожалуйста завтра, сэр.

Мистер Тендль стоял в нерешительности. Он перенёсся в дом лорда Бенедикта, вспомнил разговор с ним и ощутил определённую уверенность, что письмо следует передать именно сегодня.

— Если вы разрешите мне раздеться, миссис Оберсвоуд, я попытаюсь войти к вашему сыну. Постараюсь не расстроить его.

Старушка улыбнулась доброй улыбкой, лицо её расцвело и стало прекрасным, и она с удивлением сказала:

— Как же вы могли угадать, сэр, что я его мать? Я вас раньше никогда не видела.

— У меня, миссис Оберсвоуд, уже давно нет матери. Но я так хорошо запомнил, как проявляется материнская ласка и забота, что сразу угадал в вас мать мистера Генри, как только вы произнесли его имя.

Старушка рассмеялась, но тут же стала серьёзной и печально сказала:

— Вы вспомнили о матушке, сэр, которую потеряли, а я смеюсь. Вот как я легкомысленна. Но кто способен говорить о материнской любви таким образом, тот не может иметь недоброе сердце и причинить Генри зло. Боюсь, сэр, — вдруг перешла она на шёпот, — не случилось ли с ним чего. Он уезжал такой радостный, весёлый, уезжал надолго, а вернулся печальный, весь день молчит и стонет.

В глазах у старушки стояли слёзы. Она смотрела на гостя с таким доверием и такой надеждой, что в молодом человеке заговорило чувство опеки над слабейшим, и он весело ей сказал:

— Я привёз ему письмо от такого доброго и сильного волшебника, что все печали вашего сына развеются.

Сбросив плащ, мистер Тендль постучал в указанную ему дверь. Войдя в комнату, такую же чистую, как и первая, Тендль увидел в постели красивого юношу, очень худого, с больным и расстроенным лицом. Большие голубые глаза пристально и далеко не приветливо впились в лицо Тендля, а руки судорожно закрыли книгу, которую он, очевидно, читал. Не дожидаясь вопросов и ещё раз вспомнив слова лорда Бенедикта о трудном юноше, Тендль взял на себя инициативу.

— Я привёз вам, мистер Оберсвоуд, письмо. Разрешите не говорить, от кого оно. Я не сомневаюсь, что оно несёт вам не только удовольствие, но и большую радость. Если же, прочтя его, вы пожелаете со мной поговорить, — я к вашим услугам.

Тендль подал Генри оригинальный конверт Флорентийца, с его красивым, чётким почерком. Наблюдая за Генри, Тендль понял, что тот и не догадывается, от кого письмо. Медленно и равнодушно взломал Генри печать и принялся читать письмо.

С первых же строк с Генри произошла метаморфоза. Лицо его вспыхнуло ярким румянцем, бессильно лежавшее тело гибко выпрямилось, глаза впились в буквы с такой сосредоточенностью, точно кроме них ничего больше не существовало. Мистер Тендль с глубоким интересом наблюдал за своим новым знакомым. Тот, казалось, не только забыл о визитёре, но и вообще унёсся куда-то. По мере того как он читал, лицо его становилось бодрее и мужественнее. Уныние сменила улыбка, и Тендль удивился силе слов Флорентийца, преобразивших в несколько минут печальную развалину в здорового юношу. Дочитав письмо до конца, Генри принялся его перечитывать. Он точно выздоравливал на глазах Тендля и продолжал ещё расцветать, всё также не замечая своего гостя. Только прочтя письмо вторично, Генри отбросил светлые волосы с высокого своего лба и сияющими глазами посмотрел на него.

— Вы угадали, мистер Тендль, — как называет вас лорд Бенедикт. Ваша любезная услуга возродила меня. Я не только обрадован, я спасён. Лорд Бенедикт пишет, что вы и ещё один ваш друг захватите меня с собой к нему в деревню на следующей неделе. Как и где мне вас встретить?

— О, если вы позволите, мы ещё не раз увидимся с вами до четверга. Я мог бы завтра к двенадцати часам заехать за вами, и мы где-нибудь позавтракаем. Я вижу, что лорд Бенедикт великий волшебник и вылечил вас быстрее, чем Силоамская купель. И вы завтра вполне сможете выехать из дома.

Лицо Генри омрачилось, он несколько минут боролся с собой и наконец сказал:

— Я был бы счастлив поехать с вами завтра. Но я так нищ, так оборван после моего долгого путешествия, что даже не представляю, как бы я мог это сделать, не конфузя вас своим видом.

— Тем больше оснований нам встретиться завтра. Совершенно недопустимо, чтобы вы ехали к лорду Бенедикту, беспокоясь за свой внешний вид. Я убеждён, что если бы вы явились на его зов даже в лохмотьях, то и тогда бы этот человек судил о вас не по внешности, а по радости и поспешности, с которыми вы явились к нему. Но я понимаю и другое: к нему нужно прийти освобожденным от всех мелочей. Это нужно, чтобы взять как можно больше мудрости и уйти от него с новым пониманием жизни. Поэтому я предлагаю забыть о предрассудках и

согласиться на моё предложение. А предложение вот какое: до завтрака мы заедем к моему портному, и я насяду на него, чтобы в четверг к утру он вас бы экипировал в полной мере. Пусть засадит за работу всю мастерскую, но чтобы к моменту отъезда вы были одеты. Ни о чём не говорите. Жизнь редко предлагает счастье встречи с великим человеком, да ещё в его собственном доме. Надо сделать всё, как я уже сказал, чтобы приехать к лорду Бенедикту освобожденным от мелочей, в наибольшей творческой готовности.

Лицо Генри стало очень серьёзным, и он, пристально глядя в глаза мистера Тендля, спросил его:

— Вы хорошо знаете лорда Бенедикта? Я никогда его не видел, но много о нём слышал как о Флорентийце.

— Сказать, что лорд Бенедикт мне друг, — это утверждать, что Юпитер мне брат, — рассмеялся Тендль. — Между нами такая зияющая пропасть, которой мне никогда не перейти. Лорд Бенедикт мой адмирал, я простой капитан и жажду ему повиноваться.

Лицо Генри сделалось мрачнее тучи. Тендль, никак не ожидавший, что юноша может снова впасть в уныние, осёкся и с волнением спросил: — У вас что-нибудь болит, мистер Генри? — Нет, должно быть усталость разбила мои нервы, — раздражённо ответил Генри, судорожно хватая письмо Флорентийца. — Вы не обращайтесь внимания, это пройдёт.

— Что это пройдёт, мистер Генри, я не сомневаюсь. Но надо, чтобы это прошло как можно скорее. А потому я удаляюсь; боюсь, что я вас слишком утомил. До завтра, и прошу вас не заикаться о материальной стороне дела. Я всё беру на себя. Придёт время — мы с вами сочтёмся.

Генри сохранял надутый вид и довольно равнодушно простился с новым знакомцем. Выйдя в первую комнату, Тендль застал старушку за работой. Как он понял, она усердно штопала сыну костюм. Тендль присел подле неё и просто, как будто знал её всю жизнь, сказал:

— Миссис Оберсвоуд, я немножко доктор. Поэтому я понимаю, что вашего сына надо прежде всего хорошо покормить.

Вот здесь немного денег, которые я очень прошу принять. Мне дал их один человек и велел истратить на самое нужное и важное, что мне встретится в ближайшие три дня. Сегодняшний случай я считаю самым важным и даже священным.

— Нет, сэр, я хорошо знаю своего сына. Здесь дело не в еде и не в одежде, от которой у него осталось одно воспоминание. Конечно, и они — частичная причина, но не это главное. Где главное — я знаю. Генри очень горд и самолюбив. Он, верно, не сумел угодить синьору Ананде, который

взял его к себе. Это один очень, очень большой доктор. Когда Генри учился в университете в Вене, с ним там и познакомился. Синьор Ананда такой добрый и чудный. Он выписал меня в Вену, когда Генри заразился трупным ядом. Он лечил его вместе со своим дядей. Тот ростом поменьше и не так красив, но такой же важный синьор, а доктор даже ещё больше, чем сам синьор Ананда. Как-то в Вене я сидела у постели сына, он вошёл, поглядел на меня орлом, — ну, точно всё нутро у меня вычитал. Так я и присела от страха. Он же рассмеялся, погладил меня по голове, да и говорит:

"Что? Испугалась, дитя Божие? Живи без страха и сомнений. Сын твой будет жить. Но не один раз он будет возвращаться к тебе гол и бос, а также рассерженным на весь мир. Когда он в третий раз вернётся к тебе в таком состоянии и не найдёт руки великого друга, не сумеет уцепиться за неё, — пой ему Requiem. Сейчас же радуйся, люби, верь до конца моим словам и никогда ничего не бойся. Если может чистота матери защитить сына, то твоя защитит". И вот в третий раз возвращается Генри. А где же эта Великая Рука? Как её искать? — горько плакала старушка. — Уж не вы ли это, сэр?

— Это всё равно, как если вы спросили бы, не Моисей ли я, — рассмеялся Тендль. — Я не только не великая, я просто малая рука. Но что я привёз письмо вашему сыну от Великой Руки и повезу в четверг его к ней, — вот это верно.

— Значит, дядя Ананды сказал правду? Боже мой, хотя бы Генри смирился наконец. Он ведь чудный мальчик, только горд, ох как горд. И сын он нежный, а иной раз сколько горя принесёт сердцу! Не знаешь, как и подступить.

— Ничего, миссис Оберсвоуд, всё обойдётся. Покормите получше вашего сына, а о его костюмах, пальто, белье и шляпах я позабочусь сам. До завтра. Заеду в двенадцать часов.

Напутствуемый благословениями старушки, Тендль быстро спустился с лестницы, оставив позади мать Генри, которая отправилась за вкусным ужином для сына. Генри, слышавший приглушённые голоса в соседней комнате, нетерпеливо ждал, пока они смолкнут. Поняв по наступившей тишине, что гость и мать вышли, он снова принялся за чтение письма. Медленно, точно вживаясь в каждое слово, читал Генри драгоценные строки.

"Мой друг, Вам кажется, что в эту минуту нет никого несчастнее Вас. Но это именно кажется Вам, потому что мысль Ваша сосредоточена только на себе самом. Допустите, что волшебное зеркало показало мне всю Вашу жизнь, день за днём. И не такую, какой она кажется Вам сейчас, когда

многое уже забыто Вами, иное отошло, как несбывшиеся мечты, а третье умерло, потому что Вы поднялись выше, освободясь от предрассудков. И оно потеряло для Вас значение, как цель, которую перерос Ваш дух. Но такую, как шла Ваша жизнь в ряде будней, сжигая или создавая препятствия между Вами и окружающими, растя и возвышая Ваши честь и волю или вводя Вас в соблазн, зависть, бунт.

Что бы тогда должен был думать о Вас я — бесстрастный, сторонний наблюдатель, — зная Ананду и оценивая его труд и заботы о Вас. Ананда, в нашем кругу, — синоним рыцаря-защитника. Синоним доброты, дошедшей до полного божественного расцвета. Ананда — это мудрец; его мудрость не позволяет ему указывать рамки другому, ибо его собственная свобода, не зная рамок, привела его к полной мере сознания. Ананда — это принц среди простых смертных, сознающий себя в каждом и каждого в себе. У него нет иной цели в жизни, чем расстлать перед тобою ковёр-самолёт для скорейшего достижения совершенства.

Что же должен думать я о Вас, в третий раз свернувшем с пути этого человека? Правда, и Петр трижды отрекся от своего Учителя. Но он ВИДЕЛ, кто был перед ним. Он клялся в каменной верности ему, — и ДЕЛА Его жизни, вплоть до смерти, подтвердили её. Ваше же поведение, хотя каждый раз Вы возвращались разбитым той бурей, что сами вызвали, и каждый раз молили о прощении, не укрепляло Вас. Безмерная доброта Ананды развращала Вас. Со дна Вашей души поднимались змеи, жабы и филины слепивших Вас страстей. И Вы таили в сердце сомнения, неудовлетворённость, непримиримость и неустойчивость.

Зачем я говорю Вам всё это? Вам, слепцу, не видевшему солнца, в орбите которого Вы вращались. Затем, что милосердие не знает требовательности, не знает и взысканий, как кажется Вам сейчас. Оно знает только закон пощады и радость помощи. Соберите растерянную энергию. Сосредоточьте внимание на текущем мгновении. Оставьте бесплодное раскаяние, перестаньте быть мальчиком-фанфароном, становитесь мужчиной. Не спрашивая Вас ни о чём, я протягиваю Вам мои дружеские руки. Берите их и верьте не в чудеса вне Вас, а в чудо живущей в Вас любви, притягивающей огонь чистого сердца встречного.

Мужайтесь. Создайте себе с моею помощью, новый ковёр-самолёт, который мог бы вновь доставить Вас к Ананде. Я протягиваю Вам мои руки над той пропастью, что Вы сами вырыли себе. Но если и в этот раз моя верность не научит Вас следовать своей верностью за нами, — Ваш путь света оборвется на века и века. Приезжайте ко мне с моими друзьями. Положитесь во всём на подателя этого письма. Это человек большого

здорового смысла. Набирайтесь сил и приезжайте с мистером Тендлем и его другом, с которым он Вас познакомит.

Передайте мой привет Вашей матушке и скажите ей, что она непременно ещё раз увидит Ананду, о котором усердно и благодарно молится. Кстати, примите непрощенный совет: берегите мать, — в ней залог Вашего будущего внешнего благополучия, которое так тревожит Вас. Я Вас жду. Флорентиец".

Прочтя письмо в третий раз. Генри прижал его к губам. Глаза его, полные слёз, смотрели куда-то вдаль с детским выражением доверия и счастья. Это был совсем не тот Генри, которого покинул Тендль. Это был, вероятно, тот прекрасный и любящий сын, о котором говорила его мать. Никакой гордости и себялюбия не было сейчас на этом страдающем лице. Генри думал о Флорентийце, о протянутых ему могучих руках, сумеет ли он ухватиться за них, и сердце его было полно и тревоги, и восторга, и радости.

Но как мог даже такой великан духа, как Флорентиец, с такой точностью увидеть все рвы и пропасти, в которые срывался Генри? Этого он понять не мог. Его гордость, постоянно протестующая против добровольно данного им обета послушания, сейчас утихла. Всего час назад он видел англичанина, которому обет этот казался приятным и радостным долгом любви и чести по отношению к тому, кто был ему дорог. В голове Генри замелькали вереницы картин его жизни, одна за другой. Чарующий образ Ананды теперь, издали, казался ещё прекраснее. И Генри снова терял мужество и плакал, сознавая, что он потерял и как невозвратно потерянное.

В соседней комнате послышался лёгкий шум. Генри узнал шаги матери. Сколько горя и забот доставил он этой чудесной и чистой душе. Из последних сил, продавая свои ценности, переселяясь всё выше и выше в домах для бедноты, мать воспитывала сына в лучшей школе. Когда Генри узнал о знаменитых венских профессорах и робко высказал желание туда поехать, — мать подала ему на следующее утро пачку денег, сказав, что то её последние серьги и кольца. Смущённый Генри, колебавшийся между желанием учиться в Вене и остаться работать в Лондоне, чтобы поддержать мать, был поражен, когда она ему сказала:

— Ты, Генри, обо мне не думай. У нас с тобой дороги разные. Ты был дан мне на хранение, и я честно выполнила свой долг перед жизнью. Я исполняю его и теперь. Всё, что могла, я для тебя сделала. Теперь ты образованный человек. Тебе не хватает только усовершенствоваться. Поезжай. Тут моя совесть чиста и спокойна. В чём я действительно

виновата перед жизнью, так это в твоей невыдержанности. Я должна была научить тебя самообладанию. И не сумела. И ты выходишь в жизнь, не умея владеть собою. Вот за это люди и будут осуждать меня.

Генри вспоминал, как слёзы покатались по щекам матери, как она их моментально смахнула и улыбнулась ему.

— Ничего, сынок, пусть твои невзгоды упадут на мою голову. Ты помни только, что гордость и заносчивость редко идут рядом с настоящим умом и талантом. Умный и по-настоящему талантливый человек всегда скромн.

Так ярко вспомнилась Генри эта сцена. Мать его тогда была совсем молодой, со светлыми пепельными волосами. А теперь её голова седа, весёлый смех почти не слышен, движения стали медленнее. И состарилась она именно в эти годы, когда Генри возвращался домой, поссорившись со своим другом и Учителем. Но никогда ещё не видел он мать такой убитой, как на этот раз. Всегда бодрая и ободрявшая его, в этот раз, увидев его оборванным и голодным... И Генри не мог толком понять, что же потрясло его больше: разрыв с Анандой или тот ужас, который прочел он на лице матери. Теперь и то и другое не давало ему покоя. Слова Флорентийца: "Берегите мать", очень чувствительно задело его. Он должен был сказать себе, что только теоретически берёт мать. А вообще же был сух и стеснялся показать, как сильно он её любит. Он, конечно, всегда был эгоистичен. В редкие, особенно счастливые моменты мира с самим собой Генри ласково делился с матерью какими-нибудь впечатлениями. Обычно же, возвращаясь домой, он садился за стол, ел и пил, не поинтересовавшись, откуда у неё деньги, шёл в свою комнату или вновь уходил из дома, не посвящая мать в свои дела, но зато очень аккуратно возвращался к ужину.

Генри вспомнил, что иначе, чем за иглой или какой-нибудь другой работой своей матери он не видел. Он знал, что только её талант к шитью и рисованию по фарфору давали ему возможность жить и учиться, но никогда не задумывался об этом. Флорентиец разбудил в нём раскаяние. Он по-новому увидел своё поведение, и краска залила его лицо. Тут в дверь слегка постучали, и мать внесла большой поднос со всякими вкусными вещами. Лицо её перестало быть страдальческим, на нём опять сияла её обычная добрая улыбка и движения её стали гораздо увереннее. Генри облегчённо вздохнул. Его очень подавляла растерянность матери, её страх, о котором она молчала, но который сквозил во всём. Всегда бесстрашная, не боявшаяся ничего — она упала в обморок, увидев Генри в облике бродяги.

— Кушай, мой мальчик. Тебе надо скорее поправиться, чтобы ехать к Великой Руке, твоему спасителю.

Она поправила ему подушку, Генри взял её ещё красивую, но загрубевшую от работы руку, как делал это в далёком-далёком детстве, и приник к ней щекой. — О чём вы говорите, мама, какая великая рука? — А разве ты не получил письма?

— Я получил письмо от Флорентийца, которого зовут здесь почему-то лордом Бенедиктом. Он действительно великий человек. Но почему вы его так странно называете, и кто вам сказал, что он прислал мне письмо?

— Если ты будешь кушать, мальчик, я тебе расскажу кое-что, чего не говорила раньше.

Заставив Генри поесть, миссис Оберсвоуд села рядом и рассказала сыну о своей встрече с дядей Ананды. Рассказ этот произвёл на Генри такое сильное впечатление, что мать не на шутку испугалась.

— Боже мой, мама, почему же вы раньше не сказали мне об этом? Может статься, что третьего раза и не было бы.

— Видишь ли, мой родной сыночек, сколько бы я тебе ни говорила, как бы тебя ни охраняла, что значит моя любовь рядом с синьором Анандой? Ведь он если не святой, то, во всяком случае, уж такой мудрец, перед которым и свечи сами зажгутся. Как же не зажечься сердцу человека от его любви? Но твоё сердце, Генри, особенное. В нём не то что каприз живёт. Но оно светится и гаснет, потом светится вновь, а устойчивого огня в нём нет. Гордость мешает тебе думать сначала о ком бы то ни было, а потом только о себе. Если ты мечтаешь стать великим доктором, то хочешь непременно быть знаменитым и чтимым за то, что спасаешь людей. Если хочешь учиться и стать мудрецом, то таким, чтобы твоя мудрость на полмира звенела. Если жаждешь новых знаний, тебе неведомых, то начинаешь с критики своих учителей, оспариваешь их распоряжения, не зная толком, зачем они. С самого детства всё это я тебе растолковывала, дорогой мой, любимый мальчик. Но не умела разъяснить, что без спокойствия и самообладания нельзя понять, что делается вокруг и в тебе самом. Быть может, Великая Рука теперь научит тебя своим примером?

— Ах, мама, мама, если бы я раньше увидел и понял вашу жизнь, мне не нужно было бы ходить куда-нибудь за живым примером мудрой чистой жизни.

— Ну что теперь, сынок, оглядываться назад. Я отчаивалась, пока у меня не было надежды на твою встречу с Великой Рукой. А сейчас вижу, как была неправа. Милосердие великих людей не похоже на наше. Если дядя Ананды сказал тогда, что тебя спасёт Великая Рука, — мне следовало знать, что так оно и будет, что придёт помощь. А я поддалась страху, чуть совсем не пала духом. Какой же я тебе пример? Ах, Боже мой, заговорились

мы с тобой. Шоколад-то остыл, пудинг едва тёплый, а ты всё такой же голодный.

Подогрев ужин и накормив сына, старушка ещё долго сидела подле него, слушая рассказ о его жизни у Ананды.

Никогда прежде не посвящавший мать в свою интимную жизнь, Генри сейчас излил всю душу, не утаив самых тяжких воспоминаний и переживаний. Начав с первых дней знакомства — совершенно случайного — с Анандой, Генри закончил своим крушением в Константинополе. Так, сидя однажды в дешёвом венском кафе с товарищем, он вдруг услышал голос необычайного, металлического тембра, обращенный к его соседу:

— Марко, как ты сюда забрался?

От неожиданности оба студента, погруженные в какой-то научный разговор, вздрогнули. И вдруг Марко весь расцвёл, забыл обо всём на свете и выскочил на улицу к смотревшему на них сквозь искусственную зелень незнакомцу. Вернувшись с ним к столику, Марко назвал его Анандой и представил Генри.

— Вы не сердитесь, что я прервал ваш разговор? — спросил Ананда, глаза которого — огромные, тёмные — так блестели, что казались Генри золотыми и чрезвычайно поразили его. — Сердился минуту назад, но сейчас в восторге. — Вот как, вы легко переходите от одного настроения к другому? И ваши мнения меняются так же быстро?

— Мои мнения и настроения, и вообще весь я, действительно неустойчивы. Но в своё оправдание могу сказать, что не встретил ещё в жизни ничего такого, что могло бы захватить меня целиком. Хотя если бы я знал, что могу разделить ваши интересы, я бы вовеки не отошёл ни от них, ни от вас. Вот я вижу вас первый раз в жизни, но уверен, что вы живёте не так и не тем, чем живут другие, — совершенно неожиданно для самого себя сказал обычно молчаливый и необщительный Генри.

Марко посмотрел на Генри во все глаза, рассмеялся и сказал Ананде:

— Ну, разве я не прав, Ананда, называя вас блуждающей кометой, изменяющей орбиты людей? Этот молчаливый британец, считающий себя — хоть и не совсем безосновательно — талантливей и умней всех, позволяющий себе разговаривать с людьми без должного уважения, вдруг разразился объяснением в любви! Но только, милый мой Генри, перед вами не немецкий профессор, с его строгими методиками, дотошностью и аккуратностью. Имеете память и прилежание — пожалуйста в ученики. Ананда — Учитель жизни. Чтобы за ним следовать, надо подыматься по ступеням духовного развития, а не интересоваться лишь одной наукой да мечтать, какое место вы займёте среди синклита мировых знаменитостей.

Уязвленный в самое чувствительное место, Генри — тот Генри, который ещё не видал Ананды, — вспыхнул бы, наговорил грубостей и рассорился навек. Теперь же, под пристальным взглядом нового знакомого, ласковым и успокаивающим, он с чувством сказал:

— Вы глубоко правы. Марко. Я совершенно не достоин быть другом или, как вы выразились, учеником сэра Ананды. Но, в свою очередь, не могу понять вас: как можете вы спокойно ходить на венский медицинский факультет, если знаете, что на свете есть Учитель жизни, что можно его найти и за ним следовать?

— Кто вам сказал, что я сижу только в душной лягушачьей немецкой науке и не следую за Анандой? Чтобы делать выводы и заключения, надо хотя бы знать логические связи между всеми предпосылками и посылками. А вы, не зная меня до этого мгновения, ведь интересовались вы всегда лишь моей библиотекой, мною же — как бесплатным к ней приложением, вы позволяете себе делать неуклюжие выводы. Да и какой вам Ананда «сэр»? Вы воображаете, что выше вашей Англии ничего на свете нет. Марко пылал. Стрела Генри попала в цель. — Будет вам спорить о несущественном, дети. Ты, Марко, виноват больше. Уже скоро три года, как ты дружишь со мной. И обещал мне, что твой бурный итальянский темперамент будет к этому времени усмирён. Но я вижу, что по-прежнему сначала говорит твой язык, а уж потом думает голова.

— Нет, нет, Ананда, мой дорогой и светлый гений, — печально ответил Марко, — Я отлично знаю, что не должен был раздражаться. Генри ведь не понимает, что пронзил меня.

— Если бы и понимал, всё равно виноват ты, ведь ты поймал его стрелу. Но оставим пока этот разговор. Запомни только: никогда не проси у жизни того, к чему не чувствуешь себя совершенно готовым. Если что-то тебе не даётся — не настаивай. Жди, мужайся, воспитывай самообладание. И только тогда вступай, на манящую тебя дорогу, когда почувствуешь в себе умение и силу владеть собой. Что же касается вас, мой новый друг, то если вам захочется. Марко привезёт вас ко мне завтра вечером. Я живу в окрестностях Вены, недалеко от города, и сообщение хорошее. Приезжайте отдохнуть и подышать отличным воздухом. А сейчас я похищаю у вас Марко. Не сердитесь и постарайтесь сохранить ваше доброжелательное настроение до завтра, — прибавил Ананда, пожимая руку Генри.

Такой руки ещё не приходилось Генри держать в своей. Узкая, мягкая и сильная, довольно большая, но такая пропорциональная, артистическая рука Ананды овладела, казалось Генри, всем его существом.

— Итак, до завтра. Я вижу, что вы приедете. Но уговор: ни разу не

раздражаться до завтра.

— Ну как я могу сердиться на Марко, если он познакомил меня с вами? всю жизнь я должен быть ему благодарен за это счастье, — снова неожиданно для самого себя сказал Генри. Ему показалось, что Ананда на миг как бы задумался и, улыбнувшись, сказал:

— Как трудно бывает человеку разобраться в самом себе и понять, где у него действительное желание, а где — его иллюзия.

Приподняв на прощание элегантным жестом шляпу, Ананда пошёл к выходу, увлекая за собой Марко...

Как ярко вспомнились Генри эти первые мгновения знакомства с Анандой. Какое-то новое чувство любви, дотоле ему совсем неизвестное, пробудилось в нём. Он едва дождался встречи с Марко. Он надел свой лучший костюм, тщательно выбирал галстук и расчёсывал волосы. Генри ещё ни разу не ходил на свидание и никогда не интересовался своей внешностью, а теперь вот стоял перед зеркалом и старался понять, красив ли он. Впиваясь в зеркало, он вспоминал блестящие, как звёзды, глаза нового знакомого. Вспоминал его мощную, высокую и стройную фигуру, элегантную, лёгкую походку и манеры герцога, — и казался себе заморышем, сереньким, невзрачным человечком. Генри чуть было не впал в мрачность и хотел уже сбросить свой новый костюм и остаться дома. Но очарованность, любопытство к какой-то иной, неизвестной ему, высшей душе и жизни заставили победить раздражение и поспешить в университет. И когда он, наконец, очутился перед Анандой посреди прелестного сада, то не видел никого и ничего, кроме хозяина.

— Пожалуйста, Ананда, уймите этот Везувий из Лондона. Это какой-то сумасшедший. Я знал его два года как чистейших кровей британца, и вдруг — нате, подменили парня, — разводил руками Марко. — А вы велите мне овладеть своим темпераментом. Мой-то хоть неаполитанский, им и овладеть можно. Но когда Везувий извергает лаву в Лондоне... Этот номер посерьёзнее будет.

С несвойственным ему добродушием выслушал Генри насмешки приятеля, а Ананда, взяв обоих юношей под руки, увёл их в глубину сада, где на искусственном холме возвышалась беседка. Открывавшийся из неё вид на окрестности изумил и пленил Генри, почти никогда не покидавшего города.

— Вы мало знаете и мало любите природу? — спросил Ананда.

— До сих пор я думал, что мало. Теперь полагаю, что мог бы её очень любить, если бы знал.

— Сомневаюсь, чтобы человек любил лишь то, что он знает как факт.

Любовь живёт в человеке и заставляет его ценить не только то, что он знает, потому что видит. Она постоянно ведёт его вперёд, заставляя искать себе применение. Если человек говорит, что любит науку, а не людей, для которых он ищет знания, не видит в них высшей цели своей науки, — он только её гробокопатель. Если идти по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех, кто сопровождает тебя, — не дойдёшь до тех высших путей, по которым идут великие люди.

Долго побыли Генри с Марко у Ананды. Приезжали к нему ещё люди, самых разных возрастов и положения. Приходили бедняки, и со всеми одинаков был Ананда: все уходили утешенными, ободрёнными, успокоенными. Но о себе Генри этого сказать не мог. В нём росло чувство неудовлетворённости, горечи, какого-то недоумения. Почему же он, Генри, чувствует себя чужим, тогда как всем так хорошо здесь? И, вместе с тем. Генри даже представить себе не мог, чтобы жить дальше, не имея возможности заглянуть в этот чудный уголок, увидеть Ананду. Всё, что говорил и делал Ананда, всё казалось ему необыкновенным. Ананда же, казалось, забыл о Генри после первых сказанных ему слов. И только прощаясь, он посмотрел пристально ему в глаза и сказал, смеясь:

— У вас сейчас такое лицо, точно я приговорил вас к посту и воздержанию. Вам, вероятно, не захочется больше навестить меня?

Генри испугался. Он подумал, что Ананда в вежливой форме давал ему понять, что дальнейшее с ним знакомство невозможно. Точно прочитав его мысли, Ананда ласково добавил:

— Мой дом открыт для всех. Я буду рад видеть вас среди моих гостей. Этот дом — только временное моё пристанище. Настоящий же далеко отсюда. Но я бы не советовал вам спешить узнать мой настоящий дом. Торопясь, люди часто слишком многого ждут и от самих себя, и от тех, в ком ищут для себя идеальных руководителей. Не торопитесь. Ждите зова той любви, о которой я говорил сегодня. Этот зов вы услышите, когда станете любить людей. Марко скажет вам, когда можно будет сюда приехать ещё, если, как я читаю на вашем лице, вы так опечалены разлукой.

— О, если бы вы знали, как теперь невозможно для меня жить без вас. Даже один день без вас невозможно и невыносимо прожить.

— Ну вот, я говорил, что английский Везувий — это чистое наказание, — смеялся Марко.

— Это нехорошо, Генри, — сказал Ананда, кладя ему руку на плечо. — Я не кудесник, а такой же человек, как вы. Но тот, кто не может и дня прожить в разлуке даже с самым очаровательным кудесником, — тот

слишком слаб, чтобы идти дорогой свободных. Он раб своих желаний и не найдёт точек соприкосновения с теми, кто освободился от них. Будьте сильным и работайте вдвое прилежнее, всё время думая о людях, которых будете спасать своей наукой, а не об удовольствии общения со мной.

Так окончилось первое свидание Генри с пленившим его Анандой. Дальше Генри рассказал матери, как постепенно открылся для него новый мир, как он начал по-иному понимать смысл жизни. Чего Генри долго понять не мог, так это полнейшего отсутствия чего-либо личного в самом Ананде. Привыкший ставить себя в центр Вселенной, Генри никак не мог осмыслить жизни, в которой не было личного. И Ананда, видя его тщетные усилия, сказал ему однажды:

— Друг мой, послушайтесь моего совета. Оставьте пока мечту следовать за мной и жить моими принципами. Нельзя приказать себе идти путём вдохновения. Можно только увлечься, загореться любовью к людям и состраданием к ним. И видеть радость не в том, чтобы подражать кому-то, кого любишь, а в том, чтобы жить по своей собственной инициативе, на собственный манер, но свободно и любовно, и тогда вы непременно встретитесь в делах и действиях дня с тем, кого сочтёте себе примером и кто — на свой лад — идёт, любя и сострадая. Соберите весь свой характер и волю, которыми гордитесь как самоцелью, переключите их на умение жить легко, просто, любовно принимая все жизненные обстоятельства. Поверьте, что это единственный путь, идя которым можно приблизиться ко мне. У человека нет другой возможности стать выше толпы, чем труд каждого дня.

Но Генри не внимал ничему. Он так впился в Ананду, что все его мысли, вся жизнь сконцентрировались на новом друге. Неотступными мольбами он выпросил у Ананды согласие взять его, в числе немногих, с собою в Венгрию, куда тот уезжал через несколько месяцев. Не сразу согласился Ананда и поставил перед Генри ряд условий, главными из которых были приветливость, затем доброжелательность к окружающим, изысканная вежливость и полная правдивость во всём, Генри должен был остаться в Вене один, пока Ананда уезжал по другим делам, а потом поехать с ним в Венгрию. Для Генри, надеявшегося, что Ананда возьмёт его с собой, как Марко, было убийственным ударом остаться в Вене одному. Но здесь уж никакие мольбы не помогли. Ананда очень строго дал Генри понять, что люди, не имеющие даже капли духовной силы и выдержки, чтобы вынести кратковременную разлуку, не выдержат жизни рядом с ним.

Генри пришлось остаться, и одиночество его с отъездом Марко стало ещё тяжелее. Но мало-помалу он стал обретать равновесие. Трудно

давалось Генри самое элементарное внешнее воспитание. Он отлично знал, как надо вести себя с товарищами. Но не желал ни с кем дружить, считая себя выше всех. Простая приветливость и любезность, так сильно очаровавшие его в Ананде, не давались ему. Внешне он так и оставался угрюмым дичком. Наконец, он получил известие, что Ананда возвращается. Рад был Генри ужасно и оттого впал в необычную для себя рассеянность. Чтобы сократить время ожидания, он отправился в анатомический кабинет и, к ужасу профессора и товарищей, поранил себе руку. Несмотря на все тут же принятые меры, к вечеру у Генри поднялся сильный жар, а утром он уже никого не узнавал и даже не подозревал, что подле него сидит Ананда, ворвавшийся к нему как буря. Это и было то время, когда мать приезжала к нему в Вену. Долго возились с Генри и сам Ананда, и его дядя, и ещё какие-то люди, из которых он запомнил только Марко, пока Генри не был окончательно вырван из когтей смерти.

Болезнь произвела в его душе переворот, но вовсе не тот, на который надеялся Ананда. Он не стал мягче к людям, он только сделался тенью Ананды и преданность его не имела границ. Но была она ревнива, жадна, завистлива к каждому ласковому слову Ананды, подаренному другим.

— Вероятно, несносна ревнивая и тупая женщина. Ещё несноснее умная, потому что у неё нет привилегии глупой. Но ревнивый ученик — посмешище для всех. И если ты, Генри, в сближении со мною не видишь ничего, кроме личной дружбы, — нам с тобой не по дороге. Повторяю: ты не готов в путь со мною. Всё, чего я и не замечу, — для тебя будет не только препятствием, но и трагедией. Ты настаиваешь, и сам видишь, как смешно выпячиваются твои свойства среди окружающих меня свободных людей. Нужно только любить. Так любить, чтобы победа над той или иной страстью пришла не от ума, а оттого, что сердце раскрылось. Ты же, в жажде чего-то высшего, всё время путаешь понятия обыватель и мудрец. Не тот мудрец, кто сумел однажды совершить великий подвиг. А тот, кто понял, что его собственный трудовой день и есть самое великое, что дала человеку жизнь.

Сколько дней ты потерял в мечтах о моём возвращении. Разве ты работал для общего блага, когда плакал, раздражался и думал о своей персоне? Чего ты ждал? В пустоте проходил день за днём, не внося ничего в общую жизнь людей. Ты знаешь, что цель моей жизни счастье и мир людей. Что ты сделал, чтобы следовать за мной по этому великому пути? Или все твои слова — это бред вроде клятв раздражительной и нервной бабёнки? Обдумай ещё и ещё раз всё, что я тебе сказал, и приведи себя в равновесие. Если ты на это не способен, со мною ехать не можешь. Я

всегда предоставляю человеку полную свободу действий. Всегда хочу, чтобы он не был стеснён узкими рамками жёсткого послушания. Но тебе мой метод воспитания не подходит. Тебе нужны железные рамки, иные — не менее милосердные, но иные руки. Жди, работай, а я о тебе не забуду, ты встретишь эти руки.

Однако мольбы Генри были так раздирающи, слёзы так невыносимы, что Ананда согласился взять его с собой, но когда он велел Генри собираться, лицо его было печально. В Венгрии, в прекрасном старинном доме, принадлежавшем дяде Ананды и более похожем на замок, Генри и те немногие, что приехали с Анандой, были размещены в отдельном крыле, далеко от центральной части дома, где жили Ананда и его дядя. Это сразу не понравилось Генри, надевавшемуся, что он будет неразлучен со своим другом и Учителем. Скрепя сердце подчинился он строгому режиму жизни, ожидая, что вот, наконец, увидится с Анандой. Но Ананда был недостижим. И Генри всё слонялся без дела, хотя отлично видел, что остальные заняты целыми днями, пользуясь прекрасной библиотекой, находившейся в их крыле. Наскучив, наконец, бездельем. Генри взял свою работу и отправился в библиотеку, совершенно уверенный, что по своей специальности, которая была из тончайшей отрасли медицины, книг не найдёт. Каково же было его изумление, когда он нашел такие драгоценные материалы, о которых ему только приходилось слышать. С этого дня, увлекшись работой. Генри перестал чувствовать себя несчастным. С него точно свалился какой-то груз, он стал внимательно присматриваться к окружающим. Ему казалось странным, что его никто не трогал, пока он уныло и капризно молчал. Когда же теперь он обратился с вопросами к соседям — ему ответили очень ласково. Соседом по трапезам, слева, оказался совсем молодой человек, француз, ботаник. Несмотря на молодость, он проявил в беседе очень большую эрудицию не только в своей области, но и по части мозговых заболеваний, над которыми работал Генри, считая себя здесь гением. Молодые люди разговорились и пошли вместе в парк собирать лечебные травы. Спутника Генри звали де-Сануар. Казавшийся юношей, он продолжал поражать Генри своими знаниями. Как будто не было предмета, которого он не знал, не было народа, чья жизнь была бы ему неизвестна.

— Когда же вы успели объездить весь свет? — воскликнул удивлённый Генри.

— Я уже дважды совершил кругосветное путешествие и собираюсь пуститься в третье, если Ананда даст разрешение. — Да разве вы ездили или поедете на средства Ананды? — Нет, конечно. Но вопрос ваш — вопрос обывателя, которому не ясны ни цель, ни смысл его жизни. Я же

стараюсь жить по тем законам любви и чести, которые могут привести меня к преддверию ученичества у Ананды. Давно присматриваюсь к вам и не могу понять, почему вы оказались здесь, среди нас. Сейчас мне это стало ясно.

— Что же вам стало ясно, господин де-Сануар? — впадая в прежнюю заносчивость, высокомерно и раздражённо спросил Генри.

— Видите ли, каждый человек определяет себе путь сам. И когда глаз привыкает различать типы людей, сразу понимаешь, по какому пути идёт человек, в каком луче его преобладающие свойства. Вы, по-моему, попали сюда по недоразумению. Вам надо бы в оранжевый луч попасть, а вы пребываете в фиолетовых красках, которых у вас всего меньше. Вряд ли вам понятно, о чём я говорю. Но как как мне никто вас не поручал, то говорить яснее я не могу. Не думайте, что у нас здесь какие-то тайны. Просто мы имеем мужество молчать о делах, которые являются великой честью и радостью. Но я слышу гонг, призывающий нас к ужину, а мы далеко зашли. Поспешим, здесь неудобно опаздывать к столу. — Да ведь это чуть ли не казарменная дисциплина! — О нет, что вы! Здесь полнейшая свобода. И вы можете заставить ждать себя с ужином или фонарём у подъезда хоть всю ночь, вас никто и не подумает упрекнуть, так велико здесь уважение и доверие к человеку. Но именно это-то и заставляет уважать порядок и покой хозяев и слуг, относящихся к нам с такой радостной любовью.

Генри молча шёл за своим новым знакомым по узенькой тропке. Красота природы, прелестные, внезапно открывавшиеся виды мало его трогали. Он думал теперь о людях, с которыми сейчас встретится за столом.

— А скажите пожалуйста... — Генри вдруг запнулся, не зная, как принято обращаться во Франции к малознакомым людям.

— Меня зовут Поль, если вы не хотите называть меня по фамилии, — как бы угадав причину заминки, сказал де-Сануар. — Мы можем просто называть друг друга по именам. Здесь почти все встретились впервые, но чувствуют себя настолько близкими, связанными одними и теми же идеями и стремлениями, что интимное имя звучит кстати.

— Удивительно, как вы сразу сообразили, что именно меня остановило. Не можете ли вы мне сказать, Поль, кто все эти люди, которых привёз Ананда, а также те, кого мы здесь уже застали? Меня зовут Генри, если вы желаете называть меня по имени.

Весело рассмеявшись, Поль ответил:

— Прежде всего. Генри, я очень рад, что вы заинтересовались людьми.

Становится легче жить, когда внимание отвлекается от самого себя. Кстати, нам придется идти кратчайшей дорогой, так как я слышу, что гонг ударил второй раз. Через четверть часа надо уже быть за столом, а до этого успеть помыться и переодеться. Поэтому мы взберёмся на холм и спустимся прямо к дому.

Поль назвал холмом довольно высокую гору, показавшуюся Генри не такой уж безобидной, что он и высказал своему спутнику.

— Это только так кажется, Генри, Дела вовсе не так страшны, когда знаешь, как за них взяться. Прыгайте за мною, — вдруг скомандовал Поль.

У Генри, никогда в жизни не ходившего в горы и не скакавшего через рвы, уже болели ноги, дрожали колени, и, прыгнув, он сорвался и покатился бы вниз, если бы сильная рука француза не подхватила его и не поставила на ноги рядом с собой.

— Я полагал, что все англичане спортсмены. Но, должно быть, и это моё предположение стоит столько же, что и большая часть моих знаний, в которых я каждый день разочаровываюсь и заново совершенствуюсь. Спускайтесь осторожнее, а лучше дайте руку, — прибавил он, увидя, что Генри поскользнулся. Обхватив его за талию и подняв, как ребёнка, Поль сбежал с ним с крутой горы.

— Ну вот мы и дома. До свидания, — бросил он Генри, скрываясь в дверях, не дав ему ни опомниться, ни поблагодарить себя.

Оглушенный и расстроенный. Генри вдруг услышал за собой шаги и голос Ананды:

— Я удивлён, друг, что ты стоишь здесь в одиночестве. Разве ты не успел ещё сойтись ни с кем из моих друзей? О, да ты совсем ещё не готов к ужину. Что с тобой случилось? — зорко вглядываясь в Генри, спрашивал Ананда.

Генри молчал. Жажда увидеть Ананду вылилась, вместо радости свидания, в такое раздражение, на какое Генри не считал себя способным по отношению к своему великому Другу.

— Вы привезли меня сюда и бросили. Вы отлично знали, что я ехал сюда не для того, чтобы быть среди незнакомых мне людей. Вы даже не познакомили меня ни с кем, и я был обречён на полное одиночество, — кричал Генри. Когда он опомнился, то увидел, что Ананда молча смотрит на него. Что было особенного в этом взгляде? Что заставило Генри вдруг умолкнуть и прошептать:

— Простите меня, я так без вас изводился и в таком страхе стою опять перед вами, зная, что не увижу вас так часто, как того хочу.

— Бедный мальчик, я говорил ведь, что ты не готов, что свобода для

тебя не подходящий путь. Тебе нужны строгие рамки послушания, чтобы хоть до некоторой степени восполнить отсутствие воли и выдержки. Но ты не виноват, что я внял твоим мольбам.

В глазах Ананды, в тоне его голоса было столько доброты и сострадания, что казалось, он целиком вобрал в себя сердце Генри и переживает все его муки.

— Но теперь, в эту минуту, сделать уже ничего нельзя. Раньше трёх месяцев отправить тебя отсюда не смогу. Но потом ты уедешь. Я ведь здесь не один. Кроме тех, кого ты видишь, здесь ещё много тех, кто занят важным трудом во всех областях науки и техники, искусства и литературы. Здесь живёт и мой дядя. Все эти люди — очень высоко развитые духовно сознания. Они воспринимают окружающее настолько тонко, их слух и нервы так нежны, что твоё смятенное состояние тревожит их, как непрерывный крик младенца. Я не имею права нарушать покой их труда и жизни. Я-то надеялся, что печали этой ни им, ни мне ты не доставишь. Увы, я наказан за чрезмерное доверие. И должен теперь выпить чашу твоих страданий вместе с тобой. Чтобы избавить тебя от несвоевременных обетов, должен принять на себя твой удар. Иначе обеты твои могут отразиться на твоей карме.

Ступай сейчас в свою комнату. Еду подадут туда. Навсегда запомни, что нельзя выходить к людям в состоянии такой неуравновешенности и отравлять их своими ядовитыми вибрациями. Собери свои вещи. Я переведу тебя в отдельный домик в парке. Будешь пока жить один, чтобы становиться постепенно таким человеком, который не будет тревожить своих снисходительных товарищей по общежитию. Иди, я приду за тобой через два часа.

Как приговорённый, двинулся Генри в свою комнату и бросился на постель, разрываемый отчаянием. Если бы он не чувствовал на себе взгляд Ананды, светлый взгляд любви, сострадания и нежности, он так и не понял бы своей вины. Теперь же милосердие Ананды позволило ему увидеть, что значит высокое благородство духа и как можно забыть себя и личную обиду, когда сердце не обвиняет, но щадит брата, оступившегося на своей тропе. Бешеное раздражение, которое длилось обычно очень долго, мучая его самого и других, ушло куда-то. Генри встал с постели и впервые совершенно четко сказал себе, что виноват он. Вежливо отказавшись от еды, настойчиво и ласково ему предлагаемой, Генри быстро собрал вещи и с сожалением оглядел эту прелестную комнату, которую не сумел оценить и которую теперь ему приходилось покидать. Он не нашёл здесь мира и нанёс удар Ананде.

Генри сел на широкий подоконник, впервые увидев, какой чудный вид открывается из окна. Широкая долина, по которой протекала река, луг, далёкий лес, уютно разбросанные по горам домики, всё, всё теперь пленяло его, всё было жаль покинуть. В сердце Генри, в его глаза точно впечатался взгляд Ананды с его божественной добротой, неосуждением и состраданием. Генри готов был кинуться на колени и снова уверять Ананду в своей непоколебимой любви и верности. Но в него уже проникло сознание, что крик младенца никого ни в чём не убедит. Он решил подчиниться воле Ананды и ничего не просить. Сейчас ему казалось нестерпимо глупым и смешным его поведение час назад и все эти дни тоже. Почему он не ходил в библиотеку? Почему не занимался? Ведь сколько можно было сделать для себя в науке и порадовать Ананду прилежанием и спокойствием. Генри вспомнил, как де-Сануар, поразивший его знаниями, сказал, что мечтает и ищет приблизиться к преддверию ученичества у Ананды.

— Боже мой, мама, как я был виноват тогда. И потом, в следующий раз, я снова свихнулся на том же: на ревности и зависти. Ананда приблизил к себе новых людей. Теперь я понимаю, что они, эти высокие люди, были достойны того. Но тогда я опять взбесился, ушёл и приехал к вам. А теперь я вернулся в третий раз, и причина тому ещё хуже. Ананда велел мне стать учеником прекрасного доктора И., а я не захотел. И стал критиковать их поведение. А кончилось тем, что я, незаметно для себя, попал в руки злодея, тёмного и страшного, от лап которого меня едва спасли доктор И. и Ананда. Ананда велел мне возвращаться в Венгрию, а я не захотел. Вернее, я было поехал. Но этот тёмный, которому я дал власть над собой, гнался за мной по пятам. Его друзья, пользуясь тем, что я постоянно раздражён, соблазняли меня, уговаривали, и я раздумал. Я готов был уже отправиться туда, куда звали они, друзья того подлого, имя которого да-Браццано, как увидел вас во сне. Мне снилось, что вы пришли ко мне, такая молодая, в белых одеждах, с золотыми волосами и прекрасная, и сказали: "Генри, посмотри, ведь ты стоишь в центре змеиного клубка. Пойдём скорей отсюда. Спешу, я выведу тебя". Я проснулся в ужасе, мама. Кое-как оделся, схватил саквояж, деньги, бросил всё остальное и побежал за вами на берег. Вы так быстро шли, что я еле поспевал. Подведя меня к пристани, вы указали на какой-то пароход, готовившийся отойти, и приказали: "Прыгай скорее". Я прыгнул в отходившую шлюпку и едва успел последним выбраться из неё на палубу, как трап подняли и пароход двинулся. Я начал искать вас, совсем растерялся, не умея ответить, как я очутился на пароходе. Меня повели к капитану. И тут совершилось чудо. Капитаном

оказался Джемс Ретедли, с которым я встречался у Ананды в Константинополе. Я узнал его сразу и, как мне ни было горько, назвал имя Ананды, перед которым — я помнил это отлично — капитан благоговел. Он сразу же вспомнил меня и назвал по имени. И ещё раз, мама, я нашёл благородного человека. Он обогрел, утешил, накормил меня и спросил только, куда я хочу ехать. Я назвал вас и Лондон. Он сказал, что поведёт новый пароход в Лондон через месяц, и я должен переждать это время где-нибудь. Так как я молчал, он долго испытующе смотрел на меня, видимо хотел о чём-то спросить, но промолчал, вздохнул, покачал головой и, точно о чём-то жалея, сказал:

— Я вижу, что вы несчастны. Этого для меня довольно. Я вспоминаю один из своих разговоров с Анандой, когда я сам был несчастен, вспоминаю и слова Ананды, которые он велел мне помнить всегда: "Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе учитель". И действительно, в данную минуту вы мне преподали огромный урок. Я думал, что жить подле Ананды это счастье. А оказывается, даже живя подле него, можно быть несчастным. Это меня и поражает, и учит. Но об этом не время сейчас говорить. Словно что-то обдумывая, он помолчал и прибавил: — Есть только одна возможность вам помочь. В Ялте я сдам пароход своему помощнику, и он поведёт его в Севастополь, в ремонт. Я буду жить этот месяц в Гурзуфе. Там вас устроить я не могу. Но я предлагаю вам пожить на моём пароходе и заняться какой-нибудь работой. А потом постараюсь доставить вас в Лондон. Но работать вам придётся тяжело. Однако иного у меня для вас ничего сейчас нет. Если вы согласны, я постараюсь провести этот план в жизнь.

Я увидел перед собой, мама, человека не только одной твёрдой воли и чести. Я понял, что он поставит меня в жёсткие условия, но сдержит слово и довезёт до Лондона. С другой стороны, я не менее хорошо понял, что этот добрый и властный человек не задумается высадить меня на необитаемый остров, если я хоть что-нибудь нарушу в нашем уговоре. Держа слово чести, он требовал того же от других. Выбора у меня не было. Я принял предложение.

Не буду рассказывать, как я жил. Все мои физические страдания, труд и общество людей, к которым я не привык, — всё чепуха в сравнении с тем адом нравственных мучений, в котором я горел, вспоминая Ананду и всё, что потерял по собственной вине. Каждый день всё больше и больше постигал я величие Ананды, его доброту и терпимость, а также меру своего непослушания и бунта. Я дал слово искупить все свои проступки. Я не надеялся, что кто-то протянет мне руку помощи, но в вас я был уверен.

Когда же, при встрече, я увидел на вашем лице ужас и отчаяние, я совсем пал духом. Намерение осталось таким же твёрдым. В моём сердце тишина. Но внешне я не смог измениться, не смог стать нежным, внимательным к вам и ласковым, как я себе обещал.

Сейчас какая-то перегородка во мне рухнула, и я могу сказать, как обожаю, как уважаю вас.

Генри притянул к себе мать и вдруг почувствовал себя её защитником и покровителем. Долго ещё говорили они, ощущая необыкновенное счастье взаимной дружбы и полного доверия. С большой неохотой расстался Генри с матерью, настоявшей на том, чтобы он заснул и набрался сил перед свиданием с мистером Тендлем.

На следующее утро, не успел Генри проснуться, как ему подали письмо, надписанное незнакомым почерком. Вскрыв конверт и увидев подпись: "Джемс Ретедли", Генри удивился, а прочтя письмо и, подняв выпавший из него чек на крупную сумму, был и тронут, и сконфужен, и поражен. В пути капитан не делал никакой разницы между Генри и остальными служащими и матросами своего пароходного царства. Он, казалось, забыл, что знал Генри иным, что тот был доктором и мог бы занять на пароходе иное положение. Генри, поначалу убитый таким неожиданным для него поведением капитана, постепенно стал считать это нормальным, а к концу пути уже думал, что ничего иного он и не заслуживает. Свои обязанности он исполнял так, как будто каждую минуту рядом с ним стоял Ананда.

Капитан не давал Генри заметить, что остро и внимательно наблюдает за ним. Тот работал так усердно, спокойно и выдержанно, что капитан всё более жалел своего подчинённого и всё сильнее удивлялся. Он не мог понять, была ли выдержка Генри и его спокойствие новым приобретением его воли и характера или они были присущи ему всегда. Как же мог дойти Генри до разрыва с Анандой, если в его сердце такое спокойствие, — всё задавался вопросом капитан. Он решил помочь Генри всем, чем только мог. Получив расчёт, Генри постарался тут же скрыться и оставил капитану маленькую записку, в которой благодарил за то, что его доставили в Лондон.

"Очень милый и очень уважаемый мистер Оберсвоуд, — писал капитан в письме, которое читал сейчас Генри, — самым неожиданным образом поворачиваются пути людей. Буду лаконичен. Именем того, кто нам обоим дорог, прошу Вас принять этот чек. Это вовсе не лично моя и не лично Вам помощь. Это радость полной уверенности в Вас, в Ваших силах, в том, что Вы возвратите мне полностью всю предлагаемую Вам сейчас сумму, когда обстоятельства Вам позволят.

Мой привет Вам. С именем, нам обоим дорогим, пойдём оба вперёд. У каждого из нас начинается новый поворот пути, пусть он будет носить имя: «Свет». Вперёд, друг. У Вас много сил. Вы достигнете желаемого. Ваш покорный слуга, уважающий Вас друг Джеймс Ретедли".

Капитан прилагал свой адрес и звал Генри посетить его в Лондоне. В письме дважды стояло «уважаемый», что наполнило Генри детской радостью. Он бросился к матери, обнял её и показал письмо и чек.

— И это всё не от Великой Руки, Генри? Я не верю, что Великая Рука не знает об этом, как и о мистере Тендле. Кстати, надень этот костюм. Я привела его в божеский вид.

Генри был подан вычищенный и отутюженный, совсем приличный костюм, который он счёл окончательно погибшим.

— Бог мой, мамочка, да когда же вы успели всё это сделать? Будет ли мне когда-нибудь прощение? Ваши волосы, так рано поседевшие, будут мне вечным укором.

— Полно, сынок. Каждый человек заслужил свой путь. И не важно, как кто живёт. Важно, что приходит в его день и КАК он это воспринимает. Что бы ни случилось со мной и с тобой, я буду любить тебя всё больше, и верней друга у тебя не будет. Будут у тебя, да и есть они, друзья могущественные, богаче и умней меня. Но моя материнская верность всюду пойдёт за тобой. Одевайся скорее, сынок, приедет мистер Тендль. надо суметь ему улыбнуться и показать, как ты ему благодарен, — глядя кудри сына, старалась ободрить его мать.

— Да, мама, если бы я мог научиться у вас улыбаться людям, я считал бы, что половина работы по самовоспитанию сделана. Если бы вы знали, мама, как я боюсь встречи с Великой Рукой. Я так мало и плохо знаю, как надо вести себя в доме большого лорда. В Константинополе я жил у одного князя и видел там много воспитанных людей. Но среди всех выделялись Ананда и доктор И. Я всегда восхищался ими. И всегда что-то мешало подражать им, запоминать их манеры и поведение. Точно бунт какой-то всегда мне мешал. Теперь мне кажется, что это чувство похоже на зависть.

Генри тяжело вздохнул, расцеловал материнские руки и продолжал:

— Я даю вам слово, дорогая, что буду жить в доме Флорентийца иначе, чем вёл себя всюду до сих пор. Я буду смиренным учеником, просителем. Согласен быть слугой Флорентийца, лишь бы загладить хоть часть своих грехов перед Анандой. Ананда — моя рана. Это кровь моего сердца, которая каплет не переставая.

— Полно, сынок. Поставь себя на мгновение в положение синьора Ананды. Вспомни, как он добр. Ну каково ему быть чьей-то раной? Ведь

твои слёзы и кровь — так и текут по нему. Он их не может не чувствовать. Оставь эти горькие мысли, думай о нём с благодарной радостью, и это — вместе с твоим трудом и любовью — скорее и легче приведёт тебя к нему опять. Ободришь, постарайся сейчас быть приветливым с гостем.

— Я так хотел бы, мама, быть таким же обаятельным, как вы, и всем нравиться. Так бы хотел, но боюсь, что не научусь этому никогда.

Генри ещё раз поцеловал мать, занялся своим туалетом и встретил мистера Тендля таким весёлым, что тот даже обомлел от неожиданности. Он приготовился везти в деревню капризного и несносного юношу, гордился, что выполнит трудное задание своего адмирала, — и вдруг такая встреча.

Молодые люди простились с миссис Оберсвоуд и, провожаемые её улыбкой, поехали к портному. Портной, пленившись красотой и стройностью Генри, обещался выполнить заказ, взяв на себя обязанность закупить всё необходимое, то есть бельё и галстуки.

Дни пролетели мигом, к назначенному сроку у портного всё было готово, и друзья поехали в деревню. Не без трепета в сердце садился Генри в поезд, ещё и ещё раз давая себе слово привести в исполнение всё то, о чём думал последние дни и ночи.

Глава 11

ГЕНРИ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. ПРИЕЗД КАПИТАНА РЕТЕДЛИ. ПОРУЧЕНИЕ ЛОРДА БЕНЕДИКТА

Видя огромное волнение Генри и не понимая его истинных причин, мистер Тендль старался обрисовать своему спутнику жизнь семьи лорда Бенедикта. Он просто и подробно описал ему самого лорда, его красоту и ни с чем не сравнимое обаяние, рассказал о чете графов Т. и Алисе. Он так увлекся, расхваливая Наль и Алису, что Генри стало весело, и он, лукаво улыбаясь, спросил:

— Которая же из дам нравится вам больше или, вернее, какая из них вам просто нравится и в которую вы влюблены?

— Признаться, мистер Оберсвоуд, — несколько холодно ответил Тендль, — этого вопроса я себе не задавал. И если говорить о моей влюблённости, то уж придется признаваться в любви к самому лорду, моему адмиралу. Знаю его чуть-чуть, а готов хоть голову за него сложить, так он меня обворожил.

— Вы сказали, мистер Тендль, что у лорда Бенедикта живёт граф Т. Это не брат Левушки?

— Левушки? О таком я ничего не слышал и такого не видел. В доме лорда Бенедикта живут сейчас два его друга. Один из них, лорд Мильдрей, должен был заехать за нами. Но вчера я получил от него письмо, что в Лондон он не приедет, а будет ждать нас на деревенском вокзале. Скоро вы, следовательно, познакомитесь с Мильдреем. Ещё у лорда Бенедикта живёт индус по имени Сандра. Фамилия его мудрёная и такая длинная, что, хотя он мой университетский товарищ, фамилии его я так и не выучил. Сандра — так его зовут почти все. Он выдающийся учёный, несмотря на свою молодость. Многие считают его гениальным, но я судить об этом не могу. В данное время он чем-то сильно потрясён, был даже болен. Но кого не вылечит общество такого великого человека, как лорд Бенедикт!

Генри тяжело вздохнул. И сделался так печален, что у доброго Тендля даже под ложечкой засосало.

— Мистер Генри, мне всем сердцем хотелось бы вам помочь. Если я не могу быть полезен чем-то существенным, то хотелось бы хоть развлечь вас. Привлечь ваше внимание к чему-нибудь другому, оставив в стороне личные страдания.

— Милый мистер Тендль, вы и представить себе не можете, как точно вы попали в цель. Все мои печали как раз от слишком большого интереса к собственной персоне. Если бы я умел так сердечно интересоваться людьми, как вы, — хотя бы в случае со мною, — я избежал бы многих скорбей и не подвёл бы многих людей.

Сострадая товарищу, не зная, как ему помочь, мистер Тендль стал рассказывать о красотах парка, водопада и об оранжереях лорда Бенедикта. Незаметно друзья подъехали к станции и сразу же очутились перед ожидавшими их Сандрой и Мильдреем. После первых минут неловкости Генри почувствовал себя свободно и легко с новыми знакомыми. Сидя в прекрасной коляске, наслаждаясь зеленью и дивным воздухом, Генри вспомнил, как он сидел вот так же вместе с Анандой. И сердце его сжалось так сильно, что он едва сдержал стон.

Мелькали им навстречу фермы, деревушки, часовенки, церкви. Генри перестал слушать, о чём говорили рядом. Чем ближе становилась встреча с Флорентийцем, тем больше он волновался, не зная, что он скажет, с чего начнёт. Внезапно лошади остановились, и, пробужденный от своих мыслей, Генри услышал, как приветствуют какого-то великана, стоявшего у дороги, в белом костюме, с тростью в руке.

— Есть, адмирал, приказ выполнен. Мистер Генри Оберсвоуд доставлен, — услышал Генри весёлый голос Тендля и увидел, что Сандра выскочил из экипажа и предложил красавцу-незнакомцу занять его место.

— Это лорд Бенедикт, наш дорогой хозяин, — шепнул Генри Мильдрей. — Пойдёмте, я вас представлю.

Генри выскочил из экипажа вслед за Мильдреем и почувствовал себя мальчиком лет пяти, стоя перед высоченным, стройным, как статуя. Флорентийцем, которому едва доставал до плеча. Сняв шляпу и ощущая себя перед этой мощью карликом, Генри застенчиво смотрел в прекрасное лицо лорда. Сердце его колотилось, точно он бежал бегом.

— Как хорошо вы сделали, что приехали к нам отдохнуть. Вы очень бледны и утомлены. Стыдно будет нам, если вы не нагуляете здесь румянца. Я специально поручу вас Алисе. Она обладает волшебным свойством воздействовать на темпераменты. Даже индусы, и те становятся ягнятами подле неё. — Вот, извольте радоваться, — хохотал Сандра. — Я всегдашний козёл отпущения. С меня начинается и мной же кончается. Но ведь я уже исправился, лорд Бенедикт.

— Вот увидим. Вскоре будет проба. Мистер Генри, не хотите ли пройтись со мной до дома? Это недалеко. Наши друзья приедут ненамного быстрее, так как мы пешком сократим путь почти наполовину.

— Я буду счастлив вам повиноваться, — тихо, едва внятно ответил Генри, сердце которого продолжало колотиться.

Махнув на прощанье сидевшим в коляске, Флорентиец взял под руку Генри и свернул на лесную тропу. Через минуту коляска скрылась, вскоре замер и стук копыт, и путники остались вдвоём среди леса, в тишине, где только пели птицы да прыгали белки. Генри не мог больше сдерживать горя. Он бросился к ногам Флорентийца, обнял его колени и, рыдая, говорил:

— Я виноват. Ананда, Ананда меня не простит. Не отталкивайте меня. Я ещё не могу стать таким, каким, я понял это сердцем, должен быть. Мать моя зовёт вас Великой Рукой. Спасите меня. Я связался с тёмной силой, но не отталкивайте меня. Боюсь, что не сразу ещё сумею выполнить свои обещания. Но я буду стараться стать достойным вашей помощи.

— Встань, мой сын. Труден путь ученичества, очень труден для каждого. Не отчаивайся. Вперёд не заглядывай и никогда не спеши. Но живи даже не так, как будто живёшь свой последний день. А так, словно наступил твой последний час. Нельзя отставать тебе от того, кого ты выбрал себе Учителем, чья жизнь и сила для тебя живой пример. Отставать от Учителя значит закрепощаться в суевериях и предрассудках. Если ты получил задачу, — спеши её выполнить. Выполнить до конца. И если ты подойдёшь к ней без всяких рассуждений, если будешь ВИДЕТЬ в приказании великий смысл, — не всегда тебе ещё понятный, — и не станешь ковыряться в своей душе, разбирая, всё ли в ней готово или что-то кажется тебе ещё не готовым, то выполнишь задание легко. Не на себе надо сосредоточить внимание, а ДО КОНЦА на том, что дано выполнить. Ананде и в голову не приходило тебя огорчать, когда он предложил тебе стать учеником И. Он же хотел тебе помочь и защитить тебя от зла, в которое ты дал себя увлечь.

Встань, мой друг, пойдём. Если ты выдержал жизнь на пароходе, ты найдёшь силы и здесь крепить своё самообладание. Я же не только не намерен отталкивать тебя, но готов взять тебя в Америку, куда мы вскоре все уедем.

Снова взял Флорентиец под руку страдающего молодого друга и повёл его, помогая ему успокоиться мощью своей любви и мужества.

— Кто рассказал вам, лорд Бенедикт, об И. и о моей жизни на пароходе? Ананда мог написать вам об И., но один капитан Ретедли знает, что было на пароходе. Разве вы знакомы с ним?

— Запомни хорошенько свой вопрос в эту минуту, в этой лесной тиши, и мой ответ. На всю жизнь они будут тебе уроком. Ты жил подле Ананды и

не видел, подле КОГО живёшь. Был занят собой, а думал, что ищешь высший путь. Ты НЕ мог ничего найти. Кто ищет, будучи отягощенным страстями, тот только ещё больше заблуждается. Ты пришёл по моему зову и продолжаешь быть слепым. Ты даже не понял моего письма, не понял, почему я велел тебе беречь мать, ибо в ней залог твоего материального благополучия. Кто же мог сообщить мне что-либо о твоей матери? Не спеши задавать вопросы. Повторяю, живи среди нас, как если бы ты жил свой последний час. Храни в сердце такой мир и доброжелательство к каждому, как и те, кто умирает в доброте.

Старайся не мудрствовать, как ввести тебе в твои будни те или иные принципы. А просто люби тех, с кем сейчас столкнула тебя жизнь. Присматривайся к их нуждам, печалям, интересам. Не повторяй ошибок отъединения, в котором ты жил всё время. Ты видел до сих пор только свою любовь к Ананде, но чем жил сам Ананда, кто был рядом с ним, — тебе было безразлично. Ищи в нас не той жизни, которая могла бы поддержать тебя. Ищи в себе умение быть добрым к нам. И первое, с чего начни: не отрицай и не суди.

Генри казалось, что нигде в мире не могло быть ни такого леса, ни таких птиц, ни такой тишины, ни такого счастья. Он шёл, не сознавая действительности. В первый раз его практическая голова отказалась соображать, примерять, ощупывать. Он слился с природой, как будто бы рука Флорентийца помогла его сердцу раскрыться для поэзии.

— Мы сейчас придём. А вот встречают нас моя дочь и её муж.

И Флорентиец познакомил Генри с Наль и Николаем, сказав, что Генри был в Константинополе в одно время с Левушкой. Предоставив Генри заботам Николая, Флорентиец с Наль присоединились к остальному обществу, окружившему на террасе Алису. Вскоре туда сошли и Николай с Генри, и любезный хозяин стал угощать завтраком проголодавшихся гостей.

Николай забрасывал Генри тысячей вопросов о своём брате, его жизни, здоровье. Многим в рассказе Генри он был поражен, особенно болезнью Левушки, связанной с ударом по голове на пароходе во время бури. Выражение на лице Николая несколько раз сильно менялось, и он взглядывал на Флорентийца, отвечавшего ему успокаивающей улыбкой.

— Генри, ты не слишком поражайся, если сегодня, самое позднее завтра встретишь одного из своих константинопольских знакомых, — сказал Флорентиец, вставая из-за стола.

— Я не буду задавать вопросы, лорд Бенедикт, авось да мой последний час наступит не раньше, чем я встречу неожиданного друга. Признаться,

прежде я поломал бы себе голову над тем, кто бы это мог быть.

— Ну, а так как твоя голова очень нужна нам, то вот тебе две жертвы будущей учености, — подводя к Генри Алису и Наль, предложил Флорентиец. — Ты ведь написал знаменитую работу по мозговым заболеваниям. А обе эти дамы очень интересуются мозгом человека и желают выслушать лекцию на эту тему. Смотри, читай её так, чтобы они не сочли тебя заболевшим.

Алиса и Наль повели Генри наверх, где была их классная комната, как в шутку прозвал её Николай. Там они засели за анатомические атласы, и Генри, считавший ниже своего достоинства рассуждать о медицине даже со своими университетскими товарищами, с увлечением стал объяснять элементарные вопросы своим прекрасным ученицам, находя в этом уроке удовольствие. Тем временем Флорентиец велел оседлать трёх лошадей и предложил Сандре и Тендлю проехаться на дальнюю ферму, с тем чтобы возвратиться к пятичасовому чаю. Сандра прыгал от восторга, а Тендль выражал своё удовольствие подкидыванием шляпы выше деревьев. Николай с Мильдреем отправились в библиотеку, где обоих ждала начатая работа.

Чем дальше читал Генри свою несложную лекцию, видя перед собой очаровательные женские лица, тем больше чувствовал вкус к этому делу. Он забыл о самолюбии, о том, что он очень образован. Войдя в эту комнату, он сразу понял, что здесь трудятся много и серьёзно, учась не для школы, а для жизни. Ему вспомнилось несколько фраз, пойманных на лету во время беседы Николая с Сандрой. Глубина их мысли его поразила. Вспомнился Генри почему-то де-Сануар, и он с сожалением подумал, как глупо и некультурно вёл себя у Ананды. Мысли Генри пролетали молнией, но женская аудитория казалась неутомимой и не давала ему рассеиваться.

Вопросы на него так и сыпались, и он почувствовал усталость.

— Мы вас утомили, мистер Оберсвоуд, — заметила Алиса, — Вы стали очень бледны. А лорд Бенедикт приказал мне позаботиться о том, чтобы ваши щёки зарумянились. Пожалуй, он не одобрит, что мы так долго вас эксплуатируем прямо с места в карьер.

— Вы сами виноваты, мистер Генри, что оказались таким увлекательным лектором, — сказала Наль, благодаря за занятие. — Пойдёмте теперь в библиотеку, захватим моего мужа и лорда Амедее и выйдем навстречу нашим всадникам. Они непременно поедут мимо водопада, и вы, кстати, увидите место несравненной красоты.

С трудом оторвав от книг увлекшихся работой учёных, всей компанией направились к водопаду. Генри, увидевший ландшафты английской деревни

впервые, даже не предполагал, что в двух часах езды от Лондона может быть что-либо подобное. И он перестал слушать, о Ч,М говорят вокруг, и его никто не беспокоил, предоставляя ему жить так, как ему хочется.

Генри стал думать о своей предстоящей жизни у Флорентийца. Он видел уже теперь, что здесь все заняты, что часы каждого проходят в труде. Что же будет здесь делать он? Ведь если даже каждый день он станет обучать свою женскую артель, то и тогда у него будет оставаться немало свободного времени. О главном, о Флорентийце и Ананде, Генри как-то думать не мог. Тут для него всё тонуло, как в дымовой завесе. Он вспомнил слова Флорентийца: "Живи так, как будто ты живёшь последний час". На душе у него стало легче, и он начал прислушиваться к разговору Наль с мужем.

Николай держал на ладони какое-то крупное насекомое, какого Генри никогда не видел, и объяснял жене его анатомию. Объяснял так точно, четко и определенно, что Генри счёл Николая зоологом. Осторожно положив насекомое в траву, Николай сорвал несколько цветочков, каких Генри тоже никогда не видел, и стал спрашивать Наль, что она запомнила из его вчерашнего рассказа. Наль очень деловито ответила свой урок, причём Генри ловил себя па мысли, что думает о её чудесных ручках, крохотных ножках и необычайной красоте, а вовсе не о том, что она говорит. Генри так тяжело вздохнул, что даже шедшая впереди с Мильдреем Алиса услышала его вздох.

— Вы не устали, мистер Генри? Мы, быть может, слишком быстро идём?

— О нет, леди. С некоторого времени я стал очень рассеян. Вы можете на моём живом примере увидеть и изучить расстройство координации деятельности мозга, о которой я говорил вам сегодня.

— Ну нет, — вмешался Николай. — Вы, быть может, и больны, я не доктор и мало понимаю в этом. Я вижу только по выражению вашего лица, по неровности вашей походки и движений, что в вас кипит буря. Верьте мне, лучшего места, чем подле лорда Бенедикта, вам не найти, чтобы прийти в равновесие. Все мы здесь его друзья, а следовательно, и ваши. Каждый из нас уже принял вас в своё сердце, раз принял вас в своё сердце наш отец. Не стесняйтесь жить здесь с нами, считайте нас своими братьями и сестрами, зовите нас по именам, разрешите и нам звать вас просто Генри. Каждому из нас вы дороги, дороги ваши страдания и радости, ваши скорби и достижения. Мы все страдали, учились и учимся владеть собой. И наше положение здесь равно вашему. Будьте спокойны, никто за вами не наблюдает и недостатки ваши не изучает. У нас самих их довольно, вас же

нам хочется только приветствовать, как гостя и друга нашего дорогого хозяина, у которого все мы одинаково гости.

— Я очень тронут, граф, вашей сердечностью. Ваш голос так ласков, в нём столько доброты. Но, быть может, если бы вы знали обо мне больше, вы не говорили бы со мной так ласково.

— Нет, Генри, быть может, если бы я знал о вас больше, я был бы ещё внимательнее. Не называйте меня графом, а зовите просто Николаем. И главное, не чувствуйте себя отъединённым от нас. Я очень был бы рад, если бы вы смогли увидеть, что в наших сердцах много любви к вам, и слово «чужой» тут совсем неуместно.

Послышался конский топот, и на дорогу выскочили из просеки три всадника. Громадный конь нёс впереди не менее рослого всадника, который шутя оставил за собой двух других, выбивавшихся из сил, чтобы догнать его. Убавив шаг, конь, красиво играя, поднёс первого всадника к группе людей, ожидавших его у парка. Конь и всадник казались Генри нереальными, до того спокойно сидел человек на играющем скакуне. Только рука мощно держала поводья, и конь, чувствуя хозяина, повиновался и не смел бунтовать. Никто, кроме Флорентийца, не рисковал садиться на него. Имя Огонь соответствовало его дикому темпераменту. Задыхающийся Сандра, смеющийся и плохо сидевший на лошади, кричал уже издали:

— Лорд Бенедикт, это похоже на игру в волка и овец. Вы приказали дать нам ящериц, а сами помчались на вихре. Я не согласен признавать себя побежденным.

— Сандра, друг, ну кто тебя учил верховой езде? Посмотри, как ты сидишь. Ты похож на беспризорного мальчишку, взбравшегося тайком на чужую лошадь, — не менее весело смеясь, отвечал Флорентиец.

— Извольте радоваться, — уже откровенно хохотал Сандра. — Николай каждый день школит меня, а я оказываюсь неучем. Это кто же из нас виноват? — вопрошал индус, подмигивая Николаю.

— Ну, за этот выпад против своего учителя будешь сегодня брошен в водопад, — шутливо грозя плетью, сказал Флорентиец. — Сходи с коня, уступи место Генри, неблагодарный.

Сандра, всё ещё смеясь, но искренно прося прощения у Николая за свою неудачную шутку и плохие успехи, сошёл с коня и подвёл его к Генри, растерянно сказавшему:

— Я ещё никогда не сидел на лошади и даже не знаю, как держать поводья. Но как бы был я счастлив проехать с вами, лорд Бенедикт, несколько шагов, пусть даже если это и был бы мой последний час.

Мигом подле него очутился Николай, объясняя элементарные правила езды.

— Лошадь эта очень спокойная и быстроногая. Но жалкий наездник Сандра портит ей характер. Тихо сидеть он не может и пугает лошадку. Лорд Бенедикт поедет теперь лёгкой рысью, вы держитесь поодаль. Я сяду на лошадь мистера Тендля, который, наверное, согласится занять моё место подле дам, и буду объяснять вам в пути правила езды.

Генри храбро сел на лошадь, которая стала беспокоиться, по, поглаженная Флорентийцем, перестала волноваться и спокойно приняла нового седока. Не испытанные прежде чувства наполняли душу Генри. Не было его обычных терзаний самолюбия, боязни перед кем-то унизиться и осрамиться. Всё мелкое куда-то ушло, он внимательно выполнял указания Николая и был окутан волной его сердечной доброты, но образ всадника, скачущего впереди, притягивал его мысли, точно магнит. Приехав домой и отдав конюху лошадь, Флорентиец остановился на крыльце, поджидая своих спутников. — Что, Генри, мы, кажется, и опомниться тебе не даём?

— Если бы мне дозволено было быть столь счастливым, чтобы жить подле вас, лорд Бенедикт, я мог бы надеяться, что когда-либо стану достойным встречи с Анандой. Проведя несколько часов в вашем доме, я сразу понял, сколько бед уже успел натворить. Горько сознавать свою глупость. Но именно в ней-то я должен признаться.

— Хорошо уже и то, Генри, что ты стал гибче и проще за несколько проведённых среди нас часов. Когда ты научишься смеяться, перестанешь дичиться людей, — ты начнёшь понимать, в чём твоё назначение как врача и человека. Пройди к себе, отдохни, приведи в порядок свой костюм и приходи на террасу пить чай. Приходи без стеснения, отбрось свою застенчивость, она только говорит о гордыне и вовсе не походит на смирение. Мы с тобой поговорим ещё о том, что такое истинное смирение мудрого человека. Пока скажу одно: состояние некоторой омертвелости, в котором ты сейчас живёшь, словно приказав себе воспринимать мир и людей иначе, чем всегда, это, мой друг, не смирение. Живя одним умом, лишь впадёшь в суеверия и предрассудки.

Поднявшись к себе и взглянув в зеркало, Генри ужаснулся. Ехал он верхом не дольше двадцати минут, а весь его костюм пришёл в полнейший беспорядок, кудри были растрёпаны, лоб в поту. Аккуратный Генри себе не понравился и постарался поскорее придать себе вид английского денди. Но за этими суетными заботами, где-то внутри, особенно глубоко, всё не давал покоя вопрос: что же такое смирение и как Флорентиец мог угадать, что Генри сковал себя приказом быть смиренным, что, действительно,

несколько походило па омертвление. Задумавшись, Генри забыл, что ему велели сойти к чаю. Но вот в дверь постучали, и к нему вошёл Мильдрей. Увидев Генри печально сидевшим в кресле, лорд Амедей спросил, здоров ли он, и сказал, что внизу его ждут к чаю.

— Что же я наделал! Ну как теперь мне показаться на глаза? Я и так-то стеснялся, а теперь уж непременно что-нибудь разобью, за что-либо задену, споткнусь.

— Полноте, Генри, всё так просто. Четко думайте только об одном: надо подойти к хозяину, попросить у него извинения за невольную задержку, потом поклониться дамам, повторив извинения, и запясть указанное вам место за столом. Наль и Алиса хозяйки снисходительные, простят вас легко.

— Если бы вы не пришли за мной, один ни за что не пошёл бы теперь вниз.

— Вот видите. Генри, как много ненужных осложнений вы себе придумали. Пойдёмте скорее, ведь дорога каждая минута, проведённая подле лорда Бенедикта. Мне кажется, что лучшей жизни я не знал с самого рождения. И дорожу этим так, что готов всё оставить, только бы жить подле этого человека.

Генри вздохнул, ещё раз вспомнив Ананду, и пошёл за своим провожатым. К великому для него облегчению, всё обошлось благополучно. Подведённый Мильдреем к хозяину, Генри даже не успел ничего пролепетать, как Флорентиец усадил его между собой и Алисой, оставив с другой стороны место свободным. На вопрос Сандры, кто же тот счастливцев, что займёт вакантное место. Флорентиец отвечал, что пока он ещё полусчастливцев, потому что в пути, но вскоре будет счастливцем вполне. Все глаза устремились на Флорентийца, и у Генри даже дух захватило от стольких пар прекрасных глаз.

— Могу вас порадовать, друзья мои, что к нам едет гость, Ты, Алиса, распорядись о чашке и столовом приборе. Наш гость человек бывалый, много видевший, из очень хорошего общества. Кое-кому здесь он уже знаком, а кое-кто будет рад получить от него известия о близких.

— Ну, лорд Бенедикт, я думал, что, посадив меня и мистера Тендля на ящериц и удирая от нас на огне, вы вдоволь задали мне перцу. Теперь вижу, что вы ненасытны: я должен, по-вашему, ещё сгореть в огне любопытства.

— Кайся, грешник, что ещё и завидуешь, что не сидишь рядом со мной.

— Ну уж нет. В этом неповинен. Честь сидеть с вами мне выпала единый раз, я чту её так свято, что понимаю каждого, кому даётся это счастье. Но зато я никому не позволю чистить вашу шляпу. Утром, днём,

вечером бегу со всех ног, и все ваши шляпы — мои. Вот какой я хитрый, — хохотал Сандра.

— А я-то никак не мог понять, почему у всех шляпы как шляпы, а мои всегда взъерошены. А дело, оказывается, в твоём индусском темпераменте.

Под общий смех Флорентиец выслушал доклад слуги о приехавшем госте и велел провести его в свой кабинет.

— Ну вот, друзья, гость здесь. Я приведу его сюда через некоторое время, а вы непременно подождите нас, если мы даже немного задержимся.

Войдя в кабинет, Флорентиец нашёл своего гостя задумчиво стоявшим у окна. На звук шагов он оглянулся и замер в таком изумлении, что не только не произнёс обычного приветствия, но, казалось, был не в состоянии оторвать глаз от лица хозяина.

— Капитан Джемс Ретедли? — сказал, подходя, Флорентиец. — Да, это я или, по крайней мере, то, что до сих пор звали этим нормальным именем. Но сейчас я не настаиваю на том, что я нормален, лорд Бенедикт. Готов дать голову на отсечение, что это вас я видел в Константинополе, что это вы велели помнить о вас и следовать за вами. И в то же время это невозможно. — Капитан отёр лоб платком и, торопясь, продолжал: — Простите, лорд Бенедикт, я растерялся хуже мальчишки, но, поверьте, для этого много причин. И самая важная, что вы, как двойник, похожи на человека моих мечтаний, которого я должен найти и о котором думаю день и ночь. Ананда обещал мне это. И ваше сходство с тем, кого я однажды видел, так меня потрясло, что я даже забыл поздороваться.

— Если вы могли увидеть кого-то на расстоянии тысяч вёрст, капитан, то в числе ваших способностей есть и такие, о которых вы ещё не знаете. Взгляните сюда. Не это ли человек ваших мечтаний?

И Флорентиец подвёл своего гостя к стене, где под парчовым занавесом висели портреты людей в длинных белых одеждах. Капитан мгновенно узнал прекрасное лицо Флорентийца и рядом с ним Ананду и доктора И. Другие лица, не менее значительные и прекрасные, он не видел никогда.

— Да, человек моих мечтаний был в такой же белой одежде и казался находящимся в центре огненного светящегося шара. Боже, неужели я нашёл тот великий Свет! Или я впадаю в безумие? — хватаясь за голову, в полном расстройстве говорил капитан.

— Не приходите так легко в отчаяние. При величайшей опасности, во время смертоносного урагана на море, вы храбро, по-львиному боролись за вверенные вам жизни. Теперь же вы расстроены и теряете своё знаменитое самообладание, — взял за руку своего гостя Флорентиец, ласково улыбаясь.

И такая радость, такая тишина вдруг влились в сердце капитана. Не

понимая как следует, что и почему он делает, капитан прильнул к рукам Флорентийца, наполнявшим каким-то тёплым электрическим током всё его существо, сжал в своих руках и поцеловал.

— Не будем упреждать события. Уверьтесь, что вы не безумны, что в Константинополе вы слышали мой зов. И вскоре узнаете, что то была не первая наша встреча, что я был вместе с вами в момент казавшейся неминуемой гибели во время ужасной бури на Чёрном море. Пойдёмте теперь со мной, я познакомлю вас со своей семьей. А письма, что вы мне привезли, отдадите потом, — тихо сказал Флорентиец, задёргивая парчовый занавес.

На лице капитана снова отразилось такое изумление, что хозяин улыбнулся, взял гостя под руку и повёл его на террасу.

— Не прошло и полчаса с момента нашей встречи, а я уже дважды так потрясён, что просто боюсь осрамиться... — И сделаться "Левушкой — лови ворон"? — Бог мой, да ведь значит это вы — тот великий друг, обожаемый Левушкой Флорентиец, о встрече с которым для меня он так мечтал!

Флорентиец приложил палец к губам и очень тихо сказал: — Вы только что видели, каков я, когда бываю Флорентийцем. И по опыту знаете, что нужно выявить в себе человеку, чтобы встретиться с Флорентийцем. Сейчас я лорд Бенедикт и веду вас к своей семье. Она разнохарактерна, особенно сейчас. Вы можете стать её членом, как и ваша жена. Но надо учиться не только полному самообладанию моряка. Надо ещё уметь разглядеть окружающих и найти для каждого тактичное слово. При вашей безукоризненной любезности вам это будет нетрудно. Но обо мне, человеке ваших мечтаний, Флорентийце, — ни слова.

На террасе терпеливо ждали гостя. Генри, как и все, поднялся со своего места, но не сразу увидел входивших, так как сидел спиной к двери. Однако ему показался знакомым звенящий повелительный голос. Он оглянулся и внезапно почувствовал, что у него земля уходит из-под ног. Приветливо здороваясь со всеми, Джемс Ретедли приближался к Генри. И не успел тот подумать, как ему себя держать, как высокая фигура капитана уже стояла перед ним.

— Какая приятная неожиданность, мистер Оберсвоуд, встретить вас здесь после константинопольской жары и пыли, — говорил капитан, пожимая Генри руку. Он посмотрел ему в глаза и пошел знакомиться дальше. Окинув взглядом всех присутствующих, капитан стал отвечать на вопросы Николая и Наль.

Лукаво улыбаясь, капитан говорил, что познакомился в

Константинополе с молодым русским, графом Т., который пленил его своим характером и талантом. Что он сразу понял, что видит перед собой его брата, о котором Левушка много рассказывал и по которому не раз чрезвычайно сильно тосковал. Продолжая разговор, капитан ничем, ни одним движением мускулов, не выдал бушевавшей в нём бури. За его безукоризненной светской выдержкой, любезностью и остроумием, никто, кроме хозяина дома, не увидел взволнованности. Генри, глядя на него, учился тому, как должен вести себя человек, в первый раз вошедший в дом, а экспансивный Сандра, пленённый элегантностью фигуры гостя, затянутой в форменный сюртук, его выправкой и стройностью, вздыхая, старался незаметно для других одёрнуть свой мешковатый костюм.

— Что. Сандра, тебе, кажется, захотелось быть моряком? — вдруг спросил лорд Бенедикт.

— Что же об этом мечтать. С тем, что я учёный, я смирился. А вот что я решительно начну помогать Амедео усерднее лепить из меня хорошо воспитанного человека, — это навверное.

— Могу вас поздравить с большой победой, капитан. Чтобы Сандра разглядел не только внутреннего, но и внешнего человека и запомнил его — много надо.

— Осмелюсь возразить вашей светлости. Увидев впервые вашу дочь Наль, я просто остолбенел. Как же я не замечаю внешности?

— Ну, а у Алисы какого цвета глаза?

— У Алисы? У Алисы фонари, а не глаза. Да, вот только насчёт цвета... На беду вы, Алиса, сидите так, что я лишён возможности вас рассмотреть.

Капитан, от которого лорд Бенедикт отвлек внимание, старался успокоиться. Он и сам не мог понять, что же так особенно волнует его здесь. Гость взглянул ещё раз на уже поразившее его лицо Алисы. Сейчас её тёмно-синие глаза напомнили ему глаза сэра Уоми, а зардевшееся от всеобщего внимания личико показалось ещё прелестнее. Необычайная красота Наль вызвала в сердце капитана болезненное воспоминание об Анне. Столь разные, эти женщины заставляли его ощущать себя ниже. Но если с первых же минут знакомства капитан признал в Анне женщину земли и увлекся ею как красавицей, то в Наль он увидел Мадонну. Взглянув сейчас на Алису, отметив её незаурядную красоту капитан ощутил к ней братское чувство, огромное уважение к светившимся в ней доброте и чистоте, но ясно сознавал, что это земное создание, которое идёт обычным человеческим путём, подобно тысячам других. Все эти мысли пронеслись в нём, но бури в себе он успокоить никак не мог. Ему казалось, что если бы от сидевшего рядом хозяина не исходили какое-то тепло, успокоение и мир,

он просто не смог бы усидеть на месте от волнения.

— Не располагаете ли вы временем и желанием провести с нами конец недели? — любезно спросил его лорд Бенедикт.

— Крайне тронут вашим вниманием. В данную минуту я совершенно свободен, но я жду из Парижа свою невесту с её родителями. Невесте моей очень не хотелось в Париж, но родители настояли на парижских нарядах, побаиваясь, очевидно, строгого суда моих сестёр и матери. Туалеты заказаны по телеграфу из Гурзуфа, так что времени это займёт мало. Я всё же думаю, что провести завтрашний день в вашем чудесном обществе я мог бы без риска. Но...

— Нет, капитан, раньше понедельника своих гостей не ждите, слишком сложен для них этот вопрос. Вам же до этого времени делать в Лондоне нечего. Если вы хотите, чтобы кто-нибудь справлялся, нет ли для вас экстренных сообщений, то мой человек будет в городе и завтра, и в субботу. Соглашайтесь скорее, и я поведу вас гулять.

Капитан радостно взглянул на лорда Бенедикта и, смеясь, сказал:

— Когда хочется, соглашаться легко. Мне же так хочется иметь возможность высказать, какое чувство необычайного счастья испытываю я в вашем доме. Точно я жил здесь в раннем детстве, а теперь вернулся взрослым, так волнует меня этот дом, лорд Бенедикт.

— Я рад, очень рад, капитан. Живите, как в родном доме. Вечером Алиса нам поиграет, и я уверен, вы ещё больше полюбите нас.

Капитан вздрогнул и побледнел, вспомнив Анну, её игру, Ананду, своё видение... Флорентиец взял его под руку и, пригласив всех желающих присоединиться к предобеденной прогулке, направился к выходу в парк. Генри, не спускавший глаз с капитана, чувствовал себя забытым и одиноким. Он вспомнил о матери, об их бедности, о том, что он мог бы предоставить ей хотя бы минимальный комфорт и красоту, которые она так любит. Но до сих пор он думал только о себе, ничего не достиг и ничего не дал матери.

— А вы разве не с нами, мистер Генри? — услышал он голос Алисы и увидел, что сидит один за столом, а возле него стоят Алиса с Амедеем.

— Боже мой, что сказал бы лорд Бенедикт о моей рассеянности! День ещё не кончился, а я уже успел дважды проявить бестактность. Что же будет дальше?

— Дальше всё будет прекрасно. Предложите мне руку и пойдём догонять друзей. По смеху Сандры мы сразу определим, где их искать.

— Я был бы счастлив, леди Алиса, исполнить ваше приказание, но не имею понятия, как ведут даму. Будьте милосердны, идите с лордом

Амедеем, а я пристроюсь подле вас. А то я что-нибудь да натворю, уж пожалейте меня, пожалуйста, — молил Генри.

Со смехом взяв незадачливого кавалера под руку, Алиса вскоре заставила его забыть о своей застенчивости. Доброта девушки, её приветливость, маленькая, воздушная фигурка — всё наводило на мысль о поразительном сходстве с его красавицей-матерью, которую он, ещё сравнительно недавно, помнил златокудрой. — Отчего вы так печальны. Генри?

— Я впервые понял, сколько совершил в жизни неверных поступков, а потому впадаю в грусть.

— Ну, Генри, если впадать в грусть, да ещё начать раскаиваться, тогда не хватит времени побыть весёлым. Забудьте ваши скорби, пока живёте здесь. Расскажите нам что-нибудь о понравившемся нам всем капитане. Вы его давно знаете?

— Я познакомился с ним в Константинополе у Ананды, — с трудом выговорил это имя Генри. Но тут же встретил взгляд Алисы, такой добрый и ласковый. И Алиса, с её огромными синими глазами, была до того похожа на миссис Оберсвоуд, что у Генри стало легче на душе. Он перестал чувствовать себя одиноким и рассказал своим спутникам всё, что знал о капитане, об Анне, о её чудесной, волшебной игре и красоте.

— Сегодня вы будете играть нам. Я боюсь этого момента. И не один я его боюсь. Я видел, как вздрогнул Джемс Ретедли, когда лорд Бенедикт упомянул о музыке. Уверен, что он так же страдал, когда играла Анна. Я-то рыдал, в моей душе клокотал ад, словно в моём сердце смешалось и боролось между собой всё добро и зло мира. Правда, мне кажется, что нет на свете человека, могущего спокойно слушать игру Анны или Ананды. А уж оба вместе они разрывают сердце на части, заставляя вас понимать своё ничтожество и беспредельную красоту жизни.

— Вы меня не бойтесь. Я только любительница. Я ещё ученица, а не настоящая пианистка. Это снисходительность лорда Бенедикта заставляет его слушать и хвалить меня.

— Да, — улыбаясь, вставил Амедей. — Если вы ещё только ученица, то что же будет, когда станете артисткой?

— Трудно сказать, лорд Мильдрей, достигну ли я этого. Папа был пастор, а выше его, считаю, я певцов не слышала, если не считать лорда Бенедикта, в голосе и пении которого есть что-то особенное, чего я словами описать не могу.

Генри вспомнил голос Ананды, вспомнил, как бывало тот играл в Венгрии под аккомпанемент своего дяди, и у бедного юноши скатилась

непрощенная слеза прямо на ручку Алисы.

— Генри, я видеть этого не могу, и ещё больше не хочу, чтобы это видел лорд Бенедикт, — очень тихо, очень спокойно, но так повелительно сказала Алиса, что слёзы юноши мгновенно высохли.

— Простите, — прошептал Генри, отирая слезу с её руки. — Я болен и потому не владею собой.

— Вы страдаете, но ведь никто у вас не умер, ничего ещё не потеряно. Мужайтесь, нельзя быть слабым в доме лорда Бенедикта... Он так велик, что тот, кто хочет быть подле него, должен найти в себе полное самообладание. Я слышу впереди голоса, мы догоняем общество. Будьте радостны, раз вы здесь. Верьте и поймите, что ничто не потеряно. Соберите же внимание и силы и покажите себя достойным того радушия, которое вам оказывает этот дом.

— Простите еще раз. Спасибо за поддержку. Вы так поразительно похожи на мою мать, что всякий, увидев вас вместе, принял бы вас за мать и дочь.

Голоса слышались всё ближе, и совсем неожиданно для Генри они очутились перед лордом Бенедиктом, который держал под руку капитана и объяснял Тендлю сложное строение цветка.

— А ты, Алиса, сумела привести братца Генри в радужное состояние духа. Как это, волшебница, тебе удалось? Я, как ни старался, а выходил у меня только рыцарь печального образа.

— Если бы у меня была такая сестрица, как леди Алиса, я бы, наверное, смог достигнуть чего-нибудь и меньше наделал бы бед, — принимая цветок от лорда Бенедикта и благодаря за него, сказал Генри.

— А разве у тебя не было близкого друга, который тебе мог бы помочь своей любовью?

— У меня есть мать, как вам, к моему удивлению, известно. Но я лишь недавно сумел оценить её любовь и дружбу и вообще понял, чем меня одарила жизнь. И только перед вами могу признаться в одной из грубейших своих ошибок.

— Не тоскуй, друг. Всё поправимо между матерью и сыном, если мать носит в своём сердце беззаветную любовь и ничего не требует за свой подвиг любви.

— О лорд Бенедикт! Моя мать — святая. Только не с иконы, а хлопочущая в нашем бедном доме. Рядом с ней все находят успокоение. Один я его не находил, я искал там, где были слишком высокие, недостижимые для меня люди.

Возле Флорентийца оставались теперь только капитан и Генри.

— Я понимаю, ты скорбишь об Ананде. Могу тебя порадовать. Капитан Джемс привёз мне письмо, и в нём Ананда немало говорит о тебе. Он просит меня загладить его ошибки в отношении тебя. Но, как видишь, я и без его просьбы тебя разыскал, — ласково говорил Флорентиец.

На лице капитана в третий раз отразилось необычайное изумление. Письма, переданные ему для лорда Бенедикта незнакомым человеком, всё ещё лежали в его кармане. А лорд Бенедикт рассказывает Генри, о чём пишут в одном из них.

— Вот видите, друзья мои, как много ещё в жизни для вас непонятого, что кажется чудесным, а на самом деле всё просто и ясно. Тебе, Генри, повторяю совет Ананды: Радость — непобедимая сила. А вам, капитан, скажу больше: двигайтесь дальше именно так, как начали в Константинополе. Там вы увидели, здесь нашли. Действуйте же так, чтобы уже не расставаться со мною. Завтра я поговорю с вами обоими, а теперь пора возвращаться. Я обещал вам вечером музыку, но вы её боитесь. Не настраивайте себя на этот лад. Если уж вы начнёте наперёд настраивать свои нервы, как им воспринимать то или иное явление, да ещё запутаете себя боязнью и воспоминаниями, — вы никогда правильно не воспримете ни одного факта жизни.

Мужество, одно мужество и бесстрашие раскрывает ВСЕГО человека, ВСЕ Его силы и таланты. Старайтесь оба обрести свободное восприятие жизни, не отягощенное мусором личных неудач и скорбей. Живя здесь, не ощущайте себя выключенными из жизни, оторванными и сохраняемыми под моим стеклянным колпаком. Ощущайте себя подключенными к моей энергии, раскрытыми для самого большого героического напряжения.

Никакая скорбь не может сковать той абсолютно НЕЗАВИСИМОЙ СУТи, что живёт в сердце человека. Находясь сейчас в нашей семье, ищите в себе гармонию. Здесь вам легче будет почувствовать мощь своего духа, легче прийти к радости понимания божественной красоты, в себе носимой.

Лорд Бенедикт покинул молодых людей, предоставив их друг другу, и направился к Сандре и Тендлю, старавшимся постичь тайну игры в бокс; оттуда вскоре послышался жалобный хохоток Сандры, поднятого лордом Бенедиктом одной рукой. Обратная дорога показалась Генри и капитану очень короткой, так были погружены они в свои думы. Увидев вблизи дом. Генри шепнул капитану:

— Дорогой капитан, благодарю вас, десять тысяч раз благодарю за всё.

— Вот уж, Генри, не знаю, кто кого должен благодарить. На вашем примере я так много понял, что, право, мы квиты.

Незаметно промелькнул обед, и наконец всё общество перешло в

гостиную, где стоял рояль. У лорда Бенедикта не было обычая после обеда в мужской компании пить спиртные напитки. Вино подавалось лёгкое, и заканчивали обед все вместе, вопреки английскому обычаю. Помня, что им говорил хозяин во время прогулки, оба гостя старались сохранить в себе мир и приготовиться к восприятию музыки без всяких предвзятых мыслей. Наль сидела рядом с капитаном, и он ещё раз имел случай близко наблюдать безупречность её красоты. И ещё раз сказал себе, что Наль не может быть сравнима ни с кем, даже с Анной, красота которой совершенна, как и её бездонные глаза, огромные, палящие. Анна плоть, хотя и утончённая и божественно прекрасная. Наль же стихия высшая, если и пришедшая на землю, чтобы жить по её законам, то только для того, чтобы рассеивать мрак вокруг себя.

Он взглянул на Алису, которой хозяин помогал поднять крышку рояля. И капитан решил, что он видит вовсе не ту Алису, которую, как ему казалось, он так хорошо рассмотрел и понял, к которой тянулось его земное сердце, как к равной ему сестре по плоти и крови. Теперь у рояля сидело существо, синие глаза которого, полные доброты, сверкали такой волей, силой, вдохновением, что тоже жгли, как огонь. А воздушная фигурка девушки словно жила не в этой комнате, а где-то далеко, кого-то видя, куда-то стремясь, и порыв её так сильно ощущал капитан, что ему казалось, вот-вот Алиса поднимется и улетит. Чем-то она напоминала ему совершенно не похожую на неё Лизу, когда та брала в руки скрипку и так же забывала окружающее.

Первые же звуки ошеломили капитана. Мощь и радость лились из-под пальцев Алисы, и Джемсу казалось, что звуки охватывают его со всех сторон, точно стены, потолок, пол — всё звучит, всё отвечает этим волнам любви. Капитану не плакать и рыдать хотелось, как в Константинополе. Не скорбь о потерянных годах рвалась из его души. Он был счастлив, что живёт, что знает в себе силу победить препятствия и выйти в тот мир Света, где живёт "человек его мечтаний". Ему чудилось, что звуки Алисы говорят о нём.

Ещё и ещё, уступая просьбам, играла девушка, но вот она задумалась, замолкла, заиграла какой-то ритурнель и... запела. С первыми же звуками её голоса Генри вскочил, протянул к ней руки и вскрикнул: "Мама!" Он пошатнулся и упал бы, если бы не подоспели Николай с Амедеем, подхватившие юношу. В глубоком обмороке Генри был отнесён в кабинет лорда Бенедикта, который просил всех успокоиться, объясняя обморок Генри надорванностью его нервной системы. Когда Генри очнулся, то увидел прекрасное лицо Флорентийца, который рассказал, улыбаясь,

почему он очутился в его кабинете.

— Простите, лорд Бенедикт. Теперь я всё вспомнил. Когда леди Алиса запела песню, что мне в детстве пела мать, то её голос, глаза и вся фигура до того напомнили мне мою маму, что я точно с ума сошёл, всё забыл и бросился к ней.

— Крепись, Генри, дружок. Бери себя в руки. Зачем ты всё время оплакиваешь прошлое, если я дал тебе завет жить не только настоящим, но даже и самым последним моментом его.

Отправив Генри, под наблюдением Дории и Артура, в его комнату, хозяин вернулся в гостиную. Здесь было полное спокойствие. С первой же минуты, как только бросившийся на помощь Генри капитан вернулся на место, Наль ласково стала спрашивать о его невесте. Но видя, что капитан глубоко взволнован обмороком Генри, сказала:

— Если отец объяснил, что у Генри перенапряжены нервы, — вы можете быть спокойны. Да и вообще, если отец рядом с больным, можно ли волноваться? Не только больной поправится, но и каждый найдёт подле отца силу повернуть свою жизнь по-иному. Тот, кто найдёт в себе силы победить сомнения и поверить до конца, — тот останется подле отца и никогда не лишится его дружбы.

К беседующим подошла Алиса. Девушка была, видимо, расстроена, что первые же звуки её песни так тяжело подействовали на Генри. Но она только села напротив и спросила капитана:

— Я много слышала об игре Анны и Ананды. Мне хотелось бы спросить вас, какое впечатление произвела на вас музыка Анны и она сама? Я не смею спрашивать об Ананде. Всё, что я слышала о нём, кажется мне столь высоким, что слова, пожалуй, и передать не смогут всего величия этого человека. Это, вероятно, всё равно что желать описать лорда Бенедикта. Но об Анне, если вам нетрудно, расскажите.

— Я и думал об Анне, когда вы играли, леди Уодсворд. Не знаю, сумею ли описать её игру так, как это сделал бы истинный знаток музыки. Но личными своими, очень острыми, очень глубокими впечатлениями я с вами делюсь. Начать с того, что, увидев однажды Анну, её забыть уже нельзя. Что в ней? В ней буря, стихия. В её звуках такая мощь захвата, что чувствуешь себя словно меж мельничных жерновов. Кто вчера был обычным обывателем, тот, услышав её игру, сегодня сломался. И из каждого обнажённого нерва, из каждой мышцы, из каждой клетки мозговой ткани торчат, как иглы ежа, вопросы. Её музыкой человек поднят, как целина. В нём обнажается дух, тлевший прежде под покровом каких-то обветшалых представлений.

Трагедия переоценки всего себя совершается под ударами её звуков. Они, если хотите, божественны, но несёт их ангел печали, скорби и смерти. Нет радости ни в ней, ни в её божественной красоте, ни в её гениальной музыке. Анну нельзя не признать существом высшего порядка, но встреча с ней, хоть и незабвенная, всё же встреча трагичная. Это эпоха, это века в жизни человека. И долго предстоит заживлять раны слабому и не готовому к испытанию существу. Но... совершенно меняется человек сильный, применяющий свою энергию теперь иначе. Словом, всякий, встретившийся с Анной, обречён умереть в той стадии духа, в какой он жил до тех пор. Сильный победит смерть и начнёт жить в более светлой атмосфере. Но слабый будет в ужасе вспоминать о встрече и сожалеть о потерянном рае обывательского спокойствия и счастья, но, увы, вернуться к нему уже никогда не сможет. Анна — это удар молота, это потрясение: перед тобой неотвратимо встаёт вопрос, что сделал ты для жизни? Но это и не сама жизнь, это чёрный бриллиант печали, а не розовый, который сияет радостью. Не знаю, понятно ли вам то, что говорю. Подобные впечатления очень трудно передать. Кто испытал такую встречу, тому сказал я слишком много. А кто слушает меня только умом, воспринимает мой образный рассказ не более чем фантастический.

Ваша игра, леди Алиса, захватывает так же, но она делает человека счастливым, радостным, уверенным в себе. В ней слышится благоговейное прославление жизни, любви. В ней свет, в ней зов к творчеству. В ней то, о чём так часто говорит доктор И.: "Нет серого дня, есть сияющий храм, который строит человек из своих будней".

Я приношу вам глубокую благодарность за счастье и радость, которыми вы меня наполнили. Чем-то, каким-то духовным родством, вы напомнили мне мою невесту в те моменты, когда она берёт скрипку в руки. Не будучи хороша собой вообще, она преображается и становится прекрасной, когда играет или поёт. И звуки её — тоже зов счастья жить. Вы забываете обо всём, когда она играет, кроме текущей минуты блаженства, вы благодарите жизнь.

Увлечённый разговором, капитан не заметил, как возвратился Флорентиец и встал у него за спиной и как сидевшие в отдалении Николай, Сандра, Амедей и Тендль подошли к их маленькой группе. Для мистера Тендля слова капитана были точно факелом. Он внезапно осознал всё счастье, всю важность своей встречи с лордом Бенедиктом и его семьей. В жизнь его, обычную жизнь светского лондонца, ворвалась бомба, начинённая таким свежим и необычным воздухом, какого он и не предполагал существующим так близко.

— Иная жизнь, капитан, — раздался голос Флорентийца, — уже живёт в самом человеке, прежде чем он получает, тем или иным путём, зов или, как вы выражаетесь, удар Жизни. Никогда не бывает, чтобы этот удар Жизни пришелся впустую, как жестокое и ненужное страдание. Жизнь. Великая Мировая Жизнь, не знает ни жестокости, ни наказания. Её милосердие и помощь входят в единственный закон Вселенной: закон причин и следствий. А людям кажется, что в их жизнь внезапно ворвалась жестокость. Умиравший от голода считает себя несчастным, обиженным и угнетённым жизнью. Но не помнит, как заморил когда-то голодом семью, имея возможность протянуть ей руку спасения.

Нет и бессмысленной смерти. Человек умирает только тогда, когда дух его перерос возможности творчества, которые были заложены в его телесном организме. А также, если организм его перетянут закостенелыми страстями — жадностью, завистью, ревностью, отрицанием и себялюбием настолько, что не может уже прорваться к доброжелательству.

То, что люди привыкли называть чудесами, чудесными встречами и спасением, — всё это только собственное творчество в ряде вековых воплощений и трудов. У человека в каждом его земном воплощении так мало времени. И он не имеет права терять мгновения в пустоте, без творчества сердца, в мелочах быта и его предрассудках.

Нельзя жить в ожидании, что некое провидение само позаботится решить судьбу человека и повернёт руль его жизни в ту или иную сторону. А он будет только подбирать зёрна милосердия, падающие ему с неба. Милосердие, которое МОЖЕТ войти в судьбу человека, это только ЕГО СОБСТВЕННЫЙ труд. Его труд в веках, труд в единении с великими и малыми людьми, труд любви и благородства.

Честь человека, его честность, красота и доброта, которые пробуждал он в сердцах встречаемых, а не ждал, чтобы кто-то их ему принёс, — вот что такое вековой труд человеческого пути, пути живого неба и живой земли. Не в далёкое небо должен улетать человек, чтобы там глотнуть красоты и отдохнуть. Но на грязную, потную и печальную землю он должен пролить каплю своей творческой доброжелательности. И тогда в его земной труд непременно сойдёт Мудрость живого неба, и он услышит его зов.

Тот, кто принёс земле свою ноту песни торжествующей любви, кто благословил свой день обогранным страданием сердцем, тот войдёт в атмосферу новых сил и знаний и ясно увидит, что нет чудес, а есть только та или иная ступень знания.

Мягко и нежно, как ласкающая рука матери, звучал голос Флорентийца. Его прекрасное лицо казалось нездешним в свете мерцающих свечей и

пробивавшихся в комнату лунных потоков. Капитан, неотрывно глядевший на него, был всецело поглощён воспоминанием о своём видении в Константинополе. Алиса снова точно переродилась, и в глазах её сверкала такая воля, что мистер Тендль, случайно взглянув в это новое и незнакомое ему лицо, не мог прийти в себя от изумления. Только у Наль и Николая лица были простые и радостные, такие радостные и светлые, точно слова Флорентийца говорили им о чём-то привычном, что постоянно составляло их внутреннюю жизнь простого дня.

Проводив гостей и пожелав им спокойной ночи. Флорентиец вернулся в кабинет и в задумчивости опустил в кресло, стоявшее у открытого окна. Он словно кого-то ждал. И действительно, через некоторое время под окном выросла стройная женская фигура, молча ожидая зова.

— Войди, Дория, я давно знаю, что ты бродишь по саду, ждешь и томишься. И если я тебя не звал, то только потому, что ты сама должна была решить свои вопросы, я ничем не мог тебе здесь помочь. Теперь ты всё решила сама, отбросив наконец мысль, что кто-то со стороны, я или другой, могут решать и действовать за тебя. Войди же, поговорим, друг.

Войдя в комнату, Дория села в низенькое кресло у ног Флорентийца и тихо сказала:

— Как трудно мне было, дорогой Учитель и друг! Все эти годы разлуки с Анандой, среди дневных забот, мысль о нём не покидала меня ни на минуту. Когда я жила подле него, мне казалось, что всё решается так легко. И если Ананда говорил мне: "Подумайте, Дория, прежде чем сделать, чтобы потом не упрекать себя в легкомыслии", — казалось странным задумываться над тем, что мне ясно, как день. Теперь же требования мои к себе так возросли, что я подолгу не могу собраться с мужеством ответить на любой свой вопрос, потому что поняла, как мало я сделала. И очень хорошо вижу, как мои же собственные качества мешают мне встать рядом с теми, кто для меня идеал, святыня и единственный путь.

— Напрасно так угнетаешь себя, друг мой Дория, мыслями о собственной малости. Видишь ли, если ты хорошенько разберешься и в этих своих чувствах, то увидишь, что они тебе ни в чём не помогли. Корень их, — как это ни покажется странным, — всё та же гордыня. Истинное смирение ничего общего с самоедством не имеет. Истинно смиренный отчётливо понимает своё место во Вселенной. Он так свободен внутри, что никакие сравнения с чужой жизнью, с её величием или малостью, ему и в голову не приходят. Он просто идёт данное текущее мгновение, не вовлекаясь в мысли о сложности и замысловатости дел, которых не понимает и не видит ясно до конца. Только тот и идёт свой творческий день

верно, кто не умствует, а действует так, как подсказывает его сердце, а потому и просто, весело, легко.

Не страдай, стараясь кардинально решить вопрос, как жить тебе, чтобы вновь встретить Ананду. Отдай себе отчёт в другом: я ставил перед тобою несколько задач, давал дела и поручения. Упрекнул ли я тебя хоть раз за недостаток усердия? Я давал тебе обдумывать сложные проблемы и решать их самой, но не предлагал залезать на лестницу по гнилым ступеням. А ведь если ты строишь свой завтрашний день на слезах, сомнениях и скорби сегодняшней, ты никогда не построишь его цельно и прочно. Только прожив день со всей полнотой чувств и мыслей, можно завтра попасть в атмосферу полноценного существования. День же, СТРОЯЩИЙ ЭТУ атмосферу, это день, прожитый легко, радостно, без мусора слёз и скорби, вызванных всегда землёй, одной землёй, в забвении живого неба. Кроме того, не забывай, что чем больше совершенствуется человек, чем выше он может видеть и лучше сознавать духовное творчество людей, тем яснее он понимает беспредельность этого пути. Это его не угнетает, а только бодрит, заставляя гореть и мчаться, тогда кик другой — с понятиями мелкими и плоскими — останавливается в раздумье, медля и хныча.

Проходя последнее время в роли слуги Наль и Алисы, ты ни разу не споткнулась о зависть и гордость. Ничто мелкое тебя не тревожило, ни одной недоброжелательной мысли у тебя не возникло. Даже ежеминутное благоговейное воспоминание об Ананде не носило горечи. Разлуку, и ту ты благословляла, потому что поняла, как многому научилась, потеряв своего великого друга. Почему же теперь, уже более трёх недель получив моё распоряжение присоединиться ко всему обществу как равноправный член моей семьи, ты медлишь? Почему на твои глаза набегают слёзы, на сердце лежит тяжесть и в сознании гудит пчелиный рой жалящих мыслей?

Флорентиец нежно гладил по голове Дорию, точно вливая в неё тот особый покой и уверенность, которые каждый испытывал в общении с ним. Долго молчала Дория и наконец, подняв склоненную голову, посмотрела в глаза Флорентийцу и просто, легко сказала:

— Я понимала, что опять действую не так. Ведь я ждала, считая, что внутри всё что-то ещё не готово, всё не так ещё ясно и крепко. Ждала, чтобы созрело. И вот сию минуту совершенно ясно поняла, что и тут была неправда, потому что сосредоточилась на себе, а не на той задаче, которая была мне дана. Какое-то стеснение, какая-то тревога меня мучили. Всё казалось, вот Ананда должен приехать, что вот каждую минуту он может войти, и мне было страшно, хотелось бежать...

Давно умолк голос Дории, а рука Флорентийца все лежала на её голове.

— Если бы ты могла до конца понимать возникающие дела и встречи, ты немедленно бы принялась за дело, которое я указал тебе, внося в него свою доброту и усердие Ананда действительно едет сюда и скоро, очень скоро будет здесь. Для твоей с ним встречи было неважно, найдёт ли он тебя в роли слуги или леди. Это ТЕБЕ Было важно, как встретить некоторых людей и быть им полезной, потому что вас связывает нелёгкая карма. Ты и Генри, а ещё больше — ты и Тендль, — это вековые костры, очень враждебные. Тем, что они тебя сразу не встретили как члена моей семьи, ты задержала погашение их вековой злобы. С завтрашнего дня изволь выйти в столовую, раз и навсегда забыв роль слуги кому бы то ни было. А в понедельник утром, вместе с капитаном Джемсом Ретедли, поедешь к матери Генри в Лондон. Ты отвезёшь ей моё письмо, купишь ей элегантное платье, пальто, бельё и шляпу и привезёшь её сюда гостить.

Ни ей, ни тебе больше знать ничего не надо. Но если выполнишь этот урок блестяще, — то заплатишь Генри за скорбь, огромную скорбь, причинённую ему когда-то в веках тобой. Не удивляйся, если заметишь в нём враждебность. Это проснутся отклики старой вражды, и их ты теперь сможешь покрыть своей любовью. Радуйся этой встрече.

Отправив просветлённую, тихую и счастливую Дорию спать. Флорентиец подошёл к стене, отдернул парчовый занавес и остановился перед группой портретов, к которой подводил капитана Джемса. Через несколько минут над портретом Ананды засветилось большое пятно, похожее на круглое светлое окно. Быстро, молниями, замелькали в нём линии, кубики, треугольники, точки, шары всевозможных цветов и другие огненные фигуры. То были мысли, которыми обменялись Ананда и Флорентиец, мысли, летевшие в эфир; они не нуждались в ином телеграфе, чем собственная воля и знания самоотверженной любви, летевшие для помощи людям, для их спасения. Улыбнувшись светившемуся образу Ананды, отдав куда-то вдаль глубокий поклон. Флорентиец задернул занавес над погаснувшей картиной и прошёл в свою спальню, куда никто, кроме его старого слуги и теперь ещё Артура, никогда не входил...

Дни промелькнули для капитана Джемса с такой быстротой, что когда вечером в воскресенье лорд Бенедикт попросил его отвезти завтра Дорию в довольно отдалённый район Лондона, он точно с неба свалился, насмешив всех вопросом, какой же это будет день. На уверения, что завтра понедельник, что именно завтра он встретит свою невесту, капитан разводил руками и утверждал, что пятница и суббота просто куда-то провалились.

Для Генри дни летели не так быстро, словно бы жизнь на каждом шагу

ставила ему препятствия. Лёжа после обморока в одиночестве, он вспоминал Алису, её ласковость, красоту, её необычайное сходство с матерью, решив сблизиться с девушкой, насколько это будет возможно. Он чувствовал в ней искреннего друга и хотел поведать ей историю своего печального разрыва с Анандой. И думал, что она даст ему верный совет или, по крайней мере, скажет, можно ли обратиться к лорду Бенедикту. Настроенный на этот лад, Генри уже ничего не видел, все его мысли сосредоточились на Алисе. Спускаясь по лестнице, он увидел, как девушка прошла на террасу. Сердце его сильно забилося, он поспешил туда же, но ему пришлось испытать жестокое разочарование. Все его эгоистические желания тут же разлетелись в прах, потому что рядом с Алисой сидело новое лицо, которое Генри ещё ни разу не видел.

— Позвольте вас представить ещё одной дочери лорда Бенедикта, — сказала Алиса, знакомя его с Дорией.

Довольно кисло поздоровавшись. Генри сразу же ощутил враждебность к Дории, нарушившей его планы. Её красивые тёмные и пронизательные глаза, мелкие белые зубы, даже её приветливость, — всё было неприятно Генри, всё вызывало раздражение и даже злобу. Не особенно вежливо отвечая Дории на её вопросы. Генри спрашивал себя с удивлением, почему он так злится и раздражается. Какой-то род ревности, точно недовольство лордом Бенедиктом за то, что у него такая большая семья, что все эти люди здесь «дома», а он — пришелец-гость, которому могут каждую минуту предложить вернуться в Лондон, поскольку комната нужна другому гостю, шевелился где-то в глубине его сердца.

— Что, друг Генри, всё ещё не можешь сбросить с себя непрошеную гостью болезнь? — раздался голос Флорентийца.

От внезапности вопроса, от прозвучавшего во фразе слова «гость», которое бурлило в его душе, от появления хозяина дома за его спиной. Генри вскочил, задел чашку и вылил на себя весь кофе. Окончательно переконфуженный, он стоял в полной растерянности, когда вошли Наль и Николай. Готовый заплакать, Генри вдруг увидел подле себя Дорию, которая мокрой салфеткой удивительно ловко вытерла его костюм и, смеясь, сказала Флорентийцу:

— Мистер Оберсвоуд должен вам, лорд Бенедикт, предъявить счёт за испорченное платье. Ну можно ли входить так легко и неслышно? Вы и меня-то перепугали, не то что человека, который ещё не совсем здоров.

— Прости, Генри, Дория права. Ты не привык ещё к тому, что все мои гости — у себя дома и могут не стесняться или раздражаться от моей привычки появляться внезапно. Не огорчайся. Ты здесь не гость, а самый

милый и желанный друг. Ты член семьи. А поскольку все мы гости на земле, отгостим здесь и уходим, — постольку и ты гость в моём доме. Но если всех нас связывает счастье жить на общее благо, все мы родственные члены одной семьи. И суть вовсе не в том, кто из нас хозяин и кто гость. А в том, чтобы все мы, считая друг друга братьями, несли доброту, а не раздражались.

Какое значение и смысл может иметь для Вселенной жизнь того человека, который решает проблему индивидуального совершенствования только в разрезе личного быта, наград, славы и почестей? Твоя мать. Генри, о которой ты говорил как о копии Алисы, по всей вероятности, ни разу в жизни не пролила в чьё-либо существование ни капли яду. Её портрет мне ясен, я его хорошо вижу. А твой отец?

Генри, понявший, что Флорентиец прочел все его мысли, никак не мог прийти в себя и сидел, потупя глаза перед новой дымившейся чашкой кофе, которую поставила перед ним Дория.

— Отец? — пробормотал Генри. — Я не знаю его и никогда не знал. Мать говорила, что он умер ещё до моего рождения.

— А семьи у твоей матери тоже не было? — продолжал спрашивать хозяин вконец смущённого Генри.

— У неё семья была и, кажется, очень богатая. Но отец её, мой дед, был очень крутого нрава. Знаю только, что брак заставил мать покинуть родной дом и скрыться. Но мама никогда не говорила о своей семье, а я и не спрашивал. — И никогда не говорила о своём брате? — О брате говорила, — в раннем детстве, когда пела мне ту песню, что запела вчера леди Алиса. Говорила, что он дивно пел, что оба они часто исполняли дуэты и мечтали учиться петь. Маме хотелось, чтобы я нашёл дядю, когда она умрёт, и сказал ему, что он всю жизнь оставался её единственной привязанностью, которой она до смерти была верна. Но время шло, я учился, мама старела и менялась, и разговоры о дяде давно уже прекратились.

Флорентиец задумался. Его фигура на миг точно застыла, и все сидевшие за столом замерли, боясь прервать её молчание. Глубоко вздохнув, он посмотрел на Алису, перевёл глаза на Генри и тихо сказал:

— Различные бывают встречи. Бывают счастливые. Но встречи, развязывающие сразу десятки карм, так же редки, как тёмные индийские изумруды. Эти встречи долго готовятся в веках. И каждый, кто попадает в их кольцо, должен особенно тщательно следить за собой, чтобы не открыть через себя ни малейшего доступа злой силе. Берегись, Генри, раздражения. Берегись его особенно сейчас и чаще вспоминай мать, всё принёсшую тебе

в жертву.

Ты, Алиса, шутливо назвала Генри братом. Будь же эти дни подле него и помогай ему не зализывать свои раны, но раскрывать талант восприятия человека и жизни, как векового пути. В эти дни многое должно совершиться. Старайтесь прожить их в мире и полном доверии друг к другу.

Всем, в особенности Генри, слова Флорентийца показались загадочными. Один незаметно вошедший капитан Джемс оставался совершенно спокойным, точно от человека своих мечтаний он ничего иного и не ждал. После завтрака Алиса предложила Генри и Дории небольшую прогулку, и Генри стоило большого труда победить в себе недоброжелательство и пойти туда, куда его звали. Взгляд Флорентийца и его улыбка показали ему, что он снова был вывернут мыслями наизнанку. Капитана лорд Бенедикт увёл в свой кабинет.

— Садитесь, Джемс, теперь я человек ваших мечтаний, Флорентиец, и вы можете меня так звать.

— Счастьем моему в эту минуту нет предела. Но звать вас Флорентийцем, именем столь для меня священным, я не смею. Чем я заслужил такое неслыханное счастье — встретить вас, быть в вашем доме, говорить с вами, — я не знаю. Я сознаю, как я мал, как по-обывательски текла моя жизнь до встречи с доктором И., как я ничего не понимал в жизни, перспективы которой не подымались для меня выше плоскости земли и личных исканий.

Правда, меня всегда томила бездеятельная жизнь окружавшей меня с детства среды. И я выбрал путь моряка не только потому, что любил море. Мне казалось, что именно так я могу приносить максимальную пользу. Однако меня преследовало чувство неудовлетворённости, я постоянно искал, куда направить порывы самоотвержения и благородства. И только встретив доктора И. и Левушку, увидев сэра Уоми и Ананду, я понял, что такое человек, каковы должны быть его задачи и чего он может достичь, будучи из плоти и крови, если впустит в свои клетки дух и свет. Точно удар грома расколола меня встреча с Анандой, но снова собрала в монолит дивная гармония, покой и мир, исходившие от пригрезившегося мне вашего образа. Я почувствовал в себе такую силу, такую спокойную уверенность и счастье, что сам себе сказал: я найду человека моих мечтаний. Я побеждал умом, теперь пойду с любовью. Но я не надеялся, не смел мечтать, что так скоро свершится чудо встречи, до которой я не дорос. Сознаю себя пигмеем и жажду только учиться жить подле вас.

— Быстрота исполнения наших заветных желаний это не карма, мой

друг. Хотя сама встреча — всегда кармический зов. Но время, место, интенсивность восприятия встречи и её влияние на жизнь человека зависят от неповторимых его качеств, его такта, энергии и приспособляемости. Если бы вы не сгорели в Константинополе в одну ночь, наша встреча не могла бы состояться так скоро. Для каждого человека положена своя мера вещей. И только те подходят к Учителю в одно воплощение так, чтобы общаться с ним непосредственно, кто выполнил свою меру вещей, то есть разрушил в себе прежние представления о жизни вообще и жизни на одной только земле.

Пока человек полагается на чью-то помощь и связи, пока ищет решения своих вопросов в советах сильных мира сего, он не в состоянии выскочить из орбиты сковывающих его предрассудков, которые заставляют балансировать между собственным тяготением к высшему миру красоты и земным благополучием. Кто и как проходит свой день? По какой орбите мчит человека земля, зависит не только от труда веков, но ещё и от опыта данного воплощения. Вы скоро женитесь, и женитесь по любви. Если бы вы не встретили И., если бы не двинул вас вперёд Ананда с такой сверхъестественной силой, что всё в вас перевернулось, — вы так и остались бы холостяком. Создавая теперь свою семью, помните мои заветы.

Жена. Никогда и ни в чём не подавляйте её волю, её вкусы, её устремления. Если будете видеть, что вкусы и склонности её в чём-либо вульгарны, покажите ей красоту. Но так, чтобы она никогда не заметила, что вы учите её. Если вы сумеете раскрыть ей глаза на прекрасное, она изменится сама. Но если будете назойливо предлагать и убеждать, то красота в ней не раскроется и в жизнь свою она её внести не сможет, как бы ни были настойчивы ваши доказательства.

Решительно не позволяйте себе вмешиваться в её искусство, в её творчество. Предоставляйте ей полную свободу, критикуя искренно, если спрашивают, но не позволяя себе давить и тушить порывы, если, по вашему мнению, они недостаточно тактичны и мало соответствуют канонам того общества, в котором вы живёте. Не талант для общества, а общество для таланта. Талант же для всей Жизни. Поддерживайте её всячески, если даже дом ваш станут считать «оригинальным», что в Англии отнюдь не похвала.

Если бы у вашей жены оказалось мало воли и с рождением детей она возжаждала бы забросить искусство, если в её мыслях, чувствах, поступках над художницей станет превалировать мать, — разъясните ей всё значение искусства в воспитании младенческой души и вообще в жизни детей.

Каждая семья строится заботами огромного числа невидимых

тружеников и помощников. И те семьи, где главным элементом жизни является искусство, — всегда ячейки высшие, откуда выходят творческие силы, приближающиеся к Учителю. Если бы у вас не было ни одного талантливого ребёнка, то у внуков, рожденных от развитых и чутких к искусству детей, уже будет та атмосфера гармонии, в которой они смогут развить свой талант. И, в частности, у вас так оно и случится. Вы приведёте ко мне своего младшего внука и среднюю внучку — два больших таланта. В вашей жене они найдут начала новой связи, к которой дети будут ещё не готовы. Но жена ваша будет много страдать от чрезмерно страстной любви к детям. Такт и ваша любовь помогут объяснить ей, что материнская любовь должна быть творческой энергией, очень спокойной, чтобы не давить на детей, не быть для них слишком тяжёлой; они должны расти, в полной мере развивая свой дух и способности.

Преданность матери, которая видит подвиг в отказе от искусства ради детей, доказывает только неполноценность её таланта человека, слуги Жизни, давшей ей каплю своего Вечного огня. Споры по вопросам воспитания детей в вашем доме недопустимы. Самое бдительное внимание вы с женой должны обратить на складывающиеся отношения ваших детей с окружающими. Никакой замкнутости, никакой отъединённости от других. Приучайте их к общению.

Лучшими уроками воспитания бывают те дни, когда дети встречают разнообразие характеров среди себе подобных. Но чтобы ребёнок рос внимательным к окружающему, — его надо учить этому с первых же сознательных дней. Развивайте внимание своих детей параллельно своей выдержке. Не забывайте, что дети, родившиеся у вас, не только плоды вашей плоти и крови. Но и те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, чтобы вы улучшили и развили их творческий Огонь. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что им суждено пожить и отгостить в вашем доме какое-то время только для того, чтобы созреть для собственной жизни. Ваша жизнь ценна для мира постольку, поскольку вы сумели вскрыть её самодовлеющую красоту, не зависящую ни от чего.

Создавая семью, вступайте в неё освобожденным от предрассудка закрытости, где варятся в собственном бульоне. Напротив, разрушайте перегородки между собой и людьми, привлекайте встречных красотой, которую они стесняются обнаруживать в себе.

Дети не только цветы земли. Они ещё и дары ВАШИ Вселенной. Через них вы, как все родители, либо помогаете возвышаться человечеству, либо остаётесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего

леса, через миллионы лет родятся уголь и алмаз.

В данную минуту в сердце вашей невесты клокочет буря. Иногда вас пугает её темперамент. Но темперамент для таланта такая же необходимость, как пар для машины. С огромным тактом, нежностью и вниманием старайтесь всегда переводить излишек её темперамента в искусство.

Я очень хотел бы, чтобы вы привезли свою невесту в мой дом. На будущей неделе мы все переедем в Лондон. Туда я жду Ананду. Приезжайте к завтраку к двенадцати часам в понедельник. Что же касается знакомства со стариками, то предоставьте это мне. В нашем ответном визите я сам устрою всё так, как будет лучше и удобнее графам Е. Не станем заглядывать вперёд. Я вижу, что вас ещё беспокоит желание стариков ехать за вами. Думаю, что и в этом я вам помогу.

Поговорив ещё с капитаном о его делах и некоторых особенностях его личной жизни. Флорентиец отпустил его и присел к столу, читая какое-то письмо. Через некоторое время за окном мелькнула фигура Тендля и раздался его голос:

— Простите, лорд Бенедикт, я три раза слышу ваш голос, точно вы зовёте меня. Дважды я сходил вниз, ибо мне казалось, что голос идёт из вашей комнаты, и дважды я возвращался, не смея нарушить тишину. Наконец, только поднялся к себе, — снова ваш зов. Тогда я решился подойти к окну, в котором увидел свет. Теперь я вижу, что был введен в заблуждение собственной галлюцинацией. Простите, что помешал вам.

— Я как раз звал вас, Тендль, и собирался уже рассердиться. Ну, давайте руку, англичанин-спортсмен, и прыгайте.

Счастливо смеясь, Тендль схватил руку Флорентийца, железную силу которой уже знал, и перепрыгнул через высокий подоконник.

— И подумать только, — говорил Тендль, — я так ясно слышал ваш голос и всё же боялся ошибиться.

— Я очень рад, что вы не заставили меня подниматься за вами. И раз уж вы здесь, мой дорогой Тендль, я объясню, зачем я так настойчиво вас звал. Признаюсь, поручение будет не из приятных, и чтобы его выполнить успешно, вам придется вновь превратиться в моего капитана.

— Есть, адмирал, превратиться в капитана. Я весь внимание и слух, а уж как счастлив служить вам, лорд Бенедикт, о том и не решаюсь говорить.

— Вы хорошо знаете завещание пастора и помните, конечно, один из пунктов, приведших Дженни и пасторшу в особенную ярость. Там говорится, что большой капитал, лежащий отдельно в банке, принадлежит сестре пастора Цецилии, ушедшей в юности из дома и скрывшейся под

именем Цецилии Оберсвоуд. Пастору удалось установить это имя и несколько раз он нападал на её след, но каждый раз она скрывалась ещё тщательнее. Так он и умер, не отыскав сестры.

— Но ведь Дженни мне говорила, что этой личности никогда не существовало. Что то была жестокая выдумка её отца, чтобы лишить её и, главным образом, мать возможности жить беззаботно.

— Насколько истинны слова Дженни, вы сами убедитесь. В следующую пятницу истекает срок, после которого пасторша может востребовать проценты с капитала Цецилии Оберсвоуд, завещанные ей, если сама владелица или её наследники до этого времени не заявят свои права. Я отыскал Цецилию Оберсвоуд, и это никто иной...

— Мать Генри! — в огромном возбуждении вскричал Тендль, вскакивая со стула. — Вы угадали. Тендль.

— Бог мой, глядя на её прекрасное лицо, форму руки, воздушную фигурку, я всё время думал, кого она мне так сильно напоминает. Сейчас только повязка упала с глаз, — ведь это же Алиса в старости.

— И опять вы не ошиблись, Тендль. Это родная тётка Алисы и Дженни, та сестра, которую так усердно искал пастор. Теперь к делу. Вы отвезёте завтра вашему дяде моё письмо, где я прошу его известить формально леди Катарину, что сестра её мужа, которой принадлежит капитал, разыскана. И потому проценты, которые она уже просит выплатить, ей не принадлежат. Горькую чашу придется испить вам, Тендль. Ведь мать и дочь, узнав, что вы богаты, решили женить вас на Дженни. И письма девушки только случайно не попали в ваши руки. Путешествуя из конторы в вашу квартиру и обратно, они всё же попадут к вам сразу целой пачкой.

— Мне будет очень тяжело, лорд Бенедикт, но ваше поручение выполню. Тяжело не само поручение, а воспоминание о том разочаровании, которое я пережил из-за Дженни. Теперь раны в моём сердце уже нет. Но боль за неё, горечь собственного бессилия гложут меня.

— Не печальтесь, мой капитан. Будь хоть малейшая возможность вытащить Дженни из беды, она была бы уже здесь. Я всё сделал для этого, как и обещал её отцу. Сейчас можно только уберечь Дженни от окончательного падения, куда её тащит её несчастная мать. Можете ли дать слово, слово капитана своему адмиралу, выполнить точно все мои распоряжения, нигде не превысив данных вам полномочий, никак от них не отступив? Так, словно вы дали мне обет беспрекословного повиновения?

— Конечно, могу. Прискорбно, что вам пришлось задавать этот вопрос. Значит, я не сумел достаточно открыть вам всю преданность своего сердца. Ваша жизнь, которую я имею счастье наблюдать, полна такого

превосходства над окружающим, такой мудрости и понимания, что равняться с вами никому и не снилось. Будьте покойны, я буду точен, лорд Бенедикт, не только из преданности вам. Но также из сознания, что ваш приказ — это счастье, пусть даже кому-то кажется иначе.

— Спасибо, Тендль. Итак, вот письмо. Дядя даст вам официальную выписку из завещания, возьмите также вот эти документы. Здесь метрика Цецилии Уодсворд. Вот её брачное свидетельство. Вот свидетельство о смерти её мужа Ричарда Ретедли, лорда Оберсвоуда. Вам пусть будет известно, что Ричард Ретедли — родной брат гостящего у меня в данное время капитана Джемса Ретедли. Но ему и в голову не приходит, что Генри и Алиса — его родные племянники.

Все эти документы, как и выписку с письмом от дяди, вы доставите в пасторский дом.

Но так как пасторша и Дженни, будучи совершенно уверенными в истинности всего, что вы скажете, всё же сделают вид, что ничему не верят и пожелают со мной судиться, вам придется привезти их к дяде в контору, где буду находиться я со всеми необходимыми свидетелями, вплоть до капитана Джемса Ретедли, лорда Оберсвоуда.

Дав ещё кое-какие указания мистеру Тендлю, лорд Бенедикт просил его до времени хранить все его поручения в полной тайне.

Тендль ещё раз горячо заверил его в своём полном внимании к этому делу, радостно пожал протянутую руку, поблагодарил за гостеприимство и вдруг по-детски, заливаясь смехом, сказал:

— Я так и буду ходить по делам с вашей рукой. Я уверен, что мне будет легко удаваться всё, как только я воображу, что держу вашу руку в своей.

Том 2

Глава 12

ДОРИЯ, КАПИТАН И МИСТЕР ТЕНДЛЬ В ЛОНДОНЕ

Рано утром в понедельник, провожаемые всеми обитателями дома, Дория, капитан Джемс и мистер Тендль уехали в Лондон. Незадолго до их отъезда лорд Бенедикт говорил о чём-то с капитаном Ретедли, который показался всегда и всё видевшей Алисе пораженным до чрезвычайности. Джемс Ретедли не задал хозяину ни одного вопроса, но она перехватила его пристальный взгляд, устремленный на Генри и на неё. Алисе даже показалось, что, пожимая ей руку и поднося её к губам на прощанье, капитан особенно сердечно посмотрел на неё. И не менее сердечно, даже горячо, он обнял Генри, что — при сдержанности капитана — тоже показалось ей необычайным.

— Не забудьте, я жду вас с вашей невестой в понедельник в свой лондонский дом к завтраку, — были последние слова Флорентийца вдогонку трогавшемуся экипажу.

— Отец, неужели настал конец нашей волшебной жизни здесь? — спросила Наль.

— Не стоит огорчаться, друзья мои, здесь мы трудились для тех новых целей и дел, что ждут нас в Лондоне. Человек, если он хочет двигаться вперёд, должен прежде всего трудиться над самим собой. Очистив и возвысив свой дух, получаешь новый запас сил, чтобы отдавать свою доброту встреченным людям. В этом тихом и гармоничном месте каждый из вас поднялся в своём самообладании. Увидел по-новому свои ошибки и понял, как много в прошлом растратил он сил на страх, сомнения, боль и слёзы, вместо того чтобы сразу — как мост к победе — протягивать из своего сердца лепту света, мира и любви навстречу дню.

Ничего не достигнешь в жизни, если не пригодишь свой дух и, соответственно, организм к основному: благословлять все обстоятельства, которые несёт тебе расцветающий день. Величие духа начинается с полного спокойствия и самообладания. Чтобы мог человек зазвучать, как частица творящей Вселенной, надо, чтобы он не минутами только ощущал себя гармоничным целым, но чтобы в его сознание глубоко вошли ЗНАНИЕ и опыт того, что всё ЕГО Творчество может двигаться в нём и двигать его в творчестве Вселенной только тогда, когда он — являет собой гармоничное целое. Путь к этому высшему знанию — Вселенной в себе и

себя в ней — проходит только через самый ПРОСТОЙ день, только через труд в нём.

Радостно трудясь над своим воспитанием, над своей выдержкой, каждый решает не только свою задачу, но развязывает или завязывает узлы, помогает множеству людей или ухудшает их жизнь, хотя чаще всего он их не видит и даже не сознаёт, как важно то, что ОН дал дню.

Каждый из вас уже давно понял, как преступно извергать в мир бунт страстей и горечь слёз. Каждый из вас понял, что способ единения с людьми в данном месте и в данное время это вовсе не личная проблема, проблема самоусовершенствования, а сила, строящая всю жизнь, СИЛА, не дремлющая, как болотная вода, в одном только месте, но ЛЕТЯЩАЯ во Вселенной, тревожащая или успокаивающая всю мировую жизнь.

Когда приходит то, что люди зовут несчастьем, следует крепко держать в руках стяг ВЕЧНОСТИ и помнить, что та несправедливость, на которую жалуешься, есть только явление собственного духа. Если сейчас не сумеешь победить ЛЮБЯ вставшего препятствия, если будешь оценивать его не как звено СОБСТВЕННОГО пути, но как происки людей, людей, как тебе кажется, настолько плохих, что они посягают на твоё счастье, которое понимаешь на свой вкус и лад, желая, чтобы ни тебя, ни твоих близких не тревожили понапрасну, и не сознаёшь в себе высших сил для спокойной борьбы, — дни твоей жизни потеряны. И снова где-то и когда-то — начинай всё сначала.

Все, кто собрался вокруг Флорентийца, слушали его в глубоком молчании. Но светлели лица Николая и Наль, Алисы и Амедея и скорбными становились Сандра и Генри. Казалось, каждое слово, произнесённое чудесным, полным доброты голосом, проникало им в сердце. Взгляд Флорентийца, когда он смотрел на окружавшие его юные лица, был так полон сострадания и любви, что помимо своей воли все придвигались к нему ближе и ближе и, наконец, встали почти вплотную, точно желая впитать в себя волшебную силу его любви.

— Вот такие моменты единения в любви, когда каждый несёт только самое чистое и прекрасное, что есть в его сердце, рождают новые узлы света и добра. И каждым таким узлом пользуются наши невидимые помощники, чтобы построить новый канал, новую нить духовной связи и соединить видимое и осязаемое земли с невидимым и неосязаемым трудом неба.

Нет жизни земли печальной, загрязнённой, оторванной от Вечности. Есть одна великая Жизнь, где труд двух миров воплощается в самые разнообразные временные формы. Но Жизнь не останавливается от того,

что формы меняются или отживают. Знание делает человека счастливым не только потому, что он обрёл свет. Но и потому ещё, что Свет в нём освещает тропинку встречному. Как бы ни был мал Свет, однажды зажёгшись, он никогда не позволит человеку впасть в окончательное уныние. Унывать может только тот, в ком нет цельной верности, кто колеблется в своём понимании и в ком сердце разорвано безнадежностью.

Если мать потеряла единственную дочь, составлявшую всё её богатство, и не может больше жить, так как сердце её горит факелом скорби, выжигая кровь, — эта мать не внесёт в невидимую для неё новую жизнь своей дочери ни счастья, ни облегчения. Та мать, что знает в себе и в каждом лишь форму Вечности, сумеет победить свою скорбь и будет всем мужеством сердца посылать дочери помощь любви в улыбке, а не доставлять горечь её новой форме стенаниями и плачем.

Со смертью любимых не кончаются наши обязанности перед ними. И первойшая из них: забыть о себе и думать о них. Думать об их пути к совершенству и освобождению. Думать и помнить, что если мы плачем и стонем, мы взваливаем на их новую, хрупкую ещё форму невыносимую тяжесть, под которой они сгибаются и могут даже погибнуть. Мы же склонны приписывать к числу своих добродетелей усердное их оплакивание. Тогда как истинная любовь, им помогающая, это мужество, творческая сила сердца, живущего в двух мирах. Трудясь над самообладанием, над самодисциплиной, мы помогаем не только живым, но и тем, кого зовём мёртвыми и кто на самом деле гораздо более живой, нежели мы, заключённые в наши плотные и грубые телесные покровы.

Кончив говорить. Флорентиец притянул к себе Сандру и Генри и, ласково кивнув остальным, пошёл с обоими юношами в парк отпиливать отжившие ветви деревьев. В мучительном раздумье Сандра спросил своего великого друга:

— Я вполне понял свои ошибки. Мне уже кажется невозможным, чтобы я мог ещё раз оказаться слабее женщины. Но неужели своими слезами и тоской я мешал пастору в его новой жизни? Мешал самому любимому другу, которому столь многим обязан?

— Если бы человек, духовно развитый и чистый, мог жить лишь в мире одной земли, как это делают люди, живущие только интересами тела и земных благ, то ты не тревожил бы друга никакими своими проявлениями. Но так как у вас с пастором была духовная связь, связь, жившая в двух мирах, — он унёс ей с собой, уходя с земли. И всякое нарушение гармонии в тебе, причиной которого была скорбь о нём, жалило его или обдавало потоками скорбных твоих мыслей. Стремись всеми силами выработать

полное самообладание, чтобы я мог оставить тебя на попечение едущего сюда Ананды.

— Ананды! — одновременно вскрикнули оба юноши. Но крик Генри был таким скорбным, что Сандра в изумлении даже выронил пилу из рук.

— Разве ты, Генри, не мечтаешь день и ночь о новой встрече с Анандой? А ты, Сандра, ты напоминаешь жену Лота, превратившуюся в соляной столб. Бери пилу, тщательнее осматривай ветви и приведи в порядок все свои импульсы. Пойдём, друг Генри, к тому высокому старому дубу. Для нас обоих хватит работы, чтобы помочь дереву обрести новую молодую жизнь, сбросив старые лохмотья.

Приступив к работе и делая вид, что вовсе не замечает, как Генри старается незаметно смахнуть одну за другой непрошеные слёзы, Флорентиец ласково говорил юноше:

— Приезд Ананды не должен смущать тебя тем, что ты ещё не готов к встрече. Ананда ведь не только частица божественной мудрости, сошедшей на землю в человеческом теле. Это и часть божественной доброты, воплотившейся, чтобы развязать тугие узлы, затянутые человеческой любовью. В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле лишь предрассудки и суеверия либо себялюбивые мечты.

Ананда в каждом своём общении с человеком вскрывает неожиданные для него самого сюрпризы его страстей. Человек думает, что проходит путём верности и милосердия, ищет освобождения и приносит людям помощь своей верностью. А на самом же деле встреченные им не только не отдыхают в его атмосфере: от его верности страдает всё земное, что к нему близко. Кому нужна подобная верность? Путь к Учителю, как ко всякому высшему сознанию, лежит через любовное единение с людьми. И та верность, когда человек дал умереть в разлуке существу, которое в нём нуждалось и звало его, только потому, что он ждал, чтобы у него, наконец, что-то созрело внутри, не даёт выполнить ту задачу, которую целое кольцо невидимых помощников ждало случая на него возложить. И получается, что готовое в духовном мире дело не может стать земным действием. И запись в Белой книге человека, в книге его Вечной Жизни гласит: «может» не значит «будет».

В твоей книге, Генри, есть разные страницы. Есть страницы подвига и самоотверженности, есть страницы любви, есть и такие белые страницы, где живёт запись: «может» не значит «будет». Но страниц радости в ней нет, как не было её у тебя в данном твоём воплощении до сих пор. А между тем сейчас ты пришёл на землю учиться радости, и для этого счастливого

урока тебе давались тысячи предлогов и случаев. Мать твоя, смиренная избранница, полное чести, силы и чистоты существо, с детства окружала тебя радостью и любовью. А ты отвечал ей всю жизнь требовательностью, унынием и эгоизмом. Только теперь, после всего страшного и тяжёлого, во что ты окунулся в Константинополе, когда сам воочию столкнулся с тёмной силой, ты понял ужас и величие пути человека на земле, и сердце твоё, извергая струи крови, открылось для матери, открылось во всю ширь. Ты по-новому увидел мир и себя в нём.

— Только потому, — перебил Генри, — что великая сострадающая любовь Флорентийца раскрыла мне глаза и помогла увидеть жизнь по-иному.

— Не будем говорить о причинах. Все люди, без исключения, переживают свои моменты перерождения. И каждому жизнь подаёт его цветок жизни и смерти. Человек берёт его, вдыхает аромат жизни и отворачивается от смрада и гноя уже отживших в нём частиц. А бывает это — у каждого по-своему, по-особому, ибо у каждого свой индивидуальный, неповторимый путь. Послезавтра сюда приедет твоя мать. Её привезёт Дория, а капитан Джемс всячески ей поможет.

— О Господи, только этого не доставало, чтобы капитан Джемс в вашем доме встретился с моей матерью! — простонал Генри.

— Что же так пугает тебя, если капитан увидит твою всё ещё обворожительно красивую мать?

— Я и сам не знаю, что в капитане меня и очаровывает, и отталкивает, и возмущает. Быть может, в этом повинно одно воспоминание юности. Однажды я принёс газету с объявлениями, выходящую раз в месяц, завернув в неё цветы, которые мама велела мне купить. Со свойственной маме аккуратностью она вынула цветы и стала расправлять газету. На первой странице большими буквами было напечатано объявление, что лорд Самуэль Ретедли, барон Оберсвоуд извещает жену своего сына Ричарда Ретедли об оставленном на её имя крупном капитале. Что если в течение двух лет жена не явится в банк за капиталом, он будет отдан на сохранение её брату до самой его смерти. Я не помню ничего больше, но мама упала в обморок, единственный раз в жизни, и с большим трудом, после двух недель болезни, вернулась к обычной жизни. Когда я услышал фамилию Ретедли в Константинополе, — точно змея меня укусила. Но потом, сопоставив высокое общественное положение капитана и бедность, в какой мы жили, я успокоился насчёт существования каких-либо отношений между Цецилией Оберсвоуд и лордами Англии. Случайных совпадений в фамилиях немало бродит по свету. Но сейчас я так сильно дорожу

спокойствием матери, что хотел бы избежать для неё всяких волнений.

— Видишь ли. Генри, любовь к матери, которая сейчас в тебе проснулась, не должна принимать уродливые формы. А всякая форма любви, в которой есть страх, непременно будет безобразной. Что значит её обморок, какие воспоминания пробудила в ней твоя газета, что прочла она между строк объявления — если она тебе сама не сказала, это не должно тебя касаться. И твоя истинная любовь, твоё истинное уважение к ней могут выразиться только в твоём почтительном молчании по поводу каких-то неведомых тебе страниц её жизни. Если ты на деле любишь мать, то твой единственный жизненный урок, твоя единственная помощь ей, — это полное спокойствие и вера в высокую честь матери. Жди её приезда сюда, как величайшую для вас обоих радость.

Жди, не растрачивая время на истерические выпады, а действуй так, как будто бы возле тебя стоит тень твоего самого любимого друга и Учителя Ананды.

— Как и чем мне выразить вам, не лорд Бенедикт, а величайший и милосерднейший друг Флорентиец, что только подле вас я мог уяснить себе до конца все свои ошибки. И этого мало. Быть может, я и смог бы их себе уяснить. Но только в атмосфере вашей любви я нашёл в себе смирение и любовь, чтобы мирно и спокойно начала расти во мне сила уверенности в победе над ними. От вас льётся такая доброта и мужество, такое чистое сострадание, в котором нет осуждения, — бросился на колени Генри, припадая к руке Флорентийца.

— Встань, Генри, перестань думать о моих достоинствах, а вноси в труд своего дня то, что в моём живом примере тебя увлекает и убеждает. Я сказал тебе только, что сюда приедет твоя мать. Приедет ли с ней капитан и в качестве кого он сюда приедет, о том ты узнаешь сам. Если ты внимательно читал моё письмо, то помнишь, что в нём я говорил тебе, что надо беречь мать, так как в ней залог твоих материальных благ, которыми ты так дорожишь. Ты неверно понял меня, но в ближайшем будущем поймёшь. Иди сейчас к Алисе и продолжай свои занятия с обеими ученицами. Налегай теперь на естественные науки, помня, что физика будет очень нужна Наль. Иди, забудь о своих делах и думай о предстоящем труде, считая его самым важным в эту минуту.

Генри направился к дому, стараясь унять в себе взбудораженное море вопросов, но завидя издали Алису, сразу почувствовал стыд за собственное раздражение под тихим и глубоким взглядом девушки, точно прочитавшей его внутренний разлад...

Мирная деревенская жизнь, которой жил Тендль, сразу оборвалась для

него, как только они въехали в Лондон. Простившись с Тендлем, капитан довёз Дорию до дома Генри и, нерешительно стоя перед нею, спросил:

— Если бы я зашёл к миссис Оберсвоуд вместе с вами, это было бы очень некстати?

— Я думаю, лорд Ретедли, что это могло бы испугать её. Разрешите мне её подготовить. Если вы оставите ваш адрес, я извещу вас о ходе событий, а также когда и как нам встретиться.

Несмотря на очень решительный тон Дории, капитану, очевидно, было очень трудно поверить в её правоту. На лице его мелькало то недоверие, то недовольство своею нерешительностью.

— Вас беспокоит, лорд Ретедли, что я, быть может, не сумею быть достаточно ласковой и тактичной со вдовой вашего брата. Конечно, если бы я действовала от себя, — улыбнулась Дория, — я бы, наверное, не сумела выполнить возложенного на меня поручения. Но я везу ей письмо лорда Бенедикта, и я крепко держу в сердце ту невидимую связь, ту неотступную мысль о нём, которую наш великий друг вселяет в сознание счастливых, кому даёт свои поручения. Поэтому вы можете быть спокойны. Я всеми силами мысли держусь за его великую руку и буду действовать так, как будто бы он рядом со мной. Что же касается вашего участия в этом деле, то оно ведь сводится к тому, чтобы помочь мне выехать из Лондона. Если мы оба не хотим ни в чём нарушить закон бесприкословного повиновения, то каждому из нас надо выполнить свою часть порученного со всею тщательностью и вниманием, на какие мы способны, а не поддаваться своим порывам и впечатлениям.

Разговор этот происходил на тёмной и грязной лестнице, по которой оба собеседника взбирались к жилищу Генри. Насколько была бодра Дория, легко поднимаясь по ступеням, настолько же мрачен был капитан, которого пробирала дрожь отвращения и муки.

— Подумать только, годы жила несчастная женщина в этой нищете из-за предвзятости взглядов моего родного брата и деда. А я и не подозревал об этом, вёл рассеянную жизнь и тратил попусту десятки тысяч, — с болью и горечью говорил капитан, остановившись на площадке пятого этажа и закуривая сигару, чтобы избавить себя и даму от запаха грязных вёдер с отбросами, пережаренного лука и каких-то ещё ароматов, сопровождающих бедноту и оставляемых ею везде благодаря плохо вымытому белью и грязному платью.

— Вы вольны, лорд Ретедли, поступить, как сочтёте нужным. Я думаю, мы уже у цели. Но если вы действительно тронуты героической жизнью леди Оберсвоуд, то вы не захотите доставить ей лишнего горя принимать

вас здесь.

— Вот именно, всё, чего хочу, это вырвать её отсюда немедленно.

— Ну, одними вашими силами этого не сделать. Если бы дело было так просто, лорду Бенедикту не пришлось бы вмешиваться. Я дам вам знать немедленно обо всём. Наконец, ночевать я буду непременно в городском доме лорда Бенедикта и, если вам очень захочется узнать о сегодняшнем дне, вы можете в одиннадцатом часу приехать туда ко мне, и я вам всё расскажу.

Расставшись со своим спутником, Дория постучала в дверь. Ей немедленно открыла уже знакомая нам старушка в белоснежном чепце. Пораженная её красотой и огромными синими глазами, Дория так смешалась, что только молча смотрела на неё. Очаровательно улыбнувшись, хозяйка дома сказала мелодичным и добрым голосом:

— Вы, вероятно, заблудились, леди. Дело в том, что квартира под таким же номером есть и в доме с улицы и иногда, перепутав номер дома, люди попадают ко мне. Вам следует спуститься вниз и повернуть за угол.

Оправившись, Дория с удивлением слушала голос Алисы, такой же мелодичный и мягкий.

— Нет, я думаю, что попала именно по назначению. Ведь я вижу перед собой леди Цецилию Оберсвоуд? — Получив удивлённый и утвердительный ответ, Дория продолжала: — Я привезла вам письмо, и мне приказано сказать вам, чтобы вы вспомнили, о чём говорил однажды дядя Ананды во время болезни Генри в Вене. Это письмо вам посылает тот, кого вы называете Великой Рукой.

Стоявшая перед Дорией маленькая Цецилия Оберсвоуд выражала все признаки смущения и робко взяла письмо.

— Войдите, пожалуйста, — сказала она, открывая дверь в комнату Генри, куда весело заглядывали солнечные лучи и чистота которой поразила Дорию, как поражала всех. Усадив Дорию в кресло, она села у другого конца стола, ясно говорившего своим красным деревом и инкрустацией из перламутра и черепахи о лучших временах, и вынула письмо из кармана белоснежного передника.

Бегло взглянув на адрес, она вскрикнула, откинувшись с совершенно белым лицом на спинку стула и выронила письмо из рук. В одно мгновение Дория была подле неё, она подняла письмо, поднесла к её носу ароматическую соль и натёрла виски и затылок потерявшей сознание женщины жидкостью из флакона, данного ей Флорентийцем, предупредившим, что письмо может повергнуть мать Генри в огромное волнение. Через несколько минут леди Оберсвоуд пошевелилась и с трудом

вздохнула. Желая облегчить ей голову, Дория сняла чепец, посчитав его слишком громоздким. Каково же было её удивление, когда из-под чепца выпали две громадные косы, сохранившие чудесный пепельный цвет. Бледное личико с закрытыми глазами без чепца показалось Дории совсем молодым, обрамленным сединой точно нимбом.

Приготовив лекарство Флорентийца, Дория вторично натёрла виски, затылок и лоб больной и стала ждать первой возможности влить ей лекарство в рот. Ждать пришлось недолго. Леди Оберсвоуд открыла глаза и должна была сейчас же проглотить капли, ловко поданные ей Дорией. И вскоре, откинув косы на спину, мать Генри твёрдой рукой вскрыла конверт, на котором стояло: "Леди Цецилии Ричард Ретедли. баронессе Оберсвоуд от Флорентийца".

"В эту минуту, когда Вы читаете письмо, того, кто искал Вас всю жизнь и ушёл с земли огорчённым, потому что не мог разыскать Вас, — Вашего дорогого брата и друга Вашей молодости, уже нет в живых".

Стон прервал чтение письма на минуту, но мигом подошедшей Дории тихий мужественный голос сказал:

— Не беспокойтесь, я уже владею собой. Это была только спазма сердца, но раз она меня не убила, — всё дальнейшее приму совершенно спокойно. — И леди Оберсвоуд продолжала читать:

"Ваша жизнь, проведённая в полном отрешении от всего личного, далеко не копчена. Ваш брат, о котором Вы думали как о блестящем певце и ученом, был, увы, пастором, несмотря на свои желания и склонности. Но учёным он был по призванию и достиг крупных результатов на одном из своих любимых поприщ. Он оставил дочь, которой Вы очень нужны. Я говорю: «дочь», хотя у пастора их было две. Но почему не говорю сейчас о второй, об этом скажу лично. Пастор оставил Вам капитал. Вы можете получить его только через меня, так как я храню его подлинное завещание.

Не думайте о себе, не думайте о скрытно прожитой жизни. Действуйте сейчас для сына и племянницы, жизнь которым вы можете облегчить. Мой друг Дория отправлена к Вам моим послом. Я ей рассказал, как Вас надо экипировать, чтобы привезти ко мне в деревню, где Вас ждут новые обязанности любви к брату, которого Вы так жестоко покинули и перед которым Вам надо оправдаться не слезами раскаяния и сожаления, но деятельностью и трудом для блага его дочери и Вашего сына. Сказать Вам надо так много, объяснить ещё больше, и в письме этого сделать нельзя.

Примите младшего брата Вашего мужа, капитана Джемса Ретедли, которого Вы не знаете. Примите как друга и брата и не переносите великого оскорбления, нанесённого Вам тестем и его семьей, на ни в чём

неповинного, хорошего человека. Он поможет Вам добраться до моей деревни, а Дория сделает для Вас всё необходимое по части туалетов. Доверьтесь ей, не тратьте силы на мысли мелкие, думайте о сути, об огромном Вашем долге перед так сурово и внезапно покинутом Вами обожавшем Вас братом. Теперь надо так созреть силой духа и сердца, чтобы воздать должное дочери Вашего брата, отдать ей всю не доданную брату любовь и вынянчить её первенца. Приезжайте как можно скорее, со всем свойственным Вам мужеством".

Прочтя письмо, леди Ричард Ретедли закрыла глаза своей маленькой ручкой, рабочей и всё же прекрасной. Дория не прерывала её молчания, всем сердцем сострадав скорби, которая отражалась во всей фигуре женщины. Встав с кресла, леди Цецилия подобрала косы, обвила ими голову и собралась снова надеть чепец.

— Леди Оберсвоуд, лорд Бенедикт, как вы, по всей вероятности, будете звать его официально, тот, кто пишет вам под именем Флорентийца, интимно просил передать вам его просьбу не надевать больше чепца, а сменить весь туалет и приехать к нему в деревню так, как подобает леди Ричард Ретедли. Разрешите мне взять на себя все заботы. Посылая меня, лорд Бенедикт был уверен, что я сумею всё сделать как надо. Сегодня же привезу вам всё, вплоть до чулок и туфель, а завтра утром приеду за вами в десять часов утра с лордом Джемсом Ретедли, чтобы отвезти вас в деревню.

— Пусть будет так, как желает Флорентиец. Мне не приходило в голову посмотреть на вещи таким образом. Но если он прав — а он не может быть неправ — я должна понять, что совершила перед братом преступление. Делайте, что вам поручено, я не доставлю вам огорчений, леди Дория.

— Если я смею просить вас, леди Ретедли, то зовите меня просто Дория, как меня зовёт вся семья лорда Бенедикта и ваша племянница в том числе. Сейчас, будь я болтушкой, целый гимн сложила бы вашей с нею красоте, но я поеду по делам. Вернусь скоро, поскольку капитан был столь любезен, что оставил свой экипаж.

Дория уехала, и леди Цецилия снова села в кресло и принялась второй раз читать столь взволновавшее её письмо.

Между тем мистер Тендль, выехавший вместе с Дорией и капитаном из деревни, был особенно взволнован из-за возложенной на него задачи. Заехав домой, он узнал, что уже более недели его ждут письма, которые путешествовали из конторы домой и обратно и вновь проделывали тот же путь, появляясь в доме сразу после отъезда мистера Тендля. И дядя наконец приказал оставить их на квартире молодого человека. Слуга опустил

письма в специальный ящик, запертый на ключ. И тут явилась пасторша, настойчиво требуя хозяина. Никакие уверения, что мистер Тендль в деревне, не подействовали, и пасторша ворвалась в дом. На помощь подоспела кухарка, им вместе удалось убедить расхажившую даму, что хозяина действительно нет в Лондоне.

— Отдайте мои письма. Мы ему писали столько раз, а он и не думает отвечать, — кричала пасторша.

— Письма приносили из конторы, я отправлял их обратно, думал, там хозяин скорее их получит. Несколько раз рассыльный носил их туда-сюда, а сегодня их дядя — адвокат и лорд, — приказали оставить письма дома, ну я их и опустил в ящик.

— Какой лорд? Разве он лорд? — вскричала пасторша. — Так точно, они лорд, а как умрут, всё — и деньги, и титул — наследует хозяин. А письма, баста, спустил их в ящик.

— То есть как это спустили? Выкинули в мусор? — взбесилась пасторша.

— В какой мусор? В ящик спустил, говорят вам. Чем бы закончился этот диалог, неизвестно, если бы кухарка не догадалась указать на привинченный к стене и запертый на ключ почтовый ящик. На требование пасторши подать ключ возмущённый слуга пригрозил констеблем, если дама сейчас же не покинет дом. Передавая всё это, слуга был так комичен в своём возмущении и оскорбленном достоинстве, что Тендль, далеко не смешливо настроенный, покатывался со смеху. Отпустив слугу, он вынул целую пачку писем; несколько писем было надписано почерком Дженни. Перечтя их, Тендль тяжело вздохнул. Как бы он был счастлив ещё совсем недавно, держа в руках письма Дженни! А сейчас он понимал, что это листки предательства, лжи, измены, Тендлю некогда было горевать, ему надо было незамедлительно выполнять поручение. Примчавшись в контору и передав дяде письмо лорда Бенедикта с его распоряжениями, Тендль долго обсуждал вместе с ним юридическую сторону завещания.

Составив акт и официальное извещение для пасторши и Дженни, адвокат послал племянника в пасторский дом.

Дженни, так долго ждавшая Тендля, переходила от одного настроения к другому. Девушке было невыносимо признаться самой себе в своих ошибках, и она предпочитала взвалить на мать свои беды и неудачи. Пасторша стойко сносила капризы дочери и уверяла её, что ничто для неё ещё не потеряно. Что она получила письмо из Константинополя от одного старинного друга, с которым пастор ей запрещал общаться под угрозой немедленного развода, и что теперь этот друг посылает к ней в Лондон

двух очень богатых молодых людей. Из того же письма она узнала очень хорошую новость: если она пожелает выполнить одно маленькое разумное поручение, то сможет стать богатой. В письме есть намёки на то, что молодые люди не женаты, а у неё две незамужние дочери. Пасторша убеждала Дженни не иссушать свою красоту, развлекаться и ждать молодых людей.

Именно эту беседу и нарушил своим появлением Тендль, которого впустила служанка, не найдя нужным доложить о нём. "Господи!" — воскликнул про себя Тендль, входя в комнату и ничем внешне не обнаружив своего потрясения. Обе дамы валялись на диванах в халатах не первой свежести, растрёпанные, и перед каждой стояла тарелка с какими-то объедками.

На чрезвычайно вежливый, официальный поклон Тендлю пасторша нашлась быстрее, чем Дженни, вскочила с дивана и стала объяснять молодому человеку, что Дженни больна, что она очень тяжело переживает отсутствие Алисы и смерть отца, и не менее горько ей, что в минуту скорби она обидела его, Тендля. Вырученная матерью, Дженни сделала несчастное лицо, закуталась в шаль и разбитым голосом спросила, получил ли Тендль её письмо.

— Я получил все ваши шесть писем сразу, мисс Уодсворт, так что не знаю, о котором из них вы сейчас говорите.

Пасторша хотела было ускользнуть, но Тендль её удержал, сказав, что дело, по которому он пришёл, касается их обеих и не терпит отлагательства.

— Ну что же, Дженни, говорила я тебе, что так и будет, что именно этими словами и начнёт мистер Тендль, — перебила молодого человека пасторша, опускаясь в кресло рядом с Дженни.

Дженни протянула руку мистеру Тендлю и пригласила его сесть поближе. Она сказала, что из-за сильных головных болей в последнее время плохо слышит. Пожав протянутую ему ручку, но отнюдь не поднося её к губам, как ожидала Дженни, Тендль сел на указанное ему место и продолжал тем же официальным тоном, каким начал:

— Я сейчас являюсь послом от двух инстанций. Первая — это мой дядя адвокат, который просит передать вам, леди Катарина, вот это извещение о том, что требуемые вами проценты с капитала, оставленного вашим мужем его сестре Цецилии, не могут быть вам выплачены.

— То есть как не могут быть мне выплачены? Как это понимать? — одновременно вскричали пасторша и Дженни, чрезвычайно взволнованные.

— Встретилось препятствие к выдаче, ибо сестра пастора, леди

Цецилия, предъявила свои права.

— Сестра пастора? Да это миф, которым он меня пугал, когда я требовала, чтобы он не изображал из себя бедного человека, а жил так, как позволяли ему средства. Никогда не существовало такой женщины и имя её не произносилось в семье никем, кроме моего чудака мужа.

— Этот капитал не принадлежал пастору. Он поступил к нему от родни мужа леди Цецилии, лордов Ретедли, баронов Оберсвоуд. Из завещания вы обе узнаете, что этот капитал должен через десять лет поступить в распоряжение лорда Бенедикта, который употребит его на благотворительные цели по своему личному усмотрению.

Снова пасторша перебила Тендля, доказывая ему, что муж её был ненормальным человеком, что лорду Бенедикту она не верит ни на йоту, что отыскать подставное лицо вместо сестры пастора труда не составляет, но что надо ещё, чтобы было фамильное сходство.

— Мы подаём в суд. Мне это надоело, — закончила она на грани бешенства. — Отобрать у меня девчонку, деньги и вообразить, что можно таким образом обирать людей. Ваш лорд Бенедикт окружил себя шайкой мошенников...

— Сударыня, — резко перебил Тендль. — Мой дядя, которого вы уже однажды оскорбили и которого дважды оскорбила ваша дочь, и я имеем высокую честь быть друзьями и преданными слугами лорда Бенедикта. Не советую в моём присутствии оскорблять это глубокочтимое нами лицо. Или вы будете вести себя, как подобает культурным и воспитанным людям, или я уйду и не стану больше говорить с вами о деле.

— Мама, прошу вас, успокойтесь и, главное, сядьте. Вы мне действуете на нервы, — капризно сказала Дженни. — Мистер Тендль, простите нас. Вы и представить себе не можете, как мы страдаем из-за отсутствия в доме Алисы, из-за этой их с папой блажи. Объясните мне, пожалуйста, что и как теперь делать. Ведь не могла же у меня чудом объявиться тётка, которую отец искал бесплодно всю жизнь.

— У вас, мисс Дженни, не только отыскалась тётка, но и двоюродный брат.

— Мы непременно будем судиться, — снова закричала пасторша.

— Суд будет вам только во вред, так как у вас нет ни малейших оснований оспаривать волю пастора или его завещание. Всё, что он завещал, всё сделано юридически очень правильно. Позвольте вам вручить оповещение. Вы обе вызываетесь в судебную контору вашего округа, где будут присутствовать адвокаты, лорд Бенедикт, Цецилия Ричард Ретедли, баронесса Оберсвоуд, её сын Генри Ретедли, барон Оберсвоуд, ваша дочь

Алиса и много других свидетелей, в том числе брат Ричарда Ретедли, капитан Джемс Ретедли. В их присутствии капитал будет передан владелице.

— Это мы ещё посмотрим! Вручить можно, если никто не протестует, — бесновалась пасторша.

— Я уже говорил, суд будет не в вашу пользу, и все судебные, заметьте, очень большие, издержки придется платить вам.

— У меня нет основания верить вам. Вы не пифия, и ваши милые предсказания могут быть ошибочны. Будьте спокойны вместе с вашими досточтимыми дядями, тётями и лордами — провозвестниками чести, что мои друзья, не менее влиятельные, уже едут из Константинополя защищать меня. Так и передайте своему господину, которого так чтите и слушаетесь.

— Вы, мисс Дженни, разделяете отношение к этому делу вашей матушки?

Дженни, поняв, что она снова попала впросак, когда решила, что Тендль явился просить её руки, окончательно его возненавидела, мигом бросила повадки приболевшей кошечки и, встав во весь рост перед молодым человеком, язвительно закричала:

— Я не только разделяю её убеждённость. Я иду дальше. Уверена, что нам удастся достойно наказать всю эту компанию «дельцов», совращающих младенцев, облапошивающих их недальновидных отцов и обогащающихся за счёт невинных людей. Мы их поймем, наконец, в капкан, где, вероятно, найдётся местечко и для такого усердного слуги.

Произнося эту тираду, Дженни сделалась необыкновенно безобразной. Её обычно бледное лицо покрылось багровыми пятнами, рот скривился на сторону, глаза метали молнии. У Тендля мелькнула мысль, что она когда-нибудь сойдёт с ума. Выслушав столь приятную отповедь до конца, он поклонился, сказав Дженни на прощание:

— Я спросил вас об этом только потому, что лорд Бенедикт дал мне письмо для вас, но с условием: если вы окажетесь в ином настроении, чем ваша мать. Быть может, вы бы ещё поехали со мною к нему в деревню. В противном случае письма не передавать. Честь имею кланяться.

Тендль хотел выйти, но Дженни очутилась у двери раньше него и, став спиной к ней, всё с тем же безобразным лицом сказала, шипя от злобы:

— Письмо — документ. Не выпущу вас отсюда до тех пор, пока вы мне его не отдадите. На какие-то условности мне просто наплевать. Письмо — или так и будете сидеть здесь с нами!

Даже пасторша пыталась урезонить дочь, но Дженни уже потеряла всякое самообладание, всякое здравое понимание текущей минуты. При

всём своём хладнокровии Тендль в первую минуту даже растерялся и молча стоял перед девушкой, не понимая, как ему быть. Несколько минут прошло в напряжённом молчании, и Тендль всей силой мысли воззвал к своему адмиралу, моля его о помощи. Вдруг с Дженни произошло нечто совершенно необычайное. Она точно осела книзу, закрыла лицо руками и в страхе закричала: "Нет, нет, лорд Бенедикт, я только пошутила, я сию минуту выпущу вашего поверенного, только не входите сюда и не смотрите так строго". Пораженные пасторша и Тендль смотрели по сторонам, не понимая, с кем говорит Дженни, так как в комнате никого, кроме них, не было. Дженни опустила руки, и Тендль увидел лицо действительно больного человека. Казалось, Дженни мгновенно пережила нечто страшное, от чего постарела и похудела на глазах. Пасторша бросилась к Дженни, но та жестом не то отвращения, не то отчаяния отстранила её от себя и подошла, с трудом переставляя ноги, к дивану. Со стоном девушка повалилась на него, и в том, что она больна, Тендль теперь уже не сомневался. Он готов был предложить свои услуги и бежать за доктором, решив, что у Дженни начинается горячка, как услышал её голос:

— Уходите, пожалуйста, мистер Тендль. Я не могу больше выносить вас. Мне всё чудится рядом ваш лорд Бенедикт с его ужасными глазами. Прошу вас, уходите скорее, только заберите с собою это видение.

Совершенно разбитый голос Дженни звучал слабо. Тендль с удивлением слушал её бред и невольно посмотрел на пасторшу, желая спросить, стоит ли послушаться Дженни или всё-таки бежать за доктором. Он боялся, что Дженни сходит с ума. Взгляд пасторши порастил его не меньше. Она точно шипящая кошка готова была броситься на Тендля и тем не менее не двигалась, точно была приклеена к полу.

— Уходите же, умоляю вас, как можно скорее, я задыхаюсь, — снова раздался голос Дженни.

Подавленный всем пережитым, Тендль ушёл из пасторского дома, будучи не в состоянии привести свои мысли в порядок. Бедняге было очень тяжело. Он перебирал всех, к кому бы мог сейчас пойти. Он мог пойти к Дории и, наверное, нашёл бы подле неё относительный покой. Но Дория была загружена поручениями выше головы, и он не смел обременять её ещё собою. Он мог отыскать капитана, который разрешил беспокоить себя в любое время, но он знал, что капитан встречает свою невесту, а Тендль вовсе не собирался портить его лучезарное настроение. "Сам себе помоги", — подумал Тендль. И так как никого из посторонних он видеть сейчас не мог, не мог и появиться таким расстроенным у своего горячего дяди, то он вспомнил, что Артур должен был сейчас высаживать цветы на

могиле своего господина и друга. "Самое подходящее место и общество, чтобы освежить мозги и прийти в равновесие", — решил Тендль и, почувствовав себя капитаном своего адмирала, двинулся на кладбище.

Покинув Дорию у двери квартиры Генри и дав распоряжение кучеру быть при ней до самого вечера, капитан в первом же попавшемся ему кэбе поехал к себе домой. Здесь он застал мать и сестру в большом волнении, так как накануне вечером на имя капитана пришла телеграмма, извещавшая, что его невеста и её родители прибывают в Лондон в три часа, а капитана вот уже несколько дней нет дома. Обе женщины накинулись на него с выговором, что надо же было предупредить их заранее, что дом следовало бы приготовить к приёму будущей жены, что жених должен сидеть дома и ждать, а не пропадать, как вырвавшийся на волю школьник.

Всё это было оснащено улыбочками и нежными ужимками, цену которым капитан давно разгадал. Поморщившись, он спросил с удивлением, какое отношение к их дому имеет приезд его невесты и её родителей, для которых давно заказан отель. Сказав, что до трёх часов ещё достаточно времени, капитан хотел было пройти к себе, но мать задержала его. После затяжной туманной преамбулы леди Ретедли высказала желание патронировать свою будущую невестку и её родителей в лондонском свете, где новички, — она произнесла это слово с некоторым презрением, — могут повредить себе и заодно всем Ретедли в общественном мнении. Капитан весело рассмеялся, представив себе гордую чету графов Р., патронируемых его матерью, женщиной доброй, но несносной и мало тактичной.

— Вы, матушка, понятия не имеете о русских князьях и графах. Русские вообще народ независимый и очень оригинальный. Их характеры и отношения с миром лишены нашей кастовой узости. А уж если они считают себя аристократами у себя на родине, то им решительно безразлично мнение о них в чужом обществе. И граф, и графиня — люди высокообразованные и чрезвычайно воспитанные. Круг их интересов очень широк, и уж если кому-то придется подтягиваться, то это вам и сестре, чтобы не попадать впросак и суметь ответить на их вопросы или поддерживать беседу. Кроме того, у графов Р много друзей и приятелей среди высшей аристократии, куда вы не вхожи до сих пор и о чём всю жизнь мечтали. Что же касается моей невесты, то это особа, гениально одарённая музыкальными способностями. И как почти все таланты, характера довольно строптивого. Не советую вам докучать своими советами и наставлениями, если желаете провести с ней и её семьёй в мире то короткое время, которое они пробудут здесь.

Капитан говорил очень спокойно и вежливо, но тон его был новым. Во все свои прежние, короткие и редкие наезды в Лондон капитан бывал очень снисходителен к своим родным, никогда не спрашивал, как тратились его деньги, и мать с сестрой привыкли не ограничивать свои расходы. В этот же приезд капитан дал своему банкиру распоряжение ввести в рамки расходы своей семьи. Он объявил матери, что они с сестрой должны жить только на свои капиталы, завещанные им отцом и дедом. Обе дамы тратили его средства и растили проценты на свои капиталы.

— Я не понимаю тебя, сын мой. Конечно, ты женишься, и твои потребности увеличатся. Но всё же, куда вам двоим такая уйма денег?

— Надо полагать, матушка, что всё же не меньше, чем вам двоим. А между тем эту уйму денег, как вы изволили выразиться, вы ухитрились истратить до последнего фунта за эту зиму. Если бы у меня не было ещё капитала в запасе, в хорошем бы я был положении перед свадьбой. Мой банкир давно предупреждал меня, что вы играете и даже ввели в искушение мою сестру. Но чтобы не остановиться при том, что все проценты уже прожиты вами, и желать коснуться моего капитала, — этого я не понимаю! Живите на свои капиталы и, если таковы ваша воля и вкус, спускайте их в карманы проходимцев. Мои же деньги, результат честных трудов деда, отца и моих, для вас больше не существуют.

— Но ведь ты же знаешь, что Ревекка ещё не замужем, что она числится одной из самых завидных невест, и её капитал должен целиком составить её приданое.

— Ревекке скоро тридцать пять лет, вряд ли теперь ей придется выйти замуж. Поменьше бы выбирала и характер имела получше, тогда можно было бы ещё на что-то надеяться. Теперь же, каковы бы ни были ваши возражения и недовольство, — мои распоряжения вам известны, и говорить больше об этом не будем. Я очень счастлив, что сумел сохранить неприкосновенным капитал брата, хотя обе вы так настойчиво его требовали.

— Ты положительно напоминаешь мне мою бабушку с её жёлтыми глазами. Её рассуждения были так же фантазмагоричны. Ты всё ещё воображаешь, что пропавшая без вести жена Ричарда объявится, — насмехалась вконец раздражённая мать.

— Всё возможно. А главное, вы прекрасно знали, что Ричард был женат, что жена его в положении, а отцу и деду сказали, что он спутался с какой-то девчонкой. Вы ведь знали, что она из хорошей семьи. Я был слишком мал, чтобы разобраться в этой истории. Но теперь думаю, что вы сами очень чего-то боялись и оклеветали, оскорбили и выгнали жену брата, когда она

пришла к вам после его внезапной смерти.

Леди Ретедли хотела что-то возразить, но капитан простился с нею и, сказав, что должен подготовиться к встрече невесты, вышел из комнаты.

— Как тебе это нравится? Нашего Джемса точно подменили, — обратилась мать к дочери, подслушивавшей весь разговор.

— Это ужасно. У нас была доверенность, мы могли взять весь капитал.

— Да что ты понимаешь! Капитал, капитал! В том-то и штука, что на капитал у меня доверенности не было. А из процентов этот мошенник банкир дал мне только половину, уверяя, что остальные перевёл Джемсу в Константинополь. И куда ему столько денег — не пойму.

— Я вот понимаю только, что ваши планы не состоялись. Вы хотели везти невесту Джемса к своим портным и портнихам и, кстати, по тому же счёту обновить и наши туалеты. Как мы теперь покажемся в старье перед светом! Вы, мама, стали так неосторожно играть, что за вечер спускаете по десяти тысяч.

— Уж не нравоучения ли ты собираешься мне читать? Слово за слово, между прекрасными дамами разгорелась война, и когда час спустя капитан выходил из дома, он всё ещё слышал их взаимные упрёки.

"И где были мои глаза? Ведь я прежде полагал, что мои мать и сестра самые отличные женщины", — печально думал капитан, садясь в экипаж, чтобы ехать на пристань. Взмолвленный предстоящим свиданием с Лизой, которую он любил самой чистой любовью, огорчённый печальной судьбой Цецилии и Генри, весь перевёрнутый с самой встречи с Анандой и И. и оживший подле Флорентийца, капитан вспоминал сейчас его заветы для молодой семьи. Мысли его повернулись к Флорентийцу. На сердце сразу стало легче. Вспомнил он, что и понедельник, когда он привезёт к нему Лизу, не за горами; стал совсем весел и, улыбаясь, подкатил к пристани. Пароход уже подходил, и у капитана не было времени сосредоточиться, так как он увидел множество знакомых; вопросы, поздравления по поводу его неожиданной женитьбы на русской сыпались на него со всех сторон.

Первое, что увидел капитан, было милое, но очень бледное и похудевшее лицо Лизы, стоявшей у самого поручня. Девушка не сразу обнаружила его в толпе, и глаза её, печальные и потухшие, равнодушно скользили по берегу. Капитан поднял руку с букетом красных роз и махнул им несколько раз над головой. Лиза тотчас же заметила его, улыбнулась, глаза её просияли, и лицо стало таким прекрасным, как в те мгновения, когда она собиралась играть. За нею стояли её родители, тоже увидевшие теперь капитана и посылавшие ему улыбки и приветствия. Все они показались капитану изменившимися к лучшему в своих парижских

костюмах.

В первый раз он испытывал такое нетерпение, и ему показалось, что слишком долго между берегом и пароходом не прокладывают сходни. Но воспользовавшись своим чином, капитан стоял рядом с Лизой задолго до того, как пассажирам было разрешено сходить. Капитан радостно смотрел на свою невесту и, поднося её узкие и длинные пальчики к губам, вспоминал, что говорил Флорентиец о его будущей жене. С трудом овладев собою, он приветствовал своих будущих тестя и тещу, едва успевая отвечать на их вопросы. Лиза же, стоя под руку с женихом и прижимая к себе его цветы, молча смотрела на него, сияя глазами.

Отвезя свою будущую родню в отель, капитан сказал, что заказал на веранде ранний обед, с тем чтобы потом показать им Лондон, которого его невеста совсем не видела, а старики были здесь очень давно. Капитана тяготила невозможность переговорить с Лизой с глазу на глаз. В его новом душевном состоянии ему хотелось хотя бы отчасти посвятить невесту в свой духовный мир, в созвучном отклике на который он не сомневался, а также рассказать ей о Флорентийце, о его приглашении к завтраку в понедельник. Радужные и весёлые старики так любили свою дочь, что уже не отделяли в своих сердцах капитана от дочери. При всей своей культуре они не понимали, что жизни их разные, что отцы и дети только тогда могут пребывать в гармонии, когда отцы живут своею собственной полной жизнью, а не пытаются жизнью детей заполнить отсутствие собственного интереса к жизни.

Всё же капитан сказал невесте, что завтра в два часа он заедет за нею, чтобы показать вначале ей одной их будущее жилище. Затем они вернутся за родителями, отдадут все вместе визит его матери и сестре, и тогда уже проедут вместе в тот маленький особняк, который капитан заново отделал для себя и своей жены. Не слишком довольные таким планом, поскольку они привыкли за время путешествия быть постоянно вместе, старики, однако, почувствовали, что надо привыкать к одиночеству.

После осмотра Лондона капитан отвёз графов Е. в отель и, к общему удивлению, откланялся. Лизе он шепнул, что завтра объяснит ей многое. Взгляд капитана был так серьёзен и любящ, он поцеловал ей руку так горячо и искренне, что Лиза, сияя улыбкой радости, проводила его спокойно и сейчас же ушла к себе, сказав, что у неё болит голова. На самом же деле под шалью она спрятала объёмистое письмо капитана, которое он, как дневник, писал девушке каждую ночь, когда гостил у лорда Бенедикта. Он вложил туда же и маленькую записку, полную нежной любви, в которой просил её вникнуть в его слова, так как многого, что он будет ей говорить,

она не поймёт, если не вдумается в дневник. В письме он описывал Флорентийца, его семью, а также самое важное из пережитого в Константинополе.

Покинув Лизу, капитан поехал к Дории, в дом лорда Бенедикта. Дом был приготовлен к возвращению хозяев и поразил капитана необычностью своего убранства, какой-то новой для него гармоничностью, уютом и особенно тонким изяществом. Дория, которую до сих пор капитан видел только мельком и на которую мало обращал внимания, удивила его не меньше. Впервые он разглядел, что она очень красива. Удивила его и та объективность, с которой она подробно рассказала ему о леди Цецилии, прибавив, что завтра сама леди Ретедли решила ехать с первым утренним поездом, и если капитану это почему-либо неудобно, она может обойтись и без него. Но леди Цецилия готова принять брата своего мужа. Капитан улыбнулся, напомнил Дории её же слова о доле каждого в поручении лорда Бенедикта и сказал, что так устроил свои дела, чтобы быть свободным всё утро, что доставит их до самой станции, усадит в экипаж, а сам встречным поездом вернётся в Лондон.

Условившись, что он будет ждать Дорию у подъезда леди Цецилии в шесть часов, капитан собрался уходить. И тут слуга подал Дории несколько писем. Разобрав их, она отдала капитану то, на котором значилась пометка: "Прошу прочесть тотчас же". Письмо было от Флорентийца, и лорд Бенедикт писал:

"Мой друг, прошу Вас, не спешите огорчать свою будущую родню, графов R, известием о Вашем скором отъезде в Америку. Дайте им привыкнуть к мысли о жизни без дочери, создающей свою собственную семью, в которой не они играют первые роли, к чему давно привыкли. И если доверяете мне до конца, предоставьте мне подготовить их к возвращению в Россию, что, думаю, я сумею сделать безболезненно для них и для Вас.

Чтобы Вы не показались старикам бестактным, передайте им моё прилагаемое здесь приглашение посетить меня вместе с дочерью в понедельник. Не разочаровывайтесь, пожалуйста, графиня, наверное, будет себя ещё плохо чувствовать после путешествия по Парижу, граф не покинет её одну, хотя страстно будет желать ехать, — и Вы получите возможность побыть вдвоём с будущей женой у нас.

Чтобы не стать камнем преткновения между женой и её родными, с одной стороны, и чтобы вам обоим жить полной и свободной жизнью, надо сейчас собрать весь свой такт и весь свой дар приспособления. Не старайтесь оградить себя от чьего-то нажима, но подымайтесь выше в

своей любви к независимости не только собственной, а также Вашей жены. Не предрешайте вопроса, как избавиться от интимного вмешательства в Вашу семейную жизнь. Но представляйте перед всеми в таком внутреннем единении, чтобы никому и в голову не могло прийти рассуждать о ваших взаимоотношениях.

Что касается леди Цецилии, предоставьте всё мне. Когда, где и в чём будет нужна Ваша помощь — я Вас тогда позову. О Флорентийце, как о человеке Ваших мечтаний, — никому ни слова. Здесь завет молчания".

Прочитав письмо, капитан сказал Дории, что ответа не пошлет, что, как договорились, будет ждать её у леди Ретедли.

Возвратившись домой, капитан ещё и ещё раз перечитал письмо Флорентийца. Он вспомнил разговор с ним в деревне и лег спать несколько обеспокоенный тем, не слишком ли много он сказал Лизе в своём письме.

Глава 13

ЛЕДИ ЦЕЦИЛИЯ РЕТЕДЛИ В ДЕРЕВНЕ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА

Как было условлено накануне, в назначенный час Дория и капитан Джемс встретились у подъезда леди Цецилии. Обменявшись приветствиями, они молча стали взбираться по уже знакомой лестнице. Чем выше поднимался капитан, тем больше он робел. Судя по виду дома и по тем редким людям, что спускались им навстречу, в оборванных и грязных платьях, капитан ожидал найти в матери Генри нечто подобное тому, что сейчас видел. Но он твёрдо говорил себе, что идёт к вдове своего брата, обиженной женщине, незаслуженно оскорбленной всей его семьей и его собственной матерью.

В его сердце раскрывалось такое огромное сострадание, что он заранее принял любую форму, в какой бы ни встретил вдову брата. Он старался быть спокойным, он знал свой долг сейчас и хотел его выполнить. Но помимо его воли что-то вызывало дрожь в руках. Он думал о жизни, полной героических усилий, и готовился увидеть развалину, физически и нравственно измождённого человека. В свою очередь Дория, хотя и была уверена, что женщины с сердцем и мужеством леди Цецилии не подвержены истерикам, всё же опасалась повторения обморока и спазмы сердца.

На лёгкий стук в дверь послышались шаги, и изумлению капитана и его дамы не было предела. Перед ними стояла совершенно готовая к отъезду леди Цецилия, в элегантном шёлковом костюме, прелестной небольшой чёрной шляпе и с шалью. Изящество фигуры, скрываемой до сих пор старым платьем и передником, отлично причёсанные волосы и новая для Дории манера держаться приковали её к месту. Леди Цецилия теперь казалась моложе и выше и так напоминала Алису, что не назвать их сестрами было бы невозможно даже тем, кто видел бы их впервые. Капитан, готовившийся увидеть богатый, но нелепо напыленный наряд, ждавший некоторого убожества и вульгарности в своей невестке, был так поражен, что ему стало стыдно за свои покровительственные мысли и снисхождение, с которыми он сюда поднимался. Видя, что её гости не входят, леди Цецилия распахнула дверь, улыбнулась и сказала:

— Войдите, пожалуйста. Я приготовила вам лёгкий завтрак, проглотить который займёт у вас пять минут времени. Мы успеем к поезду, всё готово.

Оторопевшие Дория и капитан поздоровались с хозяйкой, не давшей им времени вымолвить ни слова и усадившей их за небольшой стол, покрытый белоснежной скатертью. Точно по волшебству перед каждым из них очутился дымящийся шоколад и пудинг.

— Боже мой, только в детстве, дома, я ел такой чудесный пудинг, леди Цецилия.

— Быть может, это не единственное из воспоминаний детства, лорд Джемс. Если вы обратите внимание на вашу чашку, то узнаете и её. Мой муж дорожил ею и говорил, что это ваш подарок.

Капитан осторожно поднял свою чашку и тотчас же признал в ней свой подарок старшему брату в один из дней его рождения. Сердце у него сжалось, молнией мелькнули тысячи воспоминаний, и он ещё раз пристально посмотрел на свою невестку. Это была несомненная красавица. На её лице, немолодом, бледном, не было ни одной морщинки, только кожа была чуть жёлтая, напоминая лёгкий загар или слоновую кость. Дория увидела, как изменилось лицо капитана и как задрожали его губы. Ей стало страшно, выдержит ли леди Цецилия такое волнение, и она стала торопить капитана, уверяя, что они могут опоздать к поезду.

Через несколько минут они уже сидели в коляске, а затем и в поезде. Каждый чувствовал так много, что все они предпочитали вести самый незначительный разговор. Объясняли леди Цецилии станции и знакомили её с семьей лорда Бенедикта и с теми людьми, которых она встретит в его доме. Благополучно добравшись до места назначения, капитан усадил обеих дам в коляску лорда Бенедикта, проверил их вещи и, сердечно простившись с ними, возвратился к часу дня в Лондон, как и предполагал.

Леди Цецилия, расставшись накануне с Дорией, не пожелала примерить при ней ни одного из привезённых костюмов и платьев, сказав, что выберет что-нибудь в дорогу сама и приладит, если будет надобно. Остальное возьмёт в деревню и там, с помощью Дории, постарается пригнать по фигуре. Дория не спорила, так как не хотела ничем отнимать силы у леди Цецилии, силы, которых, как она полагала, ей понадобится немало для предстоящих испытаний. Увидев леди Цецилию одетой так артистически и именно в то, что она наметила для её первого появления в деревне, Дория была удовлетворена и успокоена, найдя в этом верный признак большого самообладания.

Сейчас, впервые за двадцать пять лет выехав за город, впервые сев в коляску, леди Цецилия думала не о капризе судьбы, выносящей её на поверхность из той клетки труда и одиночества, в которую она считала себя навек заточенной. Она думала всё о том же, всё о тех же словах лорда

Бенедикта в письме, о её вине перед братом, перед любимым и нежным существом, которого она сделала ещё более несчастным, лишив его своих забот и любви. Вся её воля сейчас, вся любовь и надежды собирались вокруг племянницы, она жаждала дать ей и её будущим детям то, чего лишила своего обожаемого брата.

Леди Цецилия не думала о том, чего её лишили люди. Она не ощущала себя именинницей, которую жизнь вознаграждает по достоинству. Она думала только об Алисе, об этой молодой жизни, которой она может быть полезна. За Генри, с того самого момента, как он уехал к лорду Бенедикту, леди Цецилия перестала волноваться. О встрече с капитаном Джемсом, который сохранился в её памяти подростком, она думала мало, как вообще мало думала о прошлом, об обидах, причинённых ей семьей мужа. Она всё и всем простила, но себе не могла простить лишних страданий брата. Вся под воздействием этой мысли, леди Цецилия жаждала поскорее увидеть Алису и претворить в дело энергию своей любви.

Чем ближе были путницы к дому лорда Бенедикта, тем сильнее волновалась леди Цецилия. Теперь она думала о сыне. Как ни тесно было дружеское сближение матери и сына за последние дни, всё же в её наболевшем сердце зажили не все трещинки былых отношений. Не зная, что Генри ещё не ведаёт о своём родстве с Алисой и капитаном, не зная также, что приезд её будет для него неожиданностью, она беспокоилась, как примет сын её новый облик и как перенесут его потрясённые нервы её появление "в свете". Ей не суждено было решить этот вопрос, так как едва экипаж завернул в аллею парка, как навстречу вышли юноша и девушка, смеясь и болтая и, очевидно, никак не ожидая коляски. Внезапно точно выстрел раздался крик: "Мама!", и прежде чем леди Цецилия успела что-либо сообразить, она уже была в объятиях сына, прыгнувшего на подножку.

Дория остановила коляску, уступила своё место Генри, глаза которого были влажны, и предоставила матери и сыну доехать до подъезда, где виднелась высокая фигура Флорентийца. Когда экипаж остановился, никто не успел открыть дверцы раньше самого хозяина. Подав руку своей гостье, он помог ей выйти из коляски, ввёл на террасу, где уже ждал накрытый стол. Усадив совсем бледную леди Цецилию на диван, лорд Бенедикт подал ей маленькую коробочку, прося скушать конфету, которая освежит её после долгого пути.

Не смея послушаться, леди Цецилия сняла перчатку и невольно поглядела на прекрасную руку, державшую перед ней открытую коробочку. Она подняла глаза и утонула в море ласки, лившейся из глаз хозяина дома.

— Смелее, леди Оберсвоуд, уверяю вас, всё более нежели

благополучно, хотя я и напугал вас виной вашей перед пастором.

Леди Цецилия сразу же почувствовала себя увереннее и проще среди невиданного ею десятки лет великолепия и простора и ответила своим музыкальным голосом:

— Такая великая и благотельная рука, как ваша, лорд Бенедикт, не может никого напугать. Человек или не готов принять весть, которую она подаёт, или чересчур низменен, чтобы понять, что ему подаётся мудрость и спасение. Но если он вообще способен видеть Свет, он не испугается.

Не успела она закончить, как на ступенях террасы показались Дория и Алиса.

— Что это? Сплю я? Или это мираж, и моё воображение показывает мне, какой я буду через двадцать лет, — закрыв глаза рукой и остановившись, тихо говорила Алиса. — Лорд Бенедикт, я просто боюсь открыть глаза. У меня, вероятно, жар и галлюцинация.

— Успокойся, друг мой, тебе не так легко теперь заболеть после той долгой твоей болезни, — рассмеялся Флорентиец. — Открой глаза и посмотри хорошенько на сестру твоего отца, ту любимую его сестру Цецилию, которую он искал до самой смерти, да так и не нашёл. Теперь она перед тобой, и если бы нашлись желающие не признать её, — ваше фамильное сходство убедительнее всего.

От неожиданности Алиса, при всём своём мужестве, была не в силах двинуться с места. Леди Цецилия и не менее Алисы пораженный Генри сочли её молчание за нежелание признать их родней.

— Мама, дорогая, милая, не огорчайтесь. Если Алиса не захочет признать вас, я буду так любить вас, так заботиться, что вы забудете, как отвергли вас сейчас.

— Да вы совсем с ума сошли, Генри, — закричала Алиса, бросаясь к леди Цецилии. — Тётя, тётя и ещё раз тётя, всей душой желанная! Если папа искал вас и не нашёл, то та, о ком он говорил как о единственной своей счастливой в жизни встрече, найдена лордом Бенедиктом не для драм и скорби, а для общего нашего счастья и любви. Папа, обожаемый папа всё надеялся отдать вам свою любовь, вознаградить за ваши страдания, о которых постоянно думал. Он не успел. Но этот дом, бывший домом его возрождения, счастья и смерти, этот дом вернёт вам не только племянницу, но и внуков, и друзей, и бодрость, и радость. Тётя, не плачьте, я не могу этого видеть. Обнимите меня, принимая в моём лице всю ту любовь, какой любил вас папа.

Успокоив дрожавшую леди Цецилию, Алиса и Генри проводили её в приготовленную ей комнату. Подорванный непосильным трудом всей

жизни организм бедной женщины едва справился к вечеру при помощи целебных трав лорда Бенедикта со всей путаницей новых дел, людей, происшествий, свалившихся на неё сразу. Первой, кто постучался к ней на следующее утро, была Алиса, Личико её, вчера такое бледное, сияло сегодня всей прелестью юности и свежести. Ласково, нежно поднимая тётку с постели, на которой та уже давно сидела в задумчивости, Алиса попросила её примерить платье, которое они с Дорией выбрали ей на сегодня, желая видеть её в полном смысле красоткой.

— В таком случае племянница моя должна становиться спиной к публике, чтобы лица её никто не видел рядом с моим; иного средства нет и никакие костюмы мне не помогут.

Раскритиковав причёску тётки, которая по старой моде и по долголетней привычке уложила волосы тугими жгутами, Алиса занялась её головой, болтая обо всём, не давая тётке задумываться о тревоживших её вещах.

— Вот что, тётя. Как бы вы ни были встревожены, раз вы попали в дом лорда Бенедикта, можете быть уверены, что беды ваши миновали. Не стоит думать всё об одном и том же тяжёлом, потому что минуты бегут, а человек всё сидит печальный и не видит того радостного, что несёт ему летящая минута.

— Да, дитя, ты совершенно права. Но за всю мою жизнь не было дня, когда бы я не помнила, не любила и не благословляла двух людей: твоего отца и моего сына. И ни того, ни другого я не умела сделать счастливыми.

— Не смею спорить, тётя, о том, чего ещё не знаю по опыту, то есть о сыне. Но боюсь, что вы очень ошибаетесь, и всё счастье, главное счастье Генри именно в том и состоит, что у него были вы. Что же касается второго, то у меня до самого последнего времени только и было во всём свете три человека: отец, мать и сестра. Я их любила всем сердцем, как могла и умела... И ни одного не сделала счастливым. Это было трагедией моей жизни, раной, которая вечно кровоточила. И только здесь, подле великого друга, моего второго отца лорда Бенедикта я поняла и смысл моего страдания, и цену жизни вообще, а не только своей личной. Думаю, что лорд Бенедикт разъяснит вам всё то, что было до сих пор от вас сокрыто. И вы найдёте здесь радость в том, чтобы помочь целому кругу людей вновь сойти на землю.

Леди Цецилия, тронутая любовью, звучавшей в словах племянницы, далеко не всё поняла, о чём та говорила, но вопросы задать не пришлось, так как в дверь стучал Генри, нетерпеливо требуя, чтобы его впустили. После многих восторгов по поводу нового внешнего облика матери,

бесконечного удивления сходством её с Алисой Генри всё не мог понять, почему он сразу же этого не увидел. Все трое спустились вниз, и леди Ретедли познакомилась с остальными членами семьи, которых не могла видеть вчера из-за своего недомогания. Красота Наль произвела на неё такое сильное впечатление, что она даже оробела. — Я вижу, леди Ретедли, моя красотка-дочь пленила вас. — Да, лорд Бенедикт. Должна признаться, что не только красота вашей дочери, но и что-то ещё в ней, в вас, да, пожалуй, и в муже вашей дочери, и в Алисе меня пленяет и страшит. Мне всё кажутся, что я недостойна вашего общества, — краснея до волос, сказала леди Цецилия. — Быть может, это результат моего слишком долгого одиночества, слишком давней привычки скрываться. Я, вероятно, отвыкла от людей. Хотя, — прибавила она, смеясь и ласково глядя на хмурившегося Сандру и добрейшего Амедее, — вот юного вашего друга, как он ни строго на меня смотрит, и лорда Мильдрея я вовсе не боюсь.

— Bravo, леди Оберсвоуд! Вы попали не в бровь, а в глаз нашему учёному Сандре. Он считает себя первым другом вашего покойного брата и потому, ввиду особой важности вашего приезда, считает неудобным быть просто весёлым и напускает на вас пыль своей учёности.

— Пощадите, лорд Бенедикт, — взмолился расхохотавшийся Сандра. — Неужели вся моя учёность — только одна пыль? Бог мой, я готов до конца дней дать обет не хмуриться от радости, только бы не носить никогда мантии или парика книжного червя.

Быстро отдав кое-какие распоряжения, осведомившись, чем будет занят каждый из членов его семьи, отменив кое-что в порядке дня, лорд Бенедикт сказал, что объявляет своё право хозяина доказать госте дом и парк, на что уйдёт всё утро до самого завтрака, и тогда он уступает право развлекать гостью всем остальным.

Первой комнатой, которую увидела леди Цецилия, был кабинет Флорентийца. Усадив её в кресло, хозяин подал ей великолепный портрет пастора, написанный Амедеем и передававший всю новую живую жизнь лорда Уодсворда. Невольный поток слёз хлынул из глаз его сестры.

— Боже мой, я всё хранила в памяти лицо юноши с пламенными глазами. Ни разу я не подумала, что брат мой уже старик, седой, как и я. И ни разу не мелькнула у меня мысль, что немало морщин и седин прибавила ему я.

— Плакать не свойственно вам, леди Оберсвоуд. Ведь вы так полны желанием перевести в дело всю ту энергию любви, которой вы лишили брата при его жизни. Выслушайте меня, но сначала ответьте мне на два вопроса. Во-первых, чувствуете ли вы себя в силах слушать, спокойно

обдумывать и ещё спокойнее решать? И во-вторых, верите ли вы мне так, чтобы ни в одном моём слове не усомниться? Подумайте прежде, чем дать ответ. Это очень важный момент вашей жизни. Он не менее важен и для целого круга людей, часть которых вы знаете, часть не знаете совсем и не помните в данной жизни, но с которыми, тем не менее, вы тесно связаны.

Когда я спрашиваю вас, верите ли вы мне, то это означает не только веру в мою честь и доброжелательство. Но веру и в мои знания не одной данной, но всех жизней человека, всех его кармических связей, всех его возможностей творчества и искупления в данное сейчас. Я вижу, что вы меня не совсем понимаете. Первое, что вам следует узнать, — это вечная жизнь каждого существа, сходящего на землю. Земля — мир форм, где идеи, энергия, мысль, всё, чем живёт человек, непременно претворяется в форму. Всё неосоздаемое, невидимое, всё самое высокое, чем живёт человек на земле, — пока он на ней живёт, — всё непременно и непрестанно претворяется им в форму, если он живёт полезным членом своего общества. Всякий болтающий попусту, воздвигающий на словах памятники человечеству и не умеющий ни зашить дыру на платье своего друга, ни вылить своей любви в самое простое дело обычного трудового дня, — тот только бесполезный нарост на теле человечества.

Земля — мир действенных форм, мир труда. Здесь каждый человек должен проходить свой урок, не требуя ничего от людей, но неся им свою помощь. Вы были матерью, которая всю жизнь помогала сыну. Вы были слишком снисходительны, не упрекали сына за лень, невнимательность, невыдержанность и эгоизм. Вам казалось, что жизнь сама научит его великому искусству самообладания. В этом вы были неправы. Но это вопрос второстепенный в сравнении со всем тем, что вам надо понять и решить сейчас. Чудес нет. Всё, что кажется чудом одному, — самое простое знание для другого. Мне, как и многим другим, удалось пройти в знании дальше тех, чьи мысли и сердца не были так пытливы. Из того, что открыто мне, я могу сказать вас сейчас не так уж много. Но и это немного покажется вам чудом.

Человек живёт в земной форме не один и не сто раз, а столько, сколько требует его эволюция, его движение к вечному и непрестанному совершенствованию. Этот путь у каждого свой, неповторимый. И тот, кто понял, что нет Бога иного, чем носимый в себе огонь творчества, кто понял, что пока живёшь на земле, всё, в чём можешь двигаться вперёд, это только твой собственный текущий день, — тот не упустит возможностей земной своей формы, в которой живёт сейчас.

Не зная никаких мировых философий, вы умели презреть всё условное,

раскрыть самое драгоценное в себе и действовать. Так или иначе, вы поняли законы жизни. Вы не схоронили свой дар любить и оделяли чистой и верной любовью всех, кто встречался вам на пути. Одного только вы обделили, с одним только строили отношения по условным законам земли, — с вашим братом. Не будем говорить о том, как много страдали вы, как много благодаря этой вашей тактике страдал он, — перейдём к сути дела. К вопросу: можно ли отдать человеку свой долг любви и заботы, если он разлучен с тобой смертью? Я уже говорил вам, что человек живёт не один только раз. Есть такие особо возвышенные души, которые осеняет любовь и деятельные заботы невидимых людям земли помощников, они заранее готовят для них место следующего воплощения, учитывая наилучшие возможности для их развития. Если дух человека чист, велик и самоотвержен, нужен земле, как помощь и мудрость, то те его друзья, каких религия зовёт святыми и ангелами, а мы — владыками карм и невидимыми помощниками, подбирают ему семью, в которой он воплотится.

Для вашего брата такая будущая семья определена. Эти друзья его и привели вас ко мне, так как семья будет создаваться для него в моём доме, с моею помощью. Будущие родители вашего брата — это Алиса и лорд Амедей. Их первенец будет не кто иной, как ваш брат. Вам предоставляется возможность отдать остаток сил и жизни не только первому ребёнку Алисы и Мильдрея, но и всем их детям. Хотите ли вы этого, леди Цецилия? Если вы этого хотите, вы должны духовно собраться, должны, в полном самообладании, дать два обета: обет полного и беспрекословного повиновения мне, так как только им одним вы можете выразить свою неколебимую верность взятой на себя задаче. И потом вы должны дать обет целомудрия и безбрачия.

Вы рассмеялись, так невероятно показалось вам предположение, что вы выйдете замуж сейчас, после чистой и долгой жизни в одиночестве. И тем не менее обет должен быть вами произнесён, ибо за каждым поворотом жизненного пути человека ждут испытания. Я писал вам, что у вас есть ещё племянница, старшая дочь пастора, Дженни. Дженни и её мать всю жизнь терзали пастора своею склонностью ко злу. Пока он был жив, он защищал их своей чистотой. Теперь, увы, они широко раскрыли свои сердца и мысли злу и спасти их уже никто не может.

В их головах зреют замыслы отнять ваши с Алисой капитал и дом. Начнут они с суда и официальных каверз, а кончат тем, что будут соблазнять вас обеих блестяще — по их мнению — выйти замуж. Я вполне уверен в вас. Но не от меня зависит, какие обеты вы дадите Вечности. Их выбрали те, кто выше меня, но выбор ваш совершенно свободен. Никто,

ничем, никак вас стеснить не может. Не спешите с ответом. Если он будет отрицательным, на вашем внешнем благополучии это никак не скажется.

Леди Цецилия встала, подошла к креслу Флорентийца и опустилась на колени:

— Мне незачем выбирать. Великий друг Флорентиец. Я ничего не знала и не знаю. Но из того, что вы мне сказали, принимаю всё до конца. Я не знаю, кто вы, но сердце моё назвало вас Великой Рукой. Таков вы для меня в эту минуту, таковым останетесь и впредь. Перед алтарём Бога живого я произнесла один только обет верности — верности мужу. Я его сдержала легко и просто. Перед лицом того же Бога, которому служу, как умею, я даю вам те два обета, о которых вы говорили. Я буду повиноваться радостно всему, что будет вам угодно мне приказать. Я не вступлю в новый брак ни с кем, хотя бы кто-то говорил мне, что я этим спасу его жизнь.

Я хочу отдать свой труд и жизнь не только брату, но и всем детям Алисы, и всем тем, на кого вы ещё мне укажете. Я пойду всюду, так и туда, как вы укажете мне.

— Встань, друг, встань, новая душа, готовая к жизни самоотверженного сострадания. Не важно быть выдержанным и спокойным, когда всё благополучно. Растет дух человека только в борьбе и грозах, в страданиях выковывая выдержку. Помни, друг и сестра, только одно отныне: радость — сила непобедимая. Нам предстоит борьба с тёмными силами. Наше участие в ней будет небольшое, мы уедем и оставим основное на великого мудреца Ананду, которого ты чтить. Пойдём отсюда. Храни всё, что я сказал, в тайне, и возьми этот браслет, что оставил тебе пастор. На нём из этих зелёных камней составлена надпись: "Любя побеждай".

Флорентиец обнял леди Цецилию, надел ей на руку чудесной работы браслет, который она поцеловала, как бы ещё раз подтверждая свои обеты, и они вместе прошли в парк, где на одной из уединённых скамеек нашли печального и задумчивого Генри.

— Что же ты сидишь здесь один. Генри? — спросил Флорентиец.

— Ваши приказания я выполнил, лорд Бенедикт. Я обошёл весь парк и, признаться, огорчился, не найдя в нём вас и мамы. Мне так хотелось побыть с вами и с ней, что я чуть не плакал. Зато теперь я так счастлив.

Голос Генри, прежде резкий и сухой, звучал нежно и ласково. Взгляд его, открытый, прямо в глаза Флорентийцу, изумил леди Цецилию.

— Боже мой. Генри, где ты взял этот голос и этот взгляд? У меня даже сердце забилося. Ты сказал эти слова точь-в-точь как мой брат Эндрью, твой дядя. Ты — типичный, вылитый Ретедли, но сейчас твой взгляд, твой голос были живым воплощением моего брата.

— Ретедли? — в полном изумлении сказал Генри. — Ты, мама, что-то путаешь от волнений последних дней.

— Нет, Генри, настало время тебе узнать, что ты — Ретедли. Сын Ричарда Ретедли, барона Оберсвоуда. Я тебе не могла сказать об этом раньше, так как отец твой, умирая, взял с меня слово, что я не вернусь в дом его отца до тех пор, пока дед будет жив. Дед умер очень скоро, через несколько дней после смерти твоего отца, не оставив завещания. Я пришла в дом к его матери, но меня не приняли, оскорбили ужасно, сказав, что я не жена, а девок на свете много. Теперь выяснилось, что дед оставил мне весь капитал, которого он лишил Ричарда после ссоры с ним, но мать, зная всё, скрыла это от меня. Я была не в силах вынести оскорбление, я действительно вышла замуж за твоего отца против воли его родных. Я бежала ночью из родного дома с твоим отцом, но венчали нас, как венчают всех англичан, и ты — родной и законный сын Ричарда Ретедли.

Не дав опомниться онемевшему от изумления Генри, леди Цецилия продолжала:

— Это ещё не всё. У моего брата, о котором я думала как о величайшем и счастливом певце и который стал пастором, было, оказывается, две дочери. Одну из них мы знаем, это Алиса, нам предстоит узнать ещё вторую — Дженни.

— Приди в себя. Генри, друг, — пожимая руку Генри и улыбаясь сказал Флорентиец. — Тебе предстоит ещё такая масса новых положений, что прежде всего я тебе советую: подружись поближе с Алисой. Она всё тебе расскажет о своей семье и об отце, а как тебе стать почтительным племянником лорда Джемса, думаю, этому тебя теперь учить не надо.

Навстречу трём собеседникам уже шли остальные члены общества, приглашая их в дом к завтраку.

Леди Цецилия, как все цельные натуры, приняв решение, уже не знала колебаний. Она ясно понимала свой дальнейший путь, и какие бы трудности ни предстояли ей, она знала, куда и к чему ей идти, и была спокойна.

Дни мелькнули, пора было ехать в Лондон. Лорд Бенедикт предложил леди Цецилии и Генри поселиться в его лондонском доме, чтобы не возиться с квартирами и обиходом и иметь по возможности больше времени быть подле во время сложных нотариальных дел, связанных с получением капитала.

Леди Цецилия как бы запнулась, прежде чем дать согласие, но, вспомнив свои обеты, радостно улыбнулась и с благодарностью приняла предложение за себя и сына.

Вполне благополучно и весело совершился переезд всей семьи в Лондон. Каждый с благодарностью сознавал, сколько новых сил возрастил он в себе за время жизни в доме Флорентийца, и любовь к нему единила их в ещё большей взаимной дружбе.

Глава 14

ДЖЕМС РЕТЕДЛИ И ЛИЗА У ЛОРДА БЕНЕДИКТА

Встретившись с Лизой, с тем же, что и он, нетерпением ждавшей возможности поговорить без помехи со своим женихом, капитан повёз её в свой маленький, по его словам, коттедж. Он оказался прелестным, правда одноэтажным, но поместительным и уютным старинным особняком. Когда-то это была холостяцкая обитель деда, пожелавшего отдать её внуку Ричарду. Но после ссоры, вполне сознавая свою ошибку, упрямый дед всё же завещал дом Джемсу, которому в то время было всего двенадцать лет. Дом так и простоял много лет заколоченным.

Когда капитан впервые вошёл в него, на него пахнуло такой стариной, о которой сейчас и думать забыли в Англии, поддаваясь модным течениям. Дед собрал в этом доме всё самое лучшее из мебели, хрусталя, скульптуры и фарфора, чем владели его предки. Не только кусочек старой Англии, но много венецианских кружев и стекла, несколько исключительной художественной ценности картин и ковров, музейных столов и старинный гобелен обнаружил здесь капитан. Дом стоял на холме и был окружен садом, и улица спускалась вниз, вся в зелени садов. Правда, до центра было далеко, но капитан не сомневался, что Лизе дом понравится, и решил поселиться в нём с женой.

Отделав заново некоторые из комнат, подновив другие в их прежнем старинном стиле, капитан очень радовался, что его родным ни разу за столько лет не приходило в голову провести дом, хотя ключи у них были. Леди Ретедли была поражена, когда узнала, что сын предполагает поселиться с семьей в дедовском особняке.

— Да разве там есть что-то ценное? Ведь дедушка говорил мне, что дом пуст.

— Ценное, матушка, понятие растяжимое. На ваш с Ревеккой вкус там, быть может, и нет ничего ценного. На мой и, надеюсь, моей будущей жены — там будет уютно и красиво, а главное, радостно.

Крайне недовольная тем, что ей не только отказано в покровительстве будущим родственникам, но что сын даже не собирается спрашивать ни мнения, ни советов у матери, леди Ретедли замолчала, всем своим видом выражая негодование. Однако уверенная, что сына её околдовала жадная особа; благородная леди решила быть разумной и политической, выказывая

как можно больше внимания сыну, но всячески язва будущую родню и особенно — невестку.

Капитан ни словом не обмолвился Лизе, как выглядит их будущее жилище. И девушка, хотя и знала своего жениха как натуру художественную, делавшую красивым всё, к чему бы ни прикоснулись его ловкие руки, думала тем не менее, что это будет обычный приличный дом. Она заранее обрекла себя на печальную участь светской дамы, хотя сердце её бунтовало против пустой и бессодержательной жизни, какую ей приходилось наблюдать в своей среде.

Дилемма любви к человеку и любви к искусству беспокоила Лизу. Здесь мог таиться простор для размовок и взаимных разочарований. Сердце Лизы часто болело, когда она думала о будущей семейной жизни. Но она ни разу не высказала Джемсу своих сомнений, и все они испарялись, когда она видела его твёрдо смотревшие жёлтые глаза или замирала под его поцелуем.

В этом настроении Лиза пребывала и сейчас. Но как только капитан открыл входную дверь и она очутилась в большом холле с потолком из огромных старинных балок, с высокими, деревянными же панелями, потемневшими от времени, с гигантским камином, где весело трещал огонь, с множеством цветов в старинных вазах, — у неё вырвался крик восторга и, забыв все приличия на свете, она бросилась на шею жениху.

Чем дальше шла Лиза со своим будущим мужем, тем яснее становилось ей, что он поймёт её сердце, что у неё не будет тайн, что их не разъединит ревностью её искусство.

— Ну, теперь мы входим в твою святая святых, — сказал капитан, подводя Лизу к небольшой двери, которую скрывал редкий по красоте ковёр. — Не знаю, угадал ли я. Понравится ли тебе этот уголок. Но я вложил в него всю любовь, всё понимание художественного вкуса, на какое я способен.

Капитан отворил дверь, но ставни комнаты, куда они вошли, были закрыты, и Лиза не могла видеть ясно того, что её окружало. Как только капитан открыл ставни и солнце ворвалось в комнату, Лиза увидела, что стоит в небольшом помещении, из которого идут двери направо и налево. На самой середине на тяжёлом старинном постаменте стояла белая статуя Будды, державшего на вытянутой руке чашу. Глаза его смотрели прямо перед собой, точно приветствуя вошедших и прося положить в его чашу всё самое высокое, самое чистое в душе. Пол был застлан светлыми японскими циновками очаровательной работы и тонов, и такими же циновками были затянуты стены. По углам и у стен стояло несколько низких диванов,

низеньких восточных столиков с инкрустацией из перламутра и таких же табуретов. Лиза смотрела в лицо встретившего её Будды, которое сияло божественной добротой и состраданием, и по лицу её катались слёзы.

— Откуда мог ты знать, что я так глубоко чту Будду? Я ведь никогда никому об этом не говорила. Как я всегда мечтала иметь белого Будду! — прошептала она.

— Перестань плакать, дорогая. Я нашёл это сокровище в одном из ящичков в подвале, как и эти циновки. И увидел в Будде символ величия человека, который хочет идти путём раскрытия талантов и возможностей, что живут в нём. Я подумал, что если оба мы будем видеть перед собой эту чашу и нести в неё мир и милосердие, — наша жизнь не окажется пустой и бесцельной. И мир, и милосердие будут снова литься из этой чаши в наш день через наши сердца.

Ты будешь совершенствоваться в искусстве, очаровывать сердца людей музыкой. Я же буду трудиться, как умею и могу, среди серого своего дня. И оба мы, видя перед собой этот символ милосердия, будем нести чашу любви и единить вокруг себя людей в красоте и чести. Не бойся меня, не бойся жизни вообще и не бойся жизни со мной. Перед этим великаном духа я обещаю тебе оберегать твою свободу и создать тебе дом, где бы тебе жилось легко, просто, весело. Но пойдём, дорогая. Это преддверие, твой храм дальше.

Они прошли в комнату налево. Окна выходили в сад, и всё в ней, от ковра, стен, люстр, занавесей, было белое. Посреди комнаты стоял рояль, покрытый белой старинной парчой, и в небольшом шкафу из саксонского фарфора и стекла стояла скрипка в старинном футляре.

— Скрипку эту я нашёл в одном из стальных шкафов, всю покрытую пылью и паутиной, обёрнутую чуть ли не рулоном бумаги. Я разворачивал её почти час, пока не добрался до футляра. Здесь же была записка, написанная женской рукой, где говорилось, что тот, кто эту скрипку отыщет, может считать себя её владельцем. Не будучи осведомлён в достоинствах скрипок, я вызвал знакомого мастера, который сказал, что инструменту этому и цены нет.

Дольше Лиза выдержать искушения не могла, и через минуту, забыв всё на свете, кроме своей любви и великого образа Будды, заиграла свою фантазию. Почти пустая комната, с узкими белыми диванами, вся наполнилась звуками. Скрипка, точно человек, то плакала, то торжествовала, и голос её напомнил капитану другой город, другой музыкальный зал, Ананду с его виолончелью и... человека его мечтаний, чудесно воплотившегося из мечты в действительность.

Капитан закрыл лицо руками. Мысли его улетели к Флорентийцу. Он вспоминал слово за словом их разговор в деревне, вспомнил картину в кабинете, где видел И. и Ананду в обществе ещё кого-то, кого он не знал, и твёрдо, ясно понял, что без этих людей для него больше жизни нет. Звуки умолкли. Капитан открыл глаза и увидел Лизу преображённую, Лизу, какой бывает она в моменты вдохновения. Она прижимала скрипку, как икону, к своей груди и не то давала клятву, не то молилась.

— О чём ты думаешь, Лиза? — подходя к ней и обнимая её, спросил капитан.

— Я молюсь, чтобы мы с тобой, под благословением этой статуи, что ты поставил здесь, прошли в чистоте и доброте тот кусок жизни, что нам дано быть вместе, Джемс. Я молюсь, чтобы мы встретили такого наставника, который помог бы нам славить жизнь, украшать её для людей, как мы оба хотим того сейчас; чтобы мы умели не плакать о себе и не забывать о других.

— У нас с тобой есть этот друг, Лиза, друг такого обаяния и совершенства, что только личное твоё знакомство с ним может дать тебе о нём представление. Все слова бледны и бессильны, чтобы его описать. В понедельник мы с тобой поедem к нему завтракать. Ты ни о чём не беспокойся, всё устроится так, что мы поедem вдвоём, и всё, что только ты сможешь понять в доме друга, лорда Бенедикта, — всё проникнет в тебя навеки. Я уверен, что там ты найдёшь тот духовный путь, ту творческую красоту, которые ищешь.

Уложив скрипку в футляр, скрипку, цену которой Лиза поняла с первых же звуков, она поставила её обратно в чудесный шкаф.

— И надо же было твоему деду собрать столько сокровищ в одном доме! Глаза разбегаются, я даже упомянуть всего не могу, что здесь видела.

— Пойдём, посмотрим ещё раз на божественного мудреца, — сказал капитан, взяв Лизу под руку и уводя её из музыкального зала.

Они подошли к статуе. Теперь Лизе лицо Будды казалось ещё прекраснее. Чудилось, сейчас уста его раскроются и он заговорит. Ей представился мир человеческий с войнами, преступлениями, местью, жадностью, борьбой. Представилась смерть, о которой царский сын, будущий нищий и наконец Будда не должен был ничего знать. Представилась его юность в садах удовольствий, где он не видел увядших лиц, не знал о старости и болезнях, — но вот он выбрал себе удел санньясина и стоит здесь, вечный и милосердный, провозглашая миру свободу и милость.

Лиза и Джемс тесно прильнули друг к другу. Они точно венчались

сейчас здесь, давая обет верности и любви перед этой дивной эмблемой и видя в ней единственный для себя чистый путь к чистой и честной жизни.

— Направо, Лиза, твоя спальня. Мы не войдём туда сейчас. Мы войдем как муж и жена, чтобы никогда не переступать её порога в ссоре или раздражении. Пусть великий образ этого искателя божественной истины будет нам тем источником доброты и мудрости, где мы будем находить силы для каждого нового дня.

Сойдя вниз и посмотрев на часы, они увидели, что пропустили все обещанные сроки возвращения и помчались к графам Р. Старики хотели было начать с выговора, но увидев, как преображены счастьем лица молодых людей, весело рассмеялись и только изменили план своих действий. Сначала — визит к леди Ретедли, потеем — осмотр дома.

Визит к будущей свекрови, которого так боялась Лиза, теперь уже не страшил ее, он стал казаться ей просто формальностью, тем более что она отлично почувствовала суть отношений сына, матери и сестры. О сестре она думала меньше всего, так как капитан говорил ей иногда о Ревекке в юмористическом тоне, о том, что она ждет заморского принца, так и не явившегося по сей час за столь соблазнительной невестой.

Леди Ретедли попробовала встретить покровительственно своих будущих родственников, но наткнулась на стену высокой гордости, кроме того граф засыпал её именами своих друзей из высшей аристократии, которые будут присутствовать на свадебном обеде его дочери, и леди Ретедли, и не мечтавшая о таком обществе для себя и Ревекки, сразу изменила тон. По свойственной ей бестактности, она опять пересолила, что не особенно пришлось по вкусу графине Р.

Любя музыку, проводя в кругу выдающихся людей всю свою молодость, графиня Е. не переносила мещанских по духу семей. Мать будущего зятя произвела на неё отталкивающее впечатление, и она радовалась такту и любви капитана, устроившего Лизе совершенно отдельный дом. Теперь ей не терпелось увидеть поскорее этот дом и вырваться из банальной атмосферы, окружавшей леди Ретедли. Перед отъездом едва не разыгралась неприятная сцена. Ревекка, узнав, что брат везёт своих будущих родственников осматривать дом, захлопала в ладоши и запрыгала, как восьмилетнее дитя, выражая страстное желание присоединиться к графу. У тех вытянулись физиономии, но капитан категорически заявил, что ни мать, ни сестра не войдут в его новый дом до свадьбы. Когда молодые устроят первый приём, приедут они, но не раньше. Если не было охоты наблюдать, как он перестраивал дом, — они увидят его только в полном блеске, когда хозяин и хозяйка будут в нём жить. Тон капитана, тот новый тон, к

которому ни мать, ни сестра никак не могли привыкнуть, был очень любезен, но категоричен. Пришлось покориться, затаив злость и любезно улыбаясь.

Лиза торжествовала. Она везла родителей к себе в дом, совершенно отчётливо ощущая себя хозяйкой нового жилища. Не сговариваясь друг с другом, оба решили никому не показывать Лизин уголок, а после ряда комнат ввести родителей прямо в музыкальный зал и этим закончить осмотр дома. Старики были восхищены и домом, и садом, и обстановкой. Графиня-мать радовалась уединённости места, но отец находил, что молодым людям было бы удобнее жить поближе к центру. Возвратившись в отель, они выработали программу дня на завтра, и старики были чрезвычайно польщены предстоящим визитом к лорду Бенедикту, о котором они уже были наслышаны как о новом чуде лондонского общества.

Следующий день пролетел для Лизы и Джемса так быстро, что они едва успели выкроить время, чтобы несколько минут постоять у статуи белого Будды, без которого, как казалось теперь Лизе, она уже жить не может. В воскресенье вечером, после подробного обсуждения, во что и как все Р. оденутся, отправляясь в дом лорда Бенедикта, причём капитан делал дамам такие смешные наставления, что все дружно смеялись и, в свою очередь, добродушно подкалывали его, графиня несколько раз пожаловалась на лёгкую головную боль. Но так как у графини всю жизнь было плохое здоровье, то никто не увидел в этом ничего, кроме простой мигрени. Весело расставшись с женихом, все разошлись по своим комнатам. И также весело, легко, радостно вскочила Лиза с постели на следующий день. Она спала всю ночь очень крепко, проснулась с сознанием какого-то небывалого счастья, уверенности в себе, и в первый раз почувствовала себя по-новому взрослой, по-новому самостоятельной и готовой к жизни.

"О, я в силах всё победить! Я знаю сейчас, сколько величия в жизни человека и какими чудесами она полна. О мой белый Будда, как многим я тебе обязана, — думала Лиза. — Те минуты, что я простояла у твоей чаши, великий мудрец, раскрыли мне, что в жизни не может быть смерти. Ты не умер, ты — Вечность. А значит, и всякий, за Тобой идущий, тоже Вечность. И моя скрипка тоже частица Вечности".

Лиза была уже совсем готова, но не хотела идти к родителям, так необычайно светло она себя чувствовала. Всеми мыслями она прильнула к чаше Будды и несла к нему свою скрипку и свою любовь, молясь, чтобы светлое состояние духа, в каком она находилась сейчас, никогда не омрачалось для её искусства и любви. Ничто ей сейчас не казалось страшным. Она поняла, что жизнь вечна, что тот день, который она живёт

сегодня, — это минута творчества. А творчество вечно, значит и эта минута, в огне творчества прожитая, не может быть ничем иным, как мгновением вечного творчества, Вечной Жизнью. "Как хотелось бы мне, — шептала Лиза, — приносить мои звуки людям такими чистыми, такими любовными и утешающими, как будто я вынула их из чаши Будды".

Стуком в дверь были прерваны её грёзы. Стучал граф, взволнованный и раздосадованный. У графини к утру поднялся жар, появились кашель и насморк, и о поездке их к лорду Бенедикту нечего было и думать. Лиза тотчас же прошла к матери, очень огорчённой своей неожиданной болезнью и ещё больше раздосадованной невозможностью поехать к очень её интересовавшему лорду. Привыкнув видеть в Лизе девочку, которой не полагается быть самостоятельной и которая не может ехать никуда без отца или матери, графиня принялась уговаривать дочь ехать с отцом и оставить её одну. Граф, не стеснявшийся в России покидать свою жену на очень долгое время, здесь не расставался с нею ни на шаг. Он категорически заявил, что они не поедут, что лорду Бенедикту будет извещено о болезни графини, а дети посидят дома.

— Это совершенно невозможно, папа. Лорд Бенедикт ближайший друг Джемса, которым он очень дорожит и которого чтит не меньше, чем мог бы чтить отца. Я знаю, что вся семья лорда переехала из деревни раньше времени, чтобы познакомиться со мной. Я знаю, что на этом завтраке, даваемом в честь меня и Джемса, будут присутствовать люди, от которых будет зависеть многое в судьбе Джемса. Мама не больна, а только нездорова, и мы возвратимся скоро. Если вы, папа, не хотите ехать, мы поедem с Джемсом вдвоём. Ехать нам необходимо, и мне немного странно, как вы, решаясь отдавать меня замуж, боитесь предоставить мне самостоятельность в таком маленьком деле, как завтрак.

Супруги были так поражены решительностью Лизы и её желанием, выраженным в столь категорической форме, что даже не нашлись, что ответить, но оба были явно недовольны. Графиня точно ото сна очнулась и стала наконец понимать, что у дочери есть своя жизнь, где ей места может и не быть. Каждый из троих таил свои мысли и, будучи слишком воспитанными людьми, чтобы говорить неприятности, все держались внешне спокойно, но горечь переполняла стариков. Как бы то ни было, в назначенный час Лиза и капитан Ретедли входили в дом лорда Бенедикта.

Лиза была приготовлена капитаном, кто и что её ожидало в доме и семье Бенедикта. Но она не только растерялась от первого же взгляда хозяина, но и каждое новое лицо, с которым он её знакомил, заставляло её всё больше смущаться. Застенчивость, свойственная ей всегда, на этот раз

дошла до такого предела, что ей самой становилось невыносимым её скованное состояние. И именно в тот миг, когда она дошла до полного изнеможения, она почувствовала на себе взгляд лорда Бенедикта, который встал со своего места и, опустившись в кресло рядом с нею, спросил о здоровье матери. Постепенно разговор перешёл на Лондон, на музыку и через десять минут от стеснительной застенчивости Лизы не осталось и следа. А все окружающие её, казавшиеся ей такими особенными, теперь стали простыми и достижимыми. Вначале, пораженная целым сонмом красавиц, Лиза законфузилась. На самом же деле в своём светло-сером костюме с отделкой цвета резеды, с бледным личиком, на котором горели глаза существа, отмеченного темпераментом и талантом, вдохновляемая любовью и счастьем разделённой привязанности, Лиза была не просто мила, но не могла бы остаться незамеченной среди любых красавиц. Тонкая фигурка и полные грации движения делали весь её облик гармоничным и исключительно изящным. Её голос, металлический и вибрирующий массой разнообразных интонаций и оттенков, приятного тембра, решительный, довершал цельность впечатления. От той девочки, которую И. и Левушка встретили в пути ещё так сравнительно недавно, и следа не осталось.

Флорентиец спросил Лизу, не певица ли она, она засмеялась — точно колокольчик зазвенел — и сказала, что, к большому огорчению отца, она и певица, и скрипачка, но и то и другое ещё только в любительской фазе.

— О, тогда у вас есть соперница. Моя приёмная дочь тоже певица, но не скрипачка, а пианистка и тоже любительница. Если бы вы захотели доставить нам удовольствие, то не отказались бы сыграть нам что-нибудь вместе с Алисой. Мы давно не слышали скрипки и были бы вам благодарны за час отдыха в музыке.

— Играть я так люблю, что рада каждому случаю, когда могу коснуться струн. Но сегодня у меня так много «но», что я едва ли решусь играть.

— Ну, а если я угадаю все ваши «но» до самого последнего, согласитесь ли вы тогда играть?

— Это так невероятно, лорд Бенедикт, что я даже не решаюсь принять такое условие.

— Первое ваше «но» состоит в том, что вы давно по-настоящему не занимались. Второе — здесь нет вашей скрипки, а моя — понравится ли вам, вы не знаете. Третье — вы только что держали в руках скрипку, перл старинного мастера подаренную вам влюблённым в вас человеком. Четвёртое — у Будды...

— О, ради всего святого, — вскрикнула вскочившая с места Лиза, — я не знаю, что вы хотели сказать, — задыхаясь, продолжала она, — но слово,

которое вы начали, привело меня в восторг и ужас одновременно.

— Если бы я не был прерван столь внезапно, я сумел бы дойти до вашего пятого и шестого сомнений, — улыбался Флорентиец.

— Нет, нет, я вижу, что мне уж лучше согласиться. Я ещё не знаю, найдём ли мы контакт с мисс Алисой и известны ли мне вещи, которые играет она, но, пожалуйста, дальше не угадывайте.

Лиза старалась овладеть собой. Ей была неприятна эта вспышка перед лордом Бенедиктом, особенно в присутствии жениха, так образцово владевшего собой всегда. Лиза даже не решалась посмотреть в его сторону, как вдруг увидела его перед собой.

— Если вы желаете играть на вашей старинной скрипке, я привезу её вам, Лиза, сию минуту. — Голос капитана был так необычно нежен, ласков и любящ.

— Не беспокойтесь, капитан, — вмешался Флорентиец. — У меня есть скрипка Ананды, которую он оставил мне на хранение. Я думаю, чистые руки вашей невесты достойны прикоснуться к такой драгоценности. А вам, — продолжал он, повернувшись к Лизе, — прикосновение к смычку и грифу, которых касались руки великого мудреца и музыканта, поможет выполнить то четвёртое «но», которое вы не дали мне высказать.

Слуга вошёл звать к завтраку, чем дал Лизе немного прийти в себя от изумления, восторга, детской радости и робости, которые внушал ей красавец-хозяин. Подав ей руку, лорд Бенедикт повёл её к столу. Положительно, всё в этом доме поражало своей необычайностью. Хотя у себя дома Лиза была приучена к прекрасной сервировке и красиво накрытому столу, всегда украшенному цветами, так как дед — большой любитель фарфора и цветов — сам составлял букеты, но в доме лорда Бенедикта она не знала, кому и чему отдавать предпочтение. Лизе казалось, что всё вокруг нереально, что Наль рядом только сказочная принцесса её собственного сна, что вот она проснется — и Наль не станет. Алиса представлялась ей феей, а Николай и сам лорд Бенедикт — заколдованными царевичами. Пока она шла в столовую, она дважды сильно оперлась на руку хозяина, точно желая проверить себя. И оба раза чудесное чувство спокойствия, почти блаженства, разливалось по всему её существу. Все страхи Лизы, её робость и скованность постепенно исчезали. Сидя подле ласкового хозяина, видя напротив своего жениха, Лиза думала, что за всю свою жизнь она, пожалуй, не была ещё так счастлива, как сейчас. Какое-то величавое спокойствие, ещё не испытанное ею равновесие и вместе с тем полнота осознания себя творчески цельным существом по-новому освещали ей жизнь.

— Жизнь — не есть нечто совершенно изолированное, — услышала она слова лорда Бенедикта. — Жизнь человека на земле — это та частица Вселенной, которую он мог вместить, творчески в себе обработать, очистить страданиями и снова передать Вселенной, чтобы помочь ей двигаться вперёд.

Наша гостья будет нам играть сегодня. Мы будем слушать. Но если дух её не будет гореть огнем негасимой любви к искусству, мы останемся холодными наблюдателями. Мы будем разбирать её тон, её руки, лицо, её мимику. Мы будем видеть только её, и наши глаза не проникнут в царство радости общения в красоте, которое одно только и ценно и необходимо людям. Если Фидий оставил нам своё имя, которое не затмил ни один из скульпторов, то это потому, что, творя статую, он не о земле только думал, а нёс ей, скорбящей, своё небо. Наша гостья всё ещё стесняется в нашем обществе. Но я уверен, что как только пальцы её коснутся заветной скрипки, — она забудет о нас и понесёт своё счастливое небо в наши сердца.

Флорентиец ласково и ободряюще смотрел на смущённую Лизу.

— Если бы подле вас, лорд Бенедикт, я не испытывала совсем неизвестных мне до сих пор чувств, я бы не могла, по всей вероятности, издать ни единого звука после ваших слов об искусстве. Но сейчас в меня вливаются и уверенность, и дерзновение. Я не боюсь больше играть перед вами, а наоборот, мне кажется, что только сегодня я начну играть не поученически. Быть может, это слишком дерзко — так говорить, но так чувствует моя душа в эту минуту.

Завтрак кончился, все встали вслед за хозяином. Если бы Лизу спросили, что она ела и пила и был ли вообще завтрак, она вряд ли сумела бы ответить. Для неё существовали какие-то отдельные минуты, отдельные слова лорда Бенедикта и лицо человека, в которого она была влюблена. Всё остальное тонуло в желании играть и в такой — ещё никогда не испытанной — жажде творчества, которые ей открылись сегодня и сжигали её своим огнем. Лорд Бенедикт подвёл Лизу прямо к роялю, куда подозвал и Алису. Пока девушки сговаривались, что им сыграть, он принёс футляр из своего кабинета. И футляр, и нёсший его человек были необычны. Футляр был квадратный, из очень светлого, пожелтевшего от времени дерева. Небольшим старинным ключом лорд Бенедикт открыл его. Прежде чем поднять крышку, он посмотрел на Лизу, говоря:

— Я ещё раз повторяю вам, Лиза, что скрипка эта принадлежит теперь моему другу Ананде, большому мудрецу. Он не только мудрец, он принц среди обычных людей. Это чистая доброта и такая сила любви, перед

которой и Везувий затихает. Соберите всю вашу любовь, такую сейчас чистую и счастливую. Играя на этой скрипке, несите в чашу Будды ваши звуки, и пусть они прольются из неё миром и силой для всех скорбящих.

Он открыл ящик и подал Лизе старинную большую и удивительно пропорциональную скрипку. Дрожа от радости, Лиза взяла инструмент, попробовала строй, удивляясь, что он точен, и, переглянувшись с Алисой, стала ждать первых звуков сонаты. В это короткое мгновение у неё мелькнули десятки мыслей и сомнений, что и кого она найдёт в пианистке. Взглянуть на Алису она уже не могла. Все её силы перешли в руки, которые казались ей лёгкими, свободными, точно их зарядили сильным электрическим током. Алиса под устремленным на неё взглядом Флорентийца преобразилась более обычного, и первые звуки, неожиданно глубокие и мощные, заставили Лизу выпрямиться, вздрогнуть, и когда она ударила по струнам смычком, ей показалось, что она зацепила сердца присутствовавших.

Часть за частью шла соната, и вдруг Лиза ощутила, что за её спиной растёт какая-то неведомая сила, которая ей помогает. Руки её стали ещё легче, звук сильнее, сама скрипка одухотвореннее, и не мозг, не память вели её пальцы, а из самого сердца шёл к ним ток. Почти не сознавая, где она и кто подле неё, Лиза кончила сонату.

— Теперь, Лиза, попробуйте сыграть нам свою фантазию, — попросил лорд Бенедикт.

Всё так же мало сознавая действительность, Лиза стала играть свою фантазию, ту песнь торжествующей любви, которую играла, вдохновясь образом Будды. Сейчас ей казалось, что она слышит какой-то новый оттенок в струнах, точно они шепчут ей: "Ты играй для земли, для людей. Ты не думай о себе, но думай о людях, для радости которых должна жить твоя песня. Играй только, тогда, когда сердце чисто". Сила, помогавшая ей сейчас играть, слилась с её руками, сердцем, окутав всю её атмосферой счастья. И Лиза закончила свою фантазию таким порывом страсти, что даже физически почувствовала изнеможение.

Когда она пришла в себя, её потянуло оглянуться. Её взгляд встретил незаметно вошедшего гостя. Посреди комнаты стоял Ананда. Глаза присутствующих были прикованы к его фигуре, к его глазам, испускавшим лучи. Все были поражены бесшумно проникшим к ним неизвестным, и только хозяин и Николай радостно спешили к нему из разных концов огромной комнаты. Флорентиец заключил гостя в свои могучие объятия, и тот, казавшийся за мгновение до того таким высоким, сделался вдруг меньше рядом с гигантом-хозяином. После первых приветствий лорд

Бенедикт представил нового гостя, назвав его своим другом Сандрой Кон-Анандой.

Первыми познакомились с ним обе юные музыкантши. Взяв руку Лизы в свои руки, Ананда оглядел комнату, как бы кого-то ища.

— Ты, конечно, ищешь другую половину яблока, — лукаво усмехаясь, сказал Флорентиец. — Вот он, храбрец-капитан, спрятался за моей спиной. — И Флорентиец выдвинул вперёд Джемса, лицо которого было таким растроганным и взволнованным, каким Лиза даже не считала возможным его увидеть.

Ананда взял руку капитана, положил её на руку Лизы, которую держал в своей, и сказал Джемсу своим особенным, неподражаемо ласковым металлическим голосом:

— Когда я говорил вам об этой минуте в Константинополе, это показалось вам немыслимой фантазией. Теперь я спокойно соединяю вас с сей чистой душой, зная, что в ней для вас сохранится огонь радостной любви до конца её и ваших дней. Всё остальное, друг, неважно. Сейчас важна только задача создания новой семьи, в которой так нуждаются чудесные, высокие души, ожидая чистого места для своего воплощения. Помните об этом, и вы выполните то, что обещали мне в Константинополе. А я буду всегда помнить, кому обязан столь многим, кто вернул мне украденное кольцо. Вы же, дорогая, — обратился Ананда к Лизе, — выполните только один мой завет: всегда, везде УТВЕРЖДАЙТЕ и научите своих детей понимать современность, принимать её, никогда не отрицая.

Искусство поможет вам воспитать своих детей. Оно будет им второй матерью. Не верьте тем, кто будет говорить, что искусство и семья несовместимы. Не делить надо любовь между семьей и искусством, но сливать их воедино, отражая в себе всю Вселенную как единую вечную Любовь, в которой семья и труд для неё, общественный труд и искусство — всё лишь аспекты Единой Любви, живущей в нас. Играйте. Играйте всюду и везде как можно больше. Играйте большим толпам народа, отбросив предрассудок: "Выступать на подмостках". Но играйте всегда даром, отдавая все деньги беднякам.

Ананда повернулся к Алисе, слушавшей его с тем вниманием, что граничит с благоговением.

— Вам, мой друг, также дано утешать людей музыкой. Ещё молодой вы будете выступать вместе со своими детьми. Забудьте робость, идите с той непреклонной волей, которую передал вам отец. Ничего и никогда не бойтесь. Я ещё буду с вами говорить.

— А тебе, Ананда, я у самой двери изловил вот эту парочку

беглецов, — со смехом подвёл Флорентиец Генри и его мать к Ананде.

— Неужели же, Генри, ты был бы способен ещё раз бежать от меня?

— Простите нас, — тихо сказала леди Цецилия и — чего никто не мог ожидать — опустилась на колени перед Анандой. — Мы оба так виноваты перед вами. Не сын виноват, но мать, не сумевшая воспитать в нём самообладания, — поднятая Анандой, продолжала леди Цецилия, склоняясь к нему на плечо.

— Полноте, дорогая. Генри славный малый. Если в нём раньше слишком бурлили страсти, то сейчас, за время жизни у нашего друга и Учителя Флорентийца, он уже так вырос в своей чести и цельности, что прежнего сумбурного мальчика и в помине нет. Генри, мой добрый сынок, твои испытания зрелого, честного сердца только ещё начинаются, а не кончились, как ты думаешь, — с неподражаемой добротой говорил Ананда. — Немало тебе предстоит испытать. Но ты не один, у тебя не только Флорентиец и я. У тебя ещё целое кольцо друзей здесь, и сердца всех тех, кого ты видишь в этой комнате, связаны с тобой многими веками труда и любви.

Правда, до сих пор ты доставлял нам всем немало забот и беспокойства. Но сейчас в тебе уже созрело мужество отдать самому себе отчёт в своих поступках. Созревай же дальше, друг, вскоре тебе представится случай проявить героизм сердца и правдивость его.

Радостно и счастливо приветствуемый Николаем и Наль, Ананда сказал ей:

— Вы давно знаете меня заочно, как и я вас. Теперь нам довелось встретиться и уже никогда не забыть, где, как и когда мы встретились. Ваш дядя Али и тот, кого вы теперь зовёте отцом, — мой великий друг Флорентиец, — мои извечные наставники. Я всем сердцем приму ваших детей в свои ученики. И хотел бы для вас только одного: чтобы вы, готовя к жизни детей, не боялись за их судьбу. Нет сильнее талисмана и защиты для детей, чем бесстрашная любовь матери.

Окруженный всеми, Ананда прошёл в кабинет Флорентийца, где сказал Амедею, Сандре и Тендлю, каждому в отдельности, по несколько слов. Он говорил так тихо, что никто другой их не слышал, но лица всех троих засияли, и это ясно видели все.

Через некоторое время, когда Ананда рассказал, что неожиданно получил известие о новых каверзах Браццано и приказ своего дяди немедленно выехать в Лондон, лорд Бенедикт отпустил всех гостей, чтобы переговорить с Анандой наедине и дать ему отдохнуть. Прощаясь с Лизой и капитаном, Флорентиец ласково напомнил обоим, что для них начинается

новая жизнь и они по-новому должны теперь встречать каждый расцветающий день.

— Я буду завтра у вас, Лиза, вместе с Алисой, Наль и Николаем. Я знаю необычайное хлебосольство вашего отца и потому даю вам право "по секрету" выдать наш завтрашний визит. Вы же, Джемс, не беспокойтесь ни о чём. Я помогу вам миновать угрозу помпезного венчания, точно так же, как угрозу путешествия родителей следом за вами в Америку. Будьте счастливы, в добрый путь.

Оставшись вдвоём с Анандой, лорд Бенедикт передал гостю, что в дело о завещании пастора уже вмешались друзья Браццано, которых прислал к пасторше один из друзей её юности и близкий человек из Константинополя.

— И не только они, — отвечал Ананда. — На одном со мною пароходе прибыли ещё двое. Эта парочка получила точное задание похитить Алису. Пасторша в переписке со своим другом четко, со свойственной ей откровенностью характеризовала своих дочерей. Чтобы осуществились адские замыслы Браццано, ему нужна девственница с чистейшим сердцем. Меня не узнали. Полагая, что я не понимаю их языка, они откровенно болтали и о плане женитьбы подосланных юнцов на обеих сестрах, и о немедленном увозе Алисы после венчания.

Подкупить они, конечно, могут пол-Лондона. Я не составил пока плана действий и приму все ваши приказания. Нет ли надежды спасти пасторшу и её старшую дочь от того ужаса, в котором они погрязают?

— Я испробовал все средства, Ананда. Им сейчас спасения нет: и мать, и дочь давно раскрыли сердце злу. Жажда роскоши, желание блестящей жизни, всё использовано и разожжено. Пока обе несчастные не дойдут до дна, ни одна из них не опомнится. Но я думаю, что дно пасторши ближе, и мы с тобой ещё сможем попытаться вырвать её у шайки злодеев. Что же касается дочери, то там слишком глубока связь с Браццано. Себе путы она сама связала, отвергнув дважды мой зов.

— От тех же моих спутников я узнал, что Дженни возьмут как бесплатное приложение к Алисе, которая и есть вся цель. Несчастливая Дженни, — прошептал Ананда.

— Да, весь их план нашёл пламенного слугу в пасторше. Она пойдёт на всё, чтобы вырвать Алису из моих рук. Нам с тобой, Ананда, предстоит встретиться в судебной конторе с нею, с Дженни и с теми двумя молокососами. Не может быть и речи хоть о малейшей угрозе для Алисы. Но тех, кого я тебе оставляю. — Сандру, Тендлю, — тебе, Ананда, придется защищать, так же как и бедного адвоката. На них падёт всё бешенство

врагов. Мой дорогой друг и брат, — обнимая Ананду, продолжал Флорентиец, — который раз в этой жизни ты принимаешь на себя тяжесть борьбы со злом, тяжесть за чужие грехи и проступки, развязывая страшные кармы людей. Да будут благословенны дни твои! Да будет вечным светом и спасением твой труд для людей!

Точно сноп солнечного света лился от Флорентийца и окутывал Ананду со всех сторон.

— Немало мучительных минут придется тебе пережить ещё и здесь, мой друг, в новой фазе борьбы с шайкой Браццано. Твоя божественная доброта, путём которой ты идёшь, служа людям, заставила тебя пожалеть негодяя. Ты полагал, что у гада вырвано ядовитое жало, если он дал слово чести оставить тёмный путь. Ты поверил. Ты забыл, что нет чести у бесчестного. Ты его пожалел, применив меру личного восприятия момента. Но ты упустил из вида, что закон мировой пощады требовал полного уничтожения гада. Снова и снова ты принял в себя муку погибшего сердца, мой светлый друг. И теперь, не смея послушаться выше меня идущих, я вынужден предоставить тебе одному бороться со вновь сплотившейся шайкой. Да к тому же подкидываю тебе двух юных и неопытных моих приятелей. Они мужественны и бесстрашны, но не закалены в воле и послушании.

— Великий мой наставник, — с сияющим лицом ответил Ананда, — я сам выбрал путь доброты, я сам выбрал путь помощи строптивым, не умеющим воспитывать в себе дисциплину и мудрость послушания иначе чем путём самостоятельного развития опыта и воли на ряде ошибок и падений. Я сам выбрал тот путь, где почти каждый ученик приносил мне скорбь обратных ударов. Но я их принимал как радость, и почти всегда люди находили путь освобождения и любви. Там же, где я не мог победить любовью, твоя могучая рука, Учитель, приходила мне на помощь. Ни разу я не был оставлен тобой даже и в более мелких случаях, вроде Генри и Дории, и здесь твои такт и мудрость помогали мне. Я знаю, что сейчас ты дашь мне точный план, и там, где я не пойму до конца твоих приказаний, я буду им радостно повиноваться. А потому я совершенно уверен теперь в полной победе над злом, хотя бы всё говорило об обратном.

— Будь ещё раз благословен, мой друг и сын Ананда! Да будешь ты живым примером света всем тобой встреченным! А знаешь, тебя ждет Дория, не осмелившаяся войти в зал, куда, я ей сказал, придёшь ты.

— Дория, не осмеливающаяся войти в ту комнату, где нахожусь я? — воскликнул, смеясь своим металлическим смехом, Ананда. — Да это какая-то иная, не моя Дория. Та, строптивца моя, не задумывалась отчитывать

меня за все дела, хоть ни капли в них не понимала.

— О Ананда, ради всего святого, не продолжайте, — бросилась Дория к ногам Ананды через дверь, которую ей открыл Флорентиец. — Я всё теперь поняла. Все мои поступки и слова заставляют меня краснеть и страдать, и жаждать поступать теперь так, чтобы искупить своё поведение перед вами, — рыдала Дория. — Не отталкивайте меня теперь.

— Мой бедный дружок, мой милый дорогой строптивец, мой любимый, доверившийся мне и усомнившийся ученик, — поднимая Дорию, необычайно ласково говорил Ананда. — Не будем разбирать, что было в прошлом тёмного и печального. Поблагодарим небо, что оно послало нам помощь могучей рукой Флорентийца. Теперь, когда ты так кротко, чисто и верно выполнила все его задачи, когда сама поняла, как много ты потеряла, нарушив обет беспрекословного послушания, не будем тратить время на разбор прошлого. Его нет больше. А возвращая его, ты попусту тратишь время, ибо в раскаянии нет творчества сердца, и мгновение твоей вечности, твоё летящее сейчас, проносится пустым. Ободришь, мужайся. Нам с тобой предстоит много дел.

Я читаю в тебе, как ты жаждешь просить меня не отправлять тебя в Америку, а оставить подле себя. Прежнюю Дорию я не смог бы убедить и остановить. Она набрала бы задач сверх сил, не послушалась бы моих советов, ринулась бы в бой невооружённой и снова была бы вынуждена выбыть из строя. Теперешняя же Дория молчит, ни о чём не молит и даже считает себя недостойной находиться подле меня. Успокойся, друг. Я буду просить Флорентийца оставить тебя. Надеюсь, что он даст согласие. Если же нет, — мы подчинимся его решению легко, просто, весело. Пойдём со мной. Мне нужен секретарь, я думаю, ты выполнишь часть запущенной мною работы.

Сияя счастьем, глубоко тронутая и дважды покорённая величию доброты Ананды, который не позволил себе и намёка на упрёк, Дория пошла за Анандой в приготовленные для него комнаты. Как только они вышли, хозяин снова появился в кабинете, и через несколько минут туда уже входили мистер Тендль со старым адвокатом. Оба юриста изложили лорду Бенедикту новые осложнения в деле о завещании, виновницами которых являются пасторша и Дженни. Кроме протеста и официально поданного заявления, что сестры Цецилии у пастора никогда не было, а потому пасторша требует скрытый от неё мужем капитал, она и Дженни подали второе заявление, доказывая, что пастор был ненормален, почему они и требуют Алису домой. На послезавтра назначен вызов в судебную контору всех заинтересованных лиц, а через несколько дней состоится

судебное разбирательство нового заявления пасторши.

Старый адвокат кипел возмущением и говорил, что использовал все средства, стараясь убедить пасторшу в нелепости её поведения. Но что какой-то молодой человек, которого она отрекомендовала как жениха Дженни, уверял её в противном, называя себя юристом. Сегодня утром этот молодой человек явился к нему в контору и всячески старался его подкупить, за что и был изгнан с позором. Успокоив обоих юристов, дав им указания держаться твёрдо, говорить и поступать, руководствуясь одной истиной, лорд Бенедикт отпустил своих деловых гостей.

Присев к столу, он написал два письма и вызвал слугу отправить их. Сам же поднялся наверх и сказал Николаю, что выедет сейчас из дому и вернётся поздно вечером. Ему же поручает весь дом и усталого Ананду. Он отдал Николаю самое строгое распоряжение, чтобы никто из домашних никуда не отлучался и никого не принимал, пока он не возвратится.

— Тебя я знаю, друг Николай. В твоей верности ни трещинки, ни пятнышка не сыщешь. Но в эти дни может случиться всякий обман. Если Алиса вдруг получит письмо или привезённое кем-то известие, что умирающая мать желает с ней проститься, предупреди девушку, что это ложь.

До поздней ночи не возвращался Флорентиец, и все обитатели его дома, сгруппировавшись вокруг Ананды, терпеливо и спокойно ждали его. Только один человек не находил себе места, волновался и трепетал, сам не понимая, что с ним происходит, и это был Генри. То его бросало в жар, то он дрожал, точно в ознобе лихорадки, хватаясь за голову и за сердце.

— Что с тобой происходит, Генри? — спросил его наконец Ананда, когда юноша уже почти терял сознание.

— Я сам не знаю, что со мной. Я полон беспокойства и волнения, точно что-то грозит мне, внутри у меня всё дрожит, и я не в силах сдержаться.

— Пойдём в мою комнату. Мы скоро вернёмся, Николай, но если я понадобится тебе экстренно, пошли за мной Дорию.

— Теперь, мой мальчик, — вводя Генри в свою комнату и закрывая дверь, сказал Ананда, — тебе приходится пожинать плоды зла, неосторожно сотканного тобой. Когда ты пошёл против меня в Константинополе, ты приоткрыл в себе дорогу злу. Не потому зло могло тебя коснуться, что оно было сильнее тебя, но потому только, что оно нашло себе лазейку, чтобы угнездиться в твоём сердце. Страсти и гордость затемнили твою интуицию, и ты взял от Браццано письмо. Яд его — злой гипнотической воли, будь ты чист и верен, не смог бы отравить тебя. Но во взволнованную твою душу он пролился страхом, сомнением,

отрицанием. Мои усилия любви спасли тебя от гибели. И. помог мне. Он защитил тебя увиденным тобою образом матери, её чистой любовью, привёл тебя на пароход капитана Джемса, а Флорентиец несёт на волне своей могучей воли, защищая от преследующих тебя друзей Браццано.

Сейчас они здесь, в Лондоне. Их эманации вьются вокруг тебя, так как они узнали, где ты живёшь, и караулят тебя повсюду. Чем защититься тебе, друг? Если ты сам не найдёшь в себе полного бесстрашия, если уверенность твоя не перейдёт в радость верности Флорентийцу и всем друзьям, окружающим тебя своим светом, если ты не увидишь счастья в том, как спасла тебя Жизнь от адских сетей мошенников, — никто из нас не сможет помочь тебе. Вся твоя психика должна перевернуться. Не ты и личное твоё, извне к тебе идущее счастье или несчастье составляют смысл жизни твоей. А тот мир, тот свет, та твёрдость и поддержка, что ты внесёшь в свой труд для людей. Вот смысл твоей жизни, Украшая старость матери, молодость которой ты не раз отравлял, рыцарски защищая Алису, благодаря которой ты понял величие и силу чистой женской любви, ты можешь теперь, в эти дни, снова стать моим учеником, которому будут по плечу большие задачи.

Ты ещё не знаком со второй своей кузиной, Дженни. Но по опыту с Браццано знаешь, как легко попадает человек в сети злых, если он раздражителен. Дженни не только раздражительна и зла. Она ещё и постоянно возбуждена настоящим астральным костром — своею матерью. Друг друга питая, обе привлекают к себе шайку наших врагов. Если ты готов, вынеся опыт бездны страдания, повторить обет беспрекословного повиновения; если в сердце твоём нет раздвоения, и ты ясно видишь, что для тебя есть только один путь: идти так, как видит и ведёт тебя твой Учитель, — я могу принять твой обет и вести тебя дальше. Но на несколько лет ты уедешь с Флорентийцем, видя в нём такого же Учителя и друга, как я. Разлука не будет существовать, если в тебе поселятся радость и спокойствие знания.

Генри, за несколько минут до разговора дрожавший, почувствовал такое глубокое успокоение, какого ещё не испытывал ни разу в жизни.

— Благодарю вас, Ананда, Учитель и друг. Я понял всё, что вы мне сказали. Я знаю, что мне делать, я спокоен. Я больше не тот шалый, влюблённый в вас мальчик, который причинил вам столько горя, вернее, беспокойства вам и горя себе. Я созрел и могу теперь непоколебимо и добровольно произнести обет беспрекословного послушания.

Ананда подошёл к Генри, положил ему обе руки на голову и посмотрел ему прямо в глаза. Карие с золотом звёзды Ананды, казалось Генри,

пронизывали его до самых сокровенных частиц существа. Генри точно таял под этим взглядом, точно растворялась и превращалась в жидкий огонь вся кровь в его жилах.

"Ещё мгновение, и я умру, умру счастливый", — мелькнуло в уме Генри.

— Подожди меня здесь, сын мой, — услышал Генри голос Ананды, показавшийся ему измененным. Он несколько раз глубоко вздохнул, оглядел комнату, в которой остался один, и бессильно опустился в кресло. Слабость его прошла быстро, он снова почувствовал себя сильным и радостным. В комнате открылась другая дверь, которой Генри не заметил. На пороге стоял преображенный Ананда, Ананда, сиявший как шар света, в белой одежде с золотым шитьём, и протягивал к нему руки.

С криком счастья бросился Генри к Ананде и был введён им в белую комнату Флорентийца. Ананда подвёл его к мраморному столу, поднял крышку, и изумлённому взгляду Генри представилась высокая зелёная чаша, в которой горел огонь. Ананда взял тонкую палочку, как показалось Генри из аметиста и розовых камней с золотом, опустил её конец в чашу, что-то напевая на непонятном ему языке, — и огонь ярко вспыхнул, выбросив несколько пламенных лепт, из которых одна крепко держалась на палочке и горела.

Ананда коснулся темени Генри этим огнем, и по всему его телу прошло содрогание. Несколько раз прикасался Ананда огнем, прикладывая палочку между его глаз, у горла, у сердца, у селезёнки и пупка, между плеч, и каждый раз пламя чаши бурно вспыхивало, а всё тело Генри содрогалось. Подняв обе руки высоко над его головой, Ананда всё так же протяжно напевал какие-то слова. Умом Генри не понимал смысла произносимых слов, но сердце его, ликовавшее, освобожденное, проникало в смысл творимого действия. Он сознавал безграничную и вечную Жизнь без форм, без времени, без пространства, к которой его приобщил Ананда.

Пламя, горевшее теперь уже вдоль всей палочки, которую Ананда всё ещё держал в руке, бежало по его телу, по белой его одежде, играя всеми тонами и переливами фиолетового. Даже чаша, которая вначале виделась Генри зелёной, теперь стала фиолетовой. Очарованный, счастливый. Генри всем существом понимал, что Ананда поёт сейчас песнь торжествующей любви. И он отвечал Ананде, сливаясь с ним в благоговейном гимне Вечности. Повернувшись к коленопреклонённому Генри, Ананда снова положил палочку ему на темя и сказал своим дивным голосом:

— Можешь ли и хочешь ли, сын мой, идти в вечной верности с братьями Милосердия, в единении вечном с их трудом и путями?

— Если я достоин этого счастья, — хочу, — отвечал Генри. — Можешь

ли и хочешь ли творить труд дня не иначе как в героическом напряжении?

— Жить иначе я уже не могу. Жить без труда и борьбы за свет и истину для меня больше невозможно.

— Иди же в храм творчества отцов твоих. Учителей, там оставь всё условное — и Жизнь возвратит тебе твои таланты, которые ты забыл в веках. Повторяй за мной, сын мой, те немногие формулы, что отныне станут тебе основанием дня.

Я иду всей верностью моею за верностью Учителя моего. Иду в беспрекословном и радостном повиновении, так, как видит и ведёт меня мой Учитель. Иду, разнося песнь торжествующей любви. Иду, любя и радуясь, утверждая силу победы моей радостью. Иду, забыв навек об унынии и отрицании. Иду, неся бесстрашие и мир всему встречному. Иду, в чести и бескорыстии, мой день труда, и то не мои личные качества, но аспекты живой Вечности, во мне живущей.

Ананда поднял Генри, взял обе руки в свои и положил их на чашу. Блаженство, мир, гармония, неизреченный покой охватили Генри, точно сама божественная сила коснулась его. Радость хлынула волной из всего его очищенного существа, пламя вспыхнуло, точно взлетело из чаши на голову Ананды, где сложилось в звезду из пяти лучей, упало каскадом, как плащом накрыло Ананду и Генри, почти ослепив его.

Когда Генри пришёл в себя, он увидел, что жертвенник закрыт, сам он всё ещё стоит возле, а Ананда в своём обычном платье держит руку на его плече.

— Мужайся, сын мой, помни эту минуту, но не суди по ней, что именно так совершаются все посвящения. Шире раскрой глаза духа и поймёшь: сколько людей — столько путей. Путь посвящения всюду. И на поле сражения. И у постели больного. И в лаборатории, и в поле. Его нет только там, где нет труда. И всюду, где трудятся радостно, — всюду лежит путь к посвящению. Где звенит чистый смех, его тоже находят. Но где живут страх и уныние, — там к нему не подойдут.

Встречай радостно все испытания, ибо знаешь, что всё, с чем ты сталкиваешься в жизни, — всё пути отцов твоих, Учителей, к Вечному во встречах твоих.

Обняв трепещущего и счастливого Генри, Ананда повёл его снова в музыкальный зал, где Алиса садилась за рояль. Как нельзя больше ответило сердцу Генри общее молчание под мощные и торжественные звуки рояля. — Ананда, спой нам что-нибудь, — попросил Николай. — Петь я буду потом. Сегодня Алиса будет аккомпанировать моей виолончели, и эта наша музыка — только для Генри. А ты, Генри, вспомни зал в

Константинополе, темноволосую прекрасную музыкантшу и... себя. И всё, что вынесешь из нашей музыки сейчас, вернее, из нашей звучащей любви к тебе, — пусть это будет только твоей тайной.

И полились звуки человеческого голоса виолончели Ананды. Не только Генри и леди Цецилия были захвачены ими, вся группа людей, точно скованная, боялась шелохнуться. По-разному играл Ананда с обеими пианистками. Генри думал, что вот Анну Ананда постоянно вводил в какое-то гармоническое русло, из которого она каждую минуту могла уйти. Он как бы направлял её мятежный дух, помогая ей выйти из борьбы со своими страстями. Он нёс ей мир и успокоение, а она всё рвалась в новую и новую фазу борьбы, жалуясь на свои страдания и скорби. В ней жил протест, незаметный в труде дня, но вырывающийся огнем в музыке. Там играл Ананда-примиритель. Здесь же творилось славословие Жизни, звенела радость душ, принимающих любой свой момент таким, каков он есть сейчас. Здесь раскрывались все силы творчества сердец, равновесие которых не мешало подыматься духу на ту высоту, которая доступна человеческим силам.

Генри понял разницу творивших там и тут людей. Он понял самого себя там и здесь, он завершил сегодня одну ступень жизни и начал другую. Вглядываясь в сияющее лицо Алисы, он думал о сказанном Анандой, что он рыцарски должен защищать её. Где и против кого и чего он должен её защищать, Генри не знал. Но что защищать её будет всюду, — это он знал точно.

Улыбаясь своей обычной ласковой улыбкой, в комнату вошел Флорентиец. Поговорив со всеми, он сказал, что сам проводит Ананду. Напомнил Наль, Николаю и Алисе, что завтра в двенадцать они поедут к графам R и, смеясь, порекомендовал дамам подумать о своих туалетах. Ибо наверняка граф не упустит случая посуетиться лишний раз и позовет кого-нибудь из своих приятелей.

Оставшись вдвоём с Анандой, Флорентиец долго ещё говорил с ним и, между прочим, упомянул, что послезавтра из Парижа и Вены приедут два его друга...

Утро следующего дня было отмечено большой суетой, что едва не довело Лизу до ссоры с любимой матерью. Всегда спокойная и ненадоедливая, графиня R в это утро была неузнаваема. Услышав, что у лорда Бенедикта обе дочери красавицы, графиня трепетала, как бы её Лиза не оказалась в дурнушках. Два раза она заставила её менять туалет и все не была довольна. Наконец графиня пожелала, чтобы Лиза надела ещё одно платье — последнюю парижскую модель.

— Мама, да поймите же, не тряпки будут видеть глаза этих людей. Они так смотрят, точно в сердце заглядывают.

— Это ведь одна из твоих фантазий, Лизок. Ты им играй на скрипке, но одеть тебя предоставь мне.

Кончилось тем, что Лиза заупрямилась, надела простое белое платье и нитку жемчуга на шею, чем привела в отчаяние мать, нашедшую её прямо-таки провинциалкой. Но Лиза осталась глуха ко всем убеждениям. Не будучи в силах выносить скучнейшую суету, с которой одевалась сегодня сама графиня, точно замуж выходила она, Лиза ушла к себе, подумала о дивном белом Будде в своём новом доме, о Флорентийце, сказавшем ей об её таланте к музыке и, нежно вынув свою скрипку из футляра, воспела на ней свой день сегодня, и свою любовь, и своё счастье...

Стук в дверь оторвал её от грёз, гости уже входили в гостиную, её звал Джемс.

Лиза удивила графиню, когда вышла к гостям с преображенным музыкой лицом, в полноте любви и счастья. С первых же слов лорда Бенедикта, ласково здоровавшегося с её дочерью, у графини отлегло от сердца. Лиза, стоявшая перед высоким гостем, вовсе не была провинциалкой. Одухотворённость и благородство пронизывали её всю. Вечная забота отца, под влиянием тётки боровшегося с оригинальностью художественной натуры дочери, заразила до некоторой степени и мать, которой хотелось самой протоптать Лизе дорожку в жизнь по собственному разумению.

Сейчас графиня удивлённо наблюдала дочь, такую светскую, самостоятельную и... такую смиренную и глубоко почтительную рядом с лордом Бенедиктом. Какая-то новая, ещё неизведанная горечь наполнила сердце бедной матери. За всю жизнь она не видела своей девочки столь обожающей кого-то; она читала сейчас это обожание в каждом взгляде и слове, с которым Лиза обращалась к лорду Бенедикту.

— Как вы себя сегодня чувствуете, графиня? — услышала она вопрос лорда и покраснела, как институтка, которую поймали на тайной мысли.

— Из-за вечной мигрени я очень рассеянна, лорд Бенедикт. Благодарю вас, сегодня мне гораздо лучше. Очаровательные фрукты и цветы, что вы мне прислали, волшебным образом подействовали на меня.

— Я думаю, что вид вашей дочери, её присутствие, такой счастливой, подле вас не только должно придавать вам здоровья во сто крат больше, чем мои цветы, но и пробуждать в вас новую энергию и желание жить. Внуки, её дети...

— Дети Лизы, — рассмеялась графиня, перебивая Флорентийца, — я

даже и не думала ещё об этой стороне жизни. Лиза ещё такое дитя, что думать о её будущем ребёнке было бы так же смешно, как о ребёнке вашей Наль. Наль прелестна, слов нет. Но ведь ей не более пятнадцати лет. Личико совсем детское. Лизе хотя и семнадцать, но всё же о детях нечего и думать. Впрочем, — прибавила грузная графиня, — Лиза вся в меня. А у меня очень долго не было детей. Надеюсь, её жизнь не осложнится сразу пелёнками и прочей прелестью детской.

— Очень жаль, что Лиза своим появлением на свет надолго оставила в памяти матери самые неэстетические воспоминания. Глядя на неё сейчас, я готов был бы держать пари, что Лиза была спокойным и мирным, никогда не плававшим ребёнком, не доставлявшим своим многочисленным нянькам никаких хлопот. По всей вероятности, и её жизнь пошлет спокойных детей. А разве вы сами теперь были бы довольны одинокой жизнью в Гурзуфе? — пытливо поглядел на графиню лорд Бенедикт, точно проникая в самые её затаённые мысли.

Графиня покраснела под этим взглядом, чем-то возмутилась и несколько раздражённо ответила:

— Я не собираюсь проводить одинокой зимы в Гурзуфе. Я уже их много там провела благодаря своему слабому здоровью. Дети собираются совершить свадебное путешествие в Америку. Джемс поведёт туда новый пароход. Не могу же я отпустить дочь одну.

— Насколько я знаю, — рассмеялся лорд Бенедикт, — по всем законам всех государств, выдавая дочерей замуж, родители теряют над ними все свои юридические права. Все права переходят к мужьям, и дочери перестают быть одни, так как получают владыку в лице мужа. Разве вас сопровождала маменька в вашем свадебном путешествии по Испании?

Графиня поразилась. Когда же и кто мог сказать ему о её свадебном путешествии? Ах эта Лиза! Когда она успела разболтать? И в её памяти замелькали картины давно минувшего счастья. Как любил её граф, как буквально носил на руках, подчиняясь всем её капризам, как она властвовала над ним, ревновала без причин и лишала его самых невинных удовольствий, как вообще держала его в ежовых рукавицах, пока граф не устал от частых мнимых её болезней. А дальше родилась Лиза, болезни стали настоящими, и граф перенёс всю свою любовь на ребёнка. А потом клином между ними вонзилась сестра, пришли страдания, новое понимание жизни, какая-то мудрость, а теперь вдруг сразу внуки и... старость.

Графиня всё думала, забыв обо всех. А между тем входили новые люди, с которыми она машинально здоровалась, привычно улыбаясь, что-то

отвечала. Но внутри у неё шёл другой ритм, там настойчиво работала какая-то буровая машина, раскапывая всё глубже слежавшиеся пласты воспоминаний. Графиня точно раздвоилась. Одна рылась в прошлом, отыскивая всё новые подвалы в памяти, другая впервые четко поняла, что центр жизни в их семье больше не она. Лиза царила здесь. Лиза привлекала к себе. Лиза вела разговор. Лиза была камертоном жизни, и нота его была вовсе не та, которую старалась всю жизнь ей внушить мать. Графиня сидела всё на том же месте, вела какой-то тонный разговор с важными, тонко пахнувшими духами лордами, подкинутыми ей мужем. А сам он то и дело возвращался к Лизе и Джемсу, не отходявшим от лорда Бенедикта, весело перекидывался с ними словами и улыбками, целовал тонкую ручку Лизы и говорил:

— До чего же я счастлив, лорд Бенедикт, что вы одобряете мою дочурку. Для меня и моего отца это было единственное солнце, помогавшее нам жить честными людьми. Я готов обожать вас до конца моих дней за ласку к Лизе и Джемсу, которого сердце моё усыновило.

— Милый граф, поистине могу сказать вам: за ваши сегодняшние чувства и слова вы будете самым счастливым дедушкой, какого видел весь ваш род.

— Ну если так, лорд Бенедикт, ловлю вас на слове, не откажите же позавтракать с нами и выпить радостный тост. Кстати, вот нас зовут.

Лорд Бенедикт подал Лизе руку, граф подошёл к Наль, Джемс к Алисе, графиня оперлась на, руку одного из очень высоких лордов, окончательно разочарованная и чувствующая себя заброшенной и ненужной и всё так же приветливо разговаривающая со своим соседом. Если бы школа выдержки её двух кавалеров не ставила ей рамки, графиня, вероятно, не выдержала бы своего внутреннего разлада и убежала плакать. Напрягая волю, сидела она образцом вежливости, но сознавала, что довольно капли — и чаша её переполнится.

— Графиня, во Флоренции есть обычай, — услышала она голос лорда Бенедикта, — при обручении жениха и невесты, когда они обмениваются самыми дорогими для них сокровищами, мать невесты обменивается стаканом вина с будущим посаженным отцом молодой. Меня просили взять на себя эту высокую честь. Но откажите мне в просьбе выполнить этот обряд моей родины. Примите от меня этот небольшой стакан в подарок и подарите мне свой, выпив моё вино, я же выпью ваше.

Подойдя к графине, лорд Бенедикт глубоко заглянул ей в глаза и подал стакан. Задержав на миг её руку в своей, он пожал её. Какая-то волна радости и успокоения проникла в сердце бедной женщины. А когда она

пригубила вино лорда Бенедикта, — ей стало легко, силы её удвоились и вся горечь прошла.

— Мужайтесь, друг. Ведь вы долго и давно искали встречи с мудрецом. Мужайтесь теперь, не будьте эгоистичны, забудьте о себе и думайте только обо всех тех, кому вы недодали любви, — о дочери и муже. И вы можете встретить мудреца, — шепнул он ей, чокаясь ещё раз. — Какая замечательная вещь, — воскликнул сосед графини. Перед нею стоял стакан как будто зелёного стекла, на нём было вырезано или вдавлено несколько белых лилий с жёлтыми тычинками. Прелесть тончайшей работы, кое-где сверкавшие бриллианты заинтересовали всех, и стакан переходил из рук в руки. Когда очередь дошла до графа, он развёл руками и сказал, обращаясь к лорду Бенедикту:

— Надо быть волшебником, чтобы иметь возможность подарить подобную вещь. Ведь это не стекло. Это тончайше вырезанный изумруд. Только старая Флоренция могла обладать такими сокровищами и такими мастерами. Нам с женой остаётся только отдать вам наши благодарные сердца, так как никакими осязаемыми сокровищами мы не могли бы сравниться с вами.

Он встал и низко поклонился Флорентийцу. Через некоторое время, когда подали шампанское, граф снова встал и объявил, что сегодня совершается обручение его дочери и лорда Джемса Ретедли, барона Оберсвоуда.

Для графини это было сюрпризом. Ей никто не счёл нужным это сказать. В её прежнем состоянии духа такой удар был бы просто непереносим, но сейчас она приняла это известие просто и даже радостно, как самую естественную вещь. Графиня не знала, что объявленное сейчас её мужем обручение было не меньшим сюрпризом и для Лизы, и для Джемса. А когда лорд Бенедикт подошёл к Лизе поздравить её, он надел ей на палец чудесный перстень с изумрудом, сказав, что она может передать его только тому, кого больше всех на свете любит, и что, по обычаю его страны, жених и невеста обмениваются самыми дорогими сокровищами. Он смутил этим не только Лизу, но и капитана, не подготовившегося к этому случаю.

— Что же, друг Джемс, вы так смущены? Ведь в вашем кармане лежит тот медальон, что вам дал для вашей будущей жены Ананда. Почему же это сокровище не отдать Лизе сейчас?

— Я получил его, чтобы вручить после свадьбы. — Я беру на себя эту подробность, — улыбнулся Флорентиец. — Трудно сказать, когда совершается истинный брак.

Лиза поднесла к губам только что подаренный ей перстень и, глядя на Флорентийца, сказала:

— Скрипку свою я посвятила Будде. Жизнь свою я посвящаю вам, лорд Бенедикт, а все труды, любовь, душу, мысли и сердце я сливаю с Джемсом, чтобы вместе с ним идти за вами.

Она надела жениху кольцо, он подал ей медальон Ананды, увидев который Лиза невольно вскрикнула от восхищения.

Завтрак подошёл к концу. Ещё раз сказав графу и графине несколько слов, лорд Бенедикт и его семья условились о встрече в доме лорда Бенедикта в ближайшие дни и отправились домой, где их радостно встретили остальные домочадцы.

Глава 15

ДЖЕННИ И ЕЕ ЖЕНИХ. СВАДЬБА ДЖЕННИ

Уже несколько недель у Дженни голова шла кругом от массы противоречивых чувств и мыслей, которыми она жила, а также новых людей, с кем ей пришлось познакомиться. Сказать, что она, подобно матери, поверила в победу над лордом Бенедиктом, Дженни никак не могла. Вспоминая письма, полученные ею от Флорентийца, и думая, что ведь он был другом её отца, что он также друг и опекун Алисы, Дженни чувствовала, как сжимается её сердце, и сожалела о своих неразумных поступках. Она тосковала. Но попадая в поток злобных эманаций своей матери, она уже не могла заглушить зависти и унижения, которые грызли её при воспоминаниях об Алисе и Наль, о Николае и Теңдле.

Новые друзья матери, присланные из Константинополя её давним поклонником, показались Дженни очень приятными и воспитанными. Они сразу сделались бурными поклонниками её красоты и соперничали друг с другом в ухаживании за нею. Они так окружили её заботами, так баловали её, удовлетворяя её капризы и делая богатые подношения; так заботились о её туалетах и возили в самые модные и шумные места, что у Дженни положительно не хватало времени толком в чём-либо разобраться. К вечеру она так уставала от развлечений, что валилась с ног и засыпала, едва успев донести голову до подушки.

Как-то само собой, точно помимо воли и разума Дженни, она стала считаться невестой одного из этих молодых людей. Второй же, и прежде нередко интересовавшийся Алисой, теперь всё настойчивее спрашивал Дженни о сестре. Почему ни в одном из самых модных и шикарных мест не видно Алисы? Почему Дженни не вызовет сестру к себе на свидание? Разве Дженни не любит Алису?

Привыкнув царить среди своих адъютантов, Дженни не имела ни малейшего желания впускать Алису в маленький, влюблённый, как она полагала, в неё до безумия кружок. И вместе с тем не знала, что и как отвечать, всячески стараясь, чтобы поклонники вообще не увидели Алису. В этой суете Дженни пыталась забыть о судебной конторе, решив, что это ещё не скоро будет. И вдруг, как снег на голову, ей и матери вручили повестки с вызовом в это отвратительное заведение через два дня. Сияющая пасторша, помахивая своей повесткой, вошла к Дженни, едва та

проснулась, и своей обычной итальянской скороговоркой затрещала:

— Сейчас я получила письмо. Ещё два друга из Константинополя приехали. Сегодня вечером они будут у нас. Пожалуйста, постарайся быть прелестной. Это очень и очень богатые люди и, как говорит твой жених, чрезвычайно влиятельные. Им ничто и никто не страшен. Теперь-то попляшет у нас лорд Бенедикт! Вот тебе твоя повестка. Послезавтра слушание дела о завещании. Развенчаем подложную Цецилию. Ври в своём завещании, что хочешь, а сходство фамильное подавай. Это единственное неопровержимое доказательство. А пастора-то нет, с кем же сверять сходство, — хохотала пасторша.

— Не понимаю, мама, почему вы так носитесь с этим сходством? Ведь если на нём основываться, то меня и Алису никак сестрами признать невозможно, — ответила Дженни, не желая вдаваться в вопрос по существу и ища возможности обдумать, как себя держать, что предпринять, с кем посоветоваться.

— Сходство вовсе не одна я выдумала, милая моя. А наши друзья тоже уверяют, что фамильное сходство очень важный аргумент. Кстати, ты ведь понимаешь, что друг твоего будущего мужа рассчитывает жениться на Алисе. Мы с ним это уже обдумали. Так как лорд-великан не отпускает девчонку ни на шаг, а молодому человеку, естественно, хочется поскорее увидеть свою невесту, то я решила поехать с ним сегодня сама и передать Алисе письмо. Быть может, нам же и удастся привезти её домой.

— Мама, неужели вы забыли, как мы с вами к полу приклеиваемся, стоит лорду Бенедикту только посмотреть? Оставьте лучше свои затеи до судебного разбирательства. Ваши друзья не знают силы лорда Бенедикта.

Что-то исказило лицо пасторши, которая начала было поносить лорда Бенедикта. С лёгким стоном она опустилась на стул.

— Опять боль в позвоночнике, Дженни, — плаксивым тоном пожаловалась пасторша. — Уже раз я пролежала два дня со своей спиной. Кажется, у меня рецидив.

— Потому что вы всё злитесь и поднимаете в доме суматоху, от которой у меня голова кружится. Пожалуйста, ложитесь. Сами говорите, что вечером приедут ваши друзья. Благодарю покорно, провести вечер одной в компании четырёх чужих мужчин, — раздражилась Дженни.

— Какие же чужие, Дженни? Ведь один из них скоро будет тебе мужем, другой зятем, а остальные — их ближайшие друзья, даже родственники.

— Родственники или нет — это вам неизвестно. А что ещё никто мне мужем не стал, станет ли кто-то зятем — тоже неизвестно, — с ненавистью произнесла Дженни.

— Что только с тобою делается, Дженни? Я тебя совсем не узнаю и перестаю понимать. Если вести себя с человеком так, как ты ведёшь себя, столько от него принимать, вплоть до самых интимных забот, то уж непременно выходить за него замуж решила.

— Оставьте, пожалуйста, — резко закричала Дженни. — Вы так опутали меня своими друзьями, что я теперь ни в чём не могу разобраться. Дайте мне покой, или я заболую, как и вы, и никто из нас в эту чудесную контору не поедет.

Пасторша хотела что-то сказать, но боль согнула её и из глаз полились слёзы. Она тихо ответила Дженни:

— Только один кумир был у меня — ты, Дженни. И только одного я ненавидела — отца твоего. Вот он ушёл. Я мечтала, что мой кумир и я будем счастливы. Сейчас я боюсь, что ты всё наше счастье разобьёшь.

— Я ли его разобью или вы его не умеете слепить, я не знаю. Но повторяю вам, что вы можете свести меня с ума. Дайте мне побыть одной и подумать.

Не раз бывало горько у пасторши на сердце за последнее время. Все усилия доставить дочери максимум удовольствий и обеспечить её жизнь не встречали не только ласкового слова, но часто вызывали грубое порицание и холодность. Ей казалось теперь, что муж защищал её при жизни от раздражительности Дженни. Пастор не разрешал дочери повышать голос в общении с матерью. Строгость его, непреклонную в этом пункте, Дженни так хорошо знала, что никогда и не пробовала нарушить вето. И теперь пасторша не могла понять перемены в Дженни, как раньше не разгадала причины её выдержанности, приписывая дочерней любви страх перед волей отца. И в сердце пасторши вырастала острая ненависть к Алисе и тяжёлая злоба к ушедшему пастору.

Оставшись одна, Дженни несколько раз перечитала судебную повестку. Маленький клочок бумаги с холодными официальными словами превращался для Дженни в целый ряд живых, неприятных фигур семьи лорда Бенедикта и его самого. Но ярче всех вставала одна, так поразившая её на похоронах отца фигура сестры-золушки, сестры-дурнушки, превратившейся неизвестно какими чарами в принцессу Алису. Окруженная суетой и людьми с утра до ночи, Дженни чувствовала себя одинокой. И в эту минуту, серьёзность которой она хорошо сознавала, ей не с кем было посоветоваться.

О, что бы теперь дала Дженни, чтобы держать в руке зелёный конверт лорда Бенедикта. Как могло случиться, что три раза он её звал, говорил, что ещё не поздно всё поправить, — и три раза Дженни рвала письмо. Ей

пришла в голову мысль поскорее одеться и помчаться к лорду Бенедикту, сказать ему, что она снимает своё заявление, что верит его высокой чести, что молит его помочь ей вырваться из сетей заблуждений. Дженни уже хотела встать и привести свой план в исполнение. Но вошла горничная, передала букет цветов от жениха и письмо с извещением, что через час он за нею заедет, чтобы отправиться к портнихе примерять подвенечное платье.

Какой-то ужас вдруг охватил Дженни. Она написала жениху коротенькую записку, прося извинить её сегодня, она и мать, обе внезапно заболели и не могут никого принять. Дженни отправила письмо, ощущая себя запертой в клетке и лишённой свободы жить и действовать, как хочется. Человека, которого ей предстояло назвать своим мужем, она не знала. За несколько последних дней она только сделала открытие, что он её стесняет, что незаметно для себя она стала подчиняться ему. Самовластная Дженни уже не могла спорить, когда ей предлагалась какая-то программа действий, глаза жениха, вроде и ласковые, смотрели на неё пристально, требовательно. И не одно это тревожило Дженни. Прикосновение жениха было ей неприятно, словно при этом чья-то чужая воля вливалась в неё. Дженни внутренне бунтовала, но внешне оставалась спокойной, не имея сил возражать. Хотя стоило ей остаться одной, его власть над ней сразу же теряла силу и Дженни становилась сама собой.

Оставшись одна, Дженни надела свой старый халат, отбросив роскошный, подаренный ей женихом, и в первый раз за долгий промежуток времени стала думать об отце. Ей казалось, что тень его шепчет ей ласковые слова, что он одобряет её решение пойти к лорду Бенедикту и что надо спешить. Слёзы застлали глаза Дженни, она решительно поднялась, чтобы ехать к лорду Бенедикту. Не успела девушка встать с места, как в дверь сильно постучали, и голос её жениха властно потребовал, чтобы Дженни вышла. Защищенная запертой дверью, возмущённая неделикатностью молодого человека, Дженни вспыхнула и резко попросила оставить её в покое.

— Как могу я оставить вас в покое, когда здесь умирает ваша мать?

Перепуганная Дженни бросилась открывать дверь и тотчас же в ужасе отступила. Рядом с её женихом стоял высокий, незнакомый ей мужчина, смотревший на неё жёсткими чёрными глазами, пылавшими, точно угли. "Я тебя научу слушаться", — казалось, говорили эти страшные глаза. Ужас приковал Дженни к полу, и она лишь тогда двинулась с места, когда снова услышала голос жениха:

— Я напугал вас, дорогая, простите, простите. Но я боялся, что вы не

откроете мне сразу, а маме вашей действительно нездоровится. Это мой дядя. Он знает несколько восточных средств и может помочь вашей матери. Проводите нас к ней, я уверен, ей станет лучше.

Ничего не соображая, кроме: "Слушайся, слушайся", которое ей говорили эти глаза, Дженни ввела мужчин в комнату пасторши. Леди Катарина лежала на диване; страданий она не испытывала, но разогнуться не могла. Представив пасторше своего дядю, только что приехавшего из Константинополя, чтобы немедленно же ей помочь, жених предложил Дженни, нежно пожав её ручку, одеться и поехать с ним на примерку. Свадьба их должна состояться завтра, как того требуют прибывшие. У Дженни не было сил протестовать. Её удивила леди Катарина, весело разговаривавшая с дядей жениха, показавшимся ей таким отвратительным.

— Поезжайте, поезжайте, дети. Мне лучше уже от одного присутствия синьора Бонды. Ты пойми, Дженничка, это друг самого близкого мне на всём свете человека, моего друга детства и юности. Я сразу же воскресла, — трещала пасторша, лишь несколько распрямившаяся.

Мистер Бонда значительно поглядел на племянника и сказал неприятным тонким тенорком, слишком высоким и писклявым для его упитанной фигуры:

— Армандо, ты так испуган внезапной болезнью невесты и её матери, что даже забыл им меня представить по всем правилам нашей восточной вежливости. — Синьор Бонда улыбался. Быть может, на Востоке эта улыбка и могла считаться необычайно вежливой и ласковой, но у лондонской девушки дрожь отвращения прошла по спине. Когда мистер Бонда бесцеремонно взял обе её руки и поцеловал одну за другой, ей показалось, что это приблизилась к ней змея. Дженни внезапно побледнела, ей стало дурно, тошно, она хотела убежать в свою комнату, но чёрные глаза, острые, бегающие, словно шарили в её душе и мешали ей выполнить своё желание.

— Скоро, скоро, милая моя, вы станете Дженни Седелани, а не Дженни Уодсворд, и я буду иметь право на более нежный привет своей племяннице. Пока же примите от меня маленький подарок. Это ожерелье голубого восточного жемчуга в оправе из агата. Пусть оно будет вам компасом в жизни. Ни днём, ни ночью не снимайте его. Ваш жених Армандо застегнёт его на вас, и ничья рука, кроме моей, не сможет его расстегнуть, — всё так же ласково улыбаясь, говорил синьор Бонда. Он ловко надел на шею Дженни, безмолвно перед ним стоявшей, свой роскошный подарок, а Армандо застегнул тайный замочек, так ловко скрытый среди жемчуга, агатов и бриллиантов, что отыскать его было невозможно. Когда ожерелье

заиграло всеми цветами радуги на белоснежной шейке Дженни, необычайно выгодно оттеняя её бледность, рыжие волосы и тёмные глаза с тонкими тёмными бровями, пасторша в полном восторге закричала:

— О Дженни, дитяtko моё, ни одна красавица мира не может соперничать с тобой. Что за бриллианты, что за жемчуг! Алиса лопнет от зависти, увидев тебя в этом ожерелье.

— Ничего, мамаша, — ответил синьор Бонда, отходя от Дженни к дивану леди Катарины. Он фамильярно похлопал старую даму по плечу, издал коротенький смешок и продолжал: — И для второй вашей дочери подарочек не хуже найдём. Только привозите её скорее домой.

Армандо увлек свою бессловесную невесту в её комнату и здесь сказал ей властно, к чему она так не привыкла:

— Одевайтесь поскорее, у нас мало времени. От портнихи мы проедем к дяде, который к тому времени уже возвратится домой. Там вы познакомитесь с его другом, приехавшим вместе с ним из Константинополя. Это дядя моего друга Анри Дордые — Мартин Дордые. Но он такой весельчак и остролов, что иначе как весёлый Дордые или Марто его никто не величает. Мы все зовём его месье Марто, так зовите его и вы, и не изображайте, пожалуйста, из себя Мадонну, если он допустит некоторую вольность в своих речах. Бывает, он и руки распускает, но этого я ему не позволю, можете быть спокойны. Ну, скорее же, Дженни, и, пожалуйста, без похоронного лица. — Армандо пожал руку невесте, закрыл дверь её комнаты и уже из-за двери прибавил: — Наденьте чёрный шёлковый костюм, ту шляпу с белым пером, что я принёс вам вчера, и никаких больше украшений, которыми вы так любите себя обвешивать. Мы будем завтракать среди изысканной публики, даю вам пятнадцать минут.

Армандо вышел в зал, и лицо его сделалось расстроенным. Всё в нём выказывало крайнее волнение, и он с беспокойством смотрел на дверь в комнату пасторши, где слышались смех и весёлый разговор. Через несколько минут показался синьор Бонда.

— Ну-с, мой названный племянничек, как же вы выполнили приказание магистра? — язвительно усмехаясь, спросил он своим писклявым голосом.

— Легко передавать приказания, мой названный дядюшка. Надо было узнать сначала, кто этот старый осёл-адвокат, — и уж тогда посылать его подкупать. Это честный идиот, просто маньяк английской чести. Над ним я не властен, так как его чистота так смердит, что дышать трудно. А его молодой племянник, тот и вовсе для меня недоступен, ни за одну его страстишку я уцепиться не смог. Не сомневаюсь, что этот лорд Бенедикт инспирирован Анандой. Сегодня Анри узнал, что Ананда уже в Лондоне.

Каким образом могло случиться, что магистр, посылая вас сюда, не знал, что Ананда уехал в Лондон? Ведь он всех нас уверил, что Ананда остаётся в Константинополе ещё на целый год. Теперь мы можем всё дело проиграть. Без да-Браццано с ним бороться нелегко.

— Ну, ты ещё молод, чтобы порицать магистра. Делай, что говорят. Там увидим.

— Как бы не так! Я вам не солдат, а вы мне не командир. Довольно и того, что вы навязали мне в жёны эту красотку, вечно понурую и хмурую, да ещё с вульгарнейшей мамашей.

— Не будем ссориться, племянничек. Как только заполучим Алису, мигом освободим тебя от твоей мертвенно бледной жены. Так и быть, дурищу мамашу беру на себя. А вот тебе флакончик. Влей незаметно одну-две капли в вино Дженни, и на щёчках её зацветут розы, язычок развяжется и, пожалуй, будешь ещё ею доволен. Не задерживайтесь, приезжайте прямо ко мне в отель.

Бонда вернулся к пасторше, а Армандо хотел пройти к Дженни, но не сделал и двух шагов по коридору, как настиг её у выхода.

— Вот это я люблю. Прошло только четырнадцать минут, а вы уже не только одеты, но даже направляетесь к выходу.

Все надежды Дженни ускользнуть незамеченной разлетелись в прах. Оставшись одна, она пыталась сорвать ожерелье, которое немедленно прозвала собачьим ошейником и возненавидела сразу же, хотя не могла не видеть, как оно к ней шло, подчёркивая её красоту. Она пыталась разорвать его обеими руками, но ожерелье, точно железное, не поддавалось. Дженни пришла в бешенство, в полном отчаянии оросилась в кресло и вдруг, как в самые горестные минуты в детстве, когда у неё что-либо не выходило, закричала: "Папа, папа, помоги мне!" Ей померещилось, что отец где-то близко, ей стало спокойнее, она сбросила халат и мигом оделась. Машинально оделась так, как приказал жених, а в голове её стучала только одна мысль: проскользнуть скорее, вырваться из дому к лорду Бенедикту. Дженни не могла ответить себе, почему она сочла, что там найдёт спасенье. Но мысль эта вела её вон из дома. На несколько мгновений опоздала Дженни. Если бы не порыв бешенства, отнявший у неё время, Дженни успела бы проскользнуть, и... кто знает, как сложилась бы её дальнейшая жизнь и судьбы целого кольца людей. Мгновение, одно кратчайшее мгновение упустила Дженни, — и неумолимая рука схватила свою жертву, чтобы уже не разжаться.

Армандо понял, что едва не выпустил из рук главный козырь в затейной игре. Не показав Дженни, что он разгадал её тайну, он затаил

раздражение и поклялся отомстить будущей супруге за её сегодняшнюю выходку. Очень вежливо и галантно вёл себя Армандо всю дорогу, ничем не выдав своего недовольства ею. У портнихи Дженни тоже ждали сюрпризы. Во-первых, Армандо потребовал, чтобы платье — вопреки английской моде — было без шлейфа, объясняя, что они регистрируются только у нотариуса. Во-вторых, пристально поглядев на Дженни, он попросил не опоздать с платьем и прислать его в дом невесты завтра, не позднее четырёх часов, так как в шесть им надо быть у нотариуса.

Дня Дженни, ещё не назначавшей дня свадьбы, узнать, что помимо её воли ею посмели распорядиться, было таким издевательством, что она яростно схватила ворот платья и хотела его разорвать, но случайно коснулась ожерелья, и руки её невольно разжались. Глаза её встретились с глазами Армандо, в них она прочла такой сарказм и презрение, что в бессильной ярости излила весь гнев на прелестную сумку из перламутра и бирюзы, подаренную ей женихом. Будто бы нечаянно уронив её на пол, Дженни раздавила её, как бы ненароком споткнувшись.

— Какая жалость, моя дорогая, — соболезнуя невесте и подымая обломки, проговорил Армандо. — Это была настоящая восточная вещь. Я не сомневаюсь, что среди свадебных подарков моего дяди будет нечто менее хрупкое, вроде вашего ожерелья.

Он нежно коснулся ручки своей невесты и бросил в горящий камин обломки.

— Ах, что вы наделали! — закричала портниха. — Ведь можно же починить эту чудесную вещь.

— Нет, мадам, этой неудачей завершается целый период в жизни мисс Уодсворд. Завтра в жизнь вступит новое существо, моя жена, синьора Седелани. Ну, а для моей жены найдутся более прочные вещи, чем перламутр. Бирюза эта — тоже восточный амулет любви. Раз он оказался слабым, мы найдём более действенный. Как вам нравится это ожерелье?

— Оно поразительно. Оно необычайно идёт мисс Дженни. Но оно делает её какой-то демонической. Я никогда ещё не видела вашу невесту столь прекрасной. Но... я не хотела бы, чтобы моя дочь выглядела так накануне своей свадьбы.

— Девушки странный народ, мадам. Они считают, что идя к венцу, нужно обязательно иметь трагический вид.

— Быть может, и так, — вздыхая, сказала портниха. — А теперь, если требуется успеть к определённому сроку, попрошу вас покинуть примерочную и пройти в приёмную, я буду снимать туалет с мисс Дженни.

Точно нехотя вышел Армандо Седелани из комнаты, бросив на ходу, что

их ждут и надо торопиться.

— Мисс Дженни, — наклонясь к бледной и печальной девушке, прошептала портниха. — Что с вами? Приободритесь. Вы ведь в Англии, а не на Востоке. Если вам не нравится этот человек, что заставляет вас выходить за него?

— Можете ли вы разрезать или разорвать это проклятое ожерелье? Если можете, — я спасена.

— Что же тут мудрёного? Ведь не запаяно же оно. — Боюсь, что ещё хуже. Я пробовала его разорвать и ничего не могла сделать.

Всё сильнее изумляясь, портниха взяла самые большие ножницы и подошла к Дженни. Как только она коснулась ими ожерелья и зажала между лезвиями тонкую, вроде платиновой, оправу, обе женщины, слегка вскрикнув, отскочили друг от друга. Портниха почувствовала толчок и ожог, а Дженни схватилась за сердце и упала в кресло, возле которого стояла.

— Господи, в жизни ничего подобного не видела и не испытала, — в ужасе перекрестилась портниха. — Это не ожерелье, а цепь каторжника.

— Скоро ли вы будете готовы, Дженни? Мы опоздаем из-за вашей медлительности, — стучал в дверь Армандо.

— Да ведь женщина не солдат, синьор Седелани. Надо же одеться мисс Дженни, как подобает красавице, — возмутилась портниха.

Крупные слёзы катились из глаз Дженни, и она едва могла одеться с помощью опытных рук портнихи.

— Вы его не любите. Неужели у вас нет друзей, кто бы мог помочь вам?

— Поздно! Теперь только я поняла, кто был истинным другом мне и о чём меня предупреждали.

Едва Дженни успела привести себя в порядок, как в дверь снова постучали. Когда Дженни вышла в приёмную, она была так слаба и бледна, что портниха предложила ей стакан вина. — Это было бы как нельзя кстати, — сказал Армандо. Он сам взял из рук портнихи вино, прибавил в него немного воды и, как ей показалось, каких-то капель и подал Дженни.

Как только девушка выпила вино, с ней произошло что-то странное. На щеках её заиграл румянец, губы стали пунцовыми, глаза засверкали, точно агаты с бриллиантами в её ожерелье.

— Вы так прекрасны, мисс Дженни, что уверен, все головы будут поворачиваться в вашу сторону за завтраком. Но поедemте скорее, мы сильно опаздываем.

Молчавшая до сих пор Дженни вдруг обрела дар речи и кокетливый смех, чем несказанно удивила портниху. В её настроении произошла

разительная перемена. Она любовалась собой, проходя мимо зеркал, её занимало впечатление, которое она производила на соседей по столу, а те, кто окружал её за столом, казались ей очень милыми и любезными людьми.

Синьор Бонда, произведший на неё такое отталкивающее впечатление, теперь стал очень внимательным и добрым. Он рассказывал ей о своих несметных богатствах, которые перейдут к её мужу и к ней, так как собственных детей у него нет. Только его острые глаза как бы продолжали говорить: "Будь послушна, будь послушна". Но сейчас Дженни было весело. Богатство, туалеты, драгоценности и «свет», о котором она так мечтала, — наконец-то всё это открывается перед ней. И назойливо говорившие о послушании глаза, так упорно смотревшие на неё, теперь казались ей маленькой подробностью, на которую не стоит обращать внимания. Окончив завтрак, синьор Бонда пригласил Дженни с женихом и обоих Дордые в свои комнаты, где был сервирован кофе по-восточному. Усадив Дженни на диван и подав ей чашку кофе, синьор Бонда завёл с нею разговор об Алисе.

Ловко выпросив всё о лорде Бенедикте, он предложил Дженни написать сестре записку, известив её об опасной болезни матери и о своей печали: ведь завтра её свадьба, а сестра даже не знает, кто её будущий муж. Пусть Алиса приезжает с подателем письма, а завтра после бракосочетания вернётся домой. Дженни, весело смеясь, подшучивала над заочным женихом Алисы — Анри Дордые, который никак не ждёт, какого невзрачного утёнка ему приготовили в жёны. Анри вздыхал и отвечал ей в тон, что близкое родство с нею вознаградит его за многое. Когда письмо было готово, синьор Бонда спрятал его в свой карман и сказал, что он сам поедет к Алисе и привезёт её.

Расставшись с весёлой компанией, поглотившей огромное количество вина и тяжёлой жирной, остро приправленной пищи, Дженни и её жених возвратились в дом пасторши. Теперь Дженни казалось естественным, что жених обнимает её за талию и, близко склоняясь, заглядывает ей в глаза. Мысль о завтрашней свадьбе теперь её нисколько не беспокоила, и даже недоумение пасторши, почему же так спешат со свадьбой, если она больна и не может сопровождать дочь, показалось ей сейчас не стоящим внимания.

— Мы регистрируемся у нотариуса, мамаша. А уж если вам кажется необходимым церковный обряд, мы можем отложить его до вашего выздоровления. Но дядя находит, что церковный обряд дело устаревшее и никому ненужное.

Пасторша с сомнением покачала головой, но не решилась спорить с авторитетом синьора Бонды, присланным к ней самим да-Браццано.

Воспоминания о юной любви вставали сейчас в её сердце, которое одного только Браццано, пожалуй, и помнило всю долгую жизнь. Время шло, с минуты на минуту ожидали Алису. Но её всё не было. Наконец, раздался стук молотка, но, увы, вместо Алисы появился раздосадованный и злой Бонда.

— Почему вы мне не сказали, что это какая-то крепость, а не дом?

— Крепость? Да это один из самых изысканно обставленных домов. Какие картины, какой фарфор...

— Я не об обстановке говорю. Я говорю о целых баррикадах вокруг дома, через которые не проберёшься. Я даже письма передать не смог, не то что увидеть Алису, — рычал Бонда, накидываясь на Дженни.

— Я же вам предлагала, что поеду сама и привезу сестру. Мы с мамой там бывали не раз и никаких баррикад не видели. Я ещё раз предлагаю вам поехать со мною за Алисой.

— Оставайтесь дома и ложитесь пораньше спать, чтобы завтра быть пленительной, — сияясь улыбнуться, ответил Бонда. — И не такие баррикады брали, а тут какой-то дурак Бенедикт.

Вскоре гости простились и уехали, а мать с дочерью остались одни.

— Ну, вот и дождались мы, драгоценный мой ангелочек, любимая моя Дженничка, великого дня твоей свадьбы.

Как только гости ушли, Дженни опять принялась теребить своё ожерелье.

— Дженни, дорогая, что это ты делаешь? — с ужасом закричала пасторша, мгновенно перейдя от размягченного тона к раздражительным интонациям, заметив, чем занимается её дочь перед зеркалом.

— Чем кричать или говорить глупости о каких-то великих днях, вы бы лучше помогли мне снять этот собачий ошейник, — не менее раздражённо закричала Дженни.

— Боже мой! Да что же это с тобой делается? Где ты берёшь такие выражения? Чем ты можешь быть недовольна? Ведь как в сказке: на ковресамолёте прилетел жених и, как из волшебного ящика, выпрыгнул дядюшка, чтобы озолотить тебя. А ты всё только фыркаешь. Право, когда жив был отец, характер у тебя был лучше. А сейчас я просто теряюсь, не зная, как с тобой ладить.

— Ничего. Через пять минут заснёте, а ещё через пять — захрапите на весь дом, и не только свои заботы забудете, но и обо всех на свете помнить перестанете. А мил или отвратителен ваш храп, вас мало беспокоит. Об одном прошу: спите и храпите, сколько влезет. Но в мои дела не вмешивайтесь. Иначе я вас завтра же брошу.

С этим ласковым и почтительным выступлением нежная дочь ушла к себе, чтобы провести здесь свою последнюю девичью ночь. Кое-как сбросив платье, Дженни снова надела свой старый халат, сшитый со вкусом любящей рукой Алисы. Ни на стуле, ни на кресле, ни на кушетке — нигде не находила она места. словно гонимая кем-то, она бросалась из одного угла в другой и вышла наконец в зал. Полная тишина царила в доме. Точно всё умерло. Дженни поразила эта необычная тишина, которую всегда нарушал могучий храп пасторши. На миг она даже обеспокоилась, подумав, не слишком ли груба была с матерью. Но мысли о самой себе утопили сейчас же и этот благородный порыв. Тёмный зал, освещенный одной свечой, которую держала в руке Дженни, её не пугал. Наоборот, ей была приятна эта тьма, не раздражавшая её мучительно натянутых нервов. Дженни всё искала, чем бы ей заняться. Машинально глаза её упали на стол, и она заметила на нём золотой портсигар с монограммой жениха. Должно быть, он забыл его, куря папироску в ожидании невесты. Уверенная, что портсигар принадлежит её жениху, Дженни открыла его, достала папироску и закурила. Папироса была маленькая и очень тонкая. Приятный и особый какой-то аромат удивил Дженни, подумавшую, что и папиросы на Востоке не похожи на английские.

Чем дольше курила Дженни, тем разительнее менялось её настроение, и наконец ей стало весело. Всё печалившее и раздражавшее ещё минуту назад стало казаться пустяками. В голове у неё зашумело, как после хорошего стакана вина, которое за последнее время Дженни приучилась пить. Она чувствовала приятное волнение в крови. Ей стало жарко. Она сбросила халат, встала и увидела своё смутное отражение в большом зеркале.

Она зажгла канделябры и увидела себя в одной рубашке, с расширенными глазами, пылающими щеками и улыбающимся лицом. Дженни понравилась себе. Ей захотелось ещё света. Она зажгла все свечи, стоявшие на столах, но этого ей показалось мало. Она встала на высокий стул и специальной свечой на палке зажгла обе люстры. Теперь комната пылала, и в ней пылало всё существо Дженни. Она снова подошла к старинному зеркалу, распустила волосы и стала любоваться собой. Ожерелье в огнях сотни свечей переливалось всеми цветами радуги, и жемчуг, который был голубым, и это отлично знала Дженни, сейчас казался огненным.

Дженни изгибалась во все стороны, фигура её отражалась в другом зеркале, пышные рыжие волосы казались огненным плащом и светились вокруг неё красным пламенем. Ей пришло в голову, что она, собственно, не

знает себя и никогда не видела себя голой. Дженни, воспитанной в чистоте, которую разливал вокруг себя пастор, до сих пор не приходила мысль о своей наготе. Теперь же, в сияющем зале, с огнем, пылавшим в её крови, Дженни стала осторожно спускать сорочку с плеч. Обнажив безукоризненные руки и грудь, Дженни замерла от восторга. Она всё ниже спускала свой единственный покров. Вот открылся живот, бедра, вот сорочка упала к ее ногам. Дженни стояла, зачарованная собственной красотой. Она отбросила прочь кусок батиста и кружев, мешавших ей любоваться своими маленькими ножками.

— Как я прекрасна! Подумать только, ведь я не знала, как я хороша, — тихо смеясь, говорила Дженни. — Разве не счастливец тот, кто будет обладать этими сокровищами... — продолжала она разговаривать сама с собой, влюбленно рассматривая прелестное своё тело. — Да разве это возможно, чтобы кому-то одному досталась такая красота? Многим, многим должно украсить жизнь это чудесное тело. Чего стоит рядом со мной Алиса? Или эта дурнушка Наль? Как будут они обе убиты в конторе! И сам лорд Бенедикт вряд ли устоит против подобных женских чар. О, вот теперь начнется настоящая жизнь:

Мало-помалу, то придвигаясь к зеркалу, то отступая назад, Дженни начала выделять какие-то па. Не понимая, что она делает, она стала танцевать такой бесстыжий танец, до какого не додумалась бы и опытная соблазнительница. Дженни стало так весело, что её громкий смех несколько раз долетал до ушей горько и тихо плакавшей матери.

Много раз плакала в своей жизни пасторша. Но каждый раз это были слёзы бешенства. Теперь она плакала слезами стареющей женщины, отверженной матери и совершенно одинокого существа. Только теперь пасторша поняла, что муж, которого она ненавидела, был единственным, кто жалел её, единственным, кто относился к ней милосердно. Испытав, чем теперь платит ей Дженни за все её жертвы и любовь, пасторша плакала в полном отчаянии, понимая, что у неё в жизни нет ничего, за что она могла бы ухватиться. Страшные призраки полного одиночества и смерти впервые встали перед ней. Прожитая бестолково жизнь уже позади, и ничего, кроме тьмы, никакого призыва жизни, который создала бы её собственная любовь... Когда до тихо рыдавшей пасторши ещё раз донёсся раскатистый хохот Дженни, на неё напал суеверный ужас. Кое-как, с трудом передвигая ноги, с заплаканным лицом, согнувшись, растрёпанная, она направилась в зал, откуда всё ещё слышался довольный смех Дженни. Не в силах ничего сообразить, леди Катарина открыла дверь и, ослепленная ярким светом, в ужасе остановилась на пороге, парализованная бесстыдными движениями

голой Дженни, её ужасным смехом и всем возбуждённым видом. Несчастливая мать решила, что Дженни сошла с ума. Дженни же, не заметившая её, внезапно увидела в зеркале страшную фигуру, решила, что перед ней привидение, и завопила: "Ведьма, ведьма!"

Перепуганная сверхъестественным явлением, забыв, что у неё есть мать, забыв всё, Дженни бросилась нагая из зала к себе в комнату, едва не сбив с трудом посторонившуюся пасторшу, и вскочила в постель.

"Это ко мне явилась ведьма старости, чтобы я не зевала и не пропускала даром дней. Ну уж нет! Могла и не являться. Ни одного дня без наслаждений не проведу", — думала Дженни, постепенно успокаиваясь. Утомлённая долгим танцем, она стала засыпать, а между тем начинался новый день, когда мисс Дженни Уодсворд было суждено закончить своё существование и вступить в жизнь синьоре Седелани.

Долго стояла так пасторша на одном месте. Ей казалось, что теперь свершилось самое страшное и непоправимое из всех несчастий её жизни. Дженни — сумасшедшая! Её гордость, её жизнь, её будущее — Дженни — безумная! Отчаяние высушило слёзы, отчаяние в один миг переставило в её сердце местами все ценности. Что стоят теперь все богатства мира, если её дитя не может ими пользоваться? Не имея сил потушить всё ещё пылавшие свечи, заботливо приготовленные ею для завтрашнего дня, пасторша прислушалась, боясь смеха безумной Дженни, и поплелась в свою комнату. Бездна её горя сейчас открылась ей вполне. Вот почему Дженни была так груба с ней всё последнее время. Дженни давно уже, значит, была ненормальна, а она, мать, не понимала своего дитяти. Что ей вся вселенная, что ей всё живое во всём мире, если её дорогая дочь, её плоть и кровь, не с нею, не может теперь понимать прелесть жизни.

"О Браццано, Браццано! Ты соблазнил меня и бросил. Ты велел мне немедленно выйти за Эндрю замуж, скрыв от него свою беременность. Я послушалась, всё исполнила так ловко, а ты меня обманул. Обещал вернуться и не вернулся. Обещал помочь в самое трудное время, — где же твоя помощь?"

В этих терзаниях провела пасторша остаток ночи и всё раннее утро, забыв сказать прислуге, чтобы убрали ещё чадившие свечи.

Когда горничная вошла утром убирать зал, она была так поражена оплывшими свечами и закапанным полом, что немедленно отправилась к пасторше с докладом. К её большому удивлению, пасторша не обратила никакого внимания на её слова, только досадливо махнула рукой и велела позвать дворника, всё убрать и поставить новые свечи. Сама она, совершенно разбитая и духовно и телесно, лежала, как мёртвая, на своей

кушетке, ожидая смертного приговора: звуков из комнаты Дженни.

Но там всё было безмятежно спокойно. Часы шли, а из комнаты дочери всё так же не доносилось ни звука, и волнение пасторши достигло предела. Вот раздался стук в наружную дверь, это посыльный принёс Дженни обязательный подарок: утренний букет цветов от жениха, сегодня особенно роскошный, и два письма, одно Дженни, второе матери. Передав горничной цветы и письмо, пасторша послала её будить Дженни, а сама, не смея войти, спряталась за дверью, чтобы всё видеть и слышать.

— Кто тут? — в ответ на стук раздался сонный голос Дженни. Узнав, что ей письмо и цветы, Дженни лениво поднялась с постели и впустила горничную. Взяв у неё букет, она бросила его на пол и сказала девушке: — Принесите скорее вина, в горле пересохло. Услыхав, чего требует дочь, пасторша опечалилась ещё больше. Всё подтверждало ненормальность Дженни. Вернувшись в свою комнату, пасторша села в кресло и стала читать письмо. Взглянув прежде всего на подпись, она увидела, что оно было от Бонды. Ещё вчера она была бы рада его получить. Но последняя ночь унесла всю её энергию и жизнерадостность. Она равнодушно держала письмо, не читая его, и всё прислушивалась, чем ещё одарит её жизнь. Той пасторши, бодрой, свежей женщины, которая несколько месяцев назад стояла в зале, представляя лорду Бенедикту своих дочерей и соперничая с ними в красоте, и в помине не было. Одна только ночь проложила мрачные и глубокие морщины на её лице, посеребрила волосы, сморщила кожу на шее. Не пасторша, а жалкая тень её, болезненно жёлтая, с распухшими красными глазами, сидела в кресле.

— Мама, что с вами? Почему вы сидите неодетая? — вдруг услышала пасторша и увидела Дженни в роскошном халате своего жениха. Лицо её было очень бледно, глаза тусклы, вся она была вялая и заторможенная. Положительно, это была какая-то новая, незнакомая матери Дженни. Прежняя Дженни говорила повышенным тоном, в движениях её сквозили энергия и темперамент. У Дженни сегодняшней вид был утомлённый, ко всему она была равнодушна, медленно тянула слова, словно подтверждая ночные мысли пасторши о том, что всё великолепие мира уже не заинтересует её. Пасторша хотела узнать, помнит ли Дженни о том, что делала ночью, и знает ли она, что мать видела её у зеркала, но спросить боялась.

— Я что-то плохо спала и видела дурные сны, — вяло цедила слова Дженни. — Кроме того, это ожерелье так неудобно, оно давит на меня своей тяжестью. Как глупо делать тайные замки. Должно быть, много глупостей продельвается на Востоке, если судить по моему жениху и его

дядюшке. От кого письмо?

— От синьора Бонды, но я ещё не успела его прочесть. — Ну, читайте. Я тоже ещё не успела прочесть своего. Надеюсь, что сегодня хоть до регистрации я не увижу ваших протезов.

— Дженничка, деточка, неужели тебе не нравится твой жених? Ведь он такой красавец! И ведь ты ещё свободна, ты можешь отложить свадьбу, можешь и забрать своё слово назад.

— Ха-ха-ха! Вот как вы теперь запели! То вздохнуть было невозможно без ваших наставлений по поводу того, как привлечь и не упустить Армандо, а теперь заговорили об освобождении. Поздно, мамаша. Когда дочке нацепили ошейник, — не стоит прельщать её свободой. Сами толкали в ловушку, а теперь желаете умыть ручки в чистой воде и соблюсти невинность. Эх вы! Хоть бы теперь проявили каплю любви к ребёнку, любви, которой хвастались и прикрывались всю жизнь.

Все эти ужасные слова Дженни говорила вялым тоном, точно автоматически двигающая губами безжизненная кукла, и от того они казались пасторше ещё страшнее. Дженни тяжело встала с кушетки, перешла в зал, где и осталась, велев подать себе туда завтрак. Пасторша, вдвойне убитая и видом Дженни, и её словами, сидела, чутко прислушиваясь, что происходит в зале. Но там ничего особенного не происходило, кроме того, что Дженни велела настезь открыть окна. Пасторша стала читать письмо Бонды.

"Милейшая и любезнейшая леди Катарина! Наш общий друг, князь да-Браццано, напоминает Вам о клятве Вашей юности, данной Вами ему на веки вечные. Вы клялись на его драгоценном чёрном бриллианте быть ему верной и послушной во всём, покоряться всем его приказаниям. До смерти Вашего мужа он предоставлял Вам жить, как Вам хотелось. Теперь он требует: оставьте Вашу старшую дочь в покое, у неё будут руководители, которые дополняют её воспитание. Вы сами отлично знаете, кто отец этой Вашей дочери, и если не подчинитесь тем требованиям, что ставит Вам через меня да-Браццано, обе Ваши дочери узнают истину. Вторую Вашу дочь, единственное дитя пастора. Браццано требует в жёны для Анри Дордье. Не входя в обсуждение того, как могло случиться, что Вы выпустили младшую дочь из рук, Браццано дал нам задачу привезти её к нему в Константинополь. По задуманному нами плану из судебной конторы мы увезём её, если понадобится, силой, для чего у нас уже есть люди. Ваша же роль в этом деле должна заключаться в том, чтобы ожерелье, которое я передам Вам сегодня. Вы накинули ей на шею, когда будете её обнимать, до начала слушания дела. Остальное предоставьте нам. Помните только:

одной рукой, на которую я Вам надену браслет Браццано, крепко обнимите девочку, а второй, как бы глядя головку, накиньте ожерелье. Я привезу Вам лекарство, чтобы Вы завтра были совсем здоровой. А сегодня оставайтесь дома, свадебная церемония будет скромной и короткой и всё обойдётся без Вас. Я и жених будем у Вас к четырём часам. С почтением Тибальдо Бонда".

Ужас пасторши перешёл в какой-то духовный и физический паралич. Уныние, которое владело ею всё утро, страх, отчаяние и страшное разочарование в человеке, о котором она сохраняла какие-то иллюзии юности, разбили её совершенно. Это страшное письмо, которое вчера она старалась бы сжечь, сегодня оставляло её равнодушной. Не всё ли равно, как сейчас будут думать о ней? Ведь Дженни безумна, она даже не поймёт того, о чём говорится в письме. А у неё отнимают единственную ниточку к теплу жизни, Дженни, пусть даже безумную.

Сколько прошло времени, пасторша не знала. Не знала она и того, что Дженни снова выкурила тоненькую папироску и совершенно ожила, точно переродилась. Пасторша поразилась, когда Дженни вошла к ней в ярко-зелёном платье, с румянцем на щеках, с блестящими глазами, мурлыкая какую-то песенку. Дженни не была музыкальна, песенка звучала фальшиво. Но не это поразило пасторшу, а выражение лица дочери, в ней снова было что-то от той вакханки, которую она видела ночью. Пасторша подобрала письмо и закрыла лицо рукой, точно боясь опять увидеть ночной танец дочери.

— Да что с вами делается, мама? Вы всё ещё не одеты, не причёсаны. Ведь уже скоро три часа, а в четыре приедут гости. Надо, чтобы вы не внушили ужас родственнику Анри. Он весельчак, но думается, что даже он умрёт от тоски, застав вас в таком безобразном виде.

— Я думаю, мне совсем не придется ни выйти к гостям, ни поехать на твоё бракосочетание. Я должна буду лечь в постель, я совсем больна и чувствую себя, как столетняя старуха. Ведь будет только нотариальная запись, по последней моде. Ну, а это не требует никаких светских приличий. Распишетесь вы оба, распишутся ваши свидетели — и вот вы муж и жена. По всей вероятности, твой муж и его родственники не пожелают вернуться к бедной больной матери. Ты уже будешь носить другое имя и в своём теперешнем настроении вряд ли захочешь вообще навещать меня. Живи, детка, как тебе хочется и нравится.

До того необычен и тих был голос пасторши, что Дженни остановилась и слушала мать так, как слушают какую-то невероятную историю. Весь вид матери, мгновенно состарившейся, убитый, осунувшийся, поразил Дженни.

— Вас, право, подменили, мама. Дайте-ка сюда письмо. В чём дело? Кто вам пишет?

Дженни хотела взять письмо с колен матери, но та зажала его в руке и сунула в карман.

— Письмо это касается только меня, Дженни. А уж давно ты мне дала понять, что я для тебя не существую. Мои горести, как и моя любовь, тяготят тебя не первый день.

— Да что это за несносная манера, — топнула ногой Дженни, и всё её ожерелье заиграло огнем, точно гнев Дженни перелился в него. — И это называется днём свадьбы! Вы бы отходную мне ещё почитали. Ну и капризничайте, сколько влезет, обойдёмся и без вас. Подумать только. Состряпали собственными руками всю эту свадьбу, а теперь стараетесь спрятаться в кусты. — Дженни, ради Бога, помилосердствуй! — Да что вы мне суετε теперь вашего Бога! О каком милосердии вы говорите? Вы, что ли, были милосердны? К кому? К отцу? К Алисе? Ко мне? Милосердия захотели! Жните, что сеяли.

Круто повернувшись на каблуках, Дженни вышла из комнаты и отдала приказание накрыть стол к чаю, десерт и закуску, к которому обещал привезти жених. Через минуту Дженни забыла о матери и стала любоваться собой в зеркале. Она подошла к столу, взяла в руки золотой портсигар. При дневном свете инициалы из чёрных бриллиантов, которые понравились Дженни, ярко сверкали, и она разобрала буквы: Т. Б. Дженни усмехнулась:

— А я-то думала, что выкурила папиросы жениха. Придется признаться самой, этот крокодил сразу заметит, что двух не хватает.

Представив шарящие глаза Бонды, Дженни ощутила тошноту. Но размышлять дальше ей не пришлось, так как в переднюю уже входили мужчины, весело смеясь остротам Марто. Пока веселились в зале, пока рассматривали подвенечное платье, пасторша всё сидела одна, погрузившись в отчаяние. Почему-то она вспомнила, как была в гостях у лорда Бенедикта, как он подарил ей ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь. Особенно она полюбила эту брошь, часто ею любовалась и носила её. Она протянула руку к туалетному столику, взяла брошь, поднесла её ко лбу и прошептала:

— Милосердия, милосердия, милосердия. Вы отняли у меня одну дочь, теперь он отнимает другую. В нём милосердия нет. Неужели же и вы не знаете пощады для грешницы? Я обманула мужа, я обманула дочерей. Я пусть погибну, только молю вас за моих дочерей.

Неожиданно ей сделалось легче. Холодные камни точно вбирали жар её тела. Она стала дышать свободнее, смогла выпрямиться, поднялась и

закрыла дверь на задвижку. И снова села в кресло, крепко прижимая к себе любимую брошь. Какая-то уверенность вливалась в неё. Мысль стала работать спокойнее, и она принялась думать, что же теперь делать и что можно немедленно предпринять.

Не отдавая себе отчёт, почему она это делает, она зажгла свечу и сожгла письмо Бонды. Ей стало ещё спокойнее. Положив обе руки на брошь, леди Катарина стала думать, как ужасно она поступила когда-то, принеся страшную клятву Браццано, клятву, дававшую ему право на её жизнь и смерть. Она обратилась мыслью к лорду Бенедикту и стала упорно просить его спасти хоть Алису от этих ужасных людей. Не отдавать её тем, кому цену она поняла сейчас до конца. "Зачем, зачем я повторяла за ним какие-то бессмысленные слова, целовала какой-то чёрный камень", — всё возвращалась к дням своего далёкого прошлого леди Катарина. Теперь только, всеми брошенная, она начала понимать, кого и что она потеряла в пасторе. И в новом порыве отчаяния, прижимая брошь к своим губам, чтобы не дать вырваться рыданиям, она мысленно говорила лорду Бенедикту:

— Вы были его другом. Не поверю, что вы злы или мстительны. Спасите, спасите дитя пастора! Алиса истинно его дочь. Пусть я понесу кару за свою несправедную жизнь, спасите только Алису.

Отчаявшись и не понимая толком, могут ли быть услышаны её мольбы, она опустилась на колени, прижалась лицом к ожерелью и всё продолжала молить лорда Бенедикта с жаром и верой; так она ещё ни разу в жизни не обращалась к Богу. В её истерзанном сердце, в её смятённом мозгу всё смешалось в какой-то бред. Она перестала понимать, где кончалась действительность и начиналась её фантазия. Ей вдруг почудился какой-то утешающий голос, ободряющий, милосердный:

— Не в одно только это мгновение, но во все оставшиеся тебе дни вспоминай мужа и моли его о помощи. Храни чистыми камни, что даны тебе милосердной рукой. Не отчаивайся. Всё, что прибегает с мольбой к милосердию, найдёт в нём себе пощаду. Перестань плакать. Мужайся. Действуй так, как будто рядом с тобой стоит твой муж и знает обо всём, что с тобой происходит. Не прикасайся к вещам и лекарствам, что тебе дадут. Брось их в камин, и когда останешься одна, жди указаний, как поступить дальше.

Так явно, казалось леди Катарине, она слышит шепот, что она приободрилась, выпрямила спину и начала приводить себя в порядок.

В доме слышался раскатистый смех, несколько голосов говорили одновременно, по коридору и передней несколько раз пробежали. Долетали

до неё слова о подвенечном платье, о том, что пора ехать, но о пасторше никто не вспоминал. Наконец кто-то подошёл к её двери и постучал. Убедившись, что дверь заперта, Бонда нетерпеливо закричал: — Мамаша, открывайте скорее, я передам вам, что обещал. Пасторша, ухо которой отлично различало нетрезвые интонации, поняла, что Бонда уже как следует выпил. Сидя в кресле, она ответила:

— Подняться и открыть вам я не могу. Положите всё у моих дверей. Я остаюсь совершенно одна, никто ваших вещей не тронет. Как только боли отпустят, я попытаюсь выйти.

За дверью раздался наглый хохот Бонды, и он саркастически сказал:

— А разве вы не хотите поглядеть на красавицу-невесту и благословить её к венцу?

— Вы мне четко объяснили, синьор Бонда, что нынче церковный брак не в моде. А для записи у нотариуса Дженни ни в каком благословении не нуждается.

— Ну, ладно. Кладу на стул лекарство и свёрток. Когда развернёте, найдёте записку, как принимать лекарство и обращаться с вещами. Не забудьте моих наставлений. Да, кстати, Дженни сегодня не вернётся. Все вместе мы приедем завтра в контору, а вы поедете туда одна. Мне это удобнее по многим соображениям.

Бонда присоединился к весёлой компании, и вскоре шумная квартира опустела. Леди Катарине казалось, что вместо сердца в груди у неё кусок льда. Всё её существо содрогалось от отчаяния одиночества и отверженности. Взлелеянная ею мечта: свадьба Дженни, свадьба, о блеске которой она мечтала годы, будет происходить в какой-то нотариальной конторе. И её девочка, как девка, проведёт ночь в гостинице. И эта страстно обожаемая девочка даже не подошла к двери сказать матери последнего девичьего прости.

Сколько времени она просидела в оцепенении, пасторша сказать бы не могла. Постепенно мысли её стали возвращаться к завтрашнему дню, к завещанию пастора, к самому пастору и к другу его последних дней лорду Бенедикту. Она подумала, что, плача и моля этого лорда о помощи, заснула и ей только приснились слова милосердия. Она решила последовать совету, услышанному ею во сне. К собственному удивлению, она довольно легко встала и подошла к двери. Волна страха и нерешительности пробежала по ней, она прислушалась — всюду царил тишина. Леди Катарина отошла от двери, подожгла дрова в камине и только тогда открыла дверь. И когда она взяла каминными щипцами пакет, ей показалось, что всё её существо раздирается на части: в одно ухо кто-то шепчет: "Бросай скорее в камин", а

в другое: "Не смей!"

В спешке, боясь уронить зловещий пакет и послушаться утешавшего её во сне голоса, она бросила в огонь свою ношу. Пламя не сразу охватило плотную бумагу, в которую было что-то завернуто. Леди Катарина бросила в камин и лекарства. Не прошло и нескольких минут, как пакет загорелся, зашипел, как фейерверк, и пламя стало переливаться всеми цветами радуги. Зрелище было так необычно и красиво, что пасторша не могла отвести глаз. Вдруг пламя охватило пакет, так долго сопротивлявшийся огню, в комнате раздался взрыв, потом второй, ещё сильнее, и из камина повалил дым.

Насмерть перепуганная леди Катарина с криком бросилась вон из комнаты, решив, что начался пожар и рушится крыша. Не успела она выскочить в коридор, как послышался сильный стук в наружную дверь. Ничего не соображая, она бросилась к двери, распахнула её и... очутилась перед высоченным лордом Бенедиктом.

— Скорее, скорее, — сказал он, накидывая ей на плечи плащ. — Садитесь в мою коляску.

Захлопнув своей могучей рукой наружную дверь и повернув что-то в замке, лорд Бенедикт усадил пасторшу в коляску, сел рядом и крикнул кучеру: "Домой!"

Всего два дня тому назад поносившая лорда Бенедикта и утопающая сейчас в необыкновенно мягком и тёплом плаще, который согревал её, дрожавшую с головы до ног, леди Катарина вдруг почувствовала себя так, как и должен чувствовать себя человек, вытащенный из горящего дома. Слезы лились по её щекам, она не смела взглянуть на своего спасителя, ибо ей думалось, что она встретит знакомый пристальный и грозный взгляд.

— Ободритесь, бедняжка леди Катарина. Именем и любовью вашего мужа я действую сейчас. Он всё простил вам за одно мгновение вашей любви к Алисе, за один полный, до конца пережитый миг самопожертвования.

Пасторша, страшившаяся даже взглянуть на лорда Бенедикта, всё забыла, пораженная и очарованная интонацией прозвучавшего голоса. Сердце её, вконец истерзанное, ожидавшее строгого выговора и наставлений, раскрылось и вылило всё лучшее, что таилось в самой его глубине.

— Милосердие Великой Матери Жизни не похоже на милосердие людей, леди Катарина, — продолжал всё тот же ласковый голос, доброта которого расплавляла горы зла и печали, что нагромодила вокруг себя пасторша. — Вы проведёте эту ночь в моём доме, если пожелаете. Но если вы окажете мне честь быть моей гостьей, вам придется подчиниться

некоторым условиям. Условия эти не будут тяжелы, но вы только тогда их примете, когда добровольно пожелаете им подчиниться. Если же вы принять их не пожелаете, сможете возвратиться в свой дом в любую минуту.

— Сжальтесь, лорд Бенедикт, не отправляйте меня домой. У меня пет больше дома, я не смогла вымолить у Дженни ни слова сострадания в этот ужасный миг своей жизни. И те, кто туда может вернуться за мной, ничего кроме смерти принести не могут. Я согласна вытерпеть всё, я уже фактически умерла, я потеряла всё самое для меня драгоценное: мою Дженни и её любовь. Я не дорожу больше жизнью. Такими страшными кажутся мне теперь мои прошлые ошибки, что лично мне уже нет спасенья. Своё отношение к Алисе я воспринимаю сейчас как ряд ошибок, почти преступлений. И понять не в состоянии сейчас, каким образом сложилось это жестокое отношение к бедной девочке, такой труженице, меня любившей. Я не в силах проследить теперь, когда я оступилась и каким образом встала на такую ужасную дорогу. Приказывайте, лорд Бенедикт, мне не страшно ничего, кроме возвращения в свой дом и встречи с Бондой.

Голос пасторши дрожал и прерывался. Видно было, что это существо, вкусившее бездну отчаяния, хватается за лорда Бенедикта, видя в нём единственный, чудом посланный ей якорь спасения.

— Мы приехали, леди Катарина. Закутайтесь в плащ, нас никто пока не увидит. Кроме того, без плаща вам трудно будет дышать в атмосфере моего дома. Сейчас Алисы вы не увидите, а завтра ни одним словом не обмолвитесь ей о пережитом за эти дни. Я провожу вас в комнату, где вы будете в полной безопасности и куда к вам никто из ваших преследователей не сможет проникнуть.

Лорд Бенедикт помог своей спутнице выйти из экипажа и через сад провёл её наверх. Здесь, в небольшой, прекрасной комнате горел огонь, было тепло, уютно, мирно. Флорентиец усадил леди Катарину в глубокое кресло у камина и приказал слуге позвать Дорию. Вошедшей через несколько минут девушке он сказал:

— Дория, мой друг. Я привёз жену моего умершего друга, лорда Уодсворда. Она больна, а ты любила пастора. Во имя любви к совсем ещё недавно беседовавшему с тобою пастору проводи эту ночь с больной. Вот лекарство. Прикажи приготовить ванну и после ужина дашь второе лекарство. Уложив спать леди Катарину, останься при ней, пока я не подымусь сюда.

Повторяю вам, леди Катарина, ничего не бойтесь. Как только примете лекарство, вам станет лучше и вы перестанете дрожать. Ни о чём не

думайте, спите спокойно. Завтра я скажу, как вам действовать. Вы ведь сами почувствуете, что вам гораздо лучше и спина ваша больше не болит.

Лорд Бенедикт спустился вниз, чем обрадовал соскучившуюся без него семью, и весело попросил его накормить. После ужина, собрав всех в своём кабинете, он напомнил о завтрашнем визите в судебную контору. Николай и Наль должны будут остаться дома. Шайка тёмных бандитов, преследовавших Левушку ещё в К., появилась в Константинополе, но там потеряла его след. Сейчас его ищут в Лондоне. Но о присутствии здесь Николая и Наль никто не догадывается. Им и не надо видеть беглецов. Но шайка многочисленна. Пустой дом тоже будет небезопасен, злодеи будут пытаться ворваться. Сегодня ночью приедут сэр Ут-Уоми и дядя Ананды. Кто-нибудь из них останется дома вместе со своими людьми. Они-то и охранят Наль и Николая.

Ананда повезёт одного из важных и необходимых свидетелей в отдельной карете, а остальные поедут с лордом Бенедиктом и сэром Уоми. В конторе каждому будет указано его место, но Генри, Алиса и леди Цецилия не должны выпускать рук лорда и сэра Уоми и отходить от них ни на шаг.

Простившись со всеми своими домочадцами, каждый из которых был взволнован на свой лад. Флорентиец вместе с Анандой поднялся наверх, к Дории и леди Катарине.

Пасторша уже крепко спала, сверх обыкновения не наполняя комнату своим могучим храпом. Подойдя к постели, Ананда взял её руку. Флорентиец — вторую, положив на её лоб другую свою руку. Он тихо и внятно сказал:

— Ужасную клятву, данную вами когда-то элодею не понимая её смысла, — я разрываю.

По всему телу пасторши прошла судорога. Из её рта вырвался стон и вышла слюна, окрашенная кровью. Но глаз она не открыла, казалось, что она даже не проснулась.

— Ваша измена светлым силам покрыта сегодня вашей мольбой к Милосердию и порывом самоотверженной любви, которую вы нашли в своём сердце. Любовь, которую дали вы вашей младшей дочери, преследуемой вами много лет, и мольба о её спасении принесла вам помощь и прощение Тех, кого умолил ваш муж спасти вас.

Твёрдо стойте теперь на своём новом пути, его вы сумели вымолить. Забудьте всё, что когда-либо обещали Браццано или Бонде. Помните только, что надо спасти Алису, что спасти её вы хотите, что спасение её и ваше зависит от вашей верности при исполнении того, что будет говорить

вам Ананда.

Передав Дории распоряжение не покидать леди Катарину ни ночью, ни утром и найти среди своего гардероба какое-нибудь приличное платье и шляпу для пасторши, оба друга снова спустились вниз и стали ждать сэра Уоми и дядю Ананды в кабинете.

Как только Дженни, надев подвенечное платье, украсив голову прелестным веночком из флёр-д-оранжа и приколов жениху и шаферам такие же букетики к петлицам, покинула дом, где родилась, её бурное настроение упало. Возбуждённая с утра ядовитой папиросой Бонды и выпившая за завтраком несколько бокалов вина, Дженни всё же была не так пьяна, как сопровождавшие её мужчины. Их языки развязались, они сыпали сальные шуточки и намёки, и девушка, никогда прежде не слыхавшая ни одного пошлого анекдота, стала испытывать нечто вроде страха. Она много бы дала, чтобы подле была теперь её мать.

— Почему мама не села в мою карету? — спросила она у жениха.

Хохоча и отпуская мало понятные Дженни каламбуры, ей ответил весёлый Марто. Кривляясь и подмигивая, он уверил Дженни, что Бонда везёт её мать в своей карете. Что им не скучно, а будет ещё веселее. Всю дорогу её жених, не стесняясь присутствием товарищей, обнимал и прижимал к себе Дженни, пытаясь поцеловать её в губы, и бедняжка изо всех сил отбивалась, что потешало всех присутствующих.

— Тебе придется, вероятно, звать сегодня друзей на помощь, Армандо, — нагло хохотал Мартин Дордые. — Можешь на меня рассчитывать.

Экипаж остановился, и чья-то рука раздражённо рванула к себе дверцу. У кареты стоял хмурый Бонда и зло смотрел на весёлую компанию своими шарящими глазами.

— Что это вы все, с цепи сорвались, что ли, — шипя от злобы, крикнул он, просовывая голову внутрь кареты. — Ведь не банду же привёз я к знаменитому нотариусу. Обещал ведь вам весёленькую ночь в гостинице. А вы подождать не можете, ведёте себя, как пьяные матросы. Да и барышня, даром что из хорошей семьи и приличного общества, тоже хороша. Не умеете себя вести средь бела дня. Вам здесь не спальня. Вот проучит вас Браццано разок-другой плёткой, — мигом научитесь быть воспитанной. Живо вылезайте и примите вид культурных людей, а не разнузданных животных.

Не дожидаясь, что скажут его опешившие приятели. Бонда повернулся спиной к карете, вошёл в калитку и немедленно ударил молотком во входную дверь. И тогда сидевшие в карете стали приходить в себя от

изумления и бешенства.

— Не обращайтесь внимания, милая моя жёнушка. Манера выражаться у этого джентльмена чрезвычайно оригинальна. Но человек он неплохой. Друг он верный, и вы будете не раз иметь возможность убедиться в истинности моих слов.

Дженни, бешенство которой достигло своего апогея и глаза пылали, как угли, не могла выговорить ни слова. У неё вырвался только хриплый шёпот: — Идя венчаться с вами, я клянусь ему отомстить. Дженни была так страшна, лицо её, искажённое и перекошенное судорогой, так ужасно, что не только жених, но все мужчины сразу отрезвели.

— Дженни, совладайте с собой, выкурите папироску. Нельзя же показаться людям в подвенечном платье с таким лицом, — суя Дженни в губы дымившуюся папироску, снова сказал Армандо. — Неужели у вашей сестры такой же характер? — вырвалось у него.

Дженни ответить не успела. К воротам уже бежал слуга, чтобы пропустить во двор карету. Это нотариус, полагая, что невесте трудно пройти через палисадник в своём пышном туалете, приказал открыть ворота. И Дженни овладела собой. Яд папиросы, приведший девушку в весёлое настроение, и яд оскорбления, ненависти и мести, бушевавший в её собственной крови, слились в такую упорную и злую волю, что Дженни вошла к нотариусу внешне совершенно спокойной. Она сумела скрыть даже от глаз Бонды испепелявший её огонь. Уроки лицемерия, преподанные ей пасторшей, помогли. Любезнейшим образом она улыбалась нотариусу и клеркам и разыграла роль счастливой невесты, одурачив даже Бонду. Старый пройдоха был удивлён поведением Дженни и не замедлил похвалить себя за тонкое искусство перевоспитывать людей. Он решил, что главным лекарством для Дженни оказался страх перед плёткой, и проникательно поздравил себя ещё раз с умением воспитывать девиц.

Когда были соблюдены формальности и весь кодекс покупаемых за деньги приличий, с шампанским от лица нотариуса, Дженни с женихом, воспользовавшись тем, что Бонда задержался, расплачиваясь, уселись в его двухместный экипаж, предоставив ему ехать в общей карете. Жених, злившийся не меньше невесты на своего мнимого дядюшку, зная, что в отеле их уже ждут к свадебному обеду, где — стараниями Мартина — будет несколько его приятелей с дамами, и в каком бы настроении ни явился Бонда, он не осмелится сделать сцену, поддержал эту затею. Бешенство Дженни, её ненависть к Бонде и всё её поведение показали Армандо, что если он не найдёт в жене верности и преданности, то уж во всяком случае

обретёт в ней верного союзника.

В отеле они действительно застали большое общество, шумно их приветствовавшее. Дженни овладела собой окончательно, сразу взяла тон влюблённой жены, очаровательной кошечки и любезной хозяйки, конфузющейся новой, непривычной роли. Привлекая всеобщее внимание своей красотой, Дженни решила играть сегодня первую скрипку и не уступать ни в чём Бонде, но... прикинуться очень внимательной и покорной племянницей. Бонда спрятал временно своё раздражение, которое грызло его с момента отъезда из дома невесты, и тоже играл роль счастливейшего дядюшки, стараясь поддерживать великосветскую беседу с самым беспечным видом. Но на душе у него было беспокойно. Мысли его вертелись вокруг пасторши, которой он не надел браслета, нарушив приказ. Он говорил себе, что, кажется, свалял дурака, не привезя сюда пасторшу. Было бы спокойнее за завтрашний день. Но Бонда боялся, что невыдержанная женщина оскорбится тем, в какое общество он ввёл в первый же день её дочь, и поднимется скандал. Бонда обвёл взглядом стол, и зловещая улыбка искривила его губы. Общество было подходящим для пасторской дочери. Испитые, поблёкшие и подкрашенные лица. Много видел Бонда падших людей, но редко приходилось ему наблюдать лица такие беспокойные, с полным отсутствием намёка на счастье и удовлетворение. Они ели и пили жадно, стремясь изобразить людей из общества, общества аристократического. На самом же деле Бонда читал всё убожество их мыслей, жажду богатства и наслаждений. Он отлично понимал, что весельчак Марто собрал нынче кучку людей, которая ни перед чем не остановится, если труды будут хорошо оплачены. А денег у него пока много, ими снабдили его в достаточной степени для успеха дела, в котором был заинтересован сам магистр их ордена. И Бонда ещё раз самодовольно улыбнулся, чувствуя себя неким царьком.

Обед шёл своим чередом, по мере возлияния Бахусу превращаясь в оргию. Одна Дженни старалась пить как можно меньше и удерживала в границах приличия своего мужа. Опыннённый новыми, открывшимися ему сегодня качествами Дженни, Армандо был ей пока послушен. В нём даже просыпалось какое-то уважение к ней, он хотел быть джентльменом. И пытавшийся было снова приняться за грязные каламбуры Мартин встречал такой мрачный и бешеный взгляд обоих новобрачных, что прикусил, наконец, язык, недоумевая, какая муха укусила Армандо. К концу обеда Бонда устал от бестолкового и глупого веселья своих гостей. Ему захотелось остаться одному и выпить вволю своего любимого вина, которое было слишком дорого, чтобы угощать им такую ватагу, да и любил

Бонда пьянствовать в одиночку, на свободе обдумывая планы дел и делишек, ему поручавшихся.

Сам не понимая почему, сегодня Бонда чувствовал себя особенно плохо. У него трещала голова, и непреклонная его воля не собиралась в нём в реальную силу, а мысли рассеивались. Нет-нет да и мелькнёт в его мозгу образ пасторши, как будто от больной, старой и закоснелой во зле и раздражении женщины можно ожидать что-то по-настоящему опасное. Удивляясь себе. Бонда мысленно пожимал плечами и гнал прочь навязчивый образ, считая, что подле него вьётся злоба пасторши за то одиночество, на которое он её обрек. Наконец, ему удалось отправить в танцевальный зал всех гостей и новобрачных, а самому пройти к себе. Тут он удобно уселся в кресло и поставил перед собой любимое вино.

Бутылка исчезала за бутылкой, сигара за сигарой, и Бонда дошёл до высшей точки своего скотского наслаждения и стал дремать, всё ещё потягивая изредка рубиновую влагу. Поглотив ещё одну бутылку, он положил ноги на решётку камина и сладко заснул. Тот, кто увидел бы это лицо теперь, решил бы, что глаза обманывают его, что перед ним призрак в человеческом облике, что ходить по земле, дышать и действовать такая тварь не может. Бледно-зелёный лоб, фиолетовые щеки и распухший красный нос, черноватые губы, из которых текла слюна, заливая чудесную сорочку с бриллиантовыми запонками, скрюченные, узловатые, безобразные руки с толстыми жилами, как у столетних старцев, с огромными плоскими ногтями. Раздвинутые губы обнажали чёрные испорченные зубы и кривились в такую злобную усмешку, от которой содрогнулся бы и разбойник, приди он грабить спящего Бонду.

Вдруг мирный сон злодея прервался. Он почувствовал ужасную боль в сердце, в позвоночнике, в горле, вскочил, резко вскрикнул и стал осматривать комнату. Весь хмель выбила внезапная боль. Но понять, где он, что с ним, почему он проснулся, он никак не мог. И тут его настигла вторая волна боли. Несчастный не мог даже крикнуть, он как-то дико замычал и согнулся, точно его сложили пополам. Он почти лишился чувств.

Нескоро оправился Бонда от вторично ударившей его боли. Он вспомнил, как такими же необъяснимыми болями страдал в Константинополе Браццано, при котором он тогда играл роль доктора. Ужасная мысль мелькнула у него в голове, сковав его страхом. Холодный пот покрыл лоб, глаза расширились от ужаса. «Ананда», — мучило его одно это слово, лишая воли, не давая разогнуться. Осмотревшись, он увидел на столе свой портсигар и с большой осторожностью, стараясь не менять положения, дотянулся до него. Дрожащими руками он закурил.

Правда, на его притупленные нервы папиросы с опиумом уже давно не воздействовали так, как это было с Дженни. Но всё же, покурив, Бонда стал менее похож на призрака. Он осмелел, попробовал шевельнуться, и это ему легко удалось. Постепенно он выпрямился, встал с кресла и удивлённо себя спросил, чего, собственно, он так испугался. Решив, что просто перебрал вина, он собрался перейти в спальню и вдруг снова почувствовал боль, на этот раз такую сильную, что еле устоял на ногах.

В глазах у него помутилось, он снова вспомнил Браццано, и теперь уже не сомневался, что ему пришлось встретиться с добром, превосходящим его силы. Но в чём, где сейчас центр борьбы? Через чьё отречение и измену пришли к нему эти страшные удары? Кто предал его и Браццано? Кто изменил клятве не на жизнь, а на смерть? Чьё предательство чуть не убило его сейчас? Долго так стоял Бонда, боясь двинуться с места. Он искал в своём воспалённом мозгу того, кто стал ему смертельным врагом в эту минуту. Его внезапно осенило, что никто, кроме пасторши, не мог навлечь на него этот ужас, грозящий не только потерей расположения главарей, но и гибелью.

Бонда не сразу осознал свою огромную ошибку, своё непростительное легкомыслие. Когда он представил, что благодаря его лекарству леди Катарина могла добраться до лорда Бенедикта и там его предать, быть может даже отдать вещи, предназначенные Браццано для неё и Алисы, — Бонде сделалось так дурно, что он с трудом дошёл до дивана и повалился на него в полном отчаянии. Он снова выкурил папиросу, выпил стакан воды и принялся обдумывать своё положение. Ему было ясно, что прежде всего он должен проникнуть в дом пасторши и выяснить степень её виновности. Он прошёл в свою спальню, вынул из чемодана связку отмычек. Желая иметь надёжных спутников, он решил взять с собой Анри и Армандо.

Бонда накинул плащ, надвинул глубоко на лоб шляпу и выглянул в коридор. В гостинице уже всё засыпало, музыканты расходились по домам, кое-где ещё сновала прислуга. Теперь Бонда пожалел, что, изображая из себя царька, приказал разместить свою свиту так далеко. Ему надо было подняться на следующий этаж и дойти до конца длинного коридора. Добравшись до комнаты Армандо, он остановился в полном изумлении. Дверь была открыта настежь, и комната спешно приводилась в порядок. На вопрос Бонды, что это означает, ему сказали, что молодые выехали час назад.

Взбешённый и обеспокоенный, Бонда отправился к портье и узнал, что новобрачные перебрались в другой корпус, где гораздо тише. Сейчас пройти туда нельзя. Однако племянник просил сообщить дядюшке, что в

назначенное время они с женой приедут прямо в контору. Бонда не решился будить Анри, справедливо полагая, что оба дружка спят теперь так, что толку от них всё равно не будет.

Послав проклятие за отсутствие дисциплины и расхлябанность, Бонда вышел в туманную ночь, изрядно удивив швейцара. Несмотря на то, что он уже долго работал с Браццано, Бонда не мог похвастаться, что закалился в бесстрашии. Кроме того, он только пить любил в одиночку. Работать же всегда предпочитал с подручными. Если бы он не боялся так Браццано и прочих директоров, жестокость которых отлично знал, он, пожалуй, и не пошёл бы во мрак спящего города. Но один страх леденил сердце, а другой — двигал его ногами.

Бонда наткнулся на кэб, растолкал спящего кучера и велел везти себя к пасторскому дому. С большим трудом он отыскал парадное крыльцо и стал стучать в дверь так, что и пастор с погоста поднялся бы, не только живая пасторша. Но дом молчал. Ощупав руками замочную скважину, Бонда вставил в неё отмычку, но тут же ощутил сильнейший удар по руке.

— Кто здесь? — крикнул он в страхе. Но в тишине ночи ему ответило только похрапывание вновь заснувшего кучера. Бонда принялся шарить руками по входной двери. Он никого не ухватил, ни на кого не наткнулся. Боясь ночного полисмена, Бонда вторично отыскал замочное отверстие, быстро ткнул туда отмычку, но повернуть её так и не смог: он получил ещё раз сильный удар по руке и на этот раз уже не смог её поднять. Рука висела, как мёртвая. Ступеньки, казалось ему, уползали из-под его ног, он едва смог присесть, чтобы обдумать своё положение. Что пасторша не просто бежала, а была уведена каким-то сильным врагом, — это Бонда понял сразу. Но где искать этого врага, как отвоевать пасторшу, чтобы завтра держать её подле себя и вырвать с её помощью Алису? Туман стал рассеиваться, забрезжил рассвет. Бонда решил ехать к дому лорда Бенедикта и попытаться там счастья. Рука его стала оживать, он растолкал кучера и снова покатил по пустынным улицам.

Остановившись напротив дома, где жил лорд Бенедикт, Бонда вышел из кэба, велел кучеру ждать его на углу и прошёлся несколько раз мимо, не решаясь перейти улицу, поскольку хорошо помнил свою первую неудачную попытку пробраться сюда с письмом к Алисе.

Наконец, набравшись храбрости, он сошёл с тротуара на мостовую, но только успел сделать несколько шагов, как из-за угла вылетела карета, запряжённая прекрасными лошадьми, едва не сбила его с ног и остановилась у подъезда.

Злополучного путника, едва увернувшегося от смерти, обдало с ног до

головы густой осенней грязью, и всё, что он увидел, были две мужские фигуры, входившие в освещенную парадную дверь.

Дверь захлопнулась, через минуту распахнулись ворота, куда въехала коляска, и снова настала тишина.

Бонда, взбешенный, мокрый, измученный, еле совладал с собой, чтобы не избить соню-кучера, покачивавшегося на своих козлах.

С трудом проскочил Бонда незамеченным в свои комнаты, ибо в гостинице уже начиналась утренняя жизнь вечно хлопотавшей прислуги. С отвращением срывал он с себя мокрую одежду. Жадно выпив несколько стаканов вина, он отправился в спальню.

Так закончилась для него эта ночь накануне решительной схватки, для которой его сюда и прислали и которую Браццано представил как лёгкий и приятный фарс.

Глава 16

СУДЕБНАЯ КОНТОРА. МАРТИН И КНЯЗЬ СЕНЖЕР

После туманной и дождливой ночи неожиданно проглянуло солнышко и высушило грязные мокрые улицы. У пробудившейся пасторши; спавшей каким-то необычным для неё сном, было радостно и легко на сердце. Её не давила леденящая тоска, которая стала теперь её верным спутником с самой смерти пастора, что она, кстати, тщательно скрывала от Дженни.

Не сразу сообразила леди Катарина, где она. И только когда Дория распахнула окно в сад и в комнату ворвались солнечные лучи, аромат цветов и щебетанье птиц, она поняла, где она, и вспомнила всё пережитое минувшей ночью. К её удивлению, эти воспоминания не вызвали в ней уже привычного страха и отчаяния. Ни поведение Бонды, ни клятва, которой её связал Браццано, не смутили её души, точно между нею и им встала какая-то заградительная стена.

Совершив свой туалет и одевшись с помощью Дории в скромный и элегантный чёрный костюм и чёрную шляпу с траурным крепом, леди Катарина совершенно четко в первый раз поняла, что носит траур, который они с Дженни сбрасывали уже много раз, что она вдова и уже немолодая женщина. Её вчерашние морщины и повисшие щёки несколько разгладились за ночь, и она уже не была так страшна, как вчера, когда сидела у камина. В её рыжих волосах появилась седина, отчего они потеряли свою кричащую яркость. И в этой смягчённой раме лицо её выиграло — пасторша всё ещё была красива своеобразной красотой.

— Ну, вот мы и кончили завтракать, леди Катарина, перейдём теперь в соседнюю комнату, скоро к вам выйдет Ананда.

— "Ананда, Ананда", — как бы силясь что-то вспомнить, повторила за Дорией пасторша. — Кто этот Ананда? Это имя мне что-то говорит, и вместе с тем никакой образ не связывается в моей памяти с этим именем.

— Ананда очень большой друг лорда Бенедикта. Он поедет с вами в судебную контору. Да вот и он сам.

Приветливо поздоровавшись с обеими женщинами, Ананда передал Дории просьбу лорда Бенедикта пройти к леди Цецилии, где она найдёт Алису и его самого. Услышав имя леди Цецилии, пасторша вскрикнула, пошатнулась и упала на стул, не имея сил удержаться на ногах. — Что вас так испугало? — спросил Ананда. — Нет, ничего, просто я так измучена

всевозможными горестями за последнее время, что имя, произнесённое вами и не имеющее, конечно, ко мне никакого отношения, заставило меня что-то вспомнить.

— Не знаю, право, как такая добрая и смиренная душа, как сестра вашего мужа, могла доставить кому-то тяжесть и скорбь. Но что её встреча с вами, как и ваша встреча с Алисой очень важны для вас, — в этом нет сомнения.

— Значит, мой муж был прав, разыскивая свою сестру? Значит, она действительно у него была?

— Почему же вы не верили своему мужу? Ведь ещё в Венеции, когда вы были невестой, ваш муж рассказывал вам о печальном исчезновении из дома его сестры.

— Да, да, он говорил мне. Но... но... Браццано мне объяснил, что у Эндрью Уодсворда никогда сестры не было, что это психический заскок, своего рода ненормальность.

Лицо пасторши выражало полное недоумение, она смотрела на прекрасного собеседника, словно прося его помочь разобраться в истине.

— Вам ведь, леди Катарина, ваши любовь и доверие к Браццано принесли немало горя. По всей вероятности, вы не раз имели возможность убедиться в его лживости и жестокости к вам, равно как и к вашим дочерям. Пусть же встреча с сестрой вашего мужа и племянником Генри будет для вас рубиконом в жизни. Воочию убедившись во лжи Браццано, отрекитесь от него и всей его шайки вместе с Бондой.

— Если бы вы только знали, мистер Ананда, как разрывается на части моё сердце! Я больше ни минуты не могу жить подле этих гнусных людей. Но ведь я сама их призвала и своими собственными руками отдала им своё любимое дитя. Как же мне теперь жить? Как вырвать у них Дженни?

— Прежде чем думать об этом, надо самой утвердиться на какой-то нравственной платформе, чтобы цельность мысли и чувства могла настроить на творчество ваш организм. За двумя зайцами погонитесь, — без всего останетесь. Соберите все силы вашей любви, чтобы помочь нам сейчас спасти Алису. Найдите в себе не раскаяние в том, что были неверной женой, плохой матерью, а радость, что можете возратить вашему мужу часть верности, передав Алисе свою запоздалую помощь и заботы.

У Дженни — вам это лучше других известно — есть живой отец, и он ни перед чем не остановится, чтобы доказать свои права на неё. Если вы прежде не понимали, что Дженни унаследовала довольно отцовских качеств, то за последнее время должны были в этом убедиться. Чувствуете ли вы ещё в себе мучительную связь с Браццано?

— Нет, нет! На мне точно пуды тяжести лежали, как вериги давила ужасная клятва, данная Браццано. Но стоило мне провести одну только ночь в доме лорда Бенедикта, и всё ушло, точно мне развязали крылья, мне теперь легко, я перестала его бояться.

— Если это так, то вам сейчас следует думать не о борьбе с Браццано, а как защитить Алису. И первым делом должна быть ваша радостная встреча с леди Цецилией, ваше признание её полноправной владелицей капитала, переданного ей по завещанию вашим мужем.

— Бедная моя голова, мистер Ананда. Я, конечно, не собираюсь соглашаться с ложью Браццано, намерений которого до сих пор не понимаю. Но как же я могу её признать, если никогда её не видела?

— Важно ваше желание не спорить с очевидностью. Важны ваши верность и стойкость, если вы убедитесь, что леди Цецилия не может не быть вашей родственницей. Важно, чтобы в вас не было половинчатости и сомнений. Остальное предоставьте нам.

Ананда встал и предложил леди Катарине спуститься вниз, где он познакомит её с леди Цецилией и ещё кое с кем. Они прошли по залитой ярким солнцем боковой лестнице вниз, и леди Катарина, ослепленная бившими ей прямо в глаза солнечными лучами, не сразу могла разглядеть, кто стоит перед ней в тени комнаты. Но одну фигуру она увидела ясно, это была её дочь в траурном платье. «Алиса», — крикнула мать, протягивая к ней обе руки.

— Я здесь, мамочка, — услышала она сзади голос дочери. Повернувшись и очутившись между двумя Алисами, пасторша закрыла рукой глаза и прошептала: — Матерь Божья, да что же это такое? Уж не чары ли это? — Успокойтесь, леди Катарина, — сказал лорд Бенедикт, — леди Цецилия в самом деле разительно похожа на вашу дочь, но всё же только через двадцать лет Алиса будет видеть себя такою в зеркале.

Пасторша почувствовала, что лорд Бенедикт взял её под руку. Она благодарно взглянула на него и сама удивилась, как ей стало легко и непривычно радостно и какая сильная привязанность рождалась в ней к этому человеку, так недавно казавшемуся всех страшнее.

— Позвольте познакомить вас, — продолжал лорд Бенедикт, — с вашей родственницей, леди Цецилией Уодсворд, по мужу — леди Ричард Ретедли, баронессой Оберсвоуд. А это её сын Генри, ваш племянник. Это брат мужа леди Ретедли, капитан Джеймс Ретедли. Остальных вы знаете.

Лорд Бенедикт, продолжая держать под руку пасторшу, подошёл снова к леди Цецилии, взял и её под руку и усадил обеих женщин в кресла по обе стороны от себя.

— Вы всё ещё не можете опомниться от изумления, леди Катарина, что фамильное сходство может быть таким очевидным. Я думаю, любому эксперту было бы достаточно увидеть вместе этих женщин, — прибавил он, уступая своё место Алисе.

Поговорив о чём-то с Анандой, лорд Бенедикт вышел из комнаты.

— Алиса, простишь ли мне когда-нибудь мои грехи перед тобой? — взяв ручку дочери и глядя в её прелестное лицо, тихо спросила мать.

— Мама, дорогая, — опускаясь перед ней на колени и прижимая её руки к своим губам, отвечала Алиса, — вы так страдали, что волосы ваши поседели, лицо осунулось, а меня не было рядом, чтобы за вами ухаживать и вас защищать. Боже мой, кто измерит грехи дочери, покинувшей мать в беде!

Из глаз Алисы готовы были брызнуть слёзы. Она не отрываясь смотрела в новое для неё, страдальческое и постаревшее и такое тихое, без всегдашнего раздражения лицо матери.

— Где же были мои глаза, дочка, что я не видела, как ты прекрасна? Как спало моё сердце, что не слышало, как звучит твоя любовь? И подумать только, ведь что же я должна была сделать через час, — в ужасе говорила пасторша.

— Встань, друг Алиса, — раздался голос лорда Бенедикта. — Я хочу познакомить вас всех с моими друзьями, приехавшими сегодня ночью. Вот это сэр Ут-Уоми, которого некоторые из вас уже знают. А это дядя Ананды, князь Сенжер. Оба они принимают близкое участие в судьбах всех, кто собрался здесь сейчас. Приободритесь, друзья. Перестаньте плакать. В данную минуту нет иных возможностей провести в жизнь завещание пастора, нежели мужественно собрать все свои силы, спокойствие и радость любви к нему. Ни в какие мрачные или трагические моменты жизни нельзя забывать самого главного: радости, что вы ещё живы, что можете кому-то помочь, через себя принеся человеку атмосферу мира и защиты.

Каждый из вас сейчас вступает на новую ступень жизни. А в этот миг вам предстоит встретиться со злом. Не с тем абстрактным злом в образе сатаны, о котором вам рассказывали бабушки. Но с тем обычным злом, которое ходит среди нас на двух ногах, таких же как и ваши, и плетёт сеть лжи, раздражения, предательства и лицемерия.

Что главное для вас при этой встрече? Полное бесстрашие, такт и самообладание. Но силы эти совсем не то, что является результатом вашей воспитанности. Это аспекты той живой ЛЮБВИ, что вы носите в себе. Идите же бороться и побеждать любя. Сострадание к лжецам и

обманщикам, точно такое же, как и ко всем страдающим добрым людям, это вовсе не слёзы. Сострадать — значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное ваше, чистое сердце могло свободно изливать свою любовь. А любовь, пощада и защита — далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, и поднятие чужой мысли через себя в более высокие сферы, это и удар любящей руки, чтобы, видя, как падает дух человека, своей силой подкинуть ему огня.

Сейчас мы едем в судебную контору. Вас, леди Катарина, повезут мой друг Ананда вместе с Дорией. Прошу вас, не отпускайте руки Ананды ни на миг. Вот вам браслет, он защитит вас от каверз Бонды, когда вы будете ставить свою подпись под заявлением у адвоката. Остальные знают, как себя вести, и поедут со мной и сэром Ут-Уоми. Через четверть часа мы двинемся в путь.

Леди Катарина, Алиса и Цецилия с Генри, а также Джемс Ретедли объединились вокруг Ананды, словно это был их общий центр, остальные — подле князя Сенжера, сэра Ут-Уоми и лорда Бенедикта.

Проснулась вскоре и Дженни в то светлое утро, но проснулась она от стука в дверь. На вопрос сонного Армандо, в чём дело, слуга отвечал, что дядя просит своего племянника немедленно прийти по очень важному делу, совершенно неотложному. Чертыхнувшись, Армандо всё же стал сейчас же одеваться, так как хорошо знал, что Бонда не будет беспокоить его без серьёзных на то оснований. Ему было досадно покидать молодую жену, в которой он нашёл больше, нежели ожидал. На вчерашнем обеде он заключил с Дженни безмолвный союз, поняв и оценив её хитрость, ум и коварное притворство. Он не сомневался, что хотя Дженни его и не любит, но будет заодно с ним сейчас, ненавидя Бонду с яростью тигрицы, что связывает её с союзником-мужем крепче любви.

Молодожёны, перекидываясь шутками в адрес Бонды, лениво поднялись и, полуодетые, решили выпить шоколаду. Но первое супружеское утро им не удалось провести в мире и тишине. Не успели они приняться за шоколад, как к ним ворвался Бонда.

— На каком основании вы переехали? Что за своеволие? Вы ждете, вероятно, чтобы я поучил вас послушанию, — принялся орать Бонда, подражая Браццано.

Глаза Дженни засверкали, но это была уже не та бешеная и не владевшая собой Дженни, которая сидела в карете день назад. Она сжала руку мужа, утихомиривая его, весело засмеялась и сказала:

— Неужели вам, дядюшка, охота быть смешным? Посмотрите на себя в зеркало. Вы как будто всю ночь бродили в тумане по грязи.

И Дженни, продолжая смеяться, показала Бонде пятна грязи на его плаще. Бонда, по рассеянности охвативший тот же плащ вместо другого, приготовленного ему слугой, подозрительно и зло посмотрел на Дженни.

— У вас всё глупости на уме. Где бы я ни бродил, — это никого не касается. А вот где бродит ваша маменька — никому неизвестно.

Дженни, обеспокоенная этими словами, скрыла своё волнение.

— Что же тут удивительного, наверное маме стало скучно в одиночестве, и она уехала к кому-нибудь из своих друзей.

— Скажите пожалуйста, любящая мамаша соскучилась без своего ненаглядного детища! Быть может, она отправилась к лорду Бенедикту, желая повидать своё брошенное дитя?

— Да возможность для неё проникнуть в дом лорда Бенедикта абсолютно равна возможности сделаться вам статуей Мадонны, — хохотала Дженни.

Бонда, успокоенный таким категорическим заявлением, всё же старался показать, что он очень обеспокоен.

— Не понимаю вас, дядюшка, — говорила Дженни, брезгливо морщась от запаха винного перегара, распространяемого Бондой. — Чего вы волнуетесь? Мама так ненавидит всех Бенедиктов, что вытащит оттуда Алису из одной только мести. Ну, а я знаю достаточно мамин характер. Если уж она что-то решит, — умрёт, а до конца дойдёт. А тут и для неё, и для меня — её идола — вопрос жизни и смерти.

На лице Дженни мелькнуло выражение такой беспощадной вражды, что жестокий Бонда, и тот внутренне усмехнулся и поздравил себя с верным союзником, в которого он успел превратить упрямую и своевольную Дженни.

— И вы уверены, очаровательная племянница, что ваша маменька будет точна во всём, что касается моих указаний?

— Думаю, что она будет там раньше вас, а тем более нас, особенно если вы будете продолжать мешать нам одеваться, — всё так же мрачно отвечала Дженни.

— Ухожу, через полчаса зайду. Мы поедем вчетвером, Анри будет тоже. А весёлый Марто займется другим, не менее весёлым делом, — нагло хохоча, прибавил Бонда.

— Неужели вы не оставили, дядюшка, своей вздорной мысли о нападении на особняк лорда Бенедикта? — досадливо морщась, спросил Армандо.

— Я не обязан отчитываться перед тобой в своих действиях, мой милый. И в мои распоряжения не вмешивайся.

— Мой муж совершенно прав. Стремиться проникнуть в дом лорда Бенедикта среди белого дня, против его воли, это просто смешно. Да и что вам там нужно, раз Алиса будет в конторе?

— Вот если бы вы и ваша маменька были женщинами тактичными, я не должен был бы разыгрывать комедию нападения на пустой дом. Просто одна из вас могла бы оставить там кое-что, что мне необходимо.

— Ну, а вы, я повторяю, если вы не будете тактичны и не покинете нас сию же минуту, мы опоздаем, — зло огрызнулась Дженни. — И не возьму в толк, почему непременно ехать всем вместе? Если что-то помешает нам, — вы-то будете вовремя. И наоборот.

— Нет уж. Мы вместе будем в конторе, таков мой приказ. Без мужа вы теперь неправомочны. А ваша маменька, конечно, не решится действовать без вас и будет ждать, как бы мы ни опоздали.

Множество мыслей мелькало в голове у Дженни. Её собственное поведение по отношению к матери сейчас казалось ей не только чересчур жестоким, но и небезопасным. Дженни перебирала в уме знакомых матери и решала, куда бы могла пойти пасторша. Нечто похожее на жалость и раскаяние мелькнуло в её эгоистической душе. Подгоняемая мужем, Дженни одевалась, совсем забыв о трауре и о том человеке, завещание которого она собиралась теперь оспаривать. Она надела серый костюм с апельсиновой отделкой, что вовсе не шло к её рыжим волосам и делало её бледнее и старше. Но страсть к ярким расцветкам победила протесты Армандо, советовавшего жене одеться в чёрное.

Наконец вся компания уселась в карету и покатила. Армандо, посмотрев на лица своих спутников при дневном свете, был потрясён их помятыми щеками, тусклыми глазами и вялостью. Переведя взгляд на Дженни, он даже отодвинулся, так она была неинтересна в ошейнике из апельсинового рюша и в спускавшихся со шляпы лентах, широких и ещё более ярких. Обладая природным вкусом, Армандо дал себе слово взять в руки свою супругу в этих делах.

Не проделала коляска и полдороги, как что-то случилось с одной из лошадей. Длительная задержка вывела из себя Бонду. Он предлагал дойти пешком до первого кэба, но Дженни не желала мокнуть под дождём, сменившим утреннее солнце. Они явились в контору, опоздав на полчаса.

Старый адвокат, возмущённый таким нарушением порядка и приличий, по совету лорда Бенедикта всё же сдержал свой вспыльчивый характер и не сделал замечания неаккуратным клиентам. Более воспитанный Армандо принёс извинения адвокату, объяснив опоздание тем, что лошадь, запряжённая в их карету, упала. Анри тем временем впился глазами в свою

будущую жену, пораженный её красотой. Привыкнув слышать, что Алиса дурнушка, он искал другую подходящую женскую фигуру, боясь, что красавица, стоящая рядом с высоченным красавцем, окажется не Алисой. Дженни тоже уставилась на сестру, необычайно интересную в своём простом траурном платье. Её злоба вспыхнула вновь, она раскаивалась, что не надела траура, и еле ответила презрительным кивком на ласковый привет Алисы. И всё оглядывалась по сторонам, не обнаруживая матери.

Бонда, такой грубый, властный и самонадеянный всего минуту назад, стал выглядеть каким-то оробевшим, стоило ему встретиться взглядом с лордом Бенедиктом. Он вспомнил свою беспомощность перед дверью пасторского дома, и ему почудилось, что опасность исходит именно от этого великана, которого Браццано обрисовал ему как ничтожного английского глупца.

— Разрешите, лорд Бенедикт, начать, — обратился старый адвокат к Флорентийцу, поклонившись ему, как главному лицу.

— Я протестую, — заявил Бонда. — Нельзя начинать дело о завещании, когда нет главного заинтересованного лица, жены пастора.

— Вы ошибаетесь, — вежливо ответил ему адвокат. — Леди Катарина Уодсворд давно здесь. И только её любезности вы обязаны тем, что мы всех вас ждем. Она сказала нам, что её дочь Дженни вчера вышла замуж, и по сути дела она уже не имеет права голоса в сегодняшнем разбирательстве, но...

— Если она не имеет, — перебил его Бонда, — по весьма умным английским законам, то муж её, мой племянник, имеет это право. И от его имени я протестую.

— Во-первых, вашему племяннику не нужен опекун, потому что он совершеннолетний и может сам говорить за себя. Во-вторых, в той части, которая будет разбираться сегодня, завещание касается дочерей лорда Уодсворда только до их замужества. Такова воля завещателя. И дочь его Дженни, вышедшая замуж, не имеет права голоса в признании наследницей леди Ретедли, урождённую Цецилию Уодсворд. Повторяю, мы ждали вас только по желанию леди Катарины и Алисы Уодсворд. А так как последняя несовершеннолетняя, то с согласия и любезности лорда Бенедикта, её опекуна.

— Я не вижу здесь своей матери, если мои глаза вообще что-нибудь видят, — иронически заметила взбешенная Дженни, уязвленная в самое сердце шуткой, сыгранной с нею Бондой, который уверил её, что сила её влияния в решении вопроса о завещании удвоится с момента её выхода замуж.

Бонда, очевидно, не ожидал такого поворота дела, поспешив связать Дженни с Армандо узами нерасторжимого английского брака.

— Я здесь, Дженни, — послышался слабый голос, так мало походивший на могучий голос пасторши. И к столу адвоката подошла поддерживаемая Анандой и Дорией тень той, что Дженни привыкла звать матерью.

У Дженни и всех её спутников вырвались испуганные восклицания. Увидев вместо матери седое привидение, Дженни не смогла удержать дрожи страха и раскаяния. Ища выхода этим чувствам, она обрушилась всей силой ненависти на лорда Бенедикта, считая его причиной такой перемены в матери. А Бонда и оба его приятеля, увидев Ананду, почувствовали, как плохо держит их земля. Когда адвокат спросил пасторшу, признаёт ли она леди Цецилию единственной наследницей капитала, завещанного ей пастором, и отказывается ли она от процентов с него, леди Катарина ответила, что против очевидного спорить не может.

— Да неужели же вы, мама, не видите, что вас одурачили? На кого вы похожи? Где вы были всё это время? Вы, верно, провели ночь в аду. Какую ещё леди Цецилию вам подсунули эти люди?

Дженни была уже так одержима раздражением, что никакие старания мужа привести её в чувство не помогали. Адвокат попросил мистера Тендля пригласить из соседней комнаты сестру пастора Уодсворда и её сына Генри. Через минуту в комнату вошла леди Цецилия Уодсворд под руку с сэром Ут-Уоми, рядом были Генри и капитан Джемс Ретедли. Увидев входившего сэра Уоми, Бонда тяжело опустился на стул. А Дженни застыла в безмолвном изумлении, когда увидела двух Алис, стоявших рядом, только разного возраста.

— Я повторяю свой вопрос, леди Катарина Уодсворд, признаёте ли вы леди Цецилию Ретедли тем самым лицом, которому ваш муж завещал капитал? Отказываетесь ли вы от процентов, на которые заявили свои права?

— Признаю и отказываюсь, — тихо и внятно произнесла пасторша.

— Опекун несовершеннолетней Алисы Уодсворд, лорд Бенедикт, признаёте ли вы и ваша подопечная леди Цецилию Ретедли родной сестрой пастора и согласны ли на вручение ей немедленно всего завещанного ей капитала?

— Я признаю леди Цецилию своей родной тёткой и прошу вручить ей давно принадлежащий ей капитал, — ответила Алиса.

— Я же, как опекун Алисы Уодсворд, даю вам юридическое право на немедленное вручение леди Цецилии всего капитала.

В бешенстве Бонда бросился к пасторше, чтобы схватить её за руку, но тотчас же отлетел в сторону и едва устоял на ногах, споткнувшись о табуретку. Бонда отлично понял, что табуретка тут ни при чём, что именно толчок, исходивший от Ананды, заставил его покачнуться в тот момент, когда он хотел схватить руку пасторши, чтобы накинуть на неё ожерелье для Алисы. Помня, как печально окончилась для Браццано его борьба с сэром Уоми в Константинополе, Бонда не решился больше действовать сам. Он сунул ожерелье в руки Дженни и приказал ей, стараясь говорить как можно тише, подойти к Алисе, приласкать девушку и набросить ей ожерелье на шею. Зная цену висевшего на её собственной шее собачьего ошейника Бонды и ненавидя сестру со всей злобой, на которую она была способна, Дженни очень хотела выполнить его приказание.

— Алиса, подойди, пожалуйста, ко мне. Мне надо тебе кое-что сказать, да и обнять тебя хочется. Мы так давно с тобой не виделись.

Видя, что Дженни сделала несколько шагов по направлению к Алисе, пасторша выказала явные признаки беспокойства. Но лорд Бенедикт продолжал держать Алису под руку, та не трогалась с места, и пасторша успокоилась и даже улыбнулась Алисе.

— Я очень рада, милая Дженни, что ты хочешь со мной поговорить. Но я не считаю уместным беседовать с тобой здесь. Ты можешь посетить меня в доме моего опекуна, и мы с тобой проведём там времени столько, сколько ты захочешь.

Дженни сделала ещё несколько шагов, но на лице её уже читался страх.

— Подойдите сюда и перестаньте так бояться этих людей, стоящих за вашей спиной, — сказал лорд Бенедикт. — Здесь, в моём присутствии, никто из них ничего сделать вам не может.

Дженни послушно подошла к Алисе, глядя на лорда Бенедикта.

— Действуйте же, — крикнул ей в бешенстве Бонда. Он хотел сам подбежать к Дженни, но сэр Ут-Уоми стоял на его пути. Армандо и Анри тоже пытались было к ней приблизиться, но взгляд Ананды не давал им двинуться с места.

— Протяните мне обе ваши руки, несчастная Дженни, — снова раздался голос Флорентийца. — Держите ту отвратительную вещь, что дал вам Бонда, превращая вас в одну из самых злобных и гнусных предательниц.

Когда Дженни протянула руки, в которых сверкало ожерелье Бонды, Флорентиец коснулся его палочкой. Оно свернулось, точно горящая бумага, бесшумно разорвалось пополам и упало на пол, превратившись в порошок. Бонда, Армандо, Анри — все издали крик ужаса.

— Вы видите, Дженни, чего стоят уверения ваших приятелей и чего

стоит самая их власть, — снова сказал лорд Бенедикт.

Несчастливая Дженни схватила собственное ожерелье, стала его рвать во все стороны, натирая свою нежную шею. Бонда и Армандо, оба хотели броситься на несчастную, и выражение лиц достаточно ярко передавало их чувства и намерения. Но взгляд Флорентийца пригвоздил их к месту, всего в шаге от бесновавшейся Дженни.

— Сейчас вы убеждаетесь, Дженни, как ничтожна для силы света власть тьмы и зла. И тем не менее вас она держит в плену и владеет вами, как жалкой рабой. Одно мгновение любви и самоотвержения помогло вашей матери перешагнуть ту ужасную черту, за которой гибнете вы. Перестаньте терзать этот страшный ошейник. Его сила в вашей злобе. Если бы ещё минуту назад, когда этот злодей дал вам то, что теперь превратилось в кучку серой золы, вы пожалели бы ни в чём неповинную сестру, я мог бы ещё спасти вас. Теперь же, только во имя любви и чистоты того человека, в доме которого вы выросли и которого звали отцом...

Слова лорда Бенедикта были прерваны диким хохотом Бонды и раздирающими рыданиями пасторши. От прикосновения Ананды её рыдания стихли. А хохот уродливо раскрывшего рот Бонды внезапно оборвался. В наступившей тишине лорд Бенедикт продолжал:

— Защита пастора, его мольбы о вашем спасении — всё рушится перед стеной вашей собственной злобы, зависти и раздражения. Всё, что во имя того чудесного человека, которого вы звали отцом, я могу ещё сделать для вас, это не оставить вас навеки рабой в руках этих людей. Я могу дать вам возможность и надежду вырваться из сетей зла, если когда-нибудь сердце ваше откроется для любви и доброты. Повернитесь ко мне спиной.

Когда Дженни повернулась, лорд Бенедикт вложил в руку Алисы свою палочку и сказал ей:

— Хочешь ли, Алиса, помочь сестре и открыть ей путь в твой дом, когда отчаяние пробудит в её сердце любовь и она станет вызывать к милосердию?

Алиса ответила утвердительно. Тогда лорд Бенедикт взял её руку с палочкой в свои и коснулся ожерелья на шее Дженни. Дженни громко вскрикнула, вздрогнула, и в тот же миг её ожерелье оказалось на полу в виде кучки битого стекла. — Повернитесь ко мне и подойдите ближе, Дженни. Дженни почти вплотную подошла к Алисе. Лорд Бенедикт, всё так же держа руку Алисы в своих, велел ей коснуться концом палочки груди Дженни и медленно, глядя ей в глаза, сказал:

— Любовь сестры и любовь пастора защищают вас от вечной гибели. Помните о Свете на пути каждого человека даже в самые мрачные минуты

его жизни. Помните, что жизнь — это доброта и милосердие. Достигают истинных результатов в жизни только с их помощью. Нет для человека безнадёжности, милосердие не знает пределов и у пощады нет отказа. Ничья злая, жадная и наглая рука никогда не положит на вас ярма. Вы не будете её рабой. И всякая злоба найдёт в вас сообщницу и рабыню только тогда, когда вы сами выберете её в спутницы, допуская в свои дела и привлекая её своим раздражением, предательством и ложью.

Идите. Вы выбрали себе путь добровольно, трижды оттолкнув руку помощи, что я вам протягивал. Вы связали себя с вашими сообщниками более крепкими канатами, чем это ожерелье, которому вы приписывали магическую силу. Магической силой было ваше злое сердце. Идите, защищенная от вечного порабощения. Но помочь себе вы можете только сами, привлекая подобное. Перестаньте бояться гадов, вертящихся вокруг вас. В близком будущем они задохнутся в кольце собственного зла. Но вся ваша жизнь станет адом, если вы не поймёте, что постоянная фальшь вашего поведения, ваша ненависть или полное равнодушие к людям делают вас рабой собственных страстей.

Дженни стояла, безмолвно глядя в лицо лорда Бенедикта. — И всё же я ненавижу Алису, ненавижу даже мать, изменившую мне для вас, и... ненавижу вас. Не верю ни в какую вашу силу. Просто ваши штуки сильнее, чем фокусы Бонды. Но Бонда не самый главный член в своей акционерной компании, а простой исполнитель, как и ваши клерки вроде мистера Тендля. — со злобным сарказмом заключила свою тираду Дженни, поглядев на горестно слушавшего её Тендля. — Вы не сомневаетесь, конечно, — минуту помолчав, запальчиво продолжала Дженни, — что я никак не могу оказаться в роли прислужницы, исполняющей чужую волю. Вроде моей сестрицы и всех этих безвольных людей, окружающих вас в сию минуту. Я сама буду иметь штат собственных слуг.

Снова хохот Бонды прервал Дженни, но одного жеста лорда Бенедикта было достаточно, чтобы он замолчал и скорчился.

— Знайте же, Дженни, что во имя любви и прощения пастора оскорбленный и столь презрительно разглядываемый вами Тендль будет тем человеком, который когда-нибудь спасёт вас и приведёт к Алисе. В том, чьей слугой вам придется быть и какой ужас ждет вас там, куда вы попадёте, Дженни, очень скоро в этом вы убедитесь сами. Помните только, что закон пощады защитит вас тогда, когда вы начнёте творить любя, а не ненавидя, как делаете это сейчас. Лорд Бенедикт повернулся к Бонде и его спутникам: — Чтобы вы не смогли позабыть, как склонились перед силой добра, идите отсюда прочь, непрестанно кланяясь в пояс. И до тёмной ночи

изображайте китайских болванчиков. Бойтесь новой встречи со мной или с кем-либо из тех, кто близок мне. Что же касается купленной вами банды, то ей проникнуть в дом не удалось, конечно.

И за попытку ворваться в мою личную комнату ваш, Бонда, пьяница Мартин уже дорого поплатился. А чтобы не нарушать ничем тишины, — говорить иначе, как шёпотом, и не смейте.

Внезапно Дженни и трое её спутников стали кланяться в пояс. Их усилия преодолеть сгибавшую их спины силу выражались в такой комической форме, что Генри, за ним Тендль, все клерки, наконец, сам старый адвокат и капитан — все покатались со смеху. Алиса и леди Цецилия в ужасе закрыли лицо руками. Дория успокаивала бившуюся в истерике пасторшу.

В одно из мгновений, когда ему удалось разогнуться и он решил, что внимание Ананды ослаблено, Бонда бросил верёвку, как лассо, в сторону пасторши. Но верёвка, не коснувшись её шеи, была поймана Анандой и отброшена назад: она охватила шею Бонды, его руки, талию. Бонда вскрикнул, упал, терзая на себе верёвку, так же как терзала здесь же недавно Дженни своё ожерелье.

— Иди, злодей, в этом украшении. И пусть оно давит тебя, как символ того зла, что натворил ты в жизни. Один только Браццано теперь сможет снять её с тебя. И то потому, что чистая душа дала ему слезу милосердия и поцелуй любви. Вот эта-то капля чистого милосердия и сможет тебе помочь. Но сумел ли ты выслужиться перед Браццано так, чтобы он захотел тебе помочь, — это уже твой вопрос.

— У лорда Бенедикта нам пощады не будет, — взмолилась рыдающая Дженни. Она протянула руки к сэру Уоми. — Пощадите нас вы. Не делайте меня и людей этих посмешищем в первый же день моей супружеской жизни. Я... я... ненавижу вас не могу. Мне смотреть в ваши глаза страшно, точно в них я читаю весь ужас своей судьбы. Но... я преклоняюсь перед вами, я молю вас, помогите.

— Скажите, бедняжка, можете ли вы вспомнить хотя бы одно существо, которому вы помогли? — спросил сэр Уоми. Его голос, и всегда ласковый и нежный, походил теперь на звуки мелодичной арфы. — Знаете ли вы, что человек это арфа Бога, струны которой славят мировую Жизнь. Знаете ли вы, что слёзы и скорби людей это пыльца Господня, превращающая человека в чудесный цветок. Знаете ли вы, что каждая встреча это крылья, предназначенные для того, чтобы собирать пыльцу Господню в чашу своего сердца и изливать её как любовь, как отклик радости на скорбящую землю.

Пусть сегодня, в чаше моего сердца, смешается яд вашей злобы и слёз с

моим состраданием. И пусть ужас той минуты, когда жалкое существо назовет вас дочерью, вступит в моё сердце и в нём найдёт утешение. Идите. Я взял на себя — во имя безмолвных просьб вашей матери, сестры и тётки — ваше наказание. Но я сам освободить вас от него не могу. Мой брат и Учитель Флорентиец, молю тебя, разреши мне принять участие в борьбе Ананды и пощади ещё один раз этих несчастных, — низко кланяясь лорду Бенедикту, сказал сэр Уоми.

— Да будет, как ты желаешь, мой друг и брат, — возвращая ему поклон, ответил Флорентиец. — Но если хоть один ещё раз кто-то из ваших приятелей, Дженни, осмелится коснуться Алисы или вашей матери, то и вы, и они иначе чем на четвереньках передвигаться не смогут до конца своих дней. Ступайте. Ты же, злодей, — обратился он к Бонде, — молчи сегодня весь день. И говорить будешь потом только шёпотом. Сними свою верёвку и брось её в камин.

Отерев пот, градом катившийся с их лиц, Дженни и её спутники поспешили покинуть контору.

Выполнив все необходимые формальности, поддерживая до крайности потрясённых Алису и леди Цецилию и почти лишившуюся чувств пасторшу, обитатели дома лорда Бенедикта возвратились к себе.

За эти несколько часов их отсутствия всегда тихий и спокойный дом превратился в лагерь, осаждаемый со всех сторон. Не прошло и получаса с момента отъезда лорда Бенедикта, как к главному крыльцу особняка подкатили три большие кареты с людьми в маскарадных костюмах. У кого-то из ряженных были в руках музыкальные инструменты, кто-то пел песни — словом, карнавальная сценка была разыграна так удачно, что полисмены не остановили шумную компанию, решив, что это зная развлекается столь оригинальным способом. Весёлая компания принялась стучать в двери не только дверным молотком, но и палками и кулаками, барабанить в окна холла, выказывая нетерпение. Одновременно у других дверей толпились нищие, якобы привлечённые весёлым праздником в надежде получить щедрую милостыню.

Князь Сенжер приказал слугам оставаться на своих местах. Амедея и Сандру он поставил в холле у самых дверей и дал им пульверизаторы, сказав, что если снаружи будут очень уж безобразничать, то следует брызнуть в замочную скважину. Смеясь, он объяснил, что для жизни и здоровья жидкость абсолютно безвредна, но запах её невыносим. Кроме того, картон и бумага расползутся и руки почернеют. Это перепугает хулиганов.

Артура князь Сенжер поставил у боковой двери, дав ему такой же

пультверизатор, и велел завернуть болты на железной двери чёрного хода. Сам он стал рядом с Артуром, словно чего-то выжидая.

Среди нищих особенно выделялся монах; то моля о корке хлеба, то кощунствуя и хохоча, он потешал собравшийся вокруг сброд. Подговаривая оборванцев шуметь как можно больше, он стал перелезать через железный забор. Толстый прут был вырван из каменного фундамента заблаговременно принесёнными с собой инструментами, и оборванец в рясе очутился в саду. Приказав спутникам орать ещё громче, он стал красться вдоль стены к кабинету лорда Бенедикта, будучи, очевидно, очень хорошо осведомлён о его расположении. Князь Сенжер велел Артуру обрызгать ближайших бродяг и повторить маневр, когда их сменят другие. Сам же отправился в кабинет Флорентийца, подошёл к окну и укрылся за портьерой. Его тонкий слух различал сквозь толстые стены крадущиеся шаги. Сквозь небольшую щёлку между портьерой и окном князь Сенжер видел, как бродяга прильнул к стеклу, убедился, что в комнате никого нет, и через миг в его руке сверкнул алмаз, которым он стал вырезать стекло. Быстро и ловко справившись с этой задачей, он влез внутрь. Прислушиваясь, бродяга стал осматривать прекрасную комнату. Затем он снял грязные туфли и подошёл к двери, ведущей в соседнее помещение. Вытащив из кармана связку отмычек, он приготовился уже открывать замок, как вдруг тихий и властный голос пригвоздил его к месту:

— Остановись, несчастный, кинь то, что держишь, в камин и стой там, если не желаешь, чтобы тебя сейчас же раздавила плита, которая на тебя спускается.

Вскинув голову, бродяга едва успел отскочить и хотел было броситься на стоявшего посреди комнаты невысокого стройного человека. Но тут же схватился за горло, как будто его что-то душило, и поспешно направил свои шаги к камину. Там он сел на медную решётку, не имея сил держаться на ногах.

Бродяга попытался спрятать отмычки в карман, но огненный взгляд тёмных глаз незнакомца жёг его. Весь дрожа, он послушно положил связку в камин, но всё ещё не теряя самообладания и бормоча какие-то заклятия, стал шарить у себя на груди и вытащил из-под рясы какой-то треугольник, направив его остриём во всё так же спокойно стоявшего посреди комнаты князя Сенжера. Держа свой треугольник, в котором что-то сверкало, он почувствовал себя увереннее и осмелился взглянуть на своего визави. И был огорошен тем, что незнакомец добродушно смеется. Бешенство вырвалось десятком грязных ругательств из уст Мартина, ибо это был он, предводитель всей банды.

— Ты что смеешься? Верно, не чуешь, что пришёл твой последний час. Мой камень мигом свалит тебя с ног, хоть ты и разделся в роскошный костюм. Ну, вались, говорю. — И злодей вытянул свою руку по направлению к стоявшему князю.

Лицо князя стало серьёзно и даже сурово. — Если ещё одну минуту ты промедлишь, — снова закричал Мартин, — я свистну и позову сюда моих товарищей. Тогда тебе несдобровать.

— Попробуй, — тихо ответил ему князь, едва подняв кисть руки в сторону Мартина. Тот не устоял на ногах и сел на медный лист у камина, с трудом дыша и покрывшись потом.

— Куда ты осмелился проникнуть, несчастный? И что ты взял на себя? Что руководило тобой, когда ты соглашался осквернить эти комнаты?

— Бонда обещал мне целое состояние, если я отобью кусок зелёной чаши с мраморного стола в той комнате, — весь дрожа от страха, ответил Мартин. — О, не приближайтесь, только не приближайтесь! — в ужасе закричал он, увидев, что князь сделал шаг по направлению к нему.

— У тебя ещё есть время раскаяться. Ты ещё можешь осознать весь ужас того, что делаешь сейчас, увидеть, среди какой грязи ты живёшь. Сложи всю дребедень, которой тебя наградил Бонда, в камин, обещай мне трудиться честно, и я спасу тебя от твоей страшной шайки. Я дам тебе возможность снова стать человеком и почувствовать радость освобожденной и чистой жизни.

— Как бы не так! Силёнки-то не хватает одолеть мой камень, так блеешь овечкой. Держись крепче.

И злодей попытался снова вытянуть руку со своим треугольником. И снова тот же мягкий жест князя заставил его отдёргнуть с проклятием руку.

— В последний раз я тебе предлагаю, хочешь ли ты начать чистую, новую жизнь? Ты убедился сейчас, что злодейство бессильно против любви, её знаний и силы. Взгляни внимательно в своё сердце. Что ты там видишь? Что есть там, кроме лжи, предательства, измены? Просмотри всю свою жизнь. С тех пор как ты предал мать, ограбил сестёр, бросил женщину с ребёнком в нужде и голоде, было ли счастье в твоей жизни? Радовался ли ты хоть раз? Неужели жизнь в вечном страхе прельщает тебя? Сегодня ты пришёл грабить и кощунствовать. Завтра пошлют убивать, тоже пойдёшь?

Бродяга молчал, опустив голову, и угрюмо смотрел в пол. Ни один мускул на его лице не говорил о том, что он сожалеет о погубленной жизни. Недоумение оттого, что противник осведомлён о его прошлой жизни, тупое упорство, жестокость и хитрость мелькали на его лице, он как-то фыркнул

и дерзко сказал:

— Ладно, вижу, что ты, брат, из нашей же компании и сумел раньше меня залезть сюда. Я согласен поделиться с тобой всем, что раздобудем здесь и получим от Бонды. Но всё, что я унесу с мраморного стола в той комнате, — только моё. Я должен убить Ананду, он насолил немало нашему дорогому Браццано.

Мартин не закончил своего торга. Сенжер медленно поднял вверх руку и так же медленно и внятно заговорил:

— Милосердие не знает наказания. Запомни: всё, что совершается с человеком, он творит для себя сам. Как бы безмерно грешен ни был человек, мгновение его до конца самоотверженной любви выносит его из кольца преступлений и ошибок и сливает со светлыми силами. Стоило тебе воззвать к Любви, — и она вырвала бы тебя из когтей смерти во зло. Но ты уже не можешь воскреснуть к Любви. В тебе омертвела та частица Жизни, что даётся каждому. Сознание твоё потухло, и жить тебе на земле больше не к чему. Твоё сердце больше не способно к творчеству. Оно заботится только о себе одном, о своих скотских инстинктах. Человек, живущий во зло, одними личными страстями, не нужен жизни Вселенной, а потому не нужен и земле. Дабы оказать тебе последнее милосердие, приказываю тебе: всё, что на тебе надето чужого, все украденные тобою у твоих же товарищей драгоценности сложи в камин. И уходи. Ты слышишь, как твои сообщники убегают. Спешу. Если тебя застанет здесь хозяин дома, тебе придется плохо. Ступай домой, кое-как доползёшь. Там расскажешь обо всём тем, кто был так жесток, что послал тебя сюда, и забудешь навсегда об этом доме. Помнить будешь только, что жить в мерзости нельзя. В тоске и страхе, ничем не удовлетворяясь, влачи свои дни, пока не смилостивится над тобою смерть.

Как дикий зверь, срывал с себя Мартин какие-то мешочки, драгоценности, коробочки и бросал в камин.

— Возьми горящую свечу и подожги собственной рукой все свои яды и наговорённые талисманы, жалкий пьяница и мелкий воришка.

Послушно, но с большим трудом Мартин старался исполнить приказание. Пламя разгоралось туго, вспыхивало и опять угасало. Наконец Сенжер оросил в огонь какую-то коробочку, раздался треск, от которого перепуганный Мартин бросился бежать. Он напрягал все силы, чтобы выбраться из окна, в которое так легко влез. И всё же никак не мог перебросить наружу тела. Он завизжал от ужаса и стал молить о помощи.

— Ступай, я сказал. Надень свои грязные туфли и уходи. Язвы на твоём теле, что уже кровоточат, не моё тебе наказание, а результат ядов, что ты по

своей невежественности носил на себе слишком долго. Твои сообщники сделали из тебя живой ходячий шкаф, в котором хранили свои сокровища. А ты, по глупости, погубил свой организм, и теперь спасения тебе нет.

Перепуганный, обессиленный и до последней степени расстроенный, Мартин выбрался из окна, с трудом пролез в проделанное им отверстие в заборе и шатаясь, как пьяный, потащился прочь. Станные, давно забытые мысли бродили в мозгу Мартина. Ни с того ни с сего он стал вдруг вспоминать своё детство, мать, как она его любила и ласкала и как он, подзуживаемый угрюмым соседом, старался ей дерзить и отвечать грубостью на её ласки и заботу.

Мартин не понимал, почему сосед радовался, когда он расстраивал свою мать. Но вкусные пирожки и конфеты, которыми его одаривали за каждую ссору с матерью, побуждали его искать всё новые предлоги для этого. Почему именно сейчас думал Мартин о своём одиночестве, о том, что во всём мире нет сердца, которое бы его любило, он и сам не знал. Всю свою жизнь он издевался над любовью. Никогда и не вспоминал, что у него где-то есть сын, а сейчас он дорого бы дал, чтобы иметь возможность назвать какое-то живое существо сыном.

Всё путалось в голове у несчастного. Он еле соображал, как найти дорогу в отвратительную харчевню, где несколько часов назад он оставил своё платье и весело кривлялся и кощунствовал, переодеваясь в рясу. Теперь хохот пьяных матросов, преграждавших ему дорогу и спрашивавших, где он так нализался средь бела дня, докучал ему и отравлял и без того тяжёлый путь. Еле живой добрался Мартин до своей гостиницы, мечтая о тишине, одиночестве и постели. Больше всего он боялся сейчас встречи с Бондой или Дженни с её острыми глазами. Он даже не понимал хорошенько, почему он их так боится. Но мечтал об одном — как бы проскользнуть незамеченным.

Благополучно добравшись до своей комнаты, он решил, что Бонда с приятелями ещё не вернулся, бросился к вину, всегда ожидавшему его на столе, и повалился на постель с единственной мечтой: заснуть покрепче и ни о чём не думать. Мартину и в голову не приходило, что Бонда сидит в своих комнатах один, всеми брошенный, не имея сил выговорить ни слова. А Дженни с Армандо и Анри, изнурённые, огорошенные и ещё более озлобленные, сидят у себя в ожидании обеда и каких-либо известий именно от Мартина.

Единственной мыслью Дженни в конце её первого дня супружеской жизни была мысль о мести изменившей ей матери и окончательно теперь ненавидимой ею сестре.

Больше ни о чём не думала Дженни. Только бы уничтожить силу лорда Бенедикта, не позволявшую ей добраться до Алисы.

Что же касается того милосердного, кому она сама призналась, что ненавидеть его не может, — о нём она сейчас напрочь забыла.

Она унесла с собой из конторы ужасающий страх перед грозным лордом Бенедиктом и не менее жгучую к нему ненависть.

Глава 17

МАТЬ И ДОЧЬ. ДЖЕМС И АНАНДА. АНАНДА И ПАСТОРЩА. ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ НИКОЛАЯ И ДОРИИ

На следующий день жизнь в доме лорда Бенедикта пошла обычным чередом, если не считать тяжёлой болезни пасторши, за которой ухаживали Алиса с Дорией и которую лечил Ананда под руководством своего дяди князя Сенжера. Леди Катарина никого не узнавала, и в её расстроенном мозгу всё время мелькала тень пастора, побеждавшего в борьбе Браццано, о чём пасторша говорила в бреду.

Лорд Бенедикт зашёл к Алисе, нежно обнял её, потрясённую сценами в судебной конторе, и объяснил, что бред её матери отнюдь не отражает истины. И что через несколько дней мать её будет здорова.

— Тебе же, Алиса, надо очень и очень подумать обо всём, что за последнее время тебе пришлось пережить, увидеть и наблюдать. Ты знаешь свой великий урок, знаешь, что предназначено тебе выполнить в это воплощение. Но я тебе уже говорил, что «может» не значит «будет». Только бесстрашные сердца могут выполнить предназначенное. Бестрепетность ученика, его бесстрашие — это только его верность Учителю. Если всей своей верностью он идёт за Учителем, он не спрашивает объяснений, он идёт так, как видит и ведёт его Учитель.

Сейчас так сплелись судьбы и кармы большого кольца людей, что ты имеешь возможность видеть меня каждую минуту, можешь прибежать ко мне и взять меня за руку. Но не всю жизнь ты будешь подле меня. Обдумай, хватит ли у тебя сил пройти весь путь в разлуке со мной так, как будто бы я всегда рядом и во всех делах жизни ты держишь меня за руку. — Не продолжайте, мой друг, мой отец, мой наставник, — опускаясь на колени и приняв к руке Флорентийца, сказала Алиса. — Нет иной жизни для меня, чем жизнь в вечной верности вам, в единении с вашим трудом и путями. Я не ищу ни наград, ни похвал, я знаю, как трудно человеку на земле, с его закреплённостью в страстях и личных привязанностях. Я пойду всюду так, как поведёт меня и пойдёт по земле через меня ваша любовь. Я буду стараться в полном самообладании, с тактом, приносить каждой достойной душе вашу помощь и мир. Я знаю, как скромно моё место во Вселенной. Я полна смирения и радости и хочу быть усердной в тех скромных трудах и задачах, что вы мне поручаете.

— Встань, дитя, и выслушай меня. Сейчас я поеду к родителям Лизы, чтобы уговорить их не делать выставки из свадьбы дочери, а просто и тихо обвенчать её с капитаном. И вторая моя задача — убедить стариков возвратиться на родину, предоставив детям одним уехать с нами в Америку.

Наль не переносит качки, а в своём положении будет переносить её много хуже. Лиза, хоть и привыкшая к морю, поднимется на пароход, неся в себе плод будущего ребёнка, и на этот раз тоже будет страдать. Дория неотлучно будет при твоей матери, которую мы оставим здесь на попечение Ананды и Сенжера. И Наль, и Лиза свалятся на одни твои слабые руки. Ибо леди Цецилия тоже будет плоха в пути, но у неё есть Генри.

В этот момент ты одна, самостоятельно, можешь решить: хочешь ли ты ухаживать за двумя тяжело страдающими женщинами? Хочешь ли и дальше помогать Лизе, беременность которой будет чрезвычайно тяжела не только ей, но и всем окружающим. Лиза будет очень раздражительна и не всегда к тебе справедлива, но... перед тем, кого она вынесет в жизнь, ты, дитя, виновата.

Когда-то давным-давно тебя любил и надеялся стать твоим мужем этот будущий человек, а ты осмеяла его и отвергла. Он отомстил, предав тебя, и ты пошла на казнь. Теперь тебе предоставляется возможность добротой и милосердием помочь ему заслужить твоё прощение. Но мало простить человека за его грех перед тобой. Надо помочь ещё создать семью, куда он придёт. Надо наперёд развязать карму, чтобы он пришёл свободным и чтобы именно твоё сердце — творчеством доброты — сделало радостным его земной приют.

— Какое счастье! Какое счастье быть полезной Наль и Лизе, да ещё искупить свой грех в труде для них. О, если бы папа ещё жил, как бы он радовался в эту минуту, — вся сияя, отвечала Алиса.

— Дитя моё, как бы ты ни была тверда в решении этих вопросов в эту минуту, подумай ещё раз, прежде чем ответишь мне. Пока ты будешь ухаживать за своими подругами, пока у обеих женщин не родятся их первенцы и далее, первое время, вся внешняя жизнь, наука, искусство, театры, — всё будет закрыто для тебя. Ты будешь главной осью всех домашних серых забот. Но матери будут страдать для собственных детей, а ты...

— А я без страданий буду наслаждаться счастьем жить, нянча сразу двоих детей. Зачем нам больше говорить об этом, мой Учитель. Я иду. Вы подле нас в эту минуту. Какое счастье может быть выше жизни подле вас! Лишь бы жить в той чистоте, которая не мешала бы вам изливать ваше милосердие через наши грубые тела. Там, где не можете действовать вы,

потому что атмосфера слишком низка для вас, пусть там верность наша поможет вам действовать через нас так, как вы считаете нужным. Я знаю, что Лиза вспыльчива и неустойчива, раздражительна и требовательна. Но я знаю и то, что там, где живёт истинный талант, живёт и громадная трудоспособность. Она будет владеть собой, потому что научится восходить на вершину вдохновения. Я думаю, неорганизованное, неустойчивое существо не может носить в себе истинный талант. Или же оно должно рано умереть. Ведь гений разорит всякого, кто не может воспитать в себе полное самообладание и войти в гармонию со своим даром. Если Лизе суждено жить в высоком искусстве, она научится владеть собой. Я же буду счастлива быть ей пробным камнем любви в её труде над собой. Зная вас, это так легко.

— Спасибо, друг Алиса, поистине редко бывает счастлив ведущий тем, что имеет подле себя такое сокровище — живую чашу мира и любви. Будь благословенна. Иди, любимая и любящая, и храни в мире всех тех, кто тебе повстречается. Никогда и ничего не бойся. Ты живёшь, чтобы радостью защищать тех, кто встретился тебе.

Флорентиец обнял Алису, отпустил её и уехал к родителям Лизы, где назначил свидание Джемсу.

Не успел он войти в гостиную графов Е., как сразу обнаружил полный разлад между "отцами и детьми". И графиня сразу же начала жаловаться. Она утверждала, что дети, несомненно, рассказали деду в письме, что их ждет помпезное бракосочетание сразу в двух церквах, которое затевают родители, считая, что брак только тогда станет действительным, когда будут соблюдены формальности обеих религий. А граф полагал к тому же, что Лизе необходимо завязать свои знакомства, опираясь на высокие связи деда и отца. И приступить к этому удобнее всего за брачным пиром.

В своём письме дед, так редко вмешивавшийся в семейные дела сына, категорически потребовал, чтобы свадьба его внучки была как можно тише и скромнее. И чтобы родители возвращались в Гурзуф, предоставив новобрачным самостоятельно путешествовать и пожить так, как они сами найдут для себя нужным.

— Ну, представьте себе, лорд Бенедикт, как я могу отпустить свою несовершеннолетнюю дочь одну в путешествие? Да ещё Джемс придумал эту дикую поездку в Америку. Кроме того, каково это пережить, что Лиза писала деду потихоньку от меня. Значит, она тяготится нами. И сразу же променяла нас на жениха.

— У нас уже был однажды разговор почти на ту же тему. Не буду повторяться, графиня. Мне кажется, что вы хорошо вспомнили в эту

минуту, что я вам говорил тогда. Сейчас скажу только одно: не могу поверить, чтобы Лиза или капитан прибегали к каким-либо секретным путям у вас за спиной. Оба они так честны и благородны, что найдут в самих себе силы защищать своё мнение в прямом разговоре. Я опускаю вашу реплику, кого и как и на кого променяла в своей любви Лиза. Это недостойно вас. И вам самой, я думаю, тяжело, что в вас живут такие мысли.

Поговорим о мнении вашего тестя. Мне думается, что он глубоко прав. Для кого вы затеваете всю эту шумиху? Если признаетесь честно, — только для себя и мужа. Вам хочется теперь сделать всё так, как вы желали бы, чтобы было сделано для вас на вашей сравнительно тихой и небогатой свадьбе. Вся эта внешняя суета, графиня, что она имеет общего с любовью? Вы говорите, что не можете допустить, чтобы дочь жила и ездила по белу свету одна. Допустим, минуя всякий здравый смысл, что это так. О ком вы думаете, когда так беспокоитесь? О ней или о себе? Чем можете вы ей помочь, если придёт беда? Вы так тверды, что в любой панике способны внушить ей мир и спокойствие? Вы можете удержать её от любого необдуманного шага?

Я думаю, что вы очень добры, великодушны, благородны. Но ваша жизнь вся в порывах и изломах. Часто ли вы умели удержаться от залпа слов, которыми оглушали ваших близких? Если у Лизы слабое здоровье, то именно бурной своей несдержанностью вы способствовали её неустойчивости. Об этом не раз говорил вам наедине её дед, так пламенно защищавший вас на людях, так рыцарски служивший вам всю жизнь. Отчего же сейчас не принять его совета, совета огромной мудрости?

Кроме всего прочего на пароходе Джемса отправлюсь я со всей своей семьей. А моими дочерьми вы ведь искренне восхищаетесь. Если Лизе понадобится помощь, уход или ещё что-либо, неужели мы оставим её без внимания?

Графиня молчала, опустив глаза, но видно было, что каждое слово гостя попадало в больное место. Ни на одно предположение лорда Бенедикта она не смогла бы ответить отрицательно. И, тем не менее, стала возмущаться. Но чем дальше он говорил своим ласковым голосом, тем резче менялось её настроение, и она начала отдавать себе отчёт в том, как много вреда, вероятно, причинила всем любимым ею людям своею неустойчивостью, как тяжело легло на её собственную дочь бремя её неуравновешенности.

— После письма отца, — заговорил граф, — я отказываюсь от своих первоначальных намерений. Никогда мне ничего не запрещавший даже в таких серьёзных делах, как женитьба, дружба, различные предприятия, в

которых он далеко не всегда был согласен со мной, отец сейчас просит категорически не омрачать жизни единственной дочери и послушаться голоса любви и чести. Ваш голос, лорд Бенедикт, и есть голос любви и чести, голос мудрости. Присоединённый к голосу моего отца, он заставляет меня послушаться сегодня, хотя ещё вчера я спорил бы и возмущался.

Отец мой стар. Вы мне на многое раскрыли глаза. Я тоже не был достойным воспитателем моей дочери, как не был хорошим сыном своему отцу. Но он, — он всегда был мне примером рыцарской воспитанности. И я знал, что неподкупные честь и правдивость — это мой отец. Если я прожил честным человеком до сих пор, то только потому, что всегда был передо мною его живой пример. Я вернусь в Гурзуф сейчас же, после самой тихой свадьбы Лизы, а графине предоставляю поступить, как она сама решит и захочет.

Голос графа, сначала печальный и дрожащий, становился всё твёрже, и когда он кончил говорить, лицо его стало светлым и совершенно спокойным.

— Иди в жизнь, Лизок, — сказал он, подойдя к дочери и обнимая её, — не мне тебя учить, как быть женой и матерью. Прости, ты всё казалась мне малышкой. Одно я знаю твёрдо, что честью ты вся в деда. Если будешь проста и не мелочна в буднях — всем украсишь жизнь. Цени, что выходишь замуж за того, кого любишь. А мы с мамой постараемся доказать, что любим не себя, а тебя.

Граф нежно поцеловал обе руки дочери и, задержав их в своих, тихо прибавил:

— Теперь, когда кончилось твоё детство, я должен кое в чём признаться. Если бы не дедушка, никогда бы я не согласился, чтобы ты училась играть на скрипке. Не суди меня строго. Когда стану дедом, постараюсь принести в себе твоим детям образ их прадеда. Играй и пой, Лизок. Я знаю, как смягчается сердце, когда ты играешь.

— Я очень прошу вас, граф, посетить с семейством мой дом завтра вечером. Ко мне приехал мой друг, певец каких мало. И голос его, однажды услышанный, вовек не забудется. Я надеюсь, графиня, вы не откажетесь приехать с Лизой завтра вечером, а Джемса и просить об этом не надо: певец, о котором я говорю, его большой яруг, индус Сандра Кон-Ананда. Я убеждён, что ваше сердце музыкантши и женщины не раз дрогнет завтра.

Лорд Бенедикт простился и уехал. Графиня, сдерживавшая при нём свои слёзы, больше собой не владела. Её рыдания, горькие, отчаянные, поразили Лизу. По её знаку граф и Джемс вышли из комнаты. Лиза села рядом с матерью, обняв её и, тесно к ней прижавшись, подождала, пока

первая волна материнского горя утихнет, а потом прошептала ей на ухо:

— О чём ты плачешь, мама? Ведь в эту минуту мы с тобой не мать и дочь, а две любящие друг друга женщины. Если ты плачешь о том, что не сумела меня воспитать лучше, то знай, что мне лучшей матери, чем ты, никогда бы не встретить.

Ты научила меня жить свободной и в себе искать смысл жизни, а не скучать в одиночестве, ища пустые дружбы и развлечения, находя всю прелесть не в природе, а в суете. Ты для меня первая драгоценная дружба. Ты не мешала мне читать всё, что я хотела, ты не мешала мне играть, как и сколько я хотела, ты всегда понимала мои увлечения, ты одна знала, как я любила Джемса.

Теперь я сделаю тебе, первой своей подруге, признание. Из него ты увидишь всю силу моего доверия и любви к тебе.

Ты знаешь, ты видела мой уголок в том доме, что Джемс приготовил для нас. Дед часто рассказывал нам с тобой о своих путешествиях по Востоку, о Будде и его жизни. Он научил меня любить этого великого мудреца. И можешь понять, как я была поражена, когда увидела в одной из своих будущих комнат дивную статую Будды. Я точно на молитве стояла перед ним и дала обет, что всё, что я буду играть, я буду изливать в его чашу, для меня святую.

Мы каждый день ездили туда с Джемсом, чтобы побыть несколько времени у этой статуи. И каждый раз я чувствовала, как день за днём всё крепнет во мне верность моему обету перед Ним, как всё сильнее становится моё бесстрашие, как я подхожу всё ближе к Нему, как вижу в Нём моего покровителя и друга.

Когда я играю в том доме, моё сердце так раскрывается, точно я играю прямо перед Ним, неся Его милосердие и собирая все слёзы слушающих меня в Его чашу.

Я знаю, мама, что то, что я тебе скажу сейчас, тебя потрясёт. Но и ты прими моё признание не как мать, а как подруга, первая, любимая. Вчера мы приехали к моему Будде, и так сказочно прелестно была убрана Его комната. И цветов таких я не видела никогда ещё. Джемс был поражен не меньше моего. Это не он украсил комнату цветами и только сказал: "Это Ананда нас благословил на брак".

Я не знала, кто такой Ананда в своей внутренней сущности, и Джемс рассказал мне, что Ананда мудрец, что он необычайно добр, и сила его любви к людям почти равна святости.

Мы придвинулись ближе к Будде, и я увидела в его чаше письмо и футляр. На письме было написано: "Моим друзьям в великий день их

свадьбы". И вот самое письмо, слушай, мама:

"В границах тела человека живёт его великая Любовь. Пронесите эту Любовь в чистоте плотского соединения и создайте новые тела, где бы Любовь, живая и деятельная, могла трудиться, чтобы единить людей в красоте.

Таинство брака не только в том, что чья-то рука соединяет двух человек перед внешним престолом. Но и в том, когда люди сливаются воедино, чья друг в друге Любовь. Наденьте, Лиза, тот браслет, что я положил Вам в чашу великого Мудреца. На нём написано: "Иди в вечной верности и бесстрашии и любя побеждай". Примите эти врезанные в браслет слова как путеводную нить и отдайте не только тело и мысли Вашему мужу. Но слейте всю жизнь в себе с его жизнью в нём и вступайте в новую стадию земного счастья, где нет разделения между трудящейся, видимой Вам землёй и трудящимся, невидимым для Вас небом. Таинство брака есть таинство зачатия новой жизни. Настало время сойти в Ваше тело той душе, что через Вас станет вновь человеком земли.

Этот Ваш первенец будет Вашим благословением, большой Вам помощью и миром. Вы же станьте сегодня матерью, радуясь и приветствуя его всем сердцем, воспевая ему песнь торжествующей любви. Ваш друг Ананда".

Лиза умолкла и через минуту шепнула матери: — И таинство совершилось.

И она показала матери скрытый под рукавом платья браслет.

Графиня была так взволнована словами Лизы, так глубоко потрясена совершенно необычной формой брака дочери, что сидела молча, с удивлением разглядывая такое родное, близкое, привычное лицо Лизы, в котором сейчас она не узнавала дочери. Она видела восторженное и преображенное лицо иной, незнакомой ей женщины.

"Так вот какою бывает Лиза", — мелькало в уме графини. Она всё смотрела и смотрела в это новое лицо и вдруг как-то сразу осознала, что Лиза, сидящая перед нею, впервые понята ею по-настоящему. Ясно стало графине, что это не только цельная, любящая женщина, но что это мать, хранящая в себе залог новой жизни.

Пока Лиза показывала ей браслет, очень похожий на тот медальон, что ей дал Джемс, голова графини упорно работала. Ей казалось, что она в первый раз поняла смысл прожитой своей жизни. Если бы Лиза не сочла её достойной предельной откровенности, не сказала бы ей, что самое ценное — свободу своей духовной жизни — она нашла с помощью матери, графине нечем было бы вспомнить сейчас свою жизнь. Только в эту минуту

она поняла всю ответственность матери перед жизнью, перед миром, а не только крошечной ячейкой собственной семьи. Графиня думала, что вот Лиза вышла белым лебедем из их семьи не слишком талантливых людей, и вспомнила теперь, что не раз говорил ей Лизин дед:

"Неужели вы не видите, что Лиза истинный талант, а не салонная развлекательница, что ей нельзя навязывать никаких предрассудков и суеверий, а надо все усилия приложить, чтобы в ней было как можно меньше нетерпимости, предвзятости, женской субъективности и условностей морали, и тогда её талант будет развиваться в чистом и свободном сердце".

Тогда этих слов не понимала графиня. Она не раз ревновала дочь к деду, очень друживших и души друг в друге не чаявших. Теперь графиня видела, как высока была её девочка в своей чистоте, как мало она считалась с внешними правилами и приличиями, которые ни за что не осмелилась бы нарушить сама графиня.

Долго сидели, обнявшись, мать и дочь, и слов им было не нужно. Говорили их души, говорили радостно, хотя обе женщины шли в разных направлениях, и каждая понимала, что идёт свой путь вечности, что данная ей жизнь, от рождения и до смерти, только маленький кусочек счастья жизни вечной.

Каждая из них давала безмолвный обет отдать все силы, чтобы хранить будущую новую жизнь и стараться победить в себе какие-то тяжёлые черты, дабы не омрачать своих близких.

— Мама, всё, чего бы я хотела, — это заслужить от своих детей те доверие и дружбу, с которыми я ухожу из твоего дома.

В дверь постучали, вошёл Джемс, проводивший графа в православную церковь, вернее в то, что при посольстве играло её роль.

Графиня протянула ему свою свободную руку и обняла Джемса, усадив его рядом с собою. По лицам обеих женщин он понял, о чём говорили мать и дочь, и ласково ответил на поцелуй графини.

— Будьте счастливы, мои дорогие. Если у вас будут сомнения, — пишите деду. Это сердце никогда и никому не дало плохого совета. Впрочем, тот, кто венчал вас цветами у ног Будды, вероятно, не оставит вас и впредь.

Сегодня вам обоим надо побыть вместе. Вы ещё и не виделись толком. Поезжайте к себе домой и будьте к обеду, я закажу его попозже.

Проводив детей, графиня ушла к себе в комнату, не велев никого принимать. Она твёрдо решила не говорить ничего мужу, щепетильность которого в вопросах хорошего тона знала отлично. Сумев сейчас

перешагнуть через все впитанные с детства предрассудки, удивляясь, что не испытывает никакой боли от поступка дочери, а считает его в порядке вещей, она стала думать о лорде Бенедикте, о том, как бы он отнёсся к поступку Лизы и поведению самой графини.

Граф вернулся довольно поздно, рассказал, что послезавтра в полдень свадьба и он решил не звать никого, кроме лорда Бенедикта и его семьи. Графиня обрадовалась, хотела было о чём-то сказать мужу, как вдруг два человека с трудом внесли огромную корзину с цветами.

— Батюшки, да это целый свадебный поезд, — воскликнул граф, наклоняясь к корзине и указывая на скрытые среди цветов роскошные футляры с именами Лизы и Джемса. — Похоже, каждый член семьи Бенедиктов вложил сюда свой подарок. Я и не знал, что таков английский обычай.

— Давай-ка и мы с тобой порадуем наших детей и порадуемся сами. Ты одеваешься быстрее, заказывай пышный обед, прикажи осветить зал как можно лучше, а я пойду надену самый роскошный из своих туалетов.

— Вот неожиданный сюрприз, графинюшка, — весело смеялся граф. — Годами от тебя не добьёшься, чтобы ты появилась в парадном наряде, а тут извольте радоваться. Ты ли это? Что сей сон означает?

Графиня, казалось, сбросила с плеч двадцать лет. Глаза её сияли, она подошла к мужу, положила ему руки на плечи и радостно поглядела ему в глаза.

— Я только сегодня поняла, оценила то обстоятельство, что у нас появятся внуки, что жизни нашей ещё не конец, что мы ещё будем нужны и полезны.

Горячо поцеловав мужа, графиня убежала в свою комнату, напомнив ему ту женщину из далёкого прошлого, которую он так страстно любил. Сбитый с толку, ничего не понимая, граф приписал настроение жены очередному капризу, но любя повеселиться, был рад вдвойне сегодняшнему поводу.

Быстро закипело у него дело. Забегали слуги, запылали свечи, на столе заиграл хрусталь. Не успела графиня выйти в зал в своём очаровательном наряде, как вошли Наль, Алиса и Николай. Принося тысячу извинений, сказав, что они думали провести в доме графов R скромный вечер, а попали на званый обед, гости хотели тут же откланяться. Их, конечно же, не отпустили, объяснив, что это торжество придумала графиня, а самих виновников торжества даже ещё и нету.

Графиня была счастлива, что самые близкие сейчас Лизе и Джемсу люди так удачно, невзначай, пришли праздновать истинную Лизину

свадьбу. Она увела их к себе в гостиную, втайне беспокоясь, что Лиза придет в простом платье, а гости так изумительно и нарядно одеты. В эту минуту вошли Лиза и Джемс, и графине суждено было ещё раз сильно удивиться.

Не её обычная Лиза стояла перед ней, а опять новая молодая женщина. В платье из дорогой зелёной парчи с вытканными серебряными лилиями с золотыми листьями и тычинками, в чудесном веночке из бриллиантовых мелких лилий с листьями из изумрудов, Лиза потрясла мать выражением глубокой серьёзности, спокойствия и непередаваемой радости, которая так и лучилась из неё.

— Я приветствую вас, Лиза, от имени моего отца, — сказал, здороваясь, Николай. — Вот его письмо к вам. А вам, капитан, лорд Бенедикт просил передать эти два портрета. — Николай подал ему зелёную коробку, на которой был изображен белый павлин.

Будучи не в силах удержаться, капитан открыл коробку и увидел в ней два портрета, вложенных в одну общую складную рамку. Два чудесных лица, лорда Бенедикта и Ананды, глядели на него в рамке из переплетающихся лилий и фиалок. Капитан вскрикнул от радости и удивления, и пока все столпились вокруг, рассматривая подарок и восхищаясь им, Лиза в стороне читала письмо Флорентийца:

"Друг, сестра и будущая ученица. — Нет у человека сокровища ценнее мира в сердце. В эти важнейшие минуты Вашей жизни думайте не только о себе и окружающих Вас, но и обо всех, несущих в себе в этот час залог будущей жизни. Думайте не только о счастливых и любимых, как Вы сами, но и обо всех брошенных, плачущих и не имеющих ни угла, ни работы, ни денег. Думайте обо всех, не знающих, как им справиться с нищетой и вынести в мир священную новую жизнь, бьющуюся в них.

Первый же раз, когда будете играть публично, отдайте весь свой сбор покинутым матерям. И за всю Вашу жизнь никогда не бросьте камень осуждения в девушку-мать. Но постарайтесь пригреть и утешить каждую. Лилии, что я подал Вам сегодня в чаше великого Будды, примите как дар моего уважения Вашей чистоте и любви. Храните чистоту отношений с мужем и детьми и раскрывайте всё шире сознание, всё выше ищите источники вдохновения, и Вы придёте к тому моменту самообладания, когда сможете вступить на путь ученичества.

Тот, кто слышит в искусстве голос сияющего Бога, тот уже носит в себе знание вечности Жизни. Поняв однажды Жизнь как вечное милосердие, нельзя быть несчастным.

В Ваш счастливый день, в своей счастливой любви, помните о

несчастном дне и несчастной любви других. Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Всё — все чудеса и все несчастья носит в себе сам человек. Когда же ему открывается знание, он становится спокойным, ибо Мудрость оживает в нём. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание, — оно есть. И всё, что люди зовут чудесами, всё только та или иная степень знания. Ваш вечный друг Флорентиец".

Чувство особенной радости, какое-то ещё не испытанное ею сознание большого и светлого счастья наполнило Лизу. Она спрянула драгоценное письмо на груди и подошла к матери, державшей чудесную рамку с портретами.

— Я думала, что красивее лорда Бенедикта не может быть никого, — говорила графиня. — Теперь не знаю, кому отдать предпочтение. Быть может, этот незнакомец и не так классически прекрасен, как лорд Бенедикт. Но в его лице есть что-то особенное, какая-то пленительная светящаяся доброта, перед которой даже трудно устоять на ногах. Хочется пасть ниц. Но, возможно, это только иллюзия.

— Недолго ждать, чтобы решить этот вопрос. Завтра вы его увидите, — сказал Николай. — Во всяком случае, стоит вам посмотреть на сияющего Джемса, и вы, графиня, убедитесь, что живой облик Ананды превосходит его портрет. Джемс, по-моему, молится на Ананду и употребляет всё усилие воли, чтобы сейчас же не выхватить из ваших рук портреты своих обожаемых друзей.

Графиня возвратила портреты капитану, не обратив внимания на чудесный рисунок рамки, а Лиза тотчас заметила тождественность его с рисунком её головного убора, с переплетавшимися лилиями и фиалками на медальоне и браслете.

— Джемс, фиалка и лилия должны стать нашими цветами. Пусть они будут символом пути к самообладанию. Ах, если бы научиться никогда не раздражаться и никого не судить! Как легко было бы тогда жить на свете, как просто общаться с людьми, потому что больше всего меня тяготит моя раздражительность и требовательность к людям.

— Чем больше ты будешь понимать, чего достигли эти люди, — тем яснее станет тебе, куда и как направлять мысли, когда будешь в неустойчивом состоянии духа. Любя так, как мы любим друг друга, надо помнить только, с кем, где и для чего мы живём. В своей любви мы не забудем тех, кто сделал нас такими счастливыми. И в свою очередь, в своём счастье не забудем тех несчастных, которые повстречаются нам.

Граф пришёл звать к столу, извиняясь, что такой экстренный обед может быть с изъятиями, особенно по части вегетарианского меню. Но видно было,

что он в своей сфере, что угощать людей в своём доме составляет не последнее из удовольствий графа.

Весело летел обед, за которым Лиза много и тепло говорила с Алисой, впервые оценив большую музыкальность и вокальную образованность своей новой подруги. Сегодня Алиса особенно сильно действовала на Лизу своей простой добротой и сердечностью. Лизе казалось, что Алиса совершенно забыла, что тоже молода и прекрасна, что её игра увлекает сердца людей, что и ей надо жить своей личной жизнью. Лизе казалось, что Алиса живёт только её, Лизиными, интересами, её счастьем, только её игрой, её ближайшим будущим. Лиза не представляла, как бы она могла забыть о себе, о своём счастье, о своей любви хотя бы на миг.

— Вы, Алиса, всё ещё говорите Лизе «вы», — вмешался в их разговор Джемс, сидевший рядом с Лизой. — Как это возможно при вашей любви к людям вообще, и ко мне и Лизе в частности.

— Ты или вы, какое это имеет значение, дядюшка. Кроме того, Лиза, благодаря вашей милости, попала мне в тётки. Должна же я оказывать ей двойное почтение, — смеялась Алиса.

— Это не по-русски, дочка, — поддержал капитана граф. — Раз у мужа племянница, — ты должна в ней любить его самого. Изволь пить с Алисой брудершафт, и я примажусь к этому делу.

— Как много вам придется выпить брудершафтов, папа! У Алисы есть ещё кузен Генри и тётя Цецилия. И ещё найдутся родные.

И обед пролетел, и вечер пролетел, и гости уехали, а Лизе всё казалось, что то было лишь мгновение. Когда Джемс подошёл к ней проститься до завтра, ей и жаль было его отпускать, и хотелось побыть одной, чтобы подумать обо всём пережитом за такое короткое время.

— Думай, дорогая, о белом Будде и о письме Флорентийца. Мы будем врозь сегодня, но в мыслях я буду весь с тобой. И всю остальную жизнь каждая разлука с тобой будет только внешней. Где бы я ни был, — ты будешь рядом.

Простившись, Джемс уехал в очаровательный тихий домик, чтобы провести ночь подле белого Будды.

Войдя в комнату, где еле виднелась статуя, подножие которой, как и всё вокруг, ещё было убрано цветами, источавшими приятный аромат, Джемс сел на низенький диван и в полумраке стал вглядываться в божественное лицо царевича, оставившего всё земное для истины.

Впервые Джемс был здесь один после своей фактической свадьбы. Как он и обещал Лизе, мысли его были с нею.

Джемс вспомнил всё их давнее знакомство, и такой короткий по

времени, но напряжённый по чувствам роман. Ему казалось чудом всё совершившееся. Сколько лет он прожил, ни разу не подумав о женитьбе и даже гордясь репутацией безнадёжного холостяка, которая прочно за ним утвердилась. И вдруг девушка, едва вышедшая из детства, стала его женой, частью его собственной жизни. Глаза его привыкли к темноте, и он теперь различал гирлянду цветов, брошенную рукой Ананды в чашу вместе с письмом и браслетом для Лизы.

Цветы спускались из чаши почти до полу, и капитану казалось, что каждая чашечка цветка — кусочек его собственного сердца, разорванного на клочки, чтобы легче было впитывать горе и радость земли и приносить их в чашу Мудреца.

Мудрец сумел показать земле Свет и тот путь, каким можно освободиться от страстей простому человеку. Капитан думал, что не слишком-то целомудренно живя до сих пор, он только и делал, что указывал всем, как укрепить себя в страстях. Эту ночь он сознавал как переломную. Ему вспомнилась дикая буря, бесстрашие Левушки, сунувшего ему со смехом конфету в рог в момент наивысшей опасности.

Вспоминал он и необычайный вид моря и столкнувшиеся водяные столбы в том самом месте, где ещё минуту назад находился его пароход, и странное выражение на лице И., выражение гармонии, мира и тихой радости, с которым он смотрел на весь этот ужас.

— "Человек должен жить так, — прозвучали в его памяти слова И., — чтобы от него передавались эманации мира и отдыха каждому, кто его встречает. Вовсе не входит в задачу простого человека становиться или пыжиться стать святым. Но задача — неременная, обязательная задача каждого — прожить своё простое, будничное сегодня так, чтобы внести в своё и чужое существование каплю мира и радости".

И снова он стал думать, дал ли он за всю свою жизнь хоть десятку людей каплю мира и радости? Капитан смотрел в лицо Мудреца, сумевшего, не ища популярности, стать не только известным всему миру, но и Богом для половины людей земли. Жизнь казалась капитану прожитой бесцельно и бессмысленно. Если бы сейчас ему предстояло окончить свою земную фазу жизни, с чем бы он ушёл? Добра, что он сделал людям, и в кулаке, пожалуй, не зажмёшь, а радости — и того меньше. Как же теперь начинать новую жизнь? Чем руководствоваться?

Не раз обдумывал капитан разговор с Флорентийцем у него в кабинете в деревне. И сейчас, как и каждый раз, когда он думал об этих замечательных словах, ему казалось, что он не в силах выполнить и сотой доли их. Он уже склонен был прийти в уныние, как услышал лёгкий стук в наружную дверь.

Капитан прислушался, убедился, что стук повторился так же негромко, но настойчиво, спустился вниз, чтобы не беспокоить семью старого слуги, единственных обитателей дома. Открыв дверь, капитан был изумлён, увидев на пороге высокую фигуру в плаще, в которой тотчас же признал Ананду.

— Вы, капитан, конечно, меня не ждали. Да и я, признаться, сам не знал час назад, что зайду к вам. Я бродил по затихшему городу с дядей, и он указал мне, что в вашем доме горит свет. И тут же, смеясь, прибавил, что в вашей душе не чернильная, но довольно серенькая тьма.

Ананда засмеялся своим особенным металлическим смехом, и капитан вспомнил, как Левушка называл смех Ананды звоном мечей.

— А так как дядя мой большой прозорливец, то он послал меня к вам, чтобы вас развлечь и рассеять мглу вашего духа, совершенно безосновательную.

Капитан хотел провести своего позднего гостя к себе в кабинет, но Ананда, пристально поглядев на него, сказал:

— Зачем нам в этот миг, когда я пришел, минуя все условности, зачем нам соблюдать условный этикет. Пойдём туда, где вы только что были, и попробуем побыть в том мире и свете, которыми наполнена атмосфера великого Мудреца.

Как здесь хорошо, капитан, — вновь сказал Ананда. когда оба они сели на низенький диванчик, где несколько времени назад сидел Джемс Ретедли в полном одиночестве. — Какая счастливая идея пришла вам на ум, капитан, украсить укромную комнату жены этой прекрасной статуей. Я не сомневаюсь, что ваш дед, собравший в этом доме такие редкие сокровища, был большим и мудрым человеком.

— Не знаю. Для меня было полным сюрпризом найти здесь Будду и старинную скрипку, не говоря обо всём прочем. Я был ещё мал и не мог понять сути ссоры брата и деда. И о Будде я не слышал никогда разговоров в родном доме. Но то, что я нашёл здесь Будду после того, как я нашёл вас и... человека моих мечтаний, Флорентийца, это помогло мне постичь величие Того, у чьих ног мы с вами сейчас находимся.

— Мой дорогой друг, взгляните на эти вдохновенные черты, на эту доброту, льющуюся в мир потоками. Путь этого принца-мудреца даёт каждому возможность осознать величие человеческой души. Ни в одно из мгновений земной жизни в нас не должно звучать одно только животное, плотское «я». И если хоть раз человек осознал, что жизнь вечна, если однажды ощутил себя в мантии этой вечности, — он уже никогда не покинет её, потому что не сможет больше жить в душных объятиях одних

только плотских, земных интересов.

Перспектива, открываемая знанием, вовсе не сразу даётся, как и художнику чувство перспективы. Книга духовного знания лежит не вовне, — она в сердце человека. И читать её может только тот, кто учится жить свой каждый день, в который вступает, непрестанно развивая своё творчество.

Нельзя сказать себе: хочу совершенствоваться. Или: всю жизнь я презирал середину, выбирал для себя только то, что мог поставить на пьедестал. И думать при этом, что только желание совершенствоваться или жить среди великих может привести тебя к чему-то высокому. Это всего лишь умствование, не имеющее в себе ничего творческого, здорового, могучего, что могло бы привести к Истине.

Действие, действие и действие — вот путь земного труда. Для чего вы перебираете своё прошлое, которого уже не существует и которое вы один воссоздаёте в ваших мыслях? Что даёт вам право в эту ночь, последнюю перед объявленным браком, сидеть в унынии и отрицании, вместо ощущения силы, радости, утверждения всего лучшего, до чего дорос ваш дух? Смотрите на этого божественно доброго мудреца. За ним шли толпы учеников и последователей, и он не ставил им никаких препон. Он говорил только: "Не отрицай". И если видел шедшего за ним следом в отрицании своей нынешней жизни, он говорил ему: "Уходи, друг. Научись жить, не отрицая, и тогда возвращайся".

Вы начинаете новую жизнь. Не мудрствуйте. Знайте твёрдо только одно: надо СЕГОДНЯ приготовить себя, чтобы завтра возле вас можно было отдохнуть, а не задохнуться. Надо СЕГОДНЯ отойти ко сну счастливым, зная, что сердце ваше жило в Вечном. Пустое дело искать счастья в чём-нибудь ином, кроме той Вечности, что звучит в собственном сердце.

Человеку, воспитанному кое-как суетливыми и суетными родителями, даже не ведавшими о чём-нибудь ином, кроме благ земных, невозможно сразу проникнуть в атмосферу гармонии и мудрости. Но каждый может, ЛЮБЯ Ближнего, думать о величии Света в нём самом и нести свой поклон Свету во встречном. Я взял на себя вас, вашу жену и вашу семью, потому что вы — не зная и не догадываясь — оказали мне величайшую услугу, возвратив кольцо дяди.

Я пришёл к вам сегодня, чтобы сказать, что у вас есть верный друг и хранитель жизни; в любую минуту внутреннего разлада назовите моё имя, и где бы я ни был, я всюду услышу вас. Вы можете и не услышать моего ответа, но я непременно услышу вас, и ответ мой придёт к вам, как

ДЕЙСТВИЕ Фактов вашей жизни, как развязка вашей внутренней драмы.

Вы напрасно страдаете по поводу тех или иных обстоятельств вашей личной жизни. Для вас искусство жить на земле состоит в одном: достичь полной верности. У каждого человека своя жизненная задача. Иногда земная жизнь даётся лишь для того, чтобы человек выработал только какое-то одно качество. Ваша задача: цельность. Цельность верности в мыслях и чувствах. Вам надо достичь гармонии, то есть равновесия духа и устойчивости его, и тогда ваш организм, психический, физический и духовный, МОЖЕТ начать творить.

Ананда подошёл к статуе Будды, в мл руки капитана в свои и положил их на чашу святого.

— Этими руками да прольётся помощь из чаши Твоей на землю. Да помнит это сердце, как Твоё дыхание мира и доброты, любви и сострадания, забыв о себе, изливалось на землю радостью. Да идёт по земле это сердце из плоти, в физическом своём теле передавая радость и уверенность каждому, радуя и ободряя встречаемых, да растёт это сердце в бесстрашии и верности Тебе, Твоим мудрости и миру.

Капитану казалось, что слова Ананды бегут по всему его телу, как электрический ток Волна спокойствия и уверенности точно смыла с него налёт грязи и печали. Капитан почувствовал себя включенным в какую-то новую силу, которой ещё никогда не ощущал. Ананда положил руки на плечи капитана, своими глазами-звёздами обласкал его и молча вышел из комнаты.

— До вечера, — сказал он в передней Джемсу и вышел на улицу, где уже начинался рассвет.

Оставшись один, Джемс снова прошёл в комнату отшельника II сел на тот же диван, где провёл с ним несколько часов Ананда. Теперь Джемс уже не спрашивал себя зачем такие люди, как Ананда и И., лорд Бенедикт и сэр Уоми живут в гуще людей, их грехов и страстей. Он много раз вспоминал, как Ананда и И. удивлялись его и Лёвушкиному недоумению, когда он причислял их к существам высшего порядка, обладающим какими-то чудесными силами, добытыми сверхъестественным путём. Они, смеясь, отвечали капитану, что любому ботанику управление пароходом казалось бы чудом до тех пор, пока он не обучился бы капитанскому искусству. Когда знание открывает глаза, всякое волшебство исчезает...

В образе Будды перед ним сияла жизнь обычного человека. Этот человек не требовал авторитета, никому не внушал фанатизма веры. Он просто учил любя побеждать, искать в себе мир, понимать, что в себе мы носим бесценную, дивную свободу. Капитан приблизился к самой чаше

святого, прислонился к ней головой и прошептал.

— Идти за Твоею мудростью хочу. Буду стараться видеть её во всём, что встречу в течение дня. Я знаю своё место во Вселенной, знаю, что я не обладаю должной духовной высотой, чтобы находиться подле них всю мою жизнь. Но встречи с высокими я не забуду и постараюсь начинать и завершать мой скромный день у чаши Твоей.

Он еще раз взглянул на прекрасное лицо Будды и тихо вышел из дома, где уже просыпались немногочисленные слуги.

Весь день семья Е., как и сам капитан, считали минуты, когда наконец поедут к лорду Бенедикту. Однако в семье лорда все были заняты текущими делами и мало думали о вечернем приёме.

Алиса сменила Дорию у постели больной матери, которая была уже в полном сознании, но по ужасу и смятению, наполнявшим её, казалась близкой к безумию. На все старания Алисы её успокоить леди Катарина твердила только одно:

— Если бы ты знала всё, Алиса, ты бы не только ласки своей мне не дарила, но не захотела бы даже войти в эту комнату. Я, я одна погубила Дженни и испортила половину жизни тебе. Что мне делать? Куда мне кинуться? Как помочь Дженни?

— Мама, милая, любимая мама. Какую жизнь вы мне испортили? Я была счастлива, я любила вас и папу, и Дженни, и охотно делала, радостно и просто то, что вам хотелось, и жалею, что не умела сделать больше. Теперь я знаю только одно: если папа не судил вас, а учил вас уважать, — он и сейчас подтвердил бы нам с Дженни ту же свою волю. Мамочка, перестаньте дрожать и бояться. В доме лорда Бенедикта нет места страху. Здесь для каждого есть защита.

Не успела Алиса произнести эти слова, как в комнату вошёл Ананда. Он точно внёс с собой весеннее солнце, так светел, весел и радостен он был.

— Вы, я вижу, Алиса, чем-то опечалены. А вот и разгадка, — продолжал Ананда, сядя у постели больной и всматриваясь в её заплаканное лицо. — О чём же плакать, мой добрый друг, — так нежно сказал Ананда, такая всепрощающая доброта была в его голосе, что леди Катарина схватила его руку, приникла к ней, и её горестные рыдания больно ранили сердце Алисы. Встав на колени, она приникла к Ананде и с такой мольбой посмотрела в его глаза, точно хотела отдать всю себя за мир и спокойствие матери.

— Встань, дитя. Не отчаивайся, не считай себя бессильной в такие моменты, когда видишь чью-то скорбь и отчаяние и думаешь, что не можешь ничем помочь. Не бывает, чтобы чистая любовь и истинное

сострадание оказались бессильными, не были услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые силы проявляются как мгновенная помощь встречному. Факты внешнего благополучия, а это единственное, что воспринимают люди как помощь, далеко не всегда являются помощью истинной. Но каждым мгновением, в которое ты излила любовь как самую простую доброту, ты ставишь встречного на единственный путь чистой жизни: на путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Разбив в сердце и мыслях страдальца представление о том, что жизнь ополчилась против него, что ему нет прощения, что будучи грешным, он не в состоянии выйти на путь Света и нести этот Свет другим, — ты разбиваешь перегородки авторитетов и предрассудков и прокладываешь новые борозды, по которым потечёт его мысль с этого мгновения.

Никогда не отчаивайся и силу понимай, как внутреннюю работу твоего собственного духа. И чем выше будут твои бескорыстие и радость, с которыми примешь в своё сердце чужую скорбь, чем увереннее ты будешь приносить свою любовь к милосердию своего Учителя, — тем вернее улучшится жизнь встреченного тобою страдальца. И тем скорее, проще, легче уйдёт от него очарование скорби.

Посадив девушку рядом с собой, Ананда положил свою руку на голову всё ещё рыдавшей пасторши и тихо ей сказал:

— Разве вы льёте эти слёзы о дочерях? Ведь вы плачете сейчас о муже, о том, что вы его не поняли, не оценили вовремя его чести и доброты и не доверились ему. Вникните в тот голос совести, что так раздирающе кричит в вас сейчас. Ведь вы плачете о себе.

От лёгкого прикосновения руки Ананды леди Катарина затихла. У неё хватило сил приподняться и посмотреть в лицо того, кто пришёл коснуться её гнойных ран, так как леди Катарина вдруг подумала, что чистому взору Ананды она должна представляться чем-то вроде прокажённой. Эта мысль мелькнула в её уме на секунду, но голос говорившего увлек её за собой целиком.

— Думайте о Дженни. Непременно думайте как о любимой дочери, осуждению которой нет места в вашем сердце. Но не считайте, что для вечности имеет какую-либо цену то, что вы сострадав плачете, мечетесь, бурлите негодованием или какими бы то ни было страстями, пусть даже они кажутся вам святыми. Только в деятельное сострадание может проникнуть энергия мировой любви Вечного.

Поймите раз и навсегда: вам надо жить в любви, в труде для Дженни. Если прекратите плакать, то сможете соединиться с нею через какое-то

количество лет, чтобы помочь ей освободиться от зависти, которая бросила её сейчас во власть тьмы. Не станете ведь вы отрицать, что изо дня в день своим раздражением и ложью вы складывали для неё ту неприступную стену, за которой она находится сейчас. Это вы, камень за камнем, складывали стену вокруг дочери: и теперь, по камушку, только вы одна можете её разобрать.

Вашими орудиями труда могут быть только спокойствие и мир. Вы сможете начать свою работу любви и освобождения дочери только в том случае, если научитесь не повышать голоса ни при каких обстоятельствах. И не только удерживать словесный поток и думать о каждом слове, которое произносите, но ещё и ясно сознавать, что творимое вами в этой комнате раздражение распространяется быстрее электрической грозы в эфир Вселенной.

Вы абсолютно здоровы. Вставайте, начинайте трудиться, если действительно любите Дженни и хотите ей служить. Если прежде вы выливали мусор своей души и грязнили им Вселенную, то теперь вы должны выработать в себе новые привычки, и в первую очередь научитесь радоваться, научитесь смеяться и не осуждать.

Начните с самого простого и смиренного труда. Всю жизнь вы были ленивы и только и делали, что изображали из себя леди. Снимите теперь все хозяйственные заботы с Дории, которая должна начать сейчас другое дело. Учитесь в серых буднях и делах общаться с людьми и вырабатывайте выдержку. Забудьте свои классовые предрассудки и обращайтесь с каждым слугой и торговцем так, как будто перед вами в каждом из них стою я и вы говорите со мною. И я увижу, насколько вы искренни, когда утверждаете, что чтите меня, — улыбаясь, закончил Ананда. Не дожидаясь ответа пасторши, он покинул комнату, оставив мать и дочь в разном состоянии духа.

Глаза Алисы, сиявшие не меньше глаз самого Ананды, выражали её полное понимание глубочайшего смысла сказанного. В поведении матери, ей предписанном, она видела почти единственную для леди Катарины возможность выработать самообладание, хоть как-то воспитать себя. И вместе с тем она ни секунды не сомневалась в том, что жестокое разочарование, даже отчаяние должна чувствовать сейчас её мать, всю жизнь ненавидевшая хозяйство, порядок в доме и тот упорный, мелкий труд, который с этим связан. Она лихорадочно придумывала, какие бы заманчивые стороны этой работы, которой можно было бы отблагодарить лорда Бенедикта за всё, показать матери.

В душе леди Катарины образовалась какая-то пустота. Она поняла, что

в том состоянии смятения, в каком она теперь живет, она ни на что не годна. Слова Ананды проникли ей в сердце. В нем уже не было привычной лжи. Пасторша вынуждена была признаться себе, что слёзы её были слезами запоздалого сожаления. Теперь только она увидела мужа таким, каким его видели другие. Браццано больше не занимал никакого места ни в её сердце, ни в мыслях. Муж и Алиса представлялись её открывшимся духовным глазам какими-то новыми людьми, и в ней просыпалось новое чувство. В ней зарождалась сила жить, поддерживаемая этими непривычными для неё образами, и она пускала ростки в самой глубине сердца. Одно только знала твёрдо леди Катарина: что не будет протестовать против назначенного ей Анандой. Но как взяться за этот труд, она знала так же мало, как дровосек о тонкостях скульптуры.

Мать и дочь встретились взглядами. Ни слова не сказали они, но обе поняли, что о старой жизни леди Катарины и речи быть не может. Всегда возмущавшаяся, когда муж указывал ей на необходимость труда, пасторша думала сейчас только о своей неопытности и полной непригодности к предстоящей ей задаче. В прежнее время она и не подумала бы послушаться и встать с постели. При малейшем нездоровье она оберегала себя чрезвычайно. Теперь же, чувствуя себя совсем разбитой и обессиленной, она немедленно стала одеваться. Помощь Алисы, казалось, давала ей новые силы. Она видела теперь в дочери не девочку-подростка на побегушках, не швею, необходимую в доме, но подругу, в сердечном участии которой не сомневалась.

— Мама, вы не думайте, что всё это хозяйство так сложно. Во-первых, вам самой не придется бегать по рынку или стоять у плиты. Здесь есть отличный повар и экономка. Вам надо будет только вести весь дом, следя за расходами, и заказывать всё то, что лорд Бенедикт будет считать нужным. Обычно он сам отдавал Дории краткие и точные указания.

— Ах, детка, я так боюсь лорда Бенедикта! Ничего кроме благодеяний я от него не вижу. Но когда оказываюсь в его присутствии... Я знаю, что защищена, и всё же, когда о нём думаю, меня пронизывает страх. Я как карлик перед великаном, всё вспоминаю, как его глаза приклеивали мои ноги к полу. Ну как я войду к нему за распоряжениями? Если бы ты знала, как у меня сжимается сердце. Знаю, что надо жить по-новому. И не могу понять, как свести концы с концами за целый месяц. Сколько раз твой отец просил меня об этом, заводил мне тетради, показывал, пытался помочь, а я только хохотала и вырывала листы. И ничего-то я не умею.

— Я буду помогать вам, дорогая. Да и Дория не оставит вас, пока не обучит всему.

Алиса помогла матери расчесать её густые, прекрасные волосы, такие теперь серые, а не бронзовые, как прежде, и, заглянув матери в глаза, сказала:

— Если вы любите сейчас папу, мамочка, то вы непременно все сумеете. Ведь не только ради Дженни, но и для спокойствия папы вам надо в работе найти себе оправдание. Мы вместе будем трудиться. Сейчас мне надо идти играть. Я знаю, что скоро вернётся Дория, которая сейчас сидит с экономкой. Попробуйте прислушаться к тому, что они делают, а вдруг это и не покажется вам трудным.

Поцеловав мать, Алиса спустилась вниз. Леди Катарина всё же не решилась вмешаться в дела Дории без её приглашения. Да и чувствовала она себя такой слабой, что с трудом дошла до кресла. В первый раз в жизни она подумала, что кроме пустых романов на родном языке она ничего не читала, что и здесь она не шибко-то грамотна, а по-английски пишет с грубыми ошибками. Она подошла к книжной полке и взяла первый попавшийся ей том Шекспира. Открыв «Гамлета», которого она, к стыду своему, никогда не читала, она принялась за чтение, поджидая Дорию.

Между тем в кабинете лорда Бенедикта шёл разговор между хозяином, его прибывшими друзьями и Анандой. О чём именно они говорили, никто из обитателей дома не знал. Через некоторое время лорд Бенедикт позвонил и приказал вошедшему слуге позвать Николая и Дорию. Когда они оба пришли, то увидели, что все присутствующие были в длинных белых одеждах, похожих на индусское одеяние.

— Мой друг, — обратился сэр Уоми к Николаю. — Я видел Али и привёз тебе письмо и вот этот хитон. Он просит выполнить все его указания, их ты найдёшь в письме, а также принять в своём доме в Америке одного из его друзей, которого ты немного знаешь. Помнишь ли ты того немого, что жил в горах, где ты впервые повстречал Али? Речь идёт о нём.

— Я не только вижу перед собой молчаливого, любезного хозяина сакли, но до сих пор помню оставленное им впечатление. Мне чудилось, что этот молчальник вовсе не немой, так продолжаю думать и сейчас. Но всё равно, в каком бы виде ни желал Али поселить его в моём доме, паша с Наль радость будет огромна, и всё, что пошлет нам жизнь, мы разделим с ним. Одно только — и это известно вам, сэр Уоми, — ни у меня, ни у Наль нет ничего. Мы пришельцы в доме нашего друга и отца Флорентийца. Но всё, что нам даётся, мы разделим с гостем Али.

— Считаю, Николай, что в Америке я буду твоим гостем, — сказал Флорентиец. — И разговаривай, как хозяин и глава дома.

— Можешь ли ты, — продолжал сэр Уоми, — дать приют не только немому, который теперь отлично научился говорить, но и помочь группе людей, которые вместе с ним приедут к тебе от Али? Желаешь ли ты лично помочь им организовать маленькое ядро, сердцевину твоей будущей общины? Желаешь ли ты стать во главе этих людей и создать нечто вроде небольшого культурного посёлка, куда через шесть-семь лет могли бы приехать уже многие? Обдумай ответ.

Надо подготовить такую высококультурную ячейку, чтобы приехавшие сразу нашли возможность влиться в коммуну, где были бы раскрепощены от давящей дух собственности. И где труд на земле был бы облегчён до максимума. Чтобы каждый из членов твоей общины мог свободно работать, делая то, что выберет из любви именно к этой форме труда.

— Если бы я думал много часов, всё равно не мог бы придумать слова, в которые вылилась бы моя радость, сэр Уоми. Одно могло бы меня смутить: если бы я был менее смиренным и колебался в моей верности Али, я думал бы над тем, достоин ли я этой чести. Но я знаю, что иду так, как видит и ведёт меня мой Учитель.

— У меня также будет к тебе просьба, — сказал князь Сенжер. — Я хотел бы теперь же послать с тобой двух учеников, очень образованных инженеров-механиков. Я дал им задание по технической разработке новых летательных аппаратов. Ты сам крупный математик, так что в этой части они будут обеспечены помощью. Я просил бы тебя, если ты захочешь мне помочь, создать им все условия для научной работы, а через несколько времени я пришлю к тебе ещё партию рабочих, которых тоже прошу принять в члены новой общины. И сам я через год-другой приеду к тебе ненадолго, так как очень интересуюсь развитием механики в этой области.

Вообще, Николай, если ты не отказываешься взять на себя эту нелёгкую задачу организации уголка жизни на новых началах, при новом понимании, что такое "воспитанный человек", как говорит об этом твой последний труд, то Флорентиец, едущий с вами, тебе во всём поможет, — снова сказал сэр Уоми.

— Для организации музыкальной стороны жизни у тебя будет Алиса, а для целей воспитательных ревностным помощником тебе будет Наль. Потом приедут Сандра и Амедей, которому придется изучать строительное дело. Сандра же, со своей всепоглощающей памятью, изучит в короткое время всё, что будет необходимо для агрономии. Сейчас они не поедут, так как на первых порах у тебя под началом должны быть абсолютно выдержанные люди, занятые определённым трудом.

Это пока всё, что я могу тебе сказать. Далее Али будет сноситься

непосредственно с тобой и Флорентийцем. Он решил подойти очень близко к этому делу и будет уделять тебе столько времени и забот, сколько тебе потребуется. Что же касается выбора места и времени, когда ты сможешь принять людей, о которых я и Сенжер тебя просили, это уже дело твоё и твоего помощника Флорентийца. Помни, друг, что именно ты должен стать главою нового дела и взять на себя всю ответственность.

Сэр Уоми подал Николаю два объёмистых письма с крупным, чётким почерком, в котором он тотчас же узнал дорогой ему почерк Али, и два больших пакета, один из которых предназначался Наль.

— Теперь, друг Дория, речь пойдёт о тебе, — сказал князь Сенжер. — Твоё бескорыстие и деятельная энергия всё последнее время убедили нас, что для тебя настало время действовать более масштабно. Тебе даётся поручение. Оставаясь подле Ананды, ты должна выполнить самостоятельно несколько дел в борьбе с Браццано и его подручными. Не имея понятия о том, чьё имя скрыто под псевдонимом Бенедикт, Браццано решил, что здесь не потребуются большие силы, и прислал тех, кто мог обольстить пасторшу и Дженни. Зная хорошо леди-мать, Браццано выведал у неё всё, что ему нужно было знать о её дочерях. Но расчёт был сделан им легкомысленно, в чём убедились все, кого он сюда прислал.

Мы уедем лишь после того, как проводим в дорогу Флорентийца и всех, кого он решит взять с собой. Ты же останешься с Анандой здесь, и на твоём попечении будет пасторша. Я знаю, как трудна тебе эта ноша: колебания и вечный страх пасторши будут всё время мешать тебе и нарушать в тебе самой устойчивость и гармонию. Но, видишь ли, нет такого места во Вселенной, где мог бы уединиться человек, желающий жить для общего блага. Нельзя нигде спрятаться от суеты и людских страстей. Нельзя искать покой и мир для себя в какой-то внешней отъединённости от всех и тишине. Но должно и можно стойко стоять среди житейских бурь; можно ясно видеть везде и в каждом единственную силу — Жизнь, и тогда гармония твоя не разрушится.

Этого человек достигает, когда интересы его поднялись выше его собственной личности, когда он сливает каждый свой вдох с жизнью Вселенной.

Закаляйся подле пасторши; своею скорбью, суетой, слезами и постоянным качанием маятника вверх и вниз она стоит целой толпы. Не думай о том, как мелки или ужасны её переживания; заботься только о том, чтобы научиться быть такой стойкой, что она утихала бы подле тебя.

Ласковость, какая-то особенная величаявая вежливость в сходили от Сенжера. Он посмотрел на Дорию, ещё раз ей улыбнулся и продолжал:

— Теперь, когда ты, друг, по опыту поняла, какой тяжестью ложится нарушенный учеником обет на его водителя, ты останешься подле Ананды, чтобы стать для него тем верным помощником, на которого он сможет положиться как на точного и немедленного исполнителя его указаний. Будь мужественна до конца. Ты вовсе не должна быть неотлучно при Ананде. Ученик больше всего помогает Учителю не тогда, когда живёт и действует подле него, в непосредственном общении и физической близости. Но когда созрел для полного самообладания и может быть послан один в гущу людей, в пучину их страстей и скорбей. И в эти периоды разлуки с Анандой ты, не обладающая ни сверхсознательным слухом, ни зрением, всегда будешь иметь весть от своего Учителя, весть точную, переданную непосредственно от него.

Ты смотришь удивлённо, и всё твоё существо выражает один вопрос: "Как?" Более чем просто. Нужно — и муравей гонцом будет. Никогда не обращай внимание на то, кто подал тебе весть. Разбейся в том, какая пришла к тебе весть.

Первая из задач твоего самовоспитания сейчас — гнать от себя тоску, иногда тебя посещающую. Гони её, но не от мысли, что в ней нет творчества, что каждый, кто с тобой в этот час встретился, неизбежно поглотил частицу волнения и подавленности из окружающей тебя атмосферы. Гони тоску любя, понимая, какая огромная сила льётся из тебя, если в чаше сердца твоего не застряло ни единой соринки людской скорби — ты вылила всё в чашу Ананды.

Только тогда, когда в твоём сердце мир и тишина, ты можешь вложить всё собранное тобою за день человеческое горе в чашу Учителя. Только в этом случае твой огонь Вечного не зачадит, не мигнёт, заваленный человеческими страстями. Не мигнёт, но соприкоснётся с пламенем Ананды, и доброта его освежит страдающих и пошлет им помощь.

Вбирая в себя мутную волну земного дня, иди в подлинной простоте и покое. Старайся не поддаваться предрассудку сострадания, требующего сочувственных слёз, поцелуев, объятий. Но живи, истинно сострадая, то есть стой в мужестве и бесстрашии и неси огонь сердца так легко и просто, как идёт всякий, знающий о жизни вечной и её движении. Тогда поклон твой огню встречного будет непрерывным током в тебе труда Ананды.

Обняв Дорию, князь Сенжер увёл её в свои комнаты. Ананда вышел с Николаем, чтобы переговорить с Алисой о вечерней музыке. Лорд Бенедикт и сэр Уоми вызвали к себе Сандру и Амедее.

Глава 18

ВЕЧЕР У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. СВАДЬБА ЛИЗЫ И КАПИТАНА

Наконец-то дождалась Лиза того мгновения, когда можно было уединиться в своей комнате под предлогом отдохнуть и поупражняться на скрипке. Весь день графиня волновалась, спорила с мужем и дочерью по всяким пустякам, касающимся завтрашней свадьбы. Лиза непременно хотела венчаться в платье, подаренном ей Флорентийцем, отвергая вечную фату и флёрдоранж.

Граф, убедившись, что отпраздновать свадьбу дочери с шумом и блеском не удастся, склонился к простоте и соглашался во всём с Лизой. Но мать, для которой во всём поведении Лизы было так много неожиданного и непонятного, расстраивалась, повторяя без конца: "Всё не по-людски", и требовала, чтобы был соблюден внешний декорум. Для чего же потратили тысячу рублей на подвенечное платье? Для чего везли сюда драгоценное кружево и фату прабабушки? Видя, что каждую минуту может разразиться сцена и угадывая её внутреннюю причину, Лиза улыбнулась матери, говоря:

— Меньше всего, мама-подруга, я хотела бы огорчить тебя в последний день нашей совместной жизни. Если тебе будет приятно видеть меня снежным комом, — я рада им быть эти несколько часов моего венчания.

Успокоив родителей, она ушла к себе, сказав, что сегодня-то уж наденет платье лорда Бенедикта, которое полюбилось ей особенно. Спорить на этот счёт — по тону Лизы мать поняла — было бесполезно. Оставшуюся в одиночестве графиню снова стали одолевать тысячи вопросов, которые сводились к одной мысли: как же она воспитала дочь, если могло случиться то, что теперь произошло? Чья здесь вина? Насколько глубока её собственная вина? И вина ли это, если она загладится так скоро, уже завтра, церковью?

Надевая одно из своих лучших платьев, графиня не могла не заметить, что сегодня она как-то особенно моложава, что волосы её легли волнами, что парижское платье чудно обрисовывает её прекрасно сохранившуюся фигуру. "Скоро конец всему. Скоро вообще уже не придется одеваться и выбирать туалеты себе и дочери". Её мысли сделали какой-то вольт, пробежались по семье лорда Бенедикта и вернулись к собственной. Какая огромная разница! Но в чём она? Перед духовным взором графини

мелькнуло слово: «Труд». По словам самого лорда Бенедикта и Николая графиня составила себе мнение, что все они постоянно чем-то заняты. Её муж и Лиза тоже постоянно чем-то заняты. У одного всегда было большое хозяйство, которое он всё время улучшал, но графиню это никогда не интересовало. У Лизы был божок: музыка. В ней она неустанно совершенствовалась и иногда трудилась, словно чернорабочий, как смеясь говаривала графиня. В музыке Лиза жила, по ней тосковала. Графиня же находила, что такой труд есть рабство, а не наслаждение. И сейчас, всё ещё слыша вдали музыкальные фразы, графиня стала волноваться и послала сказать дочери, что пора одеваться.

Осмотрев туалет Лизы, которая вышла из своей комнаты только когда ей сказали, что приехал жених, графиня не удержалась, чтобы не заметить, что для своих лет Лиза одета слишком «по-взрослому». Вызванный её замечанием хохот её поначалу смутил, она решила было рассердиться, но кончила тем, что сердечно обняла дочь и присоединилась к общему смеху. Что касается самой графини, то в этот вечер её трудно было принять за мать Лизы. Даже Джемс был озадачен тем, какими чарами наградил её туалет и что именно так изменило её. Через несколько минут все сидели в карете, скрывая друг от друга своё волнение, и спустя полчаса уже входили в холл дома лорда Бенедикта. Едва они сбросили плащи и шали, как к ним вышел Николай, а вдали уже виднелась высокая фигура хозяина, шедшего им навстречу. Лорд Бенедикт, подав графине руку, сразу повёл гостей в музыкальный зал, где собрались все его домашние и друзья.

Бывавшие в самых высших слоях общества, привыкшие везде чувствовать себя желанными и важными гостями, граф и графиня R здесь застеснялись. Лорд Бенедикт, шутя и смеясь, знакомил их со своими недавно приехавшими друзьями. Казалось, каждый из представляемых был безукоризненно вежлив и приветлив, а у графини и её мужа было ощущение, точно к ним заглянули в сердце, раскрыв его до дна, и все самые затаённые их мысли стали известны.

— Начнём с музыки, — обратился к Алисе и Лизе лорд Бенедикт. — Мы быстрее познакомимся и освоимся, если звуки вырвут нас из привычной манеры воспринимать всякое свидание как дозволенный этикетом ряд слов и действий.

Сегодня такой важный день в жизни Лизы и Джемса, что хочется поздравить их, молодых и чистых, мужа и жену, в не совсем обычной обстановке. Сегодня хочется создать им род такого моста в новую жизнь, где бы им диктовала духовная сила. В этот вечер пусть музыка раскроет в каждом из нас всю любовь, на которую мы способны, и доброжелательство.

И всю любовь мы выльем сегодня на наших новобрачных.

Графиня с удивлением взглянула на лорда Бенедикта, и щёки её залил яркий румянец. Граф тоже был удивлён, но решил, что по английской моде жених и невеста уже накануне свадьбы зовутся мужем и женой. Лиза и Джемс тоже взглянули друг на друга с беспредельной преданностью. Они, казалось, не замечали, что стали центром внимания, даже наоборот, принимали всеобщее внимание и слова хозяина как нечто естественное, неотъемлемое, что не может их ни стеснить, ни сконфузить.

Ананда подошёл к ним, взял скрипку из рук Джемса и отнёс её к роялю, где уже была Алиса.

— Если уж играть при вас, то только до вас, — сказала Лиза, беря инструмент в руки. — Я ещё не слыхала вашей игры, но думаю, что после вас рука моя была бы не в силах поднять смычка.

— Моя и ваша песнь любви разные, конечно, — ответил Ананда. — Но будет в них и нечто общее: они будут торжествующими. Играйте сейчас, стоя перед вашим Буддой, — прибавил он так тихо, что слышала только одна Лиза, — и вы проникнете на ту вершину счастья, где творческий встречает Творца.

Ананда взял Джемса под руку, увел его в дальний угол, где сидел князь Сенжер, и усадил капитана между собой и дядей. Лорд Бенедикт тоже сидел в отдалении, между супругами Р. Остальные члены семьи разбрелись по огромной мало освещенной комнате, и в круге яркого света у рояля остались только две девушки. Белое платье с чёрными, в знак траура, кружевами на Алисе и зелёная с серебром лилий парча на Лизе, её роскошный, сверкающий веночек на голове, её страстное лицо и порывистые движения, — как непохожи были эти девушки! Ничем не убранная голова Алисы тоже казалась сверкающей в ореоле её волос. Генри, сидевший рядом с матерью, шепнул: "Мама, я хорошо помню вас такой".

Скрипка и рояль разом и неожиданно зазвучали. Никто не был готов к тому, что так вдруг нарушится молчание. Когда графиня подняла голову и посмотрела на дочь, она едва удержала возглас. Уже несколько раз за последние дни она видела свою дочь какой-то преображенной. Мать считала, что это любовь сделала Лизу почти красавицей. Но лицо, которое она видела сейчас, — это был кто-то другой, но не её гурзуфская Лиза. Рука, правда, всё та же, Лизина прекрасная рука. Но как она водила смычком! Никогда прежде у Лизы не было этой уверенности удара, этой лёгкости и гибкости. Лиза сейчас играла шутя. Она жила где-то не здесь. Губы её сжимались и внезапно раскрывались в улыбку, головка и тело то

гибко выпрямлялись, то чуть склонялись. Нет, положительно графиня никогда не видела Лизу такой. "Да она Бога воспевает", — мелькнуло у неё в уме. И впервые она поняла, что дочь не божка себе сотворила из музыки, но что Бог в ней, в её сердце, что Бог всей жизни её была музыка, что рядом с этим Богом нет никого, что без музыки немыслима сама Лиза, как невозможны лучи без солнца. Что играла Лиза, как аккомпанировала ей Алиса, — графиня не знала.

Она не понимала сейчас и не воспринимала музыкальных фраз, она слышала только песнь Лизиного сердца. И мать размышляла, где же, когда и как могла эта девочка так понять жизнь, чтобы передать струнам крик, мольбу и раны собственного сердца. Лиза опустила скрипку. Глаза её, как у слепой, оставались несколько мгновений устремлёнными в одну точку. Наконец она вздохнула, положила скрипку на рояль таким тяжёлым жестом, как будто та весила пуд, и тихо сказала:

— Больше сегодня играть не могу.

Ананда подошёл к ней, усадил её на своё место и вернулся к роялю.

— Ну, Алиса, друг, теперь моя очередь, — беря виолончель, сказал он. — Не так давно я играл эти вещи в Константинополе и за инструментом сидела брюнетка. Кое-кто из присутствующих её знает, а кто-то и игру её слышал. Надо отдать ей справедливость, выше пианистки я не знаю.

— Ты, Ананда, удачно ободряешь Алису, — рассмеялся лорд Бенедикт. — Я и без твоего введения вижу, как у бедняжки трясётся от страха сердце.

— О, если бы хоть одна десятая доля женщин мира была так мало знакома со страхом, как Алиса, в мире не было бы места ни тьме, ни злу, — ответил Ананда. — И что ещё важнее в неустрашимой Алисе, что музыкальность её выросла во всё её существо. Гармония в ней чиста, как строй гаммы, и не может переносить фальши. Её гармония не знает соревнования, не может расстроиться от звучащих рядом фальшивых нот. И ни один порыв, кроме чистой любви, не может её всколыхнуть. Там, где Алиса, там каждому легко, если в его страстях нет зла. Злое задохнётся. Счастливец тот, кто будет её мужем.

— Ну, Ананда, если ты будешь продолжать таким образом, то уж не розы, а, пожалуй, пионы зардеют на щеках Алисы, — раздался голос Сенжера. — Вы не смущайтесь, Алиса; когда Ананда готовится играть, колесо его жизни сразу поднимает его в такие высокие сферы эфира, что он почти перестаёт воспринимать обычную речь и обычную жизнь. Он видит небо в алмазах и несёт его горькой земле. Я уверен, что сегодня и вас он увлечёт за собой.

Голос князя, ласковый, негромкий, но такой чёткий, что во всех углах было слышно каждое слово, умолк, и в наступившей тишине раздались первые звуки. Когда играла Лиза, графиня не слышала пианистки. Она была переполнена дочерью и слушала только скрипку. Она поразилась теперь, что рояль пел так радостно и так мощно. Но мысль графини внезапно оборвалась, в комнате раздались иные звуки... И всё вострепнулось, вздрогнуло. То был человеческий голос, которым пела виолончель.

"Так вот что такое музыка, когда творящий встречается Творца", — подумалось Лизе. По лицу её катились слёзы, руки были сжаты, глаза не отрывались от лица Ананды. Сидевший рядом с нею Джемс, несколько минут назад утопавший в любви, которую воспевала Лиза, чувствовавший, казалось, что это сама жизнь звучит в её струнах, сейчас забыл, что уже слушал музыку. Ему чудилось, что он и жить-то начал только теперь, когда запела виолончель. Опять, как в Константинополе, он услышал борьбу, страсти и скорби людей. Слёзы и стоны земли оживали под смычком Ананды. Но всё покрывала пелена радости, утешения, умиротворения. У рояля сияло, будто оно было не из плоти, преображенное лицо Алисы. Слушателей опять захватили волны вдохновения. Но песня Ананды рассказывала о том, на что способна самоотверженная любовь. Музыка Лизы выражала её личные желания, порывы её страсти и мечты, она говорила, что текущее мгновение ценно настолько, насколько заинтересовано в нём собственное «Я».

Эти мысли мелькали в голове Джемса. Он посмотрел на Флорентийца, на человека своих мечтаний, ставшего теперь человеком из плоти и крови. И, пожалуй, тот, кого он сейчас видел, был несравненно выше того, что мог представить Джемс в своих мечтах. Прекрасное лицо Флорентийца сейчас сияло огнем вдохновения. Необычайные зелёные глаза глядели перед собой с такой лаской и состраданием, точно он посылал песню Ананды куда-то вдаль, старясь охватить всё больше и больше людей. Джемс увидел слёзы Лизы и понял, как напряжены её дух и сердце, понял, что и ей открылось новое понимание музыки. Графиня сидела, закрыв лицо веером, и её вздрагивающие плечи говорили о том, в какую бездну заглянула она, считавшая до сих пор, что центр и смысл жизни — её собственная семья. Очевидно, и для неё наступал перелом в оценке жизни.

Граф, на которого потом взглянул Джемс, порастил его своим видом. Лицо его было бледно, точно он внезапно заболел. Глаза смотрели не отрываясь на Ананду. Он был похож на подсудимого, который признал свою вину за неверно прожитую жизнь. Звуки всё лились, и состояние

Джемса менялось. Ему представилось, что он опять стоит у чаши Будды. Ему становилось всё легче, точно растворялось какое-то неведомое ему самому бремя. И он понял, что в сердце его так легко и тихо потому, что над ним больше не властно ничто внешнее. В нём тоже совершался духовный переворот. Песнь Ананды как будто вытащила его из футляра тела, где он живёт временно, сейчас, и показала ту жизнь его духа, его Вечности, где нет ни времени, ни пространства.

Он понял, что для тех высоких сил, о которых поёт Ананда, время уже не существует. И, главное, каждый может попадать в эти сферы не потому, что стал святым или совершенным, но потому, что осознал в себе Начало всех Начал и может на одно мгновение отбросить всё условное, что необходимо ему победить. Капитан понял, что только при этом условии человек МОЖЕТ прийти к началу того пути, на котором становятся Анандой, Флорентийцем и другими не менее, а может быть, и более высоко идущими и творящими людьми, о которых он, капитан, ничего не знает.

Ананда кончил играть, отложил виолончель, оглядел всех своими сияющими глазами и подошёл к Алисе, продолжавшей сидеть у инструмента. Он поклонился ей, благодаря за редкостное сопровождение, и подал ей несколько нотных тетрадок, показывая, что он собирается петь. Он точно не замечал впечатления, произведённого его игрой. Но не потому, что того требовала его воспитанность; он творил сейчас не только для тех, кто его окружал, он видел кого-то ещё, кого не мог видеть Джемс и все те, кто жил порывами и планами одной земли.

Ананда запел. Леди Цецилия встала и обняла Генри, который тоже больше не мог сидеть. Он смотрел не только на Ананду, но и на Алису. Леди же Цецилия впилась глазами в Алису. Она знала эту песнь, знала, что со второго куплета должна вступить Алиса, и боялась, что девушка разрушит очарование того мира, куда увёл всех певец. Голос Ананды покорила её целиком, в ней проснулось желание молиться. И каково же было её удивление, когда она услышала, как переплетаются два голоса. Она даже не заметила, когда вступил женский голос. Она слышала сейчас не музыкальные фразы столь знакомой ей песни, что пела в юности с братом, а только гимн счастья, гимн Жизни.

И ещё один человек, невидимый гостям, впитывал музыку Ананды. Услыхав вдали звуки, пасторша спустилась с лестницы и пошла на них. Она остановилась у двери в зал как раз в тот момент, когда начал играть Ананда. Немзыкальная от природы, ненавидевшая музыку и пение больше из-за того, что её постоянно раздражал муж, чем на самом деле, пасторша сейчас не понимала, что с нею творится. Ей определенно казалось, что это

не звуки инструмента, а какое-то обличительное обращение прямо к ней. Ей чудился в звуках повелительный приказ пересмотреть всю свою жизнь. "Дженни, Дженни, дитя моё, что же я наделала? Я ведь тебя всем сердцем любила. Всей душой хотела, чтобы ты была счастлива".

Когда же Ананда запел любимую песню пастора и голос Алисы присоединился к нему, бедная женщина опустила на колено, уткнувшись лицом в подушку дивана, чтобы заглушить рыдания. Вдруг чья-то рука нежно коснулась её плеча, и по всему ее телу разлилось успокоение.

— Встаньте, Друг, — сказал ей незнакомый, ласковый голос. — Сядьте рядом со мной и постарайтесь вникнуть в то, что я скажу вам.

Князь Сенжер помог обессиленной женщине встать, провёл рукой по её растрепавшимся волосам и усадил на диван возле окна, в которое лился мерцающий свет луны. При этом свете разом успокоившаяся леди Катарина увидела стройного человека, манеры которого и величавость говорили ей, что перед нею не только человек из высшего света, но что он привык повелевать и вряд ли ему можно не повиноваться. В неверном лунном свете она не могла решить, сколько лет незнакомцу. Она понимала только, что он пришёл не судить, как судила песня Ананды.

— О нет, песня не судит вас. Песня зовёт вас, зовёт к новой жизни и энергии. Сколько бы ни жил человек, он может ещё и ещё развиваться. Ещё и ещё раскрываются в нём новые силы, которых он не замечал в себе вчера и думал, что их вовсе в нём нет.

Вы думаете сейчас, что погубили дочь, когда отдали её Бонде и компании. Нет, мой друг, вы погубили её, когда зачали во лжи, когда во лжи родили, когда каждый день осеяли раздражением её колыбель, её детство, её юность и, наконец, когда свели с женихом, присланным вам тем, кто вас в юности обманул и бросил.

Что защищало вас и Дженни от полной гибели до сих пор? Кто охранял вас каждый день от несчастья упасть туда, где вы обе очутились сейчас? Два существа: муж и Алиса. И обоих вы презирали и мучили как только могли всю жизнь. Вы плачете сейчас. Вас озарило понимание красоты и любви. Песня, которую так часто пели близкие вам люди, внесла сейчас в ваше сердце жажду принять участие в какой-то иной жизни. В жизни, где и вы могли бы соединиться с людьми в сфере красоты и преданности, искупить вину перед Алисой, ещё оставленной вам Жизнью.

— О синьор, я сейчас молю Бога только о Дженни, потому что знаю, что Алиса не может попасться на заманчивую удочку удовольствий и богатства. Алиса потому живёт у лорда Бенедикта, что она такая добрая и кроткая, такая труженица, ей непременно должна была встретиться

подобная обстановка, где бы се вознаградили за всё. Но Дженни, Дженни! Что будет с Дженни? Неужели я не могу ей теперь помочь? Пусть всё падёт на меня одну. Я понимаю мой грех перед мужем. Понимаю, что делала не так. Я хочу обратиться к Бонде и пообещать ему что угодно, только пусть он отпустит Дженни.

Пасторша смотрела в ласковое лицо незнакомца, и ей показалось, что на нём мелькнула улыбка.

— Если бы вы, друг, дали тысячу обещаний Бонде, это не помогло бы сейчас ничему. Ваш Бонда, как и Браццано, были бы бессильны властвовать над Дженни, если бы в самой себе она не носила адских мук зависти и злобы, которые жгут её. Всё, чем вы можете помочь Дженни, это ваш труд над собою. Каждая вспышка раздражения, которую вы победите в себе, — ваша помощь дочери. Вы хотите защитить её. Как можете вы быть ей полезной, если не владеете ни одной своей мыслью так, чтобы она шла четко, ясно, цельно, до конца охватывая предмет, о котором вы думаете?

Вы вообразили себе, что дочь будет спасена, если вы будете подле неё. Но чем, живя с нею рядом, вы её охраните? Сотней перемен в вашем настроении за день? Сотней поцелуев и объятий? Ещё сотней неразумных, необдуманных слов и предложений? Вам всё хочется получить совет, который был бы очень умен и выполнив который вы начали бы новую жизнь. Но все новые дела, духовно более совершенные, делаются не по чьим-то советам, а от той новой энергии, что исходит от человека. Если вы не можете даже удержаться от слёз, то что же вы можете полезного делать для других? Ведь для этого нужны чистая воля человека и такая его любовь, когда он должен забыть о себе и действовать, действовать, действовать, ясно видя перед собой только тех, для кого он хочет трудиться. Видеть же, как правильно действовать, могут только те глаза, что потеряли способность плакать. Каждый, кто плачет при ударах жизни, разрушает свою неустойчивостью атмосферу вокруг себя. Разрушить её легко, но воссоздать спокойствие очень трудно. Даже когда плачущий уже успокоился, — он долго ещё будет вычеркнут из списка сил, творящих день Вселенной. Ибо все, кто с ним встречается, попадают в разбухшее от его раздражения эфирное пространство. Если ты час назад раздражился или раздражил кого-то, что совершенно тождественно, ты никому не поможешь. Но это ещё полбеда. Раздражённый человек является носителем заразы, действующей не менее молниеносно, чем чума. Поймите меня. Поймите, что следует сначала воспитать себя, научиться выдержке, и тогда уже только приступать к обязанностям истинной матери. Вина ваша даже не в том, что вы были плохой воспитательницей. Ведь когда подоспел момент

выказать на деле свою любовь к Дженни, вы ни часа не могли пробыть в равновесии, совершенно так же, как прожили в неустойчивости всю свою жизнь.

Мужайтесь сейчас. Пойдите к себе наверх и, вместо того чтобы плакать, прочтите эту небольшую повесть. В ней говорится о жизни двух сестёр и их дочерей. Многое станет вам ясно из этой простой истории и ко многому вы найдёте в себе силы, хотя сейчас вам кажется, что для вас всё безнадежно и беспросветно.

Он помог пасторше встать, угостил её маленькой ароматной конфетой из своей коробочки-табакерки и вручил ей небольшую книгу. Еле двигавшаяся от слабости леди Катарина, даже удаляясь от незнакомца, чувствовала на себе его твёрдый взгляд и ощущала его ласку. Конфета таяла у неё во рту, шаги становились твёрже, а когда она вошла в свою комнату, из которой час назад вышла совершенной развалиной, ей показалось, что она проделала большое и радостное путешествие, которое её вылечило. Обновленная, она села читать книгу, написанную по-итальянски.

Тем временем внизу продолжал петь Ананда. Теперь он пел один. И чем дольше он пел, тем светлее и счастливее становились лица слушателей. Слезы на их лицах высохли, отовсюду на певца были устремлены восторженные глаза внимавших ему людей. Почти все уже стояли, кто-то придвинулся ближе к певцу. Только по бледным щекам Генри всё ещё катились слёзы. Юноша вновь переживал свой разрыв с Анандой и не мог найти извинения за своё неразумное поведение. Его лицо выражало муку и тоску предстоящей разлуки с певцом, которого он обожал. Когда же Ананда запел по-русски и зазвучали дивные слова:

"Я только странник на земле.

Среди труда, борьбы и боли

Избранник я счастливой доли:

Моей святыне — красоте,

Пою я песнь любви и воли",-

граф и графиня, Лиза и Джемс, а за ними все остальные, знавшие и не знавшие этот язык, тесно окружили певца.

Последняя нота замерла, воцарилась тишина, точно в храме, — все боялись нарушить благоговейное молчание.

— Благодарю, Ананда, — подходя к певцу и обнимая его, сказал лорд Бенедикт. — Ты вырвал нас из привычных ограничительных рамок своими песнями. Каждый из нас яснее увидел путь труда на благо людей. Кого ещё вчера не занимали подобные мысли, тот сегодня распахал в себе новое поле

духа. Все мы благодаря тебе почувствовали, как много в жизни ещё недоделали, как много времени потеряли даром. И ни один не уйдёт отсюда, не дав себе слова впредь не терять ни мгновения в пустоте.

— О Флорентиец, когда ты говоришь «мы» и ставишь себя на одну ступень с нами, хочется не петь, но кричать и прыгать от счастья. Только по бесконечной своей доброте ты забываешь, что никто из нас не может принести на твой алтарь ничего, кроме благодарности, ничего, чем бы он мог вдохновить тебя. Ты же, бывший, как и мы, обычным человеком, и поднявшийся так высоко, ты остался таким же добрым и милосердным, каким был в те далёкие времена, когда начинал свой путь Света.

Если все, кто сейчас стоит здесь, смогут унести сегодня крупицу радости, — они будут обязаны ею тебе. Ты был той первой вестью новой жизни, нового понимания и нового Света на пути, которая увлекла меня своей красотой. Ты подал мне свою могучую великую руку и раскрыл передо мной Свет Вечности. Я возвращаю тебе стократ твоё слово благодарности, Учитель.

Из всех присутствовавших только несколько человек поняли смысл слов Ариадны. По лицам остальных было ясно, что они считали этот обмен благодарностью неизбежным восточным этикетом. Графиня, благодаря певца, сказала ему:

— Всё, что я поняла сегодня, так это то, что я вовсе не понимала, какую великую ценность представляет из себя человек и чего он может достичь, если всецело, до конца, отдаёт свою жизнь чему-то одному. Свою жизнь я прожила в постоянных компромиссах и теперь вижу, что именно поэтому ничего не достигла.

— А я, — сказал граф, — пережил за эти часы не одну, а несколько жизней. Мне казалось, что я странствую вслед за вашим голосом по всем землям и народам. И всюду вижу одну неудовлетворённость. И я вспоминал слова моего отца: "Однажды ты пожалеешь, что так бездейтельно прожил свою жизнь". Вот это «однажды» свершилось сегодня. Мало того, я исцелился от постоянных забот о величии своей персоны. Я понял, что пришёл на землю и уйду голым. Я обещаю, глядя в ваши глаза, начать трудиться для моего народа, как сумею.

— Мне не выразить так, как это сделал папа, всего, что мне открылось через вашу музыку, — сказала стоявшая рядом с отцом Лиза. — Но с этой минуты я знаю одно: можно по-всякому открыть человеку, что он живёт не только на одной земле. Кто поёт так, как вы, тот ведёт людей так же мощно, как Будда или другой святой. Не знаю, понятно ли я выражаюсь, слов мне не хватает. Но ваши песни сегодня для меня рубикон.

Каждый благодарил Ананду на свой лад и стремился объяснить, что стал богаче благодаря его песням. Один Генри шепнул:

— Все разбогатели, один я стал ещё более нищим. Я всё потерял сегодня, так как понял, что вернуться к вам пока не могу, а разлука с вами для меня хуже, чем нищета.

— Бедный мой мальчик, — ответил ему Ананда, отводя его в сторону, — ты всё так же настойчив в своих желаниях. При этом приходит в возбуждение весь твой организм, ты утрачиваешь равновесие и не видишь с ясностью, что тебя окружает. Давно ли ты сознавал, что тебя спас Флорентиец? Давно ли ты убедился, что только его духовная мощь была способна вытащить тебя из смятения и тоски, в которые ты сам погрузился. Разве все эти уроки ничему тебя не научили? Неужели расточаемая тебе любовь не вызвала в тебе ответной благодарности?

— О Ананда, вы слишком плохо обо мне думаете. Я не только ценю Флорентийца и преклоняюсь перед ним. Я знаю, что, быть может, только подле него одного я смогу найти силы, чтобы стать достойным вас.

Я благоговею перед мудростью Флорентийца, но моё счастье, единственное, чего я желал бы в жизни: быть подле вас. Время, прожитое в разлуке с вами, я употреблю, чтобы обрести самообладание. Знаю: у каждого свои препятствия, свои задачи воплощения. Я хорошо понимаю теперь, что мне ничего не откроется, пока мой характер не станет ровным, пока я сам не сброшу с себя угрюмость. Ах, если бы я мог стать таким же весёлым смельчаком, как Левушка!

Их разговор прервал хозяин, предложивший всем пройти в столовую. Вечер закончился лёгким ужином, который пролетел для гостей как одна минута. Князь Сенжер и сэр Уоми поражали семейство Е. своими познаниями и рассказами о путешествиях. Граф и капитан, которым казалось, что они видели необычайно много, почувствовали, что ничего ещё толком не знают, когда сэр Уоми стал рассказывать об Индии, её таинственных, заветных уголках и разнообразных религиозных сектах. О пародах её, никогда не покидавших мысли о свободе.

Остроумнейший юмор князя Сенжера. его тончайшие наблюдения человека, его развёрнутые характеристики разных народов, познания в науке и технике заставили всех и смеяться и задуматься над тем, как один человек мог вместить такую универсальную образованность. Никому не хотелось уходить. Пришлось самому хозяину напомнить, что завтра уже началось, а в двенадцать часов состоится свадьба Лизы и капитана в русской церкви.

С трудом отрываясь от семьи лорда Бенедикта и всех его пленительных

друзей, гости отправились по домам. Прощаясь с капитаном, графиня сказала:

— Спасибо, Джемс. Сегодня я нашла разгадку жизни. Ваши друзья без слов доказали мне, что я уже выполнила свою роль подле дочери. Дальше я не могу быть ей пока полезной. Поезжайте путешествовать. Лиза — ваша теперь. Я не сомневаюсь, что вы будете ей отличным другом и учителем в её новой жизни, а ваши друзья не оставят вас обоих.

Сердечно обняв Джемса, она быстро прошла в свою комнату, чтобы скрыть набегавшие слёзы. Графине хотелось остаться одной и разобраться хоть немного в сумбурных своих переживаниях, но Лиза не дала ей сосредоточиться на этом.

— Мамочка, моя любимая подруга, не плачь в эту ночь, последнюю ночь, когда мы ещё вместе. Мы только что видели настоящих людей. Можешь ли ты себе представить, чтобы кто-нибудь из них плакал, расставаясь? Наша с тобой разлука будет так коротка. И нам так много предстоит сделать до нового свидания. Пойдём ко мне. Помоги мне снять платье, как ты иногда это делаешь. И вернёмся сюда к папе, он так был печален, когда мы ехали домой.

— Я не печален, дитя, — входя, сказал граф, услышавший слова дочери. — Я очень решителен. Всё, что я ещё успею, я сделаю, чтобы не упрекнуть себя в том, что прожил зря, без пользы. Предлагаю тебе, моя дорогая девочка, пойти к себе и скорее лечь спать. Нехорошо, если завтра ты не будешь свежее розы. Спи крепко, будь мужественна, входя в новый круг жизни, и предоставь нам с мамой провести вместе эту многое решающую в нашей жизни ночь. Нам уже не раз приходилось находить помощь и утешение друг в друге.

От всей души желаю тебе найти в браке истинную и долговечную дружбу. Мало, деточка, любить мужа и семью. Нужны ещё огромный такт и радость, чтобы не быть никому в тягость своей любовью и не требовать любви за свою любовь.

Он обнял дочь, проводил её до её комнаты, поцеловал ей руки и вернулся к жене.

— Утро вечера мудренее, дорогая. Выпей микстуры и попробуем мирно заснуть. Давай думать теперь только о счастье Лизы, о её жизни и радости. Если и для тебя вопрос о возвращении в Гурзуф решен, — мы едем туда не просто доживать бесполезную жизнь. Но вернёмся счастливыми, от многого освободившись, и начнём трудиться для чужих детей. Ты давно хотела завести ясли. Я всё собирался выстроить больницу. Попробуем теперь претворить свои мечты в дело.

Словами ласки и шутливыми замечаниями граф привёл в равновесие свою уставшую и тоскующую жену. Вскоре их комнаты погрузились во мрак, но как спали эти три сердца, тесно сросшиеся за долгую совместную жизнь, и спали ли они, о том знали только их подушки.

Пытка разлуки терзала им сердца, хотя безнадёжности ни в ком из них не было. Если бы, оставшись одни, старые супруги захотели объяснить самим себе, что же произошло в их сердцах и почему утихла несносная, мутная, похожая на зубную, боль, то ни один из них сказать ничего не смог бы.

Графиня, прежде считавшая, что возврат в Гурзуф без дочери равносильна смерти, вдруг стала радостно думать, как она устроит ясли, определяла для них место, мечтала о саде и цветниках. Дочь стала не больным её местом, а только одним из главных слагаемых красоты жизни. Каким образом, когда именно начался и произошёл в её мыслях поворот, она не знала. Она только знала, что лорд Бенедикт, его пример постоянной деятельности, заботы и внимания к людям открыли ей глаза на собственную инертность, на эгоизм постоянных мыслей лишь о себе и своих близких. В ней проснулось желание найти что-либо глубокое и близкое тем интересам, которыми жил этот человек. Ей захотелось теперь трудиться, и трудиться бескорыстно, чтобы завоевать его внимание и дружбу, которыми она начинала дорожить.

У графа стало спокойнее на сердце с того самого мгновения, как он прочел письмо отца. Он сразу решил вернуться в Гурзуф и предоставить дочери свободу самостоятельно устраивать свою жизнь. И чем дольше наблюдал он и слушал лорда Бенедикта и его друзей, тем больше удивлялся. Много, очень многое вспоминал он теперь из сказанного когда-то отцом. Потому что иногда лорд Бенедикт высказывал мысли, которыми не раз и не два, а неоднократно делился с ним отец. Но тогда графу казалось, что отец его просто единственный в своём роде чужак. Теперь, когда те же мысли граф нет-нет да улавливал в речах лорда Бенедикта, — он увидел для себя обязательную программу живой деятельности.

Ему уже не терпелось поскорее возвратиться домой, не теряя времени попусту. Сейчас ему казалось важнее всех дел построить больницу, чтобы внести свою небольшую лепту для облегчения людских страданий.

В этом настроении, с желанием трудиться на общее благо встали утром супруги, примирённые, спокойные, почти счастливые. И первый взгляд, которым они обменялись, сказал им, что если лица их и постарели, то души стали моложе, они нашли друг в друге то, чего не находили до сих пор: друга и товарища в труде.

Оба почувствовали, что связь их стала крепче, что верность друг другу выросла. Всю жизнь оба видели звеном своей взаимной связи только дочь. Казалось, исчезни она — и всё погибнет. Сейчас дочь уходила, а связь между ними только начиналась.

Легко встала графиня и пошла будить дочь. Но Лиза уже сидела у окна, и лицо её было печально. Вошедшая с улыбкой мать, поглядев на неё пристально, сказала:

— Посмотри на меня, дочурка. Разве так выглядят несчастные матери, оплакивающие покидающую их дочь? Я совершенно спокойна. Я радостно провожаю тебя в новую жизнь. Не буду тебе говорить сейчас, почему со мною это произошло. Когда ты приедешь в Гурзуф погостить, я тебе всё расскажу, а может быть, ты поймёшь меня и так. Знай только: тебе нечего разрываться в своей любви. Смело иди за мужем и завоевывай для себя вселенную, чаруя людей своей игрой. Тебе есть у кого учиться. Мы же с папой поняли, что нам надо учиться жить в своём родном Гурзуфе по-новому. Пойдём, моя дорогая детка, выпьем в последний раз кофе вместе, и надо начинать одеваться.

Лицо Лизы просветлело и, как всегда в минуты счастья, неожиданно похорошело. Легко прошёл завтрак, которого она так боялась, и ещё легче, даже весело, началась церемония одевания к венцу.

Граф не допустил парикмахера к дочери и сам убрал её голову. Обладая неизвестно откуда взявшимся в их роду талантом, граф всю жизнь сам причёсывал жену, когда хотел, чтобы она была особенно хороша и элегантна.

Голова Лизы, убранная его руками в драгоценнейшую фату и невиданные им прежде белые цветы, присланные Джемсом, была чудом изящества.

— Где мог взять Джемс нечто подобное, — говорил он, прикладывая к волосам цветы. — Это несомненно цветы живые, но, пожалуй, он за ними съездил на Луну, — бормотал он, осматривая дочь. — Почему же ты, жена, не говоришь, что опять всё не как у людей. Ведь это не невестин венок из флёрдоранжа, а нечто сотканное из воздуха и света.

За обсуждением этого вопроса и застал их лорд Бенедикт, воскликнув:

— Как, графиня, вы ещё не одеты? Простите, но Джемс сказал, что по русскому обычаю невесту в церковь везёт посаженный отец. Вот я и приехал за моей названной дочерью. Шаферы, подружки и жених уже отправились в церковь.

Переконфуженные графиня в халате и граф в блузе, которую он надел для исполнения своих парикмахерских обязанностей, убежали, смеясь, к

себе, уверяя, что будут готовы в одну минуту.

Оставшись вдвоём с невестой, лорд Бенедикт подвёл её к окну и, указывая на шумную толпу сновавших людей и экипажей, сказал:

— Вот, Лиза, море жизней человеческих, среди которого вы поплывёте. Путь искусства один из самых трудных на земле. Не многие в силах очистить свои души так, чтобы увидеть в себе того Бога, которого они должны перенести, как творческий огонь, во всё, что делают. Ремесленники всегда озабочены тем, чтобы обвинить кого-нибудь в своих неудачах. Истинный художник воспринимает свои неудачи как этапы собственного развития. Он понимает, что удача, похвалы и слава не могли бы помочь ему перенести на землю те великие образы, звуки и краски, что он видел и слышал в своих мечтах.

Ваш путь — для людей, для толпы, среди неизменной суеты. Не ищите мест уединения и отдохновения. Не думайте, что дух художника-мыслителя — а истинный художник всегда таков — зависит от его физического или материального благополучия. Не соки тела и земных благ питают дух творящего. Только проникая в великую тайну любви, может постичь человек, как раскрывается в его духе тот или иной аспект Любви, в нём живущей.

Любовь — пламя. Чем больше отдал, тем ярче и выше пламя. Любовь не угасает в человеке-творце. Но чтобы понять, что такое ЛЮБОВЬ, надо до конца любить то искусство, которому вы служите. Только забыв о себе и отдавшись искусству, сможет художник понять, в чём черпают люди-творцы свои силы.

Именно тогда он переступает грань ремесла и проникает в подлинное творчество, в интуицию. Велико счастье такого человека. Он не от земли получает силы, а, обновляясь во вдохновенном труде, принимает участие в делах и скорбях земли.

Запомните эту нашу беседу. И всегда, когда будете учиться или творить, умейте отдавать труду текущей минуты весь свой дух, всё сердце, всю любовь. Если не сможете играть, наполняя звуками чистую чашу Будды, — отложите труд до того мгновения, когда придёте в равновесие.

Но если станете думать, что оно зависит от внешних причин, никогда не продвинетесь в творчестве. Чтобы найти к нему путь, надо освободить себя от страстей и авторитетов. А для этого нужно выработать самообладание.

Вошли родители, и через несколько минут лорд Бенедикт уже вёз в своей карете невесту к венцу, а сзади, нарушая древний русский обычай, ехали отец и мать.

Неожиданно для графа, заказавшего только убранство церкви, вся

лестница, вестибюль и внешний фасад здания оказались украшенными роскошными гирляндами, цветами и деревьями в кадках.

У входа в церковь, куда ввёл Лизу лорд Бенедикт, встретил её Джемс и повёл к алтарю.

Кроме родных Джемса и ближайших друзей его и графа, а также членов семьи лорда Бенедикта, никто приглашен не был, но церковь оказалась заполненной народом. Многие из людей света любопытствовали взглянуть на свадьбу, которая, очевидно по новой моде, совершалась без особых приглашений. Кое-кто знал об участии лорда Бенедикта в церемонии и, желая увидеть его поближе, явился на бракосочетание, иные же просто рады были поглазеть на бесплатное зрелище.

Когда лорд Бенедикт ввёл невесту, её туалет вызвал всеобщее восхищение. Но переводя взгляд на жениха, за которого его все принимали, люди не могли удержаться от замечаний:

— Бог мой, вот так жених! Да он малютку на ладони унесёт! Батюшки, где это откопали русские такого красавца!

Возгласы сыпались на мнимого жениха со всех сторон, и искорки юмора в его глазах одни только и выдавали, что он их слышит.

Лиза была как в чадугу. Её тонкая, узкая рука, лежавшая на руке посаженного отца, дрожала первый раз в жизни. Ей казалось, что лорд Бенедикт ведёт её к какому-то недостижимому величию, что это величие вмещалось в её простую жизнь именно через него, и ведёт он её сейчас для того, чтобы поставить на тот путь, о котором говорил ей у окна.

Лиза точно уносилась вверх. Она забыла, куда, для чего приехала, и опомнилось, лишь когда Флорентиец, взяв её левую руку своей левой рукой, слегка пожал её и шепнул:

— Будь целомудренной женой и неси ту жизнь, что бьётся в тебе в этот час, как самый святой залог верности мужу и семье. Не пытка и не сети семья. Но место твоего служения миру. Иди, моя рука с тобою.

Прими жену, — уступая место Джемсу, сказал ему тихо Флорентиец. — И веди её так же свято, как вёл корабль свой в страшную бурю на Чёрном море. Там рука моя спасла всех, кто доверил тебе свои жизни. Будь так же чист в семье, и рука моя будет всегда с тобою.

Обряд совершался, певчие возносили свои голоса к небесам, а Лизу всё не покидало чувство отрешённости от земли; ей казалось, что она пребывает где-то в мире грёз, как часто бывало с ней в детстве и в некоторые моменты игры на скрипке.

Лиза опустилась на землю, когда кто-то властно сжал её руку, и увидела перед собой чудесное лицо дяди Ананды. Князь Сенжер улыбался ей,

поздравляя:

— Мужество в жене и её спокойствие — два качества, на которых зиждется семья. Обретя их, вы сможете сделать счастливыми всех, кто войдёт в ваш дом. Возвратясь из церкви, поищите у ног Будды мой вам привет. Сэр Уоми подал Лизе маленький футляр. — Это мой привет вашему первенцу. Я рад поздравить вас в эту минуту. Чем яснее вы будете видеть недостатки друг друга, тем священнее берегите в своём сердце тот прекрасный портрет друга, что в нём запечатлен сегодня. Стремитесь воспитать в себе такую деликатность и выдержку, чтобы не показать другому, как тяжёл для вас его недостаток.

Потянулась вереница поздравляющих, которых Лиза уже не понимала. Она шла за Джемсом, увлекавшим её к выходу, и наконец очутилась с ним вдвоём в карете. В правой руке Лизы был букет из таких же цветов, какие были приколоты к её фате. Поздравляя её, букет этот подал Ананда, и в его петлице, и в руках подружек, и в петлицах шаферов и жениха — у всех были те же цветы. Левую руку Лизы крепко охватывала рука жениха.

— Мы с тобою, дорогая жена, сейчас словно экспонаты на выставке. Все прохожие глазуют на нас. Впереди едут лорд Бенедикт и его красавцы-друзья, сзади красавицы-подружки и шаферы, и поневоле всем хочется взглянуть на невесту, которую сопровождает такой кортеж. Ах, если бы мы с тобой, моя малютка, сумели бы всю жизнь помнить, что нас вывела из церкви не только несравненная физическая красота, но и духовная мощь, которая выросла из самых простых, обычных человеческих сердец. Духовная мощь у грани сверхчеловеческой.

В эту самую минуту дадим перед этими людьми друг другу обет: каждое утро встречаться у ног, у чаши твоего любимого Мудреца, обещая ему хранить верность его заветам пощады и милосердия. Будем стараться жить среди серого дня,нося Его мир в сердце. И всякий раз будем приходить к Нему, чтобы дать себе отчёт, как прожили мы свой день. Никогда не отправимся спать недовольными друг другом или кем-либо ещё. И если мы обидели кого-то, потому что не сумели удержать горькое, ранящее слово, то постараемся приготовиться к следующему дню так, чтобы доставить больше радости людям.

Карета остановилась у дома новобрачных, где участники свадебного кортежа уже выстроились в две шеренги и, смеясь и шутя, стали забрасывать молодых цветами, пока они шли через холл. Увлечённые друг другом, молодые Ретедли и не заметили, как их по дороге обогнали, как они очутились, в хвосте кортежа, а потому их удивлению не было конца. Под сыплющийся дождь цветов молодые дошли до столовой, где рядом с

их приборами бросили по цветку Ананда и лорд Бенедикт, опустившиеся рядом на красивые старинные стулья, откопанные Джемсом где-то на чердаке. В конце обеда лорд Бенедикт предложил молодым поехать в его деревню и там провести последние три дня отпуска Джемса. Так как молодые были в восторге от этого предложения, то им пришлось спешно переодеваться в дорожные костюмы и отправляться на вокзал.

Всей компанией, к огромному неудовольствию родных Джемса, которым не только не удалось играть какую-либо роль во время церемонии и обеда, но и осмотреть обновленный дом, молодых проводили на вокзал, и вскоре их счастливые лица скрылись в тумане.

Когда смолк стук колёс, графиня почувствовала, что в сердце её пусто. Слезы покатались градом, застилая собою весь мир.

— Не плачьте, графиня, — услышала она голос лорда Бенедикта и поразилась нежности, которая в нем звучала, — своё дитя вы проводили в самостоятельную жизнь. Но разве это всё, что вы можете сделать для людей. Поедьте ко мне. Мой друг Амедей начал изучать строительное дело. Он художник и архитектор-любитель, но талант и вкус у него большие. А Сандра только внешне рассеян. Они с Николаем прекрасные математики втроем они сделают для вас любые планы, чертежи и расчёты. И если бы вы с мужем захотели украсить родные места прекрасными зданиями, — вы могли бы увезти с собой уже готовые проекты. А я разбил бы вам сады, в этом деле меня считают специалистом.

— О лорд Бенедикт! Кто мог бы подать помощь людям с таким тактом и добротой, как это делаете вы? Этот вечер, который из печального превращается вами в радостный, он станет для нас ещё и священным, так как будет началом нашей новой трудовой жизни, о которой мы с мужем неотступно думаем.

Через некоторое время провожавшие молодых приехали в гостеприимный особняк лорда Бенедикта, и в его кабинете, за чаем, обсуждали план больницы и яслей.

В этом обсуждении принимали участие все обитатели дома, и нередко взрывы смеха приветствовали чьи-либо предложения. И чаще всех попадал впросак бедняжка Сандра.

Глава 19

ЖИЗНЬ ДЖЕННИ И ЕЕ ПОПЫТКИ УВИДЕТЬСЯ С МАТЕРЬЮ И СЕСТРОЙ

Вернувшись домой после ужасных часов, проведённых в адвокатской конторе, сраженная, разбитая, осознавшая, что её планы овладеть матерью и сестрой разрушились, Дженни была совершенно больна. Два дня она пролежала в постели, почти не открывая глаз. Она еле отвечала тоже не совсем здоровому мужу и изнывала от тоски, бешеной злобы и недоумения. Завлекательные картины богатства, блеска и величия, которыми соблазняли её мать, Армандо и Бонда, — во что они вылились в самом начале новой жизни!

Слова сэра Уоми, которых она никак не могла понять, её расстраивали. Снисхождение лорда Бенедикта она переживала как самое большое унижение и ненавидела его, мать, Алису — все они вызывали в ней такую жажду мести, что Дженни чувствовала, как в её крови кипит яд. Впервые в жизни она не могла вылить наружу своё бешенство. Ни швырять чем-то, ни кричать у неё не было сил. Точно отравленная, Дженни молчала и думала всё об одном и том же: как отомстить, как обрести власть над лордом Бенедиктом и его друзьями.

Совершенно разбитая, Дженни всё же думала только о борьбе. Она упорно стремилась отыскать союзника в лагере противника. Ей думалось, что простодушный сэр Уоми, показавшийся ей человеком очень добрым и недалёковидным, как раз подойдёт для этой цели. Она мечтала заручиться его помощью, прикинувшись раскаивающейся грешницей, жаждущей помириться с матерью и сестрой. А последних Дженни так привыкла видеть у себя в повиновении, что не сомневалась в победе над ними с помощью ласковых писем.

"Удалось бы только увидеться с ними, — думала Дженни. — Я заставлю этого синеглазого простака помочь мне добиться свидания".

На третий день её решение действовать созрело. Она, к удивлению мужа, поднялась с постели, стала пить шоколад и даже спросила о Бонде и Мартине.

— Бонда всё ещё говорит шёпотом и согнулся, как древний старик, без надежды выпрямиться. Он мог бы, конечно, поправиться, но этот идиот Мартин к тому, что ничего не смог сделать, ещё и потерял все лекарства,

что носил на себе. И Бонда, не взявший запаса, обречён ждать, пока само время его не вылечит. А Мартин, очевидно, сошёл с ума. Он вызвал вчера вечером к себе Бонду и Анри и исповедался перед ними в своих грехах, — ядовито хохотал Армандо. — Что произошло в кабинете лорда Бенедикта, куда ему удалось проникнуть, никто не знает. Но на всём теле Мартина какие-то кровоточащие раны и язвы, должно быть его там пытали.

Дженни вздрогнула и с ужасом посмотрела на мужа. К её ненависти добавился ещё и страх физических страданий. Увидев ужас на лице жены, Армандо криво усмехнулся и продолжал:

— Когда Бонда ушёл, проклиная Мартина, что тот не принёс ему какой-то вещи, столь нужной Браццано, Мартин заклинал Анри убежать от нас. Он объяснил, что его раны вовсе не результат ударов плётки лорда Бенедикта, а тех лекарств, что Бонда заставлял его носить на себе в большом количестве; они-то и разъели его организм. Анри вызвал врача, тот объявил, что болезнь Мартина неизлечима и что смерть его близка.

Ужас Дженни усилился до последней степени. Мартина она терпеть не могла и нисколько его не жалела. А просто видела в его преждевременной смерти невероятную силу врага.

— Бонда говорит, что нам надо уезжать. Хотя встреча с Браццано, когда явемся без Алисы, ничего хорошего нам не сулит.

— Что ты хочешь этим сказать? Разве вы на службе у Браццано? Кто этот Браццано?

— Я думал, ты догадливей, Дженни. Проще всего тебе обратиться за разъяснениями к собственной матушке. У неё получишь исчерпывающие сведения. Уж она-то тебе всё объяснит, — саркастически улыбнулся Армандо.

— Чепуха какая-то! При чём тут мама, никогда не уезжавшая из Лондона дальше морских купаний, — и Браццано, живущий в Константинополе?

— Мама-то твоя итальянка. Она вышла замуж за твоего отца в Италии. А там у неё мог быть романчик с Браццано, с неудачным концом.

— Знаешь что, не меряй всех на свой аршин. Мама, конечно, вспыльчива, но в её честности перед отцом я не сомневаюсь. Если бы ты знал отца, ты понял бы, что бесчестное существо не могло бы жить рядом с ним. Хохот Армандо стал ещё громче и наглее. — А ты-то, жёнушка, очень честна? Я мог бы, конечно, нарушить запрет Браццано и кое-что рассказать тебе. Но мне жаль лишать тебя приятного сюрприза, а себя — удовольствия наблюдать при этом за твоей физиономией.

Холодная дрожь пробежала у Дженни по спине. Она никогда не думала,

что физиономия её мужа может быть столь отвратительной. Что-то сатанинское мелькнуло сейчас на его красивом лице. Дженни поняла, что если поскользнётся, — пощады ей не будет. Три дня назад она считала, что сумеет заполучить друга в этом своём любовнике. Сейчас ей казалось, что он злодей каких мало, и если ему придется спасти свою шкуру, он утопит её без всяких размышлений.

— Что ты на меня уставилась? Не воображала же ты, что найдёшь во мне рыцаря печального образа, вроде своего мнимого папаши-пастора? Лучше пораскинь мозгами и подумай, как заманить сюда Алису. Лишь бы заманить. А уж умчать красотку, поверь, сумеем. Пожалуй, даже тебя оставим мамаше в утешение, только доставь нам сестрицу. Неужели ты так глупа и бездарна, что не можешь найти пути и возможности добиться свидания с сестрой и матерью? Ты можешь наделать этому лорду массу неприятностей. Подай заявление, что он держит насильственно в своём доме твоих родных и отказывает им в свидании с тобою. Пока суд да дело, немало беспокойства причинят ему судьи и адвокаты, подкупить которых ничего не стоит.

Хуже бича ударили Дженни эти слова. Так вот какая цена ей в глазах человека, женой которого она стала три дня назад! Она была всего лишь средством изловить Алису. Зачем им нужна сестра? В чем здесь дело? Дженни не могла больше выносить глумливый тон мужа и встала, чтобы уйти к себе.

— Обдумай всё, что я тебе сказал. Я слов на ветер не бросаю.

Уйдя в будуар, Дженни заперла дверь на задвижку и упала на диван в полном изнеможении. Она задыхалась. Сообразить, что же с ней произошло, почему разговор с мужем так её перепугал, она не могла. Но мгла мрачных предчувствий давила её с такой тяжестью, что у неё дрожало всё тело и стучали зубы.

Дженни машинально взяла папиросу, что стало уже её привычкой, и мало-помалу стала приходить в себя. По мере того как папироса становилась короче, настроение Дженни, ещё не привыкшей к наркотику, который ей старался подбросить муж в виде очаровательных тонких папирос, становилось ровнее. Страх её прошёл, она снова стала обдумывать свой план. Случайно слова мужа совпали с её собственным желанием добиться свидания с матерью и сестрой. Теперь она окончательно утвердилась в мнении, что сэр Уоми парень простоватый и что следует действовать именно через него. Всё, что происходило в судебной конторе, Дженни напрочь забыла сейчас, наркотик делал своё дело, и она чувствовала себя сильной, прозорливой, изворотливой и такой

хитрой, что никто не был в состоянии прочесть её истинные мысли. Дженни села писать письмо сэру Уоми.

"Одновременно с этим письмом, уважаемый сэр Уоми, я пишу моей матери и сестре, так жестоко бросившим меня на произвол судьбы. Не подумайте, что я жалуясь Вам на них. О нет. Для этого я их слишком люблю. Но я знаю также, что эти дорогие мне существа необыкновенно бесхарактерны и поймать их в сферу своего влияния ничего не стоит.

Так оно и случилось сейчас. Обе бедняжки попали на удочку лорда Бенедикта и изображают из себя рыбок на крючке. Ваши слова сочувствия, сказанные мне в конторе, дают мне смелость обратиться к Вам за помощью.

Лорд Бенедикт, его зять Николай и Сандра, каждый из которых мог бы мне помочь в моём законном желании повидаться с матерью и сестрой, такие жестокие и бессердечные люди, что им мои страдания безразличны. Мне кажется, что только Вы один наделены сердечной теплотой и участием. А потому Вы поймёте, какой разбитой и несчастной чувствую я себя сейчас. Выброшенная из тихого и уютного дома моего отца, где я привыкла видеть дорогие лица сестры и матери, где всю жизнь царило патриархальное целомудрие, я чувствую себя точно в чужой стране. А между тем всё самое дорогое живёт в полчаса езды от меня.

Помогите мне увидеться с моими родными. Пусть Алиса с мамой приедут ко мне. Я не в силах войти в этот ужасный дом.

Со свойственной добрякам чуткостью Вы поймёте меня. Ваш образ врезался мне в память, и если наша симпатия взаимна, я бы очень хотела увидеться с Вами. Тогда я имела бы возможность рассказать Вам об ужасном поведении лорда Бенедикта по отношению ко мне, и, вероятно, Ваша помощь была бы активнее.

Не откажите сообщить мне по прилагаемому адресу, получили ли мои письма мать и сестра. Я даже в этом не доверяю лорду Бенедикту".

Подписав письмо девичьей и мужней фамилией, Дженни осталась очень довольна своими талантами и принялась за письмо к пасторше.

"Моя дорогая мама, — хотя Вы так ужасно изменили мне и бросили одну среди чужих людей, тем не менее я верю, что Вы меня любите и действовали только под влиянием чужой злой воли.

Мне непонятно всё же, почему Вы не приедете ко мне с Алисой. Неужели Вам даже неинтересно взглянуть на мою теперешнюю жизнь? Ведь Вы так много рассказывали мне о великолепии и богатстве Ваших друзей, среди которых я живу. Пока, правда, я ещё не купаюсь в золотой ванне, но зато часто слышу имя Браццано, который, по рассказам мужа,

действительно очень богат и знатен. Возле него будто бы и начнется моя настоящая великолепная жизнь.

В этом письме я не буду задавать Вам вопросы. При личном свидании Вы мне расскажете о Браццано. Я очень удивилась, узнав о друге Вашей юности из чужих уст.

Ах, мама, мама, если бы отец был жив, он потребовал бы от Вас, чтобы Вы навещали меня с Алисой, а не бросили так одну на произвол судьбы, как вы обе это делаете сейчас.

Но всё же я прощаю Вам всю несправедливость. Я уверена, что лорд Бенедикт держит вас обеих взаперти и не пускает даже ко мне. Но ведь и отец был строг и следил за Вашим поведением. Однако Вы умели посещать друзей, вовсе ему не угодных.

Вырвитесь, пожалуйста, и навестите меня. Вы понимаете, что я не могу приехать к Вам, раз Вы живёте в доме человека, которого я ненавижу. Если уж моя просьба так мало значит для Вас, — я прошу ещё и именем Вашего друга Браццано, — приезжайте. Если он Ваш истинный друг, значит он и мой друг. Вы мне так всегда говорили.

До свидания, дорогая мамочка. Приезжайте с Алисой в музей. Я напишу ей, расскажу подробно, куда и когда. Там мы решим, как нам быть дальше. Обо всём этом просит Ваша Дженни".

И этим письмом Дженни осталась довольна. Она похвалила себя за тонкость проявленного в нём такта. Самым трудным казалось ей письмо к Алисе. Долго перебирала она в мыслях, в каком стиле обратиться к сестре. Особенно стеснительным казалось ей то обстоятельство, что Алиса, конечно же, прежде чем ответить, побежит к своему лорду Бенедикту и покажет письмо. Наконец Дженни решила обратиться к сестре тоном старшей замужней сестры и умудрённой опытом наставницы.

"Моя дорогая сестрёнка, моя милая упряmica Алиса, — ты всё ещё продолжаешь смотреть на мир и людей своими детскими глазами, тогда как мне пришлось окунуться в самую гущу жизни. Немудрено поэтому, что я не могу теперь смотреть так наивно и идеализировать людей, как это делаешь ты, дорогой, доверчивый ребёнок.

Я пишу маме, что не могу навестить вас в очень мне неприятном доме, где вы обе сейчас живёте. А повидаться с вами мне, конечно, необходимо. Я не виню тебя за твой чудовищный эгоизм. Если бы у папы перед смертью не сделался приступ его мозговой болезни, то ни его, ни тебя не удалось бы заманить к себе твоему «благодетелю», как ты выражаешься. Но по моему разумению взрослого человека, лорд Бенедикт заслуживает несколько иного эпитета. Впрочем, всё это тебе разъяснит суд. Мне же необходимо с

тобой переговорить, как старшей сестре, по поводу твоего замужества. Двоюродный брат моего мужа, красавец, которого ты не могла не заметить в конторе, мечтает с тобой встретиться уже давно, чтобы высказать тебе свои чувства.

Подумай, какое счастье свалилось на нас обеих! Мы уедем вместе и не будем испытывать одиночества. Я знаю твой привязчивый характер, знаю, как ты всегда меня обожала и скучала без меня, и хорошо представляю себе, как ты сейчас страдаешь от вынужденной разлуки. Я потому-то и не браню тебя за самовольный уход из отцовского дома, что совершенно уверена, что тебя держат взаперти в этом скучнейшем доме. Воображаю, сколько старых тряпок заставила тебя перешивать милейшая графиня. И почему они требуют, чтобы ты ходила в чёрном? Как глупо! Старо и немодно выставлять напоказ свой траур.

Но если я стану обсуждать все вопросы, о которых хотела бы с тобой поговорить, я никогда не кончу письма. Давай договоримся так: приходи через три дня. Я назначаю такой долгий срок потому лишь, что представляю, сколько придется тебе хитрить и изворачиваться, чтобы вырваться потихоньку в музей у Тр-го сквера. В восточном отделении, у мумий, мы встретимся. Там и решим, куда поедем поболтать. Приходи к 12 часам, без опоздания и не в чёрном. Жду тебя, твоя Дженни".

Пока в жизни Дженни происходила эта сумбурная и мрачная полоса, в особняке лорда Бенедикта зарастали раны пасторши, обновляемой потоками любви Алисы, Дории, Ананды и постоянным участием не только хозяина, но и его гостей.

Неожиданно для пасторши она нашла друзей и помощников в переданных ей Дорией хозяйственных делах в лице леди Цецилии и Генри. Генри, хотя и не понимал ничего в хозяйственных делах, преуморительно уверял пасторшу, что ему необходимо обучиться как можно скорее всем тонкостям домоводства. Так как он ничего толком не умеет, в Америке ему придется быть мажордомом, иначе скажут, что он совершенно не годится для жизни в обществе, где каждый должен вносить долю своего труда в общее дело.

Смеясь и шутя, Генри помог тётке выучиться считать на счётах и терпеливо приучал её держать в порядке счета, ключи и записи. Леди Цецилия с удивлением смотрела на своего сына, в котором теперь трудно было узнать её спесивого Генри. С каждым днём даже облик юноши менялся, и улыбка перестала быть редкой гостьей на его лице. Зачастую они с Алисой заставляли леди Катарину писать по-английски, чего та прежде не терпела, но теперь старалась изо всех сил, так что даже

вызывала умиление своих строгих учителей. За таким занятием в один из дождливых дней застал их Ананда и позвал Алису к лорду Бенедикту.

Когда Алиса оказалась в кабинете своего дорогого опекуна, входить куда для неё было счастьем, она увидела не только его, но и сэра Уоми и князя Сенжера. Лица всех троих собеседников, встретивших её как всегда ласково, были приветливы, но девушка сразу почувствовала какую-то особенную серьёзность их настроения. Алиса не могла бы объяснить, почему у неё сжалось сердце, почему предчувствие чего-то горестного — не то печального, не то страшного — заставило её остановиться у порога в нерешительности. Легко, по-юношески поднялся ей навстречу князь Сенжер, изысканно вежливо ей поклонился, и взяв её руки в свои, сказал тихим, музыкальным голосом:

— Зачем же, детка, ты так волнуешься? Разве может быть для тебя что-то страшное в беседе с Флорентийцем? Он не лорд Бенедикт для тебя сейчас, но ближайший друг твоего отца и ещё больший друг тебе. Не потеряла ты отца, а только нашла второго. И чем бы ты ни занималась, ты трудишься вместе с ним, хотя оба вы как будто заняты разными делами. Если мы все собрались поговорить с тобой, друг, то только потому, что ты сама, чистотой своего сердца, подошла к новой ступени знания.

Видишь ли, в ученичестве не стоят на месте. Тот, кто добивается общения с нами и говорит об этом очень много, кто у всех на глазах целиком отдаётся заботам об общем благе и будто бы трудится вместе с нами, тот часто всю жизнь так и пребывает в самом начале исканий. А самому ищущему и окружающим его кажется, что они идут вместе со своими Учителями.

Ты, как очень немногие из большого числа людей, которым мы постоянно даём зов, идёшь за нами сама, идёшь каждый день, не ища дела, которое бы тебе нравилось, но принимая то, куда надо нести мир и любовь.

И вот настал момент, когда ты, чистой своей любовью, можешь помочь матери и сестре. И в зависимости от того, о ком ты будешь думать, о себе или о них, ты продвинешь в их жизнь — жизнь огромной скорби — возможность радоваться. И сама пойдёшь дальше и выше в труде Флорентийца. Успокойся и выслушай друга. Впервые страх сжал твоё мужественное сердце, и я надеюсь, что больше ты этого чувства не узнаешь.

Он подвёл Алису к Флорентийцу и усадил в кресло рядом с ним. Маленькая фигурка Алисы казалась совсем детской рядом с величественной фигурой её опекуна. Теперь страха не было в её сердце, но волнение и ожидание чего-то необычного, огромного, чего она ещё не

знала, но что едва ли можно вынести, наполняло её целиком.

— Алиса, — сказал ей Флорентиец, — перед Вечностью нет ни отцов, ни детей, ни матерей, ни сестёр, ни братьев по крови. И когда я буду говорить тебе о дорогих и близких тебе людях, помни только одно: все они лишь единицы Вселенной, идущие путём своей эволюции. И каждая, неся в себе искру живой Жизни, приблизилась к той точке совершенства, куда дух её смог пройти тяжким путём освобождения.

Тебе, если хочешь быть ближе ко мне, не судить их надо, не огорчаться за их судьбу, не страдать за себя, то есть не воспринимать их судьбу лично. Но помнить, что каждый жил, живёт и будет жить только так, как смог понять жизнь, ощутить её живую в себе и открыть сердце для творчества в ней, пусть даже в одном только её аспекте.

Никого нельзя поднять на более высокую ступень. Можно только предоставить возможность подыматься, служа живым примером. Но если человек не найдёт в себе любви, он не поймет, что встретился с высшим существом, и будет жаловаться, что ему не дали достаточно любви и внимания, и хотя сам стоит рядом, но не видит протянутых ему рук. И того, что он не смог, по неустойчивости и засорённости своего сердца, увидеть предлагаемой ему любовной помощи, он не понимает. Отсюда недовольство и жалобы.

Один из примеров перед тобой пройдёт сейчас. Ты хорошо помнишь жизнь своей семьи. Когда умер твой отец, ты была ему другом, помощью и опорой уже много лет, неsmo ря на свои юные годы. Было ли у тебя детство, Алиса? Едва ты стала подрастать, как тебе пришлось прочувствовать сердечные муки отца. Как бы ты ни любила его, ты ни разу не осудила мать, хотя знала, что муки отца — от неё.

Сейчас ты узнаешь причину скорби и размолвок твоих домашних. Мать твоя вышла замуж за твоего отца, любя другого человека и нося плод его любви под сердцем. Отец же, поняв всё сразу же, никогда и ни словом не обмолвился о том, что он знал и понял. Он дождался твоего появления на свет и оставил навсегда спальню жены под предлогом тяжёлой болезни.

Отец Дженни, бросивший твою мать и заставивший её выйти за твоего отца замуж, уже тогда был потерянным существом, вором, грабителем, искавшим повсюду подобных себе и имевшим грязные связи во всех частях света. Когда был жив твой отец, он не осмеливался вспоминать о матери, так как знал, что отец твой кремень чести и справедливости. В его расчёты не входило бороться за свою дочь, но он отлично был осведомлён о жизни Дженни и леди Катарины.

Но вот пришлось злодею потерпеть фиаско и понадобилось ему для

гнуснейших целей чистое существо. Настолько чистое, чтобы ни один из соблазнов не мог свить себе гнездо в его сердце. Тогда мысль негодяя протянулась к дому пастора, к тебе, Алиса. И всё гнусное действо бракосочетания Дженни было разыграно только для того, чтобы заполучить тебя любыми способами. Отца уже нет, Алиса. Вместо него я подле тебя.

— Я благодарю небо тысячи раз, что папы нет в живых и он не страдает от всего этого ужаса, — бросилась на колени перед Флорентийцем Алиса. — Пусть папа идёт спокойно, пусть идёт как можно выше, чтобы ни одна из тревог земли не коснулась его и не беспокоила его мудрой жизни. Я осталась здесь вместо него, отец Флорентиец. Молю тебя, помоги мне выстоять в полном самообладании и спокойствии, чтобы сила твоя могла проходить через меня нерасплёсканной и вся твоя помощь доходила бы до моих дорогих и несчастных мамы и Дженни.

— Так, дочь моя. Я и не ждал от тебя другого. Но ещё одно ждет тебя испытание. Ты слышала, Николай тебе рассказывал о Левушке и Браццано. Браццано — отец Дженни.

Бедная Алиса, смотревшая неотрывно в глаза Флорентийца, прошептала:

— И ты, отец Флорентиец, пустил в свой дом меня, дочь женщины, знавшей Браццано! Будь же мне вечным примером милосердия, которому нет пределов. Помоги дважды утвердиться моему самообладанию, чтобы маме и сестре было легче бороться и победить.

Флорентиец положил на голову Алисы свою правую руку, на неё свои руки положили сэр Уоми и Сенжер.

— Мой путь да сплетётся с орбитой твоей, и вся Любовь в тебе да сплетётся в сеть защитную с Любовью моею вокруг тебя, — сказал сэр Уоми.

— Твоя жизнь да станет отныне красотой, и зло да не сможет подойти к тебе. Все заклинания да распадутся подле тебя, ибо сеть моя защитная оберегает тебя, — произнёс Сенжер.

— Аминь. Свет на пути пройдёт беспрепятственно через твой канал. Иди, друг, и жди меня через час у твоей матери, — сказал Флорентиец.

Алиса вышла из кабинета такой радостной, такой лёгкой, какой давно уже себя не чувствовала. Ей не хотелось сейчас никого видеть, она быстро прошла к себе в комнату и села у портрета отца. Прижав к себе дорогое лицо, она думала только об одном: стать достойной отца и создать такую семью, в которой была бы невозможна ложь. Сейчас в сердце её, где с детства жило страдание, обжигавшее её как раскалённый гвоздь, было спокойно. Слова Флорентийца осветили ей суть отношений между людьми

перед Вечностью. И ещё понятнее стало, как она, дочь, сможет стать матерью тому, кто был ей отцом.

— Если бы только я сумела быть достойной того доверия, какое мне оказано. Я буду день за днём всё крепче думать о том, как воля моих великих друзей льётся через меня. Отец, отец! Я и не представляла, что можно подняться на такую высоту чести и милосердия, где прожил ты. Сейчас я пойду к моей матери и передам ей твоё прощение, твою помощь.

Так думала Алиса, ощущая в себе непобедимую силу и уверенность. Ни минуты она не колебалась и не страшилась, что смутится при встрече с матерью. Не о позоре её она думала, а о реальной помощи, которую могла ей оказать.

Алиса переоделась. Ей казалось невозможным выйти из комнаты в том, в чём она приняла благословение чудесных рук своих великих друзей. Благоговейно сняв своё чёрное платье и не понимая, почему она это делает, она надела одно из лучших своих платьев, белое с чёрным, и пошла к леди Катарине.

Там она застала только Ананду, который принёс матери новый итальянский журнал, рекомендуя обратить внимание на некоторые статьи. Зная, как ненавидела леди Катарина всякое чтение, Алиса была удивлена искренним её интересом. И вид матери сегодня изумил её.

— Что с тобой сегодня, Алисонька? Ты чем-нибудь особенно обрадована? — в свою очередь спросила мать.

— Я так нарядна, мама, что даже поразила вас. А я только что хотела спросить, почему вы так прекрасно выглядите сегодня? Вы просто красавица, хотя и поседели.

— Как я виновата перед тобой, доченька, я не видела, как ты красива и какое сердце живёт в тебе.

— О сердце Алисы слава идёт. О ручках и смехе сказки плывут. Голос Алисы — сам ангел поёт. А щёчки Алисы что розы цветут, — внезапно пропел Ананда, подставляя имя Алисы в народную английскую песню.

Голос Ананды, и всегда поражавший Алису гибкостью и тонкостью фразировки, сегодня особенно проник в её сердце. Как много предстояло ей трудиться, чтобы достичь хоть половины этой музыкальной выразительности. Лукавство, с которым глядел при этом на Алису певец, заставило мать и дочь весело рассмеяться. Под этот смех и вошёл незамеченным Флорентиец.

— Вот это хорошо, Ананда, что ты развлекаешь свою больную. Как вы себя чувствуете, леди Катарина?

— Если бы мне сказали неделю назад, что я смогу так весело смеяться,

как сейчас, я бы не поверила. А вот теперь мне не хочется грустить, сегодня на меня особенным образом действует красота моей дочери, Я понять не могу, в чём дело? Я ли слепа была до сих пор, Алиса ли так изумительно похорошела?

— Быть может, в вашем сердце для Алисы нашлось больше места, и в этом всё дело, вся разгадка, — сказал Ананда. — Нет, что-то сегодня в ней особенное, но что, не знаю. — Надеюсь, что когда-нибудь узнаете. А сейчас я пришёл к вам поговорить о Дженни, — сказал Флорентиец. Леди Катарина вздрогнула и побледнела. — Счастлива ли Дженни по-вашему, леди Катарина? Можете ли вы представить себе её жизнь в эту минуту?

— Дженни не может быть счастлива, лорд Бенедикт. Она обманута теми, кто подле неё сейчас и... мною. Я хотела бежать к моей старшей дочери, чтобы спасти её. Но в вашем доме поняла, что это невыполнимая для меня сейчас задача. Поняла, что сначала мне надо воспитать себя, что я и пытаюсь делать.

— Верите ли вы тому, что говорит о себе Дженни сама? — Нет, лорд Бенедикт. Я слишком хорошо знаю Дженни, знаю, что она никому сейчас не скажет правды о себе, мне же — особенно. — Почему же, леди Катарина?

— Дженни не прощает мне моего бегства к вам, лорд Бенедикт. Но не это главное. Мне страшно за Дженни, когда она узнает о себе... ужасную правду. Я не боюсь её проклятий, я их вымолю. Я боюсь, что гордая моя дочь не сможет этого пережить...

— Не плачьте, леди Катарина, выслушайте меня. Скоро, гораздо скорее, чем вы думаете, я почти со всеми моими домашними уеду в Америку. С вами останутся Ананда, сэр Уоми, Дория, Сандра, Амедей и Тендль. Эти друзья будут всё время с вами и помогут вам отбиться от десятка нападений Дженни и её приятелей. Они не будут знать, что Алиса уехала с нами. И вас будут ловить как приманку. Если вы не будете тверды, если ваши мысли и сердце не сконцентрируются только на одном — спасении Дженни, — вы не сможете по-настоящему помочь вашей бедной дочери. Поймите меня, как мать, всерьёз думающая о жизни своей дочери. Дело вовсе не в том, чтобы вы сейчас же, сию минуту летели к Дженни. Вместо облегчения вы привнесёте ненужный сумбур в её и без того печальную жизнь. Держите перед своим духовным взором ВСЮ жизнь Дженни. Копите в себе силы, чтобы вырасти и иметь возможность помочь дочери в тот миг, когда она сама захочет мира, вместо борьбы и власти над нами, которых сейчас ищет.

Если мать не обладает тактом, она никогда не построит прочный мост

из своего сердца, в особенности к своим детям. Как бы любвеобильны вы ни были, найти путь к единению в красоте человек бестактный неспособен. Всю жизнь трудился пастор над тем, чтобы вы смогли воспринять это маленькое словечко «такт». Есть старики, которым специально даётся долголетие, чтобы они поняли это свойство Любви, чтобы научились распознавать во встречном ЕГО момент духовной зрелости, а не лезли к людям со своими нравоучениями, считая, что раз им что-то кажется, значит, так оно и есть на самом деле, и надо немедленно выложить из своей кастрюли всё, что в ней кипит.

Обдумывайте каждое слово. Всегда распознавайте, что окружает вас, и помните крепко, что бывают положения, когда лучше всего молчать. Кажущаяся инертность человека часто бывает самой активной помощью тому, кто на вашу же инертность жалуется. В молчании человек строит в себе крепость мира и любви, вокруг которой собирается высокая стена невидимых защитников. Образ страдающего, который носит в себе этот человек, видят все незримые защитники, и ни один из них не оставит страдальца, за которого вы молитесь, без своей посильной помощи.

Те же, кто торопливо, суетно, без внутренней энергии несёт эту помощь, те приносят даже вред вместо пользы.

Я вижу, что мои слова не вызывают в вас протеста, как это бывало раньше. Запомните, мой друг, всё то, что я вам сказал. Не сомневаюсь, что Дженни вскоре будет вам писать. Постарайтесь сами разобраться, сколько фальши в её письме. А то, чем вас лично могла бы ранить Дженни, для вас уже не существует. Ваши ужасные узы с Браццано развязаны мною и Анандой. А единственный из людей, кто имел бы право судить вас, ваш муж, он давно простил вам всё. — Но Алиса, Алиса? — прошептала пасторша. — Алиса? Алиса вам не судья. Она тот маленький талисман, который для вас припасло Милосердие.

Флорентиец простился с пасторшей и спустился вниз, Ананда ещё некоторое время побыл с ними, высказал каждой много сердечного участия и утешал мать, скорбящую от предстоящей разлуки с Алисой. Пасторше казалось, что жизнь наказывает её за нелюбовь к Алисе в прошлом и разлучает с дочерью именно тогда, когда она сумела оценить и полюбить её. Ананда терпеливо выслушал её жалобы и попросил вникнуть в слова Флорентийца, поэтому думать не о себе, а о своей главной задаче — жизни Дженни.

Когда Ананда ушёл, пасторша прижала к себе Алису и молча заплакала. Алиса не нарушала молчания, но в сердце своём несла такое ликование любви, что мать утихла и сказала:

— Если бы я могла перенять у тебя хоть малую толику самообладания, дочурка, я бы скорее вернула Дженни.

— Ах, мамочка, всегда кажется, что если бы мы обладали тем-то и тем-то, то могли бы сделать много. А на самом деле мы можем что-то сделать только в своих собственных обстоятельствах. Вы говорите о моём самообладании. Но если бы мои обстоятельства были иными, если бы с детства жизнь не учила меня владеть собой, разве нашла бы я тот поток счастья, в котором живу сейчас? Вошедший слуга подал им почту, обе обнаружили письма от Дженни. Лицо Алисы только порозовело, когда она взяла письмо сестры, но мать так побледнела и изменилась, что Алиса потянулась за каплями.

— Не беспокойся, детка. Хуже того, что я пережила, уже ничего быть не может. Что бы ни писала мне Дженни, да будет она благословенна. Я всё принимаю от неё без упрёка и даю тебе слово помнить только о спасении Дженни и делать всё для этой цели. И предпринимать что-либо без совета и разрешения синьора Ананды я не буду.

Когда мать и дочь прочли письма, они переглянулись. По щекам леди Катарины катились слёзы, и она молча протянула письмо Алисе. Алиса взяла письмо, поцеловала дрожавшую руку матери и вложила в неё своё письмо. И снова встретились взгляды женщин, и они обняли друг друга.

— Нет такой силы, мамочка, которая могла бы заставить вас теперь пойти к Дженни; перед нею сейчас, как перед слепой, нет ни точки света. И она даже не представляет, как может легко и дивно жить человек на земле. Давайте, дорогая, сожжём эти письма, Быть может, их яд сгорит и самой Дженни станет легче, ничто не будет цепко держать в себе кусочек её злобы.

— Я хотела бы, Алиса, высосать весь яд из каждой буквы. Лишь бы Дженни стало легче.

— Порывы вашей самоотверженности, — сказал незаметно вошедший сэр Уоми, — сейчас вредны не только вам одной, леди Катарина, но и вашим дочерям. — Он ласково вынул письма из её рук, бросил их в камин и повернулся к горестно поникшей пасторше. — Не только вы, но и никто из нас не может помочь Дженни в эти несчастные дни. Всем своим поведением она призывает своего настоящего отца, и он не оставляет её без своего влияния и помощи. Он надеется найти в Дженни верного помощника. Но он не учел, что его дочь выросла в доме пастора, чья безукоризненная честь и любовь оставили в Дженни неуничтожимые следы.

Я попросился в помощники к Ананде и принял на себя ответ за вечную

жизнь Дженни, Не бойтесь за неё. Живите, а не ждите чего-то. Работайте, следите за собой, чтобы находиться в светлом кольце наших сотрудников. Поняли ли вы меня и хотите ли ступить сейчас же на путь спасения дочери?

— Да, я хочу, хочу всеми силами сердца. Но мне так страшно. Я ведь всегда жила только порывами сердца, совершенно не умея подчиняться требованиям ума. Как мне взяться за дело? Я ещё не научилась спокойно переносить малейшую неудачу, не то что размышлять серьёзно. Я дала вам, сэр Уоми, обещание, но сорвусь, наверное, в первый же час.

— Важно твёрдо отдать самой себе отчёт, чего именно ты хочешь, леди Катарина. Важно жить, трудясь каждый день так легко и честно, как будто бы это был твой последний день жизни.

Если человек понимает, что внешнее — это всего лишь изменяющаяся оболочка, не имеющая особого значения, что нужна невидимая сила, убеждённость, вера и верность, — никакого героизма ему и не понадобится. Любовь поведёт человека весело и радостно. Любящее, верное и преданное существо только счастливо тем, что может быть полезным своим близким. А плачут о себе.

Вдумайтесь хорошенько в мои слова. Тот, кто ставит во главу угла себя, свои достоинства, свои таланты и достижения, — только гот не войдёт в круг жизни светлого братства людей, посланцы которого окружают вас сейчас. Совсем не важно, как вы прожили жизнь до сих пор, чем вы жили, что составляло ваши интересы. Ещё менее важно, как о вас судят ваши знакомые и приятели. Кто не испытал сам, как страдание переворачивает человека, как в одно мгновение он может перейти некий рубикон и очутиться на совершенно иной ступени жизни, с иным пониманием, оставив многие прежние понятия, — тот отрицает чудо оживотворения аспектов жизни в человеке. Истинные перемены в людях всегда происходят мгновенно. Мгновенно, ибо в сердце у них быстрее молнии раскрывается новый аспект Любви.

Если люди неустойчивы, их внутреннее преображение, совершающееся в одну минуту, сопровождается таким длительным и нудным периодом умирания старой личности, что они смешивают это время мучений с блаженным мигом счастья самого преображения. Если в вас живёт одна мысль: стать силой Любви, дабы приобщиться к нашему труду и спасти дочь, вы спросите себя только об одном. Верите ли вы мне и Ананде до КОНЦА? Верите ли вы нашей чести, любви, самоотверженному милосердию? Верите ли вы нашей верности ТЕМ, кто выше нас в своём совершенстве, кто руководит нами и за чьей верностью следуем мы своей

преданностью и нерушимым, добровольным послушанием?

— Сэр Уоми, будучи когда-то неразумным, никого кроме себя не любившим существом, влюбленным и злым, я дала клятву Браццано. страшную, не на жизнь, а на смерть. Сейчас я впервые научилась любить. Впервые открылись глаза моего сердца. И пастор первый стал для меня светом и законом. Ему теперь клянусь в верности. Ею благословляю. За вами и Анандой иду сейчас. Кроме этого пути, у меня нет иного. Не рабою хочу быть. Моё единственное счастье теперь — быть в послушании у вас. Вот моя мольба.

Пасторша опустилась на колени перед сэром Уоми. В этот момент вошёл Ананда. Сэр Уоми поднял леди Катарину, лицо которой сияло и в глазах застыли слёзы, положил обе руки на её голову, а Ананда взял в свои руки обе руки пасторши и соединил их с руками Алисы, говоря:

— В новой семье нянча внуков вы окончите свои дни. Помните этот час. Готовьтесь не к жертве, не к борьбе, но к единственной вашей задаче: любить и быть верной делу своей любви до КОНЦА.

Не в ярости любовного распятия вы можете спасти Дженни. Но в высшем самообладании. В ровности духа при ВСЕХ внешних случайностях. Не мудрствуйте. Делайте то, что мы будем вам говорить. Но помните, что, исполняя лишь половину, вы примёрзнете к месту, и Жизнь пройдёт мимо вас. Действуя наполовину, ни шагу к истинному совершенству не сделаете, хотя бы весь день суетились как белка в колесе. Ни одно сердце не расцветет и не успокоится подле вас, если ваш дух мигает.

Не радуйтесь и не плачьте от того, что сегодня вы могли бы поставить себе — плюс или минус. Но несите в сердце конечную цель — Вечное, это единственное, чем могут жить люди светлой Общины.

Оба великих друга, сэр Уоми и Ананда, сели возле пасторши и Алисы, и сэр Уоми сказал, что тоже получил письмо от Дженни, но о нём и говорить не стоит. Оно свидетельствует только о том, насколько Дженни далека от правдивости и истинного понимания людей и событий.

— Алиса уедет, но подле вас, леди Катарина, останется Дория. И я остаюсь с вами, а также Ананда и Сенжер. Все мы близки вам, и ваши дела, ваша жизнь нам дороги. Быть может, впервые вы наконец поймёте, что не только близкие по крови люди освещают нашу земную жизнь, придают ей глубину и смысл. Не бойтесь нас. Не думайте, что наше превосходство по части каких-либо знаний и сил даёт нам право считать себя выше кого-то. Чем больше знает человек, тем лучше понимает он страдание каждого встреченного. Не нам вас судить мы только вам поможем.

А вам, вам нужно понять только, что когда-то давно каждый из нас был самым простым, обычным человеком и шёл таким же простым трудовым днём, каким идёте вы сейчас. Если вы это поймёте, если поверите, что всё, чего мы достигли, произошло только потому, что Любовь учила нас самообладанию, вы найдёте тот же путь. Но найдёте его по-своему, так, как укажет вам ваше смиренное и раскрытое сердце. Когда человек достигает мудрости, то первыми он находит в себе смирение и ровность духа.

Бунт и всяческое ревнивое трепыхание страстей, желание постоянно объясняться с людьми и объяснять им себя, всё отлетает от человека, как и страх перед грядущими событиями. Надо отвыкнуть превращать дни в некие жалкие обрывки: «вчера», «сегодня», «завтра». Все ваши дни — это череда мгновений Вечности, в которых нужно ясно видеть конечную цель. Как Млечный Путь не имеет для вас ни начала, ни конца, когда вы смотрите в сверкающее огнями небо, так и вереница дней не ограничивается стадиями чувств; наши дни, страдания и радости, наше движение вперёд — всё это создаётся с предельным напряжением. Сейчас вы видите вереницу тяжких дней у Дженни. Разве это всё, что она может сделать? Вы хотите броситься ей на помощь. Разве вы в силах повернуть течение событий в её жизни, если они созданы ею, а не вами? Но и тут ваша доля спасительной помощи может дойти до дочери только в том случае, если ваше самообладание будет так велико и стойко, что ни страха, ни слёз, ни мыслей о себе у вас уже не будет.

Не пугайтесь того, что это далеко и недостижимо, что, пожалуй, вы успеете умереть. Однако если вы сможете помнить, что каждый час вашей жизни, прожитый в мыслях о помощи, строит для дочери спасительный мост только в том случае, если вы мужественны, вы будете крепнуть день ото дня. И будете жить так долго, сколько будет нужно. Об Алисе и о разлуке с ней не думайте. Всякая разлука мучительна только до тех пор, пока человек не созреет духом, чтобы посылать творческий ток любви с такою энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа развивается так же, как всякая другая способность человека. Не загромождайте свой день непосильными задачами. Живите просто. Так просто, как будто в прошлом не было ничего. И каждый расцветающий день — это заново строящаяся жизнь. И о будущем не терзайтесь. Его нет. Его вы ткете своим настоящим. Поэтому каждую текущую минуту живите со всею полнотою чувств и мыслей, раз и навсегда изгнав сомнения.

Сэр Уоми и Ананда увели с собой Алису, посоветовав леди Катарине не отвечать на письмо Дженни. Оставшись одна, пасторша взяла в руки

прекрасный портрет своей старшей дочери. И в мыслях она никак не соглашалась признать, что нет больше Дженни Уодсворд, а живёт на свете Дженни Седелани. Считая себя главной причиной несчастья дочери, леди Катарина не могла примириться с тем, что пока ничем не может ей помочь. И в то же время понимала, что Дженни сейчас ненавидит её так, как только одна злопамятная Дженни и умеет ненавидеть. И будет ненавидеть её ещё больше, когда узнает правду о своём рождении. С этими печальными мыслями застала её Дория. Поняв мгновенно настроение пасторши, она сказала, что леди Цецилия нездорова, а Генри должен ехать на вокзал встречать молодых Ретедли вместе со всею семьей. Пасторша немедленно предложила свои услуги. — Но ведь вы нездоровы. Вы очень бледны и измучены. — Нет, я совершенно здорова. Мне доставит огромную радость хоть как-нибудь отблагодарить милых родственников, перед которыми я так виновата.

И леди Катарина поспешила к леди Цецилии. Генри был тронут появлением тётки и спокойно отправился на вокзал. Радостно, шумно, весело встретили Лизу и капитана.

Глава 20

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛОРДА БЕНЕДИКТА И ЕГО ДРУЗЕЙ В ЛОНДОНЕ. ТЕНДЛЬ. ИСПОВЕДЬ И СМЕРТЬ MARTИНА. ЕЩЕ РАЗ МУЗЫКА. ПРОШАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

Возвратившись из деревни, капитан приступил к своим служебным обязанностям и начал осмотр парохода, готовясь к дальнейшему плаванью. Оставив Лизу у её родителей, капитан вечером поехал к лорду Бенедикту, чтобы узнать, сколько и какие каюты оставить для него. Покончив с делами, лорд Бенедикт спросил Джемса, что его беспокоит и почему у него далеко не сияющий вид.

Капитан улыбнулся, и ответил, что уже привык к тому, что скрыть от Флорентийца свои мысли невозможно. Но сейчас его беспокоит только море; за последние дни произошло несколько морских катастроф. Воспоминание о последней, пережитой на Чёрном море буре вставало в воображении храброго капитана и страшило его, ответственного за такое количество драгоценных жизней.

— Я и сам не понимаю, откуда во мне такое смятение. Правда, последняя буря перещеголяла всё, что мне когда-либо приходилось испытывать. Правда и то, что никогда ещё мне не приходилось везти так много близких и дорогих людей. И всё-таки я не понимаю, почему именно этот рейс заставляет меня так волноваться.

— Очевидно, у вас нет уверенности, что если я подле вас, то с вами ничего не может случиться. Если бы в вашем сердце жила подлинная верность тому, кого вы назвали человеком ваших мечтаний, там не было бы места страху и не было бы и тени беспокойства за всех нас и вообще о будущем, Джемс. Вы были бы заняты только одним: подготовкой судна к плаванью в полном самообладании и спокойствии. Человек может удачно справиться с делом, если даже самые мелкие личные переживания не нарушают его самообладания. Такое цельное внимание, цельное самообладание является необходимостью для успешного творчества самого обычного человека. Но вы, Джемс, вы ведь хотите идти дальше? Вы хотите, как говорили не раз, идти за мной. Где же радость, что льётся из вашего сердца, если вами понят ваш путь? Друг мой, если вы вступили на путь Жизни, отбросьте предрассудок заботливости, проявляющийся в страхе и волнениях. Как бы вы ни уверяли себя и других, что плачете, тревожитесь,

сомневаетесь и страдаете о ком-то, вы переживаете в форме личного страдания только потому, что думаете о себе.

Сейчас не о временных наших формах думайте, но развивайте всю отвагу, всю силу Любви и память о вечности, чтобы радостно готовить судно к отплытию. Человек иногда говорит: "Злое предчувствие давит меня. Я знаю, что погибну". На самом же деле он ничего не знает. Но дух его слаб для тех испытаний, которые он сам, всей своей деятельностью в веках, вызвал к жизни. Если бы он держал перед глазами духа величие своего извечного пути, — он победил бы, несомненно, и на этот раз.

Флорентиец подошёл к капитану, положил ему руки на плечи и посмотрел в глаза с такой лаской и нежностью, что тот почувствовал, как в него словно проникло тепло солнечного луча, обняв своим Светом его сердце. И в этом Свете растворились волнения Джемса.

— Иди, мой сын. И эту радость, что ощущаешь сейчас, привноси во все дела и встречи. Со свойственным тебе тактом ты не будешь гонцом, кричащим на базаре. Ты никому не станешь навязывать своей веры, назойливо объявляя ее единственной истиной. Но уверенность твоего сердца, уверенность от знания, что я с тобой, а следовательно, ты в защитном кольце, передастся каждому, кого ты посадишь на свой корабль. Иди и помни, что вокруг тебя моя защитная сеть. И судно твоё дойдёт благополучно, пусть вокруг и бушуют ураганы. Нести свой день труда надо в радости.

Преображенным вышел капитан из кабинета своего великого друга, и ему показалось, что с пего епанчи какие-то неудобно давившие его латы.

В это время сидевшая у матери Алиса старалась успокоить бедную леди Катарину, по-прежнему переживавшую за безобразную свадьбу Дженни и её теперешнюю жизнь. Стоило ей услышать о свадьбе пли жизни Лизы, как моментально в её памяти вставали картины последних девичьих дней Дженни, её свадьбы и сцены в судебной конторе. И всё существо пасторши наполнялось горечью, когда она сравнивала эти две молодые женские жизни. Услыхав, что у лорда Бенедикта сидит Джемс, пасторша снова заплакала, прильнув к Алисе.

— Детка моя, неужели жизнь не наградит тебя в двойном размере за все те муки, что выпали на долю Дженни?

— Зачем же мне двойная удача, мамочка? Единственное, чего бы я хотела, так это стать достойной того счастья, что на меня свалилось.

К ним вошёл сияющий капитан и разговор их прервался. Ласково поздоровавшись, он передал Алисе просьбу Флорентийца спуститься к нему, если она свободна, в девять часов, а пока прислать к нему Сандру,

которого он, Джемс, нигде не может найти.

— Если Алиса свободна? Я думаю, если бы Алисе предстояло спешить к Господу Богу, то и тогда она отложила бы своё свидание и побежала к лорду Бенедикту. Беги, дитя, ищи скорее Сандру. Куда бы это он мог запропасться?

— Уж я-то знаю, где искать Сандру, если он исчез, — засмеялась Алиса. — Ему взбрело на ум, что он нашёл новую звезду благодаря своим математическим вычислениям. Потихоньку от всех он соорудил себе обсерваторию в левой башне, на чердаке. Наверное, и сейчас гам колдует. Бедняга еле-еле владеет собой, ему так тяжело, что он стегаётся здесь.

— Как я его понимаю! Я бы на его месте тосковал не меньше. Хотя отлично знаю, что навязываться или напрашиваться ни на какие, даже самые простые дела нельзя. Нельзя выбирать себе дело или судьбу, стоя подле Учителя.

Алиса убежала искать Сандру и нашла его, как и предполагала, в импровизированной обсерватории. Сандра был так увлечён своими наблюдениями, что не только не заметил прихода Алисы, но и не слышал, как она его окликнула. Только когда девушка притронулась к его плечу, Сандра в испуге вскочил и сразу не мог сообразить, что перед ним Алиса.

— Да как же вы могли сюда войти? Ведь я запер дверь на ключ. И как вы могли знать, что я здесь?

— Немудрено войти в открытую дверь, это раз. Ещё менее мудрено знать, что у вас здесь... мастерская, — сказала Алиса, осматривая чердак. — Вы ведь таскали всё мимо меня, через галерею, в вашу обсерваторию, которую правильнее было бы назвать норой колдуна. Это что за орудия пыток? — указывая на какие-то стойки, выведенные в слуховое окно, спрашивала смеясь Алиса.

— Нора колдуна! Извольте радоваться, — огрызнулся было Сандра. Но осмотрев своё помещение, которое сейчас осветила Алиса, заваленное ящиками, трубами, чертежами, — присоединился к смеявшейся девушке.

— Я не сомневаюсь, милая дама, что вы явились к колдуну заказать ему свой гороскоп. Оставайтесь же в старых девах и не мечтайте о дамском чепце, — хохотал Сандра.

— Я не сомневаюсь, что ваше проникновение в моё будущее равно вашему астрономическому предвидению. Идите-ка лучше к лорду Бенедикту и покайтесь, что испортили часть чердака в его доме.

— Побойтесь Бога, Алиса! Неужели же вы разболтали о моей мастерской лорду Бенедикту? Что же это будет теперь? На скачках он сказал, что у меня повырастали четыре ноги, что же будет теперь?

— Уж наверное скажет, что вы завели себе четыре глаза. Идите же скорее, он вас зовёт. Вдруг он поднимется сюда?

Сандра схватил девушку за руку, выбежал с нею через узкую дверь и захлопнул её.

— Только этого ещё не доставало, чтобы все подняли меня на смех, — смущённо говорил бедный учёный, спускаясь с Алисой вниз.

— Сандра, да на кого вы похожи? Неужто можно идти к лорду Бенедикту в этой грязной блузе? А руки? Да вы весь точно в саже.

— Бог мой, Алиса, что же мне делать? Не может же... Перед Алисой и Сандрой выросла мощная фигура Флорентийца.

— В моём доме парочка заговорщиков? Где же это вы оба были? Почему ты, Алиса, стала похожа на зебру? Да и ты хорош! Ты, Сандра, кузнечное дело изучаешь вместе с Алисой?

Лорд Бенедикт весело смеялся над своими юными друзьями, вконец растерянными. И Алиса с удивлением обнаружила на платье тёмные полосы.

— Ну, признавайся, друг, что ты там начудил в башне? — Да я только выковал закрепы и не предполагал, что будет так много сажи.

— Хорошо ещё, что ты нас не спалил, — продолжал улыбаться Флорентиец. — Если бы ты мне сказал, что башня тебе нужна для обсерватории, я бы тебе предложил правую башню, где у Николая и Наль отличная мастерская. Ну, полно, не смущайся. Беги к себе и приведи себя в порядок. После ужина зайдёшь ко мне. Я побеседую пока с Алисой.

Флорентиец прошёл с Алисой в музыкальный зал. Здесь горела только одна лампа. Зал тонул в полумраке, и лорд Бенедикт сел у окна, усадив девушку рядом с собой.

— Чувствуешь ли ты, дитя, как особенно чиста в этой комнате атмосфера?

— Всякий раз, когда вхожу сюда, я как-то по-особенному радуюсь. Мне становится легче жить, как будто бы на меня снова сваливается счастье. Но с тех пор, как здесь играл и пел Ананда, эта комната стала для меня храмом. А после того, как здесь однажды пели, я поняла, что такое песня. Но ваша песня была так величественна, так недостижимо, божественно высока, что она не вызвала во мне ничего, кроме молитвенного экстаза и преклонения. У меня даже не мелькнуло дерзновенной надежды когда-либо приблизиться к такому совершенству. Когда играет и поёт Ананда, я тоже преклоняюсь перед его искусством. Но тут я чувствую, что эту музыку может постичь человек. И теперь, входя сюда, словно попадаю в храм моих мечтаний. Я как будто бы начинаю понимать, что на моём земном пути мне

придется трудиться в музыке не только для собственной радости, но как на предназначенном мне пути служения. Не подумайте, что я хочу сказать, что надеюсь играть и петь, как Ананда. Я знаю только, что предел того, чего можно достичь, отдавая искусству всё бескорыстие своей любви, указан Анандой.

— Это так, Алиса. Но в теперешней твоей жизни перед тобой стоит несколько сложных задач. И ни об одной нельзя сказать, какая из них главная. Семья, глубочайший смысл которой ты знаешь. Музыка, значение которой ты постигла. Сестра и мать, для спасения которых ты должна познать самое дно их несчастья, — всё одинаково важно для того служения людям, ради которого ты попала в мой дом и встретила здесь с людьми, призванными строить общину с новым типом единения людей. Ты уже видишь две семьи, Наль и Лизы. Перед тобой проходят путь две будущие матери. Ты наблюдай их постепенный рост, их ошибки, волнения, разлад, восторги и счастье.

Только тогда ты войдёшь в круг материнских дел и обязанностей, когда освоишься с ними на чужом, но близком тебе опыте. Ты поймёшь всю их важность, ответственность и сумеешь сама нести их легко, весело, просто. Но когда же ты сможешь, друг мой, быть настолько внутренне свободной, чтобы создать лёгкую и радостную жизнь в семье, где бы люди, глубоко и широко психически одарённые, могли развиваться без помех, среди полной свободы? Когда ты будешь в состоянии стать во главе такой семьи, которая перевернула бы уродливый и затхлый быт иных семей, где гибнут в удушливых парах собственных страстей, называя их любовью? Чудовищное насилие, навязывание всем и каждому своих представлений и понятий. Выбор детям компании по своему вкусу, а не по тому, что необходимо для роста их дарований — всё это называется в обывательских семьях словами «любовь», «забота», «опека». Только тогда ты станешь истинной матерью-воспитательницей, когда отбросишь от себя три понятия. Первое — страх, второе — личное восприятие текущей жизни и третье — скорбь.

Задумайся над тем, что такое страх. Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живёт в человеке одно, но всегда окружено роем гадов, не менее разлагающих всё наиболее ценное в духовном мире человека, чем самый страх. Страх также заражает всё вокруг, наполняя атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых сильнее яда кобры. Кто наполнен страхом, тот подавлен как активное, разумное и свободно мыслящее существо Мысль только тогда может жить, улавливая интуитивные озарения, когда существо человека гармонично,

когда все силы его организма находятся в равновесии. Вот тогда ты попадаешь — через сознательное — в то сверхсознательное, где живёт божественная суть твоего творящего существа. Если же мысль твоя заточена в каменный башмак страха, ты не в состоянии оторваться от животной, одной животной основы твоего организма. Твой дух не раскрывается.

Люди, воображающие себя духовно озарёнными, а на самом деле только изредка сбрасывающие башмаки страха, самые жалкие из всех заблуждающихся. Их вечные слёзы и стоны о любимых на самом деле только жалкие обрывки эгоизма и плотских привязанностей к текущей форме, без всяких порывов истинного самоотвержения.

Люди, подгоняемые страхом, это неполноценные человеческие существа. Созидать великое, создавать жизнь как её строители они не могут. Они живут только в мире текущих форм, а всё, что способно создавать, живёт в двух мирах: в мирах трудящейся земли и трудящейся неба. Дух этих строителей переносит на землю сияние тех форм Вечного, которые им било дано увидеть и запечатлеть в своей памяти.

Второе понятие, от которого тебе предстоит освободить свой дух, есть личное восприятие жизни. Что это значит? Как, Алиса, тебе, молодому существу, призванному жить полной жизнью, существу, которое каждую летящую минуту должно отдавать всю полноту чувств и мыслей любому делу до конца, как тебе воспринимать эту освобожденное от своего низшего «Я», принадлежащего одной земле?

Всё, мой друг, в человеке живущее, так крепко спаяно одно с другим, что нельзя вырвать из себя какое-то одно чувство, чтобы весь организм не ответил эхом. Если ты сегодня, в эту минуту, поддалась страху, весь твой организм заболел. Если ты продвинулась в радости и героическом чувстве, ты вплела в свой организм те налоги победы, которые через некоторое время войдут в твою жизнь. Если ты победила страх, потому что знаешь в себе божественный храм сердца, ты уже сдала первый экзамен, сделала первый шаг к жизни в Вечном. Каждая минута земной жизни для тебя — только мгновение текущей Вечности.

Когда ты твёрдо знаешь этот закон мировой Жизни, в тебе исчезают чувства и страсти, диктуемые условностями, ты не сравниваешь свою судьбу с судьбами других людей, а следовательно, в тебе нет почвы для зависти, ревности и суждений, идущих от одной плотской любви. Исчезают понятия "мой дом", "моя семья", "мои дети", "мои друзья" и т. д. Тебе принадлежит лишь радость сознавать, что всё живущее на земле только выполняет свои ВЕЧНЫЕ Задачи. Отсюда само собой вытекает то третье

понятие, которое так отягощает жизнь человека. И не только отягощает, но и не даёт ему возможности увидеть, что живёт он в двух мирах.

Я говорю о скорби. Тебе известно древнейшее из изречений: "Глаза, которые плачут, не способны видеть ясно".

Если ты знаешь бесстрашие, но не от ума, а от раскрывшегося для любви сердца, ты знаешь путь Вечного. И тогда тебе известно, что твоя земная жизнь есть труд в двух мирах. Ты больше не выбираешь уже, что тебе выгоднее и удобнее, но творишь со всей полнотой сердца, принимая радостно все свои обстоятельства как именно те, в которых тебе быстрее, легче и проще изжить это протекающее мгновение. Ты видишь своё служение Жизни в той форме, в том месте и времени, в которых она нуждается. Не твоё личное «Я», но то, что идёт через тебя, составляет твою творческую задачу.

Если видишь страдания человека, не плачь о нём, ибо слезами не поможешь. Помощь — это твоё ясное видение Вечности в человеке. Ясное понимание того, в каком месте своей эволюции в вечном движении Жизни находится данный человек. И тогда ты поймёшь его счастье, заключающееся в том, чтобы подобрать звено, выпавшее из сковывающей его цепи прежних страстей и преступлений. Ты сможешь увидеть, что для него настал момент подобрать, радостно изжить и вынести на своих плечах не только это звено, но и всех, кто помогал выковывать его взаимными оскорблениями, огорчениями, ссорами, предательством и изменой.

Великая скорбь, выплёскивающаяся наружу слезами, есть скорбь невежественности. Запомни, дорогая, что скорбь — это мысли о себе.

Чтобы, дочь моя, ты смогла выполнить задачу этого воплощения, тебе нужно найти так много радости и любви, чтобы взойти на ступень выше, где скорби уже не живут. Пусть не удручает тебя то, что ещё далека та ступень. Ты к ней ближе, чем думаешь. Иди теперь, переодень платье и приходи ужинать. Я уже слышу гонг. Кстати, завтра мы поедem на могилу твоего отца. Скажи об этом Артуру и матери. Вели садовнику срезать все лучшие цветы. Эго будет наш прощальный к нему визит. Мы зайдём и в твой дом, где поселится семья родственников Дории.

Алиса едва успела переодеться и вошла в столовую последней.

— Я тебя, Алиса, нигде не могла найти. Мы с Николаем задумали попросить тебя поиграть нам после ужина, — сказала Наль.

— Прекрасная идея, — поддержал Ананда. — Я буду очень рад принять участие в музицировании. Я получил ноты от Анны. Она с увлечением пишет мне о новом концерте для виолончели композитора Б. Вы, Алиса, не откажетесь разобратъ его со мною?

— Боюсь, что не сумею сразу сыграть, как вам нужно. Но если вы мне дадите час времени, я проиграю партитуру одна, и тогда у меня будет больше смелости и уверенности, что не испорчу эту вещь.

Наль протестовала, Сандра, которого разрывало два желания — и к лорду Бенедикту идти, и услышать новый концерт — ратовал за предоставление Алисе времени; Амедей, которому надо было съездить куда-то на час, присоединился к просьбам Сандры.

Хозяин дома примирил всех, предложив послать коляску за Лизой и Джемсом, а также за стариками Е. и дать возможность услышать новое произведение всем. На этом и разошлись после ужина. К Ананде и Алисе, отправившимся репетировать, присоединились сэр Уоми и Сенжер, а Флорентиец и Сандра направились в кабинет хозяина.

— Тебе, Сандра, всё ещё кажется великим горем разлука со мною? Ты не можешь переварить спокойно, что Генри едет со мной, а ты остаёшься? Сандра глубоко вздохнул и не сразу ответил: — Сказать, что я по-прежнему воспринимаю разлуку с вами, дорогой Учитель, как катастрофу, я не могу, знаю, что должен столькому научиться за два года, что дни и ночи буду занят. С другой стороны, Генри так работает над собой, так стойко переносит свою разлуку с Анандой, столько рыцарства в его поведении по отношению к тётке, матери и Алисе, что я давно перестал считать себя более достойным вашего общества. Я стараюсь выполнить и даже перевыполнить данную вами программу.

— Поэтому ты и решил потихоньку смастерить себе обсерваторию, — улыбнулся лорд Бенедикт.

— Нет, я не так наивен, чтобы думать, что от вашего взора можно что-то укрыть, — рассмеялся Сандра. — Я просто надеялся, что успею что-нибудь сделать прежде, нежели ваш взор меня настигнет. Я не воспользовался лабораторией Николая, потому что сам отшлифовал себе новые стекла, за которые только сейчас могу поручиться, что они хороши. Моя кустарная работа только внешне безобразна, но трубы, по-новому мною рассчитанные и теперь уже испытанные, хороши. Кроме того, наши с Николаем методы совершенно различны. Если оба мы правы, мы найдём новое светило. Я говорю обо всём вкратце, потому что знаю, как вы всё понимаете с полуслова. Что касается моей скорби по поводу разлуки с вами, мой друг, мой отец, хотя я и сказал вам, что это уже не катастрофа для меня, но... дважды быть слабее женщины для меня уже невозможно. Сейчас я живу работой и всегда ощущаю вас настолько близко, точно вы действительно рядом. Если бы я провожал вас месяц назад, я плакал бы день и ночь, долго был бы болен, не мог бы работать и скорби моей не

было бы конца. Теперь я нашёл вас в своём труде. Стоит мне начать заниматься и подумать: "Для Общины", — как мои мысли перестают походить на тяжело движущиеся жернова. Я вижу вас рядом с собой, я советуюсь с вами, мне даже чудится, что я слышу, как и что вы мне советуете.

Иллюзия, до смешного яркая, обжила даже мой чердак, который злючка Алиса прозвала норой колдуна. Иллюзия вашего тихого голоса, как-то странно, не то внутри меня, не то откуда-то издали звучащего, но звучащего настолько полно, что я радуюсь общению с вами точно так же, как радуюсь сейчас. Резюме моё: нет для моего духа разлуки с вами. Ну, тело, тело будет жить трудом, надеждой стать достойным вас и благодарностью за то, что вы оставили меня подле Ананды.

Разлука с вами, любимый отец и друг, для меня тот оселок, на котором я должен отточить свою волю. Я так наивен во всех жизненных делах, что если бы не Амеды, всегда меня выручающий своими заботами, я забывал бы о самых элементарных вещах, ходил бы в лохмотьях и прочее. Я должен научиться быть полезным и Амедю, который, я ни на минуту в этом не сомневаюсь, страдает больше моего, разлучаясь и с вами, и с Алисой.

— Сандра, бедный и вместе с тем богач Сандра. Твоя радость, твоя лёгкость, с которыми ты принял огромный труд, взваленный на тебя мною, та простота, с которой ты подошёл к задаче, которую я перед тобой поставил, то, что ты ни разу не отрицал те обстоятельства жизни, что вставали перед тобой, — всё это провело тебя в мудрости дальше, чем могли бы это сделать годы ученичества, если бы ты умничал и ждал, пока внутри тебя что-то созреет для активных дел среди людей, тебе указанных. Я не могу пока открыть тебе твоей счастливой кармы со всеми теми людьми, которыми ты сейчас окружен. Но я могу поздравить тебя, что последние сучки между тобой и Генри, между тобой и Амедеем ты сегодня вынул.

Видишь ли, друг мой, множество людей ищет всю жизнь Бога и дел Его. Всю жизнь мечтает об Учителе, о пути с ним и жизни подле него. А когда заботами невидимых тружеников неба подходит к тропе, на которой может встретить Учителя, начинает отрицать её, видя в ней прежде всего земную форму, а не Вечность, куда по ней можно прийти.

Выходит, что им важна была не весть, которая до них дошла, а муравей, что её принёс. Внимание их концентрируется на муравье и на собственном духовном умничанье, которое равносильно убожеству. В тебе нет мелочности. Ты видишь величие Жизни во всех путях и формах. И теперь, когда ты полностью, без слёз, без отрицания, без слабости, принял свой

урок разлуки, когда ты мужественно и верно начал трудиться с нами, ты выполнишь свою задачу раньше срока, и не пройдет ещё двух лет, как ты начнёшь строить с нами общину. В твоих печалях, Сандра, не последнее место занимает Дженни. У тебя чешутся руки помочь ей.

Но здесь ты должен призвать на помощь всю твою ученическую мне верность. Я запрещаю тебе входить в какие бы то ни было отношения с Дженни и со всей её компанией. В данную минуту ни ты, ни Алиса, ни я, ни Ананда помочь ей не сможем. Я жду, что Дженни, не подозревая, что мы уезжаем и увозим с собой Алису, непременно предпримет нападение и на тебя, и на Тендля, считая вас обоих совершеннейшими простофилями, и будет писать вам душераздирающие письма. Не верь ни одному слову. Дженни полна не скорби, а злобы. Не печаль разлуки, не мука отверженной, а зависть и терзания ревности разрывают её. Дженни думает только о мести. Итак, моё вето любви лежит на тебе по отношению к Дженни. Иди теперь, благодарю тебя за верную службу, надеюсь, что отныне ты неизменно будешь всё ближе, крепче и бесстрашнее идти за верностью моею.

Флорентиец обнял юношу, проводил его до двери, у которой уже ждал мистер Тендль, чрезвычайно взволнованный. Флорентиец впустил его в кабинет и сказал Сандре:

— Попроси Ананду не начинать, пока я не приду. Ну что, мой brave капитан?

— Ох, адмирал, я ещё никогда не был в таком смятении, — ответил Тендль, тяжело опускаясь в кресло. — Мартин умер полчаса назад. И этот вот ужасный пакет он просил передать тому человеку, которого обнаружил в вашем кабинете в тот день, когда залез сюда через окно. Я так и не мог добиться от него, кто же был этот человек. — Это был я, — сказал князь Сенжер.

Тендль, нервы которого были натянуты до предела, вздрогнул от неожиданности.

— Я понимаю, как вы должны быть расстроены, если столь долго пробыли с несчастным Мартином и несли в руках плод его многочисленных преступлений. Возьмите мою конфету, она подкрепит вас лучше всяких успокоительных капель.

Тендль машинально взял в рот конфету. Он не мог собрать свои мысли и не знал, с чего начинать.

— Итак, капитан, поручение моё превысило ваши силы? — спросил Флорентиец.

— О нет, адмирал. То ли конфета князя обладает какими-то

волшебными свойствами, то ли пакет Мартина внушал мне такое отвращение, только я уже владею собой и могу рассказать всё толком. В тот день, как вы мне приказали, я отправился к Мартину. Я нашёл его совершенно запущенным, брошенным, больным. Я нанял ему отдельную палату в одной из частных лечебниц, пригласил к нему сиделку и поручил его наблюдениям нескольких врачей. Каждый из них интересовался болезнью пациента, охотно брал деньги за визиты, но всё лечение сводилось только к этим визитам. Наконец, один из них сказал мне, что надежды на спасение больного нет никакой. Но при хорошем питании и уходе можно надеяться на возврат памяти и речи, правда, всего на несколько дней.

Я послушался врача, перевёз Мартина в тихий дом на окраине, и там он три дня назад заговорил. — Тендль немного помолчал, несколько раз глубоко вздохнул, словно желая выдохнуть что-то очень тягостное. — Я не помню, чтобы когда-либо в жизни был так несчастен, как в эти дни. Мартин сознавал, что он умирает, и весь первый день его речи были сплошным проклятием Браццано и Бонде. Попало и Дженни, о которой он говорил чудовищные вещи, что можно объяснить только его безумием.

В середине второго дня в больном произошёл перелом. Ему стало чудиться, что он видит человека, с которым встретился в этой вашей комнате. И он стал взывать к милосердию и молить подарить ему фиалку. Он клялся, что никогда не крал кольца, что кольцо с фиалками из аметистов, за которым Браццано гонялся по всему свету, украл подкупленный лакей. Но что затем кольцо было передано одному из агентов Браццано и исчезло у того самым загадочным образом, когда он уже возвращался домой, в Константинополь. Судьба этого кольца, с которым Браццано связывал некоторую свою власть над вами, князь Сенжер, никому неизвестна.

Много ещё непонятных и безумных вещей говорил Мартин. В своих воображаемых беседах с вами он исповедовался. Я совершенно не был в состоянии представить, что человекообразное существо может опуститься так низко. Я пытался остановить его, убедить, что никого кроме меня в комнате нет. Он начинал буйствовать, швырял в меня чем попало и укорял, что я мешаю ему очиститься в последней исповеди хотя бы настолько, чтобы Браццано не мог беспокоить его душу, вызывая её после смерти и заставляя повиноваться и служить его грязным целям. Он кричал, что вы, князь Сенжер, обещали ему спасение и защиту, если он откажется от злой жизни и возвратит часть ворованного добра тем невинным, которых разорил. Вот в этом ужасном пакете, как он уверял вас в своей зрительной

галлюцинации, вы найдёте документы его сестры, матери, жены, сына, которых он пустил по миру за их нежелание разделить его разбойничью жизнь. Он уверял, что здесь его шкатулка, полная драгоценных камней, с которыми он хотел бежать от своей шайки, ожидая удобного случая.

Он просил вас разделить эти сокровища между обворованной им семьей и... ужасно выговорить!.. между детьми женщины, которую он обманул, бросил и довёл до виселицы, взвалив на неё своё преступление и подкупив судью и стражу. У меня нет сил передать вам весь ужасный синодик Мартина, я запомнил только число жертв, им погубленных на виселице, в каторге и тюрьме — он называл цифру 140, - которую повторял мне несколько раз, вернее, твердил её вашему воображаемому образу.

Непрерывный разговор с вами, исповедь с немислимыми подробностями издевательств над своими жертвами продолжалась почти до вечера. Только часа два тому назад он утих и стал благодарить вас за милосердие. Но его ненависть к Браццано осталась такой же жгучей, и несчастную Дженни он проклинал, навязывая ей чудовищное родство. Не веря ничему, что Мартин говорил о Дженни, я всё же пришёл в ужас от компании, в которую попала несчастная девушка, мучаюсь тем, что не могу ей помочь. Я ничего не знаю о её жизни сейчас. Но на днях я случайно зашёл в музей повидать своего приятеля, который там работает. Проходя через Египетский отдел, я вдруг увидел Дженни, которая не заметила меня. О, Господи, я, должно быть, никогда не забуду этого лица. Большого отчаяния, большей скорби на женском лице ни один художник ещё не отобразил. Только у дверей рая отверженное существо могло бы так смотреть, ожидая, не выйдет ли оттуда её спаситель.

— Да, дорогой Тендль, — сказал Сенжер, — Дженни действительно ждала. Но ждала она не спасителя, а жертву, свою невинную сестру, которую приказал украсть и привезти для своих гнусных целей Браццано.

Да, Браццано отец Дженни, и, к сожалению, это единственная правда, которую сказал вам умирающий злодей. В его исповеди всё пропитано ложью, в которой он привык жить. Много, гораздо более ужасное он скрыл, а другое исказил так, что и следов не найти, если бы пришлось отыскивать жертвы его подлости по его указаниям. К счастью, некоторых мне уже удалось найти. Я встретил сына Мартина и помог всей его разорённой семье, отчаянно нищенствовавшей, снова стать на ноги. Теперь вопрос только в передаче им части содержимого из этого пакета, да ещё надо отыскать детей невинно повешенной женщины. То была венгерская цыганка, красоты редкой. Я беру на себя это нелёгкое дело. Что же касается Дженни, то с вами, конечно, поговорит ваш верный друг Флорентиец. Я же

должен немедленно выехать в город.

Сенжер поспешно вышел из кабинета, обменявшись многозначительным взглядом с Флорентийцем.

— Кто этот Флорентиец, адмирал, и почему бы ему быть мне другом, да ещё верным?

— Это я, мой капитан, а потому неудивительно, что я ваш верный друг. Я действительно родом из Флоренции. Когда-то, очень давно, у меня были основания скрывать своё имя. Я жил под прозвищем, которое с годами стало моим именем. Так я и остался Флорентийцем. Но об этом мы поговорим как-нибудь ещё. Сейчас я хотел бы объяснить вам, что Сенжер вовсе не жесток по отношению к Дженни, как это вам показалось.

Помните ли вы наш первый разговор в деревне? Я говорил вам о такте. О том, что надо различать, куда, как, когда можно идти со своей помощью. Вы должны понять, что нельзя врываться в чужую жизнь, если не обладаешь достаточными знаниями помимо отваги и храбрости. Если бы вы бросились сейчас на помощь Дженни, не зная даже, как защититься от гипноза таких мелких злодеев, как Бонда и его племянники, результат был бы один: у Бонды появился бы слуга на роли Мартина. Для него это была бы большая находка, для Дженни лишней лакей без чести и совести, которых она вас лишила бы при помощи своего отца. Ну, а для вас — решайте сами, мой капитан, в каком положении я бы вас нашёл, когда явился бы вас выручать.

Если вы желаете и впредь быть моим сотрудником моим капитаном, то вот вам мой приказ: не входить ни в какие разговоры и переписку с Дженни. Вы должны оберегать Алису и не допускать к ней, пока мы в Лондоне, никого из компании Дженни, а не только её самой. Если вы искренне сострадаете Дженни и дорожите её возможностью быть когда-нибудь вырванной из кольца зла, куда она сейчас прочно заточена, хотите в действительности, а не на словах помочь вечному спасению Дженни, — ни шагу дальше тех границ, которые я поставил вам сейчас.

Я сказал Дженни при вас, что именно тот, кого она так оскорбила, сможет стать её спасителем и своей рукой привести её в дом сестры. Но «может» не значит «будет». Чтобы это совершилось, надо, чтобы у вас хватило сил. Чтобы вы обладали достаточным знанием, верностью и самообладанием, дабы не дрогнуть в ту минуту, когда понадобится ваше сострадание. Только тогда вы сможете подать Дженни руку помощи, когда в вашем сердце не будет места слезам жалости. Когда вы, сострадая Дженни, будете мужественно видеть не одно текущее её существование, но видеть и вечно держать в памяти всю её вечную жизнь. Когда вы научитесь

понимать, что являет собою ВЕСЬ Труд её жизни, когда вы будете точно знать и ясно видеть, как проходит жизнь человека на земной и небесной орбитах.

Мёртвого или отдыхающего неба, Тендль, не существует. И, вообще, в мире не существует ничего бесплодного и праздного. Земля под паром, и та не отдыхает, энергично готовясь вновь плодоносить. Вы, человек, знаете о многих миллионах движущихся двуногих созданий. Но потому-то вы и видите среди них так много праздношатающихся, что это ещё не людитворцы и строители общего блага, это только полусознательные существа, изживающие низшую стадию своей личности.

Многое вам ещё надо понять. Много знаний приобрести. Хотите ли? Вы дали обет идти за мной со всей своей верностью. День за днём ваша верность должна крепнуть. День за днём должно возрастать ваше бесстрашие, чтобы вы могли идти всё ближе и выше и дальше за мною. Я не стою на месте. Я следую неустанно за Теми, Кто подал мне руку сострадания и любви. Моя верность движется за их верностью, как их верность движется вслед за вечным движением Великих Сущностей. И в этом вечном и неустанном движении к Совершенству — закон Вселенной. Если сердце ваше радуется возможности влиться в это кольцо вечного труда, если мысль ваша счастлива тем, что знает Свет, повторите обет добровольного послушания и идите за мной до конца.

— Есть, адмирал, повторяю радостно, легко мой вам обет послушания. Счастлив беспрекословно выполнять указанное вами, в том числе и то, чего ещё не понимаю.

— Итак, мой друг, вот вам мои первые указания: ни слова в ответ на письма Дженни. Ни одного свидания с нею, даже если она будет обращаться к вашей чести джентльмена. Закаляйте волю. Смотрите без осуждения на все зигзаги её поведения и шлите ей то сострадание, которое может избавить её пусть даже от одной лишней капли мучений. Собственной вашей любовью стройте ей мост. И на этом мосту, на его чистых досках, которые вы станете укладывать сами, одну за другой, Дженни сможет когда-нибудь ухватиться за вашу мужественную руку и перейти в счастливый дом Алисы, минуя отчаяние и гибель. Это пока всё, что я даю вам как урок. Пойдёмте слушать музыку, нас ждут.

Флорентиец пожал протянутые ему руки и вышел вместе с Тендлем в музыкальный зал. Зал был ярко освещен и сиял, точно храм во время торжества. Вся семья уже была в сборе.

Графы Р., Лиза и капитан устремились навстречу входившему Флорентийцу, благодаря за неожиданную радость музыкального сюрприза.

— Я счастлив доставить себе удовольствие — увидеть всех вас моими гостями. Но всё же и вы и я обязаны сегодняшней радостью Ананде.

Всем хотелось быть ближе к Флорентийцу, и потому возле него образовалось нечто вроде амфитеатра. Всех, кому суждено было расстаться с ним вскоре, Флорентиец усадил поближе к себе. Тех, кто собирался с ним в Америку, отослал к сэру Уоми, сидевшему в глубине зала. И теперь, как только смычок Ананды коснулся струн, все подняли головы и впились глазами в музыканта, чтобы не оторваться от его сияющего лица до самого конца. И снова присутствующие забыли обо всём условном, распахнув настежь двери своего сердца и разрушив перегородки между собой и теми, кто был рядом.

Нечто великое, божественное выливалось из сердец слушателей, и казалось, нет в зале отдельного дыхания, а есть Единое, нераздельно слитое и спаянное в монолитный шар чарующими звуками Ананды. Только когда замер последний звук, слушатели снова ощутили себя людьми земли, как бы с усилием втискиваясь в привычный телесный футляр. Но Ананда не дал им долгой передышки. Он запел, аккомпанируя себе на рояле.

Алиса, совсем недавно говорившая Флорентийцу, что благодаря Ананде поняла человеческие возможности, теперь осознала, что не всякий бескорыстный и преданный искусству человек может достичь того же совершенства. Она была потрясена. Так, казалось ей, Ананда не пел ещё ни разу. Алисе чудилось, что то не были человеческие звуки. То была стихия, нечто опустившееся на землю из какого-то иного мира.

Языка, на котором пел Ананда, Алиса не знала, мозг её словно перестал работать. Ей мнилось, что она рассталась с телом. Всё вокруг неё заиграло чудесными яркими красками. Алиса видела сейчас не Ананду, каким она его знала, но огромный, переливающийся перламутром шар, казавшийся ей прозрачным. Неопикуемой красоты огненные бабочки летали вокруг шара, создавая иллюзию колеблющегося воздуха. Звуки виделись ей пёстрыми лентами, они сплетались в геометрические фигуры, а руки Ананды сыпали снопы искр и света на клавиши. Алисе стало казаться, что она сделалась ещё легче, что она куда-то поднимается и кружится в этом сиянии. И вдруг она увидела рядом с собой отца.

— Алиса, одно мгновение, и окончена земная жизнь. И нет возможности принести на землю ничего из того, что постигаешь вновь. Помни об этом. Помни, что те, кто может посредством искусства перенести человеческое сердце и сознание в мир сверхсознательного, где ты сейчас находишься, — это не люди, а самоотверженные частицы божественной Мудрости. Они соглашаются принять и носить человеческое тело, чтобы

проложить людям путь Света.

Надо идти за ними. Им надо служить, чтобы через своё грубое тело проносить их тонкие энергии в те грязные и суетные места, куда им самим проникнуть уже невозможно. Помни. Храни чистоту и иди смело всюду, куда Они тебя посылают. Но ни под каким видом не нарушай положенного ими запрета.

Песня кончилась. Алиса точно откуда-то упала, мгновенно ощутив тяжесть своего тела. Она огляделась вокруг и увидела, что находится в кресле, что подле неё сидит сэр Уоми и держит её за руку.

— Молчи, дитя. То, что ты видела и слышала, — только для тебя одной, только твоё. Ты видела, как огонь творчества раскрывает двери духу. Тот, с кем однажды это было, когда-нибудь сможет сам проникнуть в сферу творчества. Запомни, ни слова никому, — сказал сэр Уоми.

— Друзья мои, — поднялся с места Флорентиец. — Сегодня Ананда дал нам прощальный концерт. Очень скоро капитан Ретедли увезёт некоторых из нас в Америку. Пусть эти священные мгновения счастья жить вне всяких условностей, которые мы прочувствовали сейчас, когда в каждом из нас, в той или иной форме, родилась новая творческая энергия, новое понимание того, что надо жить освобожденным и радостным, останутся в памяти навеки.

Вдали, думая друг о друге, будем помнить именно эти минуты единения в красоте. Будем благословлять Ананду. Он помог нам раскрыть в себе высшие силы Любви. Прими, Ананда, дорогой друг и брат, с моим поклоном нашу общую тебе благодарность.

Когда тебе аккомпанирует обычный земной человек, ты шлешь земле песни очищения. Тогда слышится в них вся скорбь земли и вся её радость. И слушатели понимают, чего может достичь человек, прокладывая для своих собратьев тропу к красоте. Но сегодня ты рассказал нам о гармонии своего существа, о Мудрости живой, растворённой в твоей доброте и сострадании. На скорбную, заплаканную землю ты принёс живое небо и показал нам сияющий его кусочек. За одно это мгновение мы утвердились в добре. И каждый из нас по-своему понял, как ещё далёк от совершенства, но не отчаялся, а только осознал в себе силы такта и радости. Силу творить, творить, как может и умеет. Но без слёз, без раздражения, без тупого упорства и упрямства, а наоборот, откинув личное самолюбие и расчёт, легко и бескорыстно.

С этого момента мы уже не будем, мы просто не сможем жить одной только землёй. И всегда будем помнить, что в нас и с нами живёт и трудится живое небо. Будь благословен, Ананда. Привет и поклон твоему

огню, пусть вечность он горит всё также ярко, пусть всякий встретивший тебя омоется радостью в твоей атмосфере.

Не дав Ананде ответить, Флорентиец обнял его и стал прощаться со своими гостями, говоря, что его отзывают неотложные дела. Все поспешили разойтись, чтобы ещё раз, наедине, пережить всё то, что поняли этим вечером. Прощаясь с Анандой, никто не произносил никаких слов, боясь нарушить очарование внутреннего счастья, с которым уходил. В них пульсировала огромная энергия, ибо они знали теперь, знание Вечного, как радостного, чистого труда. Родилось ощущение ожившего внутри аспекта Жизни.

Возвратясь к себе, Флорентиец послал Артура за Амедеем. После разговора с лордом Бенедиктом Амедей почти всё своё свободное время посвящал архитектуре и инженерному делу. Незаметно, но очень внимательно руководимый Флорентийцем, Амедей до неузнаваемости изменился не только внутренне, но и внешне. Куда только подевался прежний рассеянный добряк, не умеющий никого привлечь к труду, а наоборот, портивший всех своей добротой! Амедей стал теперь пристально вникать в дела, поняв, что без урока практической деятельности ему не построить той семьи, в которой могла бы жить и выполнить свою задачу Алиса. Умный и наблюдательный от природы, он поражался жизни лорда Бенедикта и был не в силах мысленно охватить всю разнообразную деятельность своего друга — хозяина дома.

Огромная переписка, постоянное пополнение библиотеки, внимание, от которого ничто не могло укрыться, и неизменная ровная сила любви и доброты к каждому — всё это потрясало Амедее. Ни разу не услышал он раздражённой нотки в голосе лорда Бенедикта, когда тот бывал грозным. Видевший, с каким благоговением Ананда неизменно говорил с Флорентийцем, Амедей сегодня был ошеломлен величайшим смирением, звучавшим в голосе Флорентийца, благодарившего Ананду за пение. Так смиренен был поклон Флорентийца, как будто самому Богу, а не Ананде отдавал его он.

В душе и сердце Амедее, не умевшего ничего делать наполовину, всё ещё не заживала маленькая ранка, откуда — так ему казалось — продолжали сочиться капельки крови. Сознывая, как счастлива его жизнь, любя Алису и вознеся её на пьедестал, он... думал, что рядом с нею ему на этом пьедестале места нет. Если бы не вера в безошибочность знания своего великого друга, он уже десять раз просил бы Флорентийца освободить его от брака с Алисой. Обожая девушку, он чувствовал себя возле неё легко и просто только тогда, когда ощущал себя её братом,

защитником и другом. Как только он начинал думать об Алисе как о будущей своей жене, он терял всякую бодрость, становился робким, молчаливым и казался себе не умнее вороны, возмечтавшей о павлиньих перьях.

В результате этих мук Амедей стал избегать Алису и страшился всякой возможности оказаться с нею наедине. Девушка вначале как будто ничего не замечала, но затем он стал ловить на себе её взгляды, в которых сверкали искорки юмора, такого у неё острого. А в последнее время он стал подмечать печаль, вопрос и даже тревогу в её чудесных глазах, когда они были обращены на него. Сегодня он по обыкновению внимательно следил за нею и восторгался её игрою, сливая её и музыку воедино. Но он не терял ощущения плотной формы, отлично сознавая всё окружающее, знал, что перед ним сидит Алиса, которую он обожает и без которой для него нет не только радости, но и жизни вообще.

Что же, случилось, когда Ананда запел один? Почему он, Амедей, забыл об Алисе? Забыл о своём личном счастье? Забыл о времени? Он знал теперь, четко и ясно, что Жизнь — это и есть полная свобода от возможности страдать и бояться. Что земная жизнь полноценна только в том случае, если в свободном сердце звенит звук, всё собирающий в одно неразрывное кольцо радости. И таков звук, летящий из уст Ананды.

Так сегодня в сознании Амедея зазвучало понимание того, что есть Любовь. Любовь не требует, не нуждается в том, чтобы ей давали. Она сама отдаёт. И живёт она только потому, что отдаёт. Иначе она потухла бы. Амедею казалось, что это не Ананда был у рояля, а горел там костёр, не Флорентиец сидел, окруженный людьми, а костёр, от которого распространялись во все стороны огромные ленты и словно проникали в сидящих рядом людей. От сэра Уоми тоже исходило пламя, и все трое подымались, как столбы огня, к самому потолку, там соединялись и двигались, словно гигантские пламенеющие цветы.

Амедей вспоминал эту привидевшуюся ему картину, и ему становилось легко. Закрылась кровоточившая рана и раскрылось его духу то счастье жить, когда понимаешь своё место не только на земле, но и во Вселенной. Он вспомнил слова Флорентийца о том, что мир в сердце человека настаёт, когда он начинает понимать это...

К нему постучали, и Артур передал ему просьбу Флорентийца спуститься. Уже на лестнице Амедей почувствовал себя как-то необычно. В первый раз ему было легко и просто войти в комнату Флорентийца. Ему казалось, что он всё теперь воспринимает по-новому, — и ночь, и Артура, и Сандру, встретившегося и улыбнувшегося ему: всё казалось ему не таким,

как вчера. Когда Амедей вошёл, Флорентиец стоял один посреди комнаты в своей белой, шитой золотом одежде. Ещё никогда не видел его Амедей таким прекрасным.

— Что, мой друг, сегодня даже среди ночи видишь сияющие небеса? Вот что значит освободиться от одной только ранки, которую берedit личное страдание. Присядь здесь, Амедей, рядом. Сейчас ты уже и сам понимаешь, почему я так долго не говорил с тобой. Ещё вчера я должен был истратить тысячу слов и, возможно, ни в чём тебя не убедил бы. Нельзя поднять человека на новую ступень духовного развития, сколько бы ни силился показать ему мудрость, находящуюся в нём и рядом с ним. Когда же эта Мудрость, у каждого по-своему, по самым разнообразным причинам, шевельнётся внутри, человек в одно мгновение может оказаться не только на другой ступени сознания, но и совсем в другом звене той золотой цепи, что опоясывает всех людей, как сила и энергия Вселенной, ежеминутно творящая и бросающая на землю свои искры.

Тот, кто может видеть их и слышать, вплетает их в свой труд. И тогда люди называют его гением, озарённым. Но дело не в гениальности, а только в ожившей частице, в шевельнувшемся внутри аспекте Мудрости, в осознании полной, до конца, освобождённости в своём труде.

Твоё сердце раскрылось внезапно. Ты забыл о себе. Ананда помог твоей доброте вырваться на свободу. И она объяснила тебе, что Жизнь — это Свет на пути человека. Свет этот не гаснет, не мигает и не подавляется ничем, если его не тушить мыслями о себе, сомнениями и страхом. Ты видел сегодня красные ленты любви, подобно пламенным канатам связующие людей между собой. Ты смог увидеть их, потому что уже способен связать себя с людьми цельной преданностью, не требуя благодарности взамен. Это твой путь — путь любви, милосердия и доброты. Сейчас ты идёшь за мной, так как тебе надо учиться огромному такту, уверенности в себе и умению руководить людьми, прежде чем ты построишь дом и семью для Алисы и тех, кто обретёт у вас приют. Сначала же постигни, что такое такт, пойми, как следует нести доброту и милосердие. Сегодня мне уже не нужно говорить тебе о том, чтобы ты изменил своё поведение по отношению к Алисе. В тебе уже нет прежней горечи и гордыни, из-за чего и сочилась из тебя та кровавая жидкость. Ты считал, что то была рана смирения, а на самом деле всё обстояло наоборот.

Сегодня тебе стало ясно, что смысл жизни в том, чтобы слиться в любви с теми, кто, как и ты, идёт по земле. Ты увидел, что только таким путём можно подняться на духовные высоты и встретить горячую любовь тех, кто прошёл дальше нас в своём совершенстве.

Идти путём доброты, любви и самоотречения вовсе не значит потерять здравый смысл, чтобы забыть о себе так, как это понимал Диоген, на самом деле не забывавший о себе ни на миг. Твоя роль не только в том, чтобы стать мужем Алисе. Ты ещё и будущий строитель общины, и носитель новой идеи общественной жизни, и воспитатель тем, кого ты в это воплощение считал выше себя и кто придёт к тебе снова ребёнком. Для всех этих ролей необходимо полное самообладание. Вдумайся, что это такое? Это такая освобождённость от страстей, когда ни одна из искр, брошенных тебе кем-то в раздражении, не может возбудить в тебе ответной страсти, ответного раздражения. В твоём свободном от зла сердце страстям остаётся только угаснуть.

Мы уедем через два дня. Найди возможность высказать Алисе свою глубокую любовь и радость. Бедная девочка, видевшая так много измен и предательств, молча страдает, полагая, что не слишком нравится тебе. Не особенно-то яркое счастье думать, что на тебе женятся, выполняя чей-то наказ. Я вижу, как ты поражен тем, что Алисе могла явиться такая странная мысль. Вот тебе и первый урок такта, который надо пройти. Не принимай никакого участия в борьбе Дженни и её приятелей. Во время нашей разлуки будь подле Ананды. А пока здесь Сенжер, будь подле него. Он великий знаток технических наук.

Надеюсь, что свидимся раньше, чем пройдёт два года. Будь здоров, мой сын. Мужайся и работай так, как будто я всегда рядом. Просыпаясь утром, становись на дневное дежурство у Вечности. Отходя ко сну, ей же дежурство сдавай. Если будешь думать, что я рядом с тобой, мы станем дежурить вместе. Отдавай каждому делу всё внимание, каждой встрече — всю полноту чувств и мыслей. И день за днём ты будешь крепить нашу связь.

Сердечно обняв Амедю, Флорентиец отпустил его и сел к своему письменному столу. Давно уже спал весь дом, а в комнате хозяина всё ещё работали. Склонясь над картой, что-то обсуждали с Флорентийцем сэры Уоми и Сенжер, а Ананда записывал их решения на листах бумаги, кипа которых всё росла. Так застал их рассвет.

Глава 21

ДЖЕННИ И ЕЕ СВИДАНИЕ С СЭРОМ УОМИ

После напряжённого ожидания Алисы и матери в музейном зале, где Дженни надеялась легко завладеть обеими, потому что ей казалось, что она всё безошибочно рассчитала, Дженни позвала на совет Бонду и мужа. Бонда, пустивший в ход все известные ему средства, чтобы вернуть себе голос, так и не смог ничего поделать и продолжал говорить хриплым шёпотом, да и то с большим трудом. И чем больше он бесился, тем труднее было ему говорить.

С тех пор как Дженни увидела, что он бессилён помочь самому себе, она перестала его бояться. Прежний страх сменился презрением. А то обстоятельство, что Бонда не доверял ни одному из своих племянников и обращался к Дженни с просьбами помочь в разных его делах, потому что отсутствие голоса не давало ему возможности объясниться, а плохое знание языка мешало переписке, ставило его в какое-то заискивающее и несколько подчинённое положение по отношению к Дженни.

Боясь Браццано, приказаний которого — и самых главных — он не выполнил. Бонда не забывал, что Дженни была его дочерью, и стремился её задобрить. Хотя он и не пленился Дженни, но сумел оценить её хитрость и злобу, понял, что врагом она ему будет беспощадным, и решил сделать всё, чтобы оказаться ей полезным, а если удастся, то и необходимым. Поэтому, получив записку Дженни с просьбой зайти к ней следующим вечером по важному делу. Бонда обрадовался и решил разыграть перед Дженни роль преданного друга и верного помощника. Он стал обдумывать план дальнейшего поведения, стараясь приготовить именно такие крючки приманок, на которые — он полагал — рыбка всего скорее клюнет.

Что же делала эти два дня Дженни? Почему она отложила совет со своими друзьями, вместо того чтобы немедленно действовать с ними заодно?

Дженни всё ещё не считала себя окончательно побежденной и устремила своё внимание на голубоглазого простака, как она окрестила сэра Уоми. Ей пришло в голову, что он мог и не получить её письма, что отвратительный хозяин дома мог и не отдать его, если почта попала ему в руки. Дженни решила ещё раз писать добряку и разыграть перед ним оскорбленную женщину, надеявшуюся на джентльменскую помощь, а

получившую в ответ невежливость.

"Я даже не знаю, что мне теперь думать о Вас, сэр Уоми, — писала Дженни. — Если бы хоть на одну минуту я могла допустить мысль, что Вы получили моё письмо и не ответили мне, я бы, разумеется, не писала Вам. Я считала бы, что мужчина, кавалер, каким должен быть каждый англичанин, не ответивший даже на письмо, не достоин внимания. Но так как я писала одновременно матери и сестре и от них также не получила ответа, я поняла, что ни Вы, ни они моих писем не увидели.

Мне не хочется повторяться. Я приступаю к главному: мне надо увидеться с Вами. Не только для меня одной, но и для пользы и безопасности моих матери и сестры.

Мать моя всю жизнь была неумна и безалаберна. А сестра настолько ещё подросток, что её сумбурности удивляться не приходится.

Я надеюсь, что Вы поможете мне их спасти из страшных лап лорда Бенедикта, куда они попали по своей неосмотрительности. Отчасти, конечно, по вине отца. Несчастный мой отец передал Алису лорду Бенедикту, а мать мою тот сам насильственно увёз из дома. Вы, конечно, ничего этого знать не можете, как и многого ещё другого о поведении Вашего хозяина, на что я Вам постараюсь открыть глаза".

В этом месте рука Дженни слегка дрогнула. Она вспомнила о трёх письмах, полученных ею от лорда Бенедикта, вспомнила, что она их даже не прочла толком, но что они были к ней милосердны, вспомнила его слова в конторе, и у неё даже началось сердцебиение. Но она не позволила себе распуститься, жадно схватила папироску, всегда услужливо приготовленную, затянулась несколько раз, прогнала назойливый зов совести, усмехнувшись так нагло и зло, что сам Браццано остался бы доволен, и продолжала писать.

"Не стоит нам с Вами тратить ни силы, ни энергию на перечисление чужих грехов. Лучше нам встретиться, хорошо понять друг друга и разгромить армию врага, раньше чем он успеет собраться с силами. Для меня, конечно, самое противное — явиться в дом лорда Бенедикта. Но если Вам это удобнее или, по-Вашему, мне полезно побывать самой в его доме, я, разумеется, приеду и туда, победив своё отвращение к воздуху, которым наполнен этот дом".

Подписавшись «друг», Дженни осталась довольна письмом, вызвала посыльного, приказала немедленно отправиться по адресу и без ответа не возвращаться. Покончив с этим, Дженни оделась и пошла по своим делам, как сказала мужу. На самом же деле она решила издали понаблюдать за особняком лорда Бенедикта, так как ей смертельно скучно было ждать

ответа. Но сделать этого Дженни не удалось. При входе в отель на неё налетел Бонда, державший в руках телеграмму. Лицо его было так мрачно и бледно, что Дженни поняла всю серьёзность дела, для которого он звал её к себе. Войдя в свою комнату, Бонда молча протянул ей телеграмму. "Мартин скончался. Пересылаю письмо. — Тендль", — прочла Дженни.

— Каким образом мог ускользнуть от нас этот прохвост? — хрипел Бонда. — Неужели же, если я был болен и не мог сам присмотреть за ним, ни один из моих племянников не догадался этого сделать. Я в отчаянии, Дженни, — прибеднялся Бонда, стараясь втянуть её в свои дела и сделать как можно скорее своей сообщницей. — Прочтите это проклятое письмо. Там будет и для вас кое-что не очень-то приятное. Но вы не обращайтесь внимания. Вникните только в суть: Мартин изменил нам перед смертью. Вы ещё очень мало знаете, поэтому не можете оценить всей неприятности этого факта. Но факт тот — и вы это запомните — что человеком можно воспользоваться даже тогда, когда он умер. Но этот мерзавец нашёл себе защитника, и теперь никто из нас пока не сможет до него дотянуться. Но это только пока. Если заполучить Алису, — наше дело в шляпе.

Хорошо, если вы найдёте кого-нибудь, кто был бы не глуп и смог пробраться в дом лорда Бенедикта. Если бы только он сумел набросить на шею вашей сестре одну вещицу, всё было бы в порядке, — хрипел Бонда, пронизывая Дженни глазами, которых она теперь совсем не боялась.

— Ваши вещицы, похоже, мало стоят по сравнению с теми заклятиями, которые знает лорд Бенедикт, — нагло хохотнула Дженни.

Глаза Бонды метнули искры бешенства, что тоже повеселило Дженни, но всё же она поняла, что власть его над нею ещё огромна, так как почувствовала вдруг, будто он ударил её прямо в грудь. Робости Дженни не выказала, но хохотать перестала. В свою очередь Бонда овладел собой.

— Та штучка, что у меня приготовлена для Алисы, похитрее вашей, должно быть, — и пока Дженни раздумывала, сказать ли Бонде о своих планах, он подал ей письмо. Взяв его в руки, Дженни поразились. Было видно, что письмо писали много дней, оно было измято и запачкано чернилами и какими-то рыжими кляксами, точно писавшая его рука кровоточила.

"Пишу тебе, проклятый Бонда, это письмо, потому что хочу рассчитаться с тобой перед смертью. Если бы не встреча с тобой и не подлый обман, которым ты меня заманил, я бы не лежал сейчас умирая. Даже рассчитаться с вами, моими душегубами, я не имею сил. Вы бросили меня, как собаку, когда я заболел. И если бы меня не подобрали те, кого вы зовёте своими врагами, я так и не знал бы, что такое жизнь в добре и свете,

над которыми кощунствовал вместе с вами".

В письме следовал пропуск, видно, писавший устал, сделал перерыв и продолжал несколько изменившимся почерком.

"Теперь я не торжествую, что сделал всем последнюю пакость и освободил мой дух от вашего мерзкого влияния. Я понял что-то большее, чего вам не понять и о чём с вами и говорить бесполезно. Но лично тебе, Бонда, и трижды проклятому Браццано я не прощаю подлости, с которой вы меня сгубили. Всё, что вы заставляли меня красть, я крал, себя не забывая. И здесь мы квиты. Но то, что вы украли у меня семью, моё сердце — этого я не прощаю и вознаграждаю себя, но как, вам этого не узнать. Знайте только, что здесь я отомщен. Можешь передать Браццано, что его прелестной дочке, которой вы все помогаете потерять человеческий образ, я тоже в этом усердно помогаю и буду помогать ещё усерднее из гроба".

Снова следовал перерыв, и через несколько строк, уже более слабым и менее разборчивым почерком было написано:

"В итоге жизни знаю только одно: вы все погибнете скоро. Ваша же подружка, дочка Браццано, испив с вами всю чашу мерзостей, всё же от вас сбежит. Смотрите за ней хорошенько, не то она вас всех подведёт. Если ты, Бонда, будешь умирать, как умираю я, то с меня будет довольно. Но, думаю, что ничья милосердная рука тебя, душегуба, не подберет. Браццано проклиная, дочь его проклиная, и с этим ухожу. Вы сделали моё тело кровоточащим, ну а я все ваши тайны отдал тем, кого вы считаете врагами. Попробуйте теперь с ними сражаться.

Может быть, ад меня пожрет через несколько часов, но каждый из вас не будет знать ни минуты покоя, так я проклиная вас за все муки, которым вы меня подвергли. Тот, кто был когда-то человеком и назывался Мартин".

— Зачем вы дали мне читать этот бред сумасшедшего? О какой дочери Браццано он говорит?

Бонда ядовито усмехнулся, и, казалось, его улыбка говорила: "А я думал, что вы умнее и проницательнее", но сказал только следующее:

— Я дал вам прочесть эту галиматью, чтобы вы поняли, что ни на кого, кроме меня и Браццано, нельзя полагаться. Даже муж ваш — и тот ненадёжен. Если вы сумеете привязать его к себе, тогда, пожалуй, ещё можно говорить о каком-либо доверии. Но... я бы вам советовал не доверяться ему в серьёзных делах. Что касается Алисы, то здесь лучше всего завести дружбу с кем-либо из живущих в доме лорда Бенедикта. Мне казалось бы, что Тендль фигура самая подходящая. Его можно обворовать и добиться тайного свидания с Алисой. А нам только это и нужно.

— Добиться свидания с Алисой легче, чем вы думаете, дядюшка. И

может быть, это скоро совершится. Подождите до завтрашнего вечера, тогда я вам, может быть, и скажу что-нибудь приятное по этому поводу. Теперь же мне надо идти. Но почему вас так тревожит смерть Мартина? Я вас ещё ни разу не видела таким мрачным.

— Вскоре вы о многом будете думать иначе. Сейчас могу вам сказать одно: нерадостна будет наша встреча с Браццано, если явимся к нему без Алисы да ещё без Мартина.

Расставшись с Бондой, Дженни перестала о нём думать. Она совершенно забыла о письме Мартина и о нём самом, а думала только, что ответят на её письмо, и о свидании с сэром Уоми, которого теперь ждала ещё нетерпеливее. Мысли её вертелись в комнатах дома лорда Бенедикта, и она представляла себе, как найдёт Алису и привезёт её к Браццано. Почему Браццано так добивается Алисы? Уж не дочь ли она ему? Дженни даже остановилась, настолько эта мысль показалась ей глупой, ведь Алиса была так похожа на пастора. Но о себе Дженни ни на миг не задумалась, хотя что-то кольнуло её в сердце остро и мучительно. Дженни вернулась к себе и нашла здесь посыльного. Приняв своё собственное письмо, которое ей подали, за ответ сэра Уоми, разочарованная Дженни зло закричала:

— Что это значит?

— Джентльмен, которому адресовано письмо, уехал на пристань и вернётся только к трём часам, так мне сказал его слуга.

— Ну так вам следовало сидеть и ждать. Я велела без ответа не являться. Отправляйтесь обратно, ждите и немедленно везите ответ, — уже приходя в неистовство, кричала Дженни.

Было около двух. Дженни подумала, не поехать ли ей самой на пристань и постараться невзначай встретиться с голубоглазым. Но до пристани было далеко, и завлекать кавалера на улице ей показалось делом нудным. К тому же Дженни отлично знала, что на открытом воздухе она совсем не так интересна. Она решила отправиться к модному портному и выбрать себе элегантное чёрное платье, вроде того, в котором последний раз видела Алису.

Выполнив эту свою прихоть, Дженни зашла в кафе, чтобы подольше не возвращаться домой. Пусть ответ сэра Уоми уже ждет её. Сидя за чашкой шоколада, которого ей совсем не хотелось, Дженни в первый раз почувствовала себя одинокой.

Когда она писала об этом в письмах, она только подбирала жалостливые слова, но в душе её этого чувства не было. Теперь же, наблюдая парочки и дружные семьи, Дженни вдруг задала себе вопрос: "Что же дальше?" Сколько она ни спрашивала мужа, так толком и не могла добиться, куда они

едут. Сначала он ей говорил, что в Константинополь, потом несколько раз упоминал какие-то захолустные австрийские городки, куда они отправятся повидаться с Браццано, который лечится на курорте.

На Дженни накатило уже знакомое ей бешеное раздражение, злоба на мать, которая стала казаться ей виновницей всех её несчастий. Дикая ненависть вспыхнула вдруг в Дженни. Ей подумалось, что сначала она должна отомстить пасторше, бросившей её в самое тяжёлое для неё время. Но Дженни сдержала себя и решила не менять план намеченных действий. Выйдя из кафе, она пошла пешком, чтобы дать себе время успокоиться. Дома её ждал короткий ответ на телеграфном бланке:

"Сэр Уоми будет рад принять синьору Седелани завтра в два часа дня".

Здесь же был указан адрес дома лорда Бенедикта и подпись секретаря, которую Дженни не удосужилась даже прочесть. Снова в ней поднялось раздражение. Верившая благодаря возносившей её матери, что перед её чарами никто не устоит, если она захочет кого-то обольстить, Дженни считала, что сэру Уоми следовало самому поспешить к ней или, по крайней мере, написать, а не через секретаря назначать ей свидание.

"Подумать только, какими министрами воображают себя эти господа из бенедиктовой лачуги", — зло подумала Дженни. У неё мелькнула было мысль посоветоваться с Бондой и сказать ему, что она собирается завтра побывать в особняке и повидать Алису. Но злорадное желание восторжествовать и показать Бонде, насколько она хитрее и дальновиднее, её удержало. Бонда же, очевидно, что-то подозревал, так как явился невзначай вечером, пригласив молодых отобедать с ним в шикарном ресторане. Глаза его пронизывали Дженни насквозь и шарили по всем столам. Но молодая женщина, ещё так недавно разбрасывавшая письма и вещи по всей комнате, была теперь необычайно аккуратна, так как не раз убеждалась, что все её платья и бумаги кем-то просматриваются. Она внутренне посмеялась над беспокойством Бонды и согласилась посидеть среди нарядной публики, послушать лёгкую музыку, скоротав время до завтра.

Кроме ухода за своим телом, которое Дженни начинала обожать, её можно было застать за модными романами, ими снабжал её муж, усердно развивая в жене страстность и чувственность. Если бы пастор мог увидеть теперешнюю Дженни, над воспитанием которой он когда-то так много трудился, стараясь пробудить в ней интерес к науке и работе мысли, он был бы потрясён. Для неё не существовало ничего, кроме её собственной особы и заботы о том, чтобы повсюду первенствовать. Причём сама Дженни довольно смутно себе представляла, в чём это заключается.

Она считала, что именно богатство давало пальму первенства лорду Бенедикту. Стать богатой и решила Дженни. Но прежде надо наказать мать и Алису, не имевших права на ту роскошную жизнь, какую они сейчас вели. Дженни тряслась от ненависти, представляя себе, как купается Алиса в роскоши, что полагается прекрасной Дженни, а вовсе не дурнушке-сестре.

— Вы давно имели какие-нибудь сведения о сестре? — расслышала Дженни хрип Бонды во время музыкальной паузы в роскошном зале ресторана, где они все делали вид, что мирно обедают. На самом деле в душе каждого, особенно в душе Анри Дордые, узнавшего сегодня о смерти дядюшки, весёлого Мартина, было тяжело и даже мрачно. Анри выразил желание похоронить Мартина, на что Бонда гневно ответил, что надо было в своё время позаботиться о больном дяде, а не развратничать и развлекаться, пока больница не похоронила безумного бродягу. Бонда скрыл истину от Анри, о чём просил и Дженни. Он сказал только, что Мартин упал на улице без сознания, был подобран полицией, и он. Бонда, с большим трудом узнал о его смерти через своих агентов.

Сейчас, за ярко освещенным столом, среди разодетых женщин, красавец Анри мог бы уловить не один восхищённый взгляд. Его бледное лицо с прекрасным овалом, стройная, высокая фигура — всё так обманчиво скрывало чудовищную духовную нищету юноши. Обычно жадный до денег, роскоши и успеха среди женщин, он искал и любил выбирать тех, кто мог осыпать его подарками. Но сегодня Анри не замечал никого. Его глаза, очень красивые, серые, с густыми чёрными ресницами, смотрели сосредоточенно, даже зло. Прежде он старался быть любезным кавалером Дженни, не отказывая себе в удовольствии поддразнить Армандо. Но сегодня он несколько раз зло посмотрел на наряженную в ярко-фиолетовое платье Дженни. Она была действительно очень хороша. Рыжая голова переливалась всеми оттенками яркой меди и золота, нежная атласная кожа привлекала взоры не меньше, однако Анри всё в ней было противно.

"Вот тебе и финал", — думал он о Мартине, который бывал к нему добр. Вечно пьяный и вечно занятый делами Бонды, в редкие минуты трезвости или нездоровья Мартин становился печальным, грустно смотрел на Анри и говорил:

— И у меня был сын. Ему было бы столько лет, сколько тебе, но я его потерял.

Но мгновения эти бывали короткими, как вспышка молнии, Мартин вновь принимался хохотать и кощунствовать и в пьяном угаре орал: "На нет и суда нет". Сейчас перед Анри вставало его печальное лицо. Он дорого бы

отдал, чтобы вырваться из этого освещенного зала с пошлой музыкой, чтобы побродить одному по тёмным и безлюдным улицам.

"Конец Мартину, — думал Анри. — А что видел Мартин? Подневольный труд на Бонду и Браццано. Неужели он был нищим, и всё богатство, добывавшееся его руками, лежит в карманах Бонды и Браццано? И достанется этой смазливой врунье". Так он раз и навсегда окрестил Дженни, убедившись, что она обманывала их, уверяя, что Алиса дурнушка. Анри, увидев Алису, поразился её красоте и не мог её забыть. Он готов был рисковать, лишь бы добыть Алису, в которой мечтал видеть свою будущую жену.

Дженни и Бонда, ни на минуту не сомневавшиеся, что Алисы он не увидит не только в качестве жены, но даже родственницы, разжигали влюблённость Анри, преследуя свои цели. Мысленно сравнивая сейчас Алису и полунагую Дженни, Анри остро негодовал, глядя на Дженни и Армандо, публично разыгрывавших влюблённых. Нотка раздвоенности, какого-то необъяснимого недовольства, упрёка самому себе всё сильнее звучала в Анри, упрямо вызывая образ Мартина.

— Алиса и мать сидят в крепости у лорда Бенедикта, но это не мешает им мне писать, — нагло лгала Дженни.

— Значит, вы совершенно уверены, что они обе в Лондоне? — снова спросил Бонда.

— Сегодня я получила телеграмму из особняка лорда Бенедикта, — нарочно громче, чем необходимо, ответила Дженни, чтобы привлечь внимание Анри, казавшегося рассеянным, но который на самом деле чутко прислушивался к разговору своих соседей.

— И что же говорится в телеграмме? — недоверчиво спросил Бонда.

— Об этом я вам скажу завтра вечером, как уже имела удовольствие вам доложить, — смеялась Дженни.

— Странно, очень странно, — помолчав, задумчиво сказал Бонда. — Мой агент уверял, что сам видел, как ваша мать сегодня в четыре часа выехала с вещами в сопровождении молодой леди и джентльмена из особняка лорда Бенедикта.

— Ну что же, быть может, она одумалась и возвратилась домой, — нарочито беспечно сказала Дженни, не показывая вида, что известие это её взволновало.

— Нет, дома её нет. Я там был. Там всё по-прежнему наглухо закрыто со всех сторон.

— Очевидно, маме понадобилось что-нибудь из вещей, и она с Алисой и Сандрой ездила туда, а затем вернулась. Ваш агент был, верно,

недостаточно внимателен и не проследил за её возвращением, — обрадовалась Дженни случаю его уколоть.

Но Бонда даже не заметил этого и сказал Анри: — Теперь Мартина нет. Рассчитывать не на кого. Тебе придется завтра понаблюдать за твоей невестой. Я не хочу верить сплетням, но мне говорили, что лорд Бенедикт собирается всех нас перехитрить и сам женится на Алисе, увезя её отсюда. Мы не можем этого допустить.

Бонда рассчитал свою стрелу правильно. Возмущившийся было таким недостойным поручением, как наблюдение за особняком Бенедикта, Анри, услышав продолжение фразы и, представив себе молодого, богатого красавца, каким он видел лорда Бенедикта, зажёгся ревностью, легко поверил в истинность слов Бонды и решил взяться за дело. В расчёты Дженни вовсе не входило быть выслеженной Анри. Она озлилась и готова была резко отчитать Бонду, но вместо этого, хитро прищутив глаза, сказала:

— Пока жених будет топтаться у особняка, его невеста проведёт со мною несколько приятных часов в музее и кафе. Не лучше ли будет явиться ему невзначай в любимое кафе Алисы и доставить нас в карете ко мне в отель? Завтра около трёх мы будем с Алисой в кафе у Б-ского моста.

— Почему же вы мне ничего об этом не сказали? — прохрипел Бонда.

— Я уже вам объяснила, что пригласила вас к себе на совет. Нельзя делать большое дело, докладывая о нём всему свету. Я предполагала шепнуть об этом Анри до обеда. Но он всё время так мрачен, что я отложила своё сообщение до возвращения домой. А вышло всё иначе.

Когда хочется верить, верят самым невероятным вещам. А когда вас уверяет с огромным апломбом красивая женщина, верится ещё легче. Анри развеселился, забыл о Мартине и Дженни стала казаться ему приятной и родственной Бонда, расстроенный своей болезнью, смертью Мартина и ещё целой вереницей неудач, которые он тщательно скрывал от всех близких, несмотря на то, что имел основания не особенно доверять Дженни, всё же с облегчением вздохнул. Он хотел было предложить, что сам поедет с Анри, чтобы вернее подцепить птичку, но подумал, что иногда самые большие желания исполняются неожиданно, только не надо мешать.

Он уже решился передать Анри дорогой талисман, предназначенный для особо важной цели, который Браццано велел ему тщательно хранить. Но Дженни, предвосхищая его, сказала:

— К завтрашнему свиданию я должна быть хорошо подготовлена. Вы говорили мне об одной вещице для Алисы. Мне необходимо иметь её уже сегодня, чтобы освоиться с нею и примериться, как её набрасывать.

Бонде не хотелось отдавать в руки Дженни драгоценность, которой

Браццано придавал столько значения. Он не мог примириться с мыслью, что уже один драгоценный камень разбит силой сэра Уоми, и в то же время боялся испортить своим упрямством так блестяще начавшееся дело.

Настроение у всей компании значительно улучшилось, и она возвратилась домой. Решили разойтись по своим комнатам после того, как полюбуются прекрасным бриллиантом с розовым отливом на тонкой Золотой цепочке, о котором Бонда им рассказывал. Принеся камень и отдавая его Дженни, он сказал:

— Камень этот Браццано долго носил сам. — Он криво усмехнулся, увидев, что Дженни приложила камень к своей груди. — Вам он не идёт. Рыжим не к лицу розовые и красные тона. Но... быть может, ваша взаимная с Браццано симпатия сделает камень приятным и для вас.

Адское выражение на своей и без того неприятной физиономии Бонда постарался скрыть, делая вид, что что-то уронил на пол. Но зоркая Дженни подметила злобную молнию в глазах жестокого дядюшки. Решив заранее оставить Бонду в дураках, она крепко зажала в руке талисман как залог своей силы и власти над Бондой. Случайно она подняла руку к лицу Бонды и была огорошена получившимся эффектом.

— Тише, — изо всех сил прохрипел Бонда. — Я сказал вам, что вещь эта силы необычайной. Никогда не подымайте её клипу человека. Вы можете его убить и сами искалечиться.

— Вот как, — сказала Дженни, опуская руку. Отпрянувший было Бонда оправился и перестал задыхаться. — Вам следовало объяснить мне это раньше, и я не причинила бы вам такой неприятности. Какие ещё движения я должна делать, чтобы не ранить Алису, а только заставить её повиноваться?

— Достаточно просто накинуть на её шею цепочку, и она пойдёт за вами, как овечка. Но если вы наткнётесь на одного из опытных приятелей Бенедикта, то держите камень в высоко поднятой руке. Можете обмотать цепочку вокруг запястья несколько раз, подобно браслету. Но ни в коем случае не выставляйте его напоказ, если увидите самого лорда Бенедикта. Эта вещь, разумеется, не чета вашему ожерелью, но в борьбу с сим фокусником не вступайте.

— Это хорошо, что вы мне всё объяснили, я буду осторожна.

Радости Дженни не было предела. Несмотря на то, что она держала камень зажатым в руке, она почувствовала, как прибавилось у неё силы, как выросли её дерзость и воля.

— Карамба! — ругался Бонда. — Кто мог подумать, что в ваших руках этот талисман будет столь зловещим? Он долго находился у меня и не

проявлял своих свойств. Очевидно, и в самом деле будете дружить с Браццано.

— Довольно, дядюшка, — как бы невзначай поднимая руку, предупредила Дженни. И эффект розового камня снова поразил её. — Я запрещаю упоминать при мне имя Браццано иначе, чем с моего разрешения. — Она всё ещё держала руку напротив глаз Бонды.

— Повинуюсь, — ответил задрожавший Бонда. — Опустите скорее камень, вы меня убьёте.

Дженни, внутренне торжествуя, что такая огромная власть свалилась на неё нежданно-негаданно, опустила руку. Зевнув, она равнодушно сказала:

— Я устала, хочу спать. — Она снова слегка подняла руку и, подержав её против каждого из троих мужчин, прибавила:

— Дядюшка, идите спать. До пяти вечера не являйтесь. Ты, Армандо, переночуешь в гостиной и тоже завтра, к пяти, явишься ко мне. А вы, Анри, будете ждать у кафе с трех до пяти, а до этого времени сидите дома. Если до пяти часов я вас не вызову, поезжайте домой, это будет означать, что Алиса уже здесь.

Все трое молча поклонились, принимая её приказания, и Дженни ушла к себе в спальню. Она была неопытна и не знала ещё, что приказание следовало закрепить особым способом.

Как только она вышла, все трое точно проснулись. Их возмущение не знало пределов. Оба молодых человека накинулись на Бонду, понося его и спрашивая, давно ли он рехнулся, что дал Дженни камень. Их крики и брань были так ужасны, что Дженни, только что собиравшаяся позвонить горничной, перепугалась не на шутку. Ей почудилось, что мужчины сговариваются её убить. Ужас обуял её. Она схватила камень, снова ощутила прилив дерзости и силу повелевать, распахнула дверь, в которую уже стучал разъярённый Армандо, и поднесла камень к самым его глазам. Армандо отпрянул, пошатнулся и робко произнёс: — Не сердись, Дженни. Я ухожу. До завтра. Ни слова не говоря, Дженни направила камень в самые глаза Бонды, в руках которого была здоровенная плеть.

— Вон, негодяй, — не своим голосом крикнула Дженни. — Ты у меня ещё на коленях будешь просить прощения.

Бонда завертелся, точно его жарили на сковородке, и упал на колени.

— А вы, Анри, хотите того же? — поднимая камень к лицу юноши, спросила Дженни.

— Я буду завтра дома, а затем стану ждать в карете, — ответил Анри, и все трое покинули Дженни, причём из дрожавшей руки Бонды выпала плеть, которую он даже не смог подобрать.

Оставшись одна. Дженни подбросила дров в камин, подняла щипцами плеть и с выражением величайшего омерзения швырнула её во вспыхнувшее пламя. Торжествуя, смотрела она на тлевшие ремни, расхохоталась, когда кожа стала скручиваться и лопаться, и пошла к себе в спальню, впервые в своей замужней жизни оставшись одна. Сбросив нарядное платье, Дженни почувствовала себя такой разбитой и усталой, что заснула, едва прикоснувшись к подушке.

Ночь промелькнула для неё так быстро, что, проснувшись и увидев, что уже одиннадцатый час. Дженни мгновенно позвонила и приказала подать себе завтрак. Обдумывая свой день, она прежде всего справилась, прислали ли платье от портного. Успокоившись, что платье здесь, Дженни приказала горничной повесить его тут же, в спальне, и, завтракая, рассматривала его. Платье казалось ей чересчур скромным, но вспоминая, как была эффектна Алиса в простом чёрном платье, Дженни решила непременно надеть этот новый туалет.

Молодая женщина так долго занималась собой, так тщательно примеряла новую шляпу, пристраивая её к причёске, что не была готова и к часу дня. Раздражившись и в тысячный раз посылая брань в адрес мерзкой девчонки Алисы за то, что некому помочь ей одеться, Дженни вынуждена была оторваться от зеркал и приказала кликнуть кэб. Как это ни было странно самой Дженни, она никак не могла представить себе лица простака Уоми и не знала, с чего начнёт разговор.

Сев в коляску, она решила взять тон избалованного ребёнка, но на полпути передумала. Вспомнив, что должна говорить о сестре-подростке, которую насильно отняли, решила сделать вид брошенной всеми жертвы. Дженни обмотала цепочку с заветным камнем вокруг руки, а уже подходя к дверям дома, крепко прижала к сердцу, призывая на помощь все его чары. Она помнила, что надо избегать лорда Бенедикта, и, входя в холл, бегло оглядела помещение. Убедившись, что кроме слуги никого здесь нет, она успокоилась и сказала, что ей надо видеть сэра Уоми. Слуга, взглянув на часы, заметил:

— Вас ждут уже двенадцать минут. Через сорок минут сэр Уоми будет занят другими делами.

С этими словами он открыл дверь в соседнюю комнату, где за столом сидел сэр Уоми, а стоявший рядом Ананда показывал ему какой-то чертёж.

— Синьора Седелани, — доложил слуга, пропуская Дженни в комнату.

Всё это очень неприятно поразило Дженни. Официальность приёма, то, что слуге сказали её имя, какая-то чинность во всём, то, что сэр Уоми был не один, — всё раздражило Дженни. И несмотря на то, что она прижимала

к себе камень, она чувствовала себя смущённо и очень неуверенно. Кроме того, она узнала эту неприятную для неё комнату, тот самый кабинет лорда Бенедикта, где её ноги приклеивались к полу и она не могла двинуться с места под взглядом хозяина дома.

Две пары глаз посмотрели на её растерянное лицо, и у Дженни похолодели руки. Ей вдруг увиделась вся нелепица её поведения, показалось, что оба собеседника сразу прочли её затаённые мысли, которые, думалось ей, она так хорошо замаскировала.

— В начале четвёртого, Ананда, — сказал сэр Уоми собеседнику, и тот, поклонившись ему и ещё раз сочувственно взглянув на Дженни, вышел из комнаты.

— Я очень прошу извинить меня за опоздание, — сказала Дженни, опускаясь в предложенное ей кресло у стола, хотя до этой минуты ей и в голову не приходило начать с извинения.

— Я так и думал, ведь туалет для дамы всегда на первом месте, — пристально глядя в лицо Дженни, спокойно сказал сэр Уоми.

И опять Дженни почудилось, что он угадывает её мысли. Но гостья овладела собой, улыбнулась и как бы невзначай подняла руку так, что камень сверкнул прямо в глаза сэру Уоми. Не успела она проделать этот маневр, как сэр Уоми преобразился. Точно гневная волна промчалась по его прекрасному лицу, такому доброму и очаровательно спокойному за миг до этого. Глаза сэра Уоми сверкнули, он чуть приподнял руку, и рука Дженни упала на колени, как парализованная.

Не связав воедино этих двух движений, Дженни решила, что она ещё недостаточно знает свойства чудесного камня и что простачок уже готов к обработке. Преспокойно поправив браслет на руке, Дженни развязно сказала:

— Я вам уже писала, в помощи какого рода я нуждаюсь. Мне надо увезти отсюда мою сестру Алису и мать. Обе они пижут, что томятся здесь и просят забрать их отсюда, где живут в заключении.

Усмешка пробежала по лицу сэра Уоми, и глаза засветились юмором. Дженни по-своему истолковала игру лица своего, как полагала она, кавалера, и не дав ему вымолвить ни слова, продолжала:

— Я так и знала, что вы мне поможете. Я не могу в точности вспомнить, что именно вы говорили мне о тот ужасный час в судебной конторе. Да, признаться, и тогда не поняла, о чём вы говорили. Но интуиция мне подсказала, что я найду в вас помощника. Я хочу видеть Алису сейчас же, — закончила Дженни, снова подымая свой камень на уровень лица сэра Уоми.

Эффект на этот раз был самый неожиданный. Сэр Уоми только слегка шевельнул пальцем, а рука Дженни отлетела прямо к её голове и сбила шляпу.

Озадаченная, сконфуженная и обозлившаяся, Дженни готова была сорваться с места и швырнуть в сэра Уоми шляпу, с таким трудом и искусством водруженную недавно на голову. Но руки её, точно деревянные, лежали на коленях, она застыла от неожиданности и удивления и не могла выговорить ни слова.

"Проклятый камень, — думала Дженни. — Наверное, Бонда знал, какие штуки он вытворяет, и нарочно мне ничего не сказал. Ну уж и покажу я ему. Дай только домой вернуться".

Сэр Уоми молча смотрел на обезображенное злобой лицо Дженни.

— Жаль, что в этой комнате нет зеркала. Вы смогли бы запомнить, что идя на деловое свидание, нельзя напускать на себя такой свирепый вид. Это раз. Второе, — кто сказал вам, что Алиса и ваша мать здесь? Ни та, ни другая в данную минуту здесь не живут.

— То есть как? Какой ещё мошеннический трюк проделал ваш хозяин? — закричала Дженни, теряя всякий контроль над собой.

Как она ни пыталась поднять руку, чтобы в третий раз направить луч камня в глаза сэра Уоми, кроме бесплодных усилий, от которых даже лоб её покрылся испариной, она сделать ничего не могла.

— Я приказал вам сидеть неподвижно, — сказал сэр Уоми, и голос его поразил её своей печалью. — Я это сделал, чтобы защитить вас от вашего же собственного безумия, несчастная женщина. Если бы ещё и в третий раз вы дерзнули бы направить на меня ваше ничтожное оружие, которое вам выдали как беспроегрышный талисман, вы упали бы замертво, так как мне пришлось бы коснуться вас, а соприкосновения большой чистой силы с этой погремушкой вы бы выдержать не смогли.

Не стоит проклинать того, кто дал вам этот камень. Над ним, слугой зла, он всемогущ. С вашей сестрой он не имел бы никакой силы, ибо чистота её безупречна. Она не почувствовала бы ничего, но и вам бы не повредила.

Встреча со мною, повторяю, будет смертельна для вас, если ещё один раз вы поднимете камень. И не только на меня, но и на кого бы то ни было в этом доме. Запомните это хорошо.

Теперь к делу. Вы сами знаете, в какой лжи, в каком сплошном обмане вы сейчас живёте. Ваши оба письма, вот они. Возьмите их с собой. Быть может, когда-нибудь вы перечтёте их и найдёте в себе ум и такт действовать иначе. Ваша сестра вторые сутки плывёт по океану с семьёй лорда Бенедикта. А ваша мать живёт в окрестностях Лондона, так как её здоровье

сильно пошатнулось.

Вам самой известно лучше всех, каким здравомыслящим человеком был пастор. Не менее вам известна и его доброта. А о его чести вы будете потом вспоминать всю жизнь.

Вы сказали, что не поняли того, что я говорил вам в конторе. Бедняжка Дженни! К сожалению, я ничего не могу сделать теперь для вас — ни помочь вам, ни защитить. Если бы вы, войдя сюда, принесли хоть каплю любви в сердце, хоть крошечку доброты, я мог бы ухватиться за них и раздуть их в пламя. Но вы пришли сюда, замышляя зло и предательство. Вы жаждали обратить меня, как Бонду, в своего раба и слугу. Вы надели камень Браццано на себя и, повелевая теми, кто в зависимости у него, сами стали его рабой. Скоро ваша жизнь внешне будет блестяща. Но... рана вашего сердца будет глубже, чем всё окружающее вас великолепие.

Ступайте домой. Защищайтесь от Бонды и его слуг вашим камнем, чтобы не быть битой. Но всё же помните, что всякий укротитель, живя с дикими зверями, ненавидим ими и они ждут момента, чтобы его растерзать.

До тех пор, пока в сердце своём вы не найдёте любви к сестре и матери, пока вместо проклятий вы не пошлете им мольбы о своём спасении, и не взываете понапрасну к моему имени. Не пишите мне, это будет бесполезно. Только если вы выполните на земле свою первую задачу — любить людей — вы сможете беспрепятственно найти к нам дорогу.

Урок вашей жизни: искупить предательство. И сколько бы вы истерически ни кричали, что любите сестру, сколько бы ни старались в этом кого-то убедить, мне ваша искренняя любовь, как и ваше лицемерие будут всегда видны. Даже тогда, когда вам самой будет казаться, что вы её любите, и тогда вы будете думать о себе, а не о ней. До тех пор в вашем сердце будет жить лицемерие, а не любовь, пока вы не поймёте свой долг и не скажете себе смиренно: "Мне надо быть подле сестры, чего бы это мне ни стоило и чем бы это мне или ей ни грозило".

Только тогда вы и впрямь забудете о себе. Ваша любовь перестанет быть соображениями практических выгод или страха. И вы откроете себе узенькую тропку к высокому пути, к тому пути, на котором люди ценят свободу не как зависимость или независимость от земных условностей, но как собственное раскрепощение от власти осязаемых ценностей. Только тогда в вас проснется творчество вашего собственного духа. И вы сможете звать меня и искать моей помощи. И где бы вы ни были, в каких бы условиях ни находились, я услышу вас. И помощь моя будет вам дана... Но не воображайте суеверно, что помощь, посланная Великой Жизнью, это

выигрыш в лотерее. Всякую помощь надо заслужить и быть достойным её.

Если вы цените только низменные блага, вроде денег, богатства, драгоценностей и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас ненужное бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончаться разочарованием.

Обо всём, что вы сами себе выбрали, с чем вам теперь придется столкнуться именно потому, что вы связали себя, надев камень Браццано, в эти короткие минуты вам рассказать невозможно. Одно могу сказать вам: не прижимайте к себе так сильно этот камень. Он предназначался не вам, но вы его теперь снять уже не сможете.

Захоти я вас освободить от него, он потеряет всякую силу и вы будете беззащитны перед вашими ужасными спутниками. От них вас защищает сейчас только он. Не бойтесь, что они снимут его с вас. Им это не по силам.

Чтобы защитить вас о Браццано, я кладу запрет на ваш ужасный браслет, и никто кроме меня или моего гонца не сможет снять его с вас. Но это, повторяю, может случиться, когда вы духовно прозреете.

Идите. Вам дана возможность найти путь к спасению. Но сейчас вы погружены в ложь и лицемерие, в такую тьму и зло, что видеть ничего не можете, кроме внешних форм.

— Вы сказали, — зло глядя на сэра Уоми, скороговоркой, точно боясь что-то забыть, говорила Дженни, — что внешний блеск, мечты о богатстве — это всё суета и зло. Позвольте вас спросить, почему же вы сами не живёте в шалаше, в грязи, а принимаете меня в комнате, обстановка которой одна стоит, вероятно, несколько сот фунтов? Почему все, кто окружает вас, живут богачами, а не нищенствуют?

— Вы не поймёте этого сейчас, объясняй я хоть много часов кряду. Можно жить среди самых прекрасных вещей и даже не замечать их. И можно иметь самые ничтожные вещи, окружив себя ими и раздав то, что прекрасно, и всё думать только о роскоши, которую бросил или которой не имел.

Ещё раз повторяю, всё, что я был в силах для вас сделать, я уже сделал. Мой вам последний совет: не ездите сейчас к Браццано. Он ещё достаточно силен, чтобы заставить вас страдать. Но прежней силы он себе не вернёт и через некоторое время погибнет. Если хотите уберечь себя и мужа от бешенства злодея, уезжайте в Рим, где у вашего мужа есть маленький домик. Там вы оба сможете начать трудиться, а вы, с помощью вашего браслета, найдёте себе много даровитых слуг и добудете себе и богатство, и блеск.

Дженни вся дрожала от бешенства. Ярость её была тем сильнее, что она напрягала все силы, чтобы сорвать браслет с руки и направить луч камня в глаза сэра Уоми, но пальцы её едва могли коснуться тонкой цепочки, и она не могла выговорить ни слова.

— Послушайтесь моего совета, Дженни, и поезжайте в Рим. Всё, что возможно, будет сделано мною, чтобы защитить вас и помочь вам. Если же поедете к Браццано, пеняйте на себя.

Сэр Уоми встал и направился к двери, которую раскрыл. Поклонившись Дженни, он тихо прибавил:

— Отговорите Бонду приезжать в этот дом. Если вы не слушаетесь и этого моего совета, вы уедете из Лондона без Бонды, что для вас будет ещё хуже. На вас одной сорвет весь свой гнев Браццано.

Дженни молча вышла из комнаты. Кипя бешенством, страдая от бессилия и ненависти, она села в свой кэб, и чем дальше от дома лорда Бенедикта, тем злее кипели её мысли.

Подъезжая к своему отелю, она приняла два решения. Первое — отправить Бонду немедленно в особняк лорда Бенедикта за теми драгоценностями, которых не сумел добыть Мартин. Второе — как только Бонда доберётся до сокровищ, за которыми его и послали в Лондон, ехать к Браццано и соединиться с ним.

Конец второй части.

FB2 document info

Document ID: 117910

Document version: 1

Document creation date: 15 December 2009

Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

-

Source URLs :

- <http://www.litru.ru/bd/?b=117910>

Document history:

1.0 — создание fb2 — Bykaed

About

This book from library eTextLib (<http://www.etextlib.com>) was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter.

Эта книга из библиотеки eTextLib (<http://www.etextlib.ru>) создана при помощи конвертера FB2EPUB, написанного Lord KiRon.